Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской академии наук»

ИЗБРАННОЕ.
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ ОСЕТИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Р.Г. ДЗАТТИАТЫ

Владикавказ 2018

ББК83.3(2Рос 37)

Скифо-аланское наследие Кавказа. Сборник научных трудов / Под ред. докт. ист. наук А.А. Туаллагова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – 638 с.

ISBN

Научный редактор – доктор исторических наук, зав. отделом археологии СОИГСИ ВНЦ РАН *Алан Ахсарович Туаллагов*

Печатается по решению Учёного совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ББК 83.3(2Рос 37)

ISBN

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Югоосетинская наука с самого начала развивалась в разных направлениях, но прежде всего это проявилось в осетиноведении. Научные изыскания и труды наших историков, филологов весьма впечатляющи, поняты и приняты мировым научным сообществом. При этом следует учесть одну особость: в Южную Осетии научные труды писались не только для узкой кучки специалистов, а для всего населения. Поэтому эти издания почти сразу становились библиографической редкостью. Доходило до того, что некоторые работы нельзя было достать даже в центральных библиотеках. Времена изменились и теперь к счастью, появилась возможность переиздания раритетов, собрания под единый свод работ отдельных авторов, продолжения уже озвученной темы.

Югоосетинская археологическая школа появилась не на пустом месте и сразу заявила о своей состоятельности и научной компетентности. К отцу – основателю Баграту Техову вскоре примкнули Руслан Дзаттиаты, Аким Сланов и Роберт Гаглоев. Так сложилось, что каждый из них выбрал для себя отдельный исторический срез, и это, как оказалось, было к лучшему.

Баграт Техов дал толчок от бронзового века, сконцентрировав свои усилия над раскопками, изучением и анализом Тлийских погребений. Руслан Дзаттиаты расположился ближе к нам – к средневековью. Для кого-то может показаться малоромантичной, находка артефактов приближенных к нашему современному ширпотребу. Но тут как ценить. Могу предположить, что избрание периода для своего изучение связано с родовым местом самого Руслана селом Сба, где сконцентрировано много памятников средневековья. Дело усугублялось рассказами старейшин о великих предках, об их обычаях поведении и нравах.

Руслану Георгиевичу повезло, что среди его наставников оказались не только Баграт Техов и Людвиг Чибиров,

но и такие корифеи мировой археологии как Е. Н. Крупнов и А. П. Смирнов. Участие в первых экземплярах, пока в качестве художника, только укрепило веру в правильности выбранного пути.

Затем последовали свои маршруты и выбранные для рассылок места, которые в итоге привели к выработке своих позиций, своего особого мнения по многим дискутируемым вопросам уже более полувека Р. Дзаттиаты является непременным участником многих археологических форумов, автором более сотни научных и публицистических работ. Многие из них, имея несомненный научный интерес, просто стали недоступными. По этой причине доктором исторических наук Русланом Дзаттиаты было принято решение собрать в единое целое разбросанные по разным годам и изданиям свои труды по археологии и издать их отдельной книгой.

Конечно, в издание не могли война все статьи и публикации автора, для этого понадобилась бы не одна книга. Надо полагать, что отобрано самое главное, то, что сам Р. Г. Дзаттиаты считает наиболее важным, чем он сам более всего дорожит. Такой подход позволяет понять насколько широк научный простор автора, уловить его пристрастия и научные интересы. Материалы сборника размещены в хронологическом порядке, что позволяет не только понять как менялись пристрастия ученого, но и проследить о его географических.

Пересказывать текст книги – занятие малопродуктивное. Это ни некий текстовой монолит, а мозайка из ярких вкраплений, где убаюкивающую старательность взрывает эвристическая мысль. Поэтому книгу надо читать, и будьте уверены, что каждый найдет тему, созвучное ему. Кроме того, можно ли на страничном тексте предисловия рассказать о более чем полувековой упорной содержательной работе ученного? Даже в небольших статьях Руслана Георгиевича врывается дух и темперамент автора. Это – человек всегда в движении, на бегу и замереть его заставляет только очередной раскоп. Многие работы переносят нас из области

археологии во владения чистой истории, этнографии и даже филологии. Остаюсь при мнении, что отдав предпочтение этим разделам осетиноведения, он преуспел бы не менее. Но именно свойства характера, желание к пространственным перемещениям повлияли на окончательный выбор в плане специализации.

Возможно, что главным для себя Руслан Дзаттиаты считает научные труды по результатам раскопок в Дзауском районе Южной Осетии – Сба, Едыс, Ерман, Сохта, Мсхлеб и другие. Это работы классического образца, со своей описательностью и метрической пунктуальности. Но никто из таких археологов не посвятил столько времени изысканиям в отношении катакомб, склепов, башен, и иных строений. Тут сказался и художественный талант исследователя, который, кстати, был одним из учеников самого Махарбега Туганова. Мало кто из археологов иллюстрирует свои труды в данном случае – счастливое совпадение.

Работы подобранные для сборника говорят о разнообразии интересов автора. Кому, допустим, малоинтересны рассказы археологических раскопках в конкретных местах, могут спокойно найти более для себя звучащую тему о тех же Царциатах, Цкурайы фаердыг, о Хрониках кстанских Эриставов, о воинских божествах осетин, о национальном осетинском флаге, о семантике скачек «дугъ» об элементах зороастризма в наших погребениях. Об элементах сасанидской глиптике в горной части Южной Осетии. А тут за ними следуют еще и историко-филологические заметки, которые заставляют открыть глаза на многое.

Руслан Георгиевич, как и все мы, … тяжелейший период, когда распался Союз, когда Южная Осетия подвергалась жесточайшей агрессии, когда встал вопрос о выживании народа. В этих условиях говорить о продолжении научных изысканий было нереально, особенно в археологии. Нашим историкам удалось главное: спасти наши археологические ценности и вовремя вывести их во Владикавказ. Поскольку о

дальнейшей экспедиционно-раскопочной в нашем крае речь уже не шла, наша археологическая составляющая в большой части ушла на север. Руслан Георгиевич стал работать на новых территориях, поменяв привычные Сба и Едыс на Тарское и Даргвас. Но время уже было не то, отношение к предмету стало иным, а тут еще и взгляды со стороны начальства на предмет исследований стали. Вопросительными. Приходилось оставлять себя в струе. Насколько соотносятся северо-осетинский и югоосетинский период научной деятельности доктора Руслана Дзаттиаты – прекрасно иллюстрирует сделанный им подбор дл сборника своих работ.

Не так давно Руслан Георгиевич справлял свой юбилей, и мало кто поверил в правильность озвученной возрастной составляющей. Виновнику торжества принято дарить подарки, но обычно главный из них преподносит сам себе юбиляр. Будем считать, что данное собрание является таковым.

Б.К. Харебов

СКЛЕПЫ ВЕРХОВЬЕВ Р. ЛИАХВЫ

В 1966 г. автор был командирован Институтом археологии АН СССР и Юго-Осетинским НИИ АН ГрузССР для проведения разведок в верховье р. Лиахвы (Джавский р-н, Юго-Осетинской автономной области, ГрузССР)[1].

Древности Южной Осетии уже давно привлекают внимание археологов, историков, этнографов. Обилен и изучается богатейший материал эпохи бронзы и камня. Материал же средневекового периода крайне скуден.

Сохранившиеся до наших дней руины древних поселений, городища, многочисленные башни, склепы и могильники с каменными ящиками еще хранят в себе много неизведанного. Несомненна важность изучения этих памятников, которые могут пролить свет на малоизвестные страницы истории южной окраины Алании. Эта заметка вводит в научный оборот некоторые данные об архитектуре склепов горных районов Южной Осетии. Количество склепов в исследуемом районе явно уступает многочисленным сооружениям подобного рода Северной Осетии, хотя они и были отмечены в селах: Уаллаг, Ерман, Хсайнаг Ерман, Даллаг Ерман, Едыс, Ходз, Кабузта, Челиат, Бритат, Даллаг Сба (Дзаттиаты-кау), Хсайнаг Сба Сба (Абайты-кау), Мидаккаг Сба (Кугом), Згубир, Уаллаг Рук, Дзомаг, Тли, т.е. почти во всех селах, где пришлось побывать экспедиции. Нет склепов (во всяком случае они не обнаружены, а местное население не знает их) в селах Ханыкаты-кау, Ванел, Царит и некоторых др. При разведках встретились только

[1] В работе участвовал Цхинвалъский краевед Р. С. Кочиев. Пользуюсь случаем и сердечно благодарю его за помощь.

полуподземные и надземные склепы. Все они расположены вблизи жилых построек, кроме одного (около с. Дзаттиаты-кау), да и там, в 30-40 м от них отмечены следы разрушенных строений. Все полуподземные склепы в плане имеют вытянутый прямоугольник, а фасадная часть всегда приходится на узкую сторону.

Длина камеры склепов колеблется от 2,8 до 5,6 м. Ширина – от 1,95 до 2,3 м. Высота камеры варьирует в пределах 2,3-3,5 м. Лазы в склепах – это горизонтально вытянутые прямоугольные отверстия. Самый широкий лаз 0,5 м, самый узкий – 0,45 м. Высота боковых стенок лаза – 0,38-0,5 м. Потолки у склепов только сводчатые. Ориентация склепов сообразна с местностью, т.е. склепы фасадом обращены в сторону уклона горы, холма, на котором он стоит. Однако около Даллаг Ерман (рядом с усадьбой Шавлоховых) два полуподземных склепа врыты в один холмик, причем один из них обращен лицевой частью на юг, а другой – на восток. Несмотря на то что внешне склепы кажутся плоскокрышими или с покатой засыпкой, стены их переходят плавно в потолок. Все склепы перекрыты шиферными плитами. (Шиферные плиты изготовлены из сланца, который повсюду встречается в изобилии.) Изнутри, а иногда и снаружи склепы обмазывались местной светлой глиной[1], но обмазка обвалилась и держится только в расщелинах. У лазов (обычно слева) отмечаются одиночные и парные шиферные плиты, выступающие из кладки, в некоторых из них – сверлины.

В камерах склепов имеются выступы, которые, видимо, служили полками, на которых покоились погребенные. Так, в одном из склепов с. Уоллаг Рук в задней стене на уровне 1,3 м выступает на 0,45 м плита, а в боковых сте-

[1] Этой глиной местное население до сих пор пользуется как побелочным материалом.

нах выступы меньше – 11-13 см, эти, видимо, служили не полками, а упорами для поперек уложенных деревянных досок, подобно приспособлениям в склепах Чечено-Ингушетии[1].

В этом же склепе в левой от лаза стене – маленькая ниша на уровне 1,4 м от дна и на расстоянии 1,08 м от ближайшего угла. Ниша, имеющая размеры 0,45 х 0,24 х 0,31 м, скорее всего служила местом для хранения ритуальной заупокойной пищи. Лаз этого склепа имеет характерную особенность: он расширяется внутрь. Снаружи лаз имеет ширину в 0,46 м, а внутри – 0,54 м. В другом склепе, у того же села, в задней стене на расстоянии 1,2 м от дна камеры из кладки выступает на 0,9 м каменная плита толщиной 0,19 и шириной 1,85 м. Детальный осмотр этих склепов нарушает представление кажущегося единообразия и позволяет выделить несколько разновидностей этих полуподземных погребальных сооружений.

Первая разновидность – самая распространенная. Типичным сооружением здесь является склеп из С. Ходз (рис. 1, 1), представляющий собой строение, впущенное в склон горы. Наружу выступает только передняя, лицевая часть и части боковых стен. Склеп сложен из камней, уложенных наружу более или менее гладкой поверхностью, что придает им вид обработанных. На фасадной части влево от лаза, размеры которого 0,5 х 0,47 м, выступает шиферная плита. Подобные шиферные плиты отмечены и на склепах северного склона Кавказского хребта[2]. Ширина фасадной

[1] Исмаилов А.А.. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Изв. ЧИНИИ. III. 1. С. 135.

[2] Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963; Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962.

части – 3,7 м, высота – 2 м. Выступающее перекрытие из шиферных плит образует карниз 15-20 см.

Вторая разновидность. Лучшей иллюстрацией может служить склеп с двускатной крышей из с. Кабузта (рис. 1, 2). Склеп сложен из камня на известковом растворе. Скаты крыши засыпаны землей. Перекрытие, выложенное шиферными плитами, отделяется карнизом, тоже выложенным шиферными плитами.

Высота склепов 4,1 м, ширина – 4,35 м, длина – 6,6 м. Расстояние от земли до лаза – 1,35 м. Сам лаз имеет размеры 0,55 х 0,52 м.

Третья разновидность. Это склеп с двускатной крышей, но с продольной деревянной балкой из с. Хсайнаг Сба (рис. 1, 3). Скаты, выложенные шиферными плитами, присыпаны землей. Шиферные плиты у стыка скатов опираются на продольно уложенное бревно, передняя часть которого выступает на 5 см, а задняя упирается, частично входя в нее, в противоположную стену камеры и, таким образом, выполняет роль несущей части перекрытия. Балка плохо сохранилась, но еще удерживает тяжесть плит и насыпанной земли. На камне, влево от лаза, выбитое изображение правой руки человека.

В с. Даллаг Бритат, на склоне горы, рядом со склепами и поздними могилами, было отмечено сооружение (рис. 2), имеющее форму усеченной пирамиды, оно сложено из необработанных камней, но не из плитняка, как склепы, а из пористых глыб. Основание сооружения 2 х 3 м, а высота 1,5 м. Возможно, это цырт (памятник), сооруженный в память погибшего вдали от родных мест местного жителя и не доставленного на родовое кладбище по тем или иным причинам, хотя осетины почти всегда их привозят на родину.

Своеобразие в архитектуру склепов Южной Осетии вносят два надземных сооружения у сел Уаллаг Ерман и

Челиат. Уаллагерманский склеп (рис. 3) сходен со склепами из сел Лац и Даллаг-кау Северной Осетии[1]. Ступенчатая двускатная крыша, три выступающих плиты (верхняя плита просверлена в двух местах) и основательная кладка – вот что роднит описываемый склеп с северокавказскими. Но отметим интересную деталь. Гребень склепа образован вертикально поставленными шиферными плитками. Они как бы заканчивают устремленную ввысь кривую линию боковых стен. Склеп по своей форме напоминает нузальскую часовню XIII в.[2] Размеры склепа: высота 5 м, ширина фасадной и тыльной стен у основания 3,35 м, длина 4,17 м, лаз 0,46 х 0,38 м.

Монументальным погребальным сооружением является надземный склеп в с. Челиат (рис. 4). Внушительные размеры этого уникального сооружения хорошо видны. Склеп двухэтажный, с двумя лазами и навесами из шиферных плит над ними, с семьюступенчатой двускатной крышей. Впрочем, о двускатности приходится говорить только из-за наличия огромных шиферных ступенек. В лазе первого яруса ясно видна деревянная рама дверцы, хотя лазы нигде не прикрыты ни камнем, ни деревянной дверцей, но в полуподземном склепе с. Хсайнаг Ерман лаз закрывался доской, которая ходила в пазах влево и вправо.

Трудно говорить о времени использования этих склепов, а особенно о нижних хронологических рамках[3]. Причина этого – хорошо известное исследователям подобных памятников отсутствие вещей. Склепы разграблены и инвентарь они дают довольно скудный. Во многих склепах обломки деревянных полок, остатки одежды, черепки глиняной, деревянной и стеклянной посуды перемешаны

[1] Кокиев Г. Указ. соч. Рис. 8, 10.

[2] Там же. Рис. 35.

[3] Склепы использовались до конца XIX в. А в 20-х годах XX в. в склепе с. Челиат был погребен старик по его же завещанию.

с многочисленными и разрозненными костяками погребенных. Некоторое представление о погребенных могут дать найденные предметы. В одном из склепов (склеп № 2, с. Даллаг Ерман) была обнаружена доска (рис. 5), представляющая собой боковую стенку от детского гроба[1]. Доска замечательна своим рельефом, вырезанным по всей поверхности. Рельеф представляет собой двухъярусную композицию. Верхняя часть – изображение благородных оленей, стоящих в ряд, один за другим и обращенных слева направо. Причем первые три – самки, а три последних – самцы. Нижний ярус рельефа – вереница всадников, вооруженных кинжалами или саблями, и опять три последних всадника сидят на жеребцах. Гроб, видимо, принадлежал мальчику. Об этом говорит и сам охотничье-военный характер рельефа. Кроме того, у осетин в средние века, да и в последующие времена, особенно ожидалось рождение мальчика, сопровождавшееся большими пирами. Рождение же девочки было нежелательным и не отмечалось никакими празднествами[2]. Можно думать, что и смерть мальчика переживалась острее и вызывала пышные поминки, и погребение тоже оформлялось соответственно. В. А. Кузнецов отметил на этом рельефе отражение двух художественных традиций: кобанской и аланской, соотнеся изображения оленей с кобанскими литыми фигурками оленей, а всадников на доске – с литыми подвесками аланских могильников[3].

На двух склепах были отмечены изображения. На одном (в с. Хсайнаг Сба) – изображение правой руки человека, что, по-видимому, выполняло роль оберега, и на

[1] В склепе был обнаружен детский череп.

[2] Автор это наблюдал неоднократно. См. об этом также: Е. Г. Пчелина. Родильные обычаи у осетин // СЭ. 1937. 4.

[3] Бязров К. Эрманский рельеф // Социалистическая Осетия. 1967. 22 января.

другом (с. Хсайнаг Ерман) изображение значка, возможно, родовой тамги (рис. 6).

Как не скуден описанный выше материал, но некоторые предварительные выводы на его основании можно сделать.

Склепы Южной Осетии проливают некоторый свет на время переселения ираноязычного населения края с северных склонов Главного Кавказского хребта.

Склепы, появившиеся и развившиеся на Северном Кавказе, систематизированы в работах Л. П. Семенова[1]. По его хронологической системе, они располагаются в следующем порядке. Самые древние – подземные, затем – полуподземные и позднейшие – надземные. Система эта никем не опровергнута и считается общепринятой. Отсутствие подземных склепов на территории Южной Осетии наводит на мысль, что они принесены были сюда в уже развитой форме переселенцами – осетинами.

Разумеется, было бы неверным считать, что эти переселенцы оказались в чуждой им этнической среде, а не в среде одного из скифо-сарматских племен[2].

Та же система Л. П. Семенова подсказывает и время этого переселения, а именно – XIII-XIV вв. Эта дата не противоречит мнению ученых, занимавшихся этим вопросом[3].

---

[1] Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1936; его же. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952.

[2] Еще Страбон отмечал к северу от иберийской равнины племена, родственные скифо-сарматам. См.: Страбон. География. М., 1964. XI, III, 3. С. 474.

[3] Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947. С. 5-8; Д. Гвритишвили. К вопросу об этнической принадлежности «двалов» и о переселении осетин в Картли (на груз. яз.), «Мимонхилвели», I. Тбилиси, 1949.

И хотя их датировки не совсем идентичны, но XIII-XIV вв. – это именно та общая дата, которая их объединяет.

В интересной работе Г. Р. Лазарашвили была высказана мысль о неоднократном переходе осетин (у Лазарашвили – миграции) с севера на юг через перевалы Главного Кавказского хребта[1].

И если переход в XIII-XIV вв. обрисовывается пока хоть бы в смутных чертах, то первые волны переселения еще не находят достаточного подтверждения, но это дело принадлежит будущим исследованиям.

Советская археология. 1968. №3. С. 243-248.

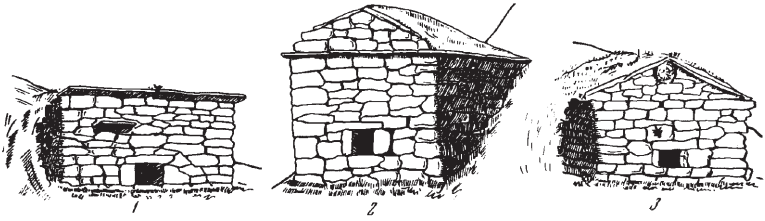


Рис. 1. Склепы верховьев р. Лиахвы
1 – склеп у с. Ходз; 2 – склеп у с. Кабузта;
3 – склеп у с. Хсайнаг Сба

С. 118-119; Тогошвили Г. Д. Из истории грузино-осетинских взаимоотношений. 1958 (на груз. яз.); Гамкрели В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. Тбилиси, 1961. С. 113 сл.; Ванети З. (Ванеев З. Н.). К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Изв. ЮОНИИ. III. 1930. С. 271. 273.

[1] Лазарашвили Г. Р. О времени переселения осетин в Грузию // СЭ. 1966. 2.

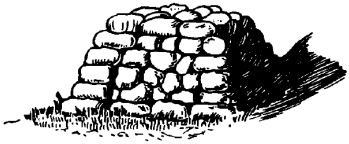


Рис. 2. Надмогильное сооружение у с. Даллаг Бритат

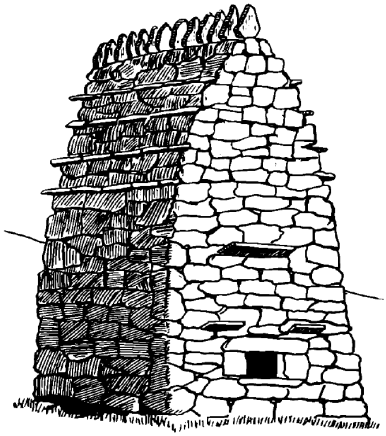


Рис. 3. Надземный склеп у с. Уаллаг Ерман

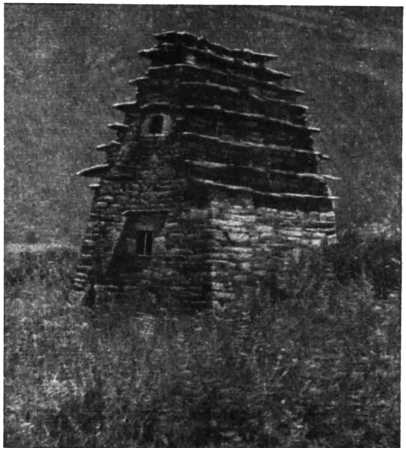


Рис. 4. Надземный склеп у с. Челиат

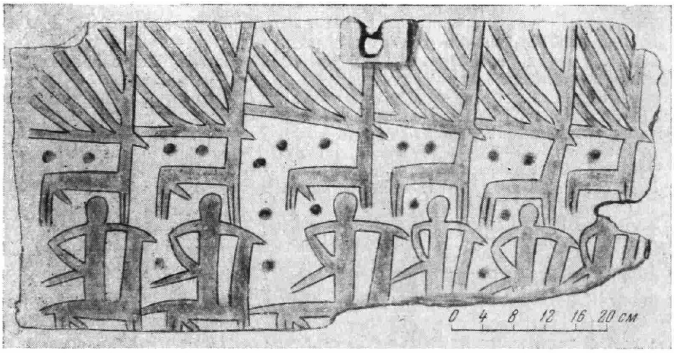


Рис. 5. Резная доска гроба из склепа №2 у с. Даллаг Ерман

Рис. 6. Рисунок на склепе у с. Хсайнаг Ерман

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ Р. БОЛЬШОЙ ЛИАХВЫ

В этой статье автор рассматривает древности, которые встречаются в горной части Южной Осетии. Некоторые из них уже привлекали к себе внимание исследователей, например, «циклопическая» крепость Вылды Масыг. Кроме этого памятника будут привлечены материалы о башнях и замках-галуанах, обследованных автором, число которых значительно в горной Осетии. Очевидно, эти памятники являются продуктом различных эпох, иногда разделенных веками. Однако, взяв за критерий общности их назначение (жилье и боевое укрытие), я позволил себе рассматривать их в одной главе. Археологическое изучение средневековых памятников горной зоны Южной Осетии только начинается, поэтому и данная статья не претендует на полноту и завершенность исследования всех подобных памятников средневековья Южной Осетии. Ниже привожу наиболее характерные из этого рода памятников.

БАШНИ

Характерной и непременной архитектурной деталью горного села на Кавказе является башня. Башни у кавказских народов имеют различную форму, различные архитектурные детали, построены различными приемами Так, осетинские башни отличаются от чеченских, ингушских, сванских и т.д. Хотя следует сказать, что между ними много общего в планировке, назначении, архитектуре.

Нашествие монголов в XIII веке, поражение аланских отрядов и последовавший за этим уход их в горы создали невыносимо тяжелые условия жизни для алан. Скопление больших масс народа в северных, а затем и южных уще-

льях Центрального Кавказа не могло не отразиться на взаимоотношениях населения.

Борьба за существование, нескончаемая вражда между отдельными родами, а в особенности между фамилиями, начшавшаяся в основном из-за разногласий экономического характера (соперничество за обладание пашней, покосом, пастбищем и др.), постоянная угроза нападения, угроза потери собственности, а кроме этого еще и естественное стремление к независимости вызвали к жизни новый массовый тип постройки – родовую башню. Скоро башни стали оплотом, надеждой и даже символом рода, гарантией благополучия и непременным условием силы и могущественности фамилии. Так осетинский агъдау (адат – неписанный свод законов и норм общественного и личного поведения) предполагал, что представитель фамилии или семьи, у которой не было башни, склепа и мельницы, не мог рассчитывать на невесту из «уазданского» («благородного») рода.[1]

Мощь башен была настолько велика в представлении народа, что даже в XIX веке, во время карательных экспедиций царского правительства против непокорных горцев, в частности осетин, последние всецело полагались на неприступность своих башен.[2]

Это часто кончалось довольно трагически: башни становились могилами для своих хозяев в результате карательных экспедиций.[3]

---

[1] Профессор Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Изв ЮОНИИ Краеведения. Вып. II. Сталинир, 1935. С. 222.

[2] Отношение гр. Паскевича к гр. Чернышеву от 26 августа 1830 года, № 530 // Акты Кавказской Археологической Комиссии. Т. VII. С. 360.

[3] Как, например, случилось с защитниками крепости Кола в Кесельтском ущелье. См. об этом: АКАК. Т. VII. С. 363, где говорится о

Башни строились, как правило, из камня на известковом растворе и представляли массивное и долговечное сооружение. Однако в Южной Осетии давно уже нет целых башен. Немые свидетели прошлой жизни осетин безжалостно подверглись разрушению. Каратели разрушали один из углов в верхней части башен (или же совсем взрывали ее, сравнив с землей), обычно направленной к дороге, к подступам, а остальную разрушительную работу проделало время. Так, за последние 20 лет в горах Южной Осетии многие башни совершенно обвалились. Вместе с ними безвозвратно утеряны многие страницы истории наших предков. Трудно сказать, как долго еще простоят оставшиеся полуразрушенные башни, но с течением времени они совсем исчезнут. К сохранившейся части мы должны относиться бережно.

В результате двухлетнего изучения во время полевых сезонов в 1966 и 1967 гг. я располагаю следующими данными о башнях верховьев р. Большой Лиахвы.

С. Сба. Башня Джатиевых расположена на грани холма над селом и ориентирована окном на юго-восток. Она в плане как бы соединяла прямоугольную и цилиндричеокую башню. Передняя, лицевая часть башни, с дзумя углами, а боковые стены плавно переходят в полуокружность (рис. 1). Ширина фасадной части 4,70 м, боковые стороны идут параллельно и на расстоянии 5,70 м от переднего угла начинают сходиться по окружности. Длина башни – 8,80 м. Толщина стены – 1,20 м. Лет 5-6 тому назад башня еще сохраняла свои стены, но теперь часть передней и западная стена обвалились (рис. 2). Они не были одной высоты. Передняя стена опускалась ниже и потому, естественно, была больших размеров. Сейчас, после разрушения верха

результатах карательной экспедици в 1830 г., а также: АКАК. Т. IX. С. 151, док. 179, о событиях 1840 г.

башни, высота ее составляет 10,90-11,0 м. Высота же задней полукруглой стены 7,50 м. Несомненно, раньше башня была выше, по крайней мере на 1-1,5 м. Что касается этажных перекрытий, то никаких остатков деревяннык балок и ниш, в которые вставлялись концы балок, не обнаружено. Однако по расположению бойниц можно предполагать, что этажей было 3.

В лицевой части башни расположено окно – проход с дощатой деревянной ставней – дверью. Карниз этой двери, тоже деревянный, сохранился, но держится слабо. У окна (до разрушения) был каменный выступ, к которому приставлялась лестница. Сообщение между этажами было не совсем обычным: выступ у внутренней стороны кладки стены, постепенно повышаясь, винтообразно поднимался вдоль стен башни.

С. Едис. Башня Кобеевых расположена на расстоянии около 200 м к востоку от с. Едис, на пологой поляне соснового леса. В работе В. Чудинова «Окончательное покорение осетин» есть упоминание о разрушении карательной экспедицией ген. Ренненкамфа «крепкого замка» в с. Едис, «в котором были найдены большие приготовления к обороне».[1]

Едисская башня напоминает Сбийскую. Она также прямоугольна с лицевой части и закруглена с тыла, что свидетельствует о стремлении строителей башни сделать ее более неприступной с тыла. Едисская башня сложена из крупных обломков туфовоандезитовых глыб (кстати сказать, все плато между ущельями рек Едис-дон и Лиахвы, начиная от с. Згубир и до истоков, представляет собой нагромождение этих андезитобазальтовых глыб).

Стены Едисской башни сложены довольно оригинальным способом: после каждого ряда камней на них

[1] Чудинов В. Окончателыюе покорение осетин // Кавказский сборник». Т. XIII. Тифлис, 1889. С. 59.

накладывалось нечто вроде плетенки из молодых веток кустарниковой березы (определение Г.Н. Лисицыной), что делало башню сейсмостойкой.[1] Опасение сейсмического разрушения было не совсем безосновательным. В этом районе находится озеро Кель, образовавшееся, по утверждению геологов, в кратере вулкана. О действиях этого вулкана говорит и плато, сплошь состоящее из пород лавового происхождения.[2]

Высота сохранившихся стен Едисской башни 7,5 м. Учитывая количество камней у основания, а также то, что часть их скатилась к подошве холма, можно сказать, что высота башни достигла 12 м. Сейчас восточная часть башни (она приходится на закругленную сторону) разрушена почти до основания (рис. 3). Размер камней 70х40х50 см. Есть и более крупные экземпляры, особенно те, которые лежат в углах основания. Толщина сохранившихся стен 1,5 м. Ширина фасадной части 6,15 м. Боковые стены идут параллельно до 6 м, потом закругляются.

К югу от башии на очищенных от камней холмах сохранились следы трех домов.

С. Челиат. Башня Дзукаевых. На западном склоне челиатского ущелья в местности Бызырат сохранились остатки некогда существовавшего села. Среди руин, которые типичны (в смысле планировки) для всех осетинских сел, в лучшей сохранности находится четырехугольная башня. В плане она представляет собой несколько вытянутый

[1] Проф. С. В. Безсонов («Крепостные сооружения в бассейне Большой Лиахвы», с. 247) отмечает, что введение дерева в каменную конструкцию, развитое в Южной Осетии, имеет целью не только ослабить силу ударов от стенобитных орудий при осаде, но и предохранить от быстрого разрушения при землетрясениях.

[2] Прасолова Л.И., Соколов Н.Н. Почвенно-географический очерк Юго-Осетии // Производительные силы Юго-Осетии: Сборник 1. Ленинград, 1931. С. 364-373.

прямоугольник. Башня суживается кверху, что, впрочем, характерно для всех кавказских башен.[1]

Высоту башни до ее разрушения установить не удается. По сохранившимся частям башни можно установить лишь следующие размеры. Ширина фасадной части – 5,75 м, длина боковых стен – 5,90 м. Внутренние обмеры: соответственно – 3,20 м и 4,10 м. Толщина стен – 0,90 м. Размеры окна-прохода – высота 1,10 м и ширина 0,80 м – говорят о том, что строители преследовали цель – более трудное проникновение во внутрь башни. Карниз прохода-окна сложен из двух тесаных камней, которые вместе составляют некоторое подобие арки. Кладка башни тщательна, аккуратна, камни скреплены прочным известковым раствором. Проход-окно выложен туфом, на что, видимо, давала возможмость его предварительная обработка (как, например, отмеченный карниз арочной формы). Остальные же камни, из которых выстроена вся башня, не обработаны.

Строители использовали скальные обломки довольно искусно: они укладывали их в стену гладкой поверхностью наружу, создавая таким образом ровную поверхность стен башен. Это говорит об определенном уровне строительной техники.

С. Рук. Башня Плиевых. Между поселениями Есета и Дзуары-бын среди пахотных участков расположена башня. Вокруг ее нет никаких остатков строений. Однако, исходя из того, что башни не строились без жилых помеще-

[1] Проф. Безсонов в указанной работе это объясняет так: «Стены башни сужаются (описывается башня в с. Кехви, предгорье Южной Осетии. – Р. Дж.) от основания к вершине, образуя некоторый наклон, т.е. так называемый рикошетирующий профиль, дающий возможность осажденным, при подступе к стенам крепости осаждающих, бросать вниз тяжести (напр. камни), которые, ударяясь об утолщение стены внизу, отскакивают вперед, а не падают непосредственно на почву»; указ. соч. С. 243.

ний (самое большое отдаление башни от домов – 10-15 м; обычно же строили их вплотную друг к другу), можно предположить, что здесь было маленькое поселение. В плане башня представляет вытянутый прямоугольник со сторонами 5,70 и 6,20 м. Наибольшая высота башни – с лицевой части – 12,60 м. Стены кверху сужаются. Их толщина у основания – 1,65 м, у лаза – 1,45 м, а у вершины немногим более 1 м. Внутренние обмеры основания дали результат – 2,40 м и 2,50 м.

Башня противоположной от лаза стороной направлена на подступы к ущелью, к дороге на Цхинвал. Как раз в этой части стены, напротив прохода-окна, зияет брешь, которая, видимо, появилась в результате орудийного обстрела с близкого расстояния. Не исключена возможность и использолвания разрывчатых веществ для разрушения башни во время карательных экспедиций в XIX веке.

Судя по внутреннему виду башни, в ней было 4 этажа. Хорошо прослеживаются балки первого этажа. Высота его 1,80 м. Он, видимо, служил подсобным помещением, ибо размеры его говорят о непригодности для жилья, даже временного. Другие этажи не поддаются точному измерению. Во всех стенах имеются бойницы по 3-4 в каждой. В наиболее узкой стене с восточной стороны имеются проход-окно средних размеров (1,20х0,70) с карнизом из обработанного известняка.

С. Рук. Башня Томаевых. Она, судя по остаткам передней стены, почти наполовину разрушенной, была выстроена довольно аккуратно и не лишена была некоторого изящества. Следует отметить ровность стен, аккуратную пригнанность камней-блоков, отделку прохода-окна. В плане башня квадратная – 6х6 м. В юго-западной стене имеется проход-окно в 2,50 м от поверхности земли. Такое низкое расположение прохода наводит на мысль, что с этой стороны находилась пристройка для сокрытия, которая должна была прикры-

вать от посторонних глаз пути проникновения в башню. Высота прохода 1,20 м, ширина – 0,80 м. Карниз выложен полукругло обтесанным туфовым камнем.

По одному из сохранившихся углов можно предположить, что этажей было не менее четырех. Высота фасадной (сохранившейся) части – 10,50 м. Толщина стен у прохода – 1,40 м. Тщательность постройки и ее мощные стены свидетельствуют, что только насильственное разрушение привело к гибели этих башен (рис. 4).

Вторая башня Томаевых в с. Рук расположена в 50 м к северо-западу от первой (рис. 5). Основание ее имеет в плане прямоугольник со сторонами в 6,40 и 6,20 м. Внутренняя площадка представляет квадрат (за счет неравномермой толщины стен 1,10 м и 1,20 м) со стороной в 4 м. В северо-западной стене проделано окно-проход 1,50 и 0,90 м. По остаткам этажных перекрытий видно, что этажей было 5. Сохранилась обмазка до третьего этажа внутренней стороны башни. Во всех стенах этого сооружения имеются бойницы для ведения огня, что обеспечивало круговую оборону.

Башня ориентирована своей наиболее боевой стеной (противоположной от прохода) в сторону дороги на Джаву-Цхинвал. Она сохранилась относительно хорошо, не считая обычного повреждения верхнего угла, отсутствия крыши и этажных перекрытий. По строительной технике не отличается от челиатской и других рокских башен. Сложена из скальных обломков на известковом растворе, стены, как обычно, сужаются кверху.

ЗАМКИ

С. Кабузта. В Южной Осетии все крепостные и оборонительные сооружения, представляющие комплекс боевой башни с пристройками оборонительного и жилищ-

но-хозяйственного характера, можно называть замками. Недалеко от села, у дороги, стоят остатки стен полуобвалившейся башни. Местное население называет ее «Уарихъанты мæсыг» (Уарикановская башня), так как она принадлежала представителю фамилии Тотровых – Уарикану.

В плане строение представляет прямоугольник со сторонами в 18, 40 и 13 м. Стены суживаются вверх, их ширина 6 м, первоначальная высота 12-13 м, но сохранились лишь до уровня 3-4 м, толщина 1,92 м. В восточной стене на уровне 3,5 м от поверхности земли находится окно-проход из обработанных туфовых камней. Сама башня сложена из местного камня. В кладке имеются как андезитовые камни, так и обломки скального плитняка, скрепленные прочным известковым раствором.

С. Фазы Дзомаг. Башня Джиккаевых. В западной стороне села сохранились остатки башни «Абаты мæсыг». Угол юго-западной части ее разрушен. Высота сохранившейся стены около 18 м. Фасадная стена снаружи шириной в 6,70 м, изнутри 4 м. Боковые стены внутри имеют ширину – 4,20 м. На высоте 5,90 м от поверхности земли имеется проход-окно (высота 1,30 м, ширина 0,80 м). Перекрытие окна (карниз) состоит из двух обработанных камней лавового происхождения. Башня стоит на холме и часть основания с тыльной стороны врыта в грунт. К башне было пристроено помещение. Длина его, сохранились только стены, местами высотой до 3-4 м (рис. 6). И башня, и пристройка состоят из одного и того же материала – из обломков скальных пород, скрепленных известковым раствором. Однако пристройка уступает башне в мощности: стены башни – 1,35 м, а пристройки – 0,90 м. Расположенная у юго-западной стены пристройка имеет (в плане) форму вытянутого прямоугольника со сторонами в 5 м и 7 м.

С. Челиат (Дзукаты-кау). В центре села расположен памятник, составляющий комилекс боевой башни и обшир-

ной пристройки. Башня известна под названием «Айтеги» («Айтеговская башня») (рис. 7).

Вся постройка в плане выглядит вытянутой трапецией, с довольно внушительными размерами (рис. 8), направленной по оси СЗ-ЮВ. Юго-западная стена составляет в длину 27 м. Противоположная стена, включая и стену башни, – 28,5 м. Северо-западная часть, фасадная, вместе со стеной башни – 11,30 м. Противоположная, наиболее узкая часть стены – 9 м. Толщина стены пристройки 1,50-1,60 м. Северо-восточная стена на расстоянии 5 м от восточного угла пристройки прерывается и снова продолжается, как будто ее разрезали. Вероятно, это следы расширения пристройки в связи с возросшими хозяйственными нуждами.

Вход в пристройку с фасадной части замка; высота 1,70, ширина 1,10 м (у основания). Арка состоит из двух туфовых камней, над ней навес из шиферного сланца. В северном углу замка раоположена башня, квадратная в плане, размером 5х5 м. Высота башни около 11-12 м, толщина стен 1,15 м. Башня, как и весь замок, сложена из местного камня на известковом растворе.

В сохранившихся стенах башни имеются машикули (навесные бойницы), а также обыкновенные бойницы. Под одним из машикул сохранилась маленькая амбразура-окно, полукругло вырезанная в камне.

Следует отметить одну архитектурную деталь. Ниже машикулей по двум из сохранившихся стен белым шпатом (дзæнхъа) в кладке выложена линия, которая, видимо, опоясывала башню, что служило лишь украшением.

С. Ходз. Замок Тотровых. По своим размерам является таким же уникальным, как и замок в с. Челиат. Расположенный на холме, он занимает всю его ровную площадь. Сама башня имеет в плане квадрат со стороной 6 м снаружи и 3,25 м изнутри (рис. 9). Толщина стены у основания составляет 1,35 м.

К башне пристроены два помещения. Малая пристройка 8,80х3,60 м, а большая в длину 26-30, а в ширину около 17 м. Последняя разделяется внутренней продольной стеной. Между двумя частями пристройки, наверное, были проходы-двери, но стена обвалилась во многих местах и нельзя установить, где была дверь, а где разлом стены. Из пристройки в башню входили через дверь в ее стене, затем из другого помещения уже в самую башню.

Вход в башню до сих пор закрыт массивной деревянной дверью на деревянных же осевых петлях. Карнизы проходов и в пристройку, и в башню выложены туфовым камнем. В малой пристроæйке, кроме прохода-машикули, имеется еще одно окно-проход (рис. 10).

Стены башни оштукатурены, обмазка сохранилась лишь на первых двух этажах; она, видимо, была и выше, но вследствие осадков облупилась. На обмазке сохранились следы человеческих рук (отпечатки ладоней).

На трех камнях замка (один у входа, а другие внутри) можно заметить выбитые острым орудием изображения (рис. 11). Первый петроглиф – солярный знак оригинальной формы, загибающиеся в одну сторону лучи, и схематичное изображение всадника. Второй – подобие «древа жизни». Третий петроглиф с неясной символикой, хотя и здесь можно отметить солярный знак, а внизу справа даже грузинскую букву (Т), что, вероятно, выражало желание хозяина запечатлеть свою фамилию на стенах своей башни. (Фамилия хозяина была, как известно, Тотров) (рис. 12).

В стратегическом отношении замок занимает удобное место в урочище. Отличный обзор местности из бойниц, имеющихся во всех стенах башни, исключал внезапность нападения. За короткое время обитатели замка могли укрыться за стенами цитадели и активно обороняться.

Замок находится на перепутье нескольких перевальных троп. Отсюда можно пройти в верховья р. Ксани; через

Кадласанской перевал спуститься к военно-грузинской дороге, еще левее – в Северную Осетию. Отсюда же можно попасть по горным тропам в соседние ущелья, выйти на дорогу Едис-Цхинвал.

КРЕПОСТЬ «ЗЫЛДЫ МÆСЫГ»

К северу от с. Ходз возвышается каменное плато «Хуыртæ», известное по всей Осетии из-за находящихся на нем «Зылды мæсыг» (круговая башня) и «Уæйгуыты мæсыг» (башня великанов, дэвов). «Уæйгуыты мæсыг» при ближайшем знакомстве оказывается выветрившейся скалой.

Выветрившиеся породы и нагромождения камней придают этой скале причудливые формы. Видимо, внешние очертания этой груды, напоминающие башню с разрушенным верхом, дали возможность разыграться фантазии местного населения, которое им дало это название – «Уæйгуыты мæсыг». Впрочем, местное население и «Зылды мæсыг» считает делом рук этих сказочных персонажей.

Все исследователи добирались до вершины плато с большими трудностями. Наш маленький отряд поднялся на плато по маршруту, которым никто до этого не пользовался. Карабкаясь по уступам камней и скальных выходов, цепляясь за корни и ветви кустарников, мы поднялись по очень крутому склону. Как выяснилось позднее, это был самый трудный подъем. Бывшие здесь до нас путешественники и археологи[1] поднимались по тропам, пролегающим по более пологим склонам плато. Наш отряд шел без проводника и потому пришлось преодолеть подъем с углом наклона приблизительно в 70°. Местность настоль-

[1] Л.М. Меликсетбеков в октябре 1924 г., В. Газзаев – в 1926, Е.Г. Пчелина – в 1930 и 1931 гг., Б. А. Куфтин – в 1945 г., Б.В. Техов – в 1965 г.

ко дика и безжизненна, что не видно было даже лесных птиц. Между камнями растут можжевельник, небольшие сосны, кустарниковая береза и др. (рис. 13).

Подробное описание местности, а также крепости «Зылды мæсыг» имеется у Е.Г. Пчелиной.1 На фотографии, приложенной к статье Пчелиной, видны кустарники.2 Сейчас на плато имеются лишь заросли небольших (до 10-12 м) деревьев.

Крепость представляет собой полукруглую стену высотой в 3-4 м (рис. 14). Длина стены составляет около 90 м. Незамкнутость круга объясняется тем, что крепость примыкает к обрыву (рис. 15). Вполне вероятно, что крепость была кольцевой, т.е. имела форму замкнутой неправильной окружности, и только в результате обвала часть стены обрушилась вниз, в ущелье. Однако там камни крепости не обнаруживаются, ибо обрыв до сих пор обваливается, а река, которая протекает в ущелье, ежегодно своими наносами покрывает все скатывающиеся вниз камни.

Легенда о возведении стен этой крепости великанами – не более чем результат впечатления человека, который поднялся на плато, устал и не мог сдвинуть камень даже средней величины. Трое-четверо здоровых мужчин могли при помощи рычагов (мацъис) довольно успешно ворочать глыбами, из которых возведена эта стена.

На территории крепости не обнаружено никаких вещей, даже во фрагментах, и поэтому трудно говорить о его датировке. Хотя Меликсетбеков, например, относит его постройку к доисторической эпохе, связывая крепость с «циклопическими» строениями на Кавказе.3

---

[1] Пчелина Е.Г. Крепость «Зильде-Машиг» // СЭ. 1934. №3. С. 87-101.

[2] Там же. С. 89.

[3] Меликсетбеков Л.М. Материалы по изучению Грузии… С. 252-270.

Е. Г. Пчелина предполагает, что «крепость является памятником неудачной попытки членов сильного осетинского рода Сидамоновых из Уалагирского ущелья осесть в виде феодалов среди осетинских родов на территории Двалетии, для чего ими и было выбрано плато Зильде, как чрезвычайно удобный стратегический пункт».1 Это – интерпретация сведений из «Памятника Эриставов», где начало событий относится к VI веку.2 Этим же временем (VI веком) Е. Г. Пчелина датирует и постройку крепости.

Б. В. Техов относит постройку крепости к XIII веку, связывая ее появление с натиском аланов, которые были вынуждены бежать с предгорий Северного Кавказа в результате нашествия татаро-монгольских орд.3

Описанными выше бытовыми памятниками отнюдь не ограничивается число башен, замков, городищ и поселений на территории Южной Осетии. Число их (особенно башен и замков) простирается за сотню. Невозможность изучения их в короткий срок и ограниченность в средствах вынудили меня только надеяться на дальнейшее исследование в будущем.

В 1930-х гг. Е. Г. Пчелиной была составлена археологическая карта Юго-Осетии. Но несвоевременное изучение указанных в ней объектов дало возможность времени разрушить башни и похоронить в них многие тайны, которые в дальнейшем еще не раз будут вызывать споры в ученом мире, в среде кавказоведов. Однако будь они изучены своевременно, мы бы сейчас имели хороший, добротный

[1] Пчелина Е. Г. Крепость «Зильде Машиг» // СЭ. №3. 1934. С. 49.

[2] «Памятник Эриставов» – родословная хроника ксанских эриставов // История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цхинвали, 1962. С. 58, и далее.

[3] Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового городища «царциат» в с. Едис Джавского района // План работы и тезисы докладов ЮОНИИ. Цхинвали, 1967. С. 11-14.

материал по средневековой материальной культуре Южной Осетии.

КТО И КОГДА СТРОИЛ БАШНИ?

Для постройки башни специального фундамента с кладкой не рыли. Обычно строители использовали скальный уступ или, расчистив грунт, добирались до скалистого материка. Этот скальный выход и служил фундаментом-опорой башни. Скалистых мест в горах Осетии искать не приходилось, ибо все холмы под определенным слоем земли – скального образования, слои которого лежат во всевозможных направлениях, отчетливо показывая в обнаженных от грунта местах пласты различных горных пород.

Скалы давали не только площадку, но и строительный камень.[1] Раскаленные скальные плиты при поливании водой раскалывались на пригодные для возведения стен обломки. Но для основания башен, а особенно для углов, выбирали тяжеловесные монолиты. Доставка этих монолитов бывала связана с определенными трудностями, что, конечно, нигде не служило препятствием или помехой при строительстве башни в выбранном месте. Камень для возведения стен старались брать удлиненной формы, чтобы обеспечить большую прочность кладки.

Кроме скальных обломков в постройке башни использовались твердые известняки (по-осетински – цына), а также вулканические породы – туф, андезит, гранит. Скрепляющим материалом служил раствор извести с песком. Известь производилась на месте путем обжигания в специальных известковых печах известняков определен-

[1] Кокиев Г. («Боевые башни и заградит. стены горной Осетии», с. 219) говорит о трудностях, связанных с подвозом строительного материала – камня. В Южной Осетии строительного камня хватало везде и всегда.

ного рода. Стены (изнутри) часто обмазывались глиной, залежи которой не ограничены. Иногда к глине примешивался свежий коровий помет.

Говоря о мастерстве каменщиков, следует отметить особенную тщательность пригонки камней, скрепляющих углы башни. Ровность граней и углов достигалась не обработкой камня, а использованием его ровной поверхности, образованной естественным сколом. Камень укладывался в стену гладкой поверхностью наружу. Широкие зазоры между большими плитами заполняли более мелкими осколками, придавая всей стене относительную ровность и компактность. Башня от основания до вершины равномерно суживается. Стены тоже соответственно утончаются кверху. То же самое прослеживается и в стенах пристроек.

Оборонительные сооружения не всегда строились с применением известкового раствора. Так, например, в случае использования громадных андезитовых глыб раствор как скрепляющее средство вряд ли был необходим, и строители обходились без него (сооружения типа циклопических).

Широкое применение в строительстве башен находило дерево. Деревянными были двери, балки, на которых крепились междуэтажные перекрытия, а также крыши башен.[1] Наконец, из дерева делали приставные лестницы ко второму этажу, которые во время осады вносились защитниками вовнутрь.

Характер местности диктовал устройство входа в башню в определенной стене. Так, если башня строилась на крутом склоне горы, то легче было проникнуть в нее со стороны вершины холма. Именно потому проход делали с

[1] Кокиев Г. («Боевые башни и заград. стены»…) утверждает, что крыш у осетинских башен не было. Это нужно понимать только в том смысле, что крыша не выступала наверх, т.е. была не двускатной, четырехскатной, а именно плоской.

противоположной стороны, и окно «смотрело» в сторону открытой местности.[1] Если же башня строилась на более или менее ровной площадке, то проход был скрыт со стороны открытых подступов. Иногда в башню вел проход из пристройки, совершенно маскируя этим пути передвижения осажденных.

Проходы при строительстве башен обкладывались по возможности обработанными камнями. Подвергался обработке большей частью известняк, но встречается и туф. Особенно старательно выложены карнизы. Как правило, карниз обтесывался полукруглой, арочной формы. Встречаются «арки» цельные из монолита, но в большинстве случаев они состоят из двух одинаковых частей. Реже встречаются перекрытия окна не «арочной», а прямоугольной формы (рис. 16).

Пристройка обычно примыкала к той стене башни, в которой был проход. Это объясняется необходимостью тесной связи между всеми помещениями замка.

Все башни снабжались бойницами, из которых, кроме основного их назначения, вели наблюдение за местностью (разумеется, только в определенные моменты, а не все время). Бойницы расширяются вовнутрь, давая возможность увеличить пространство для ведения прицельного огня. Это было необходимо не только для огнестрельного оружия, но и для стрельбы из лука. Широкая бойница давала возможность лучнику стать ближе со своим оружием к щели, вставив в проем плечо.

В случае непосредственной близости противник оказывался в «мертвой» зоне, где его не могли достать ни стрела, ни пуля. Видимо, в таких случаях обороняющимися использовались камни, которые заранее скаплива-

[1] Это противоречит мнению Г. Кокиева о том, что осетинские башни всегда направлены на восток.

лись на крышах и в верхних этажах башни. Для отражения штурма в более усовершенствованных башнях и замках имелись «машикули» – навесные бойницы. «Машикули» не характерны для Южной и даже для Северной Осетии, но в отдельных замках они есть, особенно на границе с Ингушетией, где «машикули», видимо, возникли и получили распространение.[1]

Башни хорошо связаны видимой связью, если находятся в одном ущелье, но отдельные ущелья почти не связаны друг с другом, т.е. из башни, которая находится в одном ущелье, нельзя подать сигнал в башню другого ущелья. И в этом смысле трудно говорить о единой системе оборонительных сооружений.

Башни и замки могли успешно отражать нападение только малочисленных отрядов и на короткое время. Когда же в XIX веке сюда вступили царские войска, то осажденные не выдерживали долгой осады: или погибали, вызывая даже некоторого рода восхищение у осаждавших, или сдавались на милость победителя, что бывало реже.

Башни строились местными жителями. Хотя в кавказоведческой литературе утвердилось мнение, по которому мастера в некоторых пунктах Северного Кавказа, особенно в пограничной зоне, были ингуши, они вряд ли забирались в такую даль. Если же говорить о некоторых архитектурных деталях, а пока обнаруживается только одна деталь – «машикули» (рис. 17), то они могли строиться уже по примеру северо-осетинских, где «машикули», в свою очередь, заимствовались из соседней Ингушетии или же просто строились приглашенными ингушскими мастерами.

Работу оплачивали, вероятно, отдельные фамилии или большие семьи, которым и строили башню.

---

[1] Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928. С. 12-13.

Против кого же строились башни? Если иметь в виду те войны, столкновения и сражения, которые выпали на долю южных осетин, вплоть до XIX века, то кое-что проясняется. Здесь и угроза нападения экспансивистски настроенных карталинских, арагвских и ксанских феодалов, и борьба с другими родами за те или иные привилегии и права в обладании пахотными, пастбищными, лесными и прочими угодьями. А в случае кровной мести башня бывала единственным спасением. Не всегда башня успешно скрывала за своими стенами оборонявшихся. Вражда между родами одного ущелья иногда заканчивалась большим кровопролитием, чем нападение извне. Так, в устных преданиях часто упоминаются случаи полного уничтожения целого рода, фамилии.[1] В. Б. Пфаф писал, что «редкий аул жил со своими соседями в добром согласии; большей частью аулы враждовали между собою, стараясь при этом истреблять взаимно друг друга».[2]

Некоторую помощь в датиронке башен могут оказать склепы. Однако и они еще недостаточно изучены. Во время поездок по горной Осетии можно было заметить, что если в населенном пункте имеется склеп, то обязательно должна быть и башня. Наличие же башни не всегда свидетельствует о наличии склепа. Например, в селах Згубир, Приата, Кониата и др. Эта еще невыясненная закономерность может толковаться как первичность башен и вторичность склепов. Видимо, сохранить жизнь было более человечным делом, чем воздвигать усыпальницы для покойников, пусть даже особо почитаемых.

[1] Например, в Сбийском ущелье, поблизости от известного сернистого источника, стоят развалины башни Приаевых. Род Приаевых (Приатæ), вызвав недовольство окружающих фамилий (Абаевых, Джатиевых и др.), был нещадно истреблен до последнего человека. Сообщил мне об этом Цицка Абаев (с. Сба, Абайты-кау).

[2] Пфаф В. Б. Материалы для истории Осетии. Главы VI-XXXVI // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871. С. 98-99.

По характеру планировки, формам стен, архитектурно-фортификационным деталям башни и замки верховья р. Большой Лиахвы поддаются разделению на следующие типы:

I тип – боевые башни с прямоугольным фасадом и округлым тылом (Сба, Едис);

II тип (самый распространенный) – башни с прямоугольным основанием, без пристроек (Рук, Бызырат);

III тип – замки с элементами северокавказских оборонительных сооружений – «машикулями» (Хсайнаг Ерман, Челиат, Ходз);

IV тип – замки «осетинского» типа, без машикулей (Кабузта, Дзомаг).

Надо полагать, что замки, как более сложный в архитектурном отношении тип оборонительных сооружений, возникли позднее башен.[1] И возникновение замков можно связывать с зарождавшейся социальной дифференциацией осетинского горского общества. Но замки в горах Южной Осетии – не замки феодалов, как, например, в Северной Осетии, а собственность «сильных» фамилий.

Датировка башенных сооружений из-за недостаточной изученности их, отсутствия письменных свидетельств и, наконец, вещей, наличие которых дало бы возможность судить о времени постройки этих памятников, весьма затруднительна. Однако в исторической кавказоведческой литературе уже имеются попытки датировать памятники того же круга древностей, как и исследуемые юго-осетинские: работы Л. П. Семенова, И. П. Щеблыкина, Г. А. Кокиева и др.

[1] Л. П. Семенов говорит, что «вершиной башенного мастерства являются замки». В этом замечании явно проглядывает мысль о том, что башни относятся к более раннему периоду, нежели замки. «Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии». Дзауджикау, 1952. С. 20.

Названные исследователи внесли в советское кавказоведение ощутимый вклад. Научные труды их во многом стали основополагающими. Л. П. Семенов, собрав значительный материал по башенно-замковой архитектуре горной Осетии и проанализировав его, пришел к выводу, что башни и «замки» являются продуктом эпохи феодальной раздробленности Осетии XIV-XVII вв.[1] Что касается самой широкой датировки памятников позднего средневековья, то она неудовлетворительна и требует детализации.[2] Осторожность Л. П. Семенова в определении дат вполне понятна: она вызвана недостатком, а то и полным отсутствием важных для точной датировки материалов.

Здесь уместно сказать, что северо-осетинские и юго-осетинские башни и «замки» почти не отличаются друг от друга (за исключением полукруглых в плане, которые являются закавказскими типами и на Сев. Кавказе не встречаются). Одинаковы принципы планировки (удобное место, «ключевая» позиция) и приемы строительной техники, не говоря уже о строительном материале. Едина и архитектура вплоть до наличия на некоторых башнях машикулей.

Имея в виду эту идентичность и учитывая лучшую изученность средневековых памятников на северном склоне Кавказского хребта, представляется возможным распространить датировку североосетинских башен и «замков», предложенную Л. П. Семеновым, и на югоосетинские.

Но оборонительные сооружения горной Юго-Осетии вряд ли можно связать с феодальной раздробленностью, которая была характерна для Северной Осетии. Как известно, горные общества Южной Осетии не развились в

[1] Проф. Л. П. Семенов. Из истории работы музея Краеведения… С. 14; его же. Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 93-102.

[2] Этот недостаток отметил и Е. И. Крупнов в своей рецензии на XII том «Известий СОНИИ». См.: СЭ. №4. М., 1950. С. 214.

силу ряда историко-географических причин до выделения феодальной верхушки, хотя процесс разложения свободного крестьянства и начатки феодализации (выделение «сильных» фамилий) наблюдались и здесь. Отсюда можно заключить, что в Южной Осетии потребность в башнях и замках, видимо, существовала и после XVII века, следовательно, они могли возводиться и в XVIII веке.

Таким образом, принимая за основу датировку Л. П. Семенова и распространяя ее на памятники горной Юго-Осетии, нужно несколько расширить ее, преимущественно за счет верхней хронологической рамки предложенной даты, и время постройки башен и «замков» в верховьях р. Большой Лиахвы определять хронологическим периодом с XIV по XVIII в.

Если же говорить о более точной датировке, то вряд ли будет ошибочным предположение, что «замки», как более сложные, чем боевые башни, архитектурные сооружения и как материальные памятники, отразившие эпоху начавшейся дифференциации свободного крестьянства, а также заначало феодализации, строились в последний период приведенной широкой датировки (XIV-XVIII вв.), а именно в XVII-XVIII вв. Строительство же одиночных башен нужно отнести к более раннему периоду: строительство I и II типов оборонительных сооружений (по приведенной выше классификации) XXIV-XVI вв., а III и IV типов – «XVII-XVIII вв. Более точные даты (даже предположительные) пока нет возможности давать по известным уже причинам. Вся надежда по этому вопросу перекладывается на будущие исследования, которые, надо думать, рассеют туман, покрывающий до сих пор памятники средневековья горной Осетии.

Известия ЮОНИИ. Выпуск XV. Цхинвали: Мецниереба, 1969. С. 155-176.

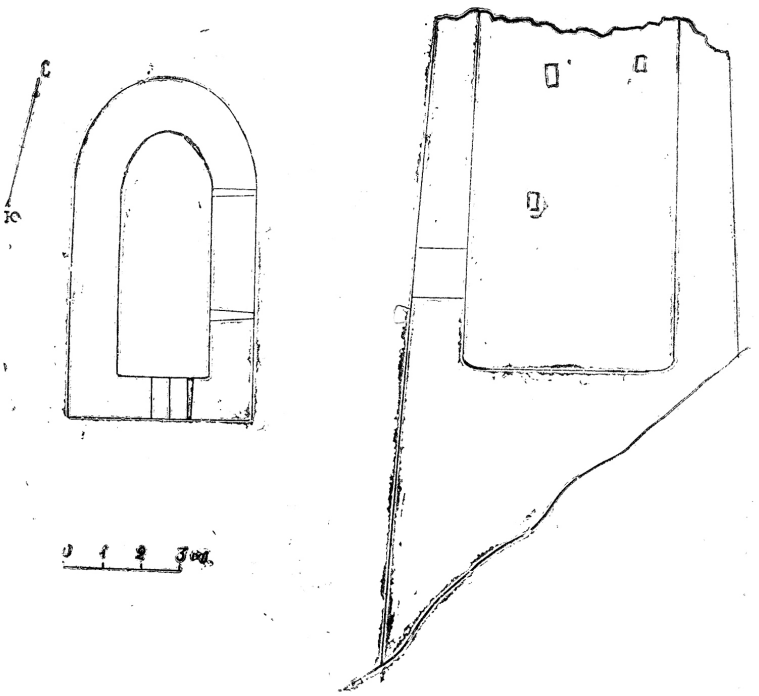


Рис. 1. С. Сба. Башня Джатиевых (план и разрез)

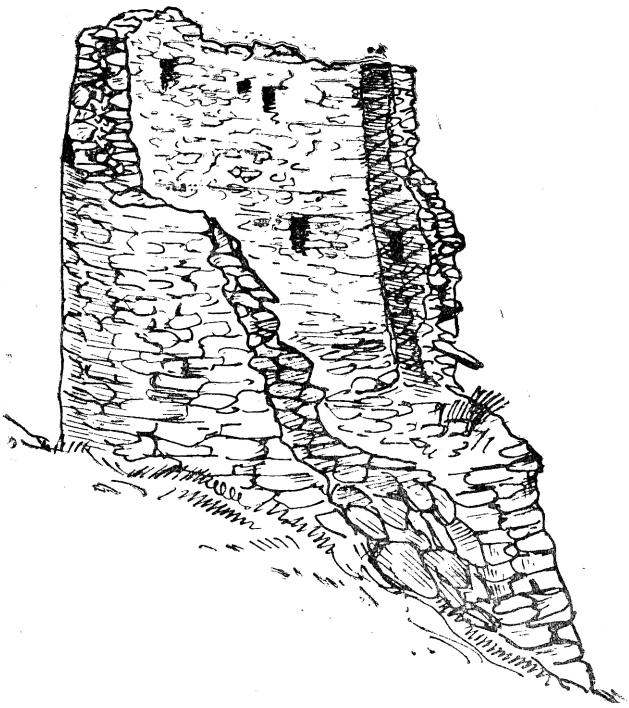


Рис. 2. С. Сба. Башня Джатиевых. Внешний вид

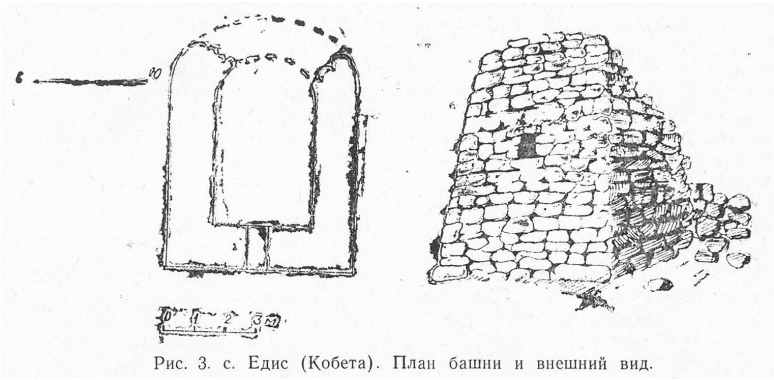


Рис. 3. с. Едис (Қобета). План башни и внешний вид.

Рис. 3. С. Едис (Кобета). План башни и внешний вид.

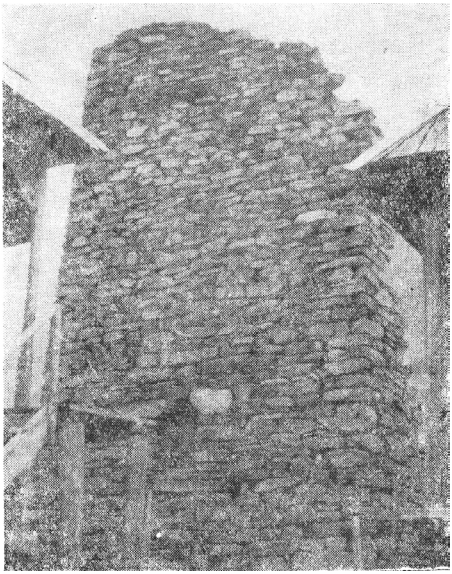


Рис. 4. С. Рук (первая башня Томаевых)

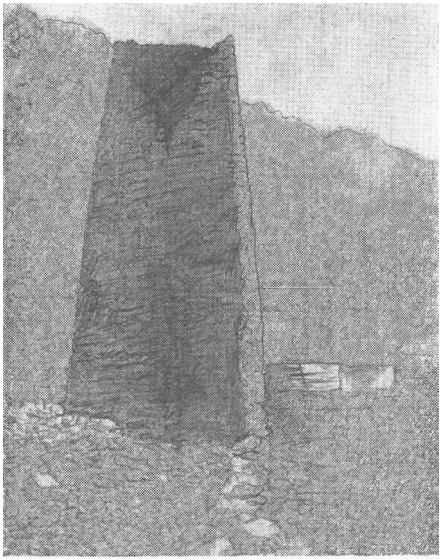


Рис. 5. С. Рук (вторая башня Томаевых)

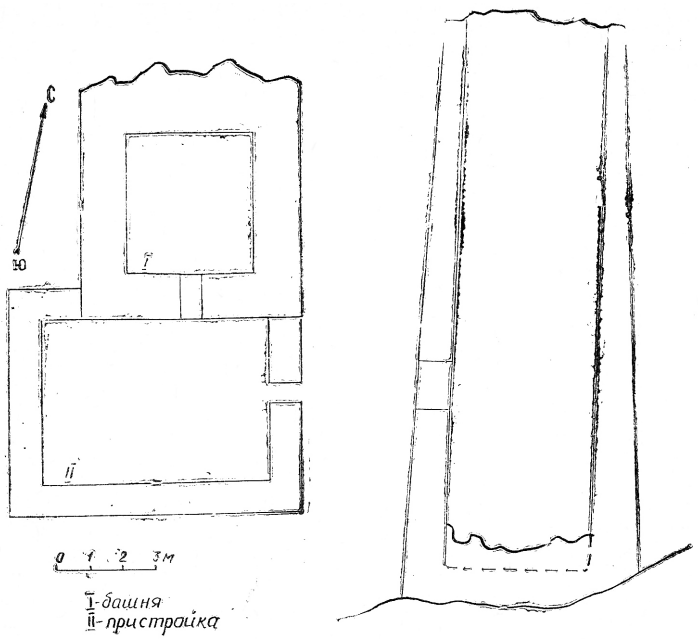


Рис. 6. С. Дзомаг. Замок Джиккаевых (план замка и разрез башни)

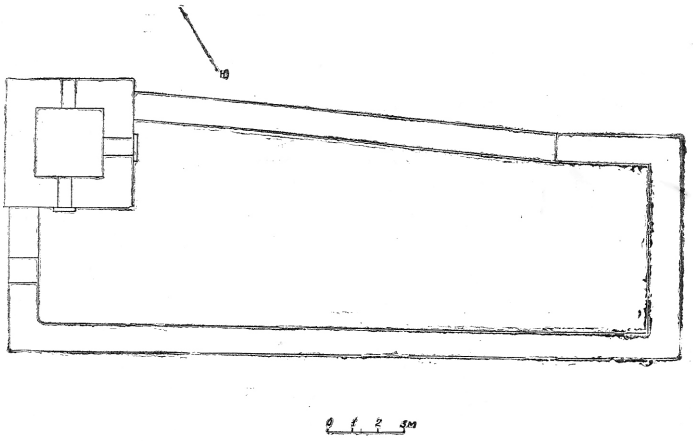


Рис. 7. С. Челиат. Замок Дзукаевых (план)

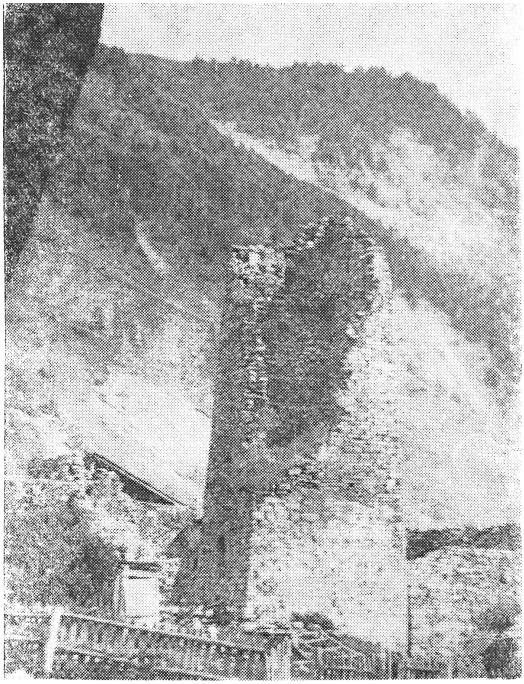


Рис. 8. С. Челиат. Замок Дзукаевых (внешний вид)

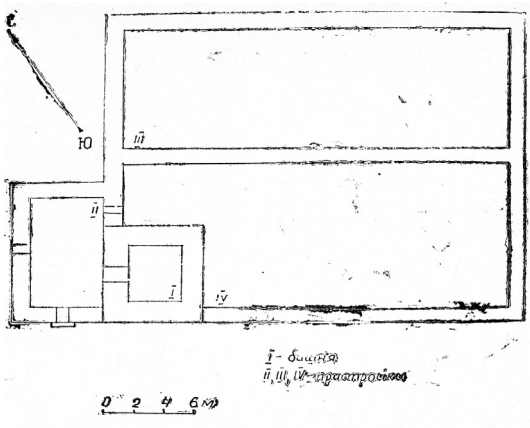


Рис. 9. С. Ходз. Замок Тотровых (план)

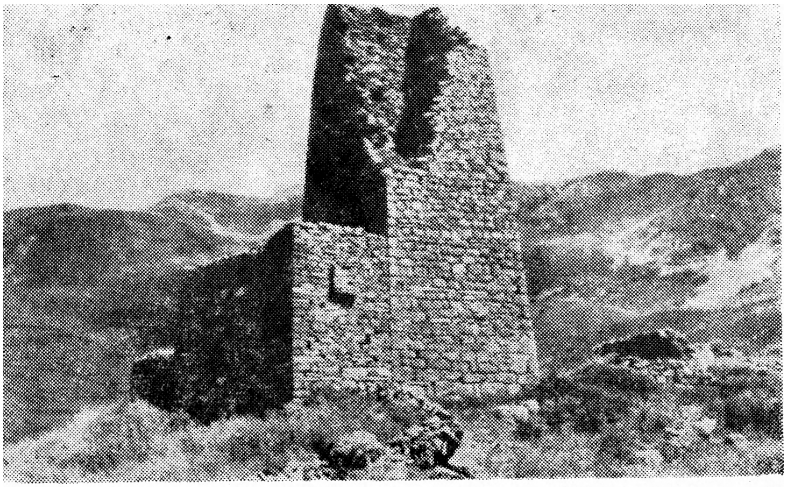


Рис. 10. С. Ходз. Замок Тотровых (фото Л. Чибирова)

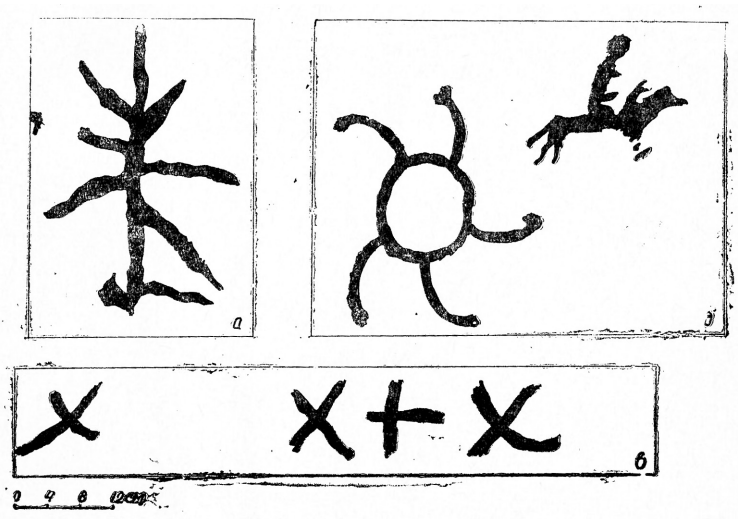


Рис. 11. Выбитые изображения на камнях башен

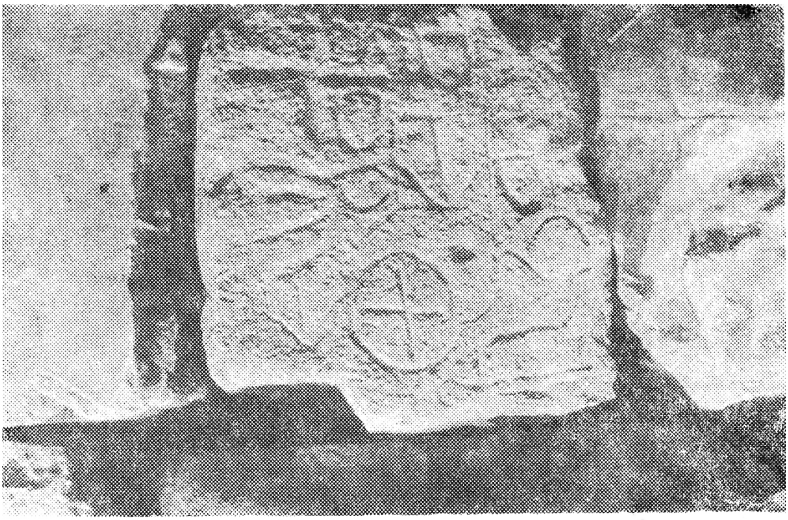


Рис. 12. С. Ходз. Петроглиф на камне в замке Тотровых (фото Л. Чибирова)

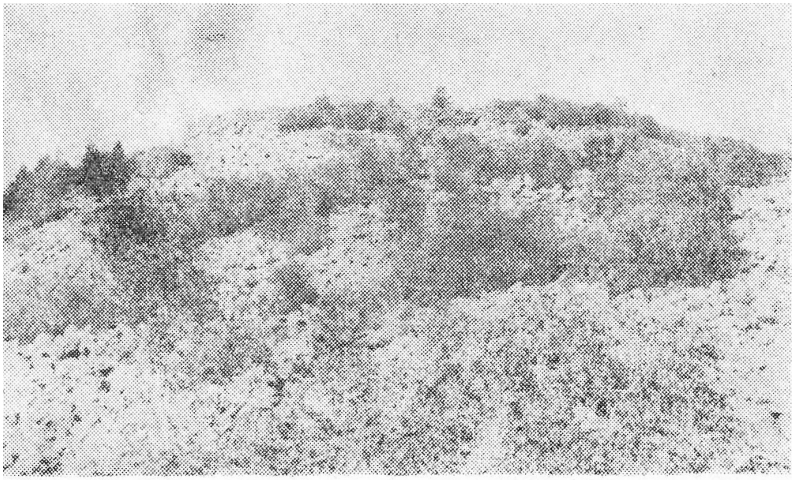


Рис. 13. Крепость «Зылды масыг» на плато «Хуырта» (фото Б. Техова)

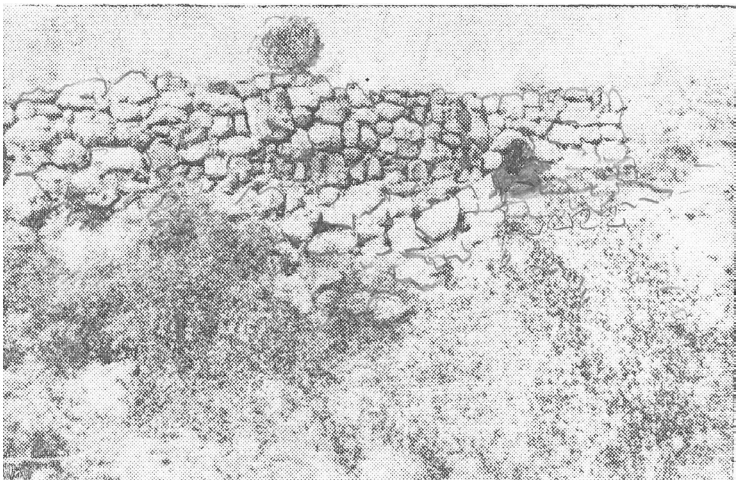


Рис. 14. Крепость «Зылды масыг»
(стена с проходом. Фото Б. Техова)

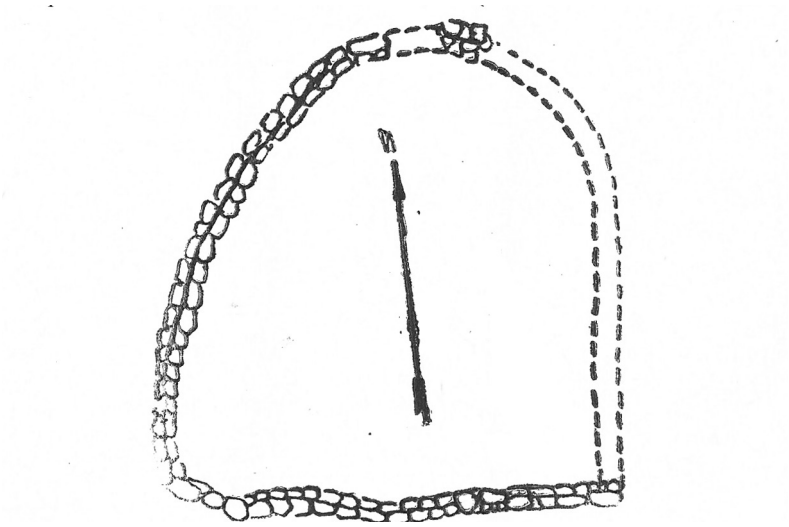


Рис. 15. План крепости «Зылды масыг». Вычерчен А. П. Смирновым из статьи Е. Г. Пчелиной «Крепость «Зылды масыг»»

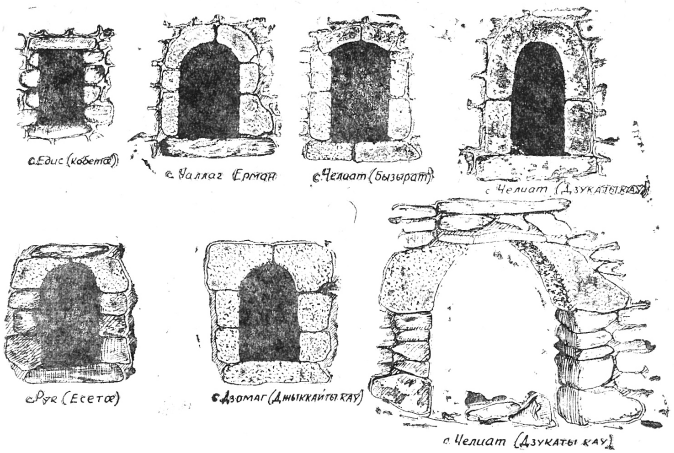


Рис. 16. Различные виды окон – проходов в башни и замки

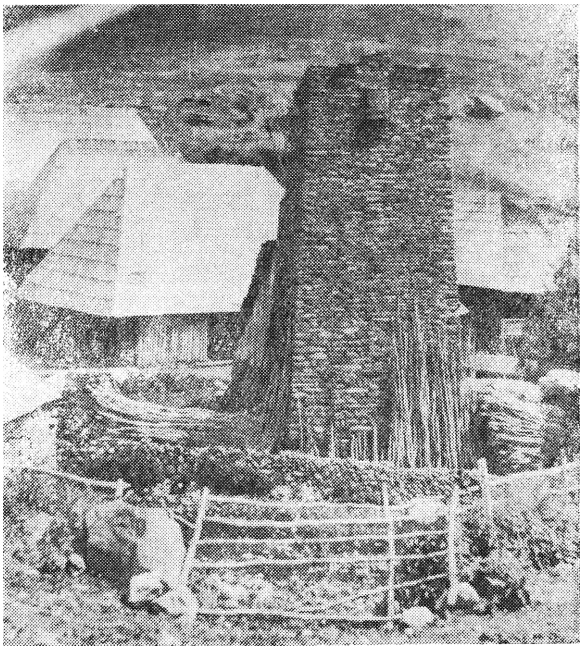


Рис. 17. С. Хсайнаг Ерман. Навесная бойница – «машикули» на башне

ДВОЙНЫЕ СОСУДЫ ИЗ СКЛЕПОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

1. Элементы погребального обряда у осетин при внимательном рассмотрении оказываются связанными. В погребальном инвентаре с древнейших времен до позднего средневековья встречаются сосуды с двумя туловами. Причем сосуды могли изготовляться как из глины, так и из дерева. Непригодность сосудов для утилитарного использования может трактоваться как изготовление их для ритуальных целей.

2. Кроме двойных сосудов, число два мы обнаруживаем почти на всех полуподземных склепах. На склепах имеются вставленные у лазов шиферные плиты с отверстиями. Этих отверстий бывает два на одной плите или по одной на двух плитах. Назначение этих шиферных плит до сих пор не выяснено, однако их связь с ритуалом погребения бесспорна.

3. Число два мы обнаруживаем и в приношениях во время поминок: именно два пирога готовится (от каждого дома) для поминального стола.

4. Приведенные примеры представляются нам не случайными, а являются отголосками какого-то ритуально-магического значения числа два в погребальном обряде у предков осетин.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 89.

ОБ ОДНОМ ПОХОРОННОМ ОБЫЧАЕ У ОСЕТИН

1. Культ мертвых у осетин в прошлом имел сложную ритуальность. До недавнего времени сохранилась только малая ее часть. Особое место среди похоронных обычаев занимает обряд оповещения близких и родственников о кончине того или иного лица. Вестник смерти, если был конным, соблюдал определенные церемонии: подъезжал к населенному пункту молча, и главное, сходил с коня и садился на него не с обычной – левой – стороны, а справа. Это необычное спешивание и посадка сами по себе уже были знаком печальной миссии.

2. Изображения покойников на надмогильных стелах с правосторонней посадкой нам представляются иллюстрациями упомянутого ритуала. Необычность жеста и позы, по-видимому, были уже знаком траура, и для зрителей становилось ясно, что перед ними изображение покойника.

3. Некоторую трудность вызывает хронологический разрыв между описанным ритуалом и названным изображением, ибо стела, о которой идет речь, является сарматской. Однако имея в виду особую стойкость и консерватизм погребальных обрядов, а также генетическую связь осетин с алано-сарматами, мы считаем вправе связывать эти два явления.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 132.

БРИТАТСКИЙ СКЛЕП

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт за последние годы приступил к планомерному исследованию средневековых памятников горной зоны Южной Осетии. Однако работа, несмотря на ее очевидную важность для ряда вопросов, связанных с малоизвестными страницами средневековой истории края, продвигается не в должных темпах и масштабах.

История изучения средневековых памятников горной зоны Южной Осетии начинается с 1886 года, когда В. И. Долбежев провел пробные раскопки в Едиси и Ермане, а материал передал в Эрмитаж. В свое время отмеченная Б. В. Теховым неверная паспортизация сборов В. И. Долбежева намного обесценивает их[1].

В 1891 году П. С. Уварова раскопала могильник в с. Сба. Однако местонахождение раскопанного ею могильного холма «спускающегося в Льяхве двумя террасами, размером шагов в сорок»[2], трудно определить, ибо имеется несколько похожих террас. Материалы этих раскопок не сохранились.

После победы Советской власти изучением средневековых древностей Южной Осетии занялась по поручению Закавказской научной ассоциации (ЗНА) Е. Г. Пчелина. Ею были раскопаны погребения в каменных ящиках в с. Едыс. Несмотря на перспективность работ, раскопки и исследования средневековых памятников горной зоны Южной Осетии прекратились[3]. После этого, в течение 40 лет никто не занимался средневековой археологией Южной Осетии.

---

[1] Техов Б. В. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинири, 1957. С. 11.

[2] Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Ч. III. Рача, Горийский уезд, горы Осетии. Москва, 1904. С. 170.

[3] Пчелина Е. Г. Труды ЗНА. Материалы по изучению Грузии, Юго-Осетия. Серия I. Вып. I. Тифлис, 1925. С. 246.

Но в 1965 году археологическая экспедиция ЮОНИИ под руководством Б. В. Техова предприняла раскопки городища Царциатов в с. Едис.

Добытый в результате одного полевого сезона материал скуден и маловыразителен[1]. В последующие годы, в 1966-1972 гг., нами были проведены разведочные работы и обнаружены новые могильники.

Таким образом, известно уже около двух десятков могильников средневекового и позднесредневекового времени в верховьях Большой Лиахвы. Среди этих памятников наиболее любопытны склепы. Эти уникальные погребальные сооружения подвергаются разрушению от губительных сил природы и от рук самодеятельных раскопщиков. Спасение их для науки – весьма своевременная задача археологов и этнографов. Исследованию одного из этих склепов посвящена данная статья.

Бритатское ущелье находится в верховьях Большой Лиахвы в Урстуалта[2]. Замкнутое со всех сторон горами, Бритатское ущелье представляет собой один из красивейших уголков края. Леса, пастбища, пригодные для пахоты участки, минеральные воды, текущие в изобилии, две сливающиеся речки Бритат-дон и Ерман-дон с величественным водопадом «Ахсардзан» и все это на фоне заснеженных вершин не только живописно, но и с древнейших времен привлекало людей для поселения[3].

Напротив села расположен высокий скалистый холм, на вершине которого некогда стояла крепость, как бы

[1] Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового городища царциатов в с. Едис, Джавского района. План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали, 1967. С. 12.

[2] «Урстуалта» (осет.) – «белые двалы» – высокогорная часть Южной Осетии.

[3] Здесь в 1967 г. был обнаружен могильник IX века с погребениями в каменных ящиках.

запиравшая узкий выход из ущелья. Башни, стены и примыкавшие к ним строения сейчас только угадываются по остаткам.

На юго-восточном склоне холма расположен склеп (рис.1). Часть склепа скрыта в склоне, а фасад, часть боковых стен и перекрытие выступают наружу. Подобные склепы известны под названием полуподземных.

Британский полуподземный склеп выстроен из скальных и туфовых обломков. Некоторые камни несут следы обработки.

В строительстве склепа использованы и шиферные плиты. Они составляли некогда подобие карниза. Лаз-проход составляют крупные монолиты. Над лазом в продольную щель вставлены прямоугольные скальные обломки, что придает склепу некоторую красоту. Ширина его фасада 3,8 м, высота 2,9 м. Длина боковых стен приблизительно 5,7 м. Лаз вовнутрь расширяется: снаружи 48х49 см, а внутри 62х62 см. Размеры погребальной камеры: длина – 4,3 м, высота – 3,2. Лаз внутри отстоит от дна камеры на 0,97 м. Стены камеры, постепенно сужаясь, переходят в ровное покрытие. Потолок сделан приемом ложного свода (рис. 2, 3).

В склепе при предварительном осмотре обнаружены человеческие кости, черепа, обрывки тканей, доски, обломки керамики и осколки стекла.

Раскопку производили не послойно, ибо этот метод ничего бы не дал из-за перемешанности слоев. Расчищали камеру по участкам. Собранный в склепе инвентарь распределили по виду материала, из которого они изготовлены, т.е. отделили друг от друга предметы из железа, дерева, глины, стекла, из кости и рога, камня, ткани и кожи; выделены также детали одежды и украшения.

Отмеченная перемешанность слоев не позволила определить положение трупов, но по описанию очевид-

цев, когда склеп еще не был потревожен, покойники все лежали ногами к выходу.

КЕРАМИКА. Глиняные кувшинчики в количестве 6 штук разнообразной формы.

1. Глиняный кувшинчик без поливы и с отломанной ручкой.

Снаружи был покрыт красноватой краской нестойкого качества, так как местами краска сошла. Венчик кувшинчика выделяется горизонтальным желобком. С противоположной от ручки стороны имеется слив. Высота кувшинчика 124 мм. На шейке два желобка. Изготовлен кувшинчик на гончарном круге, светлого обжига (рис. 4-26).

2. Оригинальный кувшинчик с носиком, как у чайника (носик отбит, а отверстие заткнуто выструганной палочкой, обмотанной для герметичности тканью). На горловине выступающее кольцо. Шейка горлышка узкая 22 мм. Снаружи отверстие горлышка 21 мм. Слива у кувшинчика нет, но венчик заметно выступает. Изделие изготовлено на гончарном круге и покрыто изумрудно-зеленой половиной. Малые размеры кувшинчика (высота 145 мм) не позволяют отнести его к хозяйственным предметам. Как и предыдущий кувшинчик, он относится к ритуальным предметам (рис. 4-27).

3. Глиняный кувшинчик, по общей конфигурации напоминающий первый кувшинчик, но с темной травянистого цвета поливой. На противоположной от ручки стороне тулова грубое рельефное изображение человеческого лица. Под большим ртом вертикальными линиями отмечена растительность (борода?). Основание ручки с тремя выпуклинами. На этом же уровне – горизонтальная желобчатая линия, не пересекающая «лицо».

Кувшинчик хорошо сохранился, хотя в некоторых местах полива отбита. Высота кувшинчика 131 мм (рис. 4-31).

4. Малый глиняный кувшинчик с сильно выступающим кольцом на горловине, переходящим в ручку (ручка не сохранилась). Тулово грушевидной формы. Горлышко «гофрировано», края его отбиты. Кувшинчик красного цвета, без поливы, излом светлый. На шейке два слабо выраженных желобка. Высота кувшинчика 136 мм (рис. 4-34).

5. Глиняный кувшин с ручкой и горлышком, без поливы. От ручки сохранилось только нижнее основание. Горлышко полностью отбито. На шейке – два горизонтальных желобка. Сохранившееся полностью тулово (с трещиной) округлой формы. Высота 140 мм, диаметр дна 62 мм, диаметр тулова в средней части 120 мм (рис. 4-47).

6. Глиняный кувшинчик с яйцевидным туловом без поливы. На поверхности следы обработки на гончарном круге. Ручка и горло сосуда не сохранились, ниже шейки – горизонтальная желобчатая полоса. Высота сохранившейся части 124 мм, диаметр дна 64 мм, наибольший диаметр тулова 105 мм (рис. 4-49).

Описанные кувшинчики имеют аналогии в Челиатских склепах[1] и исследованных В. Х. Тменовым материалах из «города мертвых» с. Даргавс[2] (Северная Осетия).

Временем бытования подобных сосудов специалисты считают позднее средневековье, не ранее XV века[3].

Качество изготовления кувшинчиков, оформление и обработка их весьма высокое, что предполагает ввоз их из какого-либо центра, где производство глиняной посуды достигло высокого профессионального уровня. Принято считать, что часть даргавской керамики имеретинского происхождения. Следовательно можно допустить,

[1] См. наш отчет 1972 года.

[2] Тменов В. Х. Археологическое исследование «города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 году. МАДИСО. Том II. Орджоникидзе, 1969. С. 146. Рис. 8, 5, 11. Табл. IV.

[3] Там же. См. сноску на стр. 144.

что керамика Бритатского ущелья также имеретинского происхождения, ибо территориально Имеретия ближе к верховьям Б. Лиахвы, нежели к Даргавсскому ущелью.

Более сложным является происхождение кувшинчиков с носиками. В. Х. Тменов склонен считать из чечено-дагестанского производства[1], хотя точных аналогий он не приводит. В исследовании А. С. Пиралова о кустарных промыслах Кавказа нам удалось обнаружить абсолютную аналогию нашим кувшинчикам с носиком, которые происходят из Армении[2]. Там же указывается, что «в окрестностях г. Еривани гончарное производство находится в руках армян и персов»[3].

Вряд ли из Армении завозили в Осетию кувшинчики с носиками, но форма их могла попасть к непосредственным соседям осетин, а оттуда уже в описываемый нами район.

Наибольший интерес вызывает кувшинчик с грубым изображением человеческого лица. Их в Южной Осетии найдено пока 2 экземпляра. Имеются они и в материалах Даргавсских склепов.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ. 1. Четырехгранный флакон из прозрачного стекла с покатой шейкой, узким горлом и значительно отогнутым венчиком. Высота 144 мм, основание 59х46 мм (рис. 4-53).

2. Стеклянная бутылка темного цвета со штампом-налепом на шейке. На штампе вензель из заглавных букв «Г», «С», «Р», под ним четко видна надпись: «полу». Штамп в диаметре около 200 мм, толщина около 3 мм. Высота бутылки 270 мм, диаметр 83 мм (рис. 4-54).

3. Стеклянная бутылка темного цвета со штампом-на-

[1] Там же. С. 143-144.

[2] Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 105. Рис. 70.

[3] Там же. С. 103.

лепом на шейке. Надпись на штампе неразборчива. Тулово бутылки кверху расширяется. Высота 270 мм, диаметр 89 мм (рис. 4-55).

4. Стеклянная бутылка вытянутой формы. Зеленого цвета. Края горлышка двуступенчатые. Высота 300 мм, диаметр 78 мм (рис. 4-56).

5. Стеклянная бутылка со штампом-налепом на шейке, толстым горлом и сетчатым рифлением на тулове. Высота 213 мм, диаметр 94 мм (рис. 4-59).

6. Стеклянная бутылка с круглым штампом на шейке и отбитым дном. Края штампа неровные. На штампе неразборчивые знаки. Диаметр штампа около 35 мм, толщина 6-8 мм. Горлышко конической формы сужается вверх до 22 мм, край горлышка сильно выступает в виде кольца: диаметр его 37 мм, высота сохранившейся части 192 мм, диаметр тулова около 100 мм (рис. 4-60).

Все бутылки русского фабричного производства. Подобные бутылки встречаются почти во всех склепах, на некоторых из них четко видна дата «1820». Бутылки, несомненно, попадали в горы Южной Осетии с Северного Кавказа, где приобретались у купцов на кавказской линии; об этом же свидетельствует и Ю. Клапрот в своих путевых заметках[1]. Вероятнее отнести их попадение в склепы к первой четверти XIX века.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА. Этот разряд вещей в основном представлен кружками и газырями, но есть и другие предметы.

1. Круглая ручка от деревянного сосуда, цельная со стенкой. Часть стенки сохранилась. Ручка, по-видимому, представляла сучок от ствола, из которого была выдолблена кружка. Длина 67 мм, диаметр 21 мм (рис. 4-14).

[1] Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 171.

2. Деревянная кружка с двумя заостренными «ушками» одно против другого. Вставное дно не сохранилось. Диаметр устья 116 мм, дна – 132 мм, т.е. кружка расширялась книзу, высота 122 мм (рис. 4-24).

3. Деревянная кружка с лопнувшим туловом. Высота 119 мм, диаметр дна 131 мм (рис. 4-23).

4. Деревянная кружка, лопнувшая и свернувшаяся от высыхания. Дно не сохранилось. Высота 109 мм (рис. 4-25).

5. Фрагменты деревянной кружки с изогнутыми и прогнившими стенками. Высота 122 мм (рис. 4-28).

6. Фрагмент деревянной кружки, без дна. Высота 98 мм, диаметр 83 мм (рис. 4-32).

7. Деревянная кружка с дном и обломанными краями. Высота 96 мм, диаметр 123 мм (рис. 4-33).

8. Деревянная кружка с двухпетельной ручкой. Ручка разрушена. Сосуд расширяется книзу. Высота 131 мм, диаметр дна 119 мм, диаметр устья 99 мм (рис. 4-35).

9. Деревянная кружка без дна. В верхней части, по гребню, имеются расположенные друг против друга заостренные «ушки». Высота 133 мм, диаметр 109 мм (рис. 4-36).

10. Деревянная кружка без дна, с трещинами от высыхания. Высота 110 мм, диаметр 114 мм (рис. 4-45).

11. Деревянная кружка без дна. Высота 131 мм (рис, 4-57).

12. Стенки деревянной кружки. Высота 139 мм (рис. 4-58).

13. Донышки от деревянных кружек. Края их заострены для удобного закрепления в желобчатом пазе нижней части стенок кружки. Разных размеров. В количестве 9 штук (рис. 4-46, 61).

Кроме того найдены предметы, точеные на токарием станке.

1. Деревянный кувшинчик без ручки, вытянутогрушевидной формы. На тулове кольцевые линии в несколько

ярусов. В кувшинчике находилась деревянная трубчатая палочка. Высота кувшинчика 147 мм (рис. 4-52).

2. Точеный деревянный предмет (навершие?) рюмкообразной формы со сквозным отверстием и дырочкой сбоку. Высота 110 мм (рис. 4-62).

ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА. 1. Деревянная плоская лопаточка, сильно поврежденная. Длина 345 мм, ширина 130 мм, толщина 19 мм (рис. 4-10).

2. Деревянная ложка – черпак с длинной ручкой. Ручка обломана, рабочая часть прямоугольной формы. Черпак сильно фрагментирован (рис. 4-11).

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА. 1. Деревянная составная рамочка зеркала. В стенках вырезаны выемки для вставки стекла. Длина 150 мм, ширина 140 мм, толщина 16 мм. Часть планок утеряна (рис. 4-12).

2. Плоская шкатулка с пазом для скользящей крышки. (Футляр для зеркала?). Длина 235 мм, ширина 185, высота 34 мм (рис. 4-13).

3. Самшитовый гребень, двусторонний, с редкими и частыми зубьями, попорченный. Ширина 63 мм, высота 68 мм (рис. 4-29).

4. Самшитовый гребень, двусторонний, с редкими и частыми зубьями, средней сохранности. Ширина 78 мм, высота 84 мм (рис. 4-30).

В склепе найдена уникальная деревянная курительная трубка с медной вставной трубчатой вкладкой и медным глазком-шипом на боку. Длина 60 мм, высота 47 мм (рис. 4-44).

Газыри деревянные обнаруживались в склепе часто. Большинство из них превратилось в труху, у части же не сохранились костяные головки. В наличии имеются 29 экземпляров. Все разновеликие, длина их колеблется от 115 до 140 мм, диаметр 21-26 мм. Отдельно найдено 6 штук костяных головок газырей. Все сохранившиеся газыри со

следами черной «пудры» – пороха. Найдены и свинцовые пули (рис. 4-17, 18, 21, 41, 66).

Предметы из дерева нам представляются местного производства, так как осетины издревле считаются искусными резчиками. Знакомо им и точение на станке («зырнæй зылд»). Материалом же служила древесина дуба, карагача, клена.

ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОСТИ И РОГА. Предметы из кости, встреченные в склепе, представлены в основном отмеченными выше костяными головками газырей и альчиками.

Игра в альчики была излюбленным занятием осетинских мальчиков. В игре использовались бараньи альчики, но в некоторых видах этой игры – для «биты» – применялся бычий альчик, как более тяжелый; его даже искусственно утяжеляли, заливая свинцом. Из 21 альчика в нашей коллекции 20 бараньих, а один бычий с дырочкой, вероятно, для заполнения свинцом (рис. 4-19, 38, 39).

Единственный предмет, сделанный из рога, нами не определен в точности. Длина его 70 мм, диаметр отверстия 20 мм (рис. 4-40).

Возможно это мерка для пороха или приспособление для хранения сухого пороха, о котором упоминает Ю. Клапрот[1], тем более что на кончике рога сделан желобок, вероятно, для подвешивания.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТКАНИ И КОЖИ. Целых одежд в склепе не найдено, но много обрывков тканей в основном красного и белого цвета. По виду это хлопчатобумажная материя фабричного производства. Неровные стежки указывают на то, что шиты они были от руки.

1. Головной убор, сшитый из клиньев, несколько конической формы, с остатками шерсти. По виду напоминает овчину (рис. 4-5). Это была, видимо, распространенная

[1] Клапрот Ю. Указ. соч. С. 157-158.

среди горцев папаха из овечьей шкуры. То что в склепе найден только один экземпляр этого головного убора, следует отнести на счет слабой сохранности инвентаря из-за естественных процессов тления и прочих.

2. Обувь из сыромятной кожи – «арчи». У такой обуви подошва плетеная из тонких ремешков для увеличения трения при ходьбе по покатой поверхности (рис. 4-7).

3. Обувь из сыромятной кожи – «арчиаг дзабыр» с прикрепленной к подошве железной подковкой с шипами для предохранения от скольжения. Подошва цельная, неплетеная (рис. 4-6).

4. Обувь из сыромятной кожи, изящной формы – «чувяк». Видимо, женская. Длина 250 мм (рис 4-50).

5. Высокий мужской сапог из выделанной кожи, ремесленного производства, с заостренным носком и оторвавшейся подошвой. Высота 310 мм, длина 290 мм (рис. 4-51).

Обувь из сыромятной кожи выделывалась на месте. Местного производства, видимо, и папаха. Что касается сапога из обработанной кожи, то он мог попасть в склеп как с Северного Кавказа, так и из Закавказья.

Своеобразна обувь с железной подковкой. Обычно подковки встречаются на сапогах русского производства. На обуви же из сыромятной кожи подковка является как бы подражанием русским образцам.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ. Предметы из металла немногочисленны.

1. Пряжка медная, от пояса, прямоугольной формы, распространенного типа. Высота 30 мм, ширина 34 мм, толщина 5 мм (рис. 4-15).

2. Часть серебряной застежки с орнаментированной поверхностью. Длина 55 мм, ширина 17 мм (рис. 4-43).

3. Перстень пластинчатый из низкопробного серебра (?). Сильно фрагментированный. Ширина 7 мм, толщина – менее 1 мм (рис. 4-16).

4. Подковка железная, от сапога, с шипами наружу. Высота 22 мм, длина 69 мм, ширина 60 мм (рис. 4-8).

5. Железный клинок кинжала, двужелобный, с двумя гвоздиками на рукоятке для прикрепления деревянных или костяных накладок. Металл совершенно проржавел. Длина клинка 340 мм, ширина 40 мм, рукоятка 70 мм (рис. 4-9).

Кинжалы в склепах встречаются весьма редко. Даже в обширном материале из Даргавсского «города мертвых» известно всего 2 кинжала[1], хотя каждый мужчина имел это оружие. Возможны два объяснения отсутствия кинжалов в склепах: или кинжалы не клали в склепы по той или иной причине, или они похищены были впоследствии грабителями. Но скорее всего оружие не клали в склеп, им дорожили, и оно переходило от отца к сыну и т.д.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ. Это разных размеров оселки для правки ножей и бритв. Их найдено 5 экземпляров. Длина колеблется от 83 до 174 мм. В сечении они четырехгранные, плоские, сегментовидные (рис. 4-22, 48, 63, 64, 65).

В склепе найдена скорлупа от грецких и лесных орехов (рис. 4-20, 37, 42). Эти плоды у кавказских народов считались талисманами, часто их клали и в могилы[2] и склепы[3].

Уникальным предметом из склена является плод какого-то неизвестного растения, больших размеров. Это полый сферический предмет яйцеобразной формы с отверстием на тупом конце и двумя дырочками там же. Отверстие пересекает вставленный металлический стерженек, вероятно, для подвешивания. Поверхность предмета орнаментирована мелкой сетчатой нарезкой в четыре яруса в виде лепестков, зигзагообразной линии, узкой полосы и снова лепестков. Насечка выполнена острым ору-

[1] Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1973. С. 45.

[2] МАК VIII. С. 172. Рис. 161.

[3] Тменов В.Х. Археология, исследование «города мертвых». С. 154.

дием. Для чего служил предмет – определить трудно, но не исключена возможность применения его для хранения специй, приправ или лекарств.

Описанные вещи не отражают весь комплекс предметов, находившихся в склепе, ибо, как уже было отмечено выше, склеп подвергся ограблению. Многие предметы, особенно сосуды, были, по рассказам жителей, разбиты из озорства. Исчезли и украшения – перстни, кольца, привески, пояса.

Однако оставшиеся вещи могут быть использованы для восстановления погребального обряда, датировки, культурных связей и пр.

Возникла трудность определения нижней хронологической даты Бритатского склепа. Верхнюю дату мы определяем по русским бутылкам первой четвертью XIX века. Для определения времени использования склепов может служить количество погребенных в нем. Правда, в довольно грубых подсчетах. В Бритатском склепе около четырех десятков черепов различной сохранности. Следует помнить, что часть черепов была со временем выброшена всякого рода грабителями. Допустим, что утеряно 10 черепов. В таком случае в склепе, можно полагать, было погребено около полусотни усопших. Принимая во внимание меньшую, чем сейчас, продолжительность жизни, несчастные случаи, боевые действия и болезни, т.е. высокую смертность, можно говорить, что Бритатский склеп использовался на протяжении 100-150 лет, т.е. где-то с конца XVII по первую четверть XIX века. Более определенно из-за недостатка материала говорить не приходится.

Об экономических связях бритатцев с внешним миром – Россией, Грузией, Северным Кавказом – свидетельствуют находки бутылок, керамики, тканей, обуви и мелких предметов.

Что касается изделий из дерева, то они характеризуют бритатцев как умельцев по изготовлению посуды и всяких поделок. Не лишены они были и эстетического вкуса, о чем можно судить как по изготовляемым ими предметам, так и по постройке самого склепа, который хотя и был выстроен по принятому распространенному образцу, но на его фасаде имеются украшения наподобие фриза.

Работа по изучению склепов и склепового обряда захоронения в горах Осетии пока только начинается, а потому мы воздерживаемся от далеко идущих выводов. Одно можно сказать, что полное исследование этих памятников, несомненно, раскроет многие тайны истории осетинского народа.

Подводя итоги сказанному, можно отметить:

1. В позднем средневековье горцы-осетины для погребения усопших использовали склеповый обряд.

2. Склепы и инвентарь из склепов являются ценным источником по истории Южной Осетии XVII-XIX вв.

Известия ЮОНИИ. 1976. Вып. XX. С. 55-67.

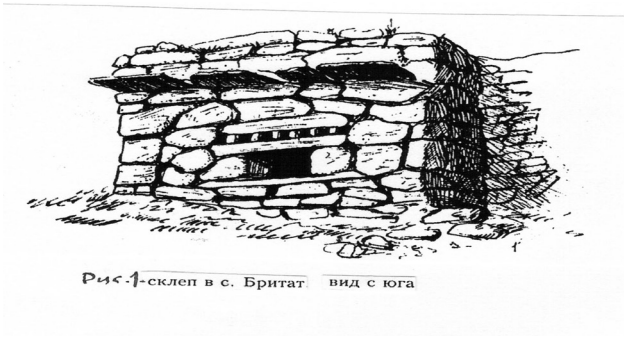


Рис. 1. Склеп в с. Бритат. Вид с юга

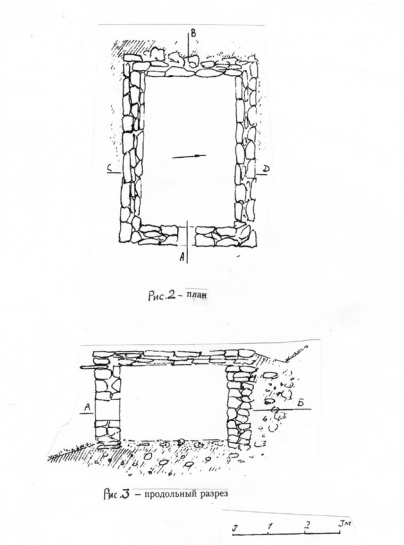


Рис. 2,3. План склепа, продольный разрез склепа

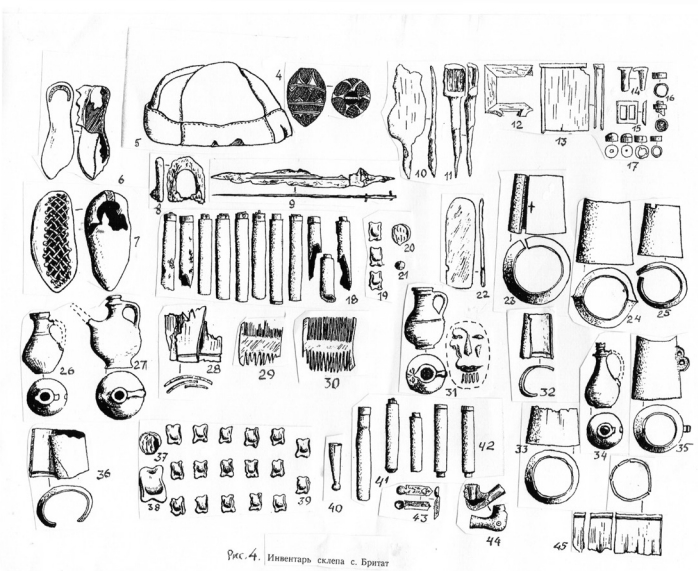


Рис. 4. Инвентарь склепа с. Бритат

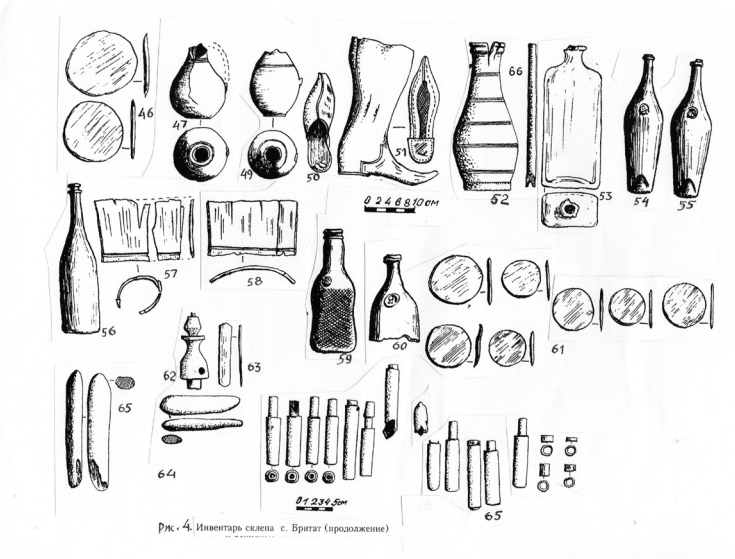


Рис. 4. Инвентарь склепа с. Бритат (продолжение)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ САУ-ДЗУАР И ЕРМАН

В фондах Государственного Эрмитажа в Ленинграде имеются предметы, доставленные известным археологом-кавказоведом дореволюционного периода Василием Ивановичем Долбежевым в 1886 г.

Судя по актам описи и этикеткам, часть вещей добыта В. И. Долбежевым в верховьях Большой Лиахвы среди развалин святилища Сау-Дзуар (Черное святилище) и в склепах с. Ерман.

Настоящая публикация имеет своей целью введение в научный оборот этого материала.

СВЯТИЛИЩЕ САУ-ДЗУАР

I Наконечники стрел (табл. I).

1. Железный наконечник стрелы, четырехгранной формы. Кончик головки проржавел и отпал. Длина головки 25 мм, толщина в нижней части 8 мм. Черешок длинный, погнутый 49 мм (рис. 1). Инв. № 5567.

2. Железный наконечник стрелы, ромбовидный в сечении, с утолщениями-заусеницами. Длина головки 32 мм, ширина 8 мм, длина черешка 23 мм (рис. 2). Инв. № 3156.

3. Железный наконечник стрелы, ромбовидного сечения, граненый, с отломанным черешком. Длина головки 54 мм, ширина 8 мм, остаток черешка 7 мм (рис. 3). Инв. № 3184.

4. Железный наконечник стрелы, пламевидной формы, с кольцевым утолщением. Длина головки 29 мм, ширина 11 мм, длина черешка 22 мм (рис. 4). Инв. № 3172.

5. Железный наконечник стрелы, гранено-овальной

формы, с выступающим кольцом-ограничителем у основания, ромбовидным сечением. Длина головки 42 мм, ширина 8 мм (рис. 5). Инв. № 3178.

6. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, с кольцом-утолщением и поврежденным концом. Длина головки 31 мм, ширина 9 мм, длина 22 мм (рис. 6). Инв. № 3185.

7. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, с кольцом-утолщением. Длина 31 мм, ширина 6 мм, длина черешка 33 мм, (рис. 7). Инв. № 3188.

8. Железный наконечник стрелы, линзовидного сечения, с кольцом-утолщением, с плечиками. Длина головки 22 мм, ширина 10 мм, длина черешка 31 мм (рис. 8). Инв. № 3181.

9. Железный наконечник стрелы, ромбовидного сечения, с плавно переходящими в острие широкими гранями, без утолщения. Длина головки 35 мм, ширина 13 мм, длина черешка 32 мм (рис. 9). Инв. № 3191.

10. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, без утолщения. Длина головки 44 мм, ширина у основания 9 мм, длина черешка 30 мм (рис. 10). Инв. № 3182.

11. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, массивный, с ромбовидным сечением и ступенчатым черешком. Длина головки 53 мм, ширина 12 мм, длина черешка 27 мм (рис. 11). Инв. № 3177.

12. Железный наконечник стрелы, узколинзовидного сечения, с 2 выемами в головке и отломанными черешком и жалом. Длина головки 31 мм (рис. 12). Инв. № 3193.

13. Железный наконечник стрелы с плоским пламевидным жалом и утолщением у основания. Длина головки 29 мм, ширина 12 мм, длина черешка 22 мм (рис. 13). Инв. № 3180.

14. Железный наконечник стрелы с плоским ромбовидным жалом и черешком без кольца. Длина головки 41

мм, ширина 13 мм, черешок 19 мм (рис. 14). Инв. № 3179.

15. Железный наконечник стрелы ромбовидной формы и с ромбовидным сечением, без кольца. Длина головки 40 мм, ширина – 14 мм, длина черешка 37 мм (рис. 15). Инв. № 3170.

16. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, упрощенной формы, с квадратным сечением и отломанным черешком. Длина головки 44 мм, ширина у основания 8 мм, остаток черешка 17 мм (рис. 16). Инв. № 3189.

17. Железный наконечник стрелы, многогранный, сечение у острия ромбовидное, с черешком, без кольца. Длина головки 50 мм, ширина 10 мм, и 7 мм, черешок 51 мм (рис. 17). Инв. № 3194.

18. Железный наконечник стрелы, несколько ромбовидной формы с утолщением вдоль жала, без кольца. Длина головки 16 мм, ширина 15 мм, длина черешка 32 мм (рис. 18). Инв. № 3173.

19. Железный наконечник стрелы, с поврежденным плечиком, линзовидного сечения, с тонким кольцом ограничителем. Длина головки 38 мм, ширина 14 мм, длина черешка 27 мм (рис. 19). Инв. № 3174.

20. Железный наконечник стрелы, с поврежденным лезвием, с овальносходящимися к концу краями и овальными вырезами у основания, в сечении ромбовидный. Длина головки 51 мм, ширина 13 мм и в вырезах 5 мм, длина черешка 57 мм (рис. 20). Инв. № 3175.

21. Железный наконечник стрелы, четырехгранный в верхней части и шестигранный у основания. Длина головки 46 мм, ширина 10 мм, черешок 39 мм (рис. 21). Инв. № 3183.

22. Черешок железного наконечника стрелы. Длина 66 мм (рис. 22). Инв. № 3192.

23. Железный наконечник стрелы, четырехгранный, с квадратным сечением, выемкой по окружности у основа-

ния и кольцом. Длина головки 29 мм, ширина 9 мм, черешок 22 мм (рис. 23). Инв. № 3190.

24. Железный наконечник стрелы с линзовидным сечением, но с продольной гранью, округлыми плечиками и маленьким кольцом-ограничителем, лезвия повреждены. Длина головки 53 мм, ширина 16 мм, черешок 49 мм (рис. 24). Инв. № 3176.

II Предметы украшений (табл. II)

1. Перстень серебряный с сердоликовой вставкой. Щиток украшен чеканным (штампованным?) орнаментом. Весьма изящной формы. Диаметр перстня 24 мм, высота щитка с жуковиной и камнем 5 мм (рис. 1). Инв. № 6162.

2. Перстень (серебро?) с чеканным щитком. На щитке гравированный кружочек. Диаметр перстня 19 мм. Щиток несколько утолщен (рис. 2). Инв. № 5781.

3. Проволочное кольцо, незамкнутое (серьга?). Диаметр 26 мм. Проволока тонкая – 1-1,5 мм (рис. 3). Инв. № 5780.

4, 5. Остатки висячих украшений, с ушками для подвешивания. Второй предмет сплюснут (рис. 4,5). Инв. №№ 6142, 6143.

6. Обломок браслета из витого стекла синеватого цвета. Толщина браслета 6 мм. Обломок примерно 2/3 всего браслета (рис. 6). Инв. № 5565.

7. Обломки браслетов из витого стекла, разные (рис. 7, а, б, в, г.):

а – длина 60 мм, толщина 7 мм, инв. № 6001.

б – длина 35 мм, толщина 6 мм, инв. № 6003.

в – длина 38 мм, толщина 7 мм, инв. № 6004.

г – длина 33 мм, толщина 7 мм, инв. № 6002.

III Предметы из камня (табл. II).

1. Сердоликовые привески каплевидной формы с гранями, просверленные. 4 экземпляра (рис. 8 а, б, в, г.) Инв. № 6005.

2. Кремневый отщеп, возможно, кремешок для высекания огня кресалом, высота 22 мм, ширина 12 мм (рис. 9). Инв. № 5782.

Часть описанных предметов представляет собой комплекс уникальных для культового места вещей. Тогда как на других памятниках, погребальных и бытовых, их нахождение – обычная вещь. Что касается наконечников стрел, то в Дзуарах они встречаются часто1.

Разнообразие форм наконечников стрел подсказывает мысль о широком распространении этого вида метательного орудия в горах Кавказа до появления огнестрельного. Однако было бы неверным утверждать, что огнестрельное оружие сразу заменило лук и стрелы. Определенное время, связанное с дороговизной огнестрельного оружия, относительно сложного изготовления припасов к нему и т.д., эти два вида оружия сосуществовали, т.е. бытовали в одно и то же время. Во всяком случае в XVII веке лук и стрелы могли еще встречаться в быту горцев Кавказа.

Что касается нижней хронологической даты перечисленных выше форм наконечников стрел, то следует обратиться к аналогиям. Наилучшим исследованием ручного метательного оружия народов Восточной Европы является труд А. Ф. Медведева «Ручное метательное оружие VIII-XIV вв.»2.

Многие наконечники стрел из святилища Сау-Дзуар находят аналогии в материалах из Северного Кавказа, Придонья и Южной России. Так, наконечники стрел из Сау-Дзуар (№1, №10, №16) идентичны наконечникам стрел

[1] Миллер А. Жертвенные предметы из осетинских Дзуаров. Материалы по этнографии. Том III. Выпуск первый. Л., 1926. С. 87.

[2] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII-XIV вв. Свод археологических источников. М.: Наука, 1966.

из городища Горица (XI в.)1 и Изяславля (XII век)2 и катакомбного могильника Чми (МАК VIII, табл. X). Близок к этим наконечникам и наконечник №3 из Сау-Дзуарского святилища.

Все они четырехгранные без упоров-ограничителей. Это тип 88 по схеме А. Ф. Медведева.

Наконечник стрелы №4 нашего описания аналогичен наконечнику стрелы из Поломского могильника (IX в.)3. Аналогию наконечника стрелы №5 мы усматриваем из городища Алчедар (X век)4. Наконечник стрелы №6 сходен с наконечником из Старой Рязани (XIII в.)5 Близок к ним и наконечник стрелы №7.

Аналогичен наконечнику стрелы №8 наконечник из Городища на Волге (XIII в.)6.

Наконечник стрелы №9 аналогичен наконечнику стрелы из Новотроицкого городища (IX в.)7.

Близок наконечник стрелы №11 наконечнику стрелы из кургана у с. Харьковки (XIV в.)8 и из кургана у ст. Белореченской (XIV в.).

Находят аналогии и наконечники стрел №13 и №19 в инвентаре курганов из ст. Белореченской (XIV век)9.

Наконечник стрелы № 14 аналогичен наконечнику стрелы из Новгорода (XIV в.)10.

---

[1] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII-XIV вв. Свод археологических источников. М.: Наука, 1966. С. 149. Табл. 19-31.

[2] Там же. С. 153. Табл. 21-20.

[3] Там же. С. 137. Табл. 13-23.

[4] Там же. С. 145. Табл. 18-13.

[5] Там же. С. 161. Табл. 25-3.

[6] Там же. С. 157. Табл. 23-10.

[7] Там же. С. 137. Табл. 13-22.

[8] Там же. С. 166. Табл. 28-14, 12.

[9] Там же. С. 163. Табл. 26-7,8.

[10] Там же. С. 163. Табл. 26-10.

Наконечник стрелы №15 близок наконечнику стрелы из Веселовского могильника (XI век)[1]. Совершенно идентичен ему наконечник из Даргавса (МАК VIII. Табл. IV, 22).

Некоторую аналогию можно усмотреть между наконечником стрелы №17 и наконечником стрелы из городища Екимауцы (X в.)[2].

Наконечнику стрелы №18 соответствует наконечник стрелы из Новгорода (X век)[3].

Близкой аналогией наконечнику стрелы №20, правда, неполной, можно назвать наконечник стрелы из Изяславля (XIII век)[4].

Находит сходство и наконечник стрелы №21 с наконечником с Девич-горы (X век)[5].

Маленький четырехгранный наконечник стрелы №23 можно сравнить с наконечником из Кургана №I у пос. Праздничного (XIV век)[6].

И, наконец, наконечник стрелы №24 имеет сходство со стрелой из Кургана 276 погребения 3 у деревни Краснополки[7].

Наконечнику стрелы №2 пока еще не подобрана аналогия, возможно, что он оригинален.

Все наконечники стрел из Сау-Дзуар представляют собой экземпляры черешковидные. Предназначение их боевое. №№ 1, 3, 6, 7, 10, 16 явно предназначены для пробивания панциря, №20 и №24 – для нанесения широких ран. Впрочем, могли они употребляться и для охоты на крупного зверя. Одним словом, все наконечники стрел «дело-

[1] Там же. С. 147. Табл. 18-11.
[2] Там же. С. 145. Табл. 17-3.
[3] Там же. С. 142. Табл. 15-32.
[4] Там же. С. 161. Табл. 25-8.
[5] Там же. С. 145. Табл. 17-5.
[6] Там же. С. 168. Табл. 28-5.
[7] Там же. С. 147. Табл. 18-13.

вые», а не специально изготовленные для святилища.

Найденные аналогии наконечникам стрел из Сау-Дзуар находятся в хронологических рамках IX-XIV вв. Было бы грубейшей ошибкой перенести эти же хронологические рамки на кавказский материал. Развитие материального производства на равнине происходит значительно быстрее, нежели в горных, изолированных местностях. Горная зона, отличаясь большей консервативностью и замкнутостью, дольше удержала в быту различные предметы обихода, оружия, утвари. Несмотря на известную быструю распространимость и проникновение в среду соседних народов предметов вооружения, лук и стрела долго еще бытовали в горах Кавказа, тогда как в Южной России огнестрельное оружие давно уже было обычным.

Наконечники стрел в виде жертвенных предметов в святилища попадали во время их широкого бытования, а не тогда, когда их значение упало. Богомольцы-паломники, несомненно, считали их важными предметами, способными задобрить грозное божество.

Любопытно отметить, что с появлением огнестрельного оружия в святилища стали приносить свинцовые пули[1]. Появление огнестрельного оружия в Осетии относят к XVI веку[2]. Однако распространение его, видимо, следует отнести к XVII веку. В XVIII веке огнестрельное оружие было обязательным компонентом экипировки осетина-воина[3].

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что наконечники стрел в Сау-Дзуар попали не позднее XVII века.

Нижней хронологической рамкой нам удобнее всего назвать XIV век по той причине, что имеются как раз ана-

[1] Чурсин Г.Ф. Осетины. Труды ЗНА. Тифлис, 1925. С. 180; Миллер А. Указ. раб. С. 87.

[2] Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. С. 291.

[3] Вахушти. География Грузии. ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. С. 143.

логии именно этой даты. Привлечение несколько дальних (территориально) аналогий для предметов вооружения, особенно в средневековье, вполне правомерно. С другой стороны, в средневековый период предметы вооружения не могут служить этническим определителем. Все это связано с широким распространением наиболее рациональных форм предметов вооружения, быстрым взаимопроникновением в быт народа предметов оружия и воинского снаряжения.

Итак, наконечники стрел попали в Сау-Дзуар в виде жертвенных предметов не сразу, а в течение определенного периода – с XIV по XVII век. На разновременность попадания наконечников стрел в святилище указывает и разнообразие их форм, ибо ни один наконечник стрелы не копирует другой. Разнообразие форм наконечников, с другой стороны, сигнализирует о местном изготовлении этих предметов, ибо относительная простота их ковки и обработки (по сравнению, например, с холодным и огнестрельным оружием) давала возможность большому числу умельцев самим изготовлять наконечники стрел.

Следующие предметы – предметы украшения и кремневый отщеп – почти никогда не встречаются в культовых памятниках. Однако в погребальных комплексах они нередки.

Перстень с вставкой (рис. 1) по характеру чеканки и изящной отделке вполне соответствует времени бытования стрел, т.е. XIV-XVII вв.

Несколько архаичнее другой перстень, с орнаментом на щитке в виде кружочка с точкой посередине. Такой орнамент встречается и на более поздних предметах (газырях, курительных трубках и т. д.).

Остатки висячих украшений в виде полых пуговок с ушками для подвешивания находят многочисленные аналогии. Они бытовали на Кавказе очень большой проме-

жуток времени. Так, они были обнаружены в катакомбном могильнике Чми[1], Кумбульта[2], Махческе[3], встречаются и в поздних (XVIII-XIX вв.) погребениях, в склепах[4].

Кремневый отщеп, видимо, был с железным кресалом, но последний не был найден. Сам по себе кусок кремня не поддается датировке.

Архаичными, но без определенной даты представляются нам и проволочные привески (рис. 3), ибо встречаются и в кобанских древностях и в средневековых[5].

Наиболее точно датируются обломки стеклянных витых браслетов. Этот вид украшений стал хронологическим показателем и датировочным материалом. Известный исследователь аланских древностей В. А. Кузнецов без всякого сомнения датирует памятник X-XII веками, если там встречаются стеклянные витые браслеты[6].

Описанные вещи из Сау-Дзуар не являются комплексом в точном смысле этого слова, ибо они могли попадать и попадали в святилище разновременно.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что языческое святилище Сау-Дзуар (близ с. Ерман) было местом поклонения в течение многих веков, а именно с X-XII по XVII век. Такое святилище, куда в виде жертвенных предметов приносили наконечники стрел (или стрелы), предметы украшения (перстни, браслеты, привески) и быта (кремень), вряд ли было христианской святыней, скорее всего это было языческое капище, несмотря на название «дзуар».

---

[1] МАК VIII. Табл. XI, 6. 10, 11.

[2] МАК VIII. Табл. XCIII, 28.

[3] МАК VIII. Табл. CVII, 14, 20.

[4] Материалы из склепов Юго-Осетии находятся у автора статьи.

[5] МАК VIII. Табл. XIV, 2, 3, 4, 7, 8.

[6] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 50.

ВЕЩИ ИЗ СКЛЕПОВ С. ЕРМАН (ТАБЛ. II)

В урочище Ерман (самый высокогорный населенный пункт Джавского района) три села с тем же названием, и в каждом селе имеются склепы. Так что трудно сказать, в каком из трех сел и в котором из склепов находились следующие предметы, добытые В. И. Долбежевым.

1. Проволочная подвеска бронзовая (?), круглая в сечении, незамкнута, концы заострены. Подвеска в диаметре составляет 41 мм, толщина проволоки около 2 мм (рис. 10). Инв. № 5823.

2. Наперсток медный (?), сплющенный, штампованный. Высота 17 мм (рис. 11). Инв. № 5836.

3. Серьга из дутого серебра грушевидной формы. По краю – плетенка из серебряной проволоки в два ряда. Петля для подвешивания не сохранилась. Утеряны и булавовидные колонки, число которых по сохранившимся внизу петелькам было четыре.

На корпусе серьги имеются поперечные и косые желобки. Высота серьги без колонок 42 мм (рис. 12). Инв. № 5538.

4. Серебряная обоймочка черенка ножа с остатком деревянной рукоятки. Высота 12 мм, ширина 16 мм (рис. 13). Инв. № 5835.

5. Бронзовый бубенчик грушевидной формы с ушком для подвешивания. Высота 29 мм, ширина 14 мм (рис. 14). Инв. № 5840.

6. Складной железный ножик, изъеденный ржавчиной. Ширина 16 мм, длина 82 мм (рис. 15). Инв. № 5834.

7. Бусы круглые – 4 экземпляра. Одна из бусин повреждена (сердолик?), разных размеров: 10, 19, 13 мм в диаметре (рис. 16). Инв. № 6010.

8. Пряжка поясная (бронзовая?) ажурная. Высота 35 мм, ширина 49 мм, толщина пластинки 2 мм (рис. 17).

9. Пряжка бронзовая прямоугольной формы с вертикальным столбиком для закрепления ремня. На корпусе пряжки два ряда пунктирных линий. Высота 30 мм, ширина 27 мм, толщина 4 мм (рис. 18). Инв. № 5837.

10. Серьга бронзовая ажурная, с тремя большими вырезами – круглыми и скобкообразными, внизу три маленькие круглые дырочки. В верхней части – петелька для подвешивания, в нижней – четыре неподвижные колонки с утолщениями-шариками на кончиках. Высота с петелькой 49 мм, ширина у основания 38 мм, толщина 1,5 мм (рис. 19). Инв. № 5839.

11. Привеска в виде бронзовой бычьей головы, стилизованная, кончик рога и «морда» повреждены. Между рогами – петелька для подвешивания: на лбу – два вертикально расположенных кружочка. Высота 30 мм, ширина 55 мм (рис. 20). Инв. № 5833.

Все эти вещи как предметы украшений и быта встречаются в инвентаре склепов в Южной и Северной Осетии, а также в синхронных склепам каменных ящиках указанной территории. Так, серьги грушевидной формы, а также плоские с ажурными вырезами неоднократно были встречены в Даргавских[1] (СОАССР) и Челиатских[2] склепах (Юго-Осет. авт. область) и в позднесредневековом могильнике с. Рук, Есета (Юго-Осет. авт. область).

Так же широко распространены прямоугольные поясные пряжки. Ажурней поясной пряжке мы не подобрали аналогий, однако подобные или близкие ей по форме предметы бытовали в Осетии в позднем средневековье.

Нередки в склепах и поздних каменных ящиках бусы из сердолика. Массовым материалом являются и штампованные наперстки и бубенчики.

---

[1] Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. Орджоникидзе, 1969. С. 152-153. Табл. IX, 1; X, 1, 23.

[2] Неопубликованные материалы автора.

Что касается привески в виде стилизованной бычьей головы, то до сих пор в материалах склепов подобная вещь еще не была встречена, что позволяет нам выразить некоторые сомнения в принадлежности этого предмета к склеповому инвентарю. Скорее всего это вещь из святилища, случайно оказавшаяся среди предметов из склепов.

Вещи из склепов датируются XVII-XVIII вв.

Известия ЮОНИИ. 1976. Вып. XXI. С. 35-44.

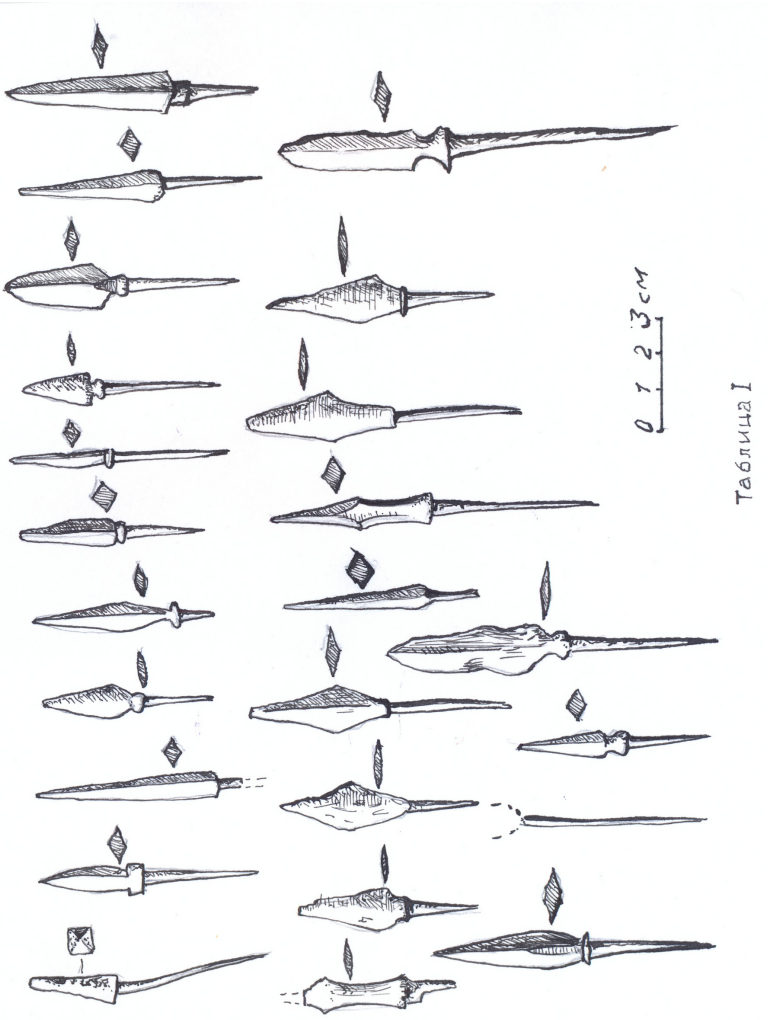


Таблица I

таблица II

СБИЙСКИЙ МОГИЛЬНИК

На северо-восточном краю села Сба (Джавский район), где проживала фамилия Абаевых, имеется терраса с холмом, известная под названием «царциаты къуыпп», т.е. «холм царциатов». Во время археологических поездок по горам Кавказа П. С. Уварова посетила и этот отдаленный уголок, где произвела незначительные раскопки погребального холма. В одном из каменных ящиков его были обнаружены бронзовое кольцо, бусы, пуговицы, железные подковы и железное кольцо[1]. В 1976 и 1977 гг. нами там же были вскрыты 12 погребений в каменных ящиках. Рядом с погребениями были обнаружены следы пожарища и два раздавленных пифосоподобных сосуда (рис. I, 1). Приводим описание погребений и найденного инвентаря.

Каменный ящик №1 был ориентирован на юго-запад. В погребальной камере обнаружен костяк в распростертом положении. Руки лежали вдоль тела, кисти – под тазовыми костями. Там же найдено два железных кольца (рис. 1, 2-3). Зафиксировано наличие древесных угольников.

Каменный ящик № 2 примыкал к южной стенке каменного ящика №1. Погребальная камера содержала костяк взрослого человека, лежавшего вытянуто, на спине. Руки покоились вдоль тела. Ориентация ЮЗ. В грунте встречались угольки. Вещей не обнаружено.

Каменный ящик №3 был обнаружен к югу от каменного ящика №2. Погребальная камера содержала один целый костяк, лежавший вытянуто на спине, и четыре черепа: три черепа лежали к западу от черепа костяка, а один под костями голеней того же костяка. Ориентация целого костяка – ЮЗ. Из вещей найдено: у левого бедра – железное колечко, а в верхней части – пять бусин из сердолика

[1] Уварова П. С. Путевые заметки. Ч. III. М., 1904. С. 170.

и стекла и миниатюрный железный ножик (рис. I, 5-10). В грунте встречались древесные угольки.

Каменный ящик № 4 располагался рядом с каменным ящиком №3. В погребальной камере был обнаружен один целый непотревоженный костяк в вытянутом на спине положении, в ногах у него – разрозненные костяки двух индивидов. Ориентация целого костяка – ЮЗ. Найденные вещи: пара серебряных сережек из тонкой проволоки с напускной полой бусиной, сердоликовые и бронзовая бусины, полые привески-пуговки и две раковины каури со стертой спинкой (рис. I, 11-19). В грунте обнаруживались древесные угольки.

Каменный ящик № 5 был в 60 см к юго-востоку от каменного ящика №4. В камере находился костяк, лежавший на спине в вытянутом положении. Руки покоились вдоль тела. Ориентация погребенного – ЮЗ. В грунте встречались древесные угольки. Вещей не обнаружено.

Каменный ящик №6 располагался к востоку от каменного ящика №4 и частично под ним. Край каменного ящика осыпался в склон оврага. В погребальной камере было обнаружено 7 костяков: один из них лежал в распростертом на спине положении, кости остальных шести погребенных были потревожены и сдвинуты к западной стенке ящика. Ориентация целого костяка – ЮЗ. Из вещей найдены: сердоликовая граненая бусина, бронзовый щиток перстня в виде четырехлепестковой розетки и четырехгранная костяная трубочка с циркульным орнаментом (рис. I, 20-22). В грунте встречались древесные угольки.

Каменный ящик №7 был выявлен в двух метрах к югу от каменного ящика №6. В камере было два слоя погребений. В верхнем слое 6 костяков, один из них лежал вытянуто, на спине. Правая рука его была согнута в локте и лежала на животе, а левая покоилась вдоль тела; остальные костяки были сдвинуты к западной и южной стенке ящика. В ниж-

нем слое – четыре черепа с незначительным количеством костей в левом углу у западной стенки, причем два из них детских и два взрослых. В нижнем слое найдены две пупырчатые фаянсовые бусины с сине-зеленой глазурью, одна стеклянная бусина с орнаментом, кольцевидная височная привеска с отогнутыми концами и фрагменты железного браслета (рис. I, 23-25, 29, 30). В грунте попадались древесные угольки.

Каменный ящик №8 находился к востоку от каменного ящика №7. Погребальная камера содержала плохо сохранившийся скелет ребенка. Ориентация – ЮЗ. Положение скелета вытянутое, руки вдоль тела. Найден 1 бараний астрагал. В грунте встречались угольки.

Каменный ящик №9 располагался между ящиками №7 и №8. Погребальная камера содержала один целый костяк и четыре черепа, причем три черепа были сдвинуты к западной стенке, а один находился в ногах у целого костяка. Целый костяк лежал вытянуто на спине, руки лежали вдоль тела. На тазовых костях сохранились следы от костяка ребенка. Тут же были найдены астрагалы в количестве 14 штук. В грунте попадались древесные угольки.

Каменный ящик №10 примыкал вплотную к южной стенке каменного ящика №9 и залегал несколько глубже. Камера содержала 7 погребений: два относительно целых костяка и пять черепов, которые были сдвинуты к западной стенке. Целые костяки лежали рядом, с вытянутыми конечностями, на спине. Под ними находился еще один слой погребений с пятью черепами и потревоженными костями. Из вещей обнаружены: свыше 40 мелких стеклянных бисерин, по одной сердоликовой, фаянсовой, стеклянной бусине, фрагмент сурьмяной височной привески, костяная пуговица, бронзовое колечко и бронзовый браслет с чеканным орнаментом (рис. I, 27, 33-38, 42). В грунте встречались древесные угольки.

Каменный ящик №11 находился к югу от каменного ящика №7. Погребальная камера была разделена поперечно уложенной шиферной плитой на два отсека. В малом отсеке (длина 30-35 см) находились два черепа и кости. В большом отсеке находился костяк в распростертом на спине положении. Правая рука покоилась на тазовых костях. Ориентация – ЮЗ. Из вещей найдены: серебряное колечко и железный гвоздь с четырехгранным стержнем, острый конец которого загнут (рис. I, 26, 45). В грунте обнаруживались древесные угольки.

Каменный ящик №12 располагался около каменного ящика №11. В камере находились останки пяти погребенных. Сохранились только черепа, все они лежали у западной стенки. Из вещей найдены: серебряная пуговка-привеска с ушком, две полуспиральные привески из проволоки круглого сечения, два незамкнутых бронзовых колечка, перстень с фигурным щитком из низкопробного серебра и раковина каури (рис. I, 32, 39, 40, 43). В грунте обнаруживались древесные угольки.

Таким образом, из двенадцати каменных ящиков только четыре оказались с одиночными захоронениями, остальные коллективные. В двух (каменные ящики №7 и №10) зафиксированы двухслойные или двухъярусные погребения. В коллективных каменных ящиках, за исключением каменного ящика №10, только один костяк находился в непотревоженном состоянии, а кости остальных погребенных были сдвинуты в основном к западной стенке погребальной камеры. Так как непотревоженные костяки часто покоились на разрозненных костяках других погребенных, их следует считать последними захоронениями. Ориентация погребенных одинакова: все они лежали головой на ЮЗ. Положение рук у погребенных в основном одинаковое – вдоль тела, но в двух случаях (каменные ящики №3 и №11) руки были согнуты в лок-

те и лежали на животе. Во всех каменных ящиках были найдены древесные угольки. Коллективные, или семейные, каменные ящики были отмечены В. И. Долбежевым в могильнике «царциатского» городища в с. Едис[1], там же подобные погребения обнаружила и Е. Г. Пчелина[2]. Семейные каменные ящики известны и из Северной Осетии (Хор-Гон[3], Задалиск[4], местность Гал-фандаг в Кассарском ущелье[5], Харх[6] и др.). Каменные ящики с индивидуальными захоронениями характерны для всего Центрального Кавказа (Осетия, Ингушетия) и бытуют со II тысячелетия до н.э.[7] вплоть до XIX в.

Юго-Западная ориентировка положения погребенных является следствием неправильного определения населением запада в связи с сезонными различиями захода солнца в гористой местности; в общем эти захоронения следует понимать как ориентацию на запад.

Наличие древесных угольков в погребениях весьма широко распространено на всем Кавказе и, видимо, связано с верой в очистительную магическую силу огня. Как пережиток этой веры можно объяснить принятый у современных осетин ритуал – на могиле после погребения покойника разводят костер.

Как видно из описания погребений, в Сбийском могильнике отмечается наличие только личных украшений и

---

[1] Отчет археологической комиссии за 1886 г. СПб., 1887. С. 125-126.

[2] Пчелина Е. Г. Труды ЗНА. Тифлис, 1925. С. 246.

[3] Отчет археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 59.

[4] МАК VIII. С. 189.

[5] Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. Труды УАС в Тифлисе. М., 1882. С. 240-242.

[6] Отчет археологической комиссии за 1888 г. С. 231-236.

[7] Марковин В. И. О происхождении северокавказской культуры // СА. 1959. №1. С. 3.

полное отсутствие следов заупокойной пищи (альчики-астрагалы, найденные в каменных ящиках, являются предметами распространенной на Кавказе игры).

Говоря о погребальном обряде Сбийского могильника, следует отметить наличие элементов как языческого, так и христианского заупокойного культа. Языческий обряд характеризуется наличием самих каменных ящиков, многократным использованием погребальной камеры для ряда последующих погребений, содержанием углей в погребальной камере и некоторым разнобоем в положении рук погребенных. К чертам христианского обряда относятся: юго-западная ориентировка погребенных, вытянутое положение костяка, отсутствие напутственной пищи, оружия, а также схожесть погребального обряда всех погребений, что квалифицируется нами как установленность или предписанность ритуала (языческие могильники отличаются разнобоем).

Анализ вещевых находок позволяет определить дату могильника. Мелкие стеклянные бусы (рис. I, 27) встречаются в могильниках VIII-IX вв.[1] Бусы с внутренней позолотой встречаются в памятниках, начиная с III-II вв. до н.э., изготовляли их долгое время, но в период средневековья процесс их изготовления упростился: вместо позолоты применяли имитацию желтоватым стеклом, нанесенным на серебряную основу. Именно такая бусина найдена в Сбийском могильнике, она датируется V-XI вв.[2] Стеклянная бусина в виде трубочки с продольными полосками терракотового цвета находит аналогии в памятни-

[1] Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900. С. 105, 136, 161, 321, 322 (в дальнейшем – МАК VIII).

[2] Ковалевская В.Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. III. Махачкала, 1973. С. 70.

ках VIII-IX вв.[1] (рис. I, 35). Глазчатая с «ресничками» бусина (рис.1, 6) имеет много аналогий, и время их бытования определяется V-XIV вв. Особенно они характерны для Северного Кавказа. Полупрозрачные бусы из дымчатого стекла фиолетового оттенка В. Б. Ковалевская датирует V-XI вв.[2] (рис. I, 28).

Стеклянная бусина биконической формы с волнистым орнаментом (рис. I, 23) находит аналогии в могильнике Рутха[3], позднее слои которого В. А. Кузнецов датирует XI-XII вв.[4]

Сердоликовая бусина многогранной формы, бипирамидальная (рис. I, 20) имеет близкие аналогии в могильниках Дагестана VIII-IX вв.[5] Подвески в виде колечек с завитками на концах (рис. I, 29, 39) известны с эпохи бронзы[6]. Они найдены в катакомбных могильниках Балты[7], в каменных ящиках Царца[8], в Чечено-Ингушетии у с. Датых[9], на Верхнеджулатском могильнике[10], в Змейском катакомбном могильнике[11]; датируются X-XV вв.[12]

---

[1] Там же. С. 70.

[2] Там же. С. 67.

[3] МАК VIII. Табл. XC, I.

[4] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 106. М, 1962. С. 91.

[5] Ковалевская В. Б. Производство н импорт средневековых бус Дагестана. С. 76.

[6] МАК VIII. Табл. XXXIX, 9, 10.

[7] МАК VIII. Табл. IXV, 19.

[8] МАК VIII. С. 127.

[9] Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК XVI. М., 1959. С. 116. Рис. 34 (2), 35 (2).

[10] Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА-114. М., 1963. Рис. 5 (12, 16), 8 (1, 2, 12).

[11] Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 119.

[12] Милорадович О. В. Христианский могильник… С. 103-104.

Полые пуговки-привески были широко распространены и известны с V-VIII вв.[1] до XVIII-XIX вв.[2]

Найденные в каменном ящике №4 серьги в виде вопросительного знака с напускной бусиной (рис. I, 18, 19) имеют аналогии в погребениях Верхнеджулатского могильника[3]; а также в половецких памятниках[4], и даже доходят до Новгорода[5], и датируются XIII-XV вв.[6]

Перстень с фигурным щитком (рис. I, 43) напоминает перстень из Едисских раскопок В. И. Долбежева и, видимо, относится к IX-XIII вв., если судить по находкам биметаллических фибул, обнаруженных там же[7]. Щиток от перстня в виде четырехлепестковой розетки (рис. I, 21) имеет аналогии в материалах Г. Д. Филимонова и П. С. Уваровой из Кобанских катакомб[8], датируемых в основном VIII-IX вв.[9]

Железные кольца от портупеи (рис. I, 2-4) имели широкое распространение как деталь воинской экипировки. Аналогиями могут служить находки подобных изделий

[1] Куссаева С. С. Археологические памятники Восточной Осетии как исторический источник по Древней Алании: Автореф. канд. дисс. Л., 1953. С. 13.

[2] Джадтиев Р. Г. Бритатский склеп // Известия ЮОНИИ. Вып. XXI. Цхннвали, 1976. Табл. 3 (2).

[3] Милорадович О. В. Христианский могильник… Рис. 5 (4, 5, 6), 8 (10).

[4] Плетнева С. А. Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях // МИА. 62. С. 176.

[5] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. 65. С. 226.

[6] Милорадович О. В. Христианский могильник… С. 105.

[7] ГИМ. Ф. 128. Колл. 334-523.

[8] МАК VIII. Табл. XIIV и XIVIII, 8.

[9] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа… С. 23.

из Нижнего Архыза,[1] Змейской[2], Верхнего Джулата[3], Задалиска[4], на Нижнем Днепре[5]; датируются они X-XV вв.

Таблица

Датированные предметы и время их бытования

Предметы	Века										
	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Стекл. бусы в виде бисера				+	+						
Стекл. Бусы с имитац. позолоты	+	+	+	+	+	+	+				
Цилиндрич. бусины с продол. полоск.				+	+						
Глазчатая бусина с «ресничками»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Бусы из дымчатого стекла	+	+	+	+	+	+	+				
Биконич. бусины с орнаментом							+	+			

[1] Кузнецов В. А.. Аланские племена Северного Кавказа… Рис. 17 (3).

[2] Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник… С. 69, 75, 81, 82, 87, 101.

[3] Милорадович О.В. Христианский могильник… Рис. 4 (3, 5), с. 100.

[4] МАК VIII. Табл. IXXXI, 17.

[5] Погребова Н.Н. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра // КСИА. Вып. 89. М., 1962. Рис. 6 (3-4).

Сердоликовая гран. бусина				+	+						
Привески в виде кольца с завитком						+	+	+	+	+	+
Полые пуговки-привески	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Серьги с напускной полой бусиной									+	+	+
Перстни с фигурным щитком					+	+	+	+	+		
Перстни с щитками в виде розетки				+	+						
Кольца от портупей						+	+	+	+	+	+
Костяная пуговица						+	+	+	+	+	

Найденная в каменном ящике №10 костяная пуговица (рис. I, 44) тоже имеет широкие аналогии. Такая же пуговица найдена в Верхнеджулатском могильнике[1]. Подобные пуговицы датируются нами X-XIV вв. Остальные вещи не находят себе аналогий или настолько распространены (альчики-астрагалы, раковины каури и др.), что датирование их нам ничего не дает (см. табл.).

Таблица наглядно показывает вероятную дату бытования Сбийского могильника – это IX-XIII вв. Однако, учитывая известный консерватизм и отставание горных ущелий в развитии от других областей примерно на один век, ви-

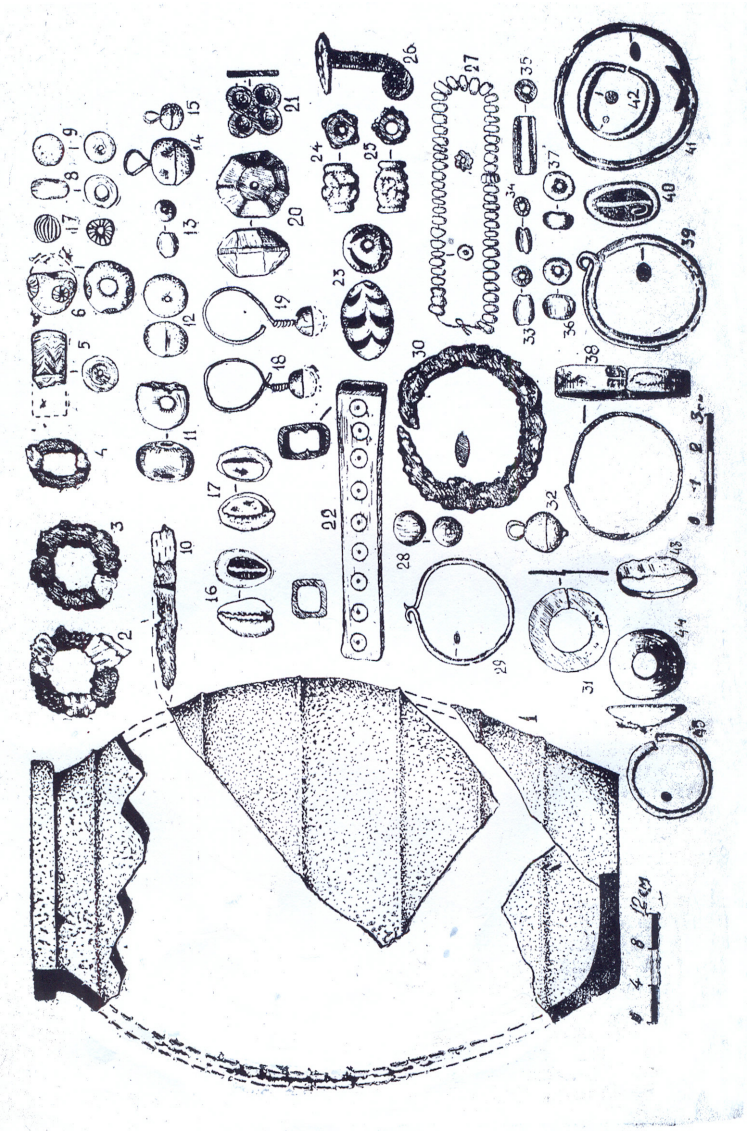
[1] Милорадович О. В. Христианский могильник… С. 104.

димо, более целесообразным будет датировать каменные ящики Сбийского могильника X-XIV вв.

Отмеченные следы пожара у края могильника и прекращение погребений после XIV в. можно увязать с походами в этот период ксанских эриставов на двалов, сопровождавшимися сожжением населенных пунктов и разрушением башен от Трусо до Ачабети[1].

Известия ЮОНИИ. 1980. Вып. XXIV. С. 21-27.

[1] Месхиа Ш. Памятник эриставов // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 30. Тб., 1954. С. 356; Очерки истории Юго-Осетии (макет). Цхинвали, 1969. С. 63.



К ВОПРОСУ О ЦАРЦИАТАХ

В живой осетинской речи и произведениях народного творчества осетин фигурирует этноним «царциатæ», или «царцатæ». В научной литературе до сих пор еще нет удовлетворительного объяснения этого термина, хотя такие попытки были.

В. И. Долбежев, описывая большой могильник около с. Кумбулта, называет его «стыр царциата»[1]. Такова была информация, которую он получил от местных жителей. Однако он дает довольно странный, на наш взгляд, перевод топонима. «Стыр царциата» – это якобы «обширные древности».

У П. С. Уваровой в «Могильниках Северного Кавказа» читаем: «Д. Я. Самоквасов в своем дневнике описывает одну случайную раскопку, произведенную им по указанию местных горцев в небольшой котловине террасы, образуемой возвышенностью, лежащей в полуверсте над аулом Чми и называемой «Царца»[2]. Несомненно, что местные жители указали Д. Я. Самоквасову на один из «царциатских» могильников, известных в Осетии.

Во время своей этнографической экспедиции в Юго-Осетию, в 20-х гг., Г. Ф. Чурсин записал у стариков-осетин некоторые сведения о царциатах, преимущественно легендарного характера. «Народные сказания осетин передают, что в нагорной части нынешней Юго-Осетии, до водворения осетин, жил неизвестный народ, который осетины называют «царциата» или «царцатæ» (ед. число «царци», «царца»). Народ этот занимался земледелием и скотоводством, имел стрелы, луки, кинжалы. Это был народ-богатырь, характеризует их старик Содтиев (Макси. – Р. Дз.), иначе они не зашивали бы при поражении свои черепа

[1] Отчет археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 58.

[2] Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900. С. 127.

медными листами. Так как народ «царциата» развратился и испортился, бог решил погубить его. По воле разгневанного бога хлеб у царциатов ночью созревал, а с наступлением дня снова становился зеленым. Царциата пускали в колосья раздвоенные на конце стрелы и, что таким образом сбивали, тем только и питались. Так, умирая от голода, погиб народ царциатов (Эдис, Леван Бегизов)»[1].

«По существующему среди южных осетин представлению, царциата погибли каким-то необыкновенным и ужасным образом; поэтому и теперь обо всем необычайном, вызывающем удивление, осетины говорят: «чудо царциатов», «царциатское чудо»»[2].

Упоминая о раскопках Д.Я. Самоквасова в местности «царца» у с. Чми в Северной Осетии, Г.Ф. Чурсин отмечает: «Очевидно, это такой же холм царциатов (царца), какие имеются и в некоторых местностях Юго-Осетии (Хвце, Эдис). Имея в виду, что с одной стороны, по народным сказаниям, осетинам предшествовали нарты, с другой – на занимаемой осетинами территории раньше жили царциата (ед. число «царца»), и те и другие погибли чудесным образом, можно допустить, что царциата и нарты, если не один и тот же народ, то два народа, жившие одновременно на территории нынешней Осетии. Легенды о нартах, кроме осетин, распространены среди черкесов, кабардинцев, карачаевцев, балкар, чеченцев, абхазов (и у части горных грузин. – Р. Дз.). Следовательно, можно думать, что нарты обитали на территории, занимаемой не только осетинами, но всеми названными народами, от Абхазии на западе до Чечни на востоке, и до пределов Юго-Осетии на юге… Царциата могли быть терги, керкеты и черкесы. Это соображение мы высказываем лишь как одно из возможных предположений, нисколько не

[1] Чурсин Г.Ф. Осетины. Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Вып. I. Серия I. Тиф., 1925. С. 133, 134.

[2] Там же. С. 134.

претендуя на разрешение вопроса. Быть может, более основательным является предположение, чтобы в «царциатах» осетинских легенд видеть сарматов или иной народ»[1].

По осетинским преданиям, осетины заняли южные склоны Главного хребта после гибели царциатов, когда местность опустела и одичала (покрылась лесом). В действительности же заселение осетинами южных склонов Кавказского хребта должно было произойти иначе. То есть осетины застали территорию не опустевшей, а с определенным контингентом, от которого и были заимствованы географические понятия. В самом деле, если бы осетины заняли совершенно опустевшую страну, они дали бы местностям свои названия, и топонимика горной зоны Южной Осетии была бы исключительно осетинской. По сведениям Вахушти Багратиони, южные склоны Главного хребта до появления осетин занимали грузины[2]. Споря с Вахушти, Г. Ф. Чурсин писал: «Осетинские предания ничего не помнят о грузинском населении Магран-Двалети (так называлась по грузинской географической номенклатуре область верховьев Б. Лиахви. – Р. Дз.) и говорят исключительно о царциатах. Кроме того, не известно ни одного грузинского географического названия в высокогорном районе Юго-Осетии; сохранившиеся же названия, очевидно, принадлежат языку того народа, который занимал эту страну до появления осетин»[3].

Л. М. Меликсет-Беков, рассматривая археологию и этнологию Южной Осетии, останавливается на этнониме «царциат» и даже выдвигает три (правда, гипотетические) объяснения этого термина:

1. Царциат – искаженное Царгасат, под которым было

[1] Чурсин Г. Ф. Осетины… С. 135.

[2] Вахушти. География Грузии / Перев. Джанашвили. Тиф., 1904. С. 82.

[3] Чурсин Г. Ф. Осетины… С. 137.

известно привилегированное сословие в Дигории;

2. Царциат – сарсиат, может быть, наименование одного из яфетических племен;

3. Царциат, или царца, якобы по-осетински буквально означает материальную ценность, добытую путем раскопок, т.е. племя, подлежащее раскопанию, или племя, похороненное под теми курганами, которые подлежат раскопкам (последнее толкование подсказано Меликсет-Бекову И. А. Кануковым)[1].

Л. М. Меликсет-Беков даже допускает, что возможно «царциаты» – «сарсиаты» являются замаскированными аланами[2].

Е. Г. Пчелипа считала, что «царциата» – неверное написание термина, и что следует писать «цорциата», ссылаясь при этом совершенно безосновательно на устную традицию южных осетин[3].

Г. Кокиев в своем историко-этнографическом очерке, касаясь рассматриваемого термина, писал: «Слово «царциата» – часто употребляемый в осетинском языке термин и означает не сокровища, зарытые в земле, и не «племя, похороненное под теми курганами, которые подлежат раскопкам», а просто множество или массу чего-нибудь или кого-нибудь. Осетины о массе людей (напр., о войске) говорят. «dunetæ issæuj» или «carcatæ issæuj», что означает буквально «миры (от слова dune – мир, вселенная) идут» или «множество (масса) идет».

…Таким образом, два термина – царциата и дуйнета («миры») совершенно равнозначны и употребляются в од-

[1] Меликсет-Беков Л. М. К археологии и этнографии Туальской Осии // Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Вып. I. Серия I. Тиф., 1925. С. 252-279.

[2] Там же. С. 277, 278.

[3] Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон Хуссар. Тиф., 1924. Примечания. С. 250.

ном и том же значении – в значении множества или массы. Эти два народа – нарты и царца – являются легендарными народами, о которых сохранились сведения лишь в народных сказаниях. О нартах у осетин осталось большое количество сказаний, но о народе царца мы располагаем очень ограниченным количеством сведений»[1].

По легенде царциата погибли от голода, но в ряде мест сказители прибавляют к голоду и чуму[2].

В Дигории рассказывают о гибели царциатов несколько иначе: «Народ царца… сильно возгордился и перестал признавать бога. В своих домах люди делали настолько высокие двери, чтобы при входе человеку не приходилось наклонять голову, иначе бог мог бы подумать, что народ царца признает его и поклоняется ему. За такую гордость бог послал на царца всепоглощающий огонь, от которого люди целыми семьями уходили в склепы и умирали в них. После огня бог послал потоп, который смыл мягкую землю и от этого образовались горы и ущелья в Осетии»[3].

Б. В. Техов в одной из своих работ отождествляет царциатов с двалами: ««Городище Царциат», которое, по-видимому, было столицей Верхней Двалетии, пало… в результате борьбы ксанских эриставов с двалами» в XIII-XIV вв.[4]

Несколько ранее Б. В. Техов предполагал разрушение «царциатского городища» в с. Едис в результате проникновения на южные склоны Кавказского хребта «племен… в период монгольского нашествия», подразумевая под этими племенами аланов[5].

---

[1] Кокиев Георгий. Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнографический очерк. Владикавказ, 1928. С. 42.

[2] Там же. С. 43.

[3] Там же.

[4] Техов Б. В. Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти // Изв. ЮОНИИ. Вып. XV. Цхинвали, 1968. С. 20.

[5] Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового городища

В более поздней работе («Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии»), вышедшей в 1971 г., Б. В. Техов прямо уже называет царциатов осетинскими племенами, появившимися в горной зоне Южной Осетии в раннем средневековье[1].

Специальную работу царциатам посвятил Б. А. Алборов. Он писал: «В своем сознании осетины до сих пор живо представляют себе страшные бедствия, которые постигли народ «царциатæ». Эти бедствия своих соплеменников по происхождению и языку осетины вспоминают до сих пор в своих пословицах и поговорках, в своих сказаниях о гибели царциатæ, в своих рассказах о том, где и с каким погребальным инвентарем оставили царциата свои кладбища». Царциатæ, или царцата, одно и то же этническое название народа, умершего от сильного голода, совершившего чудесные деяния и имевшего чудесные предметы обихода.

Вот эти пословицы и поговорки.

«1. Царцаты сæфт фесты – Погибли, подобно царциатам.

2. Царциатау цæрдцу кæнынц – Сильно голодают, подобно царциатам.

3. Уæ, мæнæ та диссæгтæ, царциаты диссæгтæ – О, вот еще чудеса, царциатские чудеса, т.е. вот это уже похоже на те чудеса, которые совершались царциатами.

4. Ныццарца ис! – «Процарцился», сделался подобным царца. Так говорят про развалившуюся, пришедшую в ветхость вещь, про разорившегося хозяина.

5. Цæрдцу фæкæ! – Будь голодным! Так говорят тому, кто настойчиво просит есть[2].

«царциатов» в с. Едис Джавского района // План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали, 1967.

[1] Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. С. 149.

[2] Алборов Б. А. Этноним «царциатæ» осетинских нартских сказа-

По Б. А. Алборову, «цæрдцу» означает «голодать», а не «кочевать», хотя «кочевать», «бродить» могло в определенных ситуациях означать и голод, голодание, т.е. «скитаться в поисках пропитания»[1].

З. Н. Ванеев, исследуя вопрос о времени заселения Юго-Осетии, специально останавливается на этнической принадлежности царциатов, причем приходит к выводу, что царциата были каким-то особым народом, и уж во всяком случае не сказочными персонажами, а составляли осетинский род или племенную группу[2].

О памятниках, приписываемых «царциатам», писал в свое время и В. А. Тибилов[3].

С этническим наименованием черкесов – керкеты связывал царциатов Б. А. Куфтин[4].

В Юго-Осетинских фольклорных записях имеется предание о том, как Бигуловы и Хурумовы натравили Царциатовых и Цыбырттовых (Цъыбырттæ), стремясь завладеть их земельными угодьями. По наущению подкупленной колдуньи, суд (тærхон) вынес несправедливое решение, по которому Царциатовы оказались обделенными (спор шел из-за пахотного участка). Обозленные Царциатовы сожгли поселения Цыбырттовых (Цъыбыртты сыгъд) и уничтожили весь их род. Бигуловы и Хурумовы, якобы в отместку, изгнали Царциатовых из родных мест. Просили еще Царциатовы разрешения вернуться в родные места, но им больше не разрешили. Так и остались Царциатовы

ний (рукопись) // Архив СОНИИ. Фонд Б. А. Алборова.

[1] Абаев В. И. ИЭСОЯ. Том I. М.-Л., 1958. С. 302.

[2] Ванети З. (Ванеев З. Н.). К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Изв. ЮОНИИ. Вып. III. Сталинир, 1936. С. 277.

[3] Тибилов В. А. О природе и памятниках старины // Фидиуаг. 1929. №1. С. 45 (на осет. яз.).

[4] Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тб., 1949. С. 40.

кочевниками[1].

Предания, записанные в сс. Лац и Чми (Северная Осетия), отмечают, что Царциатовы были «сильным (многочисленным?) родом и шли (бежали) с Юга»[2].

В этих же преданиях сохранились любопытные подробности о гибели самих Царциатов. Во время вспыхнувшей среди них эпидемии (холера, чума) Царциатовы гибли массами и некому было их хоронить. Даже обращались ко всем: «Возьмите все наше имущество, только похороните». В некоторых случаях Царциатовы сами рыли себе помещение в земле, «входили туда всей семьей и сверху прикрывались каменными плитами. Так они хоронили сами себя[3].

По всей территории Осетии, как Северной так и Южной, имеются места-городища, поселения и могильники, – которые народ называет царциатскими. Вот эти памятники:

В Южной Осетии – городище и могильник царциатов в с. Едыс, поселение и могильник у с. Стырфаз, могильники в сс. Бритат и Сба.

В Северной Осетии – могильники и поселения в сс. Чми[4], Саниба, Кани, Дзивгис, Лац, Архон, Зинцар, Унал, Чми, Закка, Галиат, а также в Хилакском ущелье и у подножья Ахсиуан[5].

Приведенные высказывания, фольклорные записи и топонимика основываются на устной народной традиции.

---

[1] Юго-Осетинский фольклор. Сталинир, 1940. С. 180, 181 (на осет. яз.).

[2] Нартовские сказания. Неизданные тексты / Составил А. Х. Бязыров, Цхинвали, 1973. С. 206 (на осет. яз.).

[3] Там же. С. 207.

[4] Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. Москва, 1900. С. 127.

[5] Фонд Б. А. Алборова. // Архив СОНИИ (Все сведения о царциатах в Северной Осетии взяты из указанного фонда).

Некоторые исследователи считают народы «нарт» и «царциата» мифическими, нереальными. Так, Г. Кокиев писал: «…как нарты, так и царца, поскольку они не оставили по себе сколь-нибудь ощутительных следов, как исторические народы не существуют»[1].

Мифическим народом считает царциатов и А. Дз. Цагаева[2]. Однако большая часть исследователей видит за этнонимом «царциата» реальный народ.

«Однако спрашивается: что за народ «царциат»…, с именем которого связывается целая историческая эпоха на территории Туальской Оссии или Юго-Осетии?», – можем повторить за Л. М. Меликсет-Бековым[3].

Несмотря на то, что царциата связаны с какими-то чудесами (царциаты диссæгтæ – царциатские чудеса), все данные о них – детали быта и прочее – вполне реальны. Поэтому мы не склонны считать их плодом фантазии осетинского народа, мифическим племенем.

Говоря о «чудесах» царциатов, осетины представляют что-то необыкновенное, причем эти чудеса носят негативный характер, т.е. «не чудесно» – прекрасные деяния связаны с именем царциатов, а «чудесно» – ужасные, бедственные. И до сих пор выражение «мæнæ царциаты диссæгтæ!» («вот опять чудеса царциатов!») произносится человеком, когда он неприятно поражен каким-либо известием или явлением.

Царциата по легендам погибли не в результате каких-то сверхъестественных действий или явлений, а от голода и

---

[1] Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 45.

[2] Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии. Часть I. Орджоникидзе, 1975. С. 191.

[3] Меликсет-Беков Д. М. К археологии и этнологии Туальской Осии… С. 272.

болезней, что зачастую бывало взаимосвязано. Но таким бедам были подвержены не отдельные роды или фамилии: случись эпидемия, она не ограничилась бы одной фамилией. Так же неизбирательно распространялся и голод.

Так почему же только царциата стали жертвой этих человеческих бед?

Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, следует признать, что не род или фамилия, а группа родов или фамилий жила на определенной территории и только потом рассеялась по всей Осетии в надежде спастись от постигнутых их бедствий.

Исходя из того, что память о царциатах сохранили только осетинский язык и фольклор, нет нужды относить их к иному этносу. В среде осетинского народа всякие бедственные события, связанные с той или иной фамилией, запечатлевались в виде словосочетаний, где фигурирует фамилия и всякого рода «дела» (митæ) «хъуыдтæгтæ» и «диссæгтæ», а то и просто «цагъд» – избиение, «сыгъд» – сожжение и т. д. Так, уничтожение «большого числа жителей из фамилии Тотоевых в селе Мзиу в результате карательной экспедиции царских войск известно под названием «Тъотъоты митæ» «Деяния Тотоевых»[1].

Сожжение целого родового поселения Цыбырттовых, а также их поголовное уничтожение сохранились в памяти народа как «Сожжение Цыбырттовых» (Цъыбыртты сыгъд). Причем эти выражения существуют как устойчивые словосочетания. «Цъыбыртты сыгъд бакодта» – «Сгорел, как сгорели Цыбырттовы» и т. д.

Небезынтересно отметить, что термин «царциатæ» оформлен морфологически по законам осетинского языка. Точно так оформлены осетинские фамилии: имя +

[1] Ванеев З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. Сталинир, 1956. С. 220.

формант множественности -т + окончание им. пад. множественного числа – æ. Например, Албортæ, где Албор – имя, т – указанный формант, æ – падежное окончание. Или Тугъантæ – Тугановы. Точно такую же структуру имеют и названия осетинских племенных групп «куырдтатæ» – «куртатинцы». Нужно сказать, что крупные племенные подразделения осетин не имеют подобных окончаний. Это «ир» – иронцы, «дыгур» – дигорцы, «куыдар» – кударцы, «чысан» – ксанцы. Следовательно, царциата были не крупным племенным подразделением осетинского народа, а сравнительно малой племенной группой. Следует заметить, что этнические названия народов-соседей у осетин имеют специфические оформления без форманта множественности **-т.** Например: «кæсæг» – кабардинцы, черкесы; «уырыс» – русские; «гуырдзы» – грузины; «тæтæр» – татары; «мæхъæл» – ингуши, «лекъ» – дагестанцы и т. д.

Впервые мысль о принадлежности царциатов к осетинскому народу высказал З. Н. Ванеев[1]. Такого же мнения придерживался и Б. Скитский[2].

Приведенные сведения и мнения следует разобрать, дабы отделить надуманное, неверное, ложное от реальных или правдоподобных толкований.

Так, толкование В. И. Долбежевым «царциата» как «обширные древности» неверное, неизвестно, чем вызванное (Неверная информация, полученная от местных жителей?). Д. Я. Самоквасов, видимо, неверно записал или услышал название топонима Царциата (у с. Чми), и получилось ошибочное «царца». Вряд ли можно связать легендарных нартов с царциатами, как это делает Г. Ф. Чурсин, а

[1] Ванеты З. (Ванеев З. Н.). К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Изв. ЮОНИИ. Вып. III. Сталинир, 1936. С. 277.

[2] Скитский Б. С. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1876 года // Изв. СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947. С. 139.

тем более идентифицировать их с тергами, керкетами или черкесами.

Несостоятельны и выдвинутые Л. М. Меликсет-Бековым значения термина «царциата». Поэтому «царциата», безусловно, не имеют отношения к привилегированному сословию в Дигории Царгасатам, не являются и яфетическим племенем, ибо такое племя не было отмечено ни в одном письменном памятнике средневековья. Не означает термин «царциата» и материальную ценность, добытую путем раскопок, равно как и племени, подлежащему раскапыванию.

Не права была и Е. Г. Пчелина, когда предлагала писать не «царциата», ибо нигде в Осетии так не говорят. К неверному выводу приходил и Г. Кокиев, считая, что «царциата» означают вообще «массу», «множество», а не определенный народ. В приведенном Г. Кокиевым примере (см. выше) речь идет именно о том, что идет такое огромное количество народа, которое равно всему миру или в данном случае – количеству царциат[1].

Нельзя согласиться и с мнением, что царциата – легендарный, т.е. вымышленный народ, сказочный, мифический персонаж осетинского фольклора. Мы склонны придерживаться мнения тех исследователей, которые считают царциатов осетинским племенем или племенной группой.

Места расположения памятников, могильников и поселений говорят о том, что царциата жили не везде, т. е. не на всей территории Осетии. Это и понятно, ибо они были малой (относительно) группой. Жили они в горной местности. О том, что их было относительно мало, говорят и отрывочность или скудность сведений о них. Хотя бы по сравнению с нартовскими сказаниями.

[1] Алборов Б. А. Этноним «царциатæ» осетинских народных сказаний // Архив СОНИИ. Фонд Б. А. Алборова.

Кроме того, нахождение большинства царциатских могильников в Северной Осетии делают правдивыми народные предания, записанные в сс. Лац и Чми, о том, что царциата шли с Юга[1] или спускались с гор на плоскость.

В пользу реальности существования царциатов говорят и данные о том, что в некоторых местах Северной Осетии население специальными поминками ежегодно отмечало день гибели царциатов. Так, жители Архона в середине поста в одно из воскресений марта месяца готовят поминальные пироги и напитки и говорят «рухсаг» – царциатам.

«Царциаты бæрæгбон» – «День поминовения царциатов» отмечается и в Наре. Праздник справлялся каждый год 10 марта, в пост, на земле царциатов, на их кладбище. Никто не хотел жить на их земле, и празднество устраивали, чтобы их задобрить[2]. Может быть, празднества устраивали не для того, чтобы задобрить царциатов, а задобрить те божества и силы, которые погубили царциатов, и, таким образом, избежать их участи.

Резюмируя, можно сказать, что царциата, видимо, были реальным народом, потому и отразились в фольклоре и топонимике.

Известия ЮОНИИ. 1980. Вып. XXV. С. 34-42.

[1] Нартские сказания. Неизданные тексты / Сост. А. Х. Бязыров. Цхинвали, 1973. С. 206.

[2] Материалы архива Б. А. Алборова со ссылкой на фольклорные записи Е. Барановой. 1938. С. 68 и Фольклорный сборник архива СОНИИ. 1940. Ф. 122. Оп. 92. С. 140.

ПРЕДМЕТЫ САСАНИДСКОЙ ГЛИПТИКИ ИЗ СЕЛ. СБА И ЕДЫС

Во время раскопок Едисского городища около разрозненных останков человеческого погребения были найдены миниатюрные каменные печати-геммы, с врезанными вглубь изображениями (инталии).

Кроме найденных на городище гемм, в государственном музее Юго-Осетии есть перстень с врезанным знаком на щитке, а в государственном историческом музее – ГИМе (Москва) среди материалов В. И. Долбежева мы обнаружили еще один перстень с вырезанным знаком. Оба перстня происходят из с. Едыс – с раскапываемого ныне городища. В 1966 году нами в каменном ящике у с. Кугом в Сбийском ущелье была найдена агатовая бусина с резным изображением – инталия. При сравнении перечисленных предметов с имеющимися в музеях геммами оказалось, что найденные в верховьях Большой Лиахви предметы глиптики являются сасанидскими, или эпохи сасанидов.

Как известно, держава Сасанидов просуществовала с III века (226 г.) по VII век (651 г.)[1]. Соседние с Сасанидским Ираном территории, в том числе и Закавказье, были втянуты в орбиту политических и военных событий. Как отмечает известный американский ученый Ричард Фрай, «иранские культурные традиции были сильны в среде армян, грузин и других народов Кавказа, многие районы не раз попадали под власть персидских завоевателей»[2]. Безусловно, народы Кавказа вели непримиримую борьбу с захватчиками[3], но это не мешало распространению

[1] История Ирана. М., 1977. С. 107, 119.

[2] Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 1972. С. 27.

[3] Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М.К., Медикишви-

элементов материальной и духовной культуры иранского мира.

Поэтому на территории Грузии часты находки сасанидских гемм[1], нередки они и на юге России[2]. На территории Южной Осетии предметы сасанидского искусства впервые были обнаружены П. С. Уваровой в Сбийском ущелье[3], но найденное там сасанидское блюдо затем было утеряно, во всяком случае пока нигде не обнаруживается.

Другое блюдо сасанидского стиля известно из Цхинвали (хранится в Госмузее Грузии)[4].

Ряд предметов сасанидского стиля найдены Б. В. Теховым на Стырфазском некрополе раннесредневекового времени[5]. Находки этих предметов подтверждают мысль П. С. Уваровой о сильном иранском влиянии на Кавказе при сасанидах[6].

Для введения в научный оборот приводим описание найденных в Едыс и Сба предметов сасанидского искусства.

1. Халцедоновая печать, по форме напоминающая бусину со сточенным краем. Высота – 20 мм, ширина – 23,5 мм. Отверстие проделано техникой двустороннего сверления. Диаметр отверстия – 7,1 мм. Сточенная поверхность овальной формы. Ширина овала – 17,7 мм, высота – 16,3 мм. На ровной поверхности овала вырезано изо-

---

ли Г. А., Месхиа Ш. А. История Грузии. Т. I. Тб., 1962. С. III.

[1] Лордкипанидзе М. Н. Геммы государственного музея Грузии. II. Тб., 1958.

[2] Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Ленинград, 1963.

[3] Уварова П. С. Путевые заметки. Т. III. СПб., 1900. С. 170.

[4] Мачабели К.Г. Позднеантичная торевтика Грузии. Тб., 1976. С. 53.

[5] Техов Б. В. Культура населения среднего течения р. Большой Лиахви. С. 81-86 (рукопись).

[6] МАК VIII. С. 255.

бражение бегущего влево оленя. Ветвистые рога с семью оконечностями. Голова намечена глубокими штрихами. Такими же штрихами намечены шея, лопаточная часть и ноги. Круп и ляжка – гладкие. Намечен и короткий хвост животного. Олень хорошо скомпонован на поверхности камня, что достигается галопирующей позой. Характер рисунка говорит о том, что инталия вырезана твердой рукой, безошибочно обозначившей резцом контуры животного. Нет следов подправок и исправлений (рис. 1,1).

Изображение оленя было излюбленным у многих народов с древнейших времен. И если у древних народов олень изображался как объект охоты, а затем и объект поклонения, то в более поздние времена он уже мог символизировать различные качества – быстроту, красоту, благородство и пр.

Возможно, что изображение оленя на нашей печати было символом рода или личности хозяина. Как свидетельствуют данные эрмитажной коллекции, изображение оленя на геммах характерно для VI-VII вв.[1]

2. Сердоликовая печать в виде уплощенной бусины со сточенным краем. Высота – 15 мм, ширина – 18 мм, аккуратно просверленное отверстие имеет диаметр в 6,1 мм. Сточенная поверхность имеет овальную форму высотой в 8,6 мм и шириной 12,5 мм. На ровной поверхности овала вырезано изображение утки. Хорошо обработана головка птицы, выделяется клюв, намечен глаз. Грудка и оперение утки обозначены штрихами. Штрихами обозначены и ноги. Перед грудкой и у основания изображения – двойные штрихи (рис. I, 2). Поверхность печати тщательно отшлифована и все изделие представляет собой законченное произведение. Высокий уровень мастерства налицо. Изображения уток нередки на сасанидских геммах и встреча-

[1] Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы… С. 174. № 677.

ются на изделиях V-VI вв.[1]

Печати с изображениями оленя и утки дают замечательные оттиски с ясно видным изображением[2].

3. Халцедоновая печать в виде уплощенной бусины, несколько грубоватой формы. Высота – 16,5 мм, ширина – 19,3 мм. Отверстие малое, двустороннего сверления, диаметр – 4,1 мм. Неровно сточенная поверхность украшена неумелым рисунком: широкая неровная полоса опирается на четыре неровные линии. Слева еще одна широкая полоса, под углом соединяющаяся с первой, сверху – вертикальная полоса. Возможно, что мы имеем перед собой попытку неумелого резчика подражать классическим образцам. Видимо, этот подражатель хотел изобразить всадника, если под широкой полосой с четырьмя опорными линиями подразумевает коня, а под вертикальной верхней полоской – седока (рис. I, 3).

4. Янтарная бусина уплощенной формы со сточенным краем. Высота – 12,8 мм, ширина – 17,2 мм. Диаметр отверстия – 3,9 мм. На сточенной поверхности вырезан знак, аналогичный знакам, известным на многих сасанидских геммах[3]. Это скорее всего вертикальная композиция из крючков, на основной вертикальной линии, верхняя оконечность которой завершается роговидной волютой (рис. I, 4). Знаки в виде анаграмм получили распространение особенно в позднесасанидское время.

5. Янтарная бусина дисковидной формы со сточенным краем. Высота – 13,6 мм, ширина – 17 мм. Диаметр отверстия – 4,4 мм. На сточенной части вырезан знак в виде перекрестия, оканчивающийся полумесяцами. На одном конце вырезано изображение звездочки (рис. I, 5). Близ-

[1] Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы… С. 148-149.

[2] Мы сделали пробные оттиски на сургуче.

[3] Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. Табл. 26.

кие аналогии усматриваются нами в сасанидских геммах[1]. Имеется на сасанидских геммах и звездочка, входящая в композицию рисунка на нашей бусине[2].

6. Янтарная бусина малых размеров со сточенным краем. Высота – 8 мм, ширина – 10 мм. Диаметр отверстия – 2,9 мм. На сточенной поверхности вырезан знак, аналогичный предыдущему, но более «сомкнутый» и без звездочки (рис. I, 6).

7. Агатовая бусина цилиндрической формы со сточенным краем. Высота бусины – 11,9 мм, длина – 14,5 мм. Диаметр отверстия – 4,3 мм. Сточенная поверхность имеет подпрямоугольную форму, на ней вырезано профильное изображение мужской головы. Волосы на голове и острая борода обозначены штрихами. Косая линия как бы «перехватывает» волосы. Отмечены нос, рот, высокая шея. Внизу поперечные линии намечают плечи и грудь (рис. I, 9). Аналогичное изображение имеется на гемме из Эрмитажа[3]. Только на эрмитажном экземпляре (происходящем из Северной Осетии) линии изображения сделаны более четко и с большим мастерством, нежели на нашей гемме.

8. Бронзовый перстень с расширенным щитком. Диаметр перстня – 20 мм, ширина щитка – 4,6 мм. На щитке монограмма в виде пересекающихся штрихов (рис. I, 7)[4].

9. Бронзовый перстень с выступающей головкой на щитке. Диаметр перстня – 22 мм. Диаметр щитка – 7,9 мм[5]. На щитке вырезан знак в виде греческой буквы «ПИ», подобные буквы имеются в надписи Шапура II из Так и Боста-

[1] Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья… Табл. 26. Рис. 42.

[2] Там же. Табл. 26. Рис. 48.

[3] Фонды Государственного Эрмитажа. Отдел востока. С. 279.

[4] Хранится в ГИМе. Фонд В.И. Долбежева. Колл. 334-523, 6.

[5] Хранится в Госмузее Юго-Осетии. Инв. № 910. Доставлен Бегизовым.

на[1].

Говоря о предметах сасанидского искусства, мы не считаем их обязательно иранского производства. Как отмечает С. В. Барнавели, «искусство этого стиля создавалось и народами, испытавшими гегемонию Ирана или связанных с ним культурой»[2]. Вполне вероятно, что описанные нами геммы изготовлялись на территории Грузии – во Мцхета, Урбниси или еще в каком-нибудь культурном центре Картлийского царства[3]. Материал, из которого они изготовлены – халцедон и его разновидность – сердолик встречается, по данным специальной геологической литературы, на территории Ахалцихского, Боржомского и других районов Грузии[4]. Что касается янтаря, то его месторождения далеки от Кавказа и он, конечно, попадал на Кавказ путем импорта. Следует отметить, что янтарь в древностях Юго-Осетии встречается исключительно в форме бус, причем большинство бус сточено, представляя как бы заготовки для гемм-печатей[5].

Вместе с тем следует сказать, что значки и геммы на янтаре в литературе нами не встречены, и едысские янтарные бусы-печати со знаками являются как бы уникальными. Трудно сказать, какую конкретно функцию выполняли геммы из Едыс, т. е. были ли они знаками собственности или служили амулетами, а то и просто украшениями? Ни одна из этих возможностей не исключена. Ведь жизнь на городище была, судя по всему (остатки жилых построек,

[1] Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы… С. 58. Рис. 10.

[2] Барнавели С. В. Очерки истории грузинского искусства: Автореф. дисс. … докт. искусствовед. Тб., 1970. С. 7.

[3] Джавахишвили К. Памятники глиптики городища Урбниси. Геммы государственного музея Грузии. Вып. V. Тб., 1972. С. 86, 99.

[4] Здорик Т. Б., Матиас В. В., Тимофеев И. Н., Фельдман Л. Г. Минералы и горные породы СССР. М., 1970. С. 98.

[5] См. наш отчет за 1979 г. Архив ЮОНИИ.

разнообразие и масса керамики, само название «калак» и пр.), не патриархальной. Здесь, видимо, было сильное экономическое неравенство. Следовательно, собственность отдельных людей была значительнее, чем остальной массы. Возможно, что эти геммы принадлежали заезжему торговцу, ведь «калак» – это то место, где происходили широкие, а может и регулярные, торги. Но вполне допустимо, что эти миниатюрные печати были украшениями, тем более что найдены они были вместе с бусами и перстнем. (Строго говоря, это был не комплекс, ибо вещи лежали вроссыпь).

Дальнейшие изыскания, возможно, позволят сказать более веские слова обо всем этом, но для нас сейчас важно установить, что отдаленные ущелья Центрального Кавказа и в древности не были изолированы от политики и культуры окружающего мира, о чем ярко свидетельствуют факты находок предметов сасанидского искусства в верховьях Большой Лиахви.

Известия ЮОНИИ. 1981. Вып. XXVI. С. 143-146.

Рис. 1. Предметы сасанидского искусства из сел. Сба и Едыс.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВОМ ХАРАКТЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХОВЬЕВ Р. БОЛЬШОЙ ЛИАХВИ

I. Погребения в каменных ящиках

Могильники с погребениями в каменных ящиках обычно располагаются около населенных пунктов, причем на ровных участках земли. Примером тому могут служить могильники у сел Сба (Кугом) и Рук (Есета). В этих могильниках погребения расположены скученно.

Раскопанные нами погребения в Сбийском ущелье в местности Кугом представляли собой каменные ящики, составленные из шиферных плит, поставленных на ребро. Боковые плиты большей частью составные, что вызвано, скорее всего, трудностью доставки цельных плит. Торцовые же плиты цельные. Высота шиферных плит колеблется от 30 до 40 см. Длина боковых стенок каменных ящиков варьировала в пределах 1,4 м до 2 м. То же самое можно сказать о ширине каменных ящиков, вариации которых находились в пределах 40-65 см. Каменные ящики перекрыты также шиферными плитами. Причем погребение перекрывалось несколькими плитами, частично находящими друг на друга, для более плотного прикрытия погребенного. Каменные ящики с перекрытиями находились на незначительной глубине: грунт, который их покрывал, был не мощнее 50 см.

Погребения сверху ничем не были отмечены, во всяком случае, надмогильные знаки не сохранились. Видимо, могилы как-то все же отмечались, хотя бы для того, чтобы случайно не повредили их при последующих захоронениях. При раскопках нами было зафиксировано наличие древесных угольков как в грунте, покрывавшем погребение, так и в грунте, которым заполнялась погребальная каме-

ра. Здесь же следует отметить, что погребальная камера с усопшим засыпалась грунтом, поэтому обнаруживаемые нами костяки сплошь были покрыты землей. Видимо, для этой цели почву перебирали, и на погребенного бросали землю без камешков и щебня. Грунт в камере постепенно «усаживался» по мере оседания тела усопшего под действием процесса разложения, так что верхние плиты каменного ящика не соприкасаются с грунтом камеры.

Очень стойким признаком, отмеченным во всех без исключения каменных ящиках, является отсутствие каменного или шиферного ложа в погребальной камере.Так что понятие «каменный ящик» не совсем точное название. Ящик фактически оказывается без дна. Это отсутствие шиферного или каменного дна у ящика относится к обряду погребения, к ритуальному устройству погребальной камеры. Возможно, что в этом случае погребенный обязательно должен был соприкасаться с землей, с почвой, находиться как бы в непосредственном контакте с грунтом. Видимо, можно допустить, что это отголосок более древнего обряда захоронения, когда усопшего погребали в грунте без сооружения какой-либо каменной обкладки. Во всяком случае, какая-то связь с грунтовыми погребениями нами здесь усматривается. Кстати, это же обязательное соприкосновение с грунтом мы усматривали и в ритуале засыпки погребальной камеры землей.

Наличие угольков в грунте под погребением и в погребальной камере, видимо, связывается с обрядами очищения огнем. Причем этот обряд, по археологическим данным, восходит к глубокой древности на Центральном Кавказе[1]. Конечно, обряд этот вряд ли сохранялся на низменной части, но, видимо, основная суть использования огня в погребальном культе сохранилась с древнейших

[1] Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977. С. 66.

времен. Данные этнографии позволяют сказать, что обычай разведения огня на могиле дожил до наших дней. Объясняются эти действия тем, что якобы помогают усопшему, чтобы он не нуждался «в тепле и средствах освещения…» и что, если не исполнить этот обряд, он будет страдать от холода и темноты[1].

Обряды «очищения» погребальной камеры огнем и последующее разведение костра на могиле не присущи христианскому обряду погребения, они являются пережитками дохристианской религии горцев. Что касается трупоположения, то отметим, что погребение в скорченном виде характерно для древнейших периодов истории человечества на Кавказе, во всяком случае, Б. В. Техов отмечает его повсевместное распространение на Кавказе уже во II тысячелетии до н.э., но зафиксировано и вытянутое трупоположение, хотя и в значительно меньших случаях[2].

Тем не менее вытянутое положение в позднесредневековых могильниках тоже восходит к древним обрядам. В поздних могильниках это единственный вид трупоположения.

В поздневековых каменных ящиках стабилизируется ориентация усопших головой на запад. Правда, на практике оказывается, что ориентация выдерживается не совсем точно: иногда встречаются незначительные отклонения к югу и к северу, что, видимо, связано с сезонными точками захода солнца в горной местности. Однако общая или суммарная ориентация должна быть признанной как западная. Вот эта деталь погребального обряда, четко установившаяся в средневековый период, видимо, связана с

[1] Ковалевский М. Поклонение предкам у кав. Народов // Кавказ. 1902. №107; Гаглоева З. Д. Культ мертвых у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып.XVIII. Тб., 1974. С. 63.

[2] Техов Б. В. Указ. соч. С. 14.

христианским обрядом погребения, предписывающим западную ориентировку погребенных.

Небезынтересно отметить и положение рук в погребениях с каменными ящиками. Здесь наблюдается положение рук, то вытянутых вдоль тела, то расположенных в паховой области, то на животе. Иногда одна рука вытянута вдоль тела, а другая лежит на животе или в области паха и др. Это, конечно, не является отражением канонического обряда погребения. Иными словами, различие в положении рук погребенных отнюдь не относится к христианскому обряду. Не является христианским и снабжение усопшего заупокойной пищей. В Сбийском могильнике нами был зафиксирован керамический сосуд, стоявший рядом с черепом погребенного и содержавший в свое время какой-то напиток или заупокойную пищу. В Челиатском ущелье нами была найдена также у черепа погребенного в каменном ящике стеклянная бутылка русского производства начала XIX в. Снабжение покойника напитками и пищей восходит также к глубокой древности и отмечается в многочисленных памятниках. Бронзовые и глиняные сосуды в Тлийском могильнике обычно были обнаружены около черепа погребенных[1]. Так что глиняный сосуд, а в новое время и стеклянная бутылка являются пережитками древнего обряда снабжения усопшего напутственной пищей, причем стойко сохраняется и место в погребальной камере, где клали эти предметы. Правда, нами отмечено всего 3 случая обнаружения сосуда в погребальной камере (третий сосуд – маленький кувшинчик с отбитым горлышком из каменного ящика могильника у с. Средний Ерман). В каменных ящиках, таким образом, напутственная пища (наличие сосудов) встречается в исключительных случаях, и то, что это редкость, а все остальные погребения без на-

[1] Техов Б. В. Указ. соч. С. 68-77.

путственной пищи, вполне может быть квалифицировано как следствие распространения взглядов христианского вероучения.

Кроме напутственной пищи, усопшего экипировали необходимыми предметами обихода, в которых он якобы нуждается в путешествии по загробному миру. Несмотря на некоторое разнообразие предметов, которыми снабжали погребенных, все же они подразделяются на вещи «мужские» и «женские», т.е. на предметы, присущие мужчинам или женщинам.

В мужских погребениях встречается определенный набор предметов – это нож, оселок, иногда бритва и кресало, ножи малых размеров, которые носили на поясе. Все они были с деревянными ручками. Оселки из твердого песчаника – малых размеров; видимо, и их носили в специальных футлярчиках на поясе. В некоторых детских погребениях также обнаружены ножи, кресала и альчики – предметы для игры. Это набор предметов, видимо, сопровождал ребенка или подростка мужского пола.

В женских погребениях встречаются височные привески обычно грушевидно-приплюснутой формы, дутые пуговки-привески, перстни, наперстки, иногда ножички малых размеров, т.е. предметы украшения и рукоделия. Бусы очень редки в погребениях – каменных ящиках. В двух погребениях найдены сердоликовые бусины архаического типа: одна полированная крупная с двусторонним сверлением, другая с резным изображением мужчины с бородой, служившая, видимо, печаткой. Эти бусы вторичного использования, т.е. они были, видимо, найдены в древнем памятнике и снова были носимы, возможно, что даже в виде талисмана. Причем первая бусина, круглая и полированная, была найдена в каменном ящике с мужским погребением около тазовых костей, т.е. ее носили не как бусину (на шее), а как своеобразный оберег.

В литературе существует мнение, что с усопшим клали особо подобранные вещи, традиционные или же специально изготовленные. Возможно, что это соображение справедливо для древних периодов (Л. С. Клейн упоминает наборы бронзовых вещей), но для позднесредневековых памятников это не характерно. Во всяком случае, в каменных ящиках верховьев Большой Лиахви вряд ли можно обнаружить предметы специального изготовления. Ножи обычные, кресала тоже, серьги-привески распространенного типа, со следами поломок, т.е. бывшие в употреблении. Но в общем наблюдается упоминаемый специальный набор вещей, хотя и не в классической форме.

Мы останавливаемся на традиционном комплексе с целью доказать его архаичность, а это опять не христианский догмат, т.е. местные погребальные традиции неистребимы. Даже само укладывание в погребальную камеру вместе с усопшим необходимых предметов быта и обихода явно находится в противоречии с христианским культом. И, наконец, в погребениях ни разу не обнаружены какие-либо подобия крестов, хотя бы и нательных.

Таким образом, несмотря на кажущийся христианский обряд, погребения в каменных ящиках совершены по языческому обряду. Единственный штрих, который можно отнести на счет христианства, это западная ориентация усопшего. Видимо, в быту людей было больше элементов влияния христианской религии, но такой устойчивый институт, как обряд погребения, можно сказать, почти не изменился. И это понятно, ибо погребальный обряд – наиболее консервативный аспект идеологических представлений, и заменять его не совсем просто. Для того чтобы изменились погребальные обряды (а это в конечном счете идеологические представления), должны произойти изменения в социально-экономической жизни, а если таковые не происходили, то и погребальный обряд оставался

неизменным. После татаро-монгольского нашествия в горах Центрального Кавказа надолго сохранились устои патриархально-родового строя, сохранились вместе с ними и культы и погребальные обряды.

2. Склепы

Погребальные памятники позднего средневековья не исчерпываются одними только каменными ящиками. В верховьях Большой Лиахви имеются погребальные памятники иного рода. Это склепы-заппадзы. Обилие склепов XVII-XVIII вв. наблюдается от Чечено-Ингушетии на востоке до Карачая на западе. Исследователи этого типа погребальных сооружений пришли к выводу о том, что эти склепы возникли в древности и прошли определенные этапы развития, отмечая при этом наличие в основном трех типов – подземных, полуподземных и надземных[1]. Склеповые сооружения Осетии изучались Г. Кокиевым[2], Л. П. Семеновым[3]. Особенно хорошо изучен склеповый могильник у с. Даргавс в Северной Осетии В. Х. Тменовым[4]. Некоторые склепы Южной Осетии были исследованы нами и вошли в научный оборот[5]. Было отмечено, что в Южной Осетии обнаруживаются только полуподземные и надземные склепы, а подземные не встречаются, что объясняется нами

[1] Мужухоев И. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII-XVII вв. М., 1972 (автореф. канд. дисс.); Тменов В. Х. Склеповые сооружения Тагаурии: Сб. трудов молодых ученых института. Орджоникидзе, 1973; Биджиев Х. Х. Материальная культура Карачая, XIII – XVIII вв. М., 1972 (автореф. канд. дисс.).

[2] Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1923.

[3] Семенов Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. Т. XII. Орджоникидзе, 1948.

[4] Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979.

[5] Джадтиев Р. Г. Склепы верховьев р.Лиахви // Советская Археология. 1968. №3; его же. Бритатский склеп // Известия ЮОНИИ. Вып. XX. Цхинвали, 1976.

как хронологический показатель, т.е. наиболее древние склепы – это подземные, строились до XIII века, а переселенцы – осетины на южном склоне Кавказского хребта в основном появляются после татаро-монгольского нашествия и приносят с собой культуру строительства поздних склепов – полуподземных и надземных. Архитектура и строительные приемы возведения югоосетинских склепов идентичны североосетинским. Поразительно единообразен и инвентарь, обнаруживаемый в склепах Северной и Южной Осетии[1]. Это и понятно, так как эти склепы – памятники одного, осетинского народа.

Югоосетинские склепы в основном находятся в верховьях Большой Лиахви. В отличие от погребений с каменными ящиками они иногда бывают в непосредственной близости от жилых помещений. А в одном случае склеп находится прямо во дворе жилого дома (усадьба Н. Фарниева, С. Хсайнаг Ерман). Определенного плана ориентировки склепов нет, т.е. ориентировка их по странам света не выдержана. Каждый раз их строили сообразно ландшафту. Если склеп расположен на ровном месте, то он обращен фасадом в солнечную сторону к югу, юго-востоку, юго-западу или западу. А если его устраивали на пригорке, то фасадом обращали к подножию склона. Планировка склепов, таким образом, не имеет ничего общего с культовыми постройками христианского типа, общее усматривается только в использовании строительных приемов.

Возводились стены склепов, как и святилищ, из местного камня, причем довольно слабой обработки. Кроме речного камня в ход шли обломки андезитово-дацитовых глыб и скальные обломки. В фасадной части склепов устроены дверные проемы с устройством для запирания

[1] Тменов В. Х. Археологическое исследование «Города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969.

посредством доски и поперечно вставленного бруска. Некоторые склепы украшались во время возведения стен белыми камнями, укладываемыми в ряд. В фасаде Бритатского склепа между камнями, перекрывающими дверной проем, вставлены ровные обломки скального камня с небольшим интервалом, что придает склепу некоторую красоту[1].

Склепы имеют перекрытие в виде ложного свода, составленного из больших шиферных плит. Но есть и случаи использования продольной деревянной балки как опоры для шиферных плит перекрытия (с. Сба, Абайты хъæу). Шиферные плиты в строительстве склепов использовались широко как для возведения стен и устройство перекрытия, так и для изготовления навеса в виде карниза. Шиферными плитами устроены и своеобразные многорядные продольные ступени на перекрытиях подземных склепов. А на Верхнеерманском склепе из шиферных плиток образован своеобразный гребень на верхушке сооружения. На фасадной части склепов имеются маленькие козырьки из шиферных плит, обычно слева и справа от лаза и несколько выше него. Иногда козырек один. Но в этих шиферных козырьках всегда имеются отверстия до 4-5 см в диаметре. В свое время В. Ф. Миллер, обнаружив эти шиферные плиты с отверстиями в Чечне, считал их приспособлениями для прикрепления узды посвященного коня, т.е. коновязью[2]. Но они иногда располагаются на такой высоте, что это предположение совсем неубедительно. Кроме того, отверстий всегда два. А посвящали усопшему одного коня. В. И. Долбежев определял их как место, куда вставлялись «факелы при ночных погребениях». Но погребение совершалось днем, до захода солнца, дабы усопшим «не

[1] Джадтиев Р. Г. Указ. соч. С. 56.

[2] Миллер В. Ф. Экспедиция в Чечню // МАК. I. М., 1988. С. 27.

пришлось бродить у запертых ворот загробного царства вплоть до зари»[1] и, следовательно, ночных погребений не было в действительности. Г. Кокиев совершенно справедливо отвергал эти предположения и в свою очередь приводил слова Иоанна Болгарского, духовного лица, возглавлявшего во второй половине XVIII в. осетинскую духовную комиссию и лично наблюдавшего погребальные обряды Осетии: «Потом развернувши на шестах флаги и зажегши два или три превеликие пучка лучины и подхватя умершего, бегут с ним весьма торопко до самого кладбища и спускают его в окно сделанной из камня гробницы, к которой жена умершего, отрезавши, свои косы привешивает»[2].

Казалось бы, что это свидетельство Иоанна Болгарского подтверждает все вместе гипотезы вышеперечисленных исследователей, здесь и флаги, и факелы – пуки лучины, и привешивание косы, т.е. использование отверстий для подвешивания каких-то предметов, но, как справедливо указывал Г. Кокиев далее, в дигорских селениях тоже отрезали косы, как и по всей Осетии, однако там нет шиферных плит на склепах[3].

В то же время отрезанные косы на склепах более не на что вешать, иных приспособлений здесь нет. Да и соответствие двух кос двум отверстиям на плитах тоже весьма знаменательно. Кроме того, число «два» в погребальных обрядах осетин проявляется еще в двух случаях: подают обязательно два пирога (а не 3, как на свадьбах, пирах и праздниках в честь дзуаров), своим числом указывающие на горестные события – тризну или поминальный день, и зажигают на поминках две свечи. Во всяком случае про-

[1] Миллер В.Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. III. М., 1983. С. 131.

[2] Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 21.

[3] Там же. С. 20.

сверленные плиты, встроенные в фасадную стену склепа, выполняли какие-то функции, связанные с погребальным обрядом.

Обряд погребения в склепах связан с устройством интерьера. В югоосетинских склепах замечены полки, расположенные у задней и боковых стен. Полки были сделаны как из шиферных плит, так и из грубо отесанных досок. В последнем случае доски опирались на каменные консоли – упоры, отстоящие от уровня земли на 40-50 см. В одном из склепов с. Уаллаг Рук в задней стене, на расстоянии 1,2 м от дна погребальной камеры, из кладки выступает на 0,9 м каменная плита толщиной 0,19 м и шириной 1,85 м[1]. На эти деревянные и каменные полки укладывали умершего.

В североосетинских склепах археологи обнаруживают погребения с завернутыми в саван трупами, одеяла, одежду и пр.[2], но содержимое югоосетинских склепов настолько перемешано, что восстановить их первоначальный вид не удается, хотя еще в 20-х гг. Г.Ф. Чурсин отмечал в Ерманских склепах завернутые в материю трупы[3]. Не удается определить и ориентацию погребенных. Правда, в одном случае (склеп с. Ерман) нами был зафиксирован костяк, лежавший на задней полке головой к левому от входа углу. Возможно, что и в остальных случаях именно так укладывались умершие на полку у задней стены. На боковых же полках усопшие, видимо, укладывались ногами к лазу, а головой к задней стенке. Такую ориентацию костяков, лежавших уже на полу камеры, отмечали мы во всех склепах. Даже в перемешанных останках черепа в склепах большей частью обнаруживаются у задней стенки интерьера.

[1] Джадтиев Р.Г. Указ. соч. С.244.

[2] Тменов В.Х. Указ. соч. С.44; Кокиев Г. Указ. соч. С.24.

[3] Чурсин Г.Ф. Осетины // Труды ЗНА. Тифлис,1925. С. 222.

В нескольких случаях в склепах Южной Осетии нами были отмечены погребения не «открытым» способом, на полках, а в гробах. Один гроб находится в двухъярусном склепе в с.Челиат – в виде ладьеобразного корыта, выдолбленного в цельном стволе дерева. Кроме того, в одном из Ерманских склепов была обнаружена доска от детского гроба.

Таким образом, в склепах фиксируется два способа погребения – открытый и в гробах-ладьях. Однако основной способ погребения – открытый, на полках.

Несмотря на то, что одежда погребенных не сохранилась, содержимое склепов изобилует обрывками разнообразной материи, в основном выцветшей, но попадаются и лоскутки красного цвета. По наблюдениям Г.Кокиева красный цвет – цвет женской одежды[1].

Из предметов одеяния нами были зафиксированы шапка (уæлдзарм худ), кожаная обувь (арчита), сапоги с острым носком. Из предметов, относящихся к вооружению, – большие кинжалы «распространенного типа (всего два экземпляра), деревянные газыри с костяными головками, с сохранившимися в них порохом и свинцовые пули, завернутые в лоскутки материи, служившие, видимо, пыжами. Найдены в склепах и кожаные нашивные газырницы – поперечно прошитые кармашки для хранения или ношения газырей, а также маленькая роговая пороховница или мерка пороха.

К орудиям труда можно отнести маленькие ножи, носимые обычно на поясе, иголку, прекрасно сохранившуюся в тканевой сумочке для рукоделия, наперстки фабричной работы. Нередки в склепах деревянные самшитовые гребни с частыми и редкими зубьями, двусторонние. Предметы, связанные с добыванием огня,

[1] Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 24.

– кресала и кусочки кремня. К ним можно отнести и стеклянную сферическую линзу. В склепах обнаружены также деревянные и глиняные курительные трубки.

Несмотря на их разграбленность, в югоосетинских склепах нередки предметы украшения и детали одежды – бижутерия. Это красивые орнаментированные пояса (камари-рон), пряжки, разнообразные височные привески, полые пуговки-привески, перстни, бусы. Эти предметы имеют многочисленные аналогии как в материалах из склепов Северной Осетии, так и в материалах из позднесредневековых каменных ящиков периода XVII – начала XIX в.

В югоосетинских склепах найдено большое количество разнообразных сосудов. Это бутылки темного стекла русского фабричного производства начала XIX в., глиняные миниатюрные кувшинчики, безусловно предназначенные для погребальных целей, так как их использование в быту не отмечено, да и слишком они малы, и деревянные кружки (къопп), выдолбленные в цельном куске дерева, но со вставленным донышком. В этих сосудах, видимо, содержался напутственный напиток – квас. В осетинском языке бытует выражение «мæрдты къопп» – т.е. «кружка, предназначенная для покойников», видимо, подобные кружки изготовлялись специально.

Из других предметов, найденных в склепах, – ствол от кукурузных початков и грецкие орехи. Надо сказать, что грецкие орехи в могильниках Осетии встречаются с раннего средневековья. Так, грецкие орехи обнаружены в Лаце, Дзивгисе и Махческе в погребениях с каменными ящиками[1]. Следует полагать, что грецкие орехи в склепы попали не случайно,а имели ритуальное назначение. Ино-

[1] Кокиев Г.А. Указ. соч. С. 11; Уварова П.С. МАК.VIII. С.157, 158, 166; ее же. Путевые заметки. Ч.1. М., 1887. С. 84.

гда в них встречаются уникальные предметы. Примером может служить орнаментированный сетчатым рисунком кокосовый орех небольшого размера, использовавшийся, видимо, для хранения каких-то сыпучих веществ (соли пороха, перца?)[1].

Само устройство склепов и наличие разнообразного погребального инвентаря говорят об особом отношении к умершим, о развитом культе мертвых. Недаром в осетинском языке бытует выражение «мард дзуар у» – «покойник свят». Погребальные обряды Осетии, частично отразившиеся в памятниках, были необыкновенно сложны и многоплановы. Они поражали воображение путешественников, настолько были несхожи с обрядами других народов, и уж совсем отличались от христианских обрядов. Видимо, миссионерам пришлось приложить немало труда, чтобы осетины перестали хоронить своих мертвых в склепах. В приведенном выше отрывке из описания погребального обряда протопопа Иоанна Болгарского явно проглядывает не любование, а возмущение обрядом. В том же донесении Иоанн Болгарский писал: «А другие, хотя и крестятся, но по восприятии крещения, не уважая нимало толкуемый им закон христианский, по своей живут воле,соответствуя больше прежним своим обычаям»[2].

Из этого отрывка видно, что даже приняв христианство и при наличии священников, осетины продолжали поклоняться прежним своим богам. Между погребениями в каменных ящиках и погребениями в склепах почти ничего нет общего, за исключением некоторых предметов – ножей, оселков, предметов украшения, некоторых пред-

[1] Джадтиев Р. Г. Указ. соч. Рис. 44.

[2] Донесение протопопа Болгарского епископу астраханскому и ставропольскому Антонию от 18 июля 1780 г. о нравах и обычаях осетин // Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. Известия СОНИИ. Т. VI. Орджоникидзе, 1934. С. 172.

метов быта (гребни и наперстки) и отчасти сосудов для сопутственных напитков. Это и понятно, потому что оба вида погребения и погребальные сооружения разнятся очень сильно. Видимо, следует прислушаться к мнению исследователей, утверждавших, что в специфических кавказских условиях погребальный обряд утрачивает свое основное значение – значение этнического показателя. Е. И. Крупнов писал: «Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубах и т.д., могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность»[1]. И это верно. Ведь нельзя же предположить, что в позднее средневековье на одном пятачке, а горные селения именно пятачки, сосуществовали разные народы, да еще и с разной культурой.

Безусловно, многообразие погребальных обрядов значительно усложняет изучение самих памятников, но не умаляет их значения как источника[2].

О полноценности средневекового погребального обряда как источника писал и В. А. Кузнецов. Это положение также верно. Но источником они служат для определения уровня материальной культуры, для изучения некоторых религиозных обрядов и пр., но не для определения этнической принадлежности. Именно эту невозможность определения этнического круга имел в виду Е. И. Крупнов. Погребальные памятники верховьев Большой Лиахви трудно связать и с различными религиями. Выше мы показали, что погребения в каменных ящиках, за исключением

[1] Крупнов Е. И. Галиатский могильник как источник по истории алан-осов // ВДИ. № 2. М., 1938. С. 113.

[2] Крупнов Е. И. Указ. соч. С. 113.

ориентировки, не имеют ничего общего с христианским обрядом.

Склеповые погребения также не имеют ничего общего с христианством. Тогда возникает вопрос – почему одна часть населения хоронила своих покойников в каменных ящиках, а другая – в склепах? На это отвечает исследователь Даргавсского некрополя В.Х. Тменов: «В каменных ящиках Какадура и Даргавса, расположенных вне склеповых сооружений и, в принципе, содержащих захоронения, синхронные со склеповыми (давшие к тому же идентичный погребальный инвентарь), мы склонны видеть проявления социальной дифференциации тагаурского общества, которая ко времени прекращения захоронений в склепах пустила довольно глубокие корни»[1].

В чем же заключалась социальная дифференциация, если оба погребения дают «идентичный погребальный инвентарь»? Да и многочисленные склепы одного Даргавса (а их 95!) могли служить усыпальницами для всех феодалов Северного Кавказа. Так что склепы вряд ли были социальным привилегированным видом погребального сооружения, тем более для Какадура и Даргавса. Конечно, социальная дифференциация и в Тагаурии и Куртатии зашла далеко к началу XIX в[2]., т.е. к периоду прекращения утилизирования склепов. Но как характеризовать различные погребальные обряды в верховьях Большой Лиахви, где не было социальной дифференциации, хотя она и намечалась?[3]

Нельзя связывать наличие склепов и каменных ящиков в верховьях Большой Лиахви с социальной дифферен-

[1] Тменов В.Х. Указ. соч. С. 49.

[2] История Северо-Осетинской АССР. Т.1. М., 1959. С. 97-98.

[3] Джадтиев Р.Г. Средневековые бытовые памятники в верховьях р. Большой Лиахви // Известия ЮОНИИ. Вып. XV. Цхинвали, 1969. С.175-176.

циацией. Остается признать, что часть населения придерживалась одних обрядов, а часть – других, т.е. обе группы, придерживавшиеся различных обрядов погребения, были осетинами.

Здесь уместно сказать об одном интересном явлении, обнаруженном нами. От исследователей генезиса склепового обряда захоронения ускользнул примечательный факт. Оказывается склепы полуподземные или подземные имеются не у всякого горного осетинского аула. Л. П. Семенов, много изучавший археологические памятники Осетии, пишет о склепах, что они встречаются «во многих местах горной Осетии»[1]. Именно «во многих местах», а не везде. Во время наших археологических маршрутных экспедиций мы отметили отсутствие склепов в наро-мамисонском округе (кроме с. Закка) в ущельях рек Джоджора и Паца, а также в Трусовском ущелье. Причем мы, не доверяясь визуальному обследованию, спрашивали у населения о наличии склепов, однако в указанных местах получали отрицательный ответ. В поисках ответа на это странное, на первый взгляд, явление мы обратили внимание на другой факт. Оказалось, что в этих ущельях имеются древние христианские храмы, чего нельзя сказать о тех местах, где имеются склеповые сооружения если не в массовом количестве, то хотя бы единицы.

Так, в наро-мамисонском округе, т.е. в верховьях Ардона и ее притоков, имеются следующие христианские церкви. Это, во-первых, Зругский храм «Хозиты Майрам», датируемый первым десятилетием XI в.[2] Во-вторых, это

[1] Семенов Л. П. Археологические разыскания в Сев.Осетии. С. 66.

[2] Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 166; Долидзе В. О. «Хозита-Майрам» – документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. XV. № 2. Тб., 1954. С. 119-126.

руины храма в с.Тли (у Мамисонского перевала), датируемого первой четвертью XI в.[1], и, в-третьих, остатки христианского храма, превращенного в святилище у с. Нар, также относимого В. А. Кузнецовым к XI в.[2]

В ущелье рек Паца и Джоджора также имеются остатки христианских храмов средневековой эпохи. Например, в Сохта, «Хуссары дзуар» в Чесельтском ущелье, однозальная церковь в Саридтат, развалины храма в с. Надарбаз и др. Древние храмы также имеются в Трусовском ущелье. Строительство одного из них относится ко времени правления царицы Тамары, т.е. к XII в. Церковь эта построена во имя святых архангелов и называется Тырсыйы Тарандже-лоз[3].

Наличие древнехристианских храмов, причем грузинского архитектурного стиля, в указанных ущельях говорит о том, что эти регионы были под большим воздействием христианской религии. При церквах и храмах, надо полагать, был большой штат церковнослужителей, которые распространяли христианское вероучение и путем проповедей и иными путями укрепляли в неофитах веру в Христа. Видимо, под их влиянием местные жители совершали свои погребения, причем свои старые, языческие обряды приноравливали к новым, христианским обрядам, «сглаживая», так сказать, противоречия. Кстати, погребальные памятники верховьев Большой Лиахви до периода строительства здесь склепов, т.е. до появления склепового обряда захоронения, представлены также в виде каменных ящиков. Иными словами, традиция погребения в камен-

[1] Долидзе В. О. Архитектурный памятник Тли – новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалети // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. №6. Тб., 1958. С. 773.

[2] Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. С. 170.

[3] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осет.яз. Т. III. М., 1979. С. 231.

ных ящиках в верховьях Большой Лиахви – несравнимо древние погребения в склепах, ибо последние появляются в XVII в.

Наличие склепов в верховьях Большой Лиахви нами связывается с переселением сюда массы осетинского населения с северных склонов Главного Кавказского хребта, тогда как в вышеупомянутые ущелья не только не было притока населения, но, наоборот, был отток населения на юг, в Закавказье, в основном из Наро-Мамисонского округа[1]. Этот факт подтверждается не только наблюдениями этнографов. Во время нашего посещения сел Тиб и Калак мы обратили внимание на совершенную идентичность говора местных жителей с говором жителей верховьев р. Джоджоры, разделенных, кстати, легкодоступным перевалом «Кевселты ‹фцæг». Эту близость говоров отмечал и В. И. Абаев[2].

Вышеперечисленные ущелья с осетинским населением, где сохранились памятники грузинского церковного зодчества, относятся к исторической Двалетии[3], издавна находившейся под грузинским влиянием. О том, что эти ущелья испытывали сильную христианскую пропаганду, свидетельствует замечание Вахушти: «В старину все они / осетины/ по вере были христианами и составляли паству Никозели, главным образом двальцы»[4].

Из этого, возможно, следует, что именно пропаганда христианских обрядов, восприятие местным населением обрядов христианского погребения явились препятствием для возведения склепов и совершения в них погребений.

---

[1] Калоев Б. А. Осетины. С. 63.

[2] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М., 1949. С. 501.

[3] Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского // История Осетии в документах и материалах. Т. X. Цхинвали, 1962. С. 214.

[4] Там же. С. 217.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Население Двалетии под влиянием христианства совершало погребения в каменных ящиках, а склеповые сооружения появляются позже, в связи с последним переселением осетин с северных склонов Кавказского хребта (из Куртатинского и Алагирского ущелий) в XV – XVI вв.[1] Именно в следующую эпоху, т.е. в XVII-XVIII вв., оба эти обряда погребения и сосуществуют в верховьях Большой Лиахви. В западных ущельях Южной Осетии, где не было переселения из Куртатинского и Алагирского ущелий, обряд погребений в каменных ящиках остался единственным видом погребения.

Выше мы говорили, что в обряде погребения в каменных ящиках христианской деталью является только западная ориентация погребенных. Видимо, к христианским чертам погребального обряда следует отнести и захоронение в грунте. Хотя погребение в грунте является само по себе древним кавказским обрядом, но оно вполне согласовывалось с христианским каноном и стало со временем считаться именно таковым, так как в этой детали христианский обряд и древний языческий не противоречили друг другу.

Если предложенная схема в какой-то мере объясняет сосуществование позднесредневековых каменных ящиков и склепов Южной Осетии, то для могильников Северной Осетии, где также наблюдается сосуществование каменнных ящиков и склепов, причем периода раннего средневековья, нужно подыскивать, видимо, другое объяснение. Но и для североосетинских могильников возможно применить суть данной схемы: каменные ящики принадлежали населению, которое сохранило некоторые

[1] Ванеев З. Н. К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Тб., 1936. Вып. 3. С. 274.

черты христианской погребальной обрядности, а склепы – забывшему начисто христианство. Здесь уместно привести мнение В. А. Кузнецова, что «христианство, воспринятое в основном с внешней стороны (имеется в виду христианство у алан в X – XIV вв. – Р. Дз.), так и не смогло их (родовые культы, восходящие к дохристианскому периоду. – Р. Дз.) окончательно подавить и перекрыть. Резкие изменения в социально-экономическом строе аланского общества в период татаро-монгольского нашествия, утрата равнинных традиционно земледельческих районов повлекли за собой оживление и регенерацию сохранившихся элементов патриархально-родового строя.

Это окончательно подорвало базу аланского христианства и в новых условиях привело к возрождению языческих культов[1]. К этому можно добавить, что возродились и погребальные обряды, в частности погребения в склепах. Именно этим объясняется массовое строительство склепов в Осетии в XVI-XVIII вв.[2]

Известия ЮОНИИ. 1983. Вып. XXVIII. С. 18-32.

[1] Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. С. 25.

[2] Тменов В. Х. Город мертвых. С. 144.

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ЗОРОАСТРИЗМА В СКЛЕПОВОМ ОБРЯДЕ ПОГРЕБЕНИЯ

На средневековых могильниках Осетии можно отметить два вида погребального обряда: погребение в каменных ящиках и погребение в склепах. Это два противоречивых обряда захоронения покойников. Причем оба обряда сосуществовали[1]. Налицо два взаимоисключающих воззрения на загробную жизнь. В одном случае (погребения в каменных ящиках) совершенно не заботятся о сохранности трупа, а в другом (в склеповых погребениях) явно чувствуется забота о сохранении трупа, его консервации. Кроме того, при обряде погребения в каменном ящике погребенный соприкасается с грунтом, засыпается землей, а обряд погребения в склепе характеризуется изоляцией погребенного от земли путем укладывания его на полку.

«В основе мумификации трупов у древних народов лежала религиозная вера в загробную жизнь и в переселение душ. Это воззрение (анимизм) допускало даже возможность переселения души в то же самое тело»[2]. Надо полагать, что средневековые осетины строили склепы именно в расчете на мумифицирование трупов и большую сохранность их. О трупе заботились как о живом человеке (в поминальные дни приносили пищу, напитки), но до определенного момента: пока не умирал кто-нибудь из данного родственного коллектива, и новый усопший не нуждался в площади в склепе. Старый, высохший или мумифицировавшийся труп снимали с полки, а его место за-

[1] Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 378.

[2] Иосифов И. М. Мумификация в горах Кавказа // Известия Осетинского института краеведения. Вып. III. Владикавказ, 1926. С. 212.

нимал новый[1].

В литературе существует ряд мнений о возникновении склепов. Не останавливаясь на всех точках зрения, ибо они проанализированы в монографии В. Х. Тменова[2], остановимся на одной из них. Известный исследователь религии С. А. Токарев считает, что погребальные склепы осетин не что иное, как следы влияния маздаизма[3]. Религия маздаизма, или зороастризм (по имени основателя – Зороастра), возникает среди иранских племен в VI в. до н. э., вернее, к этому времени маздаизм оформляется в классовую религию. Особенное развитие и распространение маздаизм приобретает при Ахеменидской династии (VI в. до н.э.-III в. н.э.). Ахемениды вели гибкую политику укрепления своей власти в завоеванных странах. Как известно, и при Ахеменидах, а тем более при Сасанидах, территория Закавказья входила в сферу влияния Иранского государства. Известно также, что зороастризм они насаждали только в странах с иранским населением. В Закавказье таким государством была Албания. Именно здесь до самого начала XX века существовал храм огнепоклонников[4].

Сасаниды насаждали маздаизм не только в Албании, но и в Армении и Грузии. «В середине V века между Картли и Ираном было достигнуто соглашение, на основе которого зороастризм приобретал в Картли равные права, разрешалась свободная пропаганда огнепоклонства среди картлийского населения. Эта пропаганда имела определенный успех – часть «мелкого люда» переметнулась к

[1] Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 28.

[2] Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. С. 58-74.

[3] Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 3.

[4] Лордкипанидзе М. Д. Картли во второй половине V в. Тб., 1979 (на груз. яз.). Резюме на русском языке. С. 100.

огнепоклонникам»[1].

В местечке Никози даже существовал жертвенник последователей Зороастра[2].

Что касается скифов и сарматов, то попади они под власть Ахеменидов или Сасанидов – не избежать бы им, как носителям иранского языка, широкого внедрения религии зороастризма. При царях ахеменидской династии Дарий и Ксерксе земли восточноскифских племен – саков были завоеваны ими. Причем свои победы эти цари объясняют тем, что им покровительствует Ахурамазда, тогда как саки оказались «неверными». Об этом свидетельствует знаменитая бехистунская надпись в Иране. Таким образом, в результате походов ахеменидских царей часть скифов вроде бы должна была испытать воздействие зороастризма. Но В.И. Абаев считает, что скифским племенам был совершенно чужд зороастризм как религия[3]. Правда, В.И. Абаев допускает, что в языке саков все же были элементы зороастризма. Скифам был чужд зороастризм, по мнению В.И. Абаева, потому что это была религия сперва оседлых скотоводов, а потом государственная религия. В обоих случаях эта религия была направлена против них. Ибо скифы были кочевыми скотоводами, а потому должны были находиться во враждебных отношениях со всем оседлым миром. Во втором случае зороастризм, как государственная религия, служил, как всегда, орудием экспансии и закабаления.

Такое отношение скифов к зороастризму было в отдаленные времена. В дальнейшем ведь образ жизни скифов

[1] Там же. С. 103-104.

[2] Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А. История Грузии: учебное пособие. Т.I. Тб., 1962. С. 95.

[3] Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Доклады Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 2-3.

как кочевых племен меняется. Да и слишком заманчиво было держать под своей властью обширнейшие территории с иранским (по языку) населением, коими являлись скифы, а затем сармато-аланы. Вполне допустимо, что аланы восприняли какие-то черты или элементы зороастризма. Прямых свидетельств об этом у нас нет. Косвенными же, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, это наличие топонима Армаз-и, что может истолковываться как грузинская форма имени Ахура-Мазда – Ормузд[1]. Во всяком случае, иранское происхождение этого имени вряд ли подлежит сомнению. Тем более что в грузинских источниках («Картлис цховреба», Леонтия Мровели) указывается, что Фарнаваз по-ирански (персидски) будет Армаз. Ибо отец его был грузином, а мать персиянкой[2], т. е. Армази около Мцхета был культовым центром зороастризма в Грузии. Не исключено, что кроме Армази и Никози были и другие места, связанные с зороастрийской религией. Потому близость к Алании культовых мест зороастрийской религии с классом служителей и последователей не должна была сбрасываться со счета.

Во-вторых, связи северокавказских алан с древним населением Мнгечаура не подлежат сомнению, так как имеется большой археологический материал из мингечаурских катакомб, датируемый III-VIII вв.[3], говорящий об аланской принадлежности могильника. А Мингечаур – это уже сфера распространения зороастризма.

В-третьих, наличие семибожья у древних персов, алан-осетин, да и скифов[4].

---

[1] Андроникашвили М. К. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. Т. I. Тб., 1966. С. 26 (на груз. яз.).

[2] Там же. С. 13-16.

[3] Ваидов Р. М. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. // КСИИМК. Вып. XLVI. М., 1952. С. 90.

[4] Геродот. История. Кн. 1. Л., 1972. С. 54; Абаев В. И. Дохристиан-

У персов было 7 божеств во главе с Зевсом. Здесь Зевс отождествляется Геродотом с Ахурамаздой. Своим богам как персы, так и аланы-осетины приносили жертвы. Вспомним известное изображение из Персеполя: маг, несущий жертвенного козленка[1]. Рельеф этот отображает поклонение самому главному божеству, т.е. Зевсу. Если иметь в виду, что Зевс (правда, по греческой мифологии) является громовержцем, и при этом сопоставим его с Ильей алано-осетинского пантеона, тоже громовержцем, то окажется, что им приносят одинаковые жертвы. Вахушти Багратиони в своем описании Осетии отмечает как наиболее примечательный факт поклонение Вачилле – Уацилле, т. е. св. Илье. «Все же они (осетины. – Р. Дз.) почитают подобие идола, которого называют Вачила, ибо в честь Ильи закалывают козла, мясо едят сами, а кожу натягивают на высокое древко и поклоняются этой шкуре в день праздника Ильи, дабы он избавил их от градобития и даровал урожай земле»[2].

Сопоставим теперь персидские и алано-осетинские божества.

1. Зевсу или Ахурамадзе соответствует Хуыцау или, как мы предполагаем, Илья.

2. Солнцу соответствует Хурзарин, то есть «Солнце золотое».

3. Луне мы не нашли соответствия, хотя по функциям, как покровитель рогатого скота, это может быть Фалвара.

4. Божеству Земли может соответствовать Уастырджи – св. Георгий (от Уац + стыр + джиуарджи, буквально святой + великий + Георгий).

5. Божеству огня соответствует в осетинском пантеоне сам огонь или его образ в виде надочажной цепи.

ская религия алан. С. 8 и далее.

[1] Дьяконов И. М. История Мидии. М.-Л., 1956. С. 396. Рис. 69.

[2] Вахушти. География // ЗКОИРГО. Кн. 24. Тифлис, 1904. С. 140.

6. Божество воды сопоставляем с Донбеттыр. Причем сама вода – дон в мифологии выступает не как вещество, а олицетворяется (например, в выражении «доны чызджытæ» – дочери воды).

7. И, наконец, персидскому божеству ветров в осетинском пантеоне соответствует идентичный бог ветра Галагон. Жертвы своим божествам и персы и осетины приносили на высоких горах в присутствии жрецов[1].

Эти соответствия нам представляются не случайными.

В-четвертых, возникновение склепов; начало строительства склепов относится к V-VII вв.[2], т. е. ко времени расцвета и заката Сасанидской династии.

Итак, нам представляется, что зороастризм как религия могла и не быть у скифов и алан, но если говорить об элементах, то таковые вряд ли могли не быть. К.Ф. Смирнов полагал, что есть возможность утверждать, что у саков и сарматов мировоззрение содержало элементы зороастризма[3], а ведь он располагал в основном археологическим материалом. В.Х. Тменов допускает, что «учение Заротустры… могло в какой-то степени (очень незначительной) оказать влияние на религиозные представления горцев Кавказа»[4], и тоже имеет в виду погребальные памятники, в основном склепы.

И это, видимо, верно. Мы совсем не предполагаем, что аланы исповедовали зороастризм. Нужно учитывать и то, что «центральные концепции зороастризма претерпели за время существования этой религии столь значитель-

[1] Дьяконов И.М. История Мидии. С. 250.

[2] Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Л., 1956; Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. 1938. №2 (3). С. 115.

[3] Смирнов К. Ф. Савроматы, М., 1964. С. 250-253.

[4] Тменов В.Х. Город мертвых. С. 71.

ную эволюцию, зороастризм в разных странах был в такой степени несходным, что любое догматическое решение было бы неверным»[1].

Выяснено, что аланы в первом десятилетии X века принимают христианство. Правда, трудно предположить, что аланы, принявшие христианство, тут же стали ортодоксальными христианами и никакие веяния иных религий их не коснулись[2]. На самом деле, аланы, оттесненные в глубь гор в результате татаро-монгольского нашествия, очень быстро забыли христианство и опять стали поклоняться прежним богам, хотя и сохранили имена христанских святых, некоторые обряды и ряд терминов.

Поиски следов зороастризма в фольклоре осетин натолкнули нас на один кажущийся нам примечательным факт.

В написанной в 1935 г. А. А. Тибиловым статье «Фольклор Южной Осетии» приводится народный вариант песни об Афсати – дохристианском божестве охоты у осетин. В песне говорится, как 12 богатых охотников выпрашивали у бога оленя. Афсати напустил на них вместо оленя поросенка. Этот удивительный «поросенок» убил охотников и как «дрова нагромоздил их друг на друга»[3]. Мы обратили на это внимание в связи со следующим. В зороастрийской религии был культ Митры, во II-III вв. был серьезным соперником христианства и сильно на него повлиял»[4]. Так вот, одним из воплощений божества Митры, его небесной силы Верэтрагны, или фарна, кроме священного

[1] Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 31.

[2] Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 12.

[3] Тибилов А. А. Избранные произведения. Цхинвали, 1964. С. 278 (на осет. яз.).

[4] Токарев С. А. Религия в истории народов мира… С. 323.

барана является могучий кабан: «… перед Митрой летит Верэтрагна в образе дикого, стремительно нападающего кабана, сразу убивающего своих противников. На митраистических рельефах рядом с Верэтрагной изображается кабан[1].

Возможно, что в песне об Афсати мы имеем слабый отголосок этого образа: поросенок побивает двенадцать охотников! Вместе с этим нельзя не вспомнить широко известный факт: в горной Осетии, где нет даже намека на ислам или иудаизм, отношение к свинье как к объекту животноводства было отрицательным. В отличие от ортодоксальных христиан горцы-осетины не употребляли свинину в культово-праздничные дни. Можно предположить, что здесь мы имеем отношение к животному как к объекту культа. Но явно непочтительное отношение к свинье, зафиксированное этнографами, вроде бы препятствует этому предположению.

Все вышеизложенное о возможных следах зороастризма в религиозных представлениях осетин несвободно от многих неясностей, но нам представляется, что гипотеза о влиянии зороастризма на религию горцев-осетин имеет право на существование.

Склепы же и склеповый обряд захоронения, видимо, в какой-то мере несут на себе следы зороастрийской религии, и это положение никого не должно удивлять, если иметь в виду изложенное выше.

Известия ЮОНИИ. 1985. Вып. XXVII. С. 15-19.

[1] Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн… С. 92.

РАСКОПКИ 1979 ГОДА В С. ЕДЫС

Во время полевого сезона лета 1979 года отдельный отряд археологической экспедиции Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР приступил к исследованию средневекового городища «царциаты калак» в верховьях реки Большой Лиахвы. В свое время этим памятником интересовались В. И. Долбежев, Е. Г. Пчелина, Б. А. Куфтин, Б. В. Техов. Как раз их работы сигнализировали о том, что Едисское городище при проведении раскопок может дать интересный материал для реконструкции быта и культуры населения средневековой эпохи в высокогорной зоне. Погребальный обряд, строительная техника, предметы быта и украшения, остатки следов керамического производства и кузнечного ремесла – все это заслуживает пристального внимания и детального исследования. Находясь в высокогорной зоне и, по-видимому, являясь центром исторической Маглан-Двалети, Едисское городище может пролить свет и на некоторые вопросы миграции населения и этническую историю региона.

Нами сделано пока немного, а именно: раскопана незначительная часть городища и открыт могильник позднесредневекового времени.

На городище была обнаружена стена, по всей вероятности, жилого помещения, сложенная из булыжников и грубовато отесанных камней (андезито-дациты). Прослеживаются углы помещений, лестницы. В юго-восточной части раскопа расчищена группа камней, по своей конфигурации напоминающая очаг, вокруг следы золы, углей. Много золы обнаружено было в центре раскопа у края стены. Видимо, здесь была свалка, куда сбрасывали хозяйственные отходы (расколотые кости животных) и мусор (керамический бой). Здесь же найдена крупная чешуя

осетровой рыбы. По рассказам местных жителей, сюда поднимались осетры на нерест. Но возможно, что рыбу завозили сюда торговцы. В северной части раскопа около перемешанных костей человеческого погребения были найдены разнообразные стеклянные и каменные бусы, характерные для раннего средневековья (рис. 7-41). Вместе с бусами были найдены сердоликовые и янтарные геммы с различными изображениями, относящимися к сасанидскому искусству.

1. Сердоликовая бусина со сточенным краем и отверстием для продевания шнура. На сточенном овале вырезана инталья, изображающая оленя с подогнутыми ногами. Шея и лопаточная часть обозначены параллельными штрихами, ветвистые рога нависают над спиной (рис. 1).

2. Сердоликовая несколько уплощенная бусина со сточенным краем и отверстием для продевания шнура. На сточенном овале вырезана инталья, изображающая утку. Шея и голова – гладкие, а тело и крылья обозначены штрихами. Четко выделяются клюв и глаз. Грудь и ноги ограничены двойными штрихами (рис. 2). Обе геммы говорят о высоком мастерстве резчика.

3. Аналогичная первым двум бусинам из светлого камня (оникс?), на сточенной поверхности широкие и узкие полосы, нанесенные неумелой рукой. Возможно, резчик хотел изобразить всадника, ибо широкая полоса (туловище коня?) опирается на четыре узкие линии (ноги?), другая широкая полоса расположена под углом к первой (пышный хвост?), сверху обозначен сам всадник (рис. 3). Во всяком случае чувствуется стремление подражать какому-то образцу.

4. Янтарная бусина уплощенной формы со сточенным краем, на котором вырезана сложная фигура с «крючками» в несколько ярусов. На бусине имеется отверстие для подвешивания (рис. 4).

5. Янтарная бусина уплощенной формы со сточенным краем, на котором вырезана фигура, состоящая из двух полумесяцев, повернутых тыльными частями друг к другу и соединенных перемычкой с ответвлениями. С одного края около полумесяца – звездочка. На бусине имеется отверстие для подвешивания (рис. 5).

6. Янтарная бусина неправильной формы со сточенным краем, на котором вырезана фигура, аналогичная предыдущей, но без звездочки. На бусине имеется отверстие для подвешивания (рис. 6).

Все эти геммы с изображениями животных и значков являются принадлежностью сасанидского мира и, скорее всего, готовыми попали в Едыс. Наличие гемм на городище может свидетельствовать о развитии собственности, ибо владеть гемм, возможно, запечатывал ими какие-либо вещи или документы. Как бусы, так и геммы говорят о том, что Едысское городище функционировало в VI-VII вв. Именно к этому времени относятся геммы с изображением оленя и утки. Изображение утки характерно для V-VI вв.[1], а оленя любили изображать на геммах в VI-VII вв.[2]

Интересно, что сасанидские геммы пользовались спросом не только на родине, в Персии, но и далеко за ее пределами. И потому их во множестве находят в Закавказье[3] и в других местах, начиная с IV века[4].

На городище были найдены многочисленные обломки глиняных сосудов – ручки, венчики, донышки крупных сосудов типа «квеври» и кувшинов. Излюбленный орнамент

[1] Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 148-149.

[2] Там же. С. 174.

[3] Лордкипанидзе М.Н. Памятники глиптики, найденные в Армазисхеви и Багинети: Автореф. дисс…. Тб., 1958.

[4] Джавахишвили К.А. Памятники глиптики городища Урбниси (Геммы Госмузея Грузии). Тб., 1972. С. 99.

на них – жгутообразные поперечные налепы на туловах сосудов. Найден и глиняный чубук курительной трубки со штампом изготовления сбоку (рис. 42). Подобные трубки характерны для XVI-XVIII вв. и встречаются в памятниках восточной Грузии[1].

Близко к вершине холма, на котором расположено городище, открыт могильник с захоронениями в каменных ящиках и в грунте. Вскрыто 17 погребений, 11 из них оказались непотревоженными, кости лежали в анатомическом порядке. Два погребения были совершены в каменных ящиках с шиферным перекрытием, остальные – в грунте с шиферным перекрытием или просто в грунте.

Однако все погребенные были ориентированы головой на запад, что квалифицируется нами как отражение христианского погребального обряда.

Два погребения (№7 и 8), кроме целого костяка, содержали в погребальной камере по 3-4 черепа, – видимо, останки более ранних погребений. Кроме того, на всей площади раскопанной части могильника в восьми пунктах отмечены разрозненные костяки. Возможно, что могильник утилизовался в течение долгого времени и более поздние погребения совершались на месте ранних, при этом старые погребения разрушались, а кости сдвигали в стороны, нарушая этим их аналитический порядок. На поверхности могилы ничем не отмечены, за исключением одного случая, когда у изголовья погребенного был поставлен продолговатый булыжник, да и то был скрыт в грунте.

Погребения очень бедные – всего найдено 4 полые бусины-привески из низкопробного серебра, 2 стеклянные бусины, 1 сердоликовая, 2 колечка и медальон с ка-

[1] Арчвадзе Т.Д. Позднесредневековые керамические изделия Восточной Грузии // Археологические памятники феодальной Грузии. Т. III. Тб., 1975. С. 119.

плевидной привеской (рис. 43-45). Судя по этим находкам, могильник не древний, во всяком случае, «моложе» бус и гемм, найденных на городище. Ввиду того, что предки теперешнего населения с. Едыс хоронили своих покойников в других местах, этот могильник использовало иное население до водворения последней волны переселенцев с Северного Кавказа, т.е. примерно до XVII века, т.е. могильник скорее всего относится к XVI-XVII вв. По народным преданиям, заселение с. Едыс старожилами – Бегизовыми произошло за 12 поколений до наших дней, т.е. примерно в конце XVII века[1] (если одно поколение – 25 лет).

Царциатское городище, как видно, является памятником широкого хронологического диапазона и дальнейшие раскопки дадут интересный материал для исторических построений.

Известия ЮОНИИ. 1985. Вып. XXVII. С. 20-23.

[1] Осетинские народные сказки. Том III. Исторические и местные сказки, легенды и сказания. Цхинвали, 1962. С. 132 (на осет. яз.).

К СЕМАНТИКЕ СКАЧЕК «ДУГЪ» У ОСЕТИН

Архаичность погребальных обрядов общеизвестна. Не являются они исключением и в осетинском быту. Этнографами зафиксированы многие обычаи – «оплакивание покойника, многочисленные дорогостоящие поминки, скачки, обрезание косы у вдовы, посвящение коня»[1] и т.д. Все эти обряды нашли отражение как в письменных источниках, так и в научной литературе[2]. Отметим, однако, что обряд скачек не нашел должного отражения в литературе. Первое упоминание обряда скачек в честь умершего находим в известном труде Вахушти Багратиони «Описание царства Грузинского». Надо полагать, что Вахушти Багратиони был свидетелем исполнения этого обряда. Он же дает и интерпретацию обряда – объясняет его смысл и значение: «Для спасения и поминовения душ своих усопших /осетины/ умеют устраивать скачки, что называют доги: конных людей пускают взапуски с двух-трехдневного расстояния, и который из них раньше доскачет до назначенного места, тому и дают подарок и устраивают угощение и большое веселье, кто как может. И полагают, что это утешает и спасает души их усопших»[3].

---

[1] Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин // Тезисы докладов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 1.

[2] Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1971; Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

[3] Вахушти Багратиони. География Грузии / Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. V. Тифлис, 1904. С. 143.

Известный путешественник исследователь Юлиус Клапрот также отметил этот интересный обряд: «Для того, чтобы обеспечить покой душам умерших, осетины придерживаются удивительного обычая, называемого дог. Два или три всадника поднимаются на некотором расстоянии друг от друга примерно на 10 верст по крутой горе, и тот, кто первый достигнет самой высокой вершины, почитается и одаривается остальными, после чего все присутствующие выражают свою радость и веселье танцами и пиршеством»[1].

Несколько полнее описание обряда скачек имеется в работе академика А.М. Шегрена: «Самое большое уважение всеми горцами оказывается покойникам, кроме пиров и поминков, делаемых при похоронах, в честь покойных учреждены праздники (лаус ганан), ежегодные и еженедельные поминки, скачки, сопровождаемые раздачею вещей покойного, и, наконец, сочиняются похвальные песни.

…Скачки делаются перед одним из трех главных поминок, все вещи, лошадь, оружие покойника назначаются по разрядам в порядки. Первым считается лошадь, потом ружье и т.д. Когда все приготовлено, назначаются из стариков судьи и распределяются игры, после чего удальцы скачут взапуски, обгоняя друг друга, стреляют в цель, поднимают на всем скаку с земли вещи, одним словом, показывают все искусство свое в так называемой науке джигитовки; и по приговору судей, окончив ее, получают сообразно с отличием награды – и, наконец, гуляют; такие поминки очень разорительны и потому остались только у богатых людей; или если делают скачки, то не делают подарков; изредка лишь по пятницам, перед простыми по-

[1] Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 168.

минками, можно видеть несколько человек, скачущих по улице аула и стреляющих в воздух»[1].

Есть упоминание о скачках и в статье С. Жускаева о похоронных обрядах у осетин. «За похоронами следуют конные скачки, и кто прискачет первым к назначенному месту, тот получает приз, состоящий из одного быка и барана и, смотря вообще по зажиточности семейства умершего, из большего или меньшего вознаграждения. Скачут с расстояния от аула не более 7 верст; хозяин прискакавшей первой лошади, по понятию осетин, вероятно, был любим покойником»[2].

Более пространное описание скачек приводит Б. Гатиев: «Скачки в честь покойников устраиваются два раза в продолжение года: в первый понедельник после нового года, на утро поминок бадæн-æхсæв, в некоторых участках в Лазареву субботу, или на второй день пасхи и во время справления больших осетинских поминок; первая известна под именем малой скачки, а вторая – большой, с большими призами. До наступления дня бадæн-æхсæв семейство покойника закупает в достаточ крепко друг к другу, привязывает к палкам, и это называется алам (слово это не имеет никакого значения и непереводимо). За несколько дней семейство, устроившее алам, уведомляет своих односельчан, что у него на утро бадан-ахсав будет скачка алама. В определенный час человек 30 собираются верхами в дом хозяев покойника; здесь они, выпив араки и взяв на плечи приготовленные лакомства, скачут во весь

[1] Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. №29. Цит. по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. 1 / Сост. Чибиров Л. А. Цхинвали, 1981. С. 68, 75.

[2] Жускаев С. Похороны у осетин олладжирцев // Кавказский вестник. 1855. №9. Цит. по сб.: Периодическая печать Кавказа. С. 134.

опор по замерзшим улицам селения, имея впереди всех одного наездника со значком. Раз семь обскакав все селение, они в многолюдных собраниях бросают приготовленные лакомства; дети собирают их.

Большая скачка пускается совсем иначе. За месяц до наступления больших есенинских поминок, домочадцы покойника избирают из своих родственников или знакомых трех человек и объявляют им, чтобы они ко дню скачки приготовили:по одной лошади. Эти, последние, приняв с удовольствием такое предложение, ставящее их в весьма почетное положение, находят лошадей-скакунов за условленную плату, если у себя таковых не окажется, и начинают приготовлять их заблаговременно. Но вот наступает ожидаемый день осенних поминок. Избранные три родственника, с одной стороны, приглашают для сопровождения своих скакунов молодых наездников из своих односельцев и из жителей других окрестных селений, каждый по тридцать и более всадников, смотря по тому, как велик круг для скачек, назначаемый всегда домашними покойника по приготовленным ими призам.

Призы разделяются на три неравные части и состоят из одежды покойника, его оружия, если он мужчина, седла, иногда же лошади, быка, коровы и из денег. Первый приз получает первая прискакавшая лошадь, второй – вторая, третий – третья.

Круг, назначаемый домашними покойника для скачки, всегда бывает в подобных случаях большого расстояния, по крайней мере, не менее ста верст. Накануне поминок избранные наездники на скакунах отправляются с проводником и со значком в какое-то дальнее селение, где и ночуют, чтобы на другой день могли прискакать в свое время к окончанию поминок, что бывает обыкновенно в послеобеденное время. На другой же день с утра хозяева скакунов расставляют избранных ими всадников в извест-

ных границах по нескольку всадников, чтобы свободнее сопровождать его скакуна. Когда к первым из них прискачет лошадь избравшего их лица, то они, в одно мгновение сбросив ездока с лошади, отдают ее одному из всадников, у кого лошадь скачет быстрее, а другие скачут по сторонам, крича на нее и нанося ей удары плетью. Со второй и третьей лошадьми делается то же самое. Когда всадники эти доведут скакуна до определенной ими границы, то передают его другим, стоящим в совершенной готовности, а эти – третьим и т.д., пока доскачут до самого селения. Между тем измученные три лошади, проскакав громадное расстояние, едва двигаются, на них поднимается неистовый крик, их бьют плетьми и даже дрючками. Но несчастные животные, не доскакав до назначенного селения, падают в степи и там издыхают в страшных мучениях. Очень редко одной или двум удается кое-как дотащиться до селения»[1].

Б. Миллер проводит несколько иное описание скачек. «За день или два до хиста (поминок. – Р. Дз.) родственники покойника отправляют всех желающих участвовать в скачке… в какой-нибудь аул, где они должны переночевать и вернуться перед началом поминок. Чем богаче приготовления для хиста, тем дальше назначается цель скачки. Кто прискакал первым, тот получает в подарок от семьи покойника седло, а нередко и лошадь от какого-нибудь из близких родственников. Прискакавший вторым получает черкеску с бешметом, прискакавшим третьим – какую-нибудь другую часть одежды и т.д.»[2]

Е. Бинкевич в статье о верованиях осетин так пишет о скачках: «За месяц до наступления больших скачек (осенних) родственники покойного приглашают трех близких

[1] Гатиев Б. Кое-что о суеверных и разорительных обычаях осетин // Кавказ. 1875. №72. Цит. по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. С. 201-203.

[2] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М., 1082. С. 286.

родственников или знакомых, предлагают им приготовить по лошади к скачкам. Эти в свою очередь приглашают от себя односельчан или знакомых из других селений. Набирается иногда человек 30. 1-й приз – одежда, 2-й – оружие покойника, 3-й приз (если покойник мужчина) – седло, иногда бык, корова, деньги»[1].

В опубликованных за последнее время обобщающих трудах по этнографии осетин, где вопросам погребальных обрядов отводится соответствующее место, не обходится без упоминания о скачках в связи с поминками. Так, Б. А. Калоев в своей монографии «Осетины» также отмечает, что «в день похорон или не годичных поминках устраивались скачки (дугъ) … Перед началом состязания заранее определяли и готовили несколько скакунов. Затем в день поминок их пускали на скачки на определенную дистанцию, достигавшую часто 20-30 км. Каждого скачущего (дугъон) опекал один всадник (хъузон), который встречал его в определенном пункте, подбодрял и даже подгонял его коня. Всадник, пришедший первым, направлялся обычно на кладбище и, обведя своего коня три раза вокруг могилы покойника, подходил к бахфалдисагу, который вручал ему ценный приз»[2].

Другой советский этнограф А. Х. Магометов описывал погребальные обряды осетин, напоминает «о состязаниях в память умершего… Их устраивали раньше в день похорон, а затем стали проводить и в другие времена года, но в один из поминальных дней, нередко в день годичных поминок. В качестве погребального состязания (тоже с призом) устраивалась стрельба в цель («хъабахъ»), проводившаяся первоначально в день похорон умершего, а впоследствии – в годовщину смерти»[3].

[1] Бинкевич Е. Верования осетин // Религиозные верования народов СССР. Т. II. М.-Л., 1931.

[2] Калоев Б. А. Осетины. С. 229.

[3] Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджони-

Несмотря на некоторый разнобой в описании деталей устройства и проведения конских и иных состязаний, в целом все приведенные данные как будто имеют общую схему. Первоначально, т.е. в зафиксированных письменных источниках скачки устраивались в день похорон. В скачках могли участвовать не все и не всякий пожелавший, а определенный круг лиц – родственники и близкие. Призами служили, опять же первоначально, личные вещи покойного, а также скот из личного или семейного стада покойника. Начиная с Вахушти Багратиони все авторы единодушны в определении смысла и цели проведения этих скачек, считая их ритуалом в память об умершем и для поминования его души. Так, у Бахушти – «для спасения и поминования», у Ю. Клапрота – «чтобы обеспечить покой душам умерших», у А. Шегрена – в знак уважения и «в честь покойных» и т.д. А это не случайно: видимо, скачки превратились в такой поминальный обряд, и подобное их толкование было подсказано местными жителями-информаторами. Однако мы склоняемся к мысли о том, что и Вахушти Багратиони, и его последователи вкладывали в обряд скачек свое, навеянное христианским мировоззрением, толкование (спасение душ умерших), а советские этнографы уже повторили эту мысль, не вникая в суть.

Правда, Б. А. Калоев связывает появление этого обряда со скифо-сармато-аланами[1], т.е. относит его к дохристианскому периоду. И это нам представляется верным замечанием. Однако он не приводит развернутых доказательств. Данные В. И. Абаева о происхождении термина «дугъ» уводят нас в раннеаланское время и указывают на связь со среднеазиатскими тюркскими языками[2], что может гово-

кидзе, 1968. С. 380.

[1] Калоев Б. А. Осетины. С. 229.

[2] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.-Л., 1958. С. 373-374.

рить о древности этого обряда. Следовательно, толковать обряд скачек как поминальный или для «успокоения», или «спасения души умершего» вроде нет оснований. Нельзя, видимо, толковать их и как чествование памяти покойника подобно современным спортивным мемориалам в честь прославленных героев и спортсменов. Скачки, по нашим представлениям, возникли и не как увеселительные или спортивные состязания. Однако со временем они утратили свое первоначальное назначение, хотя и сохранили некоторые архаичные черты. Очевидцы отметили, что в скачках принимает участие ограниченное число лиц (Ю. Клапрот – «два или три всадника», Б. Гатиев – «избирают трех человек», Е. Бинкевич, видимо, пользовался сведениями предыдущих авторов). У В. Миллера находим упоминание о количестве всадников – будто бы приглашают «всех желающих участвовать в скачке». Это уже модернизированный обряд, явно утративший черты архаичности. Надо полагать, что Ю. Клапрот и Б. Гатиев были более близки к истине. Значит, количество всадников – участников скачек было ограничено: два или три человека. Участниками скачек были исключительно родственники или «знакомые». (Б. Гатиев – «избирают из своих родственников или знакомых»). С. Жускаев прямо не говорит об участии в скачках родственников, но его замечание о том, что «хозяин прискакавшей первой лошади, по понятию осетин, вероятно, был любим покойником», явно предполагает участие родичей в скачках. Этого же мнения придерживаются Е. Бинкевич («приглашают трех близких родственников или знакомых») и Б. А. Калоев («определяли и готовили несколько скакунов») («определяли», надо полагать, не скакунов, а всадников). Таким образом, участников скачек избирали, назначали или определяли родственники покойного из своей среды.

Интересно замечание А. Шегрена, что судьи «назнача-

ются из стариков» и по их приговору всадники «получают сообразно с отличием награды». То есть за проведением состязаний наблюдают выбранные старики. Надо полагать, что число их тоже было определенным, хотя сведений об этом не сохранилось. Наличие судей может говорить об ответственности и важности момента определения победителя, второго призера и т.д.

И, наконец, любопытна номенклатура призов или «подарков», предназначенных для участников скачек.

По А. Шегрену – скачки заканчиваются «раздачею вещей покойника», «все вещи, лошади, оружие покойника». У Б. Гатиева – «призы… состоят из одежды покойника, его оружия, если он мужчина, седла, иногда же лошади, быка, коровы и из денег». Призами, таким образом, служили одежда, оружие, конь покойника, а также животные из стада, принадлежавшего также покойнику, т.е. все призы из имущества покойника.

Из сказанного можно заключить, что обряд скачек имел несколько устойчивых элементов: участие в скачках родственников, ограниченное число их, наличие судей для правильного исполнения или проведения обряда и определенные призы для награды победителей из личных вещей покойного. Все это явно напоминает ордалии – проведение или исполнение «божьих судов», уходящих своими корнями в скифский быт. У скифов, как описывал их Геродот, случались поединки со смертельным исходом[1]. Существует мнение, что эти поединки были результатом борьбы за наследство[2]. Надо полагать, что борьба за наследство разгоралась после смерти лица, за чье наследство боролись претенденты. Спор о наследстве ре-

[1] Геродот. История. Кн. IV, 65. Л., 1972. С. 203.

[2] Елагина Н.Г. О родо-племенной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // СЭ. 1963. №3; Яценко И.В. Скифия VII-V вв. до н.э. М.,1959.

шался судебным поединком перед официальными лицами, а затем и назначенной или избранной для этой цели группой лиц.

В недавно опубликованной статье Э. А. Грантовского в сборнике «Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье» подробно говорится о судебных поединках у скифов и других древних народов. Причем устраивались не только бои, но и состязания на колесницах, в искусстве владения различными видами оружия и пр.[1] Видимо, со временем поединки с кровавым исходом были заменены бескровными поединками-состязаниями – конскими ристалищами-скачками. Однако, как показывает сравнительный анализ, элементы древнего обряда сохранились, причем в сознании народа они слились с погребальными обрядами, хотя в начале таковыми они не были.

Весьма примечательно, что в энциклопедически насыщенном осетинском эпосе о нартах нет упоминания о скачках как погребальном обряде. Это может быть истолковано в том плане, что в древности скачки, а в истоках судебные поединки не входили в круг погребальных обрядов. Тогда как смертельные поединки упоминаются довольно часто, они как бы обычны для эпоса. Особенно ярко проявляется связь с древним судебным поединком в характере призов на скачках.

Личные вещи и оружие покойника – это символическое обозначение имущества, которым стремились завладеть претенденты. И в довершение полноты доказательства следует указать на наличие специальных выборных лиц – стариков-судей, олицетворявших верховную власть, а в патриархально-родовых условиях они и были таковыми.

[1] Грантовский Э. А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 69.

Таким образом, по нашим представлениям, скачки – «дугь» перед погребением покойника или в годовщину его смерти являются отголосками древних судебных поединков за овладение наследством между родственниками покойника. Если наше предположение не вызовет возражений, то налицо еще одна скифо-осетинская параллель.

Известия ЮОНИИ. 1985. Вып. XXIX. С. 22-29.

К ПРОБЛЕМЕ АЛАН В ЗАКАВКАЗЬЕ

1. В верховьях Большой Лиахвы, у сел. Едыс, на территории средневекового городища Царциаты Калак, в 1928 г. был обнаружен раннесредневековый могильник. Раскопки 1928-1984 гг. выявили 14 погребений. Погребальный обряд характеризуется многократным использованием погребальной камеры для ряда последующих захоронений.

2. Инвентарь погребений отличается богатством и разнообразием. Украшения, предметы одежды и обихода, сосуды и монеты имеют многочисленные аналогии, тяготеющие как к Северному Кавказу, так и к Закавказью, датируют могильник VI-VII вв. Наличие типичных вещей аланского мира, а также деформированных черепов квалифицируется как наследие аланского этноса.

3. Могильники с характерными чертами аланского облика (поясные пряжки и поясные наборы, катакомбы и деформированные черепа) в ряде населенных пунктов Грузии относятся к одному хронологическому диапазону, а именно VI-VII вв.

4. Аланские могильники в Грузии относятся к последнему периоду персидской экспансии в регионе, с прекращением которой исчезают погребения северокавказского (аланского) облика. На связь алан с персами указывают как исторические свидетельства, так и некоторые предметы иранского (сасанидского) мира, обнаруживаемые в погребениях.

5. Наличие аланских могильников у древних торговых центров позволяет видеть в лице аланских групп населения и военные гарнизоны, охранявшие торговые центры и торговые пути на важных участках перевальных дорог.

6. Вышесказанное позволяет выдвинуть предположение о возможности обнаружения новых памятников, связанных с аланами, у перевальных троп через Центральный Кавказ, а также у древних городов Восточной Грузии Цхинвали, Гори и др. в связи с привлечением алан персами к охране транзитно-торговых пунктов.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 371.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В СЕЛЕНИИ ЕДЫС (Южная Осетия)

Верховья р. Большой Лиахвы в Юго-Осетинской автономной области изобилуют разнообразными археологическими памятниками средневекового периода. Здесь имеются башни, замки, склепы, могильники с каменными ящиками, святилища и пр. Однако особый интерес вызывает «царциаты калак» – «город царциатов» у с. Едыс – поселение легендарного, по преданиям внезапно погибшего народа – царциатов [1, с. 34-42]. Поселение было расположено на холме. Руины каменных домов покрывают склоны холма и шлейф. Впервые Едысское «городище царциатов» с археологической целью посетил замечательный энтузиаст-кавказовед В. И. Долбежев в 1886 г. [2, с. 125-127].

Собранные им вещи свидетельствовали об имеющихся на данной территории памятниках раннего средневековья. В 20-х годах нынешнего столетия небольшие раскопки в Едысе провела Е. Г. Пчелина, отметившая погребения нескольких хронологических периодов [3, с. 246]. Еще через 40 лет, в 1965 г., экспедиция под руководством Б. В. Техова предприняла раскопки на городище, в результате которых было исследовано четыре жилых помещения и несколько погребений, датированных автором раскопок зрелым средневековьем [4, с. 12; 5, с. 20, 21].

Найденные нами в 1978 г. в развороченной экскаватором яме на территории городища стеклянные, янтарные и сердоликовые бусы (рис. 1, 21) побудили к проведению (или продолжению) раскопочных работ. И с 1979 г. отдельный отряд археологической экспедиции Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Груз. ССР под нашим руководством проводит исследование «города царциатов». В верхней части холма раскопан могильник,

на котором обнаружено 110 погребений в грунте и каменных ящиках, относящихся к XIV-XV вв., выявлено и расчищено оборонительное сооружение с массивными стенами на вершине холма. На восточном склоне холма среди остатков жилых помещений обнаружена и раскопана полуцилиндрическая башня и пр.

Наиболее интересный и качественно новый материал дали раскопки полевого сезона 1982 г. Всего в 1982 г. открыто пять погребений, но счет мы ведем с обнаруженного в 1978 г.

Погребение 1. На дне ямы на глубине около 0,5 м при дочистке были обнаружены обломки человеческого костяка. В западной части погребения лежала нижняя челюсть, что, видимо, связано с западной ориентировкой погребенного (рис. 1, 7). Около челюсти были обнаружены кроме найденных ранее бус стеклянные (рис. 1, 10, 15, 18а, 20), сердоликовые (рис. 1, 17, 18в), хрустальные (рис. 1, 17а), халцедоновые (рис. 1, 776), янтарные (рис. 1, 16, 176) и гранатовые (рис. 1, 19) бусы, обломок дуги фибулы (рис. 1, 8), бронзовая пластинка (рис. 1, 9), булавка в виде железного стержня с надетой на нее сердоликовой бусиной (рис. 1, 11), две серебряные проволочные сережки (рис. 1, 13, 14), сердоликовый перстень со сточенным щитком (рис. 1, 12) и шесть гемм – три на сердолике и три на янтарных бусинах. На янтарных бусинах вырезаны значки – «нишан»-ы, а на сердоликовых печатках – олень, утка и жертвенник – «аташдан» с изображением пламени (рис. 1, 2-7).

Сасанидские геммы с изображением утки характерны для V-VI вв. [6, с. 148, 149], а олень фигурирует на геммах VI-VII вв. [6, с. 174].

О характере погребального обряда можно сказать, что это было трупоположение (в грунте попадались угольки).

Погребение 2. В грунтовой могиле на глубине 0,5-0,6 м были совершены последовательно пять захоронений (рис.

2, 7). Костяк последнего погребенного был более или менее в анатомическом порядке, тогда как предыдущие смещены в сторону. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на запад с некоторым отклонением к северу. В грунте, покрывавшем костяки, попадались древесные угольки. Под тазовыми костями находились обломки шиферной плиты.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Золотая калачиковидная серьга с зернью и вставкой из сердолика в круглой обойме (рис. 2, 5). 2. Бокал-каркезиум из тонкого прозрачного стекла желтоватого цвета с напаянными на поверхности волнистыми и обвивающими стеклянными нитями. Основание бокала – круглая «шишечка». Высота сосуда – 13,2, диаметр – 7,8 см (рис. 2, 2). Подобные изделия были широко распространены в раннем средневековье от Кавказа [7, с. 58, рис. I, 4, II, 13, 42, 45, 58, 59] до Центральной Европы [8, с. 89]. Орнаментация сосуда также распространена от позднеантичного времени до X-XII вв. [9, с. 47, табл. X, 1-3]. 3. Бронзовые фибулы (рис. 2, 6-8) имеют аналогии как в памятниках Северного Кавказа (Балта), так и Закавказья (Самтавро) [10, табл. XIX, 10-20]. Датируются аналогичные фибулы VI-VII вв. 4. Бронзовая овально-рамчатая пряжка, по классификации В. Б. Ковалевской, также датируется VI-VII вв. [11, табл. 2, тип 1]. 5. Массивный бронзовый браслет с незамкнутыми, несколько расширяющимися концами. Диаметр – 7,6 см (рис. 2, 4). Аналогии имеются среди материалов из Чми, Архона, Чир-Юрта, Борисовского могильника, Агач-Калы, Салтовского могильника [12, с. 130]. Датируются VI-IX вв. 6. Маленькая круглая бляшка – деталь поясного набора (рис. 2, 9) – имела широкое распространение в степях Евразии [13, с. 102, рис. 45; 14, рис. 1, 24; 15, с. 49, рис. 1, III, 117]. Встречаются такие бляшки и в могильниках Закавказья. Например, в Самтавро [10, табл. XXVIII, 31]. Н. И. Апхазава датирует их концом VI – первой половиной VII вв.

[10, с. 127]. 7. Сердоликовый перстень со сточенным щитком (рис. 2, 10) аналогичен перстням, имевшим широкое распространение на Северном Кавказе и Закавказье. В Мингечаурских катакомбах V-VII вв. [16, с. 70, рис. 29, 11], а в Самтаврском могильнике – в комплексе VII в. [10, табл. XVIII, 5]. 8. Сердоликовые монетообразные бусы (10 экз.) – диаметром 1,4-1,7, высотой 0,6-1,1 см, полученные в результате высверливания сердоликовых перстней (рис. 2, 19). Датируются В. Б. Ковалевской VI-IX вв. [12, с. 139, 140]. 9. Халцедоновые бусы (рис. 2, 19) эллипсоидной формы (6 экз. голубоватого и 3 экз. желтоватого тонов). Также датируются VI-IX вв. [12, с. 140]. 10. Хрустальные бусы (2 экз.). Одна эллипсоидная с восьмью продольными желобками – каннелюрами, другая бипирамидальная с, шестью гранями (рис. 2, 19). Аналогичные бусы имеются в материалах из Чмийских катакомб. Датируются VI-IX вв. [12, с. 143, 144]. 11. Янтарные бусы (4 экз.). Одна пряслицеобразная, другая каплевидная, две другие в виде шайбочек (рис. 2, 14-17). 12. Стеклянные бусы (рис. 2, 18) в основном одноцветные – синие, желтоватые, светло-фиолетовые; по форме – шарообразные, эллипсоидные, дисковидные. Две бусины инкрустированы глухим стеклом белого цвета. Одна бусина ромбической формы с двумя параллельными отверстиями («разделитель»). Кроме того, в погребении были обнаружены: сердоликовая вставка перстня овальной формы (рис. 2, 12), бронзовый язычок пряжки (рис. 2, 21), фрагмент проволочной сережки из серебра (рис. 2, 20), бронзовая игла фибулы (рис. 2, 22), скорлупка лесного ореха (рис. 2, 11). Лесные орехи, видимо, служили амулетами [13, с. 109, 111].

Погребение 3 находилось в 20 м к югу от погр. 2. Представляло собой грунтовую яму, в которой на глубине 0,9 м было совершено шесть захоронений. Кости первых пяти погребенных были сдвинуты к северу, востоку и западу.

Костяк последнего погребенного лежал в анатомическом порядке, вытянуто, на спине, правая рука согнута под прямым углом, левая – на бедре, согнутая в локте под тупым углом. Череп со следами искусственной кольцевой деформации. Ориентировка северо-запад – запад. В грунте попадались древесные угольки. В изголовье и у правого бедра костяка были найдены кости крупного рогатого скота – остатки заупокойной пищи (рис. 3, 1). У изголовья справа от костяков находились крупные камни.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Раздавленная приземистая глиняная кружка с петлевидной ручкой и отогнутым венчиком[1], высотой 7,5 см и с диаметром тулова 10,8 см (рис. 3, 22). Близкие по форме сосуды были обнаружены в катакомбах Песчанки [17, рис. 3, 1, 5] и в Кумбулта [17, рис. 27, А-3]. Но на едысском экземпляре, в отличие от кумбултского, нет сосцеобразных налепов. Правда, наша кружечка фрагментирована, отсутствует как раз та часть тулова, на которой должны были быть эти налепы. Но на одном из фрагментов (рис. 3, 22а) заметны штрихи, подобные тем, которыми опоясывали сосок-налеп, как, например, на экземпляре из Задалиска [17, рис. 27, А-6]. 2. Бронзовая круглорамчатая пряжка с длинным язычком (рис. 3, 4) аналогична пряжкам из Большого Буйнакского кургана и катакомб Чми и датируется VI-VII вв. [11, табл. 1]. 3. Бронзовая прямоугольно-рамчатая пряжка с «геральдическим» щитком (рис. 3, 18) аналогична пряжкам, найденным в Самтавро, Урбниси, Нижнем Джулате и др. Подобные пряжки датируются VI-VII вв. [10, с. 47]. 4. Бронзовая фибула. Приемник утерян (рис. 3, 9). Подобна фибулам из Самтавро и датируется концом VI в. [10, табл. XIX, 34]. 5. Сердоликовые бусы – круглые, монетообразные,

[1] Глиняная кружка, а также стеклянный сосуд из погр. 2 были искусно восстановлены зав. реставрационной лабораторией ИА АН СССР И. Н. Мартыновой, за что приносим ей благодарность.

одна бипирамидальная. Одна бусина халцедоновая. Всего 29 экз. (рис. 3, 20). Датируются VI-IX вв. [12, с. 139, 140]. 6. Янтарные бусы – 5 экз. Одна крупная, в виде пряслица, три в виде печатей-гемм, т. е. со сточенным краем (рис. 3, 17). Видимо, прототипами для этой формы бус послужили широко распространившиеся с III-V вв. сасанидские разные камни-геммы. 7. Сердоликовая гемма с изображением, напоминающим силуэт распластанного животного (рис. 3, 16). 8. Стеклянные бусы (рис. 3, 21), среди которых одна четырнадцатигранная.

Аналогичные бусы имеются в материалах из Архона и Чми и относящихся к VI-IX вв. [18, с. 218, рис. 4, 14], а также в Самтавро и Гавази, датированных VI-VII вв. [10, табл. XXVIII, 27, 43, XXIX, 14], призматическая бусина из непрозрачного стекла светло-зеленого цвета. Встречается в памятниках VI-IX вв. [18, с. 219, рис. 4, 18], стеклянная бусина с внутренней позолотой в виде трубочки с валиками на концах, также VI-IX вв. [18, с. 221, рис. 4, 29], каплевидные бусы из стекла нередки в раннесредневековых памятниках Грузии. Причем наиболее распространенными являются бусы, которые носили попарно, они как бы двусоставные: плоские сторонами друг к другу, выпуклыми – наружу. Встречены в погребениях VII-VIII вв. [10, табл. XI, 38; XIII, 50; XXVIII, 2; XXXVII, 49]. Выделяется среди стеклянных бус одна крупная, с мозаикой в виде полос и завитков. 9. Кроме того, в погребении найдены: две железные пряжки (рис. 3, 3), бронзовое колечко; возможно, что это круглорамчатая пряжка, но нет следов от язычка (рис. 3, 5), фрагменты трех железных фибул (рис. 3, 6-8), обломок железного ножика (рис. 3, 15), сережки из серебряной проволоки с петлеобразно загнутыми концами (рис. 3, 11-12), с напаянной «катушкой» (рис. 3, 10), обломки колечек (рис. 3, 13), клюв или коготь хищной птицы (рис. 3, 16а), скорлупа лесного ореха (рис. 3, 19).

Погребение 4 располагалось в 0,85 м к северу от погр. 3. В грунтовой яме, длиной около 3 м и шириной до 0,8 м, на глубине 0,9 м было совершено не менее пяти захоронений. Кости погребенных сдвинуты и перемешаны, но крупные кости лежали вдоль могильной ямы. Черепа раздавлены, а фрагменты перемешаны. В целости сохранился только один череп с искусственной деформацией. Ниже был обнаружен еще один деформированный череп, но плохой сохранности. На дне могильной ямы – глинистый слой, четко выделяющийся на черноземном фоне. Кроме того, погребение сверху было засыпано слоем минерального песка бурого цвета (измельченный травертин железистого источника, находящегося вблизи). Могильная яма по краям обрамлена в некоторых местах камнями. Это не обкладка, а оставшиеся в грунте при рытье могилы камни. Погребенные, видимо, лежали вытянуто, на спине, а ориентировка костяка, судя по расположению могильной ямы, была на северо-запад – запад (рис. 4, 1). В грунте попадались древесные угольки.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Часть донышка (диаметр основания 7 см) и стенки чернолощеного кувшина (рис. 4, 25). Чернолощеные кувшины малых размеров характерны для Центрального Предкавказья IV-IX вв. [17, с. 108-110]. 2. Серебряная круглорамчатая пряжка с круглым двустворчатым щитком (рис. 4, 7) может быть датирована VI-XII вв. [11, табл. II, 5]. 3. Бронзовая сегменторамчатая пряжка (рис. 4, 8) напоминает пряжку из Баклы, но без щитка. Датируется VI-VII вв. [11, приложение, табл. II, 5]. 4. Круглорамчатая железная пряжка с длинным язычком и загнутым хоботком (рис. 4, 12). 5. Крупная круглорамчатая железная пряжка с круглым железным щитком (рис. 4, 6). 6. Две бронзовые плоские сегменторамчатые пряжки с плоскими язычками, повторяющие контуры литых (рис. 4, 7, 8). 7. Две биметаллические фибулы с

бронзовой, круглого сечения дужкой, сплошным приемником с завитком на конце и железной иглой (игла одной из них утеряна; рис. 4, 2, 4). Подобные фибулы происходят из Кубани и Крыма и относятся к I в., затем распространяются на Нижнюю Волгу и Северный Кавказ. В V-VII вв. ареал включает и горный Кавказ [19, с. 45]. В Закавказье проникают с Северного Кавказа и встречаются с VI в. [10, с. 21, табл. XIX, 1-4]. 8. Дужка фибулы (игла и приемник утеряны), аналогичная предыдущим (рис. 4, 5). 9. Железная фибула с узким вытянутым приемником и железной иглой на шарнире (рис. 4, 3). Близкие аналогии найдены в Самтавро VI-VIII вв., Гавази VI-VИ вв. [10, табл. XXIII, 16-19, 44, 45]. 10. Серебряные сережки в виде незамкнутого колечка с заостренными концами (рис. 4, 15, 16) имеют аналогии в Самтаврских могилах и датируются в пределах V-VII вв. [40, табл. X, 6; XXXV, 23; XXXVIII, 16, 17, 19]. 11. Серебряная сережка из проволоки круглого сечения. Один конец расплющен, другой – заострен (рис. 4, 17). 12. Серебряная сережка в виде плоского калачика – низ широкий, концы заострены (рис. 4, 14) – аналогична золотой серьге из погр. 2, но без зерни и вставки. 13. Круглая обойма со стеклянной вставкой (рис. 4, 21); возможно, служила украшением фибулы. 14. Среди 27 сердоликовых бус, большинство из которых круглые, есть бипирамидальная, эллипсоидная и монетообразные (рис. 4, 23). Датируются VI-IX вв. 15. Янтарные бусы – 16 экз. – в основном в виде ложных печатей (рис. 4, 19). 16. Стеклянные бусы – 21 экз. Среди них мозаичные, биконические, в виде трубочек, двучастная с металлической прокладкой, крупная мозаичная бусина в виде пряслица (рис. 4, 24) подобна бусинам из Цебельды [20, с. 83, рис. 25, 23] и Самтавро [10, табл. XXXVIII, 13]. Стеклянные бусы датируются также VI-IX вв. 17. Кроме того, в погребении были обнаружены обломки железной пряжки или фибулы (рис. 4, 12), прогнутая бронзовая пластинка с

гвоздиком-штифтом (рис. 4, 13), рифленая бусина с остатком металлического стерженька (рис. 4, 20), деталь какого-то украшения из серебра (рис. 4, 22), скорлупа лесного ореха (рис. 4, 18).

Погребение 5 находилось в 3,25 м к югу от погр. 3. В грунтовой яме, длиной около 1,6 м и шириной 0,5-0,6 м, на глубине 1,1 м было совершено три захоронения. Костяки первых двух погребенных были сдвинуты, а часть костей вообще была выкинута при подготовке могильной ямы для захоронения очередного покойника. Костяк последнего погребенного с искусственно деформированным черепом лежал на спине; левая рука – вдоль тела, кисть правой руки – на бедренной кости. Кости ног в необычном для остальных погребенных на этом могильнике положении: левая нога вытянута, а правая согнута в колене так, что голень правой ноги заходила под голень левой. Ориентировка костяка северо-западная (рис. 5, 1). В изголовье находился крупный камень.

При расчистке костяков в грунте встречались древесные угольки. Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Бронзовая пряжка с прорезным щитком – схематическим изображением человеческого лица (рис. 5, 3). Идентичные пряжки найдены в Гавази и Нижнем Джулате [10, табл. XXVIII, 42]. Гавазский экземпляр датируется концом VI – первой половиной VII в. [10, с. 127]. 2. Овально-рамчатая пряжка с цельнолитым щитком. Щиток обломан (рис. 5, 4). Подобная пряжка найдена в Самтавро и датируется концом VI – началом VII в. [10, табл. XXXII, 22]. 3. Биметаллическая фибула с бронзовой дужкой и сплошным приемником с усеченным биконическим завитком. Возможно, на концах завитка были и декоративные шарики. Игла железная, пружинная (рис. 5, 5). Аналогии имеет в могильниках Самтавро и Стырфаз [10, с. 24, табл. XIX, 34-37] и датируется VII в. 4. Серебряные серьги из тонкой

проволоки, с заостренными концами (рис. 5, 11, 12). Аналогичны серьгам из погр. 4. 5. Две серебряные серьги с четырнадцатигранником на конце (рис. 5, 8, 9). Ареал распространения – от Дагестана до Венгрии [21, с. 231-235], в Закавказье единичны. В Чми обнаружены в катакомбах VIII-IX вв. [12, с. 131]. 6. Сердоликовая гемма с изображением бегущего зебу (рис. 5, 6). Аналогична изображению на сердоликовой пластинке из собрания Государственного Эрмитажа [6, приложение, рис. 452]. Геммы с изображением зебу датируются VI-VII вв. 7. Сердоликовые бусы – 9 экз., круглые, цилиндрические, полусферические, бипирамидальные (рис. 5, 7), датируются VI-IX вв. 8. Стеклянные бусы – 56 экз. Среди них цилиндрическая из непрозрачного голубого стекла, круглые из синего стекла, каплевидные, с внутренней позолотой. Одна бусина имитирует форму геммы (рис. 5, 18). 9. Кроме того, в погребении были обнаружены: железная круглорамчатая пряжка (рис. 5, 2), обломки сережек (рис. 5, 13), бронзовые пластинки (рис. 5, 15, 17), фрагменты каких-то украшений (рис. 5, 14-16).

Погребение 6 находилось в 1,5 м к югу от погр. 5. В грунтовой яме последовательно совершено шесть захоронений. Кости сдвинуты в сторону, черепа – к изголовью. Последнее захоронение, кажется, детское, но, возможно, и совместное с погребенным в центральной части могильной ямы. Черепа, кроме одного, который несет следы искусственной деформации, плохой сохранности – раздавлены. Кости ног не сохранились, видимо, были выброшены при укладке стены какого-то сооружения, находившегося рядом. Ориентировка северо-западная (рис. 6, 1). В засыпи могилы встречались древесные угольки.

Вещи, обнаруженные в погребении, следующие. 1. Две бронзовые круглорамчатые пряжки (рис. 6, 2, 4), аналогичные пряжкам, найденным в погр. 2, 8 и 4, датируются также VI-VII вв. 2. Бронзовая сегменторамчатая пряжка (рис.

6, 5) аналогична пряжке из погр. 4 этого же могильника (рис. 4, 8). Датировка ее – VI-VII вв. [11, табл. II, 5]. 3. Овально-рамчатая пряжка с геральдическим щитком, а в щитке геральдический же вырез; язычок плоский, с прямоугольным выступом у основания. Конец щитка обломан (рис. 6, 5). Оформление рамки – желобок с выступающими ограничителями – характерно для пряжек VI-VII вв. из Бежта и Никольского [11, табл. XVIII, 25, 26]. Такие же пряжки из Рустави и Ананури датируются первой половиной VII в. [10, табл. XXXII, 6]. Так же датируются и аналогичные пряжки из Скалистинского могильника в Крыму [22, с. 37, рис. 1, 27]. 4. Бронзовая подвязная фибула с несохранившимся приемником (рис. 6, 6) аналогична фибуле из Урбниси, датируемой V в. [10, табл. VIII, 18]. 5. Две бронзовые фибулы (рис. 6, 7, 8) аналогичны фибулам из погр. 5 и также датируются VII в. 6. Бронзовая булавка – заколка или шпилька для волос – с круглой, несколько приплюснутой головкой и кольцевым валиком на шейке (рис. 6, 20). Точно такие же булавки найдены в Семтавро и Гурджаани и датируются VII в. [10, табл. XXXVIII, 9, 10, 14, 35]. 7. Серебряная шейная гривна из прута круглого сечения с заостренными концами (рис. 6, 18). Такая же гривна была найдена в Кобани [23, табл. XIV, 1]. 8. Детали поясного набора (рис. 6, 23-26) распространены широко [12, с. 132] и имеют многочисленные аналогии. Найденные в Самтавро и Бербуки поясные бляшки датируются концом VI – началом VII в. [10, табл. XXVII, 21, 23; XXVIII, 6, 10; XXIX, 1, 2; XXX, 2; XXXI, 35]. В памятниках Прикамья эти же бляшки обнаруживаются в комплексах конца VI – первой половины VII в. [13, с. 101]. В датированных по монетам комплексам из Северного Кавказа аналогичные детали поясного набора характерны для второй половины VI в. – первой четверти VII в. [15]. 9. Бронзовые гвоздики-заклепки с полусферическими шляпками – 4 экз. (рис. 6, 11). Точно такие же найдены в каменных ящиках

Самтавро, датируются концом VI – началом VII в. [10, табл. XXVII, 36, 44; XXXI, 38]. 10. Пластинчатая круглая бляха из бронзы (рис. 6, 19). 11. Два железных ножа клиновидного сечения (рис. 6, 21, 22). 12. Фрагменты железной фибулы (рис. 6, 9). 13. Фрагмент бронзовой фибулы – приемник (рис. 6, 8а). 14. Сердоликовая гемма с изображением грифона – туловище льва, птичья голова с загнутым вниз клювом, длинными ушами, хвостом со звездчатой кисточкой на конце, крыльями (рис. 6, 12). Такой же грифон имеется на гемме из собрания Государственного Эрмитажа. Геммы с грифонами характерны для IV-VI вв. [6, рис. 229]. 15. Сердоликовая гемма с изображением скорпиона (рис. 6, 13). Скорпионы фигурируют на Сасанидских геммах V-VII вв. [6, рис. 68б]. 16. Сердоликовая гемма со знаком, напоминающим жертвенник «аташдан» (рис. 6, 14). Аналогичный знак изображен на поддоне серебряного блюдца из гробницы №3 Армазис-хеви [24, с. 62, рис. 26]. 17. Гемма на янтарной бусине со сточенным щитком. Изображение разрушилось (рис. 6, 15). 18. Крупная (диаметр 3,45 см) сердоликовая бусина (рис. 6, 32), возможно, вторичного использования. 19. Сердоликовые бусы – 26 экз. Круглые, сплюснутые, разновеликие. Одна из них бипирамидальной формы (рис. 6, 27), которая характерна для VI-IX вв. 20. Гранатовые (альмандин) бусы – 4 экз. По форме приплюснуто-круглые (рис. 6, 16). 21. Янтарные бусы – 40 экз. По форме – в виде ложных печатей, в виде пряслица, цилиндрическая и др. (рис. 6, 28). 22. Стеклянные бусы – 119 экз. (рис. 6, 29). Из них 30 – каплевидные, плоско-выпуклые зеленоватого цвета, датируются VII в. [10, с. 103], 47 экз. – полусферические, фиолетового цвета, 4 экз. – четырнадцатигранные зеленого стекла, одна бусина монетообразная, имитирующая форму и цвет монетообразных сердоликовых бус, остальные – мозаичные, одноцветные, дисковидные, эллипсоидные. 23. Обрывки бронзовой цепочки (рис. 6, 10).

Обнаруженные погребения – могильные ямы, вырытые в каменистом грунте, без каменных обкладок и покрытий. Во всех погребениях отмечено наличие древесных угольков в грунте, покрывавшем костяки, а в одном случае отмечена бурая травертиновая засыпка (погр. 4).

Могильные ямы ориентированы по оси восток-запад с отклонениями, которые принято объяснять видимостью сезонных точек захода солнца в горной местности. Обряд – трупоположение. Погребальные ямы неоднократного использования. При подготовке погребальной камеры для очередного захоронения кости предыдущих погребенных сгребались в сторону. Правда, не совсем тщательно. Погребения, надо полагать, были семейными. Перемешанность костяков не дает возможности выделить комплексы, принадлежавшие отдельным индивидуумам, поэтому датировка погребений несколько суммарна. Все шесть погребений по инвентарю датируются второй половиной VI в. – началом VII в.

Погребальные ямы вырыты в материке, перекрытом культурным слоем городища, на территории которого и были обнаружены погребения. Культурный слой, толщиной от 0,3 до 0,7-0,8 м, содержал кости крупного и мелкого рогатого скота, фрагменты глиняной столовой и тарной посуды, шлаки, чешую осетровой рыбы, глиняную курительную трубочку и пр. Датируется по находкам XIV-XVII вв.

Анализ инвентаря могильника показывает, что вещи характерны для закавказских, и особенно для северокавказских, памятников раннего средневековья. В 1981 г. М.П. Абрамова раскопала у с. Чми по Военно-Грузинской дороге могильник, материал из которого идентичен нашему. Такие же грунтовые могилы, ориентировка, наличие деформированных черепов, угольная подсыпка, а также вещи погребального инвентаря

– пряжки, серьги с четырнадцатигранником, бусы, сасанидские геммы и пр.[1]

Говоря об этнической принадлежности погребенных, следует сказать, что деформированные черепа считаются характерным признаком сарматских племен [25, с. 45], и в особенности алан [26, с. 157]. По всей вероятности, сармато-аланам принадлежали и деформированные черепа, обнаруженные в Самтаврском могильнике и также относящиеся к раннему средневековью [27, с. 87].

Видимо, раскопанный нами могильник, как и Чмийский, раскопанный М.П. Абрамовой, оставлен аланами, проникшими в Закавказье с севера. Проникновение (или «инфильтрация») алан в Закавказье, в частности в район Жинвали и Мцхета (Агаиани), зафиксировано и в последнее время археологическими раскопками. В Жинвали, например, обнаружено более 30 катакомб, предварительно датированных VI-VIII вв. [29, с. 37-38]. Причем, по мнению Р.М. Рамишвили, переселенцы обосновывались в ключевых, лежащих на важных торговых магистралях пунктах Картлийского царства [29, с. 38] (имеется в виду Жинвали – Жинваани, находившийся на древнем торговом пути, связывавшем Закавказье с Северным Кавказом и проходившем через Крестовый перевал). Следует отметить, что и с. Едыс находится вблизи (8-10 км) Кадласанского перевала, через который проходит путь из верховьев р. Терека (Трусовское ущелье) в верховья р. Лиахвы. Кроме того, с. Едыс именовалось еще и «Калак», что по-грузински означает город, а регион даже в позднейших документах значился как «Калакский приход». Следовательно, и с. Едыс находилось на важном экономическом пути, связывавшем Закавказье с Северным Кавказом. Как пишет В. А. Кузнецов, VI-IX вв. –

[1] Приносим свою искреннюю благодарность М.П. Абрамовой за возможность ознакомиться с неопубликованным еще материалом.

это «период наиболее интенсивного проникновения алан в предгорья и горы Центрального Кавказа» [18, с. 118]. К этому положению следует добавить, что аланы не только проникали в горы, но и, перейдя перевалы, обосновывались за перевалом. Путь продвижения шел сперва вверх по Тереку, затем одна группа, перейдя Крестовый перевал, осела в Жинвали и далее в Мцхета (Агаиани), а другая, пройдя к истокам Терека по Трусовскому ущелью, преодолев Калдасанский перевал, осела в Едысе.

То, что в Жинвали имеются катакомбы, а в Едыс и Чми грунтовые могилы, видимо, объясняется тем, что катакомба может быть вырыта только в соответствующем грунте, тогда как в Едысе и Чми почва каменистая. Да и в Жинвали катакомбы «были устроены лишь в той части могильника, где имелись мощные отложения глины» [29, с. 37].

Таким образом, проникновение алан-осетин («овсы» грузинских источников) в Закавказье (не военные походы, а оседание) происходит не в XVI-XVII вв. [29], и даже не в XIII-XIV вв. [30, с. 163, 164], а намного раньше – в VI-VII вв.

Литература

1. Дзаттиаты Р. Г. К вопросу о царциатах // Изв. ЮОНИИ. 1980. Вып. XXV.

2. ОАК за 1886 г. СПб., 1891.

3. Тр. ЗНА. Юго-Осетия. Тифлис, 1925. Вып. 1.

4. Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового «городища царциатов» в с. Едис Джавского района // План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали, 1967.

5. Техов Б. В. Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти // Изв. ЮОНИИ. 1968. Вып. XV.

6. Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963.

7. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158.

8. Археология Франции. От палеолита до эпохи Меровингов. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1982.

9. Кузнецов В. А. Исследования Змейского могильника // МИА. 1963. №114.

10. Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979 (на груз. яз.).

11. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1–2.

12. Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений // МИА. 1963. №114.

13. Иерусалимская А. А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощевая балка) // СЭ. 1983. №1.

14. Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.

13. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.

16. Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. Вып. 158.

17. Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. 1955. Вып. 60.

18. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. №106.

19. Ковалевская В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. 1961. №3.

20. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30.

21. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.

22. Атаев Д. М. Височные привески с четырнадцатигранником // СА. 1963. №3.

23. Веймарн Е. В. Скалистинский склеп 420 // КСИА. 1979. Вып. 158.

24. МАК. 1900. Т. VIII.

25. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета I, Армазис-хеви. Тбилиси, 1958.

28. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев: Наук, думка, 1982.

27. Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. 37.

28. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. 1940. Вып. 8.

29. Рамишвили Р. М. Археологические изыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976-1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982.

30. Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. до н.э. Тбилиси, 1961.

Советская археология. 1986. №2. С. 198-209.

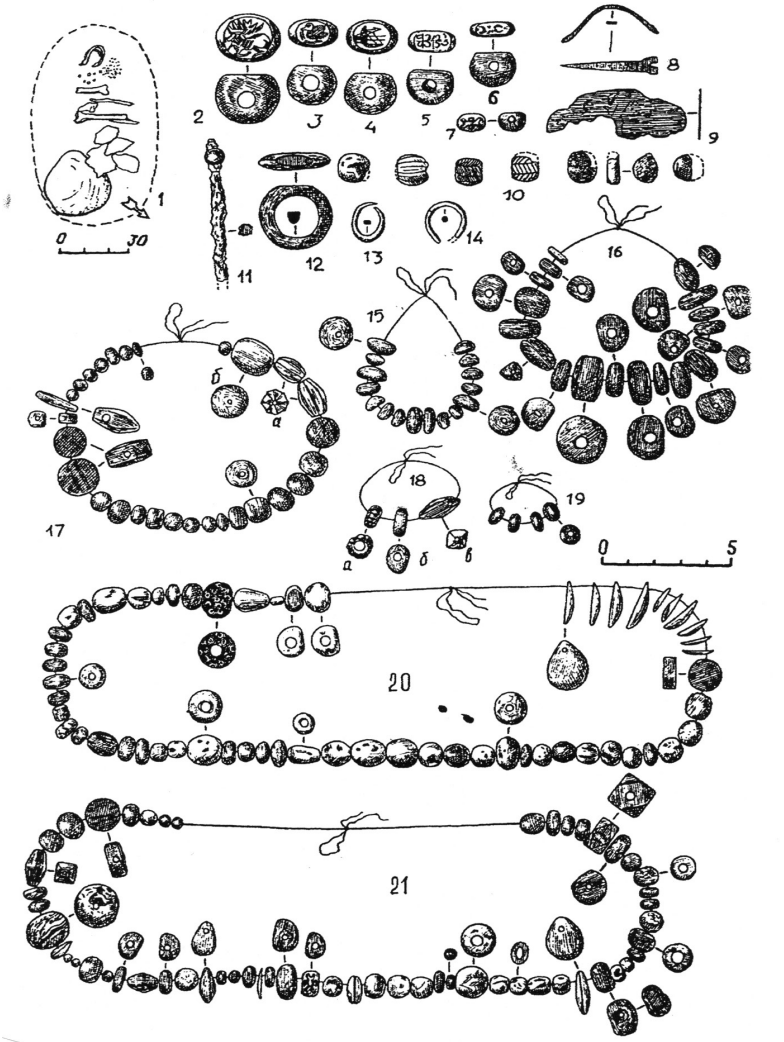


Рис. 1. План и инвентарь погр. 1

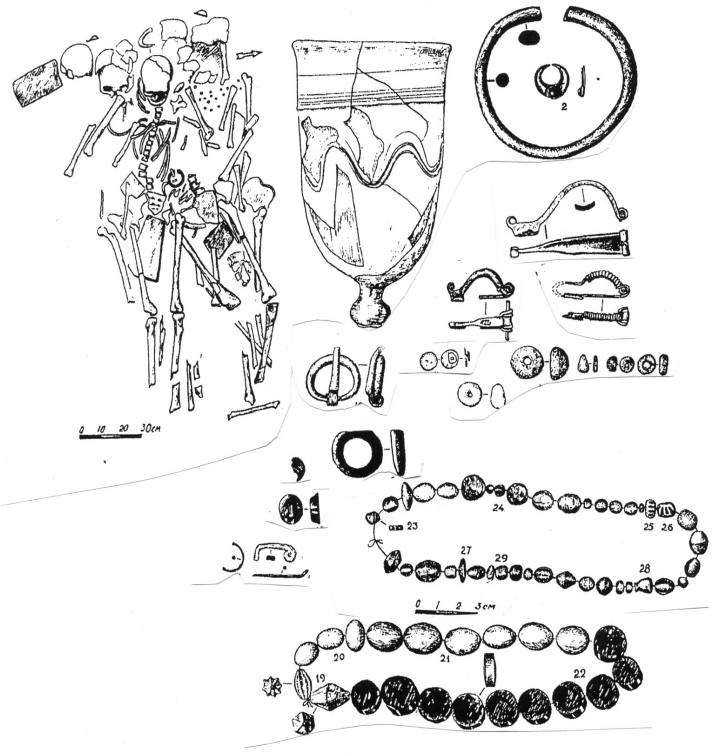


Рис. 2. План и инвентарь погр. 2

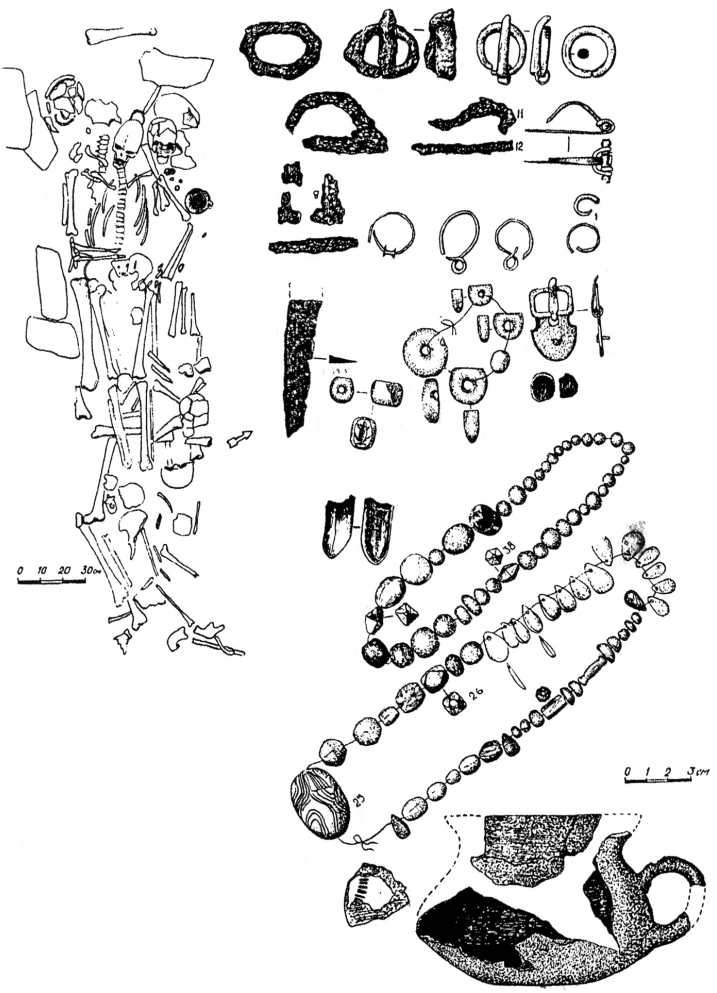


Рис. 3. План и инвентарь погр. 3

Рис. 4. План и инвентарь погр. 4

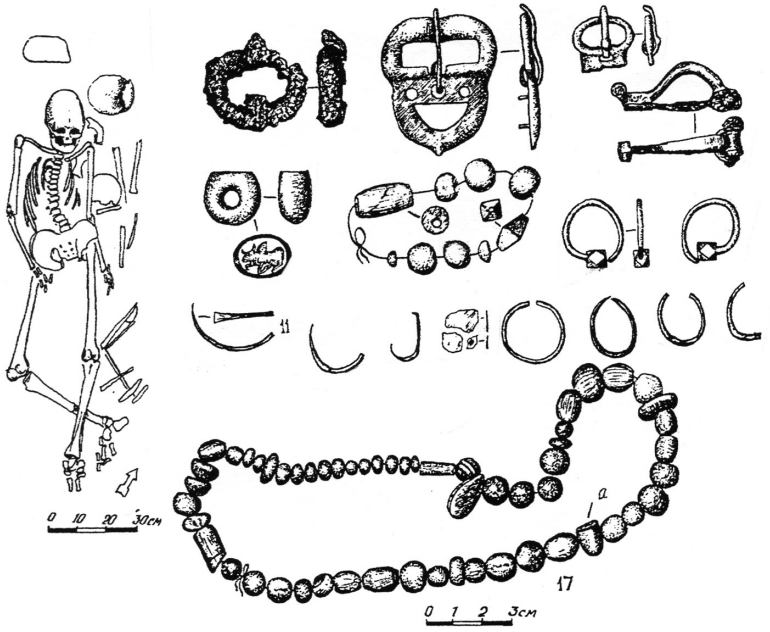


Рис. 5. План и инвентарь погр. 5

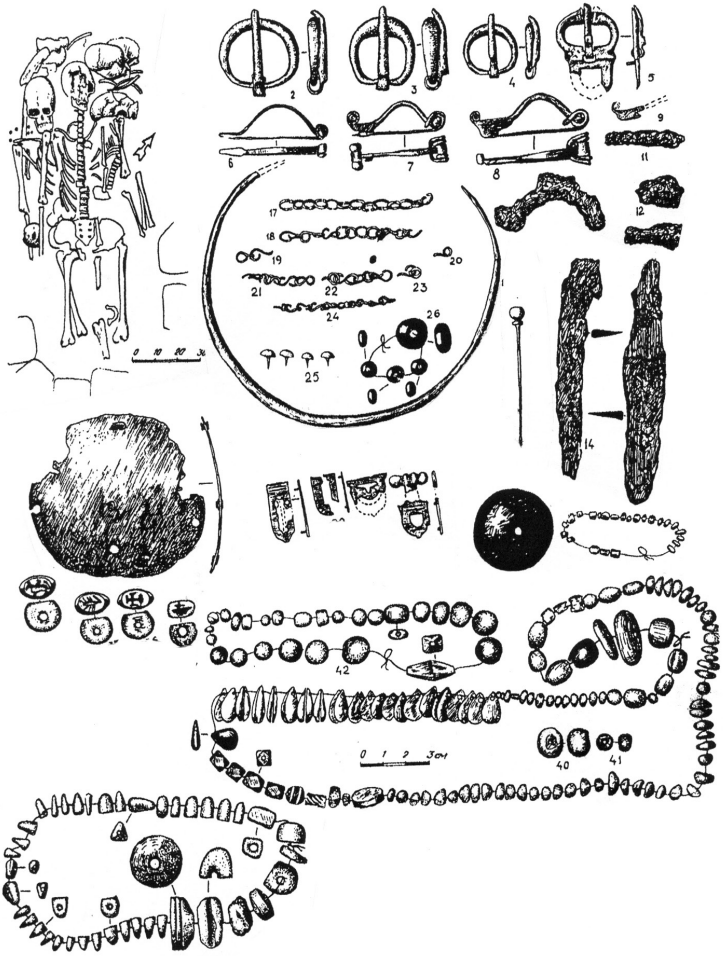


Рис. 6. План и инвентарь погр. 6

ТАЙНЫ ГОРОДИЩА ЦАРЦИАТОВ

В одном из стихотворений Расула Гамзатова есть такие строчки:

Отделил подоблачный хребет
Южную от Северной Осетии.

Действительно, Главный Кавказский хребет является естественной границей между Северо-Осетинской Автономной Республикой и Юго-Осетинской автономной областью. Первая расположена на Северном Кавказе, вторая – в Закавказье. Предки южных осетин пришли в Закавказье с севера. Но когда? Зачем? Почему? Эти вопросы задают себе не только осетинские историки.

В письменных источниках на эти вопросы ответа нет, и потому естественно обратиться к результатам археологических исследований. Удастся ли пролить свет на темные места в истории Центрального Кавказа – вопрос не праздный и не сразу разрешимый. Но поиски в этом направлении ведутся.

С 1979 г. один из отрядов археологической экспедиции Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР во главе с Б. В. Теховым ведет исследование средневекового городища «Царциаты калак» у селения Едыс в верховьях р. Большая Лиахва (2000 м над ур. м.). Были раскопаны и расчищены относящиеся к зрелому средневековью, к XIV-XV вв., основания больших каменных жилых помещений, боевых башен, могильника с погребениями в каменных ящиках. В 1982 г. на территории городища были обнаружены погребения более древнего периода.

В четырнадцати могильных ямах лежали костные останки людей, захороненных особым образом: умерший покоился на перемешанных костях сразу нескольких (семи-девяти) погребенных в разное время людей. Дело в том, что для ряда последовательных захоронений исполь-

зовалась одна общая погребальная яма. Новой могилы для каждого покойника не рыли, а старую, прежде уже использованную, расчищали, сдвигая останки погребенного в сторону. За вторым покойником там же хоронили третьего, в свою очередь освобождая для него место. И так до тех пор, пока стенки могильной ямы не осыпались, заполняя ее землей. Последний погребенный поэтому лежал непотревоженным до момента археологических раскопок.

Разумеется, вещи, которые «сопровождали» покойника, так же были перемешаны, и потому перед исследователем часто встает трудноразрешимая проблема, какому из погребенных принадлежит тот или иной предмет или комплекс вещей.

Погребальный инвентарь едысского могильника разнообразен: украшения, металлические детали костюма, печатки-геммы, сосуды, монеты. Рассмотрим этот инвентарь конкретно и посмотрим, нет ли ему аналогов в других – известных и имеющих точную дату – археологических памятниках.

Украшения – это сотни разноцветных стеклянных бус разнообразной формы, бусы из сердолика, горного хрусталя, агата, халцедона, граната и янтаря. Это серебряные перстни (один из них с гранатовой вставкой, на которой вырезаны птицы), золотые и серебряные серьги в виде калачиков (на одной такой золотой сережке – 60 мелких шариков, обрамляющих сердоликовую вставку), золотая серьга в виде виноградной грозди, золотые медальоны с сердоликовой вставкой, золотой полый шарик – привеска с «рожками», в которые вправлены полированные бусинки сердолика, множество бронзовых булавок-фибул, бронзовые же булавки-заколки с круглыми головками. Иногда головкой является сердоликовая бусина, надетая на стержень и прикрытая «шапочкой» из зерни – припаянных друг к другу мелких серебряных шариков.

Подобные предметы украшения часто встречаются в памятниках Закавказья и Северного Кавказа, относящихся к эпохе раннего средневековья.

Среди вещей выделяются детали поясного набора – пряжки, накладки, бляшки и наконечники поясов, изготовленные из серебра, бронзы, железа. Круглые или овальные пряжки были не просто деталью одежды. Они являлись частью экипировки воина и, вероятно, служили знаками отличия в воинской иерархии. Пряжки, подобные найденным в Едысе, известны по многим раскопанным могильникам раннего средневековья на Северном Кавказе и в Крыму.

Обращают на себя внимание и печати-геммы на сердолике, халцедоне и янтаре. На них вырезаны изображения оленей, птиц, зебу, скорпиона, крылатого льва с орлиным клювом – грифона, «аташдана» – священного жертвенника огнепоклонников, и т.д. Такие же геммы встречаются на обширной территории Закавказья, Юго-Западной Азии, Евразии и относятся к произведениям древнеиранского, а точнее, сасанидского искусства. На связь с сасанидским миром (династия Сасанидов правила Ираном и зависимой Грузией в III-VII вв.) указывают и находки серебряных монет, которые, как определила И.Л. Джалаганиа, относятся к эпохе сасанидских правителей Хормизда IV (579-590) и Хосрова II Парвиза (590-628). На аверсах (лицевой стороне) монет – профильные изображения правителей, на реверсах – священные жертвенники «аташданы», а по обе стороны жертвенника – вооруженные воины.

Керамические сосуды, найденные в погребениях, – это небольшие чернолощеные широкогорлые кувшинчики с петлеобразными ручками, со штрихованным орнаментом по шейке. Тулова кувшинчиков иногда украшены выпуклыми сосцевидными налепами. Такие сосуды уникальны в Закавказье, зато обычны опять же для северокавказских могильников раннего средневековья.

В могильнике найдено два стеклянных предмета – миниатюрный флакончик для благовоний и тонкий бокал – «каркезиум». Особый интерес представляет зооморфный сосуд на четырех ножках – красноглиняный лощеный кувшинчик в виде барана с закрученными рогами. На спине барана – горлышко с отогнутым венчиком и петлевидной ручкой, а на груди – носик-слив. А. И. Мартынов считает, что подобные сосуды характерны для салтово-маяцкой культуры[1].

Результаты анализа – сопоставление характера и особенностей предметов из разных археологических памятников – позволяют определить время, к которому относится могильник, раскопанный у селения Едыс: VI-VII вв. Монеты помогают уточнить датировку: конец VI – начало VII в.

И способ захоронения, и устройство могильной ямы, и многие найденные там предметы не свойственны Закавказью – здесь мы имеем дело с чем-то особенным. Но всему этому есть точные аналоги на Северном Кавказе, где обширную территорию в раннем средневековье занимали воинственные племена, известные у древнеримских и армянских авторов под именем алан. Грузинские хроники называют их то овсами, то осами, русские летописи – то асами, то ясами. Это предки нынешних осетин[2]. Для определения этнической принадлежности Едысского могильника надо иметь в виду следующее. В аланских погребениях нередко находили искусственно деформированные черепа – с необыкновенно вытянутыми лобной и теменной частями (что случается, когда новорожденным детям туго пеленают головы). Пять таких деформированных че-

[1] Салтово-маяцкую культуру представляют памятники полукочевых народов, населявших в VIII-IX вв. Подонье и Приазовье. Это остатки кочевий, поселков, замков, городов, могильников.

[2] Об аланах см.: Афанасьев Г. Е. Исчезнувшие народы. Буртасы // Природа. 1985. №2. С. 90-92.

репов (большая часть их раздавлена) были обнаружены в Едысском могильнике.

Таким образом, можно утверждать, что Едысский могильник был оставлен аланами.

Что же могло привлечь степняков-алан в высокогорье Центрального Кавказа со скудными пахотными участками и тяжелыми условиями жизни – по сравнению с предгорьями и равнинами Северного Кавказа?

Если бы могильник датировался IV-V вв., то можно было бы предположить, что аланы пришли в эти места, спасаясь от нашествия гуннов. Но речь идет о VI-VII вв., когда особых изменений на политической карте Северного Кавказа не было.

Вполне вероятно, что аланы были наняты или приглашены нести гарнизонную службу на трассе торгового и военного пути. Селение Едыс, кстати, находится у перевала Кадласан. Кадласанский перевал и прежде был и теперь является как бы запасным: он дублирует Крестовый перевал, через который ныне проходит Военно-Грузинская дорога. Нанимали алан для воинской службы, скорее всего, персы. Именно в VI-VII вв. власть Сасанидов в Грузии достигла наивысшего расцвета. В начале VII в., в первой его четверти, Грузия сбрасывает иго Сасанидов и обретает самостоятельность. Тогда-то и прекратились погребения в Едысском аланском могильнике. Спустились ли аланы в долины Грузии и продолжили службу у теперь уже грузинских правителей, или они вернулись на Северный Кавказ – неясно. Оба исхода вполне допустимы. Дальнейшие исследования, возможно, позволят ответить и на этот вопрос. Однако можно утверждать, что первое проникновение алан – предков современных осетин – в Закавказье произошло не в XIII-XIV вв., как это до сих пор считалось, а значительно раньше – в VI-VII вв.

Природа. М., 1986. №10. С. 76-79.

РЕМЕСЛО, КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ДРУГИЕ ЗАНЯТИЯ ОСЕТИН В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Изделия, сохранившиеся в быту, в коллекциях этнографических отделов краеведческих музеев, а также обнаруживаемые во время археологических раскопок, говорят о наличии ряда ремесел у горных осетин.

Самым почитаемым ремеслом, даже имевшим своего бога-покровителя Курдалагона, было кузнечное.

Еще до татаро-монгольского нашествия аланы славились как отличные кузнецы. Военным успехам аланов, а также интенсивному развитию у них земледелия, безусловно, способствовало кузнечное ремесло. Аланские военные отряды вряд ли имели бы значительное преимущество перед соседями, не будь у них первоклассного оружия и доспехов. И все это выковывалось и изготовлялось многочисленными кузнецами, причем кузнецами высокого уровня профессионализма. Знали они и цементацию, и накладку, и прочие премудрости кузнечного ремесла. Надо полагать, что захватчики – татаро-монголы – кузнецов берегли и вывозили в метрополию, подобно другим ремесленникам-строителям. Видимо, поэтому наблюдается упадок кузнечного ремесла в послемонгольское время. Правда, еще в 1254 году французский путешественник Гильом де Рубрук отмечал, что татары приобретали у алан воинские доспехи-кольчуги и что «аланы являются отличными кузнецами»[1]. Позднее и Вахушти Багратиони писал о том, что осетины «знают ковать» и что у них развито «слесарное ремесло»[2]. Исследо-

[1] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 19.

[2] Багратиони Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып.5. Тифлис, 1904. С. 139.

ватели впадают в крайность, когда говорят, что «каждый осетинский аул имел своих мастеров кузнечного дела»[1]. Видимо, это касается больших аулов. Так, в Сбийском ущелье, где в позднем средневековье было 7 маленьких селений, имелась всего одна кузница.

Продукция кузнецов разнообразна по ассортименту и назначению. Кроме инструментов для работы, кузнецы выковывали железные наконечники лемехов для «дзывыра» – сохи, тяжелые косы, топоры разного назначения – обычные, для обстругивания досок, для выдалбливания «тадзи», «пъæнæз», «долота», «сарт» и др. Осетинские кузнецы изготовляли специальный инструмент для жерносечников – духъ. Кроме того и предметы домашнего обихода: надочажные цепи, становившиеся святынями очага, специальные приспособления в виде большого стремени, подвешивавшегося к надочажной цепи, на которой укреплялась шиферная плита малого размера къæй – на ней выпекались пироги, хлеб. Кузнецы выковывали изящные подлучинники с прикрепленными к ним фигурками баранов и козлов – «цырагъдарæн», зажиточные семьи заказывали кузнецам особые подставки для бревен, предназначенные для помещений – «æфсæн тъæр», разнообразные по форме вертела с двумя, четырьмя и пятью жалами – «уæхст», крюки для доставания мяса из котла – «фыдис», подставки для котлов – «суанцъы», щипцы для поддержания нужного огня в очаге – «æртысгæн», кресала, без которых не обходились мужчины (кресала нередки в погребальных памятниках). Кузнецы выковывали пряжки, гвозди и другие предметы обихода.

Из рук кузнецов выходили и такие предметы, как ножи всевозможных размеров, клинки кинжалов, шашки, нако-

[1] Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1963. С. 55.

нечники копий и стрел, кольчуги, шлемы, удила, стремена, подковы для коней – «цæфхад» и приспособления для хождения по льду в виде «кошек» – «лæгдзæвхад».

Оружие, изготовленное в Осетии, отличалось достоинствами, и об этом знали не только осетины, но и их соседи. В одной хевсурской песне недвусмысленно говорится об этом:

Ты наша большая надежда,
башня на извести строенная.
Ты стрела, в Осетии кованая,
в городе хиной крашенная[1].

Надо полагать, что изделия из меди, требующие другой технологии, выходили из иных мастерских. Медные изделия, употреблявшиеся в осетинском быту, – это котлы от самых малых, вмещавших от 5-6 литров, до тысячелитровых и более, употреблявшиеся при общественных пирах, свадьбах, поминках и др. Эти котлы – «цæччинаг» изготовлялись склепыванием небольших медных листов и предназначались для варки пива и мяса. Из склепанных медных листов изготовляли медные трубки – «мили», применявшиеся при гонке араки. Медными были и рабочие части шумовок – приспособлений для снятия пены, наперстки, пряжки, металлические части конской сбруи.

Продукция осетинских кузнецов не удовлетворяла нужды населения, и дефицит покрывался привозными, в основном из Рачи, изделиями, но изготовленные в расчете на вкус потребителя привозные изделия не отличаются от местных изделий, за исключением, возможно, топоров, которые так и именовались «рацъаг фæрæт» – рачинский топор.

Из металлических предметов, находивших применение в быту горных осетин, следует отметить изделия «зæрин-

[1] Очерки Хевсурии (из записок Зиссермана) // Кавказ. Тифлис, 1851. №22.

гуырд» – златокузнецов, т.е. ювелиров. Наличие специфических форм украшений позволяет говорить о собственно осетинских мастерах. Многочисленные находки серег, колец, перстней, привесок, полых и литых пуговиц разнообразных форм, особенно полых пуговок-привесок – «хъуыры гънæг», пришивавшихся к вороту женского платья, говорят как о вкусах и пристрастиях, так и о мастерстве их изготовителей.

Украшения свидетельствуют о сходстве вкусов южных осетин и их северных сородичей. Например, украшения, обнаруженные в склепах Южной и Северной Осетии.

Кроме металла, многие предметы быта изготовлены из дерева. Этому способствовало не только наличие материала – древесины в неограниченном количестве, но и податливость материала и меньшая степень специализации.

Как отмечал осетинский этнограф С. Кокиев, «искусство точить и резать дерево в Осетии весьма древнее и сильно развито повсеместно, а потому осетины в своем домашнем обиходе пользуются почти исключительно деревянной посудой, вытачиваемой и вырезываемой»[1].

Деревянными были особым способом уложенные перекрытия в жилых домах и боевых башнях, двери и дверные проемы, подпорные и надочажные столбы и пр. Дерево находило применение и при постройке склепов и святилищ: полки, двери и пр. Деревянным было и специальное дымовое отверстие в надочажном перекрытии жилого дома – «эрдо», приставные и стационарные лестницы, ограды, перегородки и настилы хлевов, овчарен, конюшен и прочих хозяйственных построек.

Из ветвей кустарниковых (преимущественно лещина и альпийская береза) изготовлялись плетеные изгороди

[1] Кокиев С. Записки о быте осетин // СМОПК. 1865. Вып. I. С. 66-112.

– «кау», носилки и кузова для саней – «куыф», разнообразные плетенки-корзины – «тæскъ», «къуту», «чыргъæд» и пр. Это наиболее простейшие формы употребления дерева в быту. Большего искусства требовалось для изготовления плетенок в виде клетчатого веера для подстилки, на которой утрамбовывалось сено, т.е. «мæхъи», приспособление, при помощи которого свивали веревки – «хæдз», особого деревянного наконечника – «гæркъа» – пряжки для прочного закрепления веревки при перевозке грузов.

Деревянными были сани, полозья которого заранее вырубались и заготавливались впрок. Не просто было вырезать из цельного куска дерева ярмо – «æфсондз». Для уборки сена изготовлялись особым образом грабли, зубья которого свободно вращались в отверстиях. Деревянными были и вилы, ручки кос, серпов, дуги – «къæлæт» для стойлового содержания крупного рогатого скота, лопаты, кожемялки – «нæрв», обоймы сита и решета, инструменты для обработки шерсти – чесалки – «пирæн», веретена – «æлхуи», пряслица – «уæдæртт», взбивалки для шерсти – «фæтдзæгъдæн», ткацкие станки, гладильное приспособление.

Горные осетины вырезали и деревянные замки-запоры. Разнообразной была деревянная посуда и кухонная утварь: корыто – «арынг», миски – «къустæ», длинные долбленные сосуды для доставки воды и взбивания масла – «донхæссæн», черпаки – «куысси», бокалы – «нуазæн», ведра – «къæрта», блюда – «тæбæгъ», дырчатые блюда, на которых приготовляли сыр, разносили на пирах мясо – «сивыр»; малые кадушки – «тъæпæнæг», большие кадки – «гарз», лоханообразное приспособление, применяемое при гонке араки, – «джедза», резные коробкообразные солонки – «цæхдарæн» и даже специальные пеналы – коробочки для хранения так называемой «бусины счастья» – «цыкурайы фæрдыг».

Деревянными были части седла, приспособления для катания с горок – «къахдзоныгътæ» (букв. «ножные сани»), снегоступы – «къахкъæлæттæ»; из дерева вырезывались палки для старцев с замысловатыми навершиями, деревянными были луки, древки стрел и копий, рукоятки для многих инструментов. Специально выдерживали дерево для изготовления музыкальных инструментов – двенадцатиструнной арфы – «дыууадæстæнон», скрипки – «хъисфæндыр», инструмента в виде балалайки с продолговатым кузовом – «дала фæндыр», трещотки – «къæрццгæнæн» и др.

Исключительно деревянной была мебель: треножный стол – «фынг», скамья – «бандон», большие скамьи – «фæхсбандон», кровать – «сынтæг», люлька-качалка – «авдæн» и, наконец, кресло старшего в доме – «къæлæтджын».

Ряд предметов – некоторые музыкальные инструменты, кресла и др. украшались резным орнаментом, состоявшим из солярных знаков и других элементов астрального и зооморфного орнамента. Для изготовления всей этой массы изделий пользовались простейшими инструментами, в основном топором, долотом и ножом.

В обработке камня осетины также имели определенные успехи. Именно на средневековье падает искусство возведения башенных построек, сооружений и склепов. Для строительства башен обычно брали местный камень, но обработка его была весьма незначительной. Скальный плитняк укладывали в стену таким образом, чтобы гладкий скол приходился наружу. Таким образом, вся наружная сторона кладки стен представляется довольно ровной. Большей и лучшей обработке подвергались камни в основании башен. В ряде башен детали дверного проема составлены из обработанного травертина. Это в основном арочные перекрытия. Такие же арочные перекрытия имеются в некоторых святилищах и жилых башнях.

В верховьях Большой Лиахви (и в ряде других мест) некоторые башни сложены не из скального плитняка, а из туфовых камней. Естественные сколы на этом пористом материале редко бывают ровными, и потому при использовании туфа в строительстве его необходимо подвергать обработке. Именно здесь же (в верховьях р. Б. Лиахви) обнаруживаются надмогильные стеллы, безусловно, требовавшие больших навыков и умения высекать ровные поверхности, орнаменты, рисунки, а позднее и надписи.

Заслуживающей внимания отраслью хозяйственной деятельности горных осетин является жерносечное ремесло – изготовление мельничных жерновов для ручных и водяных мельниц.

Надо полагать, что мастера-жерносечники проживали в местах, богатых для этого занятия сырьем. Е.Г. Пчелина считала, что «самыми лучшими каменными жерновами, изготовленными в Осетии, считались жернова из Даргавского ущелья. Они высекались из местного кварцита, который хотя и стирался в работе, но из-за структуры камня всегда сохранял неизменным высокое качество своих мелющих поверхностей и не требовал повторных насечек»[1]. Инструменты для высекания жерновов – «молотки и кирки» в Осетии были дороги и редки, почему и составляли семейную ценность и передавались по наследству из поколения в поколение вместе с секретами их производства.

Каменные жернова в горах Осетии представляли большую ценность, почему и имели длительное существование. Сперва стертый жернов – «бегун» переворачивали и укладывали в колоде в качестве «лежняка». Затем стершийся и окончательно пришедший в негодность жернов мужчины уносили с мельницы и прятали где-либо во дво-

[1] Пчелина Е.Г. Осетинская мельница «къада-куырой» // Известия СОНИИ. Том XXV. Орджоникидзе, 1966. С. 278. Примечание 6.

ре дома. Часто во избежание поломки жернова его клади в каменную сухую кладку забора усадьбы или же в стену хозяйственной пристройки, причем для жернова выбиралось место, откуда легко можно было бы взять для подправки и снова пустить в дело. Старые жернова еще и сейчас лежат в каменных кладках стен заброшенных осетинских поселений: в Дигории, подле сторожевой башни рода Астантæ близ с. Махческ, в Алагирском ущелье, на священной поляне рода Царазонта, Сидæн, в Юго-Осетии в жилых башнях с. Гудис и других местах[1].

Во время раскопок Едисского городища мы неоднократно находили фрагменты каменных жерновов с полированными поверхностями (отработанные?) и с «бортиками» по краю. Видимо, они изготовлялись на месте, так как подобный камень имеется здесь в изобилии. Кроме того, в Чимасском ущелье в с. Цру в стене боевой башни нами обнаружены несколько жерновов с ямками-углублениями в центре диска (заготовки?). Дернова замурованы в стене башни вертикально и укреплены известковым раствором.

В позднее средневековье в быту широко пользовались шиферными плитами скального происхождения. Раскалывали этот слоистый материал на большие куски и доставляли их на санях или волоком на место использования. Шиферные плиты шли на перекрытие парапета боевых башен, оформление краев перекрытий жилого дома, святилищ, склепов. Тиферными плитками выкладывались стены погребальной ямы, т.е. возводили каменный ящик. В некоторых местах горной Осетии шиферными плитами выложены скотные дворы и промежутки между жилыми помещениями. Непосредственно в доме шиферные плитки применялись как сковорода или противень при выпеч-

[1] Пчелина Е.Г. Осетинская мельница «къада-куырой» // Известия СОНИИ. Том XXV. Орджоникидзе, 1966. С. 272-273.

ке хлеба. Плитка устанавливалась над огнем или, скорее всего, жаром, в стремеобразное приспособление, подвешиваемое к надочажной цепи. У очага устанавливали особый камень – «тъæр», на который опиралось бревно, предназначавшееся для сжигания в очаге.

Осетины добывали в горах особый камень и обрабатывали его для изготовления «цыргъгæнæн дурр» – оселков для заточки кос. Для заточки ножей, топоров и других режущих инструментов и орудий употребляли речной камень – «сигæц». В погребениях встречаются разнообразные по форме оселки для заточки ножей, бритв и кос. Найдены в погребальных комплексах и кремни для добывания огня – «æхсон».

Одним словом, горные осетины использовали камень во многих случаях, как это делали и другие горцы.

Вахушти Багратиони отмечал, что осетины «добывают из земли свинец, селитру, серу»[1]. И далее: «Здесь (в Осетии. – Р. Дз.) имеется богатая руда свинцовая, которую сами же отличают. Кроме того, есть весьма хорошего качества сера… Еще из влаги скал приготовляют селитру»[2]. Т.е. осетины сами изготовляли пули из свинца, а селитра и сера с добавлением древесного угля шли на приготовление черного пороха. Круглые пули, спекшийся черный порох в газырях и пыжи в виде тряпочек неоднократно находимы были в полуподземных склепах.

Отметив также, что осетины пользовались минеральными источниками для питья и ванн в лечебных целях, можно заключить, что и минеральные богатства края находили применение в быту и хозяйстве.

Очень важной отраслью хозяйственной деятельности горных осетин была обработка шкур домашних животных.

[1] Багратиони Вахушти. География Грузии… С. 142.

[2] Там же. С. 146.

Высушенные шкуры крупного рогатого скота вымачивались, а затем мялись специальным инструментом – «наврв», после чего из них шили обувь, вырезывали ремни, из узких полос кожи сшивали прочные веревки, плети, арканы, изготовляли пояса, седла, подпруги, уздечки и прочие принадлежности сбруи. Из телячьих шкур шили специальные заплечные мешки для сыпучих веществ (соль, зерно, мука) – «дзæкъул», из козлиных шкур шили мешки – «къæсса», изготовляли бурдюки – «лалым». Козьи шкуры шли и на изготовление подстилок у кроватей – «ламаздыхъ». Из овчины шили шубы с тканым верхом, папахи, тулупы, рукавицы.

Наиболее важным видом сельскохозяйственной продукции, находившей большой спрос у горного населения, была овечья шерсть. После мытья, очистки, чесания и взбивания из шерсти валяли бурки – «уæйлаг нымæт», войлоки для подстилки – «нымæт», шляпы – «нымæт худ», попоны и пр., из шерстяных ниток ткали сукна – «тын», вязали носки, рукавицы, гетры – «зæнгæйттæ» и пр. Сукно шло на шитье черкесок, бушметов, рубах, брюк, шуб и пр. Осетины вычесывали из коз пух – «тинтычьи». Из пуха вязали платки, ткали мягкое сукно для башлыков – «басылыхъ» и пр. Грубая козья шерсть – «сæхъис» шла на изготовление подстилок – «хъисын» и веревок.

Сукна и вязаные вещи часто окрашивались при помощи коры некоторых деревьев (ольха), трав. Трава душицы так и называется на осетинском языке – «тынгæрдæг», т.е. «трава для окрашивания» тын – домотканного сукна. Излюбленные цвета – черный, коричневый, бежевый, белый, серый. Обработкой шерсти в горах Осетии занимались исключительно женщины.

Рога животных также шли в обработку. После вычистки и полировки красивые бычьи и бараньи рога превращались в роги для питья араки и пива. Из рогов изготовляли

рукояти для кинжалов, ножей, шашек, пуговицы, пороховницы, гребни. Относительно прямые козьи рога насаживались на острия вил, что повышало их прочность и долговечность.

Не оставляли без внимания и кости животных. Из них изготовляли рукоятки кинжалов, ножей, наворшия газырей, игольники, амулеты. Кабаньи клыки применялись женщинами для разглаживания швов. При расчистке содержимого склепов довольно часто встречаются навершия газырей и другие костяные изделия. В святилищах сохранились рога для питья и пр.

Некоторым подспорьем в хозяйстве горных осетин была охота. Вахушти отмечает, что «из зверей водятся в некоторых местах олени, серны, лани, рыси, лисицы, волки, шакалы, барсуки и медведи, зайцы, но их немного»[1]. Следует добавить туров и куниц. Охотились в основном из-за мяса и шкур. Почетным охотничьим трофеем были турьи рога, которые после частичной обработки (вычистки) употребляли для питья пива в особо торжественных случаях.

В средневековье, до XVII-XVIII вв. объектом охоты служили и зубры – «домбай». Н. Я. Динник обнаружил в одном из дигорских святилищ 19 черепов зубров. Он же в святилище-пещере «Дигори изад», близ села Задалеска, насчитал «не менее тысячи черепов самок оленей», причем «одни из них почти совсем истлели, а другие были совершенно свежи»[2]. Много турьих и оленьих рогов имелось и в святилище Реком. В святилище Таранджелос в с. Средний Ерман до сих пор можно видеть два истлевших рога благородного оленя.

Кроме зверей, охотились еще и на горных индеек – «зым», куролаток – «хуыргарк» и тетеревов – «карк». Охо-

[1] Вахушти Багратиони. География Грузии… С. 139.

[2] Динник Н. Я. Путешествие по Дигории // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. 14. Вып. I. С. 16.

тились при помощи луков и стрел, а с распространением огнестрельного оружия – кремневкой.

Рыболовством занимались мало, но в периоды осеннего нереста – «дауын» поднимавшиеся высоко в горы осетровые рыбы были нередко добычей. Нами при раскопках Едисского городища была найдена крупная спинная чешуйчатая пластинка осетра. В основном же в горных речках встречается исключительно форель.

Вахушти отмечает также занятие осетинами пчеловодством, но в незначительных размерах. Однако в раннем средневековье, судя по косвенным данным, пчеловодство было развитой отраслью их хозяйства. Мы имеем в виду широко распространенный в аланский период напиток «ронг», приготовляемый на меду, и наличие в осетинском языческом пантеоне специального божества Анегол, считавшегося патроном пчеловодов и пчеловодства[1].

Еще одна отрасль хозяйственных занятий горных осетин обычно ускользает от внимания этнографов. Это сбор дикорастущих ягод, фруктов и съедобных трав. В горах произрастает довольно много разнообразных ягод и ягодных кустарников: земляника, брусника, черника, малина, смородина, а также рябина и калина. Много орешника. Собирали и заготавливали впрок буковые орехи. Кроме того, имеется в редких местах черемуха – «къæбырттæг», много шиповника – «уагъылы», барбариса – «тырты», боярышника – «дурвæткъуы». Около с. Сба в Джавском районе находится целая барбарисовая роща – «Тыртыджын». В нескольких местах (у с. Багиатбын, Сба, Ерман и др.) встречается кустарник со съедобными ягодами – «тамачъи», поближе к предгорьям много кизила – «цым» и ежевики – «дзедырæг», гордовины – «балгъодзи».

[1] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.-Л., 1949. С. 61.

На зиму засаливали молодые побеги двух видов черемши – «скуда» и «давон», сушили грибы, в основном шампиньоны – «нæууы зокъо», собирали молодую чагу с кленов и буков – «тæгæры зокъо» и «тæрсы зокъо». В летний период употребляли в пищу несколько видов борщевиков – «сæнк», «хуыр-зæнк», «мæзæрæу», «хъæндæл», кервелъ – «гæндæлы», а также «такъуындела», «цъоза», «хуычъыйы сæр» и др. С альпийских лугов приносили «æрсмыд» и «скъамо».

Много диких трав употребляли в виде приправ: чабер – «джеччын», тмин – «фыдхос» и др. Знали мяту – «битъна». Горным осетинам были известны и целебные свойства многих трав и деревьев, которыми и запасались для своих нужд.

Таким образом, осетины были вполне знакомы и с флорой, которую использовали по мере надобности.

ТОРГОВЛЯ И ТОВАРООБМЕН

Описанные виды хозяйственной деятельности горных осетин в позднем средневековье являются яркой иллюстрацией быта, именуемого натуральным хозяйством и характеризующегося замкнутостью. И все же хозяйство горных осетин было не совсем замкнутым. Как отмечал И. Джавахишвили, обитатели горных и низменных районов нуждались друг в друге, не могли существовать друг без друга. По причине этих естественных условий средняя часть Грузии, низменные ее районы, тесно были связаны с северными и южными ее частями[1].

По исследованиям В. Н. Гамрекели, горцы приобретали в Восточной Грузии три группы товаров: изделия местного ремесленного производства, (хлопчатобумажные и шел-

[1] Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930. С. 317.

ковые ткани, предметы домашнего обихода, сделанные из меди и железа, порох и др.), сельскохозяйственные продукты (хлебные злаки, огородные культуры, продукты виноделия) и иностранные товары (главным образом соль и галантерея: ножницы, иголки, пуговицы, тесьма, зеркала, мишура и др., в меньшей степени дорогие материалы)[1].

О торговых связях Осетии с Рачей упоминает академик И. А. Гюльденштент, побывавший на Кавказе в составе экспедиции Русской Академии наук в 1768-1774 гг. Он отмечал, что в Они (средневековый торгово-ремесленный центр в горной зоне Западного Закавказья, непосредственно примыкающей к Осетии), «торгуют железными товарами из Цадиса (правильнее Цедиси. – Р. Дз.)… вследствие чего сюда приезжают осетины из Двалети»[2]. А «из горных дагестанских и осетинских обществ привозили на рынки Грузии как на периферийные, так и на центральный рынок в Тбилиси, грубошерстные ткани, сукно, войлок, зипуны, шаровары и другие шерстяные предметы одеяния, изделия из дерева для домашнего обихода, предметы женского рукоделия. Вместе с тем привозили продукты животноводства: сыр, масло, жир, настриженную шерсть, пригоняли скот, главным образом баранту»[3]. (Видимо, автор под «зипунами» подразумевает «бурки»).

Вахушти Багратиони отмечает слабость развития товарно-денежного обращения в Осетии: «Меди и золота и серебра у них мало. Денег не знают, но деньги заменяются войлоками, чохой, небеленым холстом, сукном, овцами, коровой и пленником, и между собой торгуют ими. Не

[1] Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Т. I. Тбилиси, 1968. С. 30-31.

[2] Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 91.

[3] Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. С. 37.

знают аршина, но локоть»[1]. «В стране их нет соли, льна, конопли, хлопка и шелка, дабы из них приготовить себе одежду… и это привозят из Карталинии, Рачи, Черкесии…»[2]

Остатки шелковых, хлопчатобумажных и льняных тканей действительно обнаруживаются в погребальных склепах горной Осетии; в иных местах, например в каменных ящиках, они не сохраняются – истлели. На средневековом могильнике Едисского городища (XIV-XV вв.) в одном каменном ящике был найден лоскут парчовой ткани, служившей, видимо, воротом женского платья[3].

Вплоть до XIX века шерстяные изделия осетинских женщин находили спрос на рынках Грузии. С. Мачабели отмечает, что осетины «привозили на продажу изделия из козьего пуха – «тинтычъи» (у автора – «тивтики». Неправильно. – Р. Дз.), сукна, войлоки, бурки, потники, «хъисын» – ткань из козьей шерсти, ноговицы»[4].

Горцы Центрального Кавказа, в том числе и осетины, имели торговые связи не только с населением Грузии и Кабарды, но и с русскими.

Эти связи осуществлялись на пограничной линии у Моздока. У В. Н. Гамрекели есть ссылка на некоего поручика Хвалубова, который докладывал своему начальству в 1769 г. о нравах горцев Центрального Кавказа: «Денег они не имеют и не берут… Там на деньги достать ничего невозможно; а больше в их потребу идет холст, гребни костяные, иглы, наперстки медные, мишура и пр. мелочи»[5].

---

[1] Вахушти Багратиони. Георграфия Грузии… С. 142.

[2] Вахушти Багратиони. География Грузии… С. 143.

[3] См. наш отчет за 1980 г. Архив ЮОНИИ.

[4] Мачабели С. В. Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда Тифлисской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказья. Т. VI. Тифлис, 1887. С. 237.

[5] Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. Т. 1. С. 39.

Находки последних лег в позднесредневековых склепах Северной и Южной Осетии ярко иллюстрируют это замечание безвестного поручика. В инвентаре склепов действительно встречаются костяные вообще-то роговые гребни, иглы и медные наперстки[1]. Бесспорно русского происхождения, т.е. так же с торговой линии, являются массивные бутылки темного стекла со штампами-налепами на шейке сосудов, иногда с указанием дат, относящихся к концу XVIII и началу XIX века[2]. Центром торговли с русскими был Моздок. Об этом пишет В.Н. Гамрекели: «Первый крупный стационарный центр вблизи выходов из ущелий Осетии и Ингушетии возник лишь во второй половине XVIII в. Это был Моздок»[3]. Впрочем, Моздок служил в основном для торговых связей с Закавказьем.

Анализ источников и памятников позволяет утверждать, что торговые связи и обмен особенно усиливаются в XVIII веке. Что касается предшествующего времени, то были периоды, когда из-за нашествия врагов не то что торговые связи, но и жизнь во многих городах Грузии замирала. Так, XV век считался временем наибольшего упадка культуры и ремесел в Восточной Грузии. «Города Гори, Ахалцихе, Ахалкалаки и Атени в это время стали небольшими городками…

Некогда значительные и богатые города – Самшвилде, Тмогви, Дманиси, Жинвали – в XV веке и вовсе перестали существовать»[4].

---

[1] Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. С. 114-115.

[2] Там же. С. 96-99; Джаттиев Р.Г. Британский склеп // Известия ЮОНИИ. Вып. XXII. Цхинвали, 1976.

[3] Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом… С. 15.

[4] Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе В.К., Меликишвили Г.А., Месхиа Ш.А. История Грузии. Т.I. Тбилиси, 1962. С. 265.

Следовательно, торговля и обмен, а отсюда и приток ремесленных изделий в горные ущелья не только сократился, но и вовсе прекратился. В могильниках этого периода, в верховьях Большой Лиахви, нет ремесленных изделий восточногрузинского происхождения[1].

Однако некоторые продукты и предметы все равно доставлялись в горные ущелья во все времена. В первую очередь это была соль. В основном привозили ее из Восточной Грузии и Кабарды. Это же отмечает В. Н. Гамрекели[2].

Осуществление торговых связей происходило в Южной Осетии через ущелья, а с Северной Осетией через перевалы. Кабардинские феодалы находившиеся в Санкт-Петербурге в ноябре 1743 г., в своем описании горцев Северного Кавказа отмечали, что «балкарцы и дигорцы ходят в Грузию покупать соль»[3].

Кроме основных перевалов – Крестового и Мамисонского – использовались перевалы Сбийский, Рукский, Бахвандаг, Дзедо, Зикара, Кадласанский, Кевсельтский. Правда, они были сезонными путями сообщения – связи через эти перевалы осуществлялись в летнее время.

Товарообмен был ограничен. Ведь горцы продавали и обменивали не излишки, а сэкономленное в результате самоограничения. Кроме торговли и обмена, осетины «выполняли различные работы по найму в сельском хозяйстве, ходили проводниками через горы, а некоторые старшины получали царское жалованье и др. По всем этим расчетам горцы получали мзду большей частью на-

[1] Дзаттиаты Р. Г. Ремесленные изделия из средневековых памятников верховьев р. Б. Лиахви (рукопись, архив ЮОНИИ). С. 40.

[2] Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. С. 36.

[3] Материалы по истории Осетии. Т. I // Известия СОНИИ. Вып.VI. Орджоникидзе, 1934. С. 31-34.

турой»[1]. Несмотря на имевшиеся торгово-обменные связи «по своей природе натуральное хозяйство горцев не могло иметь и не имело потребности широких торговых связей с низменностью»[2]. Этому препятствовал замкнутый характер натурального хозяйства, в известной степени обходившийся внутренними ресурсами, за исключением зерна и мануфактуры.

В некоторых местах осетинские феодалы, владея пунктами на транзитных путях, устанавливали пошлины и взимали их с проезжих, в основном с купцов.

Рассмотрев хозяйственные занятия горных осетин, торгово-экономические связи населения горных районов с окружающим миром, мы по возможности постарались дать картину некоторых черт хозяйственного уклада горной Осетии в позднем средневековье. Вышеизложенное позволяет сказать, что примитивность земледельческой культуры, слабое развитие скотоводства, хотя оно и было основным занятием, отсутствие выделившегося ремесла строго говоря, и металлообработка не выделилась тоже в чистое ремесло, свидетельствовали о низком уровне экономической жизни горского общества и замедленном темпе развития производительных сил[3]. С этим был связан процесс незавершенности феодализации, живучесть дофеодальных форм собственности, общинных форм быта и связанных с ними обычаев и пр. Весь быт, хозяйство, обряды, обычаи, правовые нормы, культы и все остальные проявления жизнедеятельности насквозь пропитаны духом общинно-родовых отношений. Это не было присуще только

[1] Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. С. 38.

[2] Там же. С. 58.

[3] Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1961. С. 294.

одним осетинам. В таком положении находились многие горские народы Кавказа.

Как отмечал З. Н. Ванеев, в это время «хозяйство – натуральное, самопотребляющееся. Общественное разделение труда находилось еще на начальной стадии развития и основывалось на поло-возрастном делении. Ремесло еще не было полностью отделено от сельского хозяйства. Даже древнейший из ремесленников – кузнец был все еще связан с сельским хозяйством»[1].

И несмотря на замкнутость, конечно, относительную, у горских народов Кавказа в средневековье сложились из-за сходных условий жизни и быта весьма схожие обычаи, обряды, культы и поверья, не говоря уже о почти идентичных формах ведения хозяйства, предметах труда, скотоводства, ремесел и промыслов. Вообще пресловутый вопрос о замкнутости горского хозяйства, как нам представляется, не нашел еще должного освещения в кавказоведческой литературе. Никак не совмещаются с замкнутостью факты мощного взаимовлияния соседних народов Центрального Кавказа, факты, включающие в себя не только экономические стороны, но и такие, как словарный запас, мифология, эпос, антропонимика и еще многое другое, бесспорно свидетельствующее не о замкнутости, а совсем наоборот, о тесном сотрудничестве и взаимоотношениях, пусть не всегда мирных. И все это в основном происходило на экономической почве. Условия жизни диктовали народам и защищаться и перенимать опыт, и, в конечном итоге, взаимообогащаться достижениями экономики и культуры.

Известия ЮОНИИ. 1986. Вып. XXX. С. 23-26.

[1] Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии… С. 25.

К ВОПРОСУ О ВОИНСКИХ БОЖЕСТВАХ ОСЕТИН

При исследовании языческих культовых систем, при классификации божеств и культов многие исследователи начинают описание с культа бога молнии или громовержца, считая этот персонаж наиболее почитаемым и главным в языческом пантеоне. Вероятно, эта традиция идет из греческого мира, где громовержец Зевс действительно является верховным божеством, главной фигурой на божественном Олимпе. Но переносить греческую классификацию божеств на осетинскую почву, видимо, нельзя. Тем не менее, многие бытописатели осетинского народа, как иностранные, так и отечественные, вплоть до современных этнографов впадают в эту ошибку, правда, оговариваясь в том или ином случае. Считая скифов генетическими предками осетин, обратим внимание на описание Геродотом скифского пантеона. «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс… – Паней, Гея – Ани, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон– Фагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения»1[1]. Затем после описания обычного жертвоприношения прочим богам, Геродот продолжает говорить об устройстве святилища Ареса и устраиваемых обрядах в честь этого божества.

[1] Геродот. История. Книга IV, 59. Л., 1972.

«В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, а потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам (выделено нами. – Р. Дз.). Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по-иному обряду. Головы пленнников сначала окропляют вином и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь наверх кучи хвороста и окропляют его меч. Кровь несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются…»[1].

Геродот, классифицируя божества по степени почитаемости, первое место отводит Гестии – покровительнице домашнего очага, а в списке последним приводит Ареса. Но, оказывается, судя по строительству святилищ и грандиозным по степени почитания и обрядности с обильными («больше, чем прочим богам») жертвоприношениями, вплоть до человеческих, наиболее почитаемым божеством у скифов был Арес – бог войны и воинов. Здесь явное противоречие у Геродота. Он никак не мог отойти от греческой классификации сонма божеств, от сугубо греческого мышления и мировоззрения. Можно обратить внимание и на то, что скифы якобы почитают Геракла, но

[1] Геродот. История. Кн. IV. С. 62.

в списке имен, где имена греческих богов переводятся им на скифский, Геракл уже не упомянут, как, впрочем, и Арес. Возможно, что для Геродота, в его понимании и толковании функции скифских божеств, оба они – и Геракл, и Арес – слиты в одну персону – божество войны, военных подвигов и военной удачи. Возможно, что скифское название божества войны и воинов не персонифицировалось, а было всеобъемлющим отвлеченным понятием вроде «уац» или «фарн», и потому у Геродота нет его имени.

Итак, мы считаем, что верховным божеством, во всяком случае наиболее почитаемым у скифов, было божество, олицетворявшее войну и воинский успех и, надо полагать, покровительствовавшее воинам, войску, походам.

Аланы, являющиеся генетическими посредниками между скифами и осетинами, среди прочих культов имели и особый культ, выражавшийся в поклонении мечу, т.е. особое божество войны. А. Марцеллин писал: «У них не видно ни храмов, ни святилищ; они по варварскому обычаю втыкают в землю меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу»[1]. Вряд ли у такого воинственного народа, как аланы, божество войны было не верховным, наиболее почитаемым божеством.

Затем, вплоть до позднесредневекового времени, у нас нет письменных свидетельств о языческом пантеоне осетин, но в христианском именнике имя «Георгий» упоминается, что может быть отражением культа Уастырджи[2]. Однако есть еще один памятник, куда следует заглянуть в поисках следов поклонения культу войны и воинов. Это осетинский нартовский эпос. В сказании о смерти Батрад-

[1] Марцеллин Аммиан. Римская история. Кн. XXXI, 2. Цит. по: Скитский Б. Очерки истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Изв. СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947. С. 37.

[2] Иванов А. И. История монголов «Юань-ши» об ассах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 281-300.

за говорится о том, что тело погибшего героя Батрадза сопротивляется помещению его в склеп. Бог роняет три слезинки на Батрадза, и он благополучно водворяется в склеп. «Там, где упали три слезинки бога, появились три святилища – Тараңджелос, Мыкалгабырта и Реком»[1].

Во многих местах Осетии почитаются святилища с подобными наименованиями, но наиболее почитаемый из всех них – это Реком. А точнее, «Рекомы Уастырджи», т.е. «св. Георгий Реком»-а («Реком» – название не святилища, а местности, подобно «Хохы Уастырджи», «Св. Георгий горы», «Рагъы дзуар» – «святилище перешейка», «Комы дзуар» – «святилище ущелья» и пр. Следовательно, при упоминании «Реком» употребляется усеченная форма от полного наименования. В слове «Реком» явно проглядывает «ком» – «ущелье», как в «Æрыдон» четко выделяется – «дон» – «река». Слово «Æрыдон», т. е. р. Ардон, в переводе может означать как река Æр-ов. (Сравни «эри» – в груз. яз. «народ»). Возможно, что в «Рекоме» тоже имеем ущелье Ар-ов, при перестановке «ре» – в «ер»). Обратим внимание на то, что наиболее почитаемое в Осетии святилище – Реком было посвящено Уастырджи. О том, что Рекомы Уастырджи было военным божеством, говорит наличие огромного количества наконечников стрел, обнаруженных при раскопках святилища[2], а также то, что там хранился шлем Ос-Багатара[3].

О значении военного божества для средневековых осетин говорит еще одно соображение по поводу трансформации христианских культов в осетинские языческие. Как было отмечено выше, вместе с Рекомом наиболее почитаемые святилища Тараңджелос и Мыкалгабыр. Что это такое? О Тараңджелосе у В. И. Абаева находим, что это

[1] Нартовские сказания. Дзауджикау, 1946. С. 263 (на осет. яз.).

[2] Кузнецов В. А. Путешествие в древний Ирыстон. М., 1974. С. 90.

[3] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Часть II. М., 1882. С. 256.

«название божества и святилища. Особенно оно чтилось в ущелье Трусо, а также в ауле Тиб. Культ Тараңджелос восходит ко времени грузинской царицы Тамары (XII в.)»[1]. «Вседобрая царица Тамара послала Цилканского епископа для обращения в христианство пребывающих в Кавказских горах осетин. Войдя в ущелье Гуда, которое граничит с Мтиулетией, он обратил их и выстроил прекрасную церковь во имя пресвятыя Богородицы… После этого епископ был отправлен… в ущелье Трусо, что выше Хеви, он обратил и тамошних жителей и выстроил такую церковь во имя св. Архангелов, равномерно и в ущелье Заха построил таковую» (Донесение Цилканского архиепископа Иоанна Каталикосу Антонию 1 марта 1802 г. // АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С. 532)[2].

«Тараңджелос» – это грузинское «мтаварангелози», т. е. архангел. Но из цитированного отрывка из донесения архиепископа Иоанна видно, что церковь, превратившаяся позднее в святилище Тараңджелос, была выстроена не в честь архангела, а архангелов. Из семи архангелов христианской религии только два – Михаил и Гавриил – особенно почитались в Осетии. Эти два персонажа христианской религии попали на осетинскую почву, видимо, через грузинское посредство, где они именовались «Микель-Габриэль», и превратились в «Мыкалгабыртæ», где «тæ» – показатель множественности. Особенно почитались «Мыкалгабыртæ» в Алагирском ущелье. В. Ф. Миллер отмечает, что празднество в честь Рекома и Мкалгабыртæ продолжается от 9 до 23 мая[3].

По христианскому вероучению архангелы Михаил и Гавриил являются «предводителями небесного воинства»,

[1] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979. С. 231.

[2] Там же. С. 231-232.

[3] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Часть II. С. 276.

архистратигами. Налицо явно военный уклон этих персонажей. Видимо, средневековым осетинам был весьма близок по духу бог-воин, ангел с функциями военного предводителя. Не случайно все три дзуара, якобы возникшие на месте, где упали слезы бога на погибшего Батрадза, оказываются святилищами в честь военных божеств – Уастырджи и Архангелов Михаила и Гавриила.

Не случайно все три персонажа – Георгий, Михаил и Гавриил – запечатлены на фресках Нузальской церкви, а Георгий даже «не как обычно в нижнем ярусе, а в верхнем…, в одном ряду с Христом и другими небесными персонажами…, что справедливо объясняется особым почитанием св. Георгия… и большей популярности в Осетии культа св. Георгия уже в XIII в.»[1]

Небезынтересно отметить, что карталинский царь Георгий для того, чтобы заручиться военной поддержкой осетин, преподнес Дзвгисской церкви святого Георгия колокола. Безусловно, что колокола преподнесли главному, наиболее почитаемому святилищу края.

Военный характер святилищ Уастырджи подчеркивается еще и тем, что в святилищах имелись приношения в виде наконечников стрел (Реком, Сау дзуар и др.), воинского снаряжения – шлем воина в Рекоме, свинцовые пули в Сба (сыгъзæрин дзуар), холодное оружие – шашка Джатиевых в Сба и обломок военной сабли в с. Ходз (Уастырджийы кувæндон) и др.

Не вдаваясь в характеристику обрядов, совершаемых у святилищ, отметим только, что одной из популярных песен у осетин на трапезе у святилища была песня о Уастырджи, причем она имела множество вариантов текста и мелодии[2].

[1] Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 150-151.

[2] Некоторые из них приводятся в книге: «Осетинский музыкаль-

Свидетельством популярности Уастырджи служит и то, что «имя его часто произносится в клятвах и благословениях»[1].

Несмотря на то, что по смыслу культ Уастырджи главенствующий у средневековых осетин, теми, кто описывал божества, святому Георгию отводилась второстепенная роль. Так, например, Штедер писал: «От этих времен (от периода распространения христианства. – Р. Дз.) сохранили только трех святых – Илью, Николая и Георгия»[2]. Юлиус Клапрот отмечал: «Эти святые места посвящены или пророку Илье, их главному покровителю, или святому Георгию, святому Николаю и архангелу Михаилу»[3].

О главных божествах осетин почти то же самое писал И. Кох: «Это Илья, Георгий и Николай… Все выше почитают Илью»[4]. Е. Зичи хоть и говорит, что Уастырджи «самый популярный дух, о котором рассказывается во многих легендах», описание божеств начинает с Хуыцау, затем переходит к Уацилла и только потом говорит о святом Георгие[5].

Видимо, под влиянием указанных авторов находился и В. Ф. Миллер, и все те, кто впоследствии говорил о религиозных верованиях осетин, в частности Б. А. Калоев («Осетины». М., 1971), А. Х. Магометов («Культура и быт осетинского народа». Орджоникидзе, 1968).

ный фольклор». М.-Л., 1948.

[1] Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 1. С. 252.

[2] Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1871 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 30.

[3] Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами путешественников. С. 165.

[4] Кох К. Путешествие через Россию и Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами путешественников. С. 269.

[5] Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии // Осетины глазами путешественников. С. 289.

Л. А. Чибиров в своей книге «Народный земледельческий календарь осетин» (Цхинвали, 1976), хорошо зная значение культов для осетин в прошлом, пишет и о Уацилла, и о Святом Георгие, и при этом впадает в противоречие. На странице 159 у него читаем: «Самым главным и популярным божеством во всем годичном цикле народного земледельческого календаря осетин является Уацилла. Будучи древнейшим дохристианским патроном осетин, он известен как божество плодородия, покровитель хлебных злаков и урожая, грома и молнии». А на с. 210 читаем другое: «По своей значимости и масштабам пиршества популярнейшими во всем круглогодичном цикле календарных праздников осетин являлись дни в честь Уастырджи…». И ниже на с. 211: «…Уастырджи – особо чтимый осетинский святой, самый главный персонаж в пантеоне осетинских божеств». И далее, на с. 212-215 – развернутая характеристика Уастырджи.

В конечном итоге наиболее почитаемым божеством оказывается Уастырджи. Он покровитель мужчин, воинов, путников, защитник честных людей, бич воров, плутов, клятвопреступников, убийц. «Он же главный патрон человека во время его посмертного и самого опасного путешествия в загробный мир» (В. Ф. Миллер. «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках»). По В. И. Абаеву, у Уастырджи отмечаются и черты солнечного божества. Он заступник бедных и обиженных, но он может и наслать болезни на провинившихся. Его именем и проклинали, и благословляли. Он даже первый пахарь. Он многогранен и всеведущ, как и положено быть главнейшему божеству.

В. И. Абаев считает, что «свой ореол (популярности и признательности у осетин. – Р. Дз.) он унаследовал… от тех дохристианских божеств, преемником которых он стал и функции которых он воспринял»[1].

[1] Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном. М.: Этимология, 1972. С. 331.

Наличие большого количества святилищ в честь Уастырджи также характеризует его как особо почитаемое божество. Говоря о популярности Уастырджи, Б. А. Калоев отмечает: «Очень редким было село, которое не имело бы своего «Уастырджи кувандон»… Еще до сих пор нередко можно встретить такие святилища в горах Осетии: на многих проезжих путях, в долинах гор и на самых опасных для путника перевалах… Еще более популярным Уастырджи становился во время войн, в частности в первой мировой войне. Тогда во многих селах Осетии возникали новые святилища в честь Уастырджи как бога войны. Характерно, что осетинские воины, находясь на фронте в Карпатах, устроили также святилище в честь Уастырджи с целью обеспечения победы и спасения их от пули австрийской… Кто участвовал на поле брани совместно с осетинами, тот помнит, что последние, идя в атаку, непременно призывали на помощь своего бога войны Уастырджи»[1].

Стойкость культа Уастырджи, хоть и в пережиточных формах, поразительна и объясняется, видимо, из условий патриархального родового быта, в котором до недавнего времени, до советизации, пребывали если не все осетины, то во всяком случае жители горных ущелий.

Известия ЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI. С. 44-48.

[1] Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. С. 246.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА БАШЕН

Большая часть южных осетин в позднем средневековье считалась или была подвластной феодалам Мачабеловым, Эристовым, Палавандовым и пр. Однако они не признавали свою феодальную зависимоть, что вызывало против них военные экспедиции феодалов, нескончаемые войны, а позднее (в XIX в.) и тяжбы между крестьянами и феодалами. Причем более отдаленные ущелья считали себя свободными и независимыми. Нам представляется, что показателем внутреннего развития югоосетинского общества, а также атрибутом независимости и самостоятельности является воздвижение боевой башни.

Действительно, в местах, где проживали крепостные крестьяне Мачабеловых, Эристовых и иных феодалов, как правило, нет боевых башен, принадлежавших крестьянам. Здесь есть крепости, дворцы, сторожевые башни, но они являлись собственностью феодала. Да и какой феодал разрешил бы строить своим подданным башни или замки? Ведь именно башни становились оплотом в борьбе с феодалами, и феодал это знал отлично. Недаром ксанский эристав Шалва «сжег все башни от Трусо до Ачабети»[1]. И разрушал он башни не просто в ярости, а в желании подорвать оборонную мощь двалов-осетин. Так что, будь на то воля феодалов, в горах Южной Осетии не было бы ни одной боевой башни. Но в том то и дело, что боевые башни в горах Южной Осетии имеются, и число их простиралось до сотни. Сейчас их меньше, ибо некоторые были

[1] Памятник эриставов / Перевод, исследование и примечания С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979. С. 25.

совершенно уничтожены в XIX в., а может быть и ранее в результате нашествий дружин феодалов.

По З. Н. Ванееву, башни имелись у родственных объединений. Он же отмечает, что слабые родственные объединения башен не имели, а таковых в Южной Осетии было немало. Зато экономически сильные родственные объединения имели не одну, а несколько башен, вернее, башни принадлежали отдельным родственным разветвлениям[1], иначе при подсчете башен и населявших Южную Осетию фамилий получилось бы, что почти все фамилии имели башни. Это же наблюдается и в Северной Осетии. В. Х. Тменов при исследовании средневековых сооружений Северной Осетии учел 266 башен. Причем распределение их по ущельям оказалось следующим: в Тагаурском ущелье – 43 башни, в Куртатинском – 66 башен, в Алагирском ущелье, ниже Касарской теснины – 59 башен, выше Касарской теснины (Туалгом) – 69 башен, в Дигории – 29 башен[2].

Любопытно, что количество башен находится в обратной зависимости от степени развития феодальных отношений.

Дигория с более высокой феодальной организацией имеет наименьшее количество башен. Причем из 26 башен только у трех не сохранилась фамильная принадлежность. Что касается башен других ущелий Северной Осетии, то многие из них остались безымянными. Возможно, что при известном старании (правда, очень трудно выполнимом из-за отдаленности, недоступности и обезлюдении населенных пунктов) можно восстановить фамильную принадлежность башен, но само по себе появление анонимных башен характерно для определения «аристокра-

[1] Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955. С. 15.

[2] Тменов В. Х. Средневековые нсторико-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 266.

тической» значимости тех или иных фамилий; менее значимых просто забыли.

В Туалгоме (Верховья Ардона), где социальная дифференциация не достигла уровня феодальных отношений, башен, как видно, несравнимо больше, что опять же можно трактовать как известную независимость местного населения. Примерно такое же положение наблюдается и в горных районах Южной Осетии. Почти во всех горных селениях были боевые башни, причем в некоторых (Рук, Ерман, Сба, Гæлуат и др.) по две, три, а то и по четыре башни. Ближе к предгорьям или, вернее, к поместью феодала башен меньше, и они, как правило, одиночные. Зональное распределение башен (высоко в горах – больше, ниже – меньше) связано, конечно, не с географическими условиями, а со степенью доступности населенных пунктов для карательно-фискальных органов феодалов. Независимость жителей высокогорья обеспечивалась труднодоступностью мест, а также боеспособностью населения. Боеспособность, а вернее, обороноспособность, зависела от наличия вооруженного населения и оборонительных сооружений – в основном башен. О строительстве башен – выборе места, строительной технике, подборе строительных материалов, конструктивных особенностях и пр. – мы имели возможность высказаться в небольшой монографии, в которой описаны башни верховьев Большой Лиахви[1]. Правом строительства башен обладали не все родственные объединения, не говоря уже о чисто экономических возможностях. Как говорят данные этнографии (сообщения информаторов), величина башни также регламентировалась обществом: башню разрешали строить только в течение одного года, т.е. такой мощи и высоты,

[1] Дзаттиаты Р.Г. Оборонительные сооружения южных осетин. Цхинвали, 1983.

которой можно было достичь только за один год. Этим как бы сдерживалось возвышение одного рода над другим.

Как следует полагать, процесс выделения сильной фамилии, возвышение ее над остальными шло в ущерб окружающим родственным объединениям. Последние старались воспротивиться этому. «Сильная фамилия» становилась таковой отнюдь не с согласия окружающих, а вопреки им. Процесс этот неминуемо приводил к феодализации и часто сопровождался кровавыми побоищами.

Демократические, или родовые, устои в Южной Осетии оказались достаточно прочными, а поэтому попытки возвыситься до уровня феодалов кончались весьма плачевно для стремившихся встать во главе хотя бы маленького ущелья. Народная память сохранила интересные легенды о таких актах. Некоторые из них мы записали. Вот они.

В с. Лет (верховья р. Джоджоры, Кевсельтское ущелье Джавского района) сохранились руины некогда большой башни. Башня была выстроена семью братьями из фамилии Мальдзиговых, богатырями и силачами, и поэтому только им удалось выстроить башню из таких огромных плит. При завершении строительства надо было уложить наверху еще одну большую плиту, но силы у братьев иссякли, и пришлось звать на помощь. Никто не смог сдвинуть эту плиту, но вот на помощь пришла сестра этих братьев. Она оказалась тоже богатыршей. Обвязав камень своими косами, она без посторонней помощи донесла его до предназначенного места. Построив башню, братья стали злоупотреблять своей силой, насильничать. Их действия возмутили соседей. Заманив братьев в ловушку, соседи расправились с ними. Видимо, антимальдзиговский заговор возглавляли Кораевы (Къоратæ), поэтому они и заняли башню. Теперь башню называют и мальдзиговской (Мæлдзыгаты мæсыг) и кораевской (Къораты мæсыг). А разрушили ее лет сто тому назад по приказанию военных,

которые вызвали специально для этого мастеров-разрушителей (халджытæ)[1]. Отвлекаясь от легендарной интерпретации, можно констатировать факт классовой борьбы.

Во-первых, отметим, что башню якобы строили Мальдзиговы без помощи со стороны. Это вряд ли вероятно, ибо семь человек башню не могли построить. Обычно при строительстве башни устраивали «зиу» – общественные помочи. Например, в Нарской котловине, «фарсаги… оказывали услуги сильным во время их работы, в особенности при постройке башни»[2]. Надо полагать, что при строительстве башен бывали заняты десятки людей. Как пишет Л. А. Чибиров, «строительство башни требовало много строительного материала и колоссального труда. Об этом свидетельствует дошедшая до нас осетинская поговорка: «Из разрушенного аула и одной башни не построишь, а из целой разрушенной башни можно построить целый аул»[3]. Во-вторых, налицо притеснение ими соседей: «стали насильничать». Насильничание могло выражаться в издевательствах со стороны сильных над слабыми, захвате скота, некоторых участков и пр. Интересно отметить, что это началось после того, как братья Мальдзиговы обрели башню. Обладание башней придавало некоторые силы, обнадеживало их превосходство при любых конфликтах. Или, как говорят осетины, «фæныфсджын сты» – получили гарантию на успех; гарантия, как оказалось, была нетвердой.

Другие сведения были записаны нами в Сба (Сбийское ушелье Джавского района) от старика Цицка Абаева о

[1] Отчет отдельного отпяда археологической экспедиции ЮОНИИ АН ГССР. 1970. С. 12 // Архив ЮОНИИ. Предание было записано от Беса Качмазова.

[2] Хетагуров К. Особа. Собр. соч. Т. II. М., 1974. С. 235.

[3] Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970. С. 89.

башне Приаевых (Приатæ). Приаевы обладали башней и хозяйственным комплексом (от них остались руины), расположенным на стратегически удобном месте между селами Сба и Дзаттиаты-кау. Надо сказать, что они не были первопоселенцами этого ущелья, но в их руках оказались удобные для обработки земельные участки. Большая семья Приаевых состояла преимущественно из мужчин, что обеспечивало им экономическую силу (много работников – много скота). Стратегическое положение их башенного комплекса позволило им безбоязненно притеснять окружающих – Абаевых, Коцаевых (Коцатæ – потомки их переселились в село Коб по Военно-Грузинской дороге), Бакаевых (Бахъатæ – также переселились на равнину Южной Осетии) и Джатиевых. Притеснение выражалось в стремлении расширить свои пахотные участки за счет соседей, не давали никому «свободно ни пройти, ни проехать» мимо них по ущелью. Окружающие этого не могли вынести, а потому сговорились и, устроив засаду, подали Приаевым ложную тревогу о якобы нападении грабителей на пасущийся в ущелье их скот. Вооруженные Приаевы бросились спасать скот. Выманив таким образом всех мужчин на открытое место, заговорщики перебили их. Уничтожению подвергались затем все жители поселения, так что фамилия Приаевых перестала существовать. Только, говорят, спаслась одна женщина – невестка Приаевых, которая по осетинскому обычаю еще до описываемого события ушла в дом своих родителей в Северную Осетию, чтобы там разрешиться. В доме родителей у нее родился сын. Но потомки этого чудом спасшегося мальчика известны уже не как Приаевы, а под другой фамилией. Правда, эти потомки Приаевых знают историю своего рода и какую роль сыграли в их судьбах Абаевы и Джатиевы, ибо в 20-х годах нынешнего столетия двое жителей Сбийского ущелья, случайно заночевав в североосетинском равнинном селении

у незнакомых людей, чуть не пали жертвой кровной мести: оказывается, семья, в которой они заночевали, была семьей одного из потомков Приаевых. При вмешательстве соседей конфликт удалось разрешить мирным путем, но все Абаевы и Джатиевы были предупреждены, чтобы в дальнейшем избежать контактов с потомками Приаевых. И для Приаевых желание обособиться и стать во главе Сбийского ущелья, подчинив себе окружающие родственные объединения, оказалось не только несбыточным, но и трагическим.

В Бритатском ущелье (ущелье р. Бритат-дон), у левого притока Большой Лиахви в его верховьях, в Джавском районе, на вершине скалистого утеса сохранились руины башенного комплекса, известные среди местного населения под названием «укрепление Рамоновых (Рæмонаты фидæрттæ?). Местный житель старик Гоба Сланов сообщил нам следующее. У Рамоновых было сильное укрепление с оградой и железными дверьми. Рамоновы пользовались своим удобным положением (укрепление действительно занимало стратегически выгодное положение и при желании могло «запереть» ущелье) и, надеясь на свои силы (в родственном объединении было много мужчин, способных вести вооруженную борьбу), решили завладеть всем ущельем. Жители ущелья (в ущелье, кроме Рамоновых, было пять маленьких поселений), узнав об этом, воспротивились такому незаконному желанию и задумали уничтожить «узурпаторов». Видимо, сделать это было не так уж просто, и они стали ждать случая. Выяснилось, что одна женщина из укрепления Рамоновых (возможно, невестка) находится в любовной связи с одним из заговорщиков. Как-то женщина обещала свидеться со своим любовником, предварительно открыв тому запираемую на ночь железную дверь. Мужчина немедленно сообщил сородичам о возможности проник-

нуть в укрепление и, когда железные двери были открыты, заговорщики в большом количестве напали врасплох на своих врагов и перебили их, а строение подожгли. В огне пожара укрепление погибло, погибли и все обитатели. Рассказчик добавляет, что погибла и женщина, открывшая дверь. Угроза порабощения, таким образом, была снята. Возвышение одной фамилии, как видно, пресекалось другими всеми доступными средствами, в том числе «огнем и мечом».

В приведенных примерах народных преданий отмечается межфамильная борьба, т.е. борьба между родственными объединениями. Но бывали случаи, когда подобные явления наблюдались и в самых родственных объединениях, среди представителей одной фамилии.

В с. Дзаттиаты-кау (Сбийское ущелье Джавского района) было известно предание о том, что одна семья из фамилии Джатиевых в лице ее представителей мужского пола стала бесчинствовать и притеснять даже своих однофамильцев-односельчан. Терпение сородичей наконец иссякло, и на тайном собрании при участии старейших было вынесено решение – физически уничтожить насильников. Несмотря на единогласно принятое решение, никто не брался осуществить его. Видимо, никто не хотел считаться братоубийцей. Те, кому это поручили, предложили бросить жребий. Жребий был брошен, и только тогда «избранники судьбы» (но отнюдь не баловни) организовали засаду и убийство членов рода. Утверждали, что одному из братьев, которых по одной версии было 4, а по другой – 5, удалось бежать. Бежал он из пределов Осетии и обосновался в Боржомском районе, причем потомки его стали известны под другой фамилией (Джангобеговы).

Несмотря на, казалось бы, различные мотивы расправы над отдельными, так называемыми «возвысившимися» семьями, в приведенных преданиях много общего, а потому

и закономерного. Налицо два фактора, которые особенно возмущали, и, надо сказать, справедливо возмущали окружавшее их население: стремление сделаться экономически могущественными, расширить свои земельные участки за счет соседей или захватить их скот, а также стремление к признанию своего превосходства, навязывание окружающим своего главенства. Иными словами, – обособиться экономически и политически. Подобные явления, на наш взгляд, являются начатками феодализации, процесса достаточно жестокого и кровавого, как мы убедились и на этих примерах. Приоритет и «аристократизм» завоевывался не красноречием и выдуманными «иноземными» корнями, а в жесточайшей борьбе. Если борьба претендентов на «предводительство» или «верховодство» увенчивались успехом, то потом уже шли в ход чудесные и сказочно-фантастические предания о якобы чуть ли не божественном происхождении власти того или иного феодала. Но если претенденты не выдерживали борьбы, а для победы или поражения были свои, главным образом экономические, причины, то их просто уничтожали, и в памяти народа они запечатлевались как отвратительные личности с набором черт, не подобающих добропорядочному осетину. Конечно, общественное развитие привело бы в горах Осетии к феодализму, к нему вело развитие производительных сил, но события конца XVIII века (Кучук-Кайнарджийский договор 1774 г., по которому Северная Осетия вошла в состав России) и начала XIX века (в 1801 году Грузия была присоединена к Российской империи) положили конец этому кровавому процессу, и жизнь здесь стала перестраиваться по новым, ранее невиданным формам. Сословные отношения продолжали бытовать еще долго, равно как и аристократические потуги некоторых представителей осетинского общества.

Кроме экономической подоплеки, определенную роль в стремлении обособиться играли такие моменты,

как родство с феодалами, право первопоселенца, регион исхода, т. е. откуда переселилась та или иная фамилия. Как правило, башни в Южной Осетии имели в основном первопоселенцы, т. е. семьи, фамилии или родственные объединения, первыми обосновавшиеся в данной местности. Кроме того, переселившиеся из Куртатинского ущелья гордились своим мнимым аристократизмом. Жители верховьев реки Лиахви на вопрос, являются ли они «урстуальцами», отвечают отрицательно, утверждая, что они «куырттатаг».

Между прочим, «аристократичность» некоторых фамилий в Южной Осетии была не просто словом, но и выражалась довольно конкретно и ощутимо. Например, Шавлоховы требовали калым за своих девиц больше, чем платили сами. А «аристократизм» свой обосновывали тем, что они якобы происходят от кабардинских князей Шаллох. Тага (Тæга) и Курта (Куыртта) – родоначальники тагаурских и куртатинских феодалов; предания считали их армянскими царевичами. К. Хетагуров верно подметил истоки сословной розни. «Постройки в 3-4 этажа, а тем более боевые башни в 6-7 ярусов, принадлежали многочисленному и богатому роду. Хозяева таких замков, естественно, пользовались наибольшим влиянием и почетом. Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создавать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.»[1]

Так что происхождение от кабардинских феодалов и прочих иноземных властителей не более чем выдумка, не имеющая реальной основы.

[1] Хетагуров К. Собр. соч. Т. II. С. 231-232.

Однако стремление выделиться и иметь вес в обществе приводило к тому, что, как отмечал З. Н. Ванеев, «огромное большинство южных осетин относило себя к «уазданским» родам. Важно отметить, что эта масса «благородного происхождения» была занята в производстве, вела хозяйство (земледелие и скотоводство) личным трудом. Следовательно, мы наблюдаем здесь еще раннюю стадию образования классов – сословий, когда свободные люди считаются «благородными» в противопоставление рабам, составляют большинство населения и заняты в производстве, несмотря на наличие рабов. Число последних в Осетии к тому же было невелико. Все же югоосетинские «уазданские» рода большей частью бывали могущественнее «черных» («неблагородных») родов, владели лучшими землями, и «черные» рода нередко испытывали гнет и эксплуатацию с их стороны»[1]. Добавим, что эти «уазданские» рода имели свои башни, служившие им оплотом и символом их привилегированности и силы.

Таким образом, в глазах горных осетин башни были мерилом «аристократичности», а для последующих поколений и для исследователей быта позднесредневековых осетин – материальным воплощением социального и экономического неравенства.

Известия ЮОНИИ. 1988. Вып. XXXII. С. 52-57.

[1] Ванеев З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское днижение в Юго-Осетии в XIX веке. Сталиннр, 1956. С. 11.

«ЦИТЛОСАНИ» ХРОНИКИ КСАНСКИХ ЭРИСТАВОВ

В одном из интереснейших памятников грузинской исторической литературы – «Дзегли эриставта» («Памятник эриставов») приводятся данные о появлении и утверждении династии ксанских эриставов.

Без указания даты памятник повествует: «В эти времена была великая смута в стране осетской и обильно проливалась кровь царей овсов»[1]. Таким образом в Осетии разгорелась борьба за царский престол, во время которой часть претендентов погибла. И далее: «Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели через гору Захскую детей младшего Ростома, Бибилу, Цитлосана и сыновей их с семьюдесятью добрыми рабами и привели в страну двалетскую»[2]. Из пассажа видно, что в жестокой борьбе за царскую корону победу одержали сыновья старшего брата, т.е. по всем монархическим канонам престол занял законный претендент, а сыновья младшего брата вместе с остатками их приверженцев или дружины были изгнаны и бежали из Осетии. (Из дальнейшего повествования не видно, чтобы они предпринимали какие-либо попытки вернуться на родину и захватить трон предков). Переселенцы, или беженцы, перешли Захскую гору, т.е. перевал у с. Закка, близ которого имеется два перевала, ведущие в Закавказье – Рокский и Сбийский. Вероятнее всего был использован Сбийский перевал, так как он ближе к тому месту, где позже разворачиваются события «Памятника» – Двалетии (осет. Урстуалта). Именно в верховьях Большой Лиахви на первое время осели опальные царевичи.

---

[1] Памятник эриставов. Источники по истории Грузии. Вып. 12. Тбилиси: «Мецниереба», 1979. С 21. Далее – Памятник эриставов.

[2] Там же. С. 21.

В «Хронике эриставов» перечисляются царевичи – Ростом, Бибил, Цитлосан (АоЬфлЭ, оооо<™с>, ^осл^пЬ^о). Переводчики и толкователи считают, что братьев было три. Однако при анализе текста появляются сомнения. Нам представляется, что царевичей было не три, а два – Ростом и Бибил. «Цитлосан» (^ооо^опЬобо) же является почетным титулом, так как это слово означает «одетый в красное» или «порфироносный» и относится к имени Бибил, так как следует именно за этим именем[1]. Таким образом, первоначальное перечисление было следующим – «Ростом и Бибил-цитлосан». Запятая между «Бибил» и «Цитлосан» появляется в толкованиях, а в памятнике этот знак препинания вообще не употребляется[2]. «Бибил-цитлосан», видимо, был старшим, а Ростом – младшим. К такому выводу можно прийти, если внимательно прочесть отрывок из текста памятника.

«Тогда собрались все двалы и сказали: «Не хотим иметь царя, сидящим в стране нашей, ибо объест он нас». Они же (царевичи. – Р. Дз.), поклявшись крепко, сказали: «Не будем называться царями, а именем страны той, которую дадите, именем ее и будем называться». Тогда дали страну Бобалетай и назвали их Бибилурами»[3]. Комментаторы текста никак не реагируют на этот пассаж. Во-первых, наблюдается явное невыполнение клятвы, данной царевичами, ибо они обязались называться по имени местности (страны), а стали называться по имени царевича Бибила, т.е. «Бибилури» происходит не от местности «Бобалетай», а от имени «Бибил». Во-вторых, назвали род по имени ца-

[1] Срав шдотАпЬлКп (букв «имеющий белый цвет») белоносный, белоносная – Богоматерь. Примечание 34, сделанное переводчиком и комментатором «Памятника эриставов», С.К. Какабадзе.

[2] Месхиа Ш. Памятник эриставов. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 30. Тбилиси, 1954. С. 328 (на груз. яз.).

[3] Памятник эриставов. С. 21.

ревича, стоящего в списке вторым. У горцев, и у осетин в частности, родственное объединение называли по имени старшего в роду, а не младшего, т.е. по патронимии. Правда, Бибил-цитлосан был не отцом, но по старшинству выполнял функции патриарха. То, что переселенцев назвали Бибилурами, хоть и косвенно, указывает на старшинство Бибила. Что касается упоминания имени Ростом первым, то это, видимо, было сделано угодливыми летописцами, так как хроника была составлена для потомков Ростома, а не Бибила.

Бибил, хоть и был «цитлосан» – «профироносный», в дальнейшем не упоминается в Памятнике, равно как и нет сведений о его потомках. Возможно, что он погиб в борьбе в Цхрадзмисхевском ущелье или же состарился к моменту переселения в верховья Ксани. Во всяком случае в событиях он уже не участвует, что, конечно, неспроста[1].

О том, что братьев было двое, а не трое, в хронике есть как косвенные, так и прямые указания. Приведем эти места памятника.

Узнав, что царевичи развернули широкое строительство крепостей и больших домов, небывалых для той страны, двалы забеспокоились, собрались и сказали: «Видим, с какой целью цари эти осы начали строить, и хотя мы нарекли их Бибилурами, но это имя не скроет род и происхождение их; и через немного времени завладеют всей страной нашей; а мы до того, как у них появятся птенцы и оперятся, изгоним двуглавого змия из утробы нашей»[2]. Нам представляется, что выражение «Двуглавый змий» – это синоним переселенческой колонии во главе с двумя царевичами.

[1] Сохранившиеся фамилии Бибиловы (Бибылтæ), Бибилашвили и Бибилури – потомки выходцев из верховьев р. Малой Лиахви – территории, связанной с деятельностью ксанских эриставов.

[2] Памятник эриставов. С. 21.

И еще одно, уже прямое указание на то, что братьев-царевичей было двое. «Тогда пришел туда Ростом с братом и семьюдесятью рабами»[1].

Д. В. Гвритишвили, видимо, тоже считал, что братьев было двое, так как приводил отрывок из рассматриваемого памятника в таком переводе: «Ростом, Бибила Цитлосан и их сыновья с семьюдесятью рабами…», а в указателе имен – как «цитлосан Бибила», где «цитлосан» можно истолковать как почетное приложение или эпитет[2]. В сообщении Иоанна Багратиони так же говорится о двух персонажах – «Тогда явились предки нынешних эристави из осетинского царства… Пришли два человека, одного звали Бибила, а другого – Рати»[3].

Упоминаемые с царевичами, причем дважды, «семьдесят рабов», надо полагать, были не рабы в обычном смысле, а дружинники; эпитет же «добрые» означал верных, надежных. Следует отметить, что именно при их помощи Ростому удалось одержать победу над груисцами и стать эриставом.

Спорным и невыясненным остается вопрос времени переселения с Северного Кавказа (из «Страны Осетской») царевичей и дружины. То, что это произошло до татаро-монгольского нашествия, т.е. до XIII в., не вызывает разногласий. Упоминаемый в хронике царь Истивиниан отождествлялся Ф. Д. Жордания с византийским императором Юстинианом II (670–711)[4]. С. С. Какабадзе считал невозможным согласиться с подобным именем, «поскольку

[1] Памятник эриставов. С. 22.

[2] Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (сатавадо – сеньории). Тбилиси, 1961. С. 34; 256.

[3] Цитир. по Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. С. 35.

[4] Жордания Ф. Д. Хроники и другие материалы истории и словесность Грузии. II. Тифлис, 1897. С. 1. Прим. I.

нет никаких данных о столь активном и мелочном вмешательстве какого бы то ни было византийского императора во внутренние дела… незначительной провинции горной Грузии»[1].

Очевидно, под именем Истивиниана – Юстиниана скрывается другой правитель, на которого традиция перенесла славу и всемогущества византийского императора. На связь с Византией осетинских царевичей, может быть, указывают какие-то глухие намеки, вроде почетного титула «цитлосани» – «порфироносный», выражение «двуглавый змий» – как византийская государственная символика («двуглавый орел») или намек на христианство, которое было чуждо язычникам двалам[2]. Возможно византийцы сыграли роль в смутах осетинского царства, а изгнанные царевичи были их ставленниками. Во всяком случае в VI-VII вв. интересы Византии активно направлены на Аланию и вмешательство византийских дипломатов и воинских контингентов в дела Кавказа получили достаточное отражение в документах[3].

Следовательно, Истивиниан – Юстиниан упомянут в хронике не случайно.

Для датировки событий нужны более веские факты и

---

[1] Памятник эриставов. С. 14.

[2] Изображения «двуглавого змия» были нередки на церковной орнаментике. Напр., на фрагментах церкви в с. Надарбаз в Джавском районе Южной Осетии. См. наш отчет за 1970 г. Приложение, рис. 41.

[3] Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 53-63. См. также: Сведения о посольстве Зимарха к аланам; Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой / Пер. С. Дестунеса. СПб., 1861; Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский временник. Т. I (XXVI). М., 1947. С. 184-214.

данные. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством археологического материала, который позволил бы четко датировать время переселения потомков осетинских царей в Закавказье, но некоторый материал имеется.

На основе приведенных за последние годы в верховьях реки Большой Лиахви археологических раскопок установлено, что здесь у с. Едыс находилось средневековое городище, известное у местного населения под названием «Царциаты калак» – т.е. «город царциатов». Не останавливаясь на содержании термина «царциата», отметим, что это компактно расположенное городище состоит из более 90 домов, не свойственных для горного Кавказа по размерам и строительной технике. Сохранившиеся стены сложены из крупных, частично из обработанных туфовых камней (андезито-дациты) без извести. Площадь интерьера – до 100 м^2. В 1965 году было раскопано два дома, каждый из которых состоял «из жилой комнаты, мастерской и погреба… В углах раскопанных домов (в одном – правом, в другом – левом) выявлены большие печи – очаги, сложенные из камней, затем засыпанные туфовым щебнем и обмазанные глиной»[1].

По основополагающим признакам раскопанные дома сближаются с позднесредневековыми жилыми сооружениями осетин, балкарцев и карачаевцев. Эти сходные признаки – расположение домов на солнечной стороне горного склона в непосредственной близости от воды и скотопрогонных троп, однокамерность, квадратные пропорции плана, «врезанность» задних стен в склоны горы[2].

Кроме домов, на городище «Царциаты калак» было

[1] Техов Б. В. Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти. С. 20.

[2] Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 9.

расчищено и раскопано два оборонительных сооружения: одно с прямоугольным основанием на вершине холма[1], а другое среди жилых построек на склоне горы; оно представляло собой башню с округлой спинкой[2]. Обе башни имеют мощные цоколи, что отличает их от позднесредневековых башен. В 1,5-2 км от городища расположена крепость «Зылды-мæсыг», сложенная из таких же камней и по той же технологии, что и сооружения «городища царциатов» и, надо думать, одновременно с ними[3].

Е.Г. Пчелина считала, что «крепость («зылды-мæсыг» – Р. Дз.) является памятником неудачной попытки членов сильного рода Сидамоновых из Уалагирского ущелья осесть феодалами среди осетинских родов на территории Двалетии» и относила это событие к VI в.[4]

Описанные «циклопические» постройки являются как бы иллюстрацией к «Хронике эриставов», где говорится: «И начали (Бибилури) строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетском»[5]. Бибилури, после изгания из Двалетии, не оставили своего пристрастия к строительству, ибо и в Квенипневи «…начали строительство крепости и домов огромных»[6]. «Городище царциатов» датируется пока неудовлетворительно. Датировка основана на керамике, которая может быть более поздней и на одной бусине, найденной в погребении и от-

[1] Отчет Едысского отряда ЮОАЭ за 1981 г. С. 10.

[2] Отчет Едысского отряда ЮОАЭ за 1982 г. С. 17-18.

[3] Пчелина Е.Г. Крепость «Зильдемашиг» // Советская этнография. 1934. №5. С. 88-92.

[4] Там же. С. 94.

[5] Памятник эриставов. С. 21.

[6] Памятник эриставов. С. 23. Следует отметить, что в Квенипневи больших домов и крепостей нет.

носимой к XI-XII вв.[1] Верхняя дата городища определяется керамикой и следами пожарища, связываемого с разрушительным нашествием на Двалетию ксанских эриставов в XIII-XIV вв. Как повествует «Хроника эриставов», войска ксанского эристава Шалвы «…сожгли и опустошили все хеви Двалетские, и сокрушили и разрушили все крепости от Трусо да Ачабети»[2].

На царциатском городище был обнаружен ранний средневековый могильник с коллективными захоронениями. Судя по тексту памятника, царевичи с дружиной оставались в Двалетии достаточное время, за которое они построили дома (надо полагать, для каждой семьи, т.е. более 70) и крепости, причем и то, и другое небывало больших размеров. Так что кратковременное пребывание царевичей и дружины в верховьях Большой Лиахви исключается. За это время новоселы могли погибать в стычках, под лавинами, а то и просто умирать, и потому образовалось кладбище, которое было обнаружено нами во время полевого сезона 1981 г.

Выразительный погребальный инвентарь, состоящий из украшений, деталей одежды и поясного набора, керамических сосудов и сасанидских монет, позволяют датировать могильник концом VI – началом VII в.[3] Многочисленные аналогии предметам погребального инвентаря, погребальный набор и наличие деформированных черепов дают возможность отнести могильник к аланскому, т. е. раннеосетинскому этносу. Относительная кратковременность бытования могильника, небольшое количество

[1] Техов Б. В. Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти. С. 21.

[2] Памятник эриставов. С. 25.

[3] Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс // СА. 1986. №2. С. 208; его же. К проблеме алан в Закавказье // Тезисы XVI Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1986.

погребений (на обширной территории только 14 могил), этническая принадлежность (аланы-осетины) и датировка (конец VI – начало VII в.) – дают возможность говорить о пребывании в верховьях Лиахви, или в верхней Двалетии, по грузинской географической номенклатуре, бежавших из Осетии отпрысков осетинского царского дома.

Что касается версии осетинского происхождения ксанских эриставов, то она получает дополнительное подтверждение вышеизложенным, и скептическое отношение к ней вряд ли обоснованно[1], тем более что факты оседания иноплеменных дружин в соседней стране были нередки в истории.

Известия ЮОНИИ. 1990. Вып. XXXIII. С. 43-47.

[1] Думбадзе М.К., Ломинадзе Б. Р., Лордкипанидзе М. Д. К истории нагорной Картли в V-XVII веках // Особенности социально-экономического развития феодальной Грузии. Тбилиси, 1983 (на груз. и русск. языках).

УКРАШЕНИЯ ИЗ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (СЕРЬГИ)

Появившись в древности, украшения, как категория предметов, включают два этапа функциональности. Первый – это их изготовление, куда входит поиск и подбор исходного материала, технические приемы выработки изделия, и второй – их ношение, назначение, роль и т. д., что обусловливалось отношением к украшениям как к предметам религиозно-эстетического характера. Вероятно, первоначально предметы, называемые нами украшениями, были сугубо культовыми с охранительно-апотропейными функциями, т.е. оберегами, предназначеннымы для защиты от всяких бед, невзгод и несчастий, подстерегавших человека на каждом шагу.

Из предметов культового назначения, надолго сохранив эту свою первоначальную функцию, украшения постепенно становятся предметами эстетики, изготовление которых вылилось в целую отрасль ремесленного производства, а в новейшее время – в развитую промышленность. Практически человечество для изготовления украшений не пренебрегало ни одним из окружающих его материалов, т.е. исходным материалом никогда себя не ограничивало. Правда, по известным причинам, предпочтение отдавалось долговечным материалам, включая, разумеется, и драгоценные. Что касается материалов – самоцветов и пр., то их добыча и использование долгое время были связаны исключительно с индустрией украшений.

Все виды технологии обработки материалов так или иначе использовались в процессе изготовления украшений, так что на предметах украшения, точно так же, как и на орудиях труда и оружии, можно проследить историю развития материальной культуры. Почти все рассматри-

ваемые серьги добыты нами в период полевых сезонов раскопок, начиная с 1966 г. Но нами использованы и случайные находки, а также предметы из сборов В.И. Долбежева (ГИМ).

Найденные нами серьги условно можно разделить на четыре типа с подтипами и видами.

Тип I. Подтип «А». Во время раскопок в 1986 г. могильника у с. Кугом (ущелье р. Сбадон) в каменном ящике №17 среди прочего инвентаря была обнаружена пара серег (табл. 1, 1). Сохранность серег была хорошей, и после очистки их в лаборатории Института археологии АН СССР они явили собой прекрасный образец ювелирного искусства. Высота корпуса – 18,8 мм, диаметр колечка – 17,7 мм, высота колонок – 7,6 мм. Грушевидная форма осложнена слабыми вертикальными каннелюрами, кольцевыми вдавлинами на перехвате. К мочке уха серьга крепилась посредством незамкнутого колечка из проволоки круглого сечения, соединенного при помощи петли, укрепленной на верхушке корпуса серьги, и двух петелек на корпусе кольца. Сквозь петельки продета ось, на которой свободно висит серьга. На корпусе серьги припаяны три вертикальные петли, в которые вдеты колечки, а на колечки привешены небольшие колонки с петлей, утолщением под ним и «гирькой» на нижнем конце. Корпус серьги спаян из двух частей, изнутри он полный, в нижней части имеется круглое отверстие. Для этого вида украшений мастером-ювелиром был использован целый ряд технологических приемов: для изготовления колечка – волочение, для укрепления петелек – ковка и пайка, для изготовления корпуса серьги – прокатка (чтобы получить тонкий лист серебра), штамповка (чтобы получить сферические формы желобков – каннелюр). Колонки изготовлены, судя по ценности и идентичности, техникой отливки, а отверстие – сверлением. Надо отметить и полировку предметов.

Тщательность обработки предполагает высокую степень мастерства, достигаемую развитием навыков, традиционностью и прочими условиями.

Подтип «Б». Серьга из низкопробного серебра, весьма близкая по типу к описанной, была обнаружена в Челиатском ущелье в склепе у поселения Мæхъитæ (табл. I, II). От колечка для продевания в мочку уха сохранился только участок с петельками для соединения с корпусом. Корпус – грушевидной формы без каннелюр и кольцевых желобков на шейке. На корпусе в отличие от предыдущих – четыре петельки с колечками (колонок сохранилось только две). Кроме того, вместо отверстия в нижней части корпуса припаян шарик. Корпус полый и, по-видимому, спаян из двух частей по вертикальной оси. Общая высота с колонками 36,2 мм. Серьги этих типов имеют ближайшие аналоги в материалах из Северной Осетии. Близкие типы обнаружены там в могильнике с. Махческ (табл. III. 10. II)[1]. Разница состоит только в форме корпуса. Махческие экземпляры имеют несколько иные корпуса – один из них с вырезами, а другой – в виде четырехгранной пирамидки, а также незамкнутые колечки для продевания в мочках уха идентичные. Мелкие литые колонки с колечками на серьгах других типов также обнаружены в Северной Осетии – в Лизгорском и Махческом могильниках (табл. II, 4, 6, 7, 12, 15, 16)[2]. Серьги из североосетинских могильников, опубликованные П. С. Уваровой, зачастую не паспортизированы, ибо многие из них приобретены у местного населения. Так что трудно сказать: из склепов ли они или из каменных ящиков, что весьма существенно для датировки. Однако ряд предметов, в данном случае серьги, добыты в склепах, а потому их датировка определяется XVII-XVIII вв. Следова-

[1] МАК VIII. Табл. CVII, 26, 27.

[2] МАК VIII, I. XXXII, 2, 3, 7; VII, 22, 24, 29.

тельно и серьги, найденные нами в Кугомском могильнике и в Челиатском (Мæхъитæ) склепе, также должны быть датированы XVII-XVIII вв. Суммарность датировки вызвана перемешанностью содержания склепов, когда статиграфия нарушена и невозможно относить к определенному слою тот или иной предмет.

Тип II. Серебряные серьги в виде незамкнутого кольца с припаянными пирамидками из зерни обнаружены в каменных ящиках Кугом (погр. 19), Едыс «царциата» и Гарнайы сæрмæ. Всего три пары. Одна пара происходит из сборов В.И. Долбежева[1]. Диаметр кольца 24-47 мм, кольцо проволочное. Пирамидки из зерни (шариков) припаяны в нижней части кольца – 3-3 пирамидки снаружи, одна изнутри.

Количество шариков в пирамидках разное – 3, 6, 10, 26. Пирамидки расположены симметрично. 1-й вариант: снаружи по краям две трехчастные, посередине шестичастные, а изнутри опять одна трехчастная, 2-й вариант: снаружи по краям две трехчастные пирамидки, посередине шестичастная, 3-й вариант – по краям снаружи две шестичастные пирамидки, посередине трехчастная, а изнутри, посередине, шестичастная, 4-й вариант: две трехчастные пирамидки снаружи и одна такая же изнутри (табл. №1; 9, 9а, 10, 10а, 11, 11а). Аналогии этим серьгам обнаружены пока только в склепах Ингушетии (табл. 11, 20-22)[2]. Но склепы Ингушетии датируются исследователями XIV-XVII вв. Подобная широкая датировка для склепов Юж-

[1] Отчет археологической комиссии за 1886 г. С. 125-126. Предметы хранятся в ГИМе. Инв. №25196 «в». На планшете ГИМа эти предметы названы кольцами от ремней, но в Кугомском могильнике и Едыс (Гарнайы сæрмæ) они найдены по обеим сторонам черепа, так что они, по всей вероятности, являются серьгами.

[2] Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. Рис. 33/13, 14.

ной Осетии вряд ли подходит, так как обнаруживаемый в них инвентарь более позднего времени, а именно XVI-XIX вв. Поэтому серьги с имитацией грозди, т. е. припаянными в виде пирамидок шариками, и в ингушских склепах должны быть отнесены к позднему этапу их утилизации. Видимо, поэтому Е. И. Крупнов поместил подобные серьги в конце топологической таблицы, на которую мы ссылаемся. Имитация «грозди» на серьгах и височных подвесках имеет древнюю традицию, восходящую к античному времени. Однако древние вычурные формы в виде многогранной объемной пирамидки постепенно превратились в простейшую форму, которую мы и рассматриваем. К промежуточным звеньям можно, по-видимому, отнести серьги XIII-XIV вв. «в виде знака вопроса» с напаянными на свисающем стерженьке одного, четырьмя и более шариками, обнаруживаемыми в каменных ящиках и склепах Северной Осетии и Ингушетии[1]. Но в материалах поздне-средневековых памятников Северной Осетии серьги рассматриваемого типа, т.е. имитацией грозди на незамкнутом кольце, не зафиксированы. Однако, как мы увидим ниже, все типы серег, обнаруживаемые в могильниках Южной Осетии, имеют ближайшие аналоги в Северной Осетии, поэтому можно считать, что и этот тип серег не является специфическим для югоосетинских могильников и попадает на юг с Северного Кавказа. Для Ингушетии этот тип серег так же неспецифичен, и тем более их мало – 3 экземпляра всего.

Тип III. Подтип «А». В погр. №8 могильника Есетæ была обнаружена бронзовая **серьга** с ажурным прорезным корпусом и четырьмя колонками в виде бубенцов. В верхней части поперечно укрепленная петля соединяется посредством штифта с двумя петельками, припаянными к незам-

[1] Там же. С. 89.

кнутому кольцу из проволоки круглого сечения. Общая высота – 58 мм, диаметр кольца – 24 мм; высота корпуса серьги – 32 мм.

Серьга вырезана из плоского листа. Форма – полуовал, нижний край – горизонтальная линия, от которой отходят вниз колонки – «бубенцы» Причем «бубенцы» значительно массивнее. Нижние окончания корпуса имеют незначительные выступы. Корпус украшен четырьмя симметрично расположенными вырезами и линейной гравировкой между ними. Причем гравировка только на одной стороне, видимо, «лицевой» (табл 1, 14). Аналогия ему обнаружена в Северной Осетии (Махческ)[1], но у той не сохранилось колечко для подвешивания (табл. II, 14).

Подтип «Б». Бронзовые серьги с плоским корпусом и неподвижными колонками-бубенцами, аналогичными предыдущему, но более значительных размеров и без колец для подвешивания «утеряны, не сохранились», найдены в погр. №5 могильника Есетæ (с. Рук – 2 экземпляра и один у Долбежева). Первые две серьги составляют пару, они идентичны друг другу. На плоскости корпуса два почковидных выреза. Поверхность корпуса украшена линейной гравировкой по краям и косыми штрихами, а в серединной части и в двух нижних окончаниях корпуса просверлены отверстия в трех местах. Бубенцы-колонки, утолщенные и цельно отлитые вместе с корпусом (табл. №1, 16, 8а), на долбежевском экземпляре (найден в с. Едис также в каменном ящике) – два полуокружных отверстия и овальное отверстие между ними. Кроме того, у нижней кромки корпуса три равно удаленные друг от друга просверлины и косая насечка по выпуклой кромке, переходящей в утолщенные колонки-бубенцы (табл. I, 7). Почти полной аналогией служит серьга из Даргавса, найденная

[1] МАК VIII. Табл. BVII, 30.

В. Х. Тменовым (табл. II, 18).

Подтип «В». Плоские серебряные серьги с почковидными вырезами на корпусе, с двумя отверстиями в нижней части по краям и пятью плоскими имитациями колонок-бубенцов (два экземпляра, составляющие пару) найдены нами в погребении №2 Челиатского могильника (с. Дзугатæ)[1]. На корпусе серег нанесена пуансонная гравировка по краям изделия, прорезов, отверстий и на плоских колонках (таб. I, 15). Подтип «В» из-за упрощенности оформления колонок, надо полагать, более поздний, но в целом, видимо, все подтипы этого типа довольно близки друг другу и вряд ли сильно разнятся во времени. Условно их тоже следует отнести к XVII-XVIII вв. Общим для них является плоский корпус, перпендикулярно повернутая к корпусу припаянная петля сверху, прорези на корпусе, конфигурация колонок. Роднит их и общность места находки: погребения в каменных ящиках.

Плоские серьги имеют аналогии в североосетинских могильниках, правда, те более мелки и изящны, кроме того, колонки у них не цельнолитые, а подвешены к петлям на колечках (табл. II, 7, 12, 15, 16)[2]. Но найдены они были не в каменных ящиках, а в склепах с. Махческ. П. С. Уварова тоже их не датировала, хотя считала их очень поздними, во всяком случае, намного позднее XIV в.[3]

Тип IV. Подтип «А». Серьги из низкопробного серебра подтреугольной конфигурации со специфической формой прикрепления к незамкнутому колечку из круглой проволоки почти не повторяют друг друга, за исключением пар, хотя и близки по общей конфигурации. Незначительная, но все же заметная разница в деталях и приемах

[1] Могильник был расположен на берегу реки Челиат-дон и на следующий год после раскопок (1967) был снесен весенним паводком.

[2] МАК VIII. Табл. CVII. 22, 24, 25. 29.

[3] МАК VIII. С. 268-269.

изготовления, орнаментации в размерах в совокупности представляет собой замечательные образцы ювелирного искусства, не замыкающегося в канонических формах, а дающего простор в подборе деталей и прочих индивидуальных особенностей. В этом подтипе мы выделяем семь видов.

Вид «а». Серебряные серьги подтреугольной формы обнаружены в Челиатском склепе (Дзукъатæ). Корпус спаян из двух идентичных частей. Спай украшен двухрядной сканью по всему периметру. Верхняя зауженная часть украшена горизонтальным рядом рельефных полос, нижняя, расширяющаяся часть, украшена сверху вниз веером, расширяющихся рельефных фигур. Эта простейшая орнаментация сделана способом тиснения тонких листов серебра, из которого изготовлен корпус серьги. К основанию корпуса припаяны четыре петли, к которым подвешены, посредством промежуточного колечка, дутые колонки, составленные из конических трубочек и полых же шариков, последние спаяны из двух полусфер по горизонтали. В верхней части корпуса имеется петля, которая штифтом подвижно крепится в полусфере, внутри которой находится штифт. К верхней округлой части полусферы припаяно незамкнутое кольцо, которое и продевалось в мочку уха. Общая высота серег – 114 мм, кольцо – 28 мм, высота полусферы на кольце – 8 мм, корпус без верхней петельки – 61 мм, колонка с колечком – 33 мм (корпус серег дутый). Две крайние колонки имеют на полых шарах вырезы в нижней части, как у бубенчиков. Между петельками у основания корпуса продета нитка темно-красного цвета (табл. I, 3) Такие серьги впервые описала П. С. Уварова, назвав их «серьгами нового типа». В Северной Осетии подобные серьги найдены в склепах

(Лизгор, Даргавс)[1].

Вид «б». Серебряные серьги, аналогичные предыдущим, найдены в каменном ящике №9 Рукского могильника (Есетæ). Отличаются от предыдущих оформлением нижней части корпуса. Здесь рельефные полосы расходятся от нижней кромки в разные стороны, а в просвете между ними напаяна петля из двухрядной ткани. Повторяется интересная деталь – полые шарики на концах крайних колонок имеют снизу вырезы как на бубенчиках (табл. I, 4).

Вид «в». Серебряные серьги с полым корпусом аналогичны предыдущим, но с несколькими отличительными чертами. Оформление корпуса (в верхней зауженной части рельефные ряды полос) не горизонтальное, а в «елочку», в нижней части, в просвете между веерообразными рельефными полосами, тисненая (изнутри) петлеобразная фигура. Кроме того, шарики на крайних колонках не имеют вырезов. Найдены эти серьги в склепе с. Мæхъитæ в Челиатском ущелье. Верхние части с петлей и скрепляющим устройством с несомкнутым кольцом утеряны (табл. I, 5).

Вид «г». Серебряные серьги из того же склепа и аналогичные предыдущим, но с гладким просветом между веерообразными рельефными полосами. Крайние шарики на колонках имеют в нижней части вырезы. Кроме того, корпус более напоминает грушевидную форму из-за суженности верхней части (табл. I, 6).

Вид «д». Серебряные серьги, аналогичные виду «а» подтипа «А», но меньших размеров. Общая высота с колечками и колонками – 93,5 мм. А в основном, вплоть до оформления корпуса, подобны указанным серьгам (табл. I, 13). Найдены в каменном ящике №2 Рукского могильника

[1] МАК VIII. Табл. I, XXXII, I, IV, 15; Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. Рис. 26; 1-2.

(Есетæ).

Вид «е». Серебряные серьги, найденные в каменном ящике №8 Рукского могильника (Есетæ), отличаются от предыдущих серег оформлением корпуса. Между веерообразными изогнутыми рельефными полосами выдавлена изнутри округлая фигура, шарики на колонках не имеют вырезов. Высота серег вместе с кольцами и колонками – 107 мм (табл. I, 19). Подобная серьга найдена В. И. Долбежевым в с. Ерман (табл. I, 8).

Вид «ж». В Челиатском ущелье у с. Дзукъатæ в склепе под горой найдены серьги, подобные виду «е», но с оформлением корпуса в виде кружочка и рельефной точкой между просветами от дугообразных широких полос. Кольцо для продевания в мочку уха не сохранилось, так же как и колечки для подвешивания колонок. Колонки, в отличие от прочих, – крупные, высота колонок 32 мм (табл. I, 20).

Подтип «Б». Этот подтип представлен двумя видами:

Вид «а». Серебряные серьги с ровными треугольными корпусами, найдены в склепе у с. Мæхъитæ. Поверхность корпуса трехгранная. На центральной грани длинная сканная петля. Кольцо и полусферические детали крепления не сохранились (остался только штифчик). Шарики на колонках без вырезов. Корпус, кроме сканной пайки, гладкий. Высота с колонками – 67 мм (табл. I, 17). Аналогичная серьга, но с шестью колонками (три пары), была найдена в Даргавских склепах П. С. Уваровой (табл. II, 3)[1].

Вид «б». В том же склепе (Мæхъитæ, Челиатское ущелье) была найдена серьга такого же облика, т.е. с треугольным корпусом и трехгранной поверхностью. Корпус украшен продольной полосой с косой насечкой и выпуклыми полосами в два ряда «елочкой». Кольцо для продевания в

[1] МАК VIII. Табл. I, IV, 15.

мочку уха не сохранилось. Высота корпуса с колонками – 72 мм (табл. I, 18).

Подтип «В». Серебряные серьги с подтреугольным корпусом, но с несколько выпуклыми боками треугольника. Найдены в погр. №13 Рукского могильника (Есетæ). Корпус украшен рельефными полосами в виде сходящихся дуг. В центре – петлеобразная рельефная петля. Колонки, в отличие от остальных дутых, – цельнолитые, прикрепленные к петлям основания посредством колечек. В остальном, вплоть до скани на боковых острых гранях и оформления крепления к кольцу идентичны всем предыдущим серьгам IV типа. Высота серег с колонками и кольцом – 93 мм (табл. I, 13).

Весь IV тип серег очень цельный и компактный. Как было показано, различия незначительны, но, тем не менее, они могут быть рассмотрены как подтипы и виды. Эти различия при дальнейшей детализации и исследовании, возможно, укажут на какие-то излюбленные методы мастеров-ювелиров. Во всяком случае, индивидуальность каждой пары серег говорит о сугубо ремесленном, а не массовом производстве однотипных предметов.

В процессе изготовления серег мастера-ювелиры пользовались следующими технологическими приемами: для получения тонких листов серебра – прокаткой, для приготовления проволоки – волочением, для соединения частей – пайкой, шарнирным скреплением, клепкой, для цельных предметов – литьем и ковкой, для полых – дутьем, штамповкой – тиснением; широко использована также скань – напаивание витой проволоки и «зернь» – украшения в виде шариков, правда, преимущественно ложная «зернь», т.е. изготовление шариков отливкой вместе с предметом.

Достаточно высокий уровень технологических приемов, изящество, а также разнообразие форм изделий го-

ворит о степени мастерства ювелиров.

Распространенность предметов на территории позднесредневековой Осетии квалифицируется как местное производство (Северная Осетия) с распространением как на Юг (Южная Осетия), так и на Восток (Ингушетия).

Распространенность предметов (в количественном отношении), возможно, говорит о доступности изделий или же о нескольких центрах изготовления предметов.

Важным моментом является датировка материала по ряду категорий предметов из склепов (ткани, самшитовые гребни, наперстки, ножи, бритвы, глиняные сосуды, стеклянные бутылки и пр.). Сами склепы (Даргавсский могильник) датируются XVI-XIX вв.[1] Этим же временем датируются серьги из склепов и каменных ящиков из Южной Осетии.

Идентичность серег, найденных в каменных ящиках и склепах, говорит о синхронности памятников, что, возможно, отражает социальную неоднородность осетинского общества[2].

Известия ЮОНИИ. 1990. Вып. XXXIV. С. 99-104.

[1] Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. С. 138-139.

[2] История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе, 1987. С. 164.

Иллюстрации к статье Дзаттиаты Р. Г.
«Украшения из позднесредневековых памятников Южной Осетии»

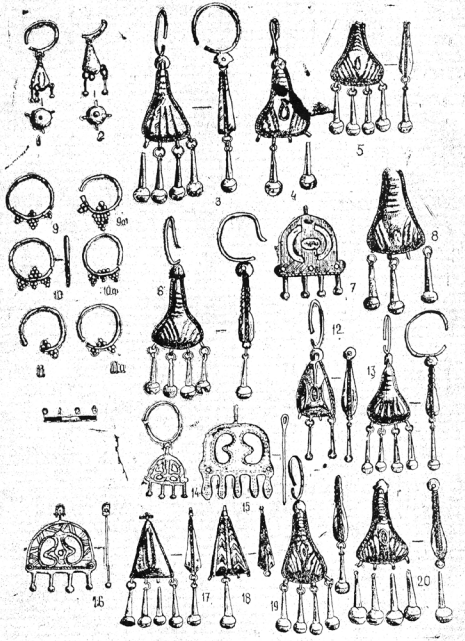


Табл. I. Серьги из позднесредневековых могильников Южной Осетии.

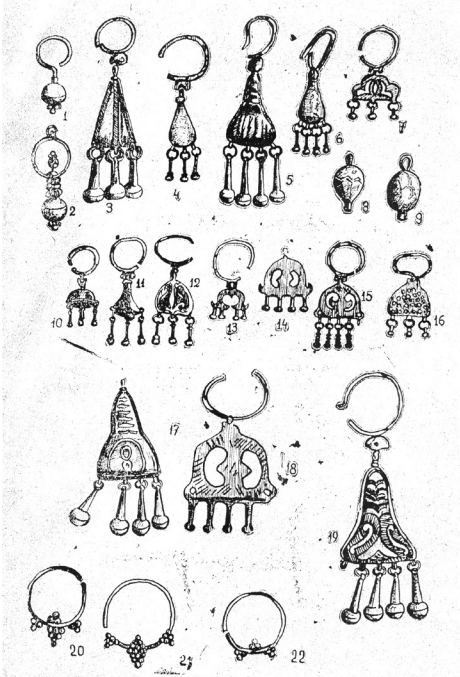


Табл. II. Серьги из позднесредневековых памятников Северного Кавказа (по П. С. Уваровой, Е. И. Крупнову, В. Х. Тменову).

ТЫРЫСА – НАЦИОН УАЗНЫСАН (СИМВОЛ)

Нæ абоны бонмæ цы рагон уазнысæнттæ æрирвæзт, уыдонæй иу у тырыса. Бирæ адæмтæн тырыса у иудзинад, фидардзинады, хæстон хъазуатондзинады уазнысан æмæ ахъаз у канд патриотизм æрбиноныг кæнынæн нæ, фæлæ ма ноджы бирæ æвæрццаг миниуджытæн.

Уæдæ адæмы хиæмбарынады рæзты тырысайæн ис стыр нысаниуæг. Уымæ гæсгæ нæ ныры ирон æртæгъуызон тырысайæн дæр ис стыр нысаниуæг. Иуæй-иутæм ирон æртæгъуызон тырыса фæзынын кодта цавæрдæр æнæууæнкдзинад, нæ йæ бамбæрстой æмæ сæ азымы дарæм, уый раст нæу, уымæн æмæ нæ ацы тырыса дæргъвæтин рæстæджы дæргъы бирæ аххосæгтæм гæсгæ уыди рохуаты.

Нæ тырыса ахæим кæй у, уый бынтон растыл банымадтой амæйразмæйы мыхуыргонд æрмæджытæ. Зындгонд историк Гаглойты Юри ацы æртæ хуызы – урс, сырх æмæ бур – бæтты скифаг, Нарты кадджытæ æмæ рагон ирон дзыллæты æртæфункцион, кæнæ æртæдихон цардæвæрдимæ. Нартæ æртæ дихы куыд уыдысты (ома Æхсæртæгкатæ, Алæгатæ æмæ Борæтæ), афтæ дих уыдысты скифтæ дæр: сæ иутæ – хæстонтæ (паралатæ), иннæтæ – дины кусджытæ (афхатæ) æмæ æртыккæгтæ – зæхкусджытæ æмæ фосдарджытæ. Ир дæр уыдысты, таурæгътæм гæсгæ, æртæ стыр мыггагæй конд: Цæразонтæ (науæд Æгъуызатæ), Къусæгонтæ æмæ Сидамонтæ. Нартæ, скифтæ æмæ ирмæ дæр фыццæгтæ уыдысты хæстон хъуыддагыл хæст, дыккæгтæ дины æмæ алы зæнджын хъуыддæгтæм æмхиц, æмæ æртыккæгтæ та мулк, бæркад æмæ фарнимæ баст. Уымæ гæсгæ сæ нысæнттæ уыдысты сырх, урс æмæ бур (науæд сыгъзæрин) хуызтæ. Бæстондæр кæс Гаглойты Юрийы уацы («Ирон адæмы национ символтæ» ГАЗЕТ «Советон Ирыстон» 1989 азы 7-æм июнь).

Уымæй размæ, тырысайæн цы нысаниуæг ис ирон адæмы фæтк æмæ æгъдæутты, ууыл цымыдисон куыст рауагъта Уарзиаты Вилен. Уый æрæмбырд кодта, алантæ æмæ ирæттæм тырысайæн цы нысаниуæг уыд хæстон хъуыддаджы, уыцы хъæздыг æрмæг. Зæгъæм, антикон фыссæг Арриан-мæ (133 аз) йæ куысты «Тактикæ»-йы, зæгъгæ, бафæрсæн ис: «Скифаг æфсæддон нысæнттæ сты кæфхъуындартæ. Уыдон конд сты даргъ хъилтыл. Бахуыйынц сæ хуызджын хæцъилтæй. Уымæй дæр сæ сæртæ æмæ буар суанг къæдзилты онг вæййынц калмы хуызæн, куыд гæнæн ис, афтæ тасæфтауæгдæр. Æрхъуыдыйы мидис у ахæм, æмæ бæхтæ сабыр куы фæлæууынц, уæд зынынц æрмæст, бынмæ чи æрзæбул ис, ахæм алыгъуызон хæцъилтæ. Фæлæ куы фезмæлынц, уæд дымгæйæ афтæ ныддымсынц, æмæ тынг свæййынц уыцы цæрæгойты хуызæн – ома (кæфхъуындарты) æмæ цырд змæлды рæстæджы се ’хсæн цы тыхджын дымгæ фæдымы, уый фæрцы кæнынц æхситт дæр. Ацы быдыргътæ сæ хуызæй канд æхцондзинад нæ хæссынц, канд тас не ’фтауынц, фæлæ мА пайда сты размæбырсыны рæстæджы дæр.

В. Б. Ковалевская йæ чиныджы «Кавказ æмæ алантæ» спайда кодта Мовсес Хоренацийы «Сомихы историйæ» иу авд скъуыддзагæй, цыран дзырд цæуы аланты кæфхъуындаргъуыз тырысатыл. «Раст цыма уадтымыгъ сыстад хъæды æмæ бæлæсты сыфтæртæ скъæфы, уыйау нæ лæппутæ дæр уæлбæхæй сæ æрцытыл фелвасынц знæгты. Зæрин æмæ æвзист хæцæнгарз. Ахæм фæлыст сты сæ бæхтæ дæр. Раст цыма сæ разы сис амад ис. Бирæтæ дзы уыдысты гæрз æмæ æрчъиагæйæхгæд дзаумайы, фидар къæдзæхы хуызæн, сæ сæртыл фæйлыдтой бæрцытæ, тар хъæды бæласы сыфтæртау. Тырысатыл пæр-пæр кодтой кæфхъуындарты тæссаг хæлиу дзыхтæ, дымгæ-иу сæ ноджы ныддымсын кодта, афтæмæй».

Ахæм хуызы тырыса ирмæ нæ баззад, фæлæ иры сыхæгтæ – суантæм уый хуызæн цыдæр ахæм ис. Хонынц

æй Леми. Зындгонд гуырдзиаг ахуыргонд этнограф Бардавелидзе Верæ уыцы Леми-тырыса ныв кæны афтæ: «Хуыд у бур зæлдаг хъуымацæй æмæ у цæрæгойы хуызæн. Куы нæ йæ нызмæлын кæнай, уæд хъилыл ауыгъдæй лæууы ницыгъуыз гæппæлтæй æмæ цæугæ-цæуын та байдзаг вæййы уæлдæфæй, адымсы æмæ цæрæгойы хуыз райсы. Уый ма бахаxх кодта æвдисæнæн Тревер Камиллæйы ныхæстæ, ацы тырыса Леми кæфхъуындаргъуыз штандарттæм кæй хауы, уый тыххæй уыдон та бæрæггонд уыдысты дыккæгæм æнусы парфийæгтæм, скифтæм, сарматтæм, дактæм æмæ æртыккæгæм æнусæй та – ромæгтæм. Уыдон та сæ райстой, уæлдæр кæй ранымадтам, уыцы адæмтæй. Сасанидты паддзæхтæ та сæ парфиæгтæй æрбайстой. Дарддæр ма Бардавелидзе Я. Смирновы ныхæстæм гæсгæ фыссы: «Уый йеддæмæ ма ахæм штандарттæ (ома хæстон тырысатæ) уыди Византийы æмæ Хурныгуылæн Европæйы астæуккаг æнусты. Иудзырдæй, цæрæгойгъуыз тырысатæ рагзаманты диссаг нæ уыдысты, хæстон хъуыддаг хорз чи зыдта æмæ хорз æфсад кæмæ уыд, уыцы адæмтæм æмæ куынæ хъуыдаиккой, уæд кæрæдзи нæ фæзмыдтаиккой ацы хъуыддаджы.

Суантæ дæр ацы тырыса кæмæйдæр кæй райстой, ууыл дзурæг у мæнæ ахæм цæвиттон дæр. Бардавелидзе банысан кодта: «Тырыса Леми куыд фæзындис, уыцы таурæгътæ æз Суанеты цалдæр хуызы бафиппайдтон. Сæ иу тынг хъыг фæкаст мæ суайнаг таурæгъгæнджытæм, сзыгъуыммæ, дам, кодтат таурæгъ. Таурæгъы дзырдæуы: Лем-тырыса байстæуыд тæтæрæй, тохы куы басастысты æмæ Суанетæй куы лыгъдысты, уæд. Дыккагмæ гæсгæ та йæ бахуыдта Тамар-паддзах йæхæдæг æмæ йæ нысангарзæн схæлар кодта Сети Аджыгърагъæн (дзуар у) æмæ æртыккагмæ гæсгæ та тырыса суайнæгтæн сфыццаг кодта Ламария-маддзинады, тыллæджы, уæлдайдæр та хорылаудæг сылгоймаг бардуаг. Ома Леми-тырыса Тамар паддзах

йæхæдæг бахуыдтаид, уый ницы уырнинаг у. Мæнæ нæхи таурæгъы Ирыстоны иуæй-иу дзуæрттæ æмæ аргъуантæ цыма Тамар паддзах сарæзта, раст уыдоны хуызæн у суайнаг таурæгъ дæр. Æвæццæган-иу таурæгъгæнджытæ Тамар паддзахы ном фырбуцæн загътой (фæлæ, чи зоны, суайнаг таурæгъ бæрæг кæны Леми-тырысайы фæзынд суантæм Тамар паддзахы рæстæджы).

Бынтон архаикон æмæ аргъаугонд æндæвдад ис иннæ суайнаг таурæгъæн, цыран дзырдæуы, цыма суантæм Леми-тырыса мифологон, ома æрымысæггаг фæлгонц бардуаг-Ламария сфыццаг кодта. Науæд дзы кæрæдзийыл ницы бады, иуæрдыгæй цыма Леми-тырыса хæстон хъуыддаджы дзаума у, иннæрдыгæй та маддзинад, тыллæг æмæ хоры бардуаджы лæвар.

Ацы таурæгътæй нæ бон у райсæм иу хатдзæг: Леми-тырыса суантæм кæцæйдæр æрбахауд, сæхæдæг æй нæ сарæзтой. Лæмбынæгдæр ма æркæсæм, Леми-тырыса тæтæрæй ист кæй æрцыд, уыцы таурæгъмæ. Цымыдисон у Бардавелидзе Верæйæн йæхи ахаст таурæгъмæ. Фыццаджыдæр уый, æмæ йæ иннæты разæй кæй æрфыста, дыккаджы та ныхас «тæтæр» дыкъæдзгуыты æвæрд кæй у, уый. Ома йæ комкоммæ æмбарын нæ хъæуы. Мæнæ цы тæтæр-монголты зонæм, æппæрццæг ном кæмæн баззад, уыдонæй нæ, фæлæ æндæр цахæмдæр знæм-адæммæ тæтæры номæй чи баззад. Иу диссаг та уый у, æмæ куыд хъыг фæкаст иннæ суайнаг таурæгъгæнджытæм ацы таурæгъы хабар, куыд æм фæцæхгæр сты. Афтæмæй дзы цыма суантæн æвзæрæй ницы зыны, æрмæст фæуæлахиз сты сæ фыдгултыл, фæсырдтой сæ.

Суантæм стæры чи æрцыд, уыдон, æвæццæгæн, сæ фæсхох сыхæгтæ уыдысты, фыццаг туркаг æвзаг чи райста, стæй та пысылмон чи ссис, ахæм аланты къорд. Уæдæ сæ тæтæйрæгтæ кæй схуыдтой, уым диссагæй ницы ис. Суанты цæгаттаг сыхæгтæ Ассы æмæ Хъæрæсе фыццаг алантæ

уыдысты, уыдоны æрæджы дæр ма хуыдтой «Горские татары», ома хохаг тæтæйрæгтæ.

Æвæццæгæн, суантæ сæхи чырыстон диныл хæстыл кæй нымадтой, уымæ гæсгæ сын сæ кувæндоны кадджын тырыса зын уыдис, «тæтæйрæгтæй» райсæггаг схонын, æмæ мæсты дæр уымæн кодтой, афтæ-иу чи дзырдта, уымæ.

Куыд зонæм, уымæ гæсгæ алантæм – суанты цæгаттаг сыхæгтæм – æцæгæйдæр уыдысты цæрæгойгъуыз хæстон тырысатæ.

Цымыдисаг ма у ноджыдæр иу хабар: суанты Леми-тырыса-иу уыди æндæр æмæ æндæр хуызтæй, Бардавелидзе Верæ, 87-аздзыд суайнаг зæронд лæг Джапаридзе Алекси Свинчилды фыртæй ныффыста ахæм ныхæстæ, цыма йæ царды мидæг уымæн йæ къухты уыдис фыццаг сырх Леми-тырыса, стæй урс, æмæ фæстаг хатт та федта бурхуыз тырыса. Тырыса цыхуызæн хуыйын хъуыд, уый, кæй зæгъын æй хъæуы, хуыйæджы бар нæ уыдаид. Æвæццæгæн, хуызтæ – сырх, урс æмæ бур – уыдысты фæткон.

Иугæр Леми-тырысайы хуызтæ уыдысты сырх, урс æмæ бур, уæд, зæгъæн ис, æмæ суантæм ацы тырыса алантæй райсгæ у. Ацы хъуыдыйыл бындуриуæг кæнгæйæ, ныр та æркæсæм нæ дзуæрттæм. Æцæгæйдæр, дзуæрттæй ис «хуызджынтæ». Зæгъæм, Урс дзуар, Сырх дзуар (сæ дыууæ дæр Дзауы районы, сæ иу Уанелы мидæгæй, Урс-дзуары комы, иннæ та – Урстуалты, Уæллаг Ерманы цур. Бур дзуар Ирыстоны никуы зыны, фæлæ дзы ис Сыгъзæрин дзуар (уый та Сыбагомы). Сыгъзæрин та ахорæнтæй, науæд хъуымац рауадаид бур. Афтæмæй, зæгъæн ис, æмæ ацы æртæ хуызмæ – сырх, урс æмæ бурмæ уыдис сæрмагонд ахаст. Уый та ирдæй зыны уæлдæр ранымад дзуæртты нæмтты. Дзуæртты æхсæн ма ис Сау дзуар дæр (Ерман æмæ Дзимыры æхсæн), фæлæ уый ардæм нæ хауы, уымæн æмæ Ирмæ ис, уæлмæрды кæй сæвæрынц, ахæм сæрмагонд сау тырыса.

Зæгъæн ис афтæ, æмæ сырх, урс æмæ бур, ома сыгъзæрин хуызтæ ирон адæммæ уыдысты кадджын, табу кæмæн кодтой, ахæм хуызтæ. Зæгъæн ма ис афтæ дæр, æмæ æртæ хуызы кæй æвдыстой ирон фарны æппæт миниуджытæ – уæздандзинад, æхсар æмæ бæркад.

Астæуккаг æнусты алантæм тырысатæ кæй уыд, уый тынг хорз æвдисынц зæппадзы къулыл конд нывтæ. Уыцы зæппадз сбæрæг кодтой цæугæдон Кривойы былгæрон дæр Цæгат Хурныгуылæн Кавказы æмæ хауы X-XII æнустæм. Ныв æвдисы уæлбæхæй æрхизгæ барæджы, йæ къухы даргъ хъил тырысаимæ. Тырыса у дыууæ даргъ къæдзилгонд тæгтæй конд.

Хæстон тырысайы ном баззади не ’взаджы дæр. Цоциты Алан йæ чиныджы цæвиттон æрхаста ахæм дзырд, «тохгæрдæн», зæгъгæ. Ацы дзырд конд у дыууæ хайæ. «Тох» æмæ «кæрдæн»-æй. Фыццаг цы амоны, уый бæрæг у, дыккаг та нысан кæны «кæрдæн» – сылгоймаджы кæлмæрзæн, карст хъуымацы хай, гæппæл æмæ иумæ та «тохгæрдæн»: нысан кæны, тохы рæстæджы цы хъуымацы гæппæлæй пайда кæнынц, уый. Иудзырдæй, нæ фыдæлтæм канд цæрæгойгъуыз тырысатæ нæ уыд, фæлæ ма гæппæлæй, кæрдæнæйконд тырысатæ дæр.

Уарзиаты Вилены иртасæн куысты ма ис бирæ æндæр алыгъуызон тырысаты афыст дæр. Ис дзы Ælæмы кой, мæрдон сау тырысайы хуызтæ, чындзы тырысатæ æмæ æндæртæ. Ирон историк-ахуыргонд Кокиты Георги ссардта астрахайнаг сауджын Иоанн Болгарскийы фыстытæ. Уый фыста мæрдон тырысаты тыххæй афтæ: «Стæй даргъ хъилтыл тырысатæ фæйлаугæйæ æмæ дыууæ æви æртæ цырæгъты гуцъулайы судзгæйæ, афтæмæй мард фелвасгæйæ, иттæг тагъд фæцæйзгъорынц уæлмæрдмæ æмæ йæ дурын зæппадзы рудзынджы ауадзынц».

Кокийы-фырт ма йæхæдæг фыста, зæгъгæ, ирæттæм уыди фæтк æмæ мардимæ хастой, стæй уæлмæрд фæлы-

стой сырх, урс æмæ сау тырысатæй. Тырысайы дæргъ-иу уыд иу кæнæ иу æмæ æрдæг метры, йæ хъил та-иу уыд æртæ-æртæ метрæй даргъдæр. Æркæсæм ма уæдæ тырысайы хуызтæм – сырх, урс, сау. Ам дæр та сты уыцы сырх æмæ урс хуызтæ. Сырх æмæ урс хъуымацæй конд вæййы чындзы тырыса дæр.

Тырысатæ-иу уыди дзуæртты дæр. Сыбайы Сыгъзæрин дзуары (Дзаттиаты хъæуы) сæ мæхæдæг дæр æрыййæфтон даргъхъил сырх æмæ урс гæппæлтимæ. Хъилы уæллаг кæроныл ма баст уыдысты хъуытазтæ, мыр-мыргæнджытæ æмæ дыууæ æвзист «малтайаг» дзуары. (Раст ахæм тырысатæ ма фендæуыд хевсуртæм). Дауджыты бæрæгбоны-иу дзуары лæг, «деканоз» райста æддæмæ тырыса дзуары агъуыстæй, скуывта æмæ-иу тырыса базмæлын кодта, цæмæй-иу хъуытазтæ æмæ мыр-мыргæнджыты дзыгъал-мыгъул райхъуыстаид. Уый фæстæ-иу тырыса фæстæмæ дзуармæ бахастæуыд.

Иудзырдæй, ирон цардуаджы уыди алыгъуызон тырысатæ æмæ сæ пайда кодтой æндæр æмæ æндæр æгъдæуттæ æмæ кæндты. Хатдзæгтæ аразгæйæ, æмбæлы зæгъын афтæ, æмæ нæ абоны урс, сырх, бур тырыса кæй нæу нæдæр ног, нæдæр æнæнхъæлæджы, фæлæ ирон адæмы фыдæлтæ – скифты, сарматы æмæ аланты тынг рагон уазнысан. Конд у, фыдæлты æгъдаумæ гæсгæ, историйы бæлвырдгонд, йемыдзаг у уæздандзинадæй, цæстæн та æхсызгон вæййы йæ аив хуызтæй. Аккаг у ирон адæмы удыхъæды миниуджытæ равдисынæн.

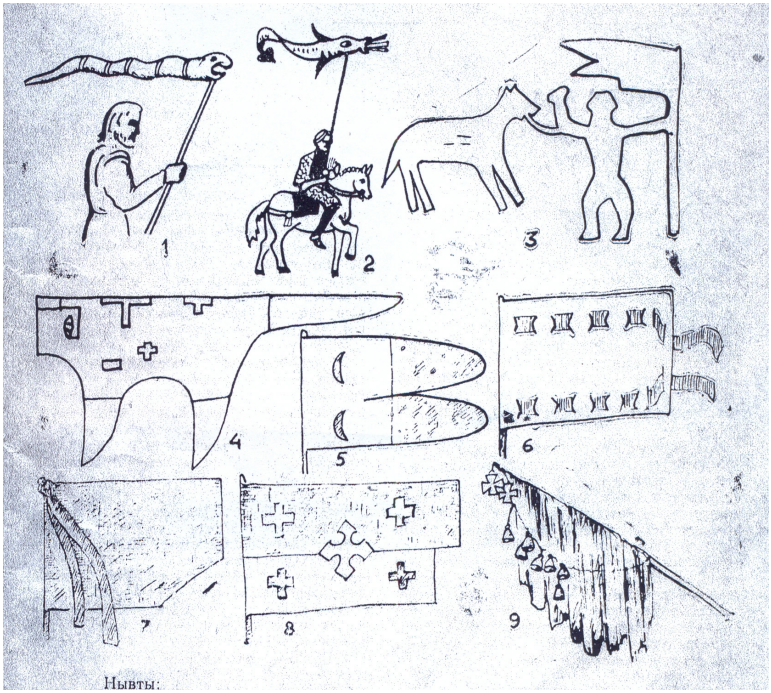
Ивгъуыд азы 23-æм июлы Иры рагон уазбынаты – Хетæджы Уастырджийы бын Цæгат æмæ Хуссар Иры минæвæрттæ æмбырды рахастæуыд уынаффæ, цыран дзырдæуыд: «Ирон адæмæн сæ разагъта фыдæлтæй баззад сæ номарæн тырыса: урс-сырх-бур уаццæгтæй конд. Йæ алы хуыз дæр символон æгъдауæй æвдисы, ирон дзыллæйы зæрдæйы æппæтæй стырдæр цыт æмæ кады

аккаг царды цы хорзæхтæ уыдысты, уыдон: Урс амоны иууыл сыгъдæгдзинад, сырх – æхсар æмæ лæгдзинад, бур – дунейы фарн æмæ бæркад.

Абоны дуг махæй барджынæй домы, цæмæй ирон адæмæн дæр сырх тырысайы фарсмæ сæ фæндаггон суа фыдæлты кадыл даринаг номдзыд тырыса. Сисæм æй нæ сæрмæ æмæ йæ æнустæм хъахъхъæнæм æгад æмæ фæцудынæй!» (Мах дуг. №10. 1989).

Цы ма зæгъæн ис ацы хорз ныхæсты фæстæ? Æрмæстдæр иу: сфидар æй кæнын хъæуы официалон æгъдауæй.

Фидиуæг. 1990. №7. Ф. 89-92.



Нывты:

НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СС. МСХЛЕБ И СОХТА

Более десяти лет археологические раскопки на территории Южной Осетии из-за известных событий не осуществлялись. Однако и накопленный в предыдущие годы материал еще не весь опубликован и не введен в научный оборот. Это и материалы разведочных работ, и коллекции случайных находок, собранные местными энтузиастами. В предлагаемой работе частично восполняется этот пробел в археологической карте Осетии.

Конечно, случайные находки, почти не документированные, т.е. не зафиксированные in situ ни в виде рисунка и ни при помощи фотоаппарата, без учета сопутствовавших вещей, расположенных в погребальной камере и т.д. и т.п., значительно обесценены для научного исследования. Отсюда и большой, непоправимый вред самостоятельных или, вернее, непрофессиональных раскопок, которые по сути дела являются ничем иным, как грубым вмешательством в несвойственные сферы, а то и просто разрушением и грабежом древних памятников. Но если уже добыт определенный материал, он должен в какой-то мере послужить для археологии, хотя, как уже было сказано, ценность такого материала незначительна. Случайные находки обычно обнаруживаются на месте хозяйственных работ, строительстве жилых и иных зданий, прокладке коммуникационных траншей, проведении каналов и пр. Сохранность их бывает обычно далеко не лучшей, кроме того, часть предметов теряется при всяческих демонстрациях и т.д., а хрупкие предметы тут же превращаются в лом, мусор.

Дошедшие до нас предметы в своей совокупности неполны, т.е. это ущербные комплексы. Впрочем, комплексами их можно назвать чисто условно. Это случайные наборы некоторых предметов, неполные комплексы и, кроме

того, они перемешаны. Потому должны рассматриваться индивидуально. Понятно, что и датировка всех вещей окажется весьма суммарной, хотя отдельные предметы безусловно могут поддаваться датировке.

В конце 70-х гг. XX века житель с. Мсхлеб Павел Цховребов (тогда студент Юго-Осетинского госпединститута) доставил в Цхинвал интересный бронзовый предмет – крюк, переданный мне антропологом Кочиевым Р. С.

Выехав на место находки в с. Мсхлеб Джавского района, мы обнаружили около строящегося дома Цховребова П. развороченную яму, которая оказалась потревоженной могилой. Костяк был плохой сохранности, но можно было заметить, что он был в скорченном на правом боку положении. Захоронение сопровождалось двумя сосудами (сильно фрагментированными) около головы и разнообразными предметами между перемешанными костями, в том числе бронзовые булавки, проволочные браслеты, бронзовые наконечники копья, бляха и бусы. Здесь же был найден клинок бронзового ножа. Позже на этом месте работал отряд археологической экспедиции ЮОНИИ (рук. Б. В. Техов), но кроме невзрачного бронзового ножа-кинжала ничего не обнаружил.

Приводим описание найденных предметов:

I. Бронзовый крюк с раскованной втулкой и изогнутым жалом с заостряющимся концом. Крюк в сечении квадратный (4,5х4,5 мм), втулка раскована и загнута вовнутрь; у основания втулки – сквозное отверстие, вероятно, для фиксации деревянной рукояти, которая не сохранилась. Высота предмета – 125,6 мм, ширина крюка – 40 мм, высота втулки – 64 мм. Втулка несколько расширяется к основанию. Диаметр основания – 18 мм, ширина в верхней части – 13,5 мм. Диаметр сквозного отверстия – 4,6 мм (табл. 1,1). Подобные крюки – большая редкость в археологических памятниках. Описавший подобные крюки, найденные в абхазских дол-

менах, О.М. Джапаридзе затрудняется даже обозначить назначение этих предметов, хотя считает возможным, по аналогии с этнографическим материалом, определить их как приспособления для доставания мяса из котла (осет. «фыдисæн»), хотя, например, в осетинской этнографии они двужальные. Видимо, все же прав О.М. Джапаридзе в своем предположении, и подобные крюки, вероятнее всего, служили для доставания мяса из котла. Он же находит аналогии этим предметам из эшерских курганов, в древностях Северного Кавказа – в Абадзехском дольмене, Новосвободненском кургане и др.[1] В.И. Марковин, исследовавший культуру дольменов, специально останавливается на этих предметах. «Бытовое и, очевидно, культовое назначение имели бронзовые крюки, которые спорадически встречаются не только в дольменах, но и в близких по времени степных подкурганных могилах катакомбной культуры. Известны они и среди находок майкопского типа, прежде всего среди инвентаря новосвободненских дольменов. Крюки могли служить для вынимания мяса из котлов во время общественных культовых пиршеств. Близкие им по форме, но сделанные из дерева или железа, они до сих пор бытуют в среде абхазов, осетин и других народов. Однозубые бронзовые крюки, литые, покрытые выпуклым узором в виде змеек, зигзагов, шнура, обнаружены в дольменах II, IV сел. Верхняя Эшера; крюк, свернутый из тонкого листа металла и покрытый пунсонными «жемчужинами», найден в дольмене №75 в бассейне р. Кизинка… Возможно, из дольмена р. Фарс, раскопанного Н. Л. Камневым, происходит крюк, также свернутый из гладкого листа мышьяковистой бронзы. Еще два крюка из листовой бронзы были найдены Б. А. Куфтиным в дольменах сел Верхняя Эшера и Сули.

[1] Апакидзе А.М., Бердзенишвили Н.З., Гобеджишвили Г.Ф., Джапаридзе О.М., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г.А., Хоштария Н.В. Археология Грузии. Тбилиси, 1959. С. 95. Табл. IX, 8.

Совершенно уникален трехзубый крюк из дольмена IV сел. Верхняя Эшера. Втулка его покрыта шнуровым узором.

Отверстия, сделанные у основания крючьев, служили для крепления их к рукояткам. Интересно, что аналогичные крючья в эпоху бронзы бытовали в Средиземноморье. Несомненно, эти своеобразные предметы заслуживают специального изучения»[1].

Подробно рассмотрев несколько предложенных дат, В. И. Марковин останавливается на датировке дольменов, выдвинутой А. А. Иессеном. Это 2310-2000 г. до н.э.[2]

2. Миниатюрная фигурка медведя из бронзы. Изделие представляет собой зооморфную подвеску, правда, петля для подвешивания не сохранилась, но следы от ее основания видны на «спинке» медведя. Голова опущена вниз, передние лапы соединены, имитируя известную «косолапость» этого животного. В тыльной части – небольшое отверстие. Поверхность передних лап подчеркнута двумя вертикальными линиями. Целиком же предмет, вероятнее всего, отлит. Длина фигурки – 20 мм, высота – 11 мм, ширина – 13,3 мм (табл. 1, 2).

Изображения животных в пластике эпохи бронзы довольно распространены.

Есть изображения и медведей. В Кобанском могильнике специалисты усматривают две бронзовые фигурки медведя и четыре привески в виде головы медведя. Причем эти кобанские миниатюрные изображения медведя датируются серединой первого тысячелетия до н.э.[3]

---

[1] Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 263-264.

[2] Марковин В. И. Указ. соч. С. 278-279.

[3] Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. Москва, 1984. Рис. 88, 97, 122-125.

Надо полагать, что это было тотемное изображение. Т.е. изображение животных, в данном случае медведя, не было простым отражением в изобразительном искусстве представителя фауны, а создание образа, не лишенного определенного сакрального содержания. Не случайна, видимо, пережиточность тотемистических воззрений у поздних осетин. Фамилия Хубаевых (Хуыбиатæ) прямо возводит свою фамилию к медведю первопредку, а потому представители этой фамилии не только не охотились на медведя, но и не употребляли мясо медведя в пищу.

3. Бронзовый крючок с двусторонними спиральными завитками у основания, изготовленный из проволоки круглого сечения (диаметр – 2,4 мм), высота крючка – 39 мм, ширина у основания, с завитками, – 44 мм, ширина петлеобразного крючка – 6,4 мм (табл. 1, 3). Такие бронзовые крючки широко распространены в памятниках второй половины II тысячелетия до н.э. Центрального Кавказа и Абхазии, например, в Стырфазе[1] и Ачабети[2], опубликованные В. А. Куфтиным. Отмечены они и в Кобанском могильнике[3]. Неоднократно зафиксированы Б. В. Теховым в Тлийском могильнике[4]. А в погребении №56 Тлийского могильника было найдено пять подобных крючков. Все погребения Тлийского могильника, в которых были обнаружены бронзовые крючки с завитками-волютами, относятся к раннему периоду бытования памятника XVI-X вв. до н.э. Следовательно, крючки характерны для этой эпохи.

4. Подвески в виде трубчатых завитков уплощенной

[1] Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949. С. 44.

[2] Куфтин Б. А. Указ. соч. С. 44. Табл. XVII.

[3] Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК-VIII. М., 1900. Табл. XXII; табл. XXXIV, 5 и 6; табл. IX, 4.

[4] Техов Б. В. Тлийский могильник. I. Тбилиси, 1980. Табл. 8, 9, 10, 20, 25, 26, 44, 78, 87.

бронзовой полоски. По всей вероятности, они служили украшением. Встречаются во многих погребениях Тлийского могильника, причем разнообразной длины и ширины исходной полоски металла. Высота – 64 мм, диаметр – 7,4 мм, ширина полоски – 6,5 мм (табл. 1, 4).

Такая подвеска имеется в материалах Кобанского могильника[1], но более часты они, как отмечалось, в Тлийском могильнике в погребениях №№ 27, 56, 64, 65, 73, 204, 207, 227, причем в комплексах 64 и 65 точные аналогии нашей подвеске[2].

Надо полагать, что в кобанских древностях их должно было быть больше, но в результате хищнических раскопов подобные «мелкие» предметы не принимались во внимание и выбрасывались. В целом же они встречаются так же, как и крючки с завитками в комплексах XVI-X вв. до н.э.

5. Бронзовая булавка с молоточковидным навершием. Ниже «молоточка» в утолщенном стержне булавки – сквозное горизонтальное отверстие параллельно оси молоточка. Высота булавки – 72 мм. Ширина навершия – 9,5 мм, диаметр – 5 мм. Диаметр стержня булавки в середине – 3,5 мм, диаметр «утолщения» – 4,8 мм (табл. 1, 5). Среди большого разнообразия булавок с головками и с поперечным отверстием, найденных в Тлийском и Кобанском могильниках, аналогичных нашей, нет. Единственная похожая булавка найдена в погребении из Тлийского могильника[3], причем в комплексе, где крючок с завитками.

6. Бронзовая булавка с заостренным концом и с зооморфным навершием в виде птичьей фигурки, шея и хвост «птицы» стилизованы параллельными насечками, «голова» уплощена. В верхней части стержня, под фигуркой, сквозное горизонтальное отверстие, служившее для

[1] Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Табл. XXX, 6.

[2] Техов Б. В. Тлийский могильник. I. Табл. 8, 21, 25, 30, 31, 49, 50, 99.

[3] Техов Б. В. Указ. соч. Табл. 26, 3.

продевания нитки или шнурка. Высота булавки – 111 мм, длина стержня – 87 мм. Диаметр верхнего конца стержня – 7,7 мм, диаметр стержня в середине – 4,5 мм (табл. 1, 6). Аналогий нашей булавке мы не нашли.

7. Бронзовый наконечник копья с раскованной втулкой, сквозным отверстием на конце втулки, листовидным оформлением боевой части и с ребром прочности вдоль нее. Длина наконечника – 114 мм. Диаметр нижней части втулки – 21 мм, у основания – 14 мм. Толщина ребра прочности – 7,5 мм. Ширина «перьев» – 20,6 мм (табл. 1, 7). Наконечники копий неоднократно встречались в тлийских комплексах. Есть среди них и с листовидными перьями, например, в комплексах 207, 213. Б. В. Техов, судя по сводной таблице, относит подобные наконечники копий к XIV – первой половине XII вв. до н.э.[1], хотя аналогичный наконечник копья зафиксирован в погребении №29, относящемся по его же датировке к XVI-XIII вв. до н.э.[2] Надо полагать, что наконечники копий, аналогичные нашему, имели широкое распространение во времени, т.е. бытовали долгое время, отсюда и некоторый разнобой в датировках.

8. Клинок бронзового двусторонне заточенного кинжала. Рукоять не сохранилась. В верхней части клинка сохранилось 3 отверстия для заклепок, которыми клинок крепился к рукояти. Длина клинка – 154 мм. Наибольшая ширина – 37 мм, толщина – 2,5 мм (табл. 1, 8). Подобные клинки довольно часты в Тлийском могильнике, хотя большей частью они с резко выраженным ребром прочности вдоль всего клинка. Наш клинок ровный. Более точная аналогия в комплексе погребения №98, датированного Б. В. Теховым XII-X вв. до н.э.[3]

---

[1] Техов Б. В. Тлийский могильник. III. Тбилиси, 1985. Таблица-приложение.

[2] Техов Б. В. Тлийский могильник. I. Табл. 9.

[3] Техов Б. В. Указ. соч. Табл. 64, 3.

9, 10. Бронзовые браслеты из проволоки круглого сечения с заостренными концами. У одного браслета концы загнуты (табл. 1, 9, 10). Диаметр проволоки – 3,6 мм. Проволочные браслеты не характерны для тлийского могильника. Там обычны массивные браслеты, а если есть проволочные, то витые. Однако одну аналогию мы усматриваем в комплексе погребения №51[1], датированного Б. В. Техов ым X-IX вв. до н.э.

11. Бронзовая полусферическая бляха с внутренней петлей для подвешивания. Диаметр – 27 мм, высота – 10 мм, толщина – 1,6 мм (табл. 1, 2). В Тлийском могильнике подобные бляхи-подвески встречаются часто. Отмечены во все периоды бытования могильника, т.е. в погребениях №№ 207, 23, 79, 160[2]; в комплексах 273, 310, 16б, 215б[3] в погребениях 151,196, 311[4] в погребениях 151, 196, 311[5]. Иногда в погребении их обнаруживается по несколько штук. Так, в погребении №160 их 6 экземпляров, а в погребениях №№273 и 310 полусферические бляхи прикреплены к цепочкам. Последнее намекает на то, что эти предметы имели какое-то магическое значение, т.е. связаны с культовой практикой. Причем, судя по широкой дате, ибо встречаются на всех этапах Тлийского могильника, эта культовая практика была довольно устойчива.

12. Бронзовый кружочек – предмет или часть предмета неясного назначения. Диаметр – 20,2 мм, толщина – 2,4 мм (табл.1, 12).

13. Астрагал мелкого рогатого скота. Астрагалы часто встречаются в погребениях Тлийского могильника. Причем по несколько штук вместе. Так, в погр. №97-8 штук, в

[1] Техов Б. В. Тлийский могильник. II. Тбилиси, 1981. Табл. 53, 6.

[2] Техов Б. В. Тлийский могильник. I. Табл.31,7;39,11а;58,3;83,5.

[3] Техов Б. В. Тлийский могильник. II. Табл. 78, 2; 88, 7; 91, 3; 125, 7.

[4] Техов Б. В. Тлийский могильник. III. Табл.78,2;88,7;94,3;125.

[5] Техов Б. В. Тлийский могильник. II. Табл.54,102,109,118.

№95-4 штуки, в №150-5 штук, а в комплексе №188-31 штука[1], в погребении №295-10 штук, в погребении № 279-8 штук[2].

14. Бронзовые бусы – бочковидные и цилиндрические. Всего 87 штук. Некоторые бусы из-за коррозии спеклись по два, по три. Диаметр – 6-7 мм, длина – 8-9 мм (табл. 1, 14). Бронзовые бусы встречены в Тлийском могильнике в погребениях №№203 и 222, да и то в комплексе с сердоликовыми бусами[3]. Причем совершенно иной формы – в основном круглые; всего их 59 штук, тоже как сердоликовые и кальцитовые бусы часто обнаруживались в погребениях Тлийского могильника. При рассмотрении каждого предмета в отдельности очень трудно определить дату комплекса из-за большого разброса дат. Наиболее приемлемой датой погребального комплекса может быть XIII-X вв. до н.э.; следует отметить при этом генетическую связь его с Тлийским могильником, т.е. к кругу памятников кобанской культуры, хотя и со специфическими элементами.

В нашем распоряжении есть коллекция предметов, найденных у с. Сохта Джавского района местными жителями и переданных нам Остаевой Мадиной. Разрушающийся могильник у с. Сохта до этого раскапывался Е. Г. Пчелиной в 1926 году[4] и в 1976-1977 А. Х. Слановым. Позднее А. Х. Сланов опубликовал материалы сохтинского могильника в специальной монографии[5]. По всей вероятности, собранные предметы были найдены в разрушенных могилах этого могильника.

Приводим описание этих предметов.

---

[1] Техов Б. В. Тлийский могильник. II. Табл. 54, 102, 109, 118.

[2] Техов Б. В. Тлийский могильник. III. Табл. 185, 179.

[3] Техов Б. В. Тлийский могильник. I. Табл. 29, 9 и 96, 4.

[4] Пчелина Е. Г. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып.XV. Цхинвал, 1969. С. 131.

[5] Сланов А. Х. Сохтинский могильник. Тбилиси, 1988.

I. Серебряная круглорамчатая поясная пряжка с округлым щитком. Корпус рамки граненый, с ромбовидным сечением (ширина – 5,5 мм). Язычок пряжки прямоугольного сечения (ширина – 4,3 мм). Ширина или диаметр рамки – 43,7 мм. Щиток пряжки перегнут и с лицевой стороны имеет форму неровного круга (диаметр 39,3 мм), оборотная сторона – трапециевидной формы.

Щиток был укреплен на кожаной основе ремня двумя заклепками. Общая высота пряжки – 73,6 мм (табл. 2, 1).

2-7. Серебряные поясные накладки, 7 штук, из листового металла в виде поперечного прямоугольника, соединенного с кружочком. Накладки крепились к кожаному поясу двумя заклепками, расположенными на прямоугольнике и в середине кружочка (табл. II, 2-7). Высота – 29,7 мм. Ширина прямоугольника – 21,2, высота – 8 мм, высота перемычки – 6,8 мм, ширина перемычки – 8,4 мм, диаметр кружочка – 18,3 мм, длина заклепок – 4,5 мм, толщина листа – 1 мм.

8-12. Серебряные поясные накладки, 5 штук, в виде крестов с кружочками на концах. Накладки крепились к кожаному поясу четырьмя заклепками, расположенными в середине кружочков (табл. II, 8-12). Ширина и высота «крестиков» одинакова – 36,7мм, диаметр кружочков – 10,7 мм. Толщина листа – 1 мм, длина заклепок – 4,5 мм.

13. Серебряная поясная накладка-подвеска в виде розетки, один «луч» которой, опускаясь вниз и загибаясь, образуя петлю, с тыльной стороны соединяется с «розеткой» заклепкой. Накладка крепилась к кожаному поясу той же заклепкой, а в образовавшейся петле снизу было укреплено колечко, свободно свисающее с пояса (табл. 11, 16). Высота подвески-накладки – 34,7 мм. Размах «лучей» розетки – 18,8 мм. Диаметр колечка – 15,6 мм, толщина – 2,6 мм.

14-16. Фрагменты серебряного составного пояса из листового металла с подвижными петлями и парны-

ми осями с округлыми головками сверху и снизу (табл. II, 13-15). Основа звена составлена из перегнутого листа металла, скрепленного заклепкой в середине. Два вертикальных столбика-оси соединяют подвижно по две петлеобразные пластинки, которые в свою очередь крепились к кожаному поясу – основе при помощи заклепок. Высота основной части – 28,6 мм, ширина – 25 мм, высота столбиков-осей – 37,2 мм. Высота боковых петелек – 14,5 мм, ширина 21,2 мм, толщина листа – 0,5 мм.

17. Железная поясная пряжка с овальной рамкой и язычком сильно коррозирована (табл. II, 17). Ширина – 35,6 мм, высота – 27,4 мм.

18. Овальнорамчатая поясная пряжка из низкопробного серебра. Корпус рамки в сечении ромбовидный. Хоботок язычка загнут за край рамки. Основание язычка имеет «ступеньку» (табл. II, 18). Ширина – 26,7 мм, высота – 20,5 мм.

19. Бронзовый перстень с уплощенным щитком (табл. II, 19). Диаметр – 25,2 мм.

20. Серебряный перстень с уплощенным щитком и граненым корпусом (в сечении – треугольник) (табл. II, 20). Диаметр – 22,8 мм, ширина корпуса – 3,7 мм.

21. Серебряный перстень с уплощенным щитком (часть щитка утеряна). Корпус из проволоки круглого сечения. Диаметр перстня – 24,1 мм, диаметр проволоки – 2,2, мм (табл. II, 21).

22. Серебряная дугообразная фибула с бронзовой иглой. Часть приемника утеряна (табл. II, 22). Верхняя часть дуги уплощена и имеет форму овала (27х15 мм). По обеим сторонам уплощенного щитка на внешней стороне дуги – елочный орнамент в два ряда. На пружинной части – округлая головка, предохраняющая основание иглы от выпадения. Ширина фибулы – 60 мм, высота – 30 мм. Диаметр

дуги у щитка – 8,3 мм, диаметр дуги у приемника – 4,6 мм. Диаметр проволоки, из которой изготовлена игла с пружиной, – 2,4, мм.

23. Серебряная дугообразная фибула с бронзовой иглой, конец которой навит на окончание фибулы в качестве пружины. Спинка фибулы в середине имеет утолщение, по обеим сторонам которой нанесен резной орнамент в виде концентрических ромбиков. Конец фибулы, на который навита пружина, имеет шляпку, предотвращающую выпадение пружины. Приемник в виде уплощенного и загнутого конца (табл. II, 23). Ширина фибулы – 42,5 мм, высота – 28,4 мм. Диаметр середины спинки фибулы – 12,5 мм, диаметр фибулы у основания и приемника – 4,7 мм. Длина иглы – 48,3 мм, диаметр проволоки, из которой изготовлена игла с пружиной, – 3,3 мм.

24. Серебряная серьга в виде незамкнутого колечка, к которой припаян вертикальный стержень, на который был надет полый серебряный шарик (последний не сохранился полностью) (табл. II, 24). Высота серьги – 27,5 мм, диаметр колечка – 12,6 мм, диаметр проволоки – 1,4 мм.

25-28. Бронзовые привески (4 штуки) в виде стержня с петлей вверху и утолщенным и заостренным концом снизу. На стержень навита тонкая бронзовая проволока (табл. II, 25-28). Высота – до 47 мм, диаметр привесок с навитой проволокой – 4,1 мм.

29. Серебряная лучковая фибула с пружиной и подвязным приемником. На дуге фибулы имеется утолщение для удерживания подвязки. Приемник сделан из уплощенного конца фибулы (табл. II, 29). Длина фибулы – 64,8 мм, высота – 22,6 мм, толщина проволоки, из которой изготовлена фибула, – 3 мм, ширина крайней части приемника – 3,9 мм.

30. Бронзовая лучковая фибула с подвязным приемником и пружинной иглой (пружина фрагментирована). На

корпусе фибулы насечки-утолщения для предотвращения сползания конца подвязки. Ниже утолщения корпус фибулы уплощается и, загибаясь, переходит в приемник (табл. II, 30). Длина фибулы – 71,5 мм, высота – 23,3 мм, диаметр проволоки – 2,6 мм, ширина приемника – 4,8 мм.

31. Железная лучковая подвязная фибула. Сильно корозирована. Часть пружины, подвязка и приемник не сохранились (табл.II, 31). Длина – 73,9 мм, высота – 23,3 мм.

32. Бронзовая цепочка. Звенья (29 штук) овальные, уплощенные, (табл. II, 32). Длина – 172 мм. Длина звена – 9,3 мм. Ширина – 7,5 мм, толщина – 1,3 мм.

33. Железный наконечник стрелы с тремя плоскими лопастями и узким черешком. Кончик и нижний край одной лопасти повреждены (табл. II, 33). Длина (сохранившейся части) – 66,8 мм, ширина (у нижних краев лопастей) – 16,9 мм, ширина лопасти – 8 мм, толщина лопасти – 0,8 мм, диаметр черешка – 2,7 мм, длина черешка – 30,4 мм.

34. Бронзовая привеска в виде стилизованной головы барана или тура. Грани закрученных рогов животного украшены витой проволокой (имитация ступенчатых рогов тура). Вытянутые уши концами соединяются с нижним краем витка рогов, лоб и носовая часть головы животного выделены рельефно. На обороте, между рогами петля для подвешивания. Высота – 54,8 мм, ширина – 47,4 мм, ширина головы, в середине – 5,5 мм, ширина морды – 9,7 мм (табл. II, 34).

35. Стеклянные, сердоликовые, из горного хрусталя, гагатовые, янтарные и бронзовые бусы (табл. II, 35). Из них: стеклянных – 16 бусин (табл. II, 35, а, б, д, е), гагатовая – 1 бусина (табл. II, 35, 11), янтарных – 4 бусины (табл. II, 35, з), сердоликовых – 13 бусин (табл. II, 35, г), одна бронзовая бусина (табл. II, 35, в) и две бусины из горного хрусталя (табл. II, 35, ж).

Стеклянные бусы синего, зеленого цвета и полихромная, гагатовая потрескалась, янтарные потеряли свой первоначальный вид. Одна сердоликовая бусина, вернее, пронизь, ибо имеет два отверстия, украшена восьмеркообразным орнаментом белого цвета.

36. Бронзовый крючок удлиненной формы неясного назначения. Один конец у него завит в колечко, другой загнут. Корпус уплощен (табл. II, 36). Длина – 79 мм, диаметр завитого колечка – 6,5 мм, ширина корпуса – 3,7 мм, толщина – 2,3 мм.

Следует отметить, что описанный материал весьма разнообразен и разнороден, т.е. происходит из различных погребений.

В первую очередь следует выделить поясной набор, состоящий из пряжки и поясных накладок (табл. II, 1-12, 16). Поясная пряжка с двумя заклепками вполне соответствует по наличию одноразмерных заклепок накладкам. Это части одного пояса, причем пояс – принадлежность воина, и, видимо, высокого статуса, как в социальном плане, так и в иерархическом.

Следует отметить и части еще одного пояса, изготовленного из листового металла по пять подвижных деталей: срединной широкой и по две детали, укрепленных при помощи вертикальных осей – столбиков к центральной пластинке (табл. II, 13-15). Боковые двойные пластинки крепились к кожаной основе пояса при помощи одиночных заклепок. Близкая аналогия известна из Самтавро и датируется III веком[1]. Возможно, детали поясного набора (табл. II, 1-16) составляли один пояс. Такие составные пояса доживают на Кавказе до XIX в. включительно.

[1] Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.). Табл. XXV, 36.

Несомненно, деталями поясного набора являются и две поясные пряжки, из которых одна железная (табл. II, 17), а другая – бронзовая (табл. II, 18).

Бронзовая и серебряные перстни (табл. II, 19-21) плохой сохранности с поврежденными щитками, а потому не поддающиеся узкой датировке, мало что могут сказать за исключением того, что сохтинцам не чуждо было носить металлические перстни. И все же перстни с уплощенным щитком и колечком из проволоки подтреугольного сечения могут быть датированы по аналогиям в Стырфаз, Горет, Монастер – IV-VIII вв.[1]

Массивные дугообразные фибулы из серебра (ножка и пружина – бронзовые) датируются I-V вв., известны из многих памятников, в частности – Ацкури, Стырфаз, Ленингор, Сохта[2].

Три лучковые подвязные фибулы (табл. II, 29-31), изготовленные из серебра, бронзы и железа, видимо иллюстрируют разные социальные уровни. Следует отметить их почти полную однотипность. Подобные фибулы были широко распространены в Грузии со II по V век, а экземпляры из Южной Осетии (Сохта и Стырфаза) датируются IV в.[3]

Серьга с напускной металлической полой бусиной находит аналогии в Сохта[4] и датируется IV в.

Привески – украшения из стержня с навитой проволокой имеют аналогии как в Сохта, так и в Стырфазе.

Б. В. Техов и А. Х. Сланов называют эти предметы копоушками, но это неверно, ибо копоушки имеют особую

---

[1] Гаглоев Р. Х. Стырфазский могильник (1-V вв. н.э.). Цхинвал, 1984. С. 53.

[2] Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971. С. 231.

[3] Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии. С. 125.

[4] Гаглоев Р. Х. Стырфазский могильник… С.78.

форму. Р.Х. Гаглоев верно определяет их как подвески[1]. Датируются они III-IV вв.

Железный трехлопастный наконечник стрелы – весьма интересный предмет, ибо оружие в памятниках античного времени встречается крайне редко. Да и датировка его не совсем соответствует датам других предметов, возможно, что наконечник стрелы найден в ином месте. Подобные наконечники стрелы известны из Самтавро и датируются VII в.[2]

Интересна подвеска в виде головы тура. Аналогичная подвеска была найдена В.И. Долбежевым в с. Дыргджин[3], близкие аналогии усматриваются и в материалах Аркнетского могильника[4]. Вполне вероятно, что наша подвеска происходит из Дыргджинского могильника, так как Сохта и Дыргджын – весьма близко (1,5-2 км) расположенные села.

Датируются подвески I-III в. н. э.[5] Что касается бус, то их распространение весьма широко как во времени, так и в пространстве. В античных памятниках Южной Осетии число их всегда велико. Обычны и стеклянные, и сердоликовые, и хрустальные и из прочего материала бусы. Характерным для античного периода являются бусы из гагата (гешировые). Одна такая бусина в форме четырнадцатигранника как раз присутствует в нашем случайном наборе.

Из сказанного следует, что коллекция предметов, най-

[1] Сланов А.Х. Сохтинский могильник. Тбилиси, 1988. С. 22.

[2] Апхазава Н.И. Указ. соч. С. 126. Табл. XXXIII, 31, 33.

[3] Сланов А.Х. В. И. Долбежев и начало археологического изучения Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып. XXI. Тбилиси, 1976. Табл. I, 10.

[4] Сланов А.Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвал, 1989. Табл. XXIII, 17,18.

[5] Сланов А.Х. В. И. Долбежев и начало археологического изучения Юго-Осетии… С. 17.

денная у с. Сохта и переданная нам, является материалом из могильника античного времени, причем эти предметы довольно распространенных типов и имеют аналогии в синхронных памятниках Центрального Кавказа.

Известия ЮОНИИ. 2005. Вып. XXXVII. С. 19-30.

не нашла

АЛАНЫ В ДРУЖИНЕ ВАХТАНГА ГОРГАСАЛА

В сочинении грузинского историка XI века Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала»[1] есть интересные сюжеты, связанные с Осетией. «В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска овсов и полонили Картли от начала Куры до Хунани, разорили просторы, но укрепленные города миновали, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт – девочку трех лет. Не овладев долинами картлийскими, а также Кахети, Кларджети и Эгриси, вторглись в Ран н Мовакан, полонили их, прошли ворота Дербента, ибо сами дербендцы указали им этот путь, а затем победно вернулись в Свести» (1, с. 60). Возмужав, уже 16-летним Вахтанг собирает войско и, совершив успешный поход в Осетию, возвращает пленников-грузин, сестру свою и с добычей возвращается в Грузинские пределы. В описании последовавших затем событий имеется любопытный эпизод. «Царь Вахтанг… раздал дары народу своему, сделал знатными всадников многоопытных, отважно сражавшихся против овсов (буквально: «среди овсов» или «в овсах» – омас шина овстаса») (1, с. 67).

Мы позволили себе усомниться в точности передачи мысли Джуаншера. В самом деле, кого сделал Вахтанг Горгасал знатными? Тех, кто сражался против овсов или тех, кто сражался «в овсах»? Иными словами, непонятной остается этническая принадлежность «возвышенных» – грузины это или осетины? На первый взгляд вроде ясно, что отличившиеся в битвах получили в знак награды «воз-

[1] Вахтанг Горгасал – царь Восточной Грузии (г.р. неизвестен – ум. 502 г.).

вышение», означавшее, видимо, повышение статуса в государственной иерархии. Вряд ли это коснулось рядовых воинов. Что касается начальников отрядов, то и они, уже до этого входившие в привилегированную часть общества, едва ли нуждались в возвышении. Здесь нам представляется другое. Указанное «возвышение» отличившихся в боях воинов расценивается исследователями как создание личной привилегированной дружины царя (2).

Как известно, Вахтанг Горгасал начал (после долгого владычества персов) борьбу за освобождение Картлийского царства. Для этого нужна была армия, обновленная в структурном отношении. Особую военную функцию должна была нести царская дружина по сравнению с прочими отрядами, включая дружины отдельных феодалов. Наиболее надежной в смысле приверженности была личная царская дружина. На нее он опирался при всех перипетиях, которые происходили в государстве. Надо полагать, что эта дружина находилась в более привилегированном положении, нежели остальные воины. Попасть в нее было большой честью. Непосредственная зависимость от царя и царского дома была гарантией исключения неподчинения, проявлением сепаратизма и пр. На феодалов-вассалов царя твердой надежды не было. В этом случае иноэтничные воины оказывались более надежными, поскольку целиком зависели от своего сеньора-князя или царя. Примеров тому в истории имеется немало. В XII веке грузинский царь Давид Строитель **сформировал** личную гвардию «монаспе», которая была укомплектована из воинов негрузинского происхождения, но «христианами верными, проверенными в боях». Скорее всего они были аланами и армянами, т.е. происходили из кавказских христианских народов. В Дидгорской битве (1121 г.) в составе армии Давида Строителя участвовали аланы-наемники в количестве 5000 человек (3, с. 69).

Сеньор ценил свою дружину, заботился о ней. Для наемников-варягов Ярославом был выстроен дом – двор в Новгороде, «обитый внутри красным сукном» (4, с. 279).

В древности и средневековье, да и в новое время, имя, которое давали младенцу, часто было значащим, теофорным, со значением апотропейной магии, уничижительно-отвлекающим, с зоологическими или устрашающими элементами, со знаком предначертания, тотемистического характера и пр. Видимо, с военными отрядами и обычаями связано и наречение будущего царя Вахтангом и добавление к его имени прозвища «Горгасал» – «Волчья голова». Джуаншер Джуаншериани рассказывает, что во время ожесточенных боевых действий с персами (а скорее всего – до них) «Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка, а на обратной стороне – Льва. И устремлялся он туда, где сдавали силы грузин, и под его натиском падали воины персидские, словно онагры под натиском львов. Впредь персам стало невмочь противостоять ему ибо запомнили того, у кого выведены (на шлеме) Волк и Лев, и при виде Вахтанга восклицали: «Дур аз Горгасал», что означает следующее: «Остерегайтесь головы Волчьей». После этого и нарекли царя Вахтанга Горгасалом» (1, с. 81). Это объяснение древнего историка кочует из одного издания в другое, можно сказать, без комментария. При ближайшем рассмотрении уже само имя «Вахтанг» имеет «волчью» основу. В. И. Абаев, восстанавливая это имя из Вахтанг – Warhtang-Varka-tanu, определяет его как «имеющий волчье тело» и приводит аналогии из осетинского нартовского эпоса Warhtanag (5, с. 87). Иными словами, имя Вахтанг означало (по-персидски) «имеющий волчье тело». Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов разделяют это положение В. И. Абаева и говорят о распространенности культа волка и особой роли последнего на Южном Кавказе, а также отложении его в языковой практике ряда

народов, о табуировании имени волка и замене заимствованными словами (6, с. 496).

Согласно этим данным, еще до того, как у персов укоренился в лексиконе призыв остерегаться грозного противника, для них уже он был «имеющим волчье тело». В результате в сочетании имени царя с прозвищем получилось нечто несуразное, почти тавтологическое: «имеющий волчье тело – волчья голова». Дважды связанный с «волком» (первоначально с наречением «законным» именем, а затем и присовокуплением к нему клички), прославленный грузинский царь, по нашим предположениям, и в самом деле имел связь с волками (разумеется, не в прямом смысле). Эта связь почему-то была замечена только персами, «не обратившими» даже внимание на то, что на шлеме Вахтанга изображалось не менее хищное и грозное животное – лев. Однако, за исключением вышеупомянутого свидетельства Джуаншера об изображениях на шлеме Горгасала, в источниках никаких других сведений нет. Следует полагать, что данный пассаж древней хроники является домыслом, понятным средневековому автору и его современникам и объясняющим прозвище царя.

Исследовавший вопросы воинских обычаев у европейских народов итальянский ученый Ф. Кардини специально останавливается на ритуальном и психо-поведенческом превращении воина в дикого зверя. Обычаи, по которым победитель украшает себя останками поверженного противника, уходят в глубокую древность. Это необходимо рассматривать не только как показатель героизма или хвастовство героя (например, одевание шкуры, украшение костюма клыками и когтями и пр.). Воин как бы «превращается» в зверя. Воины-звери терроризировали противника. Их переодевание (перевоплощение) действует не только на противника, но в первую очередь на самого надевшего шкуру. По словам Ф. Кардини, «германский воин, рычащий

как медведь, либо надевший на себя собачью голову, как бы на самом деле становится медведем, волком, бешеной собакой. Между ним и животным, с которым он себя отождествлял, устанавливалась симпатико-магическая связь» (7, с. 113). Одетый в шкуру барса Тариел «Вепхисткаосани» («Витязь в барсовой шкуре»), безусловно, является ярким примером этого древнего обычая, а не просто использующим мех для одежды. Заметим, что, к сожалению, иллюстрации к великой поэме Ш. Руставели грешат истиной, представляя шкуру барса на герое как декоративный элемент.

Приведем еще один интересный пример. Вахушти Багратиони, как известно, оставил не только описание и историю царства грузинского, но и составил карты и, что представляется нам особенно важным, гербы отдельных провинций Грузии и соседних территорий. Среди них – гербы Осетии и Дагестана с изображениями хищников – барса и волка – на фоне гор. Нам трудно судить, каковы были мотивы этой символики, но можно выдвинуть два предположения. Или Вахушти является автором обоих гербов и отразил свое негативное отношение к периоду, в котором сам жил, именуемому «Особа» и «Лекоба» или эти страны (Осетия и Дагестан) действительно имели собственную геральдику, схематическое изображение которой дал просвещенный царевич. Тщательное исследование гербовника Вахушти позволяет сделать важные выводы, но в то же время настораживает в нем (гербовнике) имеющее место единообразие, объясняющееся, возможно, слабым владением названным автором искусством рисования. Однако, как бы там ни было, для народов регионов, действительно отличавшихся особой воинской доблестью, Вахушти считает возможным передать их характер посредством изображения хищников – барса и волка. Иными словами – здесь явно проявляется «звериная» атрибутация образов.

Отождествление воина с хищником, в особенности с волком, как самым распространенным яростным зверем, отмечено исследователями у многих народов как в фольклоре и обычаях, так и в литературе. К примеру, Р. С. Липец приводит ряд свидетельств из тюркского эпического наследия (8, с. 13, 17, 20, 54-55).

В киргизском «Манасе» – представлена чуть ли не вся Азия: из разных «земель» сошлась разноплеменная дружина (корок чоро). В ней

«Сорок тигров, сорок волков
Чьи сверкают копья пестро,
Чьи мечи блистают остро,
Вы покинули сорок земель,
Вас связала едина цель
И связала присяга вас»
(«Манас», 230).

И далее:

«Сорок его боевых волков,
молодых и стариков,
начальников его полков…»

В калмыцком «Джангаре» находим обращение к главному его герою Джангару:

«Барсов таких немало на свете, как ты,
Все мы такие же ханские дети, как ты».

В монгольском «Гесере» герой превращается во многие ипостаси, в том числе в «девять серых небесных волков». И еще: «монгольский хан Хулан» в ночь обертывается волком, а днем – вороной.

Ф. Кардини приводит данные о военно-религиозных обычаях древних германцев. «В их обществе известно существование дифференцированных воинских обществ, обладающих особенной сакральностью… Эти сообщества

состояли из прошедших инициацию воинов, которые своим внешним видом отличались от остальных людей. У них в ходу была специфическая эмблематика, особая манера поведения… Их братство – стая» (7, с. 120).

Отношение соплеменников к воинам-волкам разное. Безусловно отрицательное у тех слоев населения (непосредственных производителей), которым они наносили ущерб. Однако статус у них был все же достаточно высоким, и во время всеобщей опасности они для всех считались надежной защитой.

Воинские объединения или дружины нередко сравниваются с волчьей стаей. Дружина (волчья стая) являлась привилегированной группой, имела соответствующую атрибутику и, конечно, считалась высокопрофессиональной. В стае-дружине, по всей видимости, существовала «железная» дисциплина, цементировавшаяся властью начальника, командира, предводителя. Поскольку все в стае – «волки», то во главе нее должен находиться вожак-глава «волков». Дружина таких «волков» была и у царя Вахтанга. Поэтому, возможно, прозвище царя было не «волчья голова», а «глава волков».

Следует помнить, что Джуаншер был историком, несомненно, религиозного толка; это подтверждается текстологическим анализом его труда, где сплошь и рядом отмечаются библейские пассажи, апокрифические схемы и пр. По словам Г. В. Цулая, «Жизнь Вахтанга Горгасала» (т.е. Джуаншер. – Р. Дз.) писал благочестивый грузинский христианин» (9, с. 37). Соответственно, сравнение царя с волком абсолютно не входило в идеологическую программу указанного автора. Джуаншер либо не знал (не понимал уже) смысла прозвища царя, а тем более имени, либо по собственному «благочестивому» почину эвфемизировал его, превратив «главу волков» в «волчью голову».

Итак, по нашему гипотетическому построению, Вахтанг

возглавлял особую, приверженную ему «дружину – волков». В любом случае особая царская дружина – «тадзреули» существовала. Кто же входил в нее, в эту привилегированную часть войска, гвардию? Выше мы попытались сказать, что более верной царю должна была быть иноэтническая группа. В самом деле, такая группа (или отряд), не имея кровнородственных (во всяком случае в первое время) связей и корней в местной среде, безусловно, зависела бы от своего хозяина-сюзерена, возвысившего их (до известного предела), щедро одаряющего всеми благами, предоставляющего определенные льготы и т.д. Особенно повышалась роль царской гвардии в процессе усиления отдельных феодалов и стремления их к обособлению. Кроме того, составные части армии, организованной по системе «садрошо» (воеводств), вероятно, привязывали армию в определенной степени к месту жительства, тогда как у наемной дружины подобных тенденций не было.

Преимущества иноэтничной военной группировки или дружины как будто налицо. Мы отмечали, что это не собственно наемники, которые на договорных началах и на определенное время выполняли военные функции. Здесь должны были действовать другие принципы. Как отмечает, Ф. Кардини, в приглашении «варваров» в римскую армию (II-IV вв.) было не только стремление воспользоваться военными навыками степняков и прочих народов. Не последнюю роль сыграла и слава верных и доблестных воинов, каковой варвары пользовались в Риме (7, с. 148). Так, «при императоре Грацианс (375-383 гг.) аланы включаются в состав римской армии, а сам император появляется перед войсками в аланском вооружении» (10, с. 35). Следует предположить, что Грациан одевался в «аланское» одеяние не потому, что оно ему нравилось (хотя это и не исключается), а из желания больше привязать к себе воинов-алан и продемонстрировать одеждой свое особое от-

ношение к аланам. Это, как известно, кончилось для императора трагически: недовольные римские солдаты убили его (II, с. 38).

Из этого эпизода видно, что Римские императоры не только вступали в договоры с аланами, но и ценили эти союзы. Видимо, для этого были свои особые причины.

О развитом военном искусстве у алан, об их превосходном оружии, которым они владели в совершенстве, красноречиво говорят летописные свидетельства, свидетельствующие о многочисленных походах-набегах как по собственному почину, так и в качестве конфедератов, союзников и наемников. И действительно, плохих воинов в союзники не берут, воевать не приглашают. Но хороших воинов немало имелось у разных народов. Верных же было меньше. Так вот, аланы отличались верностью долгу, о чем писали древние авторы (12, с. 164, 171, 181). Понятие долга, конечно, несколько расплывчато и, видимо, не столько долгу были верны аланы, сколько клятве. По всей вероятности, поступавшие на службу, давали особую клятву. Верность ей выдерживалась аланами до конца и это знали все, кто с ними сталкивался. Безусловно, это было известно Вахтангу, как много позже и монгольским владыкам, у которых аланы были верными телохранителями («даругачи»), снискавшими благодарность, славу, особую похвалу, выражавшуюся в выдаче золотых н серебряных пайцз (13, с. 282-299).

Текст клятв не дошел до наших времен, но в осетинском языке сохранились слова этого круга понятий: «ард» – клятва, «ардхæрын» – давать клятву (букв. поедать – «ард»), «æрдхорд» – связанный клятвой, названный брат – побратим «æрдхæрæн» – прославленный (т.е. то, чем можно поклясться), «мæнгард» – клятвопреступник, вероломный (14, с. 60, 174; 15, с. 93).

Верность клятве была нормой у алан-осетин, тогда как нарушение ее – считалось бесчестьем. Слово «мæнгард» – клятвопреступник – являлось довольно тяжелой и суровой инвективой. Иными словами, аланы отличались тем, что в последующие времена называли чувством воинского долга, восходящим к верности клятве, побратимству, зафиксированным еще у скифов – генетических предков алан-осетин (16, с. 42, рис.81 в тексте, рис. 203). Это качество, бесспорно, должно было импонировать Вахтангу Горгасалу, когда он набирал свою дружину (гвардию). Косвенным подтверждением тому, что наемников-дружинников набирали в аланской среде, кажется, являются и сведения древнеармянского историка Лазаря Фарпеци. Более того, по мнению Г.В. Цулая, во время антиперсидского восстания картлийцев и армян Вахтангу удалось собрать вспомогательную группу воинов только среди алан, обитавших у Дарьяльских ворот, всего 300 всадников (17, с. 90). Другие народы на Северном Кавказе, в частности «хо-ны» (гунны), на которых надеялся Вахтанг, подвели его, хотя Горгасал был уверен в их поддержке. С другой стороны, до этого события Вахтанг ходил походом на Аланию-Осетию и, казалось бы, аланы не должны были вступить в союз с Вахтангом. Однако отношения на практике сложились совершенно иные.

По очень интересному наблюдению Г.В. Цулая (в процессе анализа текста другого источника из «Картлис Цховреба»), Вахтанг не покорил силой оружия овсов у Дарьяльского прохода, обязав их нести охранную службу в Дарьяльских теснинах, а привел их в подданство. Согласно источнику, в тексте употреблено не ДАИПКРА (завоевал), а ДАМОРЧИЛА (привел в подданство). Последнее скорее всего осуществлялось дипломатическим путем (17, с. 90-91). Разница большая. Это мнение исследователя даст нам возможность подтвердить предположение о том, что

Вахтанг Горгасал набирал дружину из тех воинов-овсов, которые отличились, оказали ему яростное сопротивление во время его похода в Осетию.

Известно, что привлечение алан в картлийскую армию или в дружину грузинских царей (как в дружины отдельных феодалов), несомненно, происходило и в последующие времена. Однако, интерпретируя источники, любопытно отметить, что согласно «Картлис Цховреба», Вахтанг Горгасал «подчинил себе осетин и кипчаков и воздвиг ворота осетинские, которые мы называем Дарьяльскими, над ними построил высокие башни и охранниками поставил соседних горцев» (18, с. 46).

Как показали исследования, под этими «горцами» следует иметь в виду алан, давно уже проникшими в высокогорье Центрального Кавказа и явно доминировавшими здесь. По словам Г. В. Цулая, текст хроники «Жизнь Вахтанга Горгасала» действительно позволяет определить, что между периодами господства на Северном Кавказе гуннов и кипчаков был еще один исторический пласт – гегемония на Северном Кавказе овсов-алан (17, с. 91). Из этого следует, что именно аланам и поручалась охрана перевалов, разумеется, на основе определенных договорных условий, и военные союзы с народами Северного Кавказа в первую очередь осуществлялись с аланами и, как мы полагаем, военную гвардию или дружину Картлийский царь Вахтанг Горгасал набирал из волонтеров-алан.

Надо полагать, что несколько позже (VI в.н.э.), когда персы захватили Восточную Грузию, они привлекали для охраны тех же горных перевалов Главного Кавказского Хребта давно испытанных в боях алан. По крайней мере, в грузинских источниках на этот счет имеется интересный пассаж: «Когда прекратилось царство в Картли, усилились персы и покорили Герети и Армению. Но Картли сильнее покорили и вступили к кавказцам и соорудили врата Осе-

тии, одни большие ворота в Овсетии же и двое – в Двалетии, и один – в Парчуане Дордзокетском и тех горцев поставили сторожевыми» (18, с. 47).

Постоянное пребывание алан на месте службы предполагало их постепенное оседание. Следует думать, что всадники-дружинники не только получали жалованье, довольствие и обмундирование, но и земельные наделы. Не подлежит никакому сомнению, что с течением времени они ассимилировались в грузинской среде, восприняв грузинский язык, грузинскую культуру, т.е. со временем стали частью грузинского народа, часто пополняя привилегированные слои грузинского общества, как, например, это произошло с потомками осетинских царевичей – Ростома и Бибила, основавших новую феодальную династию Сидамон – Эриставов в Ксанском ущелье (18, с. 85-100).

По нашему предположению, дружина царя Картли Вахтанга Горгасала состояла из алан. По некоторым аналогиям, дружина профессиональных воинов называла себя братством «волков» и поэтому предводитель дружины становился главой этих «волков». Царь, как действительный начальник – сюзерен дружины, вполне мог получить прозвище «глава волков». Возможно, именно так следует переводить с персидского прозвище царя «Горгасал». Лишь значительно позже, под влиянием христианской идеологии оно было переосмыслено и получило иное истолкование.

Найм или приглашение алан в войско или дружину – факт, неоднократно имевший место в истории Грузии. На это были веские причины: высокое мастерство профессионалов-воинов, передовая военная тактика, постоянно обновляющееся вооружение, мастерское владение им и главное – неоднократно подтвержденная на практике верность сюзерену-военоначальнпку, основанная на особом отношении, возможно, идеоло-

гического, а точнее сакрального характера, к клятве или присяге, дававшейся воином его побратиму-предводителю. Доступные нам источники нигде не противоречат этому положению.

Источники и литература

1. Джуаншериани Джуашшер. Жизнь Вахтанга Горгасала // Источники по истории Грузим / Пер., введение и примеч. Г. В. Цулая). Тбилиси, 1986. Вып. 43.

2. Чхатарашвили К.А. Социальная сущность военной организации феодальной Грузии // Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Тбилиси, 1987.

3. История Грузии / Под ред. Н. Берзенишвили). 5-е изд. Тбилиси, 1969.

4. Граков К.Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II.

5. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1940. Т.1.

6. Гамкрелидзе Т. В. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II.

7.Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

8.Липец Р. С. Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

9. Цулая Г. В. Джуаншер Джуаншериани и его исторический труд // Введение к книге Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала».

10. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

11. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

12. Chartes M. Brand. Byzantium conjonts the West. 1180-1204. Harvard Unuversity eress/ Camnde, Massachusets, 1968.

13. Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах аланах. СПб., 1914. Т. II. Вып. III.

14. Абаев В. И. ИЭСОЯ, М.-Л., 1958. Т.1.

15. Абаев В. И. ИЭСОЯ. Л., 1973.

16. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1966.

17. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979.

18. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962. Т.1.

Аланы: История и культура. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 101-106.

ПРЯЖКИ И ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ЕДЫССКОГО МОГИЛЬНИКА (VI-VII ВВ. Н.Э.)

Раскопанный в 1982-1984 гг. в верховьях реки Большой Лиахвы раннесредневековый аланский могильник с разнообразным погребальным инвентарем позволил высказать мнение о более раннем проникновении алан-овсов-осетин на южные склоны Главного Кавказского хребта и в Закавказье, нежели это фиксировалось в литературе (1, с. 198-209). Общий обзор памятника был дан нами в небольшой статье популярного характера (2, с.76-79). Для более полного и детального изучения отдельных элементов погребального инвентаря исследуемого могильника мы выбрали предметы и детали поясного набора, как, возможно, наиболее яркий и «говорящий» материал, ибо археологические источники при тщательном осмыслении становятся историческими источниками, средством «обеспечения археологических исследований базой фактов» (3, с. 5). Особенно это важно для тех регионов и периодов, по которым нет надежных письменных источников. К этому, несомненно, относится и раннесредневековый период истории Осетии. Из всего археологического материала, добытого нами в результате нескольких полевых сезонов на раскопках Едысского городища и принадлежащего ему средневекового Едысского могильника, нами выделяются только вещи, относящиеся к поясному набору и его элементам, поскольку наряду с бытовыми чертами костюм, одежда представляют собой довольно интересный и сложный объект исторического исследования.

Пояс – элемент одежды. Костюм, как и многое другое, не является каким-то сразу возникшим и законсервировавшимся явлением. Наоборот, он постоянно находится в развитии, отражая не только материальное производство,

но и социальные моменты и торгово-экономические связи, влияние моды, образа жизни, эстетических пристрастий. Костюм – это не просто продукт деятельности мастера-портного, а сложный, зафиксированный в конкретном моменте истории, облик или отпечаток всей сложности связанных в единое целое разнообразных проявлений человеческой деятельности. Поэтому нет и не может быть постоянного костюма для одной этнической единицы.

У всех народов костюм состоит из верхней и нижней одежды, головного убора, обуви, причем одежда бывает праздничной**,** будничной или рабочей. Праздничная одежда или праздничный костюм, возможно, восходящий к ритуальным действиям и обрядам, отличается большим разнообразием или вариантностью. Большую роль играют в нем (костюме) различные детали, покрой, нашивные элементы и пр. Кроме того, особую струю вносят костюмы специфического назначения или профессионального. Так, к примеру, костюм скотовода должен отличаться от костюма воина или жреца и т.д. Различная деятельность людей порождала специфические элементы покроя, фасона, материала, цвета одежды. В последней, безусловно, отражался материальный достаток как целого народа, так и отдельных его представителей. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что уже с древнейших времен имущественная дифференциация наложила резкий отпечаток на костюм, вследствие чего он, не исключено, был первым материально, а затем социально дифференцирующим признаком представителя этноса.

Костюм как наиболее верный и точный признак определенного класса, классовой прослойки и иных категорий населения является ценным историческим источником, изучение которого дает нам весьма точные характеристики уровня материального производства, торгово-экономических связей, социальных взаимоотношений.

Разумеется, костюм – далеко не единственный критерий исторических оценок и построений, но в совокупности с другими историческими источниками, в особенности с археологическими, он дает достаточно полное представление о социально-экономическом статусе индивидуума.

Сказанное в полной мере относится и к осетинскому костюму. К сожалению, история костюма, разрабатываемая у многих народов, мало или почти не исследована в должной мере у осетин.[1]

Многие его детали и элементы уходят в глубокую древность, вплоть до скифо-сарматского периода, а возможно, и глубже. Разумеется, это не закостенелые формы, без изменения дошедшие до нас в виде рудиментарных пережитков.

В археологических памятниках одежда, как правило, не сохраняется, зато отдельные ее детали, в особенности металлические, доходят до нас часто в первозданном виде. В этом смысле пояса, и в частности металлические детали поясного набора, встречаются довольно часто и представляют удобный материал для реконструкции. Пряжки, нашивные и подвесные бляхи, наконечники ремней обычно хорошо восстанавливают эту деталь (или элемент) экипировки. Широко распространившиеся в Евразии в раннем средневековье поясные наборы в некоторых регионах могут играть роль этнического показателя, если они встречаются там, где их появление ограничено какими-то хронологическими рамками и связано с продвижениями этносов, а не просто распространением моды или заимствованием. В данной связи следует отметить, что определенные формы предметов безусловно появляются

[1] Сейчас подготовлен иллюстрированный альбом в Северо-Осетинском музее Краеведения (авторы Т. Б. Мамукаев и Э. С. Кантемиров), но издание его затягивается, лишая нас возможности приняться за интерпретацию и историко-культурное исследование.

с их носителями, а не просто передаются от одного народа к другому. Без живых носителей заимствование представляется абсурдным. Так, в Закавказье поясные наборы VI-VII вв. с разнообразными пряжками, накладками и наконечниками появляются вслед за распространением их на Северном Кавказе и связаны с этносами, проживающими на указанной территории и в результате разнообразных контактов и инфильтрации отдельных групп, проникшими в Закавказский регион.

Пояс в понимании средневекового человека – своеобразная часть воинской экипировки, достаточно своеобразная, яркая и значащая. Ему придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию, т.е. к особой группе или касте, выполняющей определенные функции в древнем обществе. По словам С. А. Плетневой, «ношение поясов имело значение признака социальной дифференциации, а не было только утилитарным» (6, с. 164, 170).

Значение пояса было велико и в средневековой Европе. «Отличительным знаком рыцаря служили: перевязь, рыцарский пояс (cingulum militare) и золотые шпоры. С поясом и перевязью, как символами военного сословия, мы встречаемся в литературе уже в тот период, когда германцы заняли место римских легионов; в житии мученика Архелая, времен Константина Великого, святой прославляется за то, что обратил в христианство многих воинов, которые при этом сняли свои военные пояса (cingulum militare); и когда Людовик Благочестивый в 834 году вынужден был принести в Реймском соборе публичное церковное покаяние и постричься в монахи, то он, как подробно сообщается, «снял свой рыцарский пояс и возложил его на алтарь», а Фридрих Барбаросса в 1187 г. запретил принятие рыцарского пояса «сыновьями духовных лиц и крестьян» (7, с. 128-129).

Таково значение военного пояса на большой территории Европы и Азии, причем в течение длительного времени, по крайней мере с гуннского времени по XII-XIII вв. Надо полагать, что категория воинов была особо довлеющей над остальными прослойками частью этноса, особенно в эпоху так называемых «военных демократий». Значение воинского контингента не могло ограничиваться выполнением только оборонительных и захватнических функций. Это была наиболее мобильная и характерная часть общества, ее соль и квинтэссенция.

Главенствующее положение воинского контингента, профессионального воинского коллектива, поддерживалось не только внутренними силами, но обязательно должно было проявляться и проявлялось внешне разнообразными атрибутами и знаками. Уже сами по себе находки поясов и поясных наборов четко указывают на принадлежность индивидуума к воинскому сословию.

Особое значение пояса, его семиотический статус нашли отражение и в фольклоре. Так, «дополненный оружием, пояс в кочевой среде был обязательным атрибутом посвященного в воины. В тюркском мире он служил одним из социально-дифференцирующих маркеров. В отличие от представителей среднего сословия, хазарские воины – всадники с молодых лет получали право носить боевой пояс. Количество блях и наконечников на нем определяло «общественную значимость» владельца, будь то мужчина или юноша. Не случайно слово «КУР» (пояс) в древнетюркском, как и в современных языках, помимо основного имеет значение «степень, положение». Оно, вероятно, характеризовало не только отдельного человека, но и социальную группу в целом» (8, с. 183-184).

Поясной набор, состоявший из пряжки с язычком, в той или иной мере дополняется разнообразными поясными накладками. Пояс заканчивался металлическим на-

конечником. Нередко он усложнялся боковыми ременными отростками с фигурными наконечниками. По форме поясных накладок, наконечников и, конечно же, пряжек исследователи группируют детали поясного набора по степени сложности орнаментальных мотивов и прочих характерных черт в классификационные схемы. При этом выявляются интересные моменты как в смысле хронологического распределения материала, так и по распространенности его во времени и пространстве. Выявляются регионы с определенными стилистическими пристрастиями, возможные центры их изготовления. Материалом для пряжек служили металл и кость, последнее очень редко. Из металлов широкое применение для изготовления пряжек получили бронза и серебро; имеются в распоряжении исследователей и золотые пряжки. Надо полагать, что и сам материал был далеко не безразличен для определения статуса воина. Что касается остальных деталей поясного набора, то они чаще всего изготовлялись из серебряных пластин или «из медной жести с посеребрением» (5, с. 100). Поясные накладки, как и поясные пряжки, очень четко подразделяются на хронологические группы, т.е. эти накладки не остаются неизменными на поясах раннего средневековья, а довольно явственно разнятся по конфигурации. Так, накладки VI-VII вв. резко выделяются из общей массы материалов предшествующего и последующего периодов. На Кавказе нет широкого ассортимента поясных накладок, как это наблюдается в памятниках Евразийских степей. Здесь в основном (или в подавляющем большинстве) обнаруживаются накладки только VI-VII вв.

Для Центрального Кавказа и Закавказья они, можно сказать, явление эпизодическое, временное.

Однако, возродясь уже в новом времени в виде так называемого «кавказского пояса» или «авзагджын рон»-а («пояса с язычками»), в переводе с осетинского они дожи-

вали до наших дней, являясь непременным атрибутом так называемого «кавказского костюма». Заметим, что и позднейшие «кавказские» наборные пояса отражают связь с оружием, ибо в серебряных привесках, превратившихся в разнообразные стилизованные безделушки, угадываются жирницы-коробочки, отвертки-приспособления для ремонта уже нового вида оружия – огнестрельного.[1]

Несмотря на общую моду на пояса, распространившуюся среди кочевых и даже ряда оседлых народов, формы и орнаментация бляшек и пряжек позволяют выделить локальные варианты различных типов данных изделий и определить несколько центров их производства. При этом каждый кочевник, ставший воином, носил специальный и боевой пояс. Помимо пояса, надевавшегося, видимо, поверх одежды, у него было еще один или два ремешка, входившие в состав костюма. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее (и удачливее) он был, тем больше имел бляшек на поясе. Особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам – «наконечникам», свисавшим с пояса. Бляшки и пряжка каждого пояса были одинаковой формы, поверхность их украшал одинаковый орнамент. Любопытно отметить, что на боевых поясах погребенных в могилах зачастую нет пряжки; это, видимо, связано с бытовавшим

[1] В интересной статье А. Д. Магомедова предпринят анализ новейших наборных поясов народов Северного Кавказа. Рассмотрены некоторые типы накладок, пряжек, наконечников и пр. Автор совершенно справедливо называет северокавказские наборные пояса наследием боевых наборных поясов раннего средневековья, прослеживая при этом развитие форм и типов как целиком самого пояса, так и составляющих его деталей (9, с. 111-120). Что касается колюще-рубящего холодного оружия, то с древнейших времен оно подвешивалось именно к поясу. Позже к этому поясу подвешивался охуымпырп (кобура) кремневого пистолета и пороховница.

в те времена обрядом «обезвреживания» мертвеца: расстегнутый пояс и оружие, висевшее на нем, теряли силу и их невозможно было использовать против живых (6, с. 161).

Находки наборных поясов воинов – дружинников в Осетии не являются редким фактом. Специалисты считают, что наряду с поясными пряжками, повторяющими византийские и восточные, сибирско-среднеазиатские образцы, можно проследить здесь местные типы, развивающиеся на базе импортных изделий (10, с. 85). В одной только Северной Осетии, не говоря уже о всем Северном Кавказе, поясных пряжек (с учетом новейших находок) насчитывается до полутораста экземпляров (4, с. 52-54); исследователи совершенно справедливо считают их аланскими. То же самое можно сказать о деталях поясных наборов. Из могильников Центрального Предкавказья происходит около 2000 деталей поясов (11, с. 161). Особенно выделяются могильники Северной Осетии у селений Кобань, Кумбулта, Камунта, Рутха, Чми, Балта.

Аналогичные предметы (пояса и их детали) теперь хорошо известны и в памятниках Южной Осетии и это, судя по материалам наших раскопок Едысского могильника у городища «Царциаты калак», конечно же, не случайное явление, не результат торгово-меновых операций, а своего рода закономерность, свидетельствующая о вполне определенном аланском воинском контингенте, достаточно долгое время прожившем на этой территории (1-2). Вопрос о характере поселения алан в этом пункте пока еще трудно разрешим из-за отсутствия достаточной информации. Однако, судя по некоторым материалам могильника (сасанидскис монеты и геммы, гранатовые бусы – символ богини Анахиты) и учитывая сильное персидское (сасанидское) влияние, связанное с территориальным захватом Восточной Грузии и горных регионов, вплоть до

перевалов Кавказского хребта (12, с. 46), аланы в Едысе, возможно, появляются в результате военно-союзнического договора с верховной военной властью персов. К этому периоду относится пассаж из грузинского летописного источника, гласящего, что персы «проникли к кавказцам и соорудили они себе врата Овсетии, одни большие ворота – в собственно Овсети и четверо врат – в Двалети, и одни – в Парчуанс Дурдзукетском; а тех горцу поставили гомардами», т.е. охраной (13, с. 47). Аланы, которые уже к этому времени прочно осели в горах и стали, по выражению В. А. Кузнецова, хозяевами положения на Центральном Кавказе» (14, с. 82), надо полагать, и были той надежной опорой для персов в деле защиты проходов через Главный Кавказский хребет от нашествий кочевников степей Евразии. Находки в Восточной Грузии н на Северном Кавказе (в центральной части и восточнее) сасанидских гемм и монет, и редкость их в Западной части как-будто говорят о больших связях Ирана-Персии с Восточным Кавказом в отличие от Западного Кавказа, где более явно прослеживается римско-византийское влияние. Именно правитель восточной части Алании, по мнению В. А. Кузнецова, удостаивался титула Марзбана – персидского титула. Более того, только марзбаны могли именоваться шахами, кроме, конечно, родни самих сасанидов (15, с. 56).

Следует полагать, что через перевалы проходили торговые пути, один из которых с древнейших времен до наших дней не потерял своего значения. Это так называемая Военно-Грузинская дорога, или Дарьяльские проходы древности – Дар-и-алан, («ворота аланы»). К западу от Крестового перевала, через который проходит Военно-Грузинская дорога, находится менее значительный и более труднопроходимый перевал Кадласан. Ниже него и расположено село Едыс, близ которого обнаружены интересующие нас аланские погребения, с типично северокав-

казским набором вещей – сосудов, украшений, поясных наборов и пр., а также с искусственно деформированными черепами, связываемыми исследователями с аланским этносом.

Ниже мы переходим к непосредственному описанию и интерпретации поясных наборов н пряжек из раннесредневекового Едысского могильника, а также аналогичных материалов, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Поясные наборы. Наиболее интересным и, можно сказать, полным набором поясных деталей отличается погребение №12.

Останки, не менее четырех индивидуумов, оказались потревоженными и перемешанными. Погребения были совершены с западной ориентацией костяков, ибо обломки черепов находились именно в западной части неполностью сохранившейся погребальной камеры. Среди богатого набора вещей, включавшего золотые, серебряные, гранатовые, янтарные и стеклянные украшения, булавки, фибулы, серьги, модально, железные удила и пр., найдены четыре поясные пряжки. Поясной набор, выделяемый нами особо, представляет собой комплект вещей из серебра, включающий пряжку, поясные накладки, подвесные язычки и наконечник.

Пряжка серебряная трехсоставная, т.е. она состояла из трех частей – рамки, язычка и щитка (табл. 1,1). Соединение элементов подвижное на оси из железного стерженька.

Рамка пряжки В-образная по внешнему контуру, овальная в сечении; внутренний контур прямоугольный, концы осевого стержня закреплены в утолщенных плашках, имеющих форму выступов. Язычок в виде хоботка, конец загнут вовнутрь и несколько выступает за рамку, часть язычка имеет продольный желобок, а поближе к основанию – квадратный неорнаментированный выступ-щиток, закрепленный на оси двумя плоскими петлями. Щиток в

виде геральдического поля с заостренным концом имеет скошенную поверхность. Близкие, но не абсолютные аналогии имеются в материалах из Камунты и датируются VI-VII вв. (4, табл. XIX, 8).

Поясные накладки (табл. 1,1, г, д, е) одной формы, изготовлены из листового серебра, на обороте имеют шпоньки для закрепления на кожаной основе пояса. Внешняя конфигурация идентично-ровный горизонтальный верх, несколько дугообразно сходящиеся боковые грани и заостренный конец внизу. Две накладки имеют в верхней части круглые вырезы, а одна накладка – два небольших отверстия в срединной части; последняя накладка сохранилась не полностью. Накладки целиком умещались на поверхности пояса, иначе их нижние заостренные концы создавали бы неудобства при ношении пояса.

Поясные язычки представлены пятью экземплярами, причем три из них одной формы, а два других – разных форм (табл. 1,1, а, б, ж, з). Первые также изготовлены из листового серебра в виде продолговатых пластинок с загнутыми краями и заостренных книзу концом. В верхней части язычки имеют поперечные горизонтальные желобки, под ними прорези в виде двух круглых отверстий и под ними вертикальные отверстия, так что прорези составляют фигуру «личины», т.е. схематического изображения человеческого лица (глаза, нос, рот). Следующий язычок представляет собой фигуру с прямоугольным основанием, кольцеобразным окончанием и прямоугольной перемычкой (табл. 1,1, ж). Третий вид язычка своеобразной формы – заостренная кверху, шлемовидная форма переходит в узкую перемычку и затем снизу оформлена горизонтальным окончанием с выпуклинами и вдавлинами (табл. 1, 1, 1, 3). Язычки крепились на узких ремешках, отходивших от основного поля пояса, свисая вниз, и, видимо, выполняли особые функции, возможно для подвешивания к боевому

поясу каких-либо дополнительных предметов.

Аналогии язычкам обнаруживаются на обширнейшей территории Евразии и везде датируются VI-VII вв. Имеются они в материалах из могильников Восточной Грузии – Самтавро, Рустави, Урбниси, Бербуки, Армазис-хеви, Казбеги и др., которые датируются этим же временем (16, табл. XXII, 26-57).

Заканчивался пояс гладким прямоугольным наконечником с закругленным концом. Крепился наконечник к кожаной основе пояса при помощи гвоздика – шпоньки (табл. 1,1).

Судя по количеству поясных накладок и язычков, обладатель пояса принадлежал к более высокому рангу воинов, нежели остальные индивидуумы, которые также имели боевые пояса, но без накладок или с меньшим их количеством. О социальном статусе и имущественном положении погребальных (погр. №12) говорит не только этот боевой пояс, но и указанные выше изделия из драгоценных материалов.

В погребении №6 Едысского могильника среди интересного и разнообразного материала, включающего серебряную шейную гривну, булавку, фибулы, разнообразные бусы из граната, янтаря, сердолика (одна большая сердоликовая бусина кажется не имеет аналогий по величине – диаметр более 35 мм) и стекла, фрагменты цепочек, а также четыре разные сасанидские геммы с изображением грифона, скорпиона и «аташданов», имеются четыре бронзовые пряжки. Три из них упрощенного типа – круглo и овальнорамчатые без щитков, а четвертая – цельнолитая овально-рамчатая с геральдическим щитком с вырезом, повторяющим внешний контур щитка. Язычок, расположенный поближе к основанию, имеет квадратный выступ. На передней части рамки находится выем с бортиками для фиксации язычка. На оборотной стороне

щитка сохранилась шпонька или гвоздик для крепления к кожаной основе пояса. Часть щитка и рамка повреждены (табл. 1, 2). Аналогичные пряжки известны из Самтавро, Ананури и Рустави, а также из Бежта и Никольского, и датируются VI-VII вв. Найденные в той же могиле детали поясного набора мы связываем именно с этой пряжкой, так как обычно гладкие овальнорамчатые и круглорамчатые пряжки не имеют комплектов с накладными и язычками. Все найденные детали, а их четыре, фрагментированы, но по аналогиям легко реконструируются (табл. 5, 2, а, б, в, г). Поясная накладка имеет геральдическую форму с двумя фигурными вырезами – Т-образным и ниже – дугообразным. В целом вырезы напоминают «личину» – глаза, нос и улыбающийся рот. Абсолютно идентичная аналогия имеется в материалах Самтаврского могильника (кам. ящик №623) и датируется концом VI – началом VII в. (16, с. 23, табл. XXII). Два язычка по форме совершенно аналогичны удлиненным язычкам из погребения №12 Едысского могильника, только вырезы в них представлены в виде трех кружочков, так же, по-видимому, имитировавших изображение человеческого лица. Датировать их следует VI-VII вв. Еще один язычок с геральдической конфигурацией и поперечной перекладинкой на конце, похожей на такую же деталь поясного набора из погребения №12, но с двумя поперечными желобками на корпусе, также не выходит из хронологических рамок VI-VII вв. Отметим, что в отличие от пряжки, изготовленной из бронзы, поясные накладки и язычки вырезаны из тонкого листового серебра.

Поясные накладки и язычки, видимо, не были дорогостоящими предметами и вряд-ли это могло удерживать обладателей поясов от стремления укрепить на поясе большее количество этих деталей. Регламентация количества поясных накладок, язычков, самих пряжек, очевидно, была довольно строгой. Самозванство вряд ли поощря-

лось, тем более что пояс был у всех на виду и соратники и командиры тут же бы уличили обманщика или хвастуна. Этот своеобразный момент никем пока из исследователей не был учтен. Возможно, прикрепление очередного знака сопровождалось и другими проявлениями почтения. Или же подобные знаки воинской доблести не были личной инициативой, а прерогативой руководителя или вождя воинской группы-дружины.

Касаясь формы язычков и накладок, вернее их оформления, бросается в глаза одна интересная деталь: многие из них имеют конфигурацию человеческого лица («личины»).

Многотысячные аналогии из памятников Евразии как бы увековечивают одну и ту же эту особенность – изображение человеческого лица. Причем «лицо» отмечено весьма схематично: глаза-рот. Иногда для уточнения – нос. Но ведь и лингвистика зачастую отражает упомянутую композицию через понятие «глаза-рот». Осетинский язык в данном случае даст ярчайший пример, «цæсгом» – это цæст – глаз + ком – рот.[1]

Отталкиваясь от сказанного, заметим, что мастер, изготовлявший пояса и детали набора, имел перед собой цель зафиксировать на металле именно человеческое лицо или человеческую голову, но никогда целиком изображение человека.

Вполне вероятно, что в этой традиции мы имеем перед собой подмеченный еще Геродотом древний скифский **обычай** привязывать к уздечке коня скальпы убитых врагов. Чем больше у скифа было таких скальпов, использовавшихся как полотенца для рук, тем более доблестным мужем (воином) он считался (17, с. 202). Упомянутый обы-

[1] Эта точка зрения была высказана В. Б. Ковалевской в докладе на заседании скифо-сарматского сектора в Институте археологии АН СССР в 1966 г.

чай был достаточно широко распространен в скифском мире и, возможно, у других иранских народов. Со временем он, несомненно, отмирает, но реминисценции его, видоизменившись, долго еще сохранялись, дожив до средневековья в виде изображений человеческих голов (лиц), подвешенных к поясу. К сожалению, в скифской торевтие и иконографии это нигде не отразилось, однако в осетинском Нартовском эпосе подобные сюжеты сохранились (18, с. 110-112). Аналогичная картина – подвешенная к уздечке человеческая голова (мастер-гравировщик только так смог передать изображение скальпа) – отображена на бронзовом поясе из тлийского могильника (19, с. 214, рис. 77, 12). Бесспорно, очень интересен наборный пояс из Агойского аула, на деталях которого совершенно отчетливо прослеживаются человеческие лица (10, рис. 61, 1). На ту же мысль наводит нас и известное сасанидское блюдо из Эрмитажа с изображением охотящегося на кабанов всадника – царя, на сбруе царского коня укреплен фалар с четким изображением лица (20, табл. 34-35).

В погребении №8 Едысского могильника среди комплекта типичной аланской посуды – подвесок, серег, фибул, цепочки, бус и булавок – обнаружены три пряжки; две из них были железными, сильно коррозированными и поврежденными. Третья пряжка бронзовая овально-рамчатая с подвижным ажурным щитком, язычок утерян. Пряжка, особенно щиток, довольно изящной работы со стилизованным изображением человеческого лица, причем прорези «глаз» и «рта» выполнены в совершенно одинаковом виде – калпеобразны (табл. 1, 3а). На внешнем контуре щитка расположены пять шишечек; две по бокам, и одна внизу, у окончания щитка, крепившегося к кожаной основе двумя шпоньками. Подобные щитки, но с более пассивными рамками, найдены в могильниках Гунделена, Камунты, Кумбултры, Чегема, Хасаута и датируются VIII в. (4,

табл. XIII, 8), однако более упрощенная рамка едысского экземпляра позволяет отнести его к более раннему периоду, скорее всего к VII в. (10, рис. 60, 69).

Из поясного набора в нашем распоряжении имеется только наконечник, изготовленный из листового металла, с фигурными прорезями и гравировкой на лицевой стороне (табл. 1, 3б). Гравированные наконечники появляются в комплекте поясного набора с первой половины VII века (5, табл. 102). Отсутствие поясных накладок и прорезных язычков, возможно, является отражением более низкого статуса погребенного воина.

В погребении №7 были обнаружены два типично аланских сосуда в виде приземистых кружек – кувшинчиков с петлеобразными ручками, две бронзовые фибулы, несколько бус из стекла и сердолика, раковина каури и две сасанидские монеты конца VI – начала VII в.[1] Кроме того, в погребении найдены две железные пряжки, потерявшие из-за сильной коррозии первоначальную форму, и одна бронзовая пряжка идеальной сохранности. Кроме того, выявлены две обоймы, которые мы считаем принадлежностью поясного набора и относящиеся скорее всего к бронзовой пряжке. Пряжка относится к лировидным (по классификации В. Б. Ковалевской). Язычок ее орнаментирован гравировкой, щиток ажурный, в вырезе имеется фигура в виде цветка лилии. Все детали пряжки литые и скреплены осью (табл. 1, рис. 2а). Точные аналогии пряжке имеются в материалах могильника Камунты и датируются VI-VII вв. (4, табл. XV, 9).

Что касается двух обойм, очевидно служивших для фиксации продетого через пряжку конца пояса, то следует отметить их упрощенные формы (табл. 1, рис. 2А, а, б).

[1] Монеты определила И. Л. Джалагания, сотрудница центра археологических исследований АН Грузии.

Они изготовлены из листового металла; судя по проему между пластинками, толщина боевых поясов не была значительной, поскольку они изготовлялись, видимо, не из сыромятной, а из выделанной кожи.

Поясные пряжки из Едысского могильника. Кроме поясов с деталями поясного набора на Едысском раннесредневековом могильнике были обнаружены отдельные поясные пряжки без деталей поясного набора. Они скорее всего принадлежали более молодым или рядовым дружинникам, хотя и среди них могла быть какая-то градация, если иметь в виду материал, из которого изготовлены поясные пряжки. Среди последних есть изделия из железа, бронзы – литые и пластинчатые, со щитками и без них, серебряные. Кроме трех пластинчатых пряжек, на которых нанесена гравировка, исключительно на язычках, все изделия, кроме описанных выше, гладкие без орнаментации. Это, возможно, лишний раз подчеркивает невысокий статус их владельцев. Называя все пряжки поясными, мы в то же время допускаем, что некоторые из них, особенно миниатюрные, могли предназначаться для укрепления голенищ обуви. К сожалению, перемешанность погребений не позволяет нам точно локализовать находки в погребальной камере. К тому же железное и два бронзовых кольца, видимо, являются не поясными, а портупейными. Однако они вполне могут быть отнесены к экипировке воина-дружинника, что позволяет нам рассматривать их вместе.

Бронзовые литые пряжки. В погребениях №№ 2, 3, 4, 6 и 10 среди прочего инвентаря были найдены кругло- и овальнорамчатые пряжки, изготовленные из прутов с утончающимися концами. Рамки пряжек незамкнутые. Кольцо язычка приходится как раз на место стыка концов прута. Язычки массивной формы с утолщениями, а конец одного язычка отмечен канавкой (табл.11, рис. 1-35-8).

Все эти семь пряжек без щитков, что, по мнению специалистов, считается архаичным признаком. В. Б. Ковалевская нижней датой бытования подобных пряжек считает период III-IV вв. (4, табл. 1, 1-2). Однако нахождение их в комплексах VI-VII вв. и даже VIII в. (4, табл. III, 3-4), говорит о длительном использовании этих простых пряжек.

Серебряная пряжка из погребения №4 состоит из круглой рамки, длинного язычка, вступающегося за пределы рамки, и двустворчатого щитка, соединенного с рамкой двумя петлями, образуемыми вырезом на сгибе. Круглый по форме щиток, изготовленный из листа металла (табл. II, 4), крепится к кожаной основе пояса при помощи заклепки (не сохранилась). Точных аналогий данной пряжке мы не нашли, но близкие типы характерны для VI-VII вв. (табл. I-II). Видно, простые пряжки с двустворчатым щитком имеют широкий хронологический диапазон и распространены от Северного Кавказа до Крыма.

Бронзовые пластинчатые пряжки. В нашей коллекции пряжек из Едысского могильника четыре пряжки резко выделяются своей формой. Изготовлены они из листовой бронзы:

а) плоская пряжка с круглой рамкой и язычком, имеющим расширение у основания, имитирующим квадратный выступ на литых пряжках; найден в погребении №4. Плохая сохранность ее объясняется тем, что изготовлена она из тонкой бронзовой пластинки, подвергшейся окислению. На расширенной части язычка две пунсонные линии (табл. II, 9);

б) плоская пряжка округлой формы с плоским язычком, сильно поврежденная и окисленная (табл. II, 10);

в) плоская пряжка округлой формы, с плоским язычком, на котором имеется елочный орнамент, нанесенный гравировкой или чеканкой. Пряжка снабжена двустворчатым щитком, который сильно фрагментирован, но пет-

ли для прикрепления к рамке сохранились. Щиток крепился к кожаной основе пояса заклепками (табл. II, 11). Пряжка, возможно, была сломана при погребении, ибо толщина бронзового листа, из которого она была изготовлена, позволяла ей сохраниться в грунте даже при коррозии;

г) плоская бронзовая пряжка с плоским язычком, на котором гравировкой нанесен орнамент в виде повторяющихся уголков. Пряжка снабжена двустворчатым щитком с петлями (сохранилась только часть одной створки). С пряжкой, в результате окисления, спекся фрагмент ткани, нити которой хорошо прослеживаются (табл. II, 12).

Эти четыре пряжки не имеют аналогий и, по-видимому, были неумелыми подражаниями настоящим литым или кованым пряжкам. Размеры пряжек и отсутствие младенческих костяков в погребениях не позволяют их отнести к игрушечным или детским. Это вполне «взрослые» пряжки.

Железные пряжки. Особую группу интересующих нас изделий составляют кованые из железного, круглого в сечении прута пряжки (8 экз.), найденные в погребениях №№3,4,5,7,8. Они сильно коррозированные, но общая конфигурация позволяет их отнести к круглорамчатым и овальнорамчатым пряжкам. Кроме одной, все пряжки не имели щитков, возможно, последние не сохранились, ибо щитки обычно изготовлялись из листового материала:

а) железная круглорамчатая пряжка; на тыльной ее стороне сохранился припекшийся из-за коррозии фрагмент ткани (табл. II, 13);

б) маленькая овальнорамчатая пряжка с выступающим у основания язычка утолщением (табл. II, 14);

в) круглорамчатая пряжка с длинным язычком, кончик которого загибался за край рамки вовнутрь (табл.II, 16);

г) массивная круглорамчатая пряжка с массивным язычком, но упрощенным в месте прикрепления к рамке;

щиток обломан, имеет заклепку для крепления к кожаной основе пояса (табл. II, 17);

д) овальнорамчатая пряжка с язычком (срединная часть язычка утеряна), конец которого загибался за рамку (табл. II, 18);

е) круглорамчатая пряжка с язычком; срединная часть язычка и часть рамки утеряны (табл. II, 19);

ж) пряжка вытянутой формы с язычком (табл. II, 20). Аналогичная пряжка, но со щитком, была найдена в каменном ящике №251 Самтаврского могильника и датируется концом VI – первой половиной VII вв. (табл. XXVIII, 1).

Надо отметить, что железные пряжки, в отличие от бронзовых, серебряных и даже золотых, не были широко распространены. В своде археологических источников, составленном В. Б. Ковалевской, фиксируется только 2 или 3 железные пряжки, что весьма показательно. Однако определение железных пряжек, как деталей поясов или поясов рядовых дружинников, вполне укладывается в характеристику, которую дают исследователи этому важному предмету экипировки военного всадника.

Бронзовые пряжки со щитком. Наиболее выразительными пряжками, имеющими многочисленные аналогии, представляются бронзовые пряжки со щитком (7 экз.). Две из них имеют щитки с подвижным соединением с рамкой, а пять – цельнолитые. По конфигурации щитков они близки друг другу, но в деталях и размерах они сильно разнятся. Найдены названные пряжки в погребениях №№ 3,5,7,12:

а) миниатюрная пряжка с овальной рамкой и геральдическим щитком (часть щитка утеряна). Язычок имеет квадратный выступ у основания (табл.II, 21). Подобные пряжки известны из Самтаврского могильника – кам. ящик № 1 (39 И) – датируются концом VI – первой половиной VII в.;

б) бронзовая пряжка также миниатюрных размеров без язычка (утерян). На тыльной стороне щитка сохрани-

лась заклепка с фрагментом кожаной основы (табл. II, 22). Возможно, что эта пряжка была не поясной, а обувной, для стягивания голенища у щиколоток или под коленом. Подколенные ремешки с миниатюрными пряжками, наконечниками и обоймами сохранялись в осетинском быту до недавнего времени. Аналогичные пряжки найдены в Ленингори (у Н. И. Апхазава-Ахалгори) и Самтаврском могильнике (табл. XXVIII, 2);

в) бронзовая пряжка с геральдическим щитком из погребения № 6 была уже описана выше в раздел поясных наборов (табл. 1,2 и табл. II, 23);

г) бронзовая пряжка прямоугольно-рамчатой формы с геральдическим щитком, который крепился к кожаной основе пояса гвоздиком-заклепкой. Язычок пряжки плоский (табл. II, 27). Подобные пряжки были широко распространены в Евразии в VI-VIII вв. (10, рис. 60), в особенности на Северном Кавказе (Нижний Джулат, Преградная, Узункол), а также в Керчи. Найдены они в Самтаврском могильнике (16, табл. XXXII, 8-13);

д) цельнолитая бронзовая пряжка с В-образной рамкой с внутренним прямоугольным вырезом. Щиток геральдический, усложненный вырезами круглой и сегментовидной формы, вместе дающих изображение человеческого лица. Язычок изготовлен из проволоки круглого сечения (табл. II, 28). Пряжка с «личиной» на щитке широко распространены в Евразии (4, табл. XVI, 4; XVIII, 26; XIX, 12; XXI, 12 и др.), но абсолютные аналогии отмечены в могильниках Гавази и Нижнего Джулата (16, с. 127, табл. XXVIII, 42).

Пряжка «сасанидского» типа. Особый интерес представляет бронзовая пряжка из погребения №12 с двумя полукруглыми рамками, расположенными друг против друга, рамки имеют сегментовидные вырезы, а поверхность украшена восемью шишечками; язычок утерян (табл. II, 29). Аналогичная пряжка найдена в Урбниси (Хи-

занаант – гора) и датируется VI-VII вв. (16, с. 57, табл. XXXIII, 7). Правда, на урбнисской пряжке нет шишечек, да и язычков два. Возможно и на нашей пряжке было два язычка, но, как сказано выше, эта деталь утеряна. Надо отметить, что пряжки сасанидского типа очень редкая находка даже в Восточной Грузии, так что аналогий им почти нигде нет, кроме Азербайджана, но и там они крайне редки.

Н.И. Апхазава считает, что пряжки «сасанидского»типа, возникшие на основе знакомства Ирана *с* материальной культурой степных кочевников в Евразии, попадали в Восточную Грузию не через посредство кочевников, а непосредственно из Ирана. Возможно, это справедливо для отдельных случаев, но находка «сасанидской» пряжки в Едысском могильнике несколько корректирует предположение исследователя. Более того, называть северокавказцсв в VI-VII вв. кочевниками уже невозможно, поскольку здесь давно происходит процесс оседания, если иметь, конечно, в виду аланов, а не действительно кочевавшие на Северном Кавказе тюркские племена.

Среди находок (погр. №12) имеется язычок от пряжки, которая не сохранилась (табл. II, 30), а также два бронзовых кольца (погр. №3 и 12) и одно железное (погр. №3). В позднесредневековых памятниках (погребения в каменных ящиках) встречаются подобные предметы и считаются они портупейными. Поэтому и раннесредневековые металлические кольца (табл. II, 31, 32, 33), очевидно, были портупейными, служившими для подвешивания оружия. Они совершенно не имеют язычков и считать их рамками пряжек нельзя, тем более что круглые рамки пряжек обычно утончаются в месте стыка, тогда как наши кольца или цельные, или из ровного прута.

Поясные наборы из других мест Закавказья. Поясные наборы и поясные пряжки раннесредневекового периода присущи не только Едысскому могильнику. В

разное время на территории Восточной Грузии и в Абхазии археологи обнаруживали подобные изделия, подавляющее большинство которых датируются VI-VII вв. (16, с. 127). В могильниках Самтавро, Рустави, Урбниси, Бербуки, Гавази, Армазисхеви, Ананури, в Ксанском ущелье и Казбеги найдены следующие пряжки и детали поясного набора:

1. Бронзовые геральдические цельнолитые пряжки из Самтавро с В-образной рамкой и щитком, заостряющимся книзу (табл. III, 1,1-14); датируются концом VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

2. Бронзовые геральдические цельнолитые пряжки с прямоугольной рамкой и щитком, заостряющимся книзу (табл. III, 8-15); датируются концом VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

3. Бронзовые цельнолитые пряжки под прямоугольной рамкой и прямоугольным щитком (табл. III, 16-17); датируются концом VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

4. Бронзовая цельнолитая пряжка с прямоугольной рамкой и полукруглым щитком (табл. III, 18); датируются концом VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

5. Бронзовая цельнолитая пряжка с В-образной рамкой и полукруглым щитком. На щитке, кроме центрального отверстия для укрепления язычка, три прорези – две круглые и одна сегментовидная, имитирующие схематическое изображение человеческого лица (табл. III, 19); датируется концом VI – началом VII в. (16, с. 127).

6. Бронзовые листовые пряжки без щитков с рамкой В-образной формы (табл. III, 20, 21); датируются концом VI – началом VII в. (16, с. 127; 5, с. 101).

7. Бронзовая цельнолитая пряжка с прямоугольной рамкой и прямоугольным щитком (часть утеряна). Язычок с утолщением у основания (табл. III, 22); датируется VI-VII вв. (16, с. 127).

8. Бронзовая цельнолитая пряжка с В-образной рамкой и треугольным щитком. У основания щитка и на конце – три выпуклых «шишечки». Язычок массивный.

9. Бронзовая составная пряжка с литой рамкой, язычком с квадратным выступом и плоским перегнутым щитком (сохранилась только часть с петлей), основания рамки отогнуты наружу (табл. III, 24); датируется первой половиной VII в. (16, с. 127).

10. Бронзовая цельнолитая пряжка с прямоугольной рамкой, на которой имеются выступы, ограничивающие язычок, щиток фестонообразный (табл. III, 25); датируется первой половиной VII в. (16, с. 127).

Поясная гарнитура из могильников Восточной Грузии также достаточно разнообразна, но в основном укладывается в хронологические рамки VI-VII вв. Это поясные накладки, наконечники поясов, обоймы и литые петли для продевания ремней пояса, а также малые наконечники (язычки) свисающих с пояса добавочных ремешков. Последних значительно больше.

1. Малые наконечники свисающих ремешков вытянутой формы, в подавляющем большинстве с прорезами, имитирующих схематическое изображение человеческого лица (глаза, нос, рот), но имеются и гладкие (табл. III, 26-43, 45-48, 59-62); датируются второй половиной VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

2. Малые наконечники свисающих ремешков, штампованные или составные, изготовлены из тонких пластинок серебра (?) (табл. III, 55, 56 – цельные, табл. III, 66 – составной); датируются второй половиной VI – первой половиной VII в. (16, с. 127).

3. Поясные накладки разнообразной формы – «геральдического типа, сегментовидные, трехконечно-геральдические с круглыми, прямоугольными и дугообразными прорезями (табл. III, 49-54); датируются второй

половиной VI – первой половиной VII в. (16, с. 127; 5, с. 101).

4. Наконечники поясов, с прорезями и гладкие (табл. III, 44, 58); датируются концом VI – началом VII вв. (16, с. 127; 5, с. 101).

Интересный поясной набор, состоящий из пряжки, наконечника, поясных накладок и малых наконечников, свисающих ремешков был обнаружен в погребении №23 Алевского могильника (21, с. 85-97).

Апхазава отмечает уникальность находки не только для Ксанского ущелья, но и вообще для Восточной Грузии.

Поясная пряжка цельнолитая, с В-образной рамкой и «геральдическим» щитком, язычок с выступом, ограничивающим его ход назад. Поясные накладки (5 штук) трех типов:

а) «геральдического» облика с круглым вырезом в верхней части и ровным горизонтальным верхом (3 экз.);

б) «геральдического» облика с тремя вырезами: горизонтальным вверху, круглым в середине и дугообразным внизу (1 экз);

в) фигурная с четырьмя концами (1 экз.). К последней накладке относится, по мнению Н. И. Апакидзе, и фигурная пятиконечная привеска – накладка, крепившаяся на дополнительном ремешке снизу. Кроме того, на ремне должна была крепиться обойма для продевания конца ремня.

От «геральдических» накладок свисали дополнительные ремешки с наконечниками двух видов: а) вытянутые, с вырезами, имитирующими схематическое изображение человеческого лица (3 экз.) и б) особого вида наконечник с «геральдическим» основанием и поперечным фигурным стерженьком (1 экз). Все накладки и наконечники штампованные, из листового металла, серебряные. Наконечник пояса прямоугольной формы с закругленным концом, срединная часть имеет продолговатый вырез. Все дета-

ли пояса, за исключением обоймы, крепились к кожаной основе пояса при помощи мелких гвоздиков – заклепок (табл. III, 59). Если сам пояс редок для Восточной Грузии, то для других регионов он и его детали достаточно широко распространены. Заметим, что реконструированный нами пояс из Едысского могильника, можно сказать, является копией алевского пояса: такая же пряжка, малые наконечники, наконечник пояса, сходные поясные накладки.

Очень важными и интересными для нашего исследования представляются находки из Абхазии и, в частности, богатейшие материалы из Цебельдинских некрополей, намного обогатившие наши представления о раннесредневековом периоде истории Абхазии, связей раннесредневекового населения Абхазии с северокавказскими народами, с восточными и южными соседями, взаимоотношениях с заморскими мировыми державами, соприкоснувшимися прямо и непосредственно с жителями этого благодатного края.

Среди вещевого материала Цебельды и других памятников Абхазии выделяются поясные наборы, аналогичные нашим материалам. Как отмечает Ю. Н. Воронов, «пряжки… отражают внешние связи цебельдинской культуры. Возможно, это объясняется тем, что большинство пряжек найдено в могилах воинов и входило в их снаряжение. А нужды обороны и постоянная боевая готовность заставляли следить за всеми новшествами в этой области, появлявшимися у соседних народов» (22, с. 122). Последнее верно отчасти, ибо следить за модернизацией оружия и перенимать образцы нового оружия вовсе не означает заимствование поясного набора. Здесь напрашивается иной вывод, а именно: живые обладатели боевых поясов, будучи северными соседями апсилов, скорее всего сами появлялись на территории Абхазии (14, с. 77). Это тем более существенно, что «на Цебельду

повлияли традиции кочевых, а не оседлых народов Причерноморья» (22, с. 124).

Касаясь непосредственно типов пряжек, Ю. Н. Воронов продолжает: «В… VII веке большую часть восточной Европы охватила новая мода на пояса с пряжками и бляшками геральдических форм. В цебельдинских могилах тоже появились В-образные пряжки с полым кольцом, а также цельнолитые. Помимо основных пряжек, в состав поясных и портупейных наборов VI-VII вв. входили различные фигурные пластинчатые накладки, малые пряжки, колечки со щитками, ременные наконечники и т.д.» (22, с. 124).

О связях Алании с Абхазией говорит и В. Л. Кузнецов: «Как сообщает А. Б. Бриллиантов, в письме византийца Анастасия, в 662 г. сосланного вместе с Максимом исповедником в Лазику, упоминается крепость Букулюс…, которая была известна Агафию в стране мисимиан и которую в 554 г. византийцы хотели передать аланам, что вызвало восстание миссимиан. Из латинского текста письма Анастасия вытекает, что между 662-666 гг. крепость Бухлоон все-таки перешла в руки алан. Следовательно, она была занята аланским гарнизоном. Разумеется, факт пребывания военного гарнизона еще не означает этнические миграции. Но о пребывании групп алан на территории Абхазии в раннем средневековье мы знаем не только от Анастасия. Аланы заявили… Льву (будущему императору Льву Исавру. – Р. Дз.), что они имеют сообщение с авазгами и их купцы «то и дело отправляются к ним». Как видим, постоянные связи с Абхазией для алан VIII в. были уже давно установившимся фактом» (15, с. 62). С этими доводами В. А. Кузнецова трудно не согласиться.

Следует обратить внимание на то, что и исследовавший цебельдинские некрополи М. М. Трапш пришел к выводу о принадлежности раскопанных здесь погребений в основном этнически и культурно однородному населению, жив-

шему в определенную эпоху, но испытавшему позднесарматское воздействие, а может и сарматское включение (23, с. 122). Об этом убедительно говорят отчетливо наблюдавшиеся в Цебельде черты сарматского погребального обряда – северная ориентировка костяков (пять погребенных), расположение костей рук на тазовых костях при вытянутом положении костяка (пять погребенных), перекрещивание ног (два погребенных); аналогичное перекрещивание как и расположение кисти правой руки на тазовых костях, кстати, отмечена и в Едысском могильнике в погр. №5.

Наличие оружия в женских погребениях свидетельствует не только о проникновении в Цебельду сарматских обычаев, но и о наличии в определенной степени в составе местного населения Цебельды сармато-аланской прослойки в VI-V вв. (24, с. 121-165). Дальнейшие раскопки Ю. Н. Воронова показали, что в Цебельдинских некрополях оказываются предметы и более поздних периодов – VI-VII вв., причем в новых материалах отмечаются северокавказские, т.е. аланские элементы.

Если иметь в виду археологический материл, имеющий отношение к аланскому миру, то его сосредоточение в определенных пунктах Закавказья заставляет более пристально взглянуть и на сами эти пункты. Таковыми оказываются не какие-то безвестные поселения, а именно торгово-административные центры. Другое дело, что политико-экономическое значение эти центры не всегда сохраняют на протяжении всей своей истории, однако в пору бытования они были важными пунктами на военно-экономических артериях восточной Грузии. По словам Р. М. Рамсишвили, аланы – переселенцы в Закавказье обосновывались в ключевых, лежавших на важных торговых магистралях пунктах Картлийского царства. Об этом говорят и катакомбные могильники, обнаруженные им во время раскопок в Жинвали (26). Переселение групп

населения на новое местожительство в средневековый период осуществлялось как государственная акция. Грузинские летописные источники свидетельствуют, что переселением руководит обычно царь и осуществляется это переселение, как правило, по его личной инициативе. Так, например, Леонтий Мровели сообщает, что грузинский царь Саурмаг «взял с собой половину своего кавказского племени» и некоторых из их представителей возвысил, а остальных посадил в «Мтиулети от Дидоэти до Эгриси, которая суть Суанети» (27, с. 53). Среди переселенцев, безусловно, были и аланы (овсы).

В «Картлис Цховреба» есть и другие упоминания о переселениях овсов в Закавказье (28, гл. IV). Здесь следует упомянуть и многочисленные династические браки, которые, по всей вероятности, сопровождались переселением хотя бы небольших групп населения (обслуга, охрана и пр.). Межнациональные браки осуществлялись и представителями других сословий. Исходя из этого, следует полагать, что проникновение алан-овсов на южные склоны Главного Кавказского хребта было постоянным, но разной интенсивности.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы хотим еще раз упомянуть о том, что рассмотренные нами пояса и поясные наборы принадлежали воину-всаднику (дружиннику, профессионалу). Появление их в VI-VII вв. н.э. в Восточном Закавказье было, несомненно, связано с определенной политической ситуацией в данном регионе. Косвенные подтверждения нашему тезису мы находим в «Хронике Ксанских Эриставов». В ней, в частности, хронист упоминает о переселении на территорию исторической Двалетии (включавшей и большую часть современной Южной Осетии) аланских (осетинских) царевичей Ростома и Бибила-Цитлосана с «70-ю добрых рабов» (дружинников). Событие это, связанное с инспирированными

византийцами смутами в Алании («Стране Осетской»), на наш взгляд, произошло в VII в. н.э., т.е. в правление Юстиниана II (30, с. 45).

Иными словами, подробно остановившись на поясах и поясных наборах Едысского могильника, реконструировав их и сравнив с подобными изделиями из других мест Закавказья и Северного Кавказа, мы пришли к выводу о том, что эти наборные пояса относятся на Кавказе к аланской культуре и скорее всего принадлежали непосредственным ее носителям – аланам.

Источники и литература

1. Дзаттиаты Р.Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс // СА. 1986. №2.
2. Дзаттиаты Р.Г. Тайны городища царциатов // Природа. 1986. №.10.
3. Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.
4. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки //САИ. В. 1-2. М., 1979.
5. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнутиру 1 тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИЛ. М., 1979. Вып. 158.
6. Плетнева С.Л. От кочевий к городам. М., 1967.
7. Дельбрюк Ганс. История военного искусства. М., 1933. Т. III.
8. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.
9. Магомедов А.Д. Мужские наборные пояса народов Северного Кавказа: формирование и развитие художественной традиции // СЭ. 1988. №2.
11. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.

12. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

13. Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М.К., Качарава Ю. М., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А., Ратиани П.К. История Грузии. Тбилиси, 1969.

14. История Осетии в документах и материалах. Цхинвали, 1962. Т.1.

14. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т.1.

14. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе.

16. Апхазава Н. И. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

17. Геродот. История. Л., 1972.

18. Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Кн.2.

19. Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.

20. Тренер К.В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. М., 1987.

21. Апхазава Н. И. Погребение «воина» из с. Квемо Алеви // Вестник ГМГ им. акад. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1986. Вып. XXXVIII-B (на груз. яз.).

22. Воронов Ю. И. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

23. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Труды. Тбилиси, 1971. Т. III.

24. Воронов Ю. Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982.

25. Нессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. М.-Л., 1941. №3.

26. Рамсишвили Р. М. Археологические изыскания в зоне строительства жинвальского гидротехнического комплекса в 1976-1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1982.

27. Очерки истории Юго-Осетии (макет). Цхинвали, 1969. Т. I.

28. Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси, 1985.

29. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

30. Дзаттиаты Р. Г. «Цитлосани» хроники ксанских эриставов // ИЮОНИИ. Цхинвал, 1990. Вып. XXXIII.

Аланы: история и культура. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 107-122.

не нашла

ТАРСКИЙ КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК VIII-IX ВВ. Н.Э.

В 1977 году заводу стройматериалов треста Севосетингражданстрой РСО был выделен участок для добычи песка на территории Пригородного лесничества. Участок находится примерно в 3 км к западу от села Тарское Пригородного района на правом берегу р. Камбилеевки.

Выделенная площадь является отрогом Тарского хребта и сильно заросла лесом (табл. 1). С обеих сторон отрога вытекают небольшие речки и впадают в р. Камбилеевку. Для добычи песка необходимо было снести слой глины, который местами доходил до 5 м. Уже вначале разработки карьера в этом слое были зафиксированы катакомбы.[1]

Со всего южного склона отрога оказался снятым слой глины толщиной примерно 3 м и длиной 80 м, в котором местами выявлялись новые полуразрушенные катакомбы. В создавшейся обстановке мы приступили к спасательным работам, поскольку при снятии глины все катакомбы могли быть разрушены. К сожалению, дромосы катакомб были полностью уничтожены, поэтому приходилось расчищать лишь камеры. Работа по спасению разрушенных катакомб проводилась с начала и до конца Э. С. Кантемировым, поскольку средств на производство спасательных работ музеем не было выделено. В ходе этой работы раскопано 29 катакомб, каждая из которых содержала по 1-2, иногда 3 костяка. Судя по остаткам костяков, большинство из них

[1] В археологической литературе отдельные авторы называют порой могильник «Октябрьским», хотя в полевом отчете Э. С. Кантемирова он проходил как «Тарский». Подобное искажение названия памятника вряд ли можно считать правомочным. Думается, публикация нижеизложенного материала позволит устранить эту неточность (ред.).

находилось в вытянутом положении и лишь редко – в скорченном. Вход в камеру закрывался одной, а иногда двумя плитами. Дромосы располагались ниже по склону и их ориентировка соответствовала направлению склона. Камеры в плане имели овальную форму и купольный свод. Часть камер на дне имела слои затека толщиной 10-15 см. Исходя из толщины сохранившегося слоя глины и с учетом снесенного слоя, глубина нахождения катакомб могла доходить до 5 м. Некоторые катакомбы были ограблены, так как кости были сильно перемешаны, а инвентарь полностью отсутствовал. Весь раскопанный материал дает возможность рассматривать могильник как памятник аланской культуры и датировать его VIII-IX вв. н.э.

КАТАКОМБА №1. Форма и размеры катакомбы неизвестны. Из инвентаря сохранились: низка стеклянных бус, из них 2 из сердолика (рис. 1,1); фрагмент привески из медвежьего (?) клыка (табл. II, 3,3); 2 бронзовых бубенчика (табл. II, 5,6); фрагмент зеркала (табл. II, 2); фрагмент спекшегося железа (кольчуги) с отпечатками ткани и бубенчиков (табл. II, 4); фрагмент бронзового перстня (табл. II, 7).

КАТАКОМБА №2. Форма и размеры катакомбы неизвестны. Инвентарь: низка стеклянных бус (табл. II, 9); серьга серебряная (табл. II, 8); зеркало миниатюрное с центральной петлей (табл. II, 10); 2 спекшихся перстня (табл. II, 11); 5 бронзовых бубенчиков (табл. II, 12-16); стеклянная вставка от перстня (табл. II, 17); 2 глиняных кувшина (табл. XXVII, 1, 2).

КАТАКОМБА №3. Камера имела овальную в плане форму и была вытянута с В на З (ЮВ-СЗ). СЗ часть камеры срезана (разрушена), длина сохранявшейся части камеры – 1,70 м, ширина – 1,50 м. В камере найдено захоронение одного человека, лежавшего в вытянутом положении на спине у южной стены, головой на ЮВВ. От ног сохранились лишь бедренные кости, правая рука была вытянута и

слегка отведена от туловища. Левая согнута в локте; череп разломан на 2 части (табл. III). Слева вдоль костяка лежала сабля (табл. III, 1), в ногах – тесло (табл. III, 4); справа, между рукой и тазовой костью – железный нож (табл. III, 2). В области грудных костей найдено 2 бронзовых бубенчика (табл. III, 12, 13). Справа от черепа обнаружена железная секира (табл. III, 14). У северной стены могилы лежал на боку глиняный кувшин (табл. XXXVII, 3) и под ним (рядом с ним) – бусы, 2 стеклянных перстня и бараний астрагал (табл. III, 3, 5-11). На дне камеры встречались кусочки угля.

КАТАКОМБА №4. Камера имела овальную в плане форму и была вытянута с востока на запад. Северная часть камеры срезана, форма входной ямы не устанавливается. Длина камеры – 1,7 м, ширина сохранившейся ее части – 0,75 м, максимальная высота – 0,9 м. Форму свода камеры установить не удалось (табл. IV, А).

Скелет истлел, однако по имеющимся костным остаткам и расположению инвентаря можно предположить, что костяк лежал вдоль длинной оси камеры. В катакомбе были обнаружены: два сосуда, один – у южной стенки, второй – на расстоянии 35 см от восточной стенки (табл. XXXVII, 4, 5); железный нож (табл. IV, 12); около среза, недалеко от ножа, лежала бронзовая бляшка (табл. IV, 11); у восточной стенки найдены были бусы (табл. IV, 2) из стекла, 3 бронзовых бубенчика (табл. IV, 1, 9, 10) и фрагменты серебряных сережек (табл. IV, 3-8).

КАТАКОМБА №5. Форму камеры полностью установить не удалось. Сохранившаяся часть камеры имела в длину 2,20 м (от входного отверстия до противоположной стенки). Высота входного отверстия – 0,6 м, ширина – 0,48 м. Входная яма примыкала к камере с юга. Дно камеры располагалось ниже входного отверстия на 10 см; ширина сохранившейся части камеры (от восточной стенки до среза) – 1,1 м; максимальная высота – 0,90 м (табл. IV, Б, В).

Скелет истлел (сохранились лишь остатки костной трухи), вследствие чего установить его местоположение в камере и позу погребенного не удалось. В 20 см от восточной стенки камеры было найдено железное тесло (табл. IV, 1), а керамический сосуд – у северной стенки (табл. XXXVII, 8). Кроме того, обнаружены стеклянные бусы (табл. IV, 2-13) и бронзовый бубенчик (табл. IV, 14).

КАТАКОМБА №6, разрушена. Форму входной ямы установить не удалось. Сохранилось только входное отверстие в камеру. Высота отверстия – 0,4 м, ширина – 0,5 м. Дно камеры располагалось ниже входного отверстия на 0,18 м. Входная яма примыкала к камере с ЮЮВ. Камера срезана с ЮЗ стороны. Судя по срезу, она имела овальную в плане форму. Свод камеры, видимо, купольный, обрушен; высота сохранившейся части камеры – 0,92 м. Камера была вытянута с ЮЗ на СВ. Длина ее от входного отверстия до противоположной стенки – 1,8 м, ширина от СВ стенки до среза – 1,4 м. От скелета сохранились полуистлевшая трубчатая кость ноги и несколько мелких косточек. Судя по расположению костей он лежал перпендикулярно входу в катакомбу, т.е. по оси ЮЗ-СВ (табл. V, А, Б). В камере на расстоянии 40 см от входа, справа, стоял кувшин (табл. XXXVIII, 6). Рядом с костями в центре камеры найдены следующие предметы: железная сабля (табл. V, I), 9 серебряных бляшек от мужского пояса (табл. V, 4, 5, 7-11, а), 2 бронзовых бубенчика (табл. V, 13, 14) и серебряный язычок от поясной пряжки (табл. V, 3), 2 низки бус и бисера (табл. V, 2, 12) из стекла и стекловидной пасты, одна из бусин была янтарная, застежка бронзовая (табл. V, 6), обломки перламутровой пластинки.

КАТАКОМБА №7. Полностью разрушена.

КАТАКОМБА №8. Камера имела овальную в плане форму и была срезана с ЮЗЗ стороны, однако размеры ее удалось установить: длина – более 2 м, ширина – 1,25

м, высота – 1 м. Свод купольный. Входная яма оказалась уничтоженной; она примыкала к камере с ЮЗЗ, размеры не устанавливаются. Камера вытянута с ЮЗЗ на СВВ. В ней найдено захоронение одного человека, лежавшего в вытянутом положении на спине у северной стены, головой на СВВ. Череп и многие кости истлели (табл. VI, А, Б). В камере обнаружены: два кувшина, один – у южной стенки (табл. XXXVIII, 4), другой – у северной (табл. XXXVIII, 3); три секиры (табл. VI, 37, 38) (табл. XXXVI, 1); три ножа, один из них – слева у пояса костяка (табл. VI, 36), два других – в середине камеры (табл. 9, 100). Кроме того, здесь найдены: бляшки от пояса (24 шт.) из белого сплава (табл. VI, 8-34), 3 поясные пряжки, одна – бронзовая (табл. VI, 7), а две другие из белого сплава (табл. VI, 5, 6); проволочный браслет из бронзы (табл. VI, 35), 4 бронзовых бубенчика (табл. VI, 1-4) и один бараний астрагал (табл. X, 8).

КАТАКОМБА №9. Овальная в плане камера была срезана с южной стороны так, что входная яма оказалась уничтоженной. Длина камеры – 1,98 м, ширина – 1,6 м, свод обрушен. По сохранившимся костям погребенного можно судить, что он лежал на спине в середине камеры (по длинной ее оси), головой на ССВ (табл. VII, А). Слева от костяка найдена сабля в ножнах (табл. VIII, 1-5); у восточной стенки лежал кувшин (табл. XXXVIII, 5); 4 ножа, один – у пояса скелета, второй – рядом с кувшином и два других, в серебряной оправе, – в 20 см справа (табл. VII, 6, 7, 17, 18); слева от костяка найдена секира (табл. VIII, 8); у ног скелета справа лежали 4 черешковых наконечника стрел, два из них крупные, трехлопастные и 2 поменьше, обломанные (табл. VII, 12-15); у ног скелета, слева, выявлено железное тесло (табл. IX, 8); у пояса – обломанная железная пряжка (табл. IX, 1-5); 5 массивных бронзовых бубенчиков зафиксировано у пояса скелета, 3 справа и 2 слева (табл. VII, 1-5). У северной стенки лежали обломки листовой бронзы

(табл. IX, 9, 10) и куски кожаных ремней (табл. VIII, 8; IX, 7) с бляшками из белого сплава (табл. VIII, 10, 11). Справа от костяка, на расстоянии 30 см от правого колена, найдено маленькое бронзовое зеркало с центральной петлей (табл. VII, 8). Из этой же катакомбы происходит обломок бляшки (табл. VII; 9).

КАТАКОМБА №10. Сохранилась только часть камеры в виде полуовала длиной 1,5 м и шириной 1,4 м. Форму свода установить не удалось. Камера была вытянута с В на З. В ней зафиксированы лишь две трубчатые кости ног скелета, лежавшего в вытянутом положении, по оси З-В у южной стенки камеры, головой, по-видимому, на запад. Камера срезана с СЗЗ стороны (табл. X, А). У западной стенки камеры был найден кувшин (табл. XXXVIII, 2), рядом с которым лежали обломки бронзового бубенчика (табл. X, 4) и обломок железного предмета (табл. X, 7). Возле костей скелета, с южной стороны, у правого бедра, найдены 2 пряжки, одна из белого сплава, другая из бронзы (табл. X, 2, 3). Слева от костей таза находились сломанный серебряный перстень (табл. X, 5), стеклянные и пастовыс бусы (табл. X, 1, 6).

КАТАКОМБА №11. Сохранилась только часть овальной в плане камеры, устроенной в песчанике. Камера срезана с ЮЗ стороны; длина сохранившейся ее части – 2 м, ширина – 1,70 м. Камера вытянута с СВ на ЮЗ (табл. XI, А). Инвентаря и остатков костяка в ней не оказалось, за исключением одной пастовой бусины (табл. XI, IIа), найденной у среза камеры.

КАТАКОМБА №12. Овальная в плане камера, устроенная в песчанике, была вытянута с СЗ на ЮВ. Фиксируемая се длина – 1,75 м, ширина – 1,4 м. В центре камеры, на дне, обнаружены кости ног истлевшего скелета, судя по которым покойник лежал в вытянутом положении головой на ЮЗ. Погребальный инвентарь отсутствовал. Камера была

срезана с ЮЮВ так, что входная яма оказалась уничтоженной (табл. XI, Б).

КАТАКОМБА №13. Сохранилась часть овальной в плане камеры, которая была срезана с западной стороны. В камере найдено захоронение одного человека, лежавшего в вытянутом положении, на спине, головой на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте и чуть отведена от туловища. Сохранившиеся размеры камеры – 1,6 м х 1м х 0,9 м (табл. XI, В). Рядом с костями скелета, у правого предплечья, найдены два железных ножа (табл. XI, 5, 6). Среди костей, на уровне пояса, лежала железная секира (табл. XII, 1). Здесь же были разбросаны обрывки кожаного пояса с бронзовыми заклепками (табл. XI, 2-4), а также небольшая бронзовая пряжка (табл. XI, 1). Слева от скелета, на расстоянии 20 см, стоял кувшин с отбитым горлом (табл. XXXIX, 1).

КАТАКОМБА №14. Сохранилась часть овальной в плане камеры, срезанной с южной стороны; фиксируемые ее размеры – 1,35 м х 1,5 м х 0,95 м. Камера была вытянута с В на З. У северной стенки найдены хорошо сохранившиеся кости ног погребенного, лежавшего вытянуто на спине, головой, видимо, на Ю33. С южной стороны, у самого среза, найдена труха от истлевших костей, очевидно, детского скелета (табл. XII, А, Б). У восточной стены, в 20 см от нее, находился небольшой стеклянный сосуд (табл. XXXIX, 3). У западной стенки были найдены: 3 ножа в серебряных ножнах (табл. XIII, 24-26), обломки серег (табл. XIII, 12-19), бронзовые спиральки (табл. XIII, 23), одна бронзовая копоушка (табл. XIII, 11), бронзовая застежка (табл. XIII, 22), две бронзовые трубочки с продетой внутри тканью (табл. XIII, 6, 7). На уровне пояса костяка обнаружены куски спекшейся железной кольчуги (табл. XIII, 4). Справа от костей таза до среза катакомбы выявлены: железное тесло (табл. XIV, 25), стеклянный сосуд цилиндрической формы (табл. XXXIX,

2), 3 перстня (XII, 3-5), 14 бронзовых бубенчиков (табл. XIV, 10-13, 15-24); 3 маленькие бронзовые пуговицы (табл. XIV, 7-9), 2 раковины каури (табл. XIV, 4, 5), втульчатый бронзовый наконечник стрелы (табл. XIII, 5), свернутая бронзовая пластина (табл. XIII, 10), возможно, от ножен. В большом количестве в камере были найдены бусы и бисер из стекла и пасты (табл. XII, 2; XIV, 1). В том месте, где камера была срезана, найдены стеклянные бусы, один бронзовый бубенчик (табл. XIII, 1-3) и железное кольцо.

КАТАКОМБА №15. Срезана с северной стороны. Сохранилась часть камеры и часть входного отверстия. Длина камеры – 2,17 м. Скелет одного погребенного лежал у ЮЗ стенки в вытянутом положении на спине, головой на СЗ, руки слегка отведены от туловища (табл. XV, А, Б). Около среза камеры был обнаружен лежавший на боку кувшин (табл. XXXIX, 5), а в 30 см от него железная секира (табл. XV, 6). У левого бедра скелета лежала четырехугольная бронзовая пряжка (табл. XV, 4), у правого плеча – железный нож (табл. XV, 1). В области таза найдена бляшка из серебряной фольги (табл. XV, 3), на груди – пастовые и стеклянные бусы (табл. XV, 5). Из этой же катакомбы происходит стеклянный сосуд (табл. XV, 2).

КАТАКОМБА №16. Камера овальной в плане формы вытянута с севера на юг. Длина – 1,7 м, ширина – 1,1 м. Свод купольный. Входная яма примыкала к камере с ЮЗ, но форму и размеры ее установить не удалось. Ширина входного отверстия – 0,52 м, глубина – 0,20 м; у входа в камеру имелась ступенька высотой 0,10 м (табл. XV, В, Г). В камере найдены остатки трех, по-видимому, скелетов, лежавших головой на север, от которых сохранились черепа и отдельные кости. Рядом с ближайшим к входу черепом лежала миска (табл. XXXIX, 4); у пояса скелета, зафиксированного у противоположной от входа стены, найдены железный нож (табл. XVI, 1), бронзовый бубенчик (табл. XVI,

2), бронзовая круглая бляшка (табл. XVI, 4), фрагмент бронзового предмета (табл. XVI, 3) и бусы (табл. XVI, 5).

КАТАКОМБА №17. Сохранилась часть овальной в плане камеры, срезанной с ЮЗ стороны. Фиксируемая ее длина – 1,75 м, ширина – 1,45 м. На дне лежал костяк на спине, головой на СЗ (табл. XVI, А). Около среза катакомбы, у СЗ стены, найден один кабаний клык (табл. XVII, 20), а рядом с ним, справа от черепа, зеркало с петелькой для подвешивания на тыльной стороне (табл. XVII, 3) и скорлупа от двух яиц (табл. XVI, 6, 7). В области груди выявлено два бубенчика, один большой (табл. XVII, 11), а другой поменьше (табл. XVII, 13), 2 бронзовых перстня (табл. XVII, 4, 5) и железное кольцо с остатками ткани (табл. XVII, 6). Слева от костяка, у плеча, найдено пять бронзовых бубенчиков (табл. XVII, 8-12), у тазобедренных костей – железный нож (табл. XVII, 1), слева от пояса – бронзовая стержневидная застежка (табл. XVII, 7). Справа от скелета обнаружены 4 бронзовые серьги: две у пояса, две у колена (табл. XVII, 14-19). Кроме того, в погребении отмечено большое количество стеклянных и пастовых бус (табл. XVI, 14). Слева от скелета, у стенки, найдено 3 орешка и пастовая бусина (табл. XVI, 8-12).

КАТАКОМБА №18. Камера имела овальную в плане форму и была вытянута с севера на юг. Камера срезана с южной стороны, ширина сохранившейся ее части – 1,6 м, длина – 2,1 м. Вход в камеру располагался с западной стороны. Ширина входного отверстия – 0,4 м. У входа в камеру имеется ступенька высотой 0,2 м. В катакомбе найдены остатки двух скелетов. Один костяк, видимо, принадлежал взрослой женщине, другой – ребенку. Женский костяк располагался в центре камеры с согнутыми ногами на правом боку, головой на юг. Кости ребенка сохранились плохо, но, по-видимому, он имел ту же ориентировку. Череп и отдельные кости находились у восточной стены (табл. XVIII, А, Б). У головы взрослого костяка слева найдены подвеска

в виде солярного знака (табл. XX, 13), две бронзовые бляшки (табл. XVII, 22, 23), бронзовые проволочные подвески в виде спирали (табл. XX, 12), 2 бронзовые серьги (табл. XVIII, 19), 5 бронзовых бубенчиков (табл. XX, 2-6), бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XVII, 20), маленькое бронзовое колечко (табл. XX, 11), обломок зеркала из белого сплава (табл. XIX, 2), бронзовая застежка (табл. XX, 1), 3 перламутровые пластинки (табл. XX, 17-19). Справа от головы обнаружены: большой бронзовый бубенчик (табл. XVIII, 13), бронзовая рогатая пряжка (табл. XX, 14), маленькое зеркальце из белого сплава (табл. XIX, 3), бронзовые проволочные подвески в виде спирали (табл. XVIII, 18). У пояса среди тазовых костей найдено 3 бронзовых бубенчика (табл. XVIII, 10-12), бронзовая пряжка (табл. XX, 16) и бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XX, 7). У ног выявлены стеклянные и пастовыс бусы (табл. XIX, 1). Здесь же, между взрослым и детским костяками, стоял кувшин, под ним найдена зола. У черепа детского костяка (справа) найден оселок (табл. XVIII, 2) и раковина каури (табл. XVIII, 6), слева – одна бронзовая серьга, другая – под черепом (табл. XX, 9, 10). В области груди выявлены три бронзовых бубенчика (табл. XVIII, 14-16), серебряный перстень со стеклянной вставкой (табл. XX, 8), массивная бронзовая подвеска-амулет с бронзовыми спиральками (табл. XVIII, 17), у пояса – серебряная бляшка (табл. XVIII, 7), массивная свинцовая бусина (табл. XVIII, 21) и небольшой железный нож в серебряных ножнах (табл. XVIII, 1). Между черепами взрослого и детского костяков обнаружены две золотые серьги (табл. XIX, 4, 5). По всей камере были в большом количестве найдены стеклянные и пастовые бусы (табл. XVII, 21; XX, 1).

КАТАКОМБА №19. Размеры входного отверстия: ширина – 0,35 м, высота 0,3 м, глубина – 0,1 м. Дно камеры расположено ниже дна входной ямы на 0,2 м. Овальная в плане

камера ориентирована с СЗЗ на ЮВВ. Длина ее 2 м, ширина – 1,6 м, высота – 1 м. Свод катакомбы купольный. Установить количество и позу костяков не удалось, т.к. кости в камере находились в беспорядке. В центре камеры лежал череп, нижняя челюсть которого находилась в 15 см от него (табл. XXI, А, Б). Рядом с входом в камеру найдены: бронзовая пряжка (табл. XXII, 1), 2 пары серег (табл. XXI, 7-11), зеркало из белого сплава с центральной петлей на тыльной стороне (табл. XXI, 16) и обломки бронзового перстня (табл. XXI, 4). Среди костей в центре камеры отмечены бараньи астрагалы (табл. XXI, 17-19), бронзовая пуговица (XXI, 5), 4 полусферы из серебряной фольги (табл. XXI, 12-15) и бронзовый проволочный браслет с немного расплющенными краями (табл. XXII, 3). У восточной стенки камеры зафиксировано обломанное зеркало из белого сплава с центральной петелькой на тыльной стороне (табл. XXI, 7), 4 бронзовых бубенчика: 3 вместе (табл. XXII, 4-6) и один немного в стороне (табл. XXI, 3а). В камере в большом количестве обнаружены стеклянные и пастовые бусы (табл. XXI, 3; XXII, 7, 8), железный нож (табл. XXI, 6) и глиняный кувшин (табл. XXXIX, 6).

КАТАКОМБА №20. Камера катакомбы вытянута с СЗ на ЮВ. Вход в камеру устроен с ЮЗ, ширина его – 0,3 м, верхняя часть обвалилась. Высота сохранившейся части камеры – 0,7 м, длина – 1,5 м, ширина – 1,05 м. Дно камеры расположено ниже дна входной ямы на 0,25 м. Камера с востока немного срезана. В восточной части ее обнаружены отдельные кости скелета и костная труха. Восстановить позу погребенного не удалось (табл. XXII, А, Б). В центре камеры найден лежавший на боку сосуд с отбитым горлом и ручкой (табл. XL, 1), слева от входа – сломанные железные ножи (табл. XXII, 9) и кольцо (табл. XXII, 11), у северо-восточной стенки – зеркало из белого сплава с центральной петлей на тыльной стороне (табл. XXII, 12) и несколько мелких бусин (табл. XXII, 10).

КАТАКОМБА №21. Овальная в плане камера катакомбы ориентирована с ЮВ на СЗ. Входная яма, примыкавшая к камере с ЮЗ стороны, оказалась срезанной, длина камеры – 2,1 м, ширина – 1,15 м, высота – 0,8 м. Катакомба содержала захоронение одного человека. Скелет лежал на спине вдоль длинной оси камеры, головой на ЮВ (табл. XXIII, А, Б). Слева от костяка, недалеко от пояса, найден кувшин (табл. XL, 2); здесь же, у предплечья, лежала железная секира (табл. XXIII, 12). В области тазовых костей обнаружены железный нож с бронзовыми накладками (табл. XXIII, 14) и обломок стеклянного предмета (табл. XXIII, 13). Справа от костяка отмечены 2 стеклянных перстня (табл. XXIII, 7, 8), 2 бронзовых бубенчика (табл. XXII, 9, 10) и низка бус из стекла, пасты и сердолика (табл. XXIII, 2). У черепа найдены обломки серебряных серег (табл. XXIII, 3-6). Из этой же катакомбы происходит стеклянный сосуд (табл. XXIII, 1).

КАТАКОМБА №22. Камера катакомбы, срезанной с ЮЗ стороны, была вытянута с СЗ на ЮВ и имела вытянутую овальную форму. Входная яма была срезана. Длина камеры – 2,2 м, ширина – 1,2 м, глубина – 1,2 м. Форму свода установить не удалось, т.к. он был обрушен. В середине камеры по ее длинной оси был положен покойник на спине, головой на ЮВ, кости его плохо сохранились, ноги перекрещены так, что правая нога была под левой (табл. XXIV, А). В камере был обнаружен кувшин, лежавший у противоположной от входа стенки (табл. XL, 3).

КАТАКОМБА №23. Камера катакомбы была срезана с юга. Длина камеры – 2 метра, ширина – 1 метр. Входная яма примыкала к камере с ССВ, но проследить ее размеры и форму не удалось, ширина входного отверстия – 0,4 м. Камера вытянута с ЮЗЗ на СВВ. В камере обнаружены кости, лежащие в беспорядке (табл. XXIV, Б). Видимо, в катакомбе было погребено 2 человека. У восточной стенки, рядом со срезом камеры, лежала железная секира (табл.

XXIV, 14). В центре камеры, среди завала костей, найдены: зеркало из белого сплава с центральной петлей на тыльной стороне (табл. XXIV, 9), 3 перстня (2 бронзовых и один серебряный) со стеклянными вставками (табл. XXIV, 3-5). У западной стенки были найдены: бронзовый бубенчик (табл. XXIV, II), пара бронзовых серег (табл. XXIV, 7, 8), бронзовая пряжка (табл. XXIV, 10) маленькое бронзовое зеркальце с центральной петелькой (табл. XXI, 2), бронзовая подвеска в виде спиральки (табл. XXV, 6), 2 железных ножа, один из них в серебряных ножнах (табл. XXIV, 12, 13), кувшин, лежавший на боку (табл. XL, 4), стеклянные и пастовые бусы (табл. XXIV, 1).

КАТАКОМБА №24. Камера катакомбы имела овальную в плане форму и была вытянута с СЗЗ на ЮВВ. Входная яма примыкала к камере с ЮЮЗ. Ширина входного отверстия – 0,5 м, высота – 0,42 м. Дно камеры у входного отверстия имело срез, глубина которого относительно дна камеры отстоит на 0,1 м. Дно входной ямы выше дна среза на 0,21 м. Длина среза – 0,85 м, ширина – 0,47 м. Длина камеры – 2,3 м, ширина – 1,1 м, высота от центра камеры до покатого свода – 1 м. В середине камеры лежал скелет вытянуто на спине, головой на ЮВВ, руки слегка согнуты в локтях и уложены вдоль тела.

Рядом с черепом отмечен еще один полуистлевший череп, видимо, подростка. У противоположной от входа стены зафиксированы отдельные кости другого скелета, лежавшего параллельно первому (табл. XXV, А, Б). Слева от первого скелета были обнаружены: 2 секиры, одна – на уровне бедренных костей (XXIX, 3), другая – на уровне предплечья (табл. XXIX, 1), 3 бронзовых бубенчика на уровне пояса (табл. XXVII; 24-26), железное тесло (табл. XXIX, 6), 2 железных ножа с фрагментами серебряных и бронзовых обкладок (табл. XXVII, 13, 14), спиральки из бронзовой проволоки (XXVII, 23). Среди тазовых костей найдены: бронзо-

вая пряжка, серебряные бляшки от пояса (табл. XXVI, 1, 3-8) и наконечники от этого же пояса (XXVII, 30). Между бедер найден фрагмент кожаного ремня (табл. XXVII, 1). У головы лежал кувшин с отбитой ручкой (табл. XL, 5), а у черепа подростка – бронзовое зеркало с центральной петлей на тыльной стороне (табл. XXVI, 2). Справа от первого скелета было найдено: 3 железных ножа (табл. XXVII, 10-12), четырехугольная бронзовая пряжка (табл. XXVIII, 9), бронзовый бубенчик (табл. XXVII, 15), 2 серебряные серьги (табл. XXVII, 1, 2), бронзовое колечко. Эти предметы, очевидно, принадлежали истлевшему скелету подростка. Между первым и вторым костяком обнаружены: 2 железные секиры (табл. XXIX, 4, 5), одна из них имела кусок хорошо сохранившейся деревянной рукояти, 3 бронзовых бубенчика (табл. XXVII, 24-26), железный нож (табл. XXVIII, 3), 2 раковины каури (табл. XXV, 19, 20), 4 стеклянных перстня (табл. XXV, 2-6), бронзовый проволочный браслет (табл. XXVII, 5). В области несохранившегося черепа второго костяка найдено: 2 железных ножа (табл. XXVII, 22; XXVIII, 4), 2 зеркала, одно – бронзовое (табл. XXVII, 9), другое – из белого сплава, с центральной петлей (табл. XXV, 18), пара бронзовых серег (табл. XXV, 11, 12), 3 бронзовых бубенчика (табл. XXV, 16, 17, 17, 21), маленькое бронзовое зеркало с центральной петлей (табл. XXV, 2, 69, 8), 2 куска спекшейся кольчуги с бусинками (табл. XXVI, 22), обломок бронзовой серьги (табл. XXV, 10). В области груди выявлены: бронзовая копоушка (табл. XXV, 9), бронзовая подвеска (табл. XXV, 21) и обломок железного предмета (табл. XXVIII, 2). В большом количестве в камере обнаружены стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы (табл. XXV, 1; XXVII, 31).

КАТАКОМБА №25. Входная яма, примыкавшая к камере с южной стороны, была срезана бульдозером так, что проследить ее не удалось. Камера подпрямоугольная в плане с закругленными углами, длина камеры – 1,95 м, ширина

– 1,2 м. Свод обрушен. Камера ориентирована с ЮЗ на СВ. Посередине камеры, по продольной оси ее, вытянуто на спине, лежал скелет погребенного взрослого человека, головой на СВ. У западной стены лежали отдельные кости другого скелета (табл. XXX, А). Слева от черепа были найдены: 2 стеклянных перстня (табл. XXX, 8, 9), 2 бронзовых перстня со стеклянными вставками (табл. XXX, 2, 3), деревянный гребень (табл. XXX, 13) с остатками кожаного чехла от него, обломок бронзовой пряжки (рис. 71, 5), остатки стебельков травы (табл. XXX, 12). Справа от черепа лежал кувшин с двухпетельчатой стилизованной зооморфной ручкой (табл. XL, 6). Среди костей в области груди – небольшое бронзовое зеркальце с центральной петлей (табл. XX, 11) и бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XXX, 4). Слева от костяка, на уровне пояса, обнаружены бронзовый браслет (табл. XXX, 1) и серебряный перстень со стеклянной вставкой (табл. XXX, 5), а справа – бронзовый браслет (табл. XXX, 1а) и бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XXX, 6). У северной стенки был найден бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XXX, 7).

КАТАКОМБА №26. Овальная в плане камера катакомбы была немного срезана бульдозером с СВ стороны. Входная яма примыкала к камере с ЮЗ стороны. Полы входной ямы и камеры располагались на одном уровне, только в камере он немного понижался к противоположной от входа стороне. Входное отверстие, высота которого – 0,48 м, ширина – 0,5 м, закрывалось массивной каменной плитой, поддерживавшейся двумя небольшими камнями. Размеры входной ямы проследить не удалось. Длина камеры – 2,32 м, ширина – 1,95 м, высота – 1,37 м. Свод катакомбы конусовидный, камера ориентирована с СЗ на ЮВ. Вдоль СВ оси камеры, головой на ЮВ, ближе к противоположной от входа стене вытянуто на спине лежал скелет погребен-

ного. Около входа были найдены разрозненные кости еще одного скелета, а также его плохо сохранившийся череп. Ориентация этого костяка была такой же, как у первого (табл. XXX, Б, В). У ЮВ стены камеры, у головы лежавшего у входа костяка, были найдены: стоящий кувшин (табл. XL, 1, 1), железная секира (табл. XXXI, 2), сломанное зеркало из белого сплава с центральной петлей (табл. XXXI, 13). Рядом с зеркалом лежал бронзовый перстень со стеклянной вставкой (табл. XXXI, 14), скорлупа от яйца, 2 бронзовых бубенчика (XXXI, 25, 26), железное тесло (табл. XXXI, 15), железная круглая бляшка (табл. XXXI, 20). Между черепами обнаружены 3 серьги, одна массивная бронзовая (табл. XXXI, 16, 22, 23) и две небольшие серебряные (табл. XXXI, 11, 12), кусочек перламутровой пластины (табл. XXI, 18). У головы лежавшего у противоположной от входа стенки скелета было найдено: 2 бронзовых бубенчика: один хорошей сохранности (табл. XXXI, 7), другой – сломанный (табл. XXXI, 6), 2 бронзовые серьги (табл. XXXI, 10). Около правого предплечья этого скелета лежали 2 железных ножа (табл. XXXVII, 1, 2), у пояса – 2 бронзовых перстня со стеклянными вставками (табл. XXXI, 3, 5), бронзовый браслет (табл. XXXI, 9), 2 спекшихся бубенчика из бронзы (табл. XXXI, 1, 3, 4) и бронзовое проволочное колечко (табл. XXXI, 4). Слева у пояса этого скелета найден фрагмент серебряного перстня (табл. XXXII, 7), а между двумя костяками – железная сабля (табл. XXXI, 1). Кроме того, в камере в большом количестве обнаружены стеклянные и пастовые бусы (табл. XXX, 14; XXXII, 9).

КАТАКОМБА №27. Овальная в плане камера катакомбы была немного срезана бульдозером с ЮВ стороны, входная яма примыкала к камере под углом с Ю33. Дно камеры располагалось ниже входной ямы на 10 см. Входное отверстие, ширина которого – 0,45 м, высота – 0,47 м, закрывалось массивной каменной плитой (табл. XXXVI, А).

Длина камеры – 2,15 м, ширина – 1,8 м, высота – 1,15 м. Свод катакомбы купольный. Камера ориентирована с ЮВВ на СЗЗ. У входа в камеру на спине вытянуто лежал первый скелет, головой на СЗ. Примерно в центре камеры находился другой костяк взрослого человека, также лежавшего вытянуто на спине, головой на ЮВВ. От этого скелета сохранились кости ног и таза. У входа, справа от первого костяка, выявлен кабаний клык. Среди костей (в области груди) первого костяка найдены массивная раковина каури (табл. XXXIV, 2) и перламутровые пластины (табл. XXXIV, 3, 4). Слева от костяка на уровне пояса лежал железный нож в бронзовых ножнах (табл. XXXIII, 3), в области пояса – 3 бляшки от ремня (табл. XXXIV, 6-9). На левую руку этого погребенного был надет бронзовый браслет (XXXII, 12), рядом лежало бронзовое колечко (табл. XXXII, 29). Между двумя костяками, ближе к ЮВВ стене, найдены 2 железных ножа с бронзовыми обкладками (табл. XXXIII, 2; XXXIV, 11), фрагменты железного кольца, железное тесло (табл. XXXIV, 12). Слева от ног второго костяка находились: железная секира (табл. XXXVI, 5), 2 бронзовых бубенчика (табл. XXXII, 21, 22), 3 бронзовых колечка (табл. XXXII, 26-28), обломанная бронзовая серьга (табл. XXXII, 16), бронзовый браслет (табл. XXXII, 13), а справа от второго костяка, на уровне пояса – железный нож в серебряных ножнах (табл. XXXIII, 1). В области пояса и костей груди обнаружены: 2 бронзовые пряжки (табл. XXXII, 10, 11), 17 бронзовых бубснчиков, маленькая бронзовая пуговица, 2 каменных пряслица (табл. XXXII, 17, 23), одна круглая бляшка из белого сплава, круглая перламутровая пластина, которая, видимо, была прикреплена к бронзовой подвеске, бронзовое кольцо (рис. 81, 2). В области черепа, кости которого не сохранились, найдена пара серебряных серег (табл. XXXII, 19, 20). Слева от костяка, на уровне пояса, лежали бронзовый браслет (табл. XXXVII, 18) и два серебряных перстня со стеклянны-

ми вставками (табл. XXXII, 24, 25). В камере в большом количестве были обнаружены стеклянные и пастовыс бусы (табл. XXXIII, 5; XXXIV, 1).

КАТАКОМБА №28. Полностью разрушена.

КАТАКОМБА №29. Овальная в плане камера вытянута с востока на запад. Входная яма примыкала к ней с юга и была срезана бульдозером. Длина камеры – 1,7 м, ширина – 1,1 м. Свод катакомбы обвалился. В катакомбе было похоронено 2 человека. Кости первого скелета находились в беспорядке у южной стенки камеры, голова ориентирована на запад. Второй костяк лежал рядом с костями первого вытянуто на спине, головой на запад (табл. XXXV, А). Справа у черепа первого скелета стоял кувшин с отбитым горлом и ручкой. Справа у ног этого скелета лежало железное тесло (табл. XXXV, 30). Среди костей обоих скелетов было найдено: 2 бронзовые пряжки (табл. XXXV, 1, 7), бронзовые поясные бляшки – 21 шт. (табл. XXXУ, 9-26), при этом 4 из них имели форму бычьих голов (табл. XXXV, 16-19), куски ремня с бляшками (табл. XXXV, 8-11). Общее количество бляшек – 33 шт. Кроме того, были найдены 2 наконечника от ремня (табл. XXXV, 27, 31), 2 бронзовых бубенчика (табл. XXXV, 5, 28), один из которых фрагментирован, железный предмет, видимо, фрагмент ножа (табл. XXXV, 42), 3 бусины (табл. XXXV, 2-4). Из этой же катакомбы происходит чекан (табл. XXXV, 29).

Анализ материала Тарского могильника позволяет сделать некоторые, пока еще предварительные, выводы. Ориентация погребенных в катакомбах невыдержанная. По тем катакомбам, где погребения не были потревожены или где еще можно было отметить расположение костяков, картина представляется таковой: ориентация погребенных на Восток – 5 катакомб, на Запад – 3 катакомбы, на Юг – 1 катакомба, на Север – 2 катакомбы, на Юго-Восток – 3 катакомбы, на Северо-Восток – 2 ката-

комбы, на Юго-Запад – 2 катакомбы и на Северо-Запад – 1 катакомба. К сожалению, детали некоторых катакомб погибли вместе с могильником. Это касается размеров погребальной камеры, высоты, ширины, наличия или отсутствия ступеньки, размеров дромоса и пр. Почти во всех катакомбах отмечены древесные угольки, свидетельствующие о стойкости у алан-осетин ритуала очищения огнем погребальной камеры с древнейших времен до XIX в. включительно.

Разнообразный материал из катакомб Тарского могильника включает много категорий предметов погребального инвентаря: орудия труда и оружие, детали одежды, туалетные принадлежности и украшения, детали поясного набора с пряжками, сосуды и пр.

Из орудий труда в материалах могильника представлены тесла (табл. III, IV, IX, XIV, XXIX, XXXI, XXXIV). Все они малых размеров. Тесла выкованы из трапециевидных листов железа, верхняя узкая часть с двух сторон изогнута для помещения в ней края деревянного крюка – ручки. Высота тесла колеблется от 10 см до 7,2 см, ширина рабочей части – от 4,5 – до 5,6 см. Надо полагать, что тесла эти служили (в данном случае) для рытья катакомб. Деревянные их рукоятки не сохранились.

К категории предметов орудий труда относим 2 пряслица из керамики, найденные в катакомбе №27 (табл. XXXII, 17, 23). Первое – дисковидной формы (диаметр – 33 мм; толщина – 5 мм), второе – усеченно-биконической формы (диаметр – 24 мм; высота – 18 мм).

Находки кабаньих клыков в средневековых погребениях осетин нередки от раннего средневековья до позднего: обнаружены в позднесредневековых склепах и каменных ящиках. Один такой клык был найден в катакомбе №17 (табл. XVII, 20). Считается, что они служили для разглаживания швов на коже, материи.

К орудиям труда можно отнести и 15 ножей с деревянными рукоятками (рукоятки не сохранились). Не сохранились и ножны, которые тоже были деревянными. К этому разряду предметов следует отнести и ножи с металлическими, изготовленными из тонкого листового серебра, ножнами (табл. XIII, XIV, XXIII, XXVII, XXXIII). В катакомбах найдены и спаренные ножи (табл. VII, XXXIII). Подобные спаренные ножи в ножнах с серебряными обкладками были обнаружены в Чечне (с. Мартан-Чу Урус – Мартановского района) в погребениях, а это были катакомбы 19, 23, 27 и 30. Авторы публикации В.Б. Виноградов и Х.М. Мамаев считают их метательными ножами. Датируется Мартан-Чуйский катакомбный могильник IX-X вв. (1, с. 22-26). В 1980 г. на том же могильнике в катакомбе №3 «лежали два фрагментированных железных ножа в одних деревянных ножнах» (2, с.28). Автор раскопок С.Н. Савенко привлекает аналогии из памятников Подонья VIII – первой половины X в., где имеются парные ножи в одних ножнах (2, с. 31). Он датирует исследованные катакомбы X – началом XI в. (2, с. 32).

Обломок оселка из песчаника так же следует отнести к орудиям труда. Сохранившаяся часть оселка 58 мм (табл. XVIII, 2). На оселке имеется отверстие для подвешивания.

Наконечники стрел в Тарском могильнике представлены пятью экземплярами – четыре из них железные (табл. VII) и один бронзовый (табл. XIII). Железные наконечники стрел черешковые, а бронзовый – втульчатый. Два железных наконечника – трехлопастные, два других сильно корозированы, но, видимо, были четырехгранными, «бронебойными». Что касается бронзового наконечника – то он двухлопастный с овальными «перьями» – лопастями и круглой втулкой. Предмет, безусловно, литой.

Характерное аланскос оружие – сабли отмечены в четырех погребениях (табл. III, V, VIII, XXXI). Сабли все плохой сохранности из-за сильной коррозии металла. Однако можно

констатировать общую длину и слабую изогнутость клинка. Сабля из катакомбы №9 (табл. VIII, рис. 1-5) имеет богато украшенные петли для подвешивания ножен и набалдашник рукояти. Петли для крепления ножен к портупее выполнены в виде дуг с зубцами-фиксаторами с тыльной стороны петель, а концы дуг схвачены единым штифтом, скрепляющим кольцевые обоймы с дужкой. Поверхность петель-дужек и обойм украшены штампованным орнаментом. Таким же орнаментом покрыт набалдашник рукояти. Вся обкладка сабли изготовлена из листового серебра и находится в относительно хорошей сохранности.

Другим характерным видом вооружения является боевой топор. Их 17 экземпляров (табл. III, VI, VIII, XII, XXIII, XXIV, XXIX, XXXI, XXXV, XXXVI). Топоры кованые, разных размеров и конфигураций; некоторые с молоточковидным обухом, есть обоюдоострые, есть топоры с одним горизонтальным и другим вертикальным лезвием. В проушинах некоторых экземпляров сохранились остатки деревянного топорища. Как и сабли, топоры имеют достаточно широкую хронологию и поэтому вряд ли пригодны для точной датировки.

К защитному вооружению следует отнести остатки кольчуг, которые были зафиксированы всего в двух случаях, что может служить, с одной стороны показателем особой роли погребенного в иерархии воинов – всадников, а с другой – малой доступностью для всех этого важного предмета воинской экипировки. Фрагмент из катакомбы №14 (табл. XIII, 4) – это спекшиеся колечки с кусочками ткани, другой фрагмент кольчуги из катакомбы №24 (табл. XXV), также представляет собой спекшиеся колечки и среди них бусы и кольчатая привеска с ушком для подвешивания. Скорее всего это фрагмент ворота кольчуги. Колечки диаметром 0,6 см.

Из предметов конского снаряжения в могильнике (катак. №9) обнаружены железные стремена и удила. Они

плохой сохранности (табл. IX, 1-5), однако можно отметить, что удила были двусоставные, однокольчатые, а стремена – подтреугольной формы с неширокой подножкой.

Неплохо представлены в материалах Тарского могильника и элементы поясного набора. 12 разнообразных поясных пряжек из бронзы и серебра (табл. VI, XXXII, XXXV), овальнорамчатые с цельным соединением со щитком и с подвижным язычком (табл. XX, 16), квадратно-рамчатые (катак. №15 и №24) и др. 7 пряжек из бронзы в виде треугольника с колечками на остриях треугольника и с железной иглой (иглы коррозированы) и 1 пряжка, также из бронзы, с тремя двурогими отростками с наружной стороны и плоской иглой – разнообразят поясной набор. Подобные пряжки характерны для VIII-IX вв.

Поясные накладки в виде бляшек разнообразной конфигурации составляют интересную коллекцию. Многие из них снабжены колечками, которые свисали с корпуса ремня: к ним, видимо, подвешивались оружие и другие предметы всаднического снаряжения. Так, в катакомбе №6 (табл. V, 4, 5, 7-11а) были найдены 6 поясных бляшек с тиснеными на матрице изображениями скачущего всадника в персидском одеянии. Всадник стреляет из лука в противоположную от бега лошади сторону. На нем головной убор, штаны, сбоку – сабля. Серебряные бляшки дополняются штампованными изображениями овечьих головок и еще одной бляшкой с зооморфной штамповкой. Ременной наконечник так же покрыт чеканным изображением единоборства человека с каким-то хищником (табл. V, 3). Пряжки с этим поясным набором не было (утеряна). Другой поясной набор (или два, ибо там было найдено две цельнолитые со щитком малые пряжки, щиток у одного геральдической формы, у другого в виде трезубца) был раскопан в катакомбе №8 (табл. VI, 5, 6, 8-34). Бляшки двух видов: в виде «сердечка с круглым вырезом в верхней широкой части –

10 экземпляров, и квадратные с прямоугольным вырезом также в верхней части 15 экземпляров. Бляшки снабжены штифтиками для крепления к кожаному ремню. Четыре серебряных поясных наконечника язычков из катакомбы №27, совершенно аналогичные, имеют «елочный» орнамент и крепились к коже при помощи припаянных узких полосочек металла, концы которого предварительно продевались в отверстие, а потом разводились. Еще большее разнообразие поясных бляшек и наконечников наблюдается среди материала из катакомбы №29 (табл. XXXV, 1, 7-27, 31-41). Среди них розетки с отростком – 10 экземпляров (табл. XXXV, 9-15) в виде стилизованных бычьих головок (табл. XXXV, 16-19), сегментовидные с петелькой внизу и свободным колечком, продетым в петлю (табл. XXXV, 8, 20, 21, 24-26), фигурные прямоугольные с прямоугольным вырезом с петлей в нижней части и с колечком (табл. XXXV, 22-26, 32-36), сегментовидные с выдавленными кружочками так же с петелькой и колечком (табл. XXXV, 37-41). Кроме того зафиксировано два язычковых наконечника ремней, орнаментированных изображениями фантастических (или стилизованных) существ. Один из наконечников – одинарный, с двумя штифтами (табл. XXXV, 31), другой двусоставный, крепившийся с кожаным ремнем двумя гвоздиками-заклепками (табл. XXXV, 27). Поясные бляшки со свободными колечками появляются в IX в. (3, рис. 61, 14, 19), видимо, и поясные наборы Тарского могильника датируются тем же временем.

Из принадлежностей, относящихся к одежде, отметим единственную фибулу, да и от той сохранилась только дужка с приемником и завитком на конце (табл. XXXVI, 3). Как видим, к IX-X вв. фибулы – это распространенный тип застежки-булавки в более ранние периоды, сходит на нет. Нет их и в катакомбах Мартан-Чуйского могильника. По-видимому, это связано с изменением верхней одежды

или изменением способов скрепления ворота. Датируется наша фибула VIII-IX вв.

Характерной принадлежностью костюма были продолговатые застежки в виде короткого стерженька с округлыми концами и с кольцевым выемом в середине (табл. V, 6; XIII, 22; XVII,?). Подобные застежки нередко встречаются в катакомбах. Распространены широко. Время их бытования VII-IX вв.

Несомненно относятся к деталям одежды и три литые из бронзы пуговки из катакомбы №14. Они небольшие (высота 11 мм), с петельками для пришивания (табл. XIV, 7-9).

Несомненно также, что на костюм нашивались бубенчики разных размеров и конфигураций, в основном из бронзы, но есть и серебряные. Эти полые привески изготовлялись как составные, так и цельные. В нижней части имеют вырез, а сверху – ушко-петельку. Петелька иногда цельнолитая, но есть и из уплощенной проволоки, продетой в отверстие и там закрепленной. Крупные, видимо, пришивались к вороту, а более мелкие – к рукавам, подолу или вдоль разреза платья. К сожалению, точное расположение этих предметов in situ не зафиксировано. Ввиду широкой распространенности во времени и пространстве они не могут служить датирующим материалом. Малых бубенчиков – 79, больших – 14. Бубенчики находились в материалах девятнадцати катакомб, причем в пяти катакомбах были и малые, и большие бубенчики.

Туалетные принадлежности представлены зеркалами и копоушками. Зеркала металлические, круглые, с петлей для подвешивания в центре на оборотной стороне. Диаметр зеркал различный: от 25 мм до 67 мм. Всего их 16 экземпляров. Миниатюрные не орнаментированы, а остальные имеют на оборотной стороне орнамент из выпуклых невысоких валиков в виде концентрических кругов, неровных многолопастных звезд, в виде вереницы «завитков». Ино-

гда эти двухъярусные «завитки» разделены радиальными валиками на шесть секторов. Зеркала с петлей в середине и орнаментированные в виде «звезд», радиальных лучей, «завитками» и пр. присутствуют в аланских древностях с раннего средневековья и сами вряд ли являются датирующим материалом, но к VIII-IX-X вв. их можно относить смело. Кроме того, зеркала с завитками характерны, как говорит В. Б. Ковалевская, «для комплексов у Дарьяльского ущелья и из Чечено-Ингушетии» (3, с. 87). Копоушек в катакомбах обнаружено всего два экземпляра (табл. XIII, II и XXV, 9). Обе однотипные – с колечком для подвешивания, но первая орнаментирована чеканкой в виде «ромбиков», а вторая – гладкая (катакомбы №14 и 24). К туалетным предметам можно отнести и фрагмент деревянного (самшитового?) гребня из катакомбы №25 (табл. XXX, 13).

Из украшений массовым материалом в Тарском катакомбном могильнике являются стеклянные бусы. Зафиксированы в двадцати двух катакомбах в количестве от двух-трех до нескольких сотен. Бусы разнообразных размеров от мелких (бисер) до крупных (диаметр 20-21 мм и длиной до 31 мм). Отмечены следующие формы – круглые, биконические, в виде оливок, бипирамидальные, прямоугольной формы, рифленые, цилиндрические, в виде четырнадцатигранника, дисковидные, монетовидные, цилиндрические с валиком, с шишечками. По орнаменту – с полосами, глазчатые, мозаичные, коврово-мозаичные. По цвету – прозрачные, белые, синие, красные, голубые, зеленые, желтые, «терракотовые». Возможно, само количество и разнообразие бус указывает на близость производственного центра.

Перстни из Тарских катакомб стеклянные и металлические (бронзовые и серебряные). Стеклянных перстней 8 экземпляров. Все они темного цвета с налепами – шишечками (табл. III, 5, 6; XXIII, 7, 8; XXV, 3-6; XXX, 8, 9). Металличе-

ских перстней больше – 30 экземпляров. Среди них кольцо из проволоки круглого сечения, три гладких перстня из полоски металла, с жуковинами – 9 экземпляров, с высокими обоймами для стеклянных и каменных (сердоликовых) вставок – 4 экз., остальные – с прямоугольными обоймами для вставок и такой же формы стеклянными вставками. Перстни всех этих типов широко распространены как во времени, так и в пространстве, в том числе и в Осетии. Так, перстни со стеклянными вставками известны от времени Кобанских катакомб (4, табл. XLVI) до Даргавских позднесредневековых склепов (4, табл. LIV). Стеклянные перстни черного цвета датируются VIII-IX вв. (5, с. 23).

Из украшений хорошо представлены и серьги. Всего зафиксировано 35 штук. Многие из них фрагментированы. В основном серьги двух типов: первый тип в виде колечка с полой колонкой ограниченной снизу и сверху полыми же (из двух полусфер) шариками (табл. XXXII, 14, 15, 19, 20), а второй тип серег – тоже с колечком и колонкой, но на этот раз колонка состоит из вертикального стержня с 3-4 шариками – утолщениями (табл. XXXI, 22, 23). Серьги первого типа – с полой трубочкой – колонкой – были найдены также в Кобанских катакомбах (4, табл. XLVI, 15, 16) и, вероятнее всего, относятся к VIII-IX вв. В памятниках салтово-маяцкой культуры они доживают до начала X века (3, рис. 37, 98, 99, 140, 141).

Браслетов на Тарском могильнике найдено всего 10 экз. Один из них – железный (табл. XXII, 2), девять остальных – бронзовые. Все браслеты незамкнутые. Четыре из них изготовлены из проволоки круглого сечения с заостренными концами (табл. VI, 35; XXXII, 12, 13, 18); два браслета из массивного прута с утолщениями в середине корпуса и на концах (табл. XXX, 1, 1а); два браслета из уплощенной проволоки с концами в виде клювов (табл. XXII, 3; XXXI, 9), один браслет из витой проволоки с загнутыми наружу

заостренными концами (табл. XXVIII, 5). Витые браслеты с утолщенными концами были обнаружены в катакомбах Балты на Военно-Грузинской дороге (4, табл. LXV, 19-21) и датируются VIII-IX вв. (5, с. 22). Браслеты с утолщениями в середине и на концах были обнаружены в Чечено-Ингушетии, датируются VIII-IX вв.

Интересную категорию предметов составляют привески и амулеты. В катакомбе №18 найдена подвеска в виде двух соединенных бокалов (табл. XVIII, 17). С двух сторон вдоль корпуса подвески были укреплены так называемые пронизи-дополнительные украшения из пружинно свернутой проволоки. Аналогичная привеска известна из салтово-маяцких древностей и датируется второй половиной VIII – началом IX века (3, рис. 37, 45). В той же катакомбе была найдена еще одна привеска – амулет. Это так называемый колесовидный амулет с четырьмя тяжами – «спицами». Причем спицы не прямые, а составлены как бы из двух шариков (табл. XX, 13). Точных аналогий не подобрано, но они не выходят из круга аланских амулетов VIII-IX вв. (6, рис. 4, 10; рис. 5, 53).

Еще один амулет в виде колечка с петелькой и с двойными «усиками» в трех местах корпуса был зафиксирован в катакомбе №24 (табл. XXV, 21). Он близок к амулетам из Северной Осетии и Ингушетии (3, рис. 64, 118, 119). Датируются такие подвески VIII-IX вв. К амулетам относятся и четыре раковины каури, одна из которых маленькая – высотой всего в 18 мм (табл. XVIII, 6), вторая, из катакомбы №27, – крупная, высотой 62 мм (табл. XXXIV, 2). Две другие средних размеров (табл. XXXV, 19, 20). Возможно, были амулетами и диски из крупных ракушек. Три из них обнаружены в катакомбе №18 (табл. XX, 17-19), три в катакомбе №27 (табл. XXXIV, 3-5) и один в катакомбе №24 (табл. XXVII, 1). Все они имеют отверстие посередине; на двух вырезаны концентрические круги, на двух – радиальные

желобки, а три – гладкие. Отпечаток еще одной раковины на проржавленном железном предмете обнаружен был в катакомбе №10 (табл. X, 7). К ржавчине пристал слой раковины с радиальными желобками. Подобный предмет приведен В. Б. Ковалевской и датируется VIII в. (3, рис. 62, 120).

Два куриных яйца было найдено в катакомбе №17, здесь же были три мелких лесных ореха (табл. XVI, 6-10), а в катакомбе №19 – три астрагала (табл. XXI, 17-19). И яйца, и орехи, и астрагалы встречаются в аланских катакомбах и даже позднесредневековых погребальных памятниках осетин. Датировочным материалом служить они никак не могут. В Тарских катакомбах отмечены и ткани из разной толщины ниток, сохранившиеся на проржавленных предметах (табл. II, 4; VI, 5; XIII, 4; XXIII, 4; XXVIII, 1; XXXIV, 13, 14). Определить их материал сложно, но, видимо, это не шерстяная нить, а скорее всего хлопчатобумажная или шелковая. В катакомбах, где есть детали поясного набора, зафиксированы обрывки кожи – части пояса.

Кроме всех описанных предметов в катакомбах найдено множество металлических бляшек – гладких и орнаментированных, а также предметы (или фрагменты предметов) поясного назначения.

В катакомбах Тарского могильника обнаружено 29 сосудов – 4 стеклянных и 25 керамических. Стеклянные сосуды – два бальзамария из катакомб №14 и №15 (табл. XV, 2; XXXIX, 3), два стакана баночной формы, первый из катакомбы №14 с орнаментом в виде ромбиков, перемежающихся вертикальными желобками на корпусе (табл. XXXIX, 2), второй стакан из катакомбы №21 орнаментирован кружочками в верхней части и крестами «мальтийского» типа по корпусу (табл. XXIII, 1). Массивные стаканы из зеленого стекла известны из катакомбных могильников Кобана и Чми (4, с. 136), а также Чечни (10, рис. 6, 32). Датируются IX в. (5, с. 23; 10, с. 84). Глиняные сосуды разного цвета и обжи-

га. В основном это кувшинчики (23 предмета), но есть и два сосуда баночной формы. Кувшинчики, как правило, имеют петлевидную ручку на тулове. На двух кувшинах отмечены двухпетельные ручки в виде стилизованных животных (табл. XXXV, 4; XL, 6). Кувшинчики с петлевидными ручками имеют несколько суженное горло и расширяющийся венчик. У пяти кувшинчиков (табл. XXXVIII, 1, 4; XXXIX, 1, 6; XL, 1) ручки отходят от венчика и соединяются с корпусом. Три кувшинчика имеют петлевидные ручки, соединяющие корпус с горлышком (табл. XXXVIII, 2; XLI, 1, 2). Не все сосуды сохранились в целом виде, однако общая конфигурация восстанавливается. На корпусах керамических сосудов нет орнаментации и налепов, не отмечены и клейма; только на одном отмечены горизонтальные желобки по горлышку и корпусу (табл. XLI, 1). Петлевидные ручки на тулове характерны для аланской керамики, начиная с раннего средневековья и до VII-IX вв. (5, рис. 24, 27). Двухпетельчатые ручки сосудов более характерны для VII-IX вв. (5, рис. 24, Б, 27, В). Таким образом, сосуды, кроме стеклянных, которые, по-видимому, являются импортными, местного производства, не выходят из круга аланской керамики.

Интересной находкой должна считаться серебряная монета из катакомбы №27. Монета не очень хорошей сохранности, кроме того, в ней пробиты отверстия, что говорит об использовании ее не по назначению, т.е. в виде украшения – нашивной бляшки. На аверсе и на реверсе – точечный ободок, а внутри арабская надпись. Напоминает арабские диргемы. Поступали они на Северный Кавказ из Закавказья, занятого арабами. Тем более что в Тифлисе арабы чеканили свою монету (7, с. 38) и имеются монеты похожие, но не аналогичные нашей. Время их чеканки IX-X века (9, с. 50).

Рассмотренный материал из Тарского катакомбного могильника позволяет подвести некоторые предварительные итоги. Могильник без всякого сомнения относится к

аланским могильникам – тут и погребальное сооружение (катакомба), и обряд трупоположения – неоднократное использование погребальной камеры, тут же и богатый ассортимент типично аланских предметов – начиная от оружия и кончая украшениями и личными вещами. Особо следует сказать о поясах и поясных наборах. Они являются не только датирующим материалом, но могут быть привлечены как этнический признак. Очень интересны параллели, обнаруживающиеся к востоку от описываемого региона. Могильники, напоминающие даже в деталях погребальный инвентарь Тарского могильника, давно известны в Чечне и Ингушетии и так же, без всякого сомнения, относятся к аланским памятникам. Время утилизации всех этих катакомб приходится на VIII-IX вв., однако при дальнейшем, более скрупулезном и детальном рассмотрении материала, вполне может оказаться, что отдельные предметы, а то и катакомбы, выйдут за означенные хронологические рамки, т.е. какие-то погребения можно будет отнести к VII в., а какие-то – к X в. Однако общая датировка вряд ли нарушится. То, что памятники, аналогичные Тарскому могильнику, неоднократно будут обнаруживаться на Северном Кавказе от равнин до высокогорья, не подлежит сомнению, ибо еще средневековые авторы отличали большую скученность, плотность аланского населения. Тарский могильник показывает, что он этнически однороден и связывать его еще с каким-нибудь этносом нет никакой необходимости. Надо полагать, что новые памятники, а особенно новое углубленное изучение даже известных памятников, позволит по-иному взглянуть на этническую историю края, миграционные процессы, культурно-производственные тенденции и пр. Введение в научный оборот нового добротного материала даст исследователям новые аргументы для подтверждения своих положений, а возможно и повлияет на формирование иного взгляда на историю алан-осетин.

Литература

1. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Мартан-Чуйский 1-ый могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

2. Савенко С. П. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

3. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.

4. Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII.

5. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. С. 106.

6. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

7. Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.

8. Дзаттиаты Р. Г. К вопросу о культовом характере средневековых погребальных памятников верховьев р. Большой Лиахвы // ИЮОНИИ. Цхинвал, 1983. Вып. XXVIII.

9. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955.

10. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Аланский могильник у с. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970-1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Аланы: история и современность. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 259-314 (совместно с Э. С. Кантемировым).

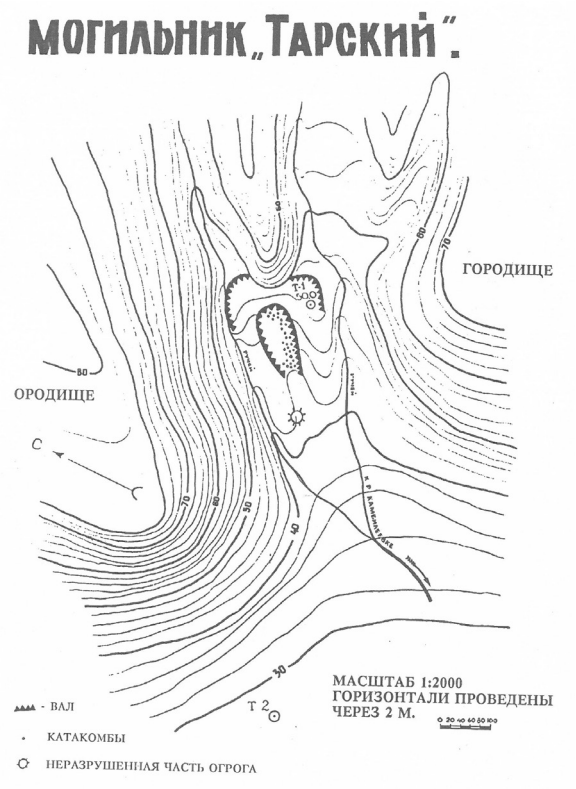

МОГИЛЬНИК „ТАРСКИЙ".
ГОРОДИЩЕ
ОРОДИЩЕ
МАСШТАБ 1:2000
ГОРИЗОНТАЛИ ПРОВЕДЕНЫ
ЧЕРЕЗ 2 М.
- ВАЛ
КАТАКОМБЫ
НЕРАЗРУШЕННАЯ ЧАСТЬ ОГРОГА

Табл. I

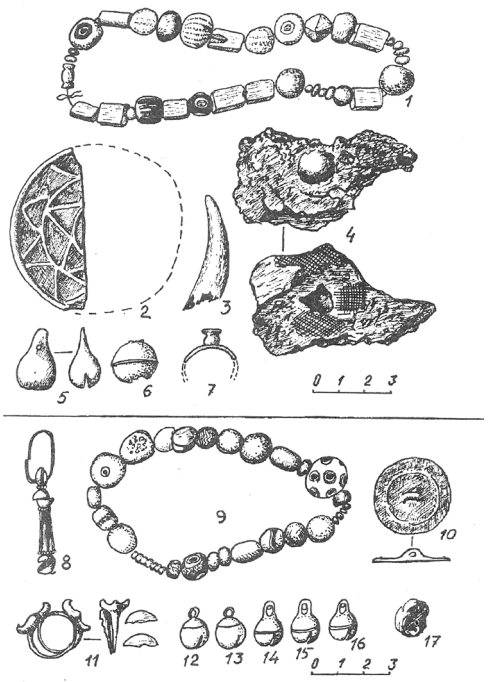


Табл. II

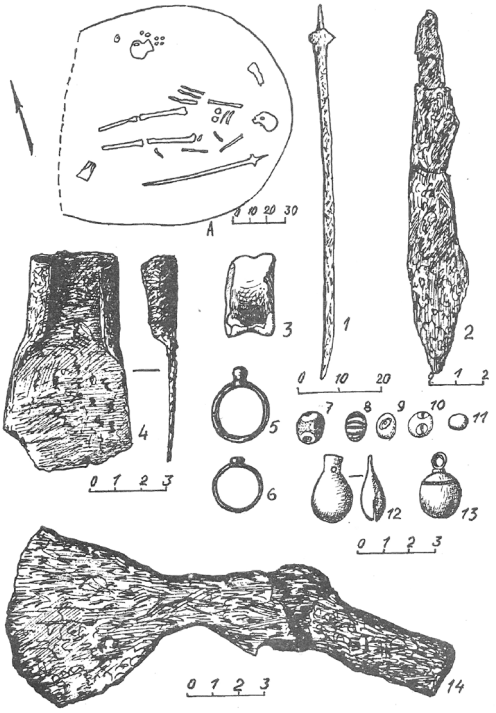


Табл. III

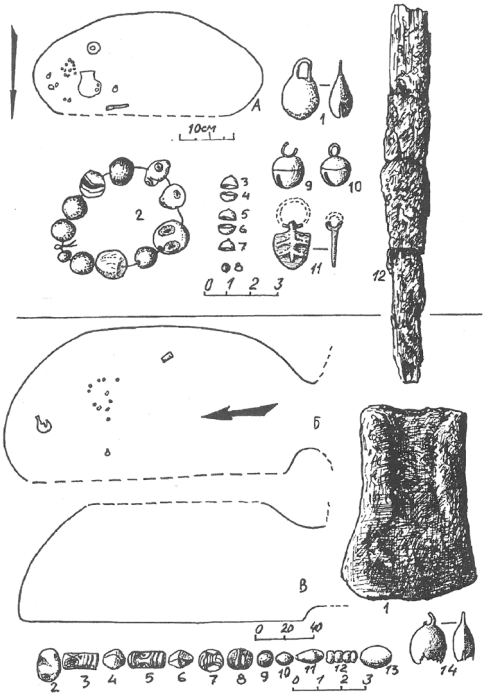


Табл. IV

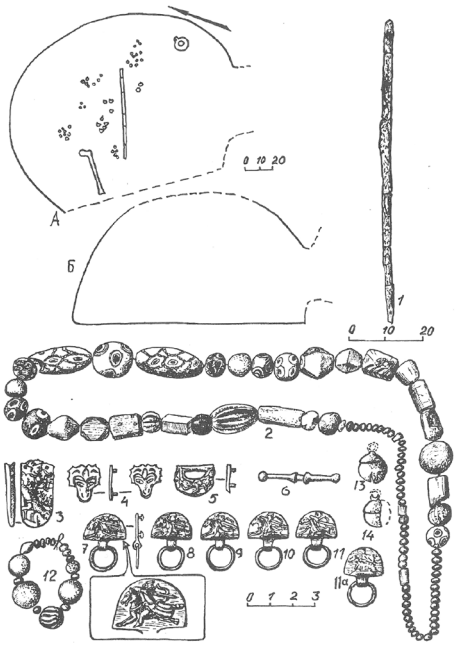


Табл. V

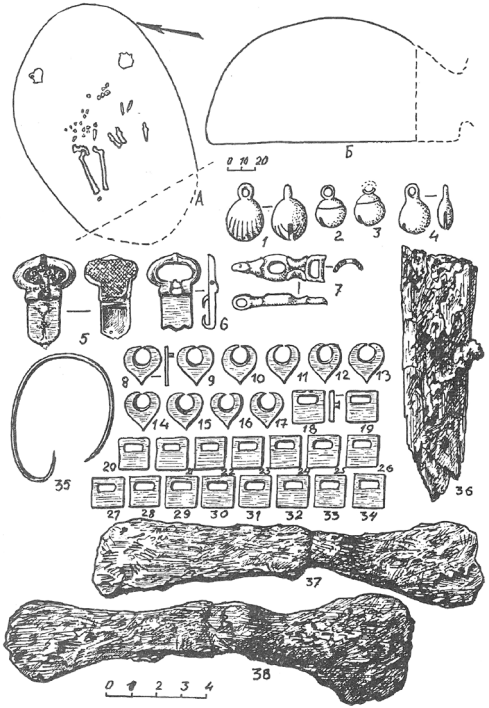


Табл. VI

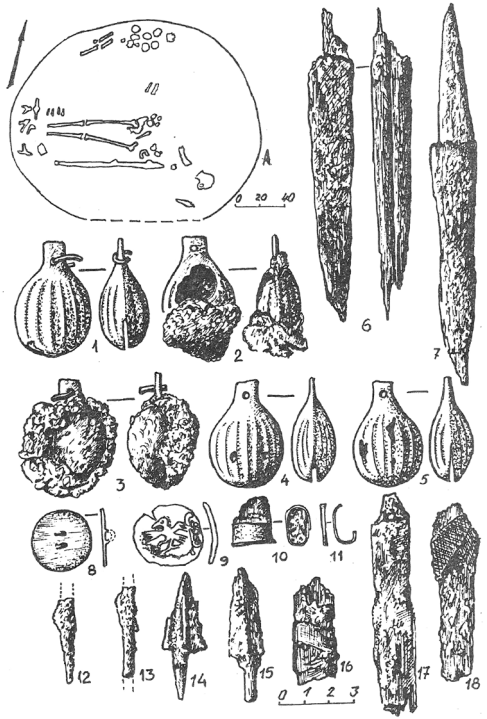


Табл. VII

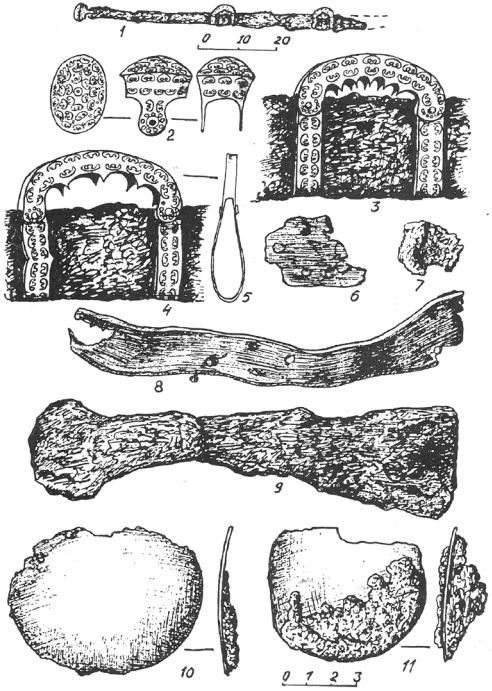


Табл. VIII

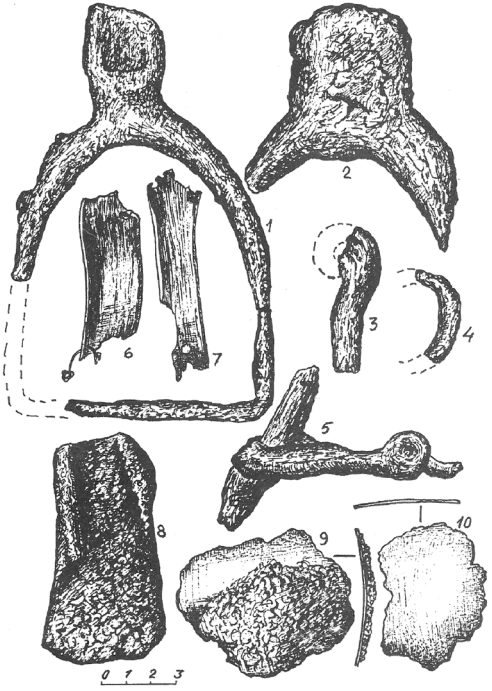


Табл. IX

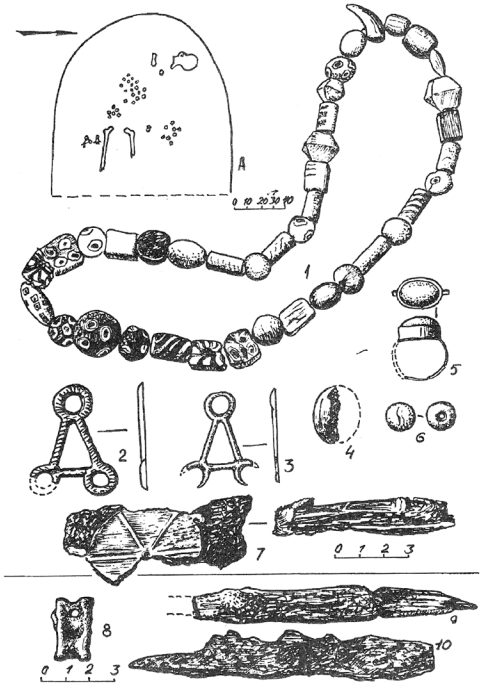


Табл. X

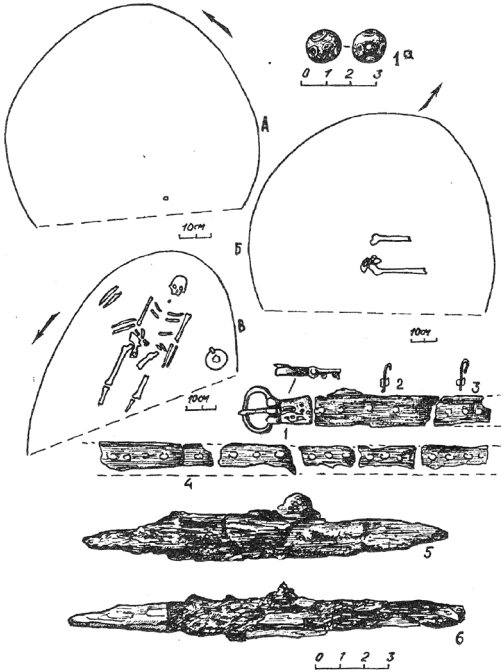


Табл. XI

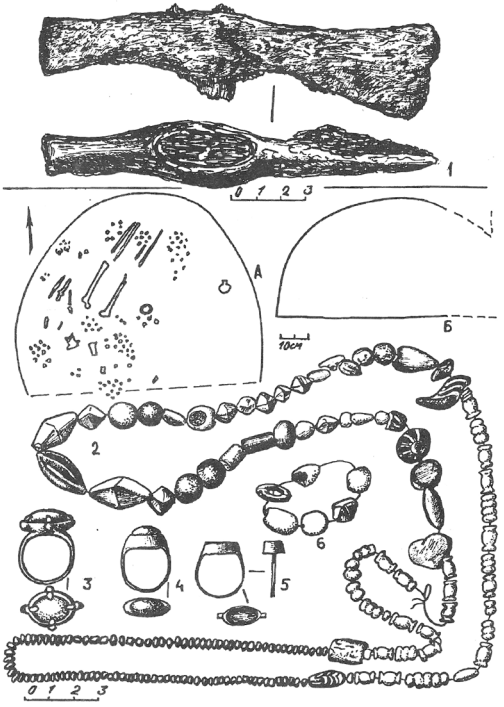


Табл. XII

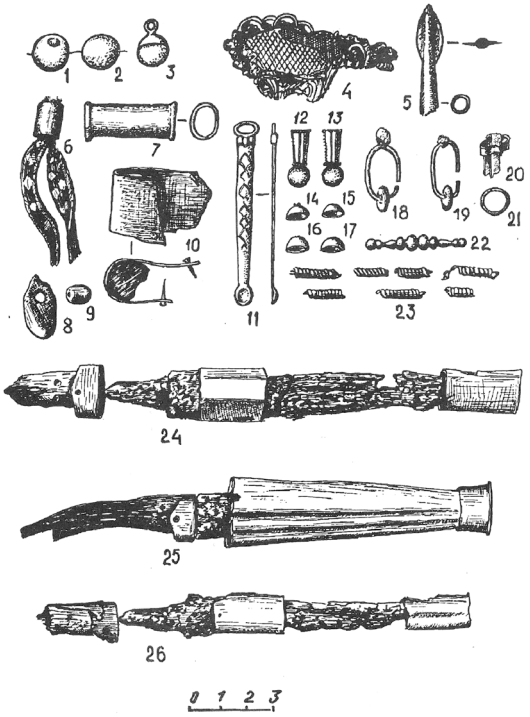


Табл. XIII

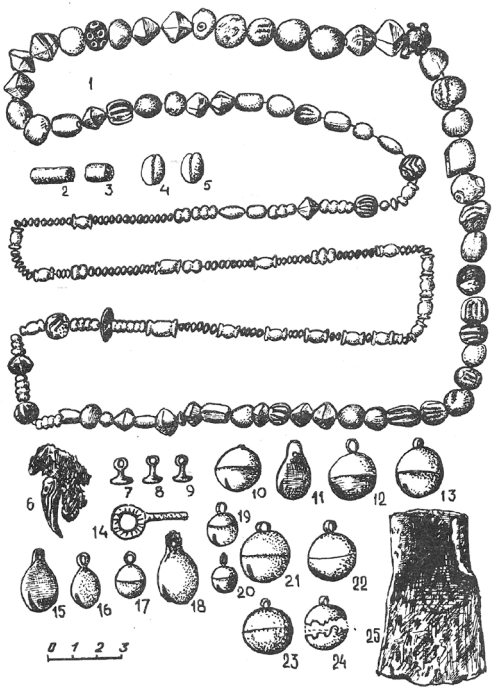


Табл. XIV

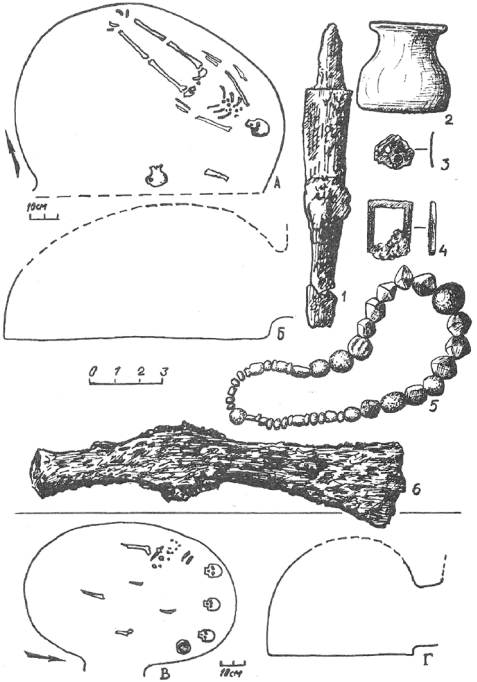


Табл. XV

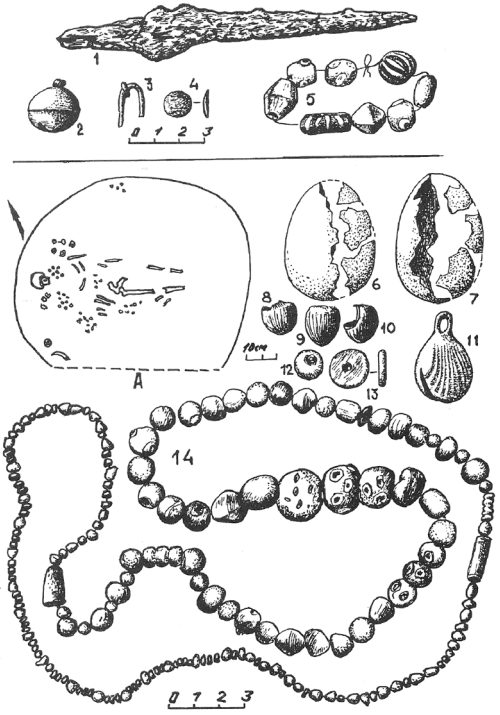


Табл. XVI

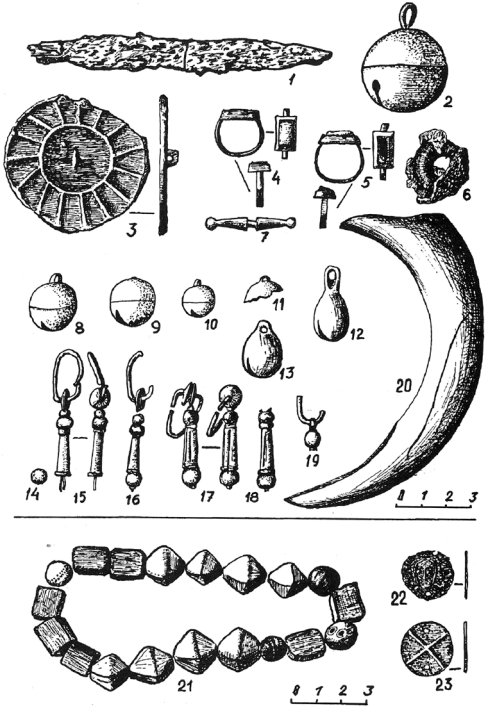


Табл. XVII

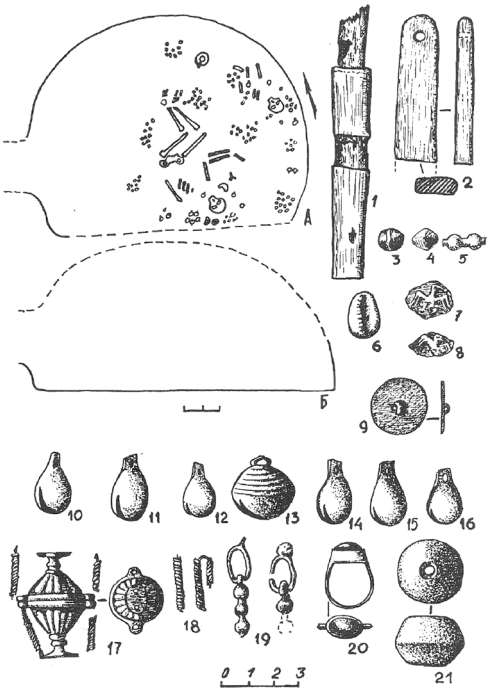


Табл. XVIII

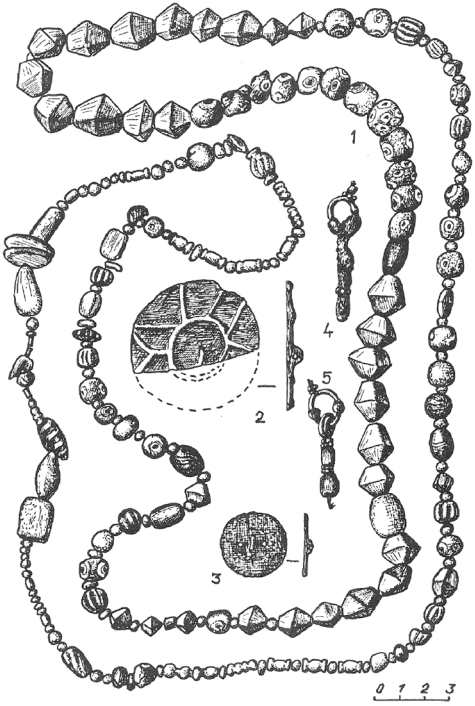


Табл. XIX

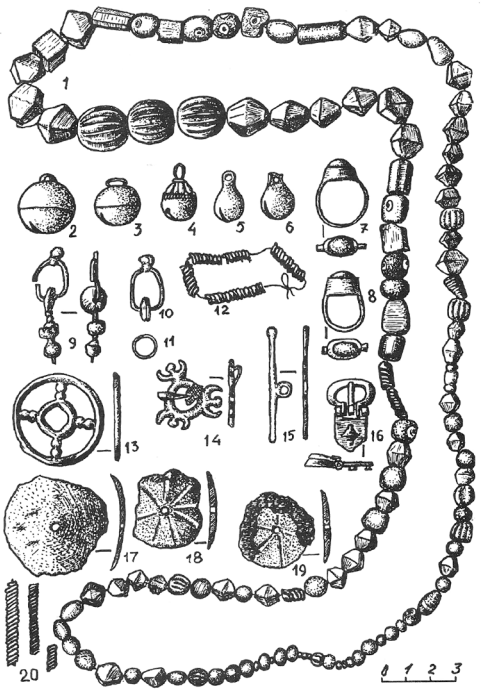


Табл. XX

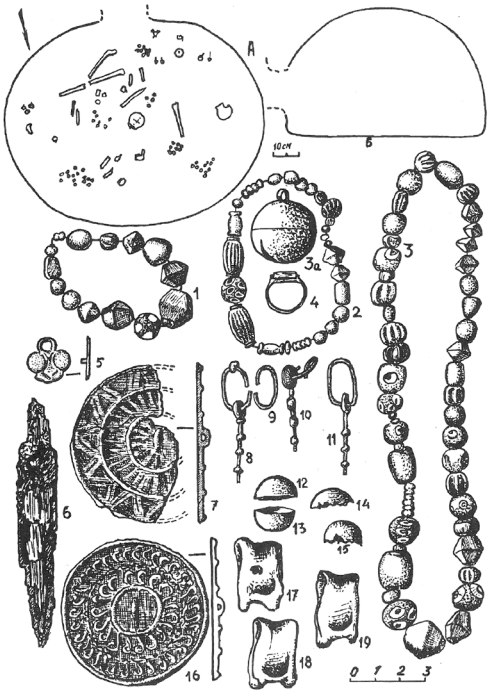


Табл. XXI

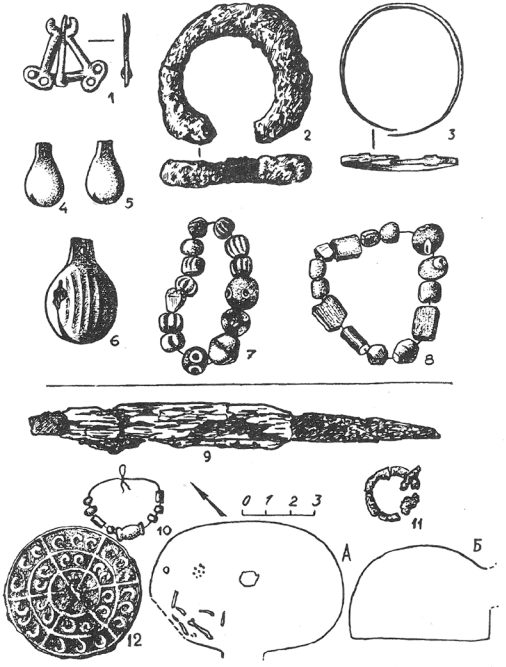


Табл. XXII

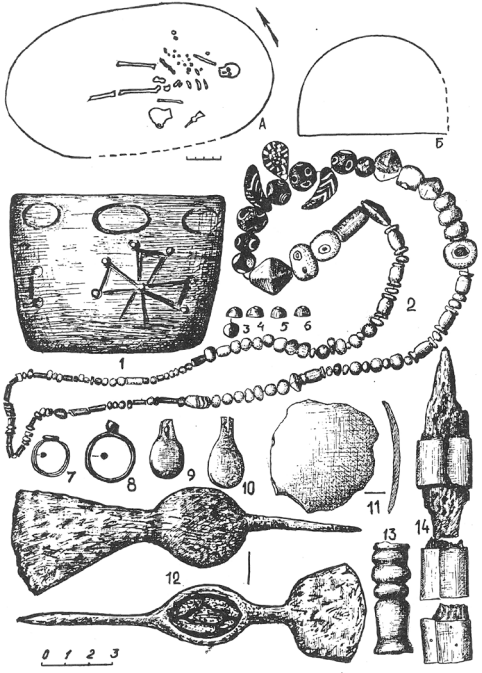


Табл. XXIII

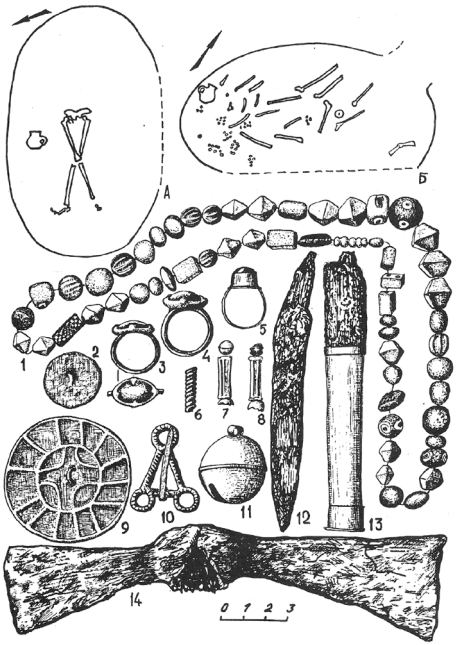


Табл. XXIV

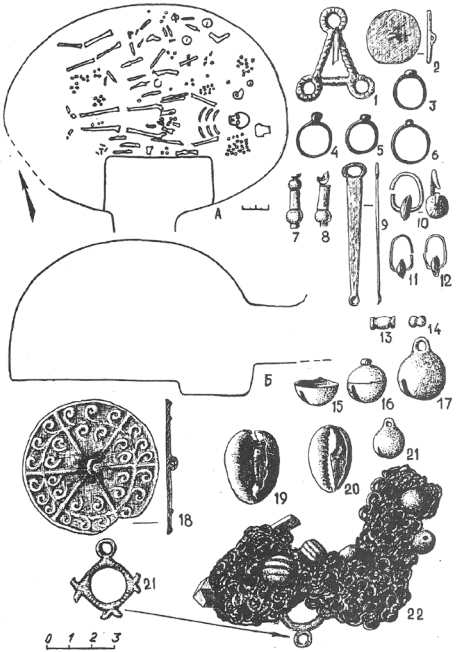


Табл. XXV

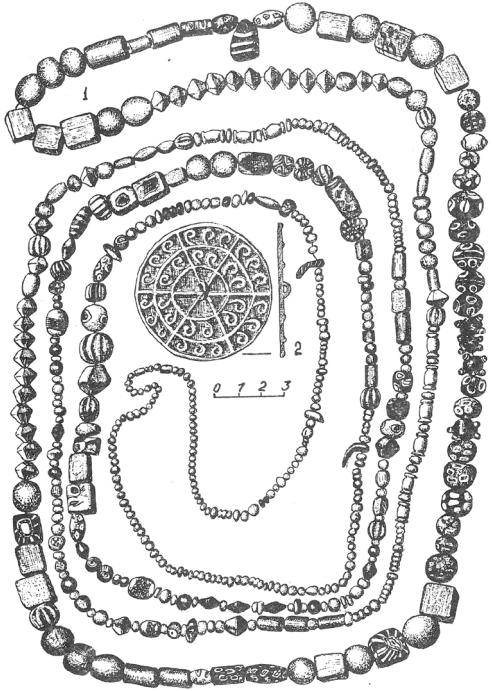


Табл. XXVI

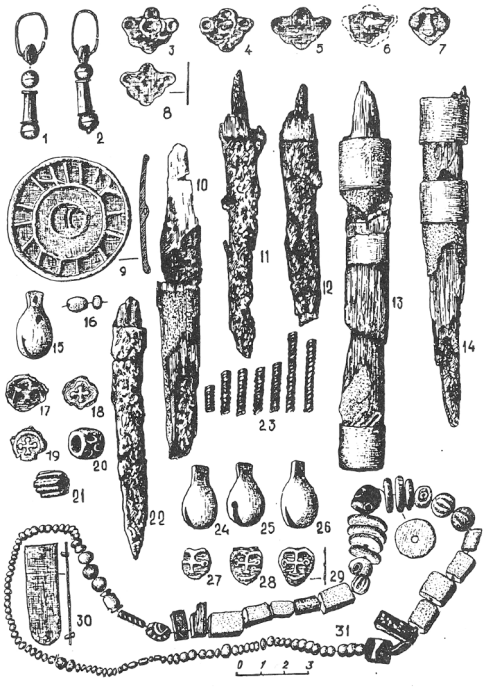


Табл. XXVII

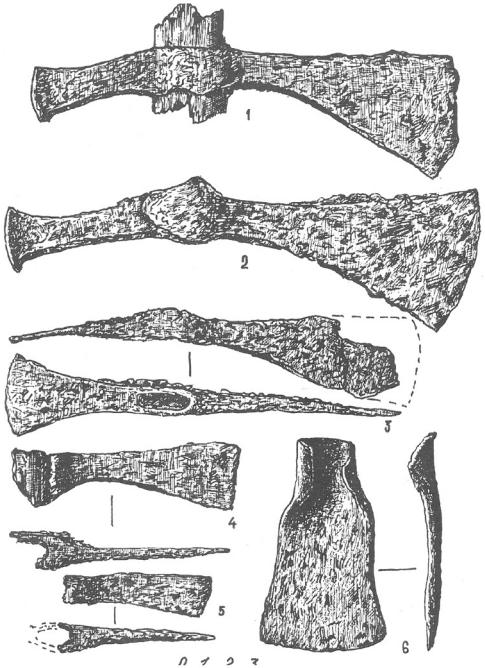


Табл. XIX

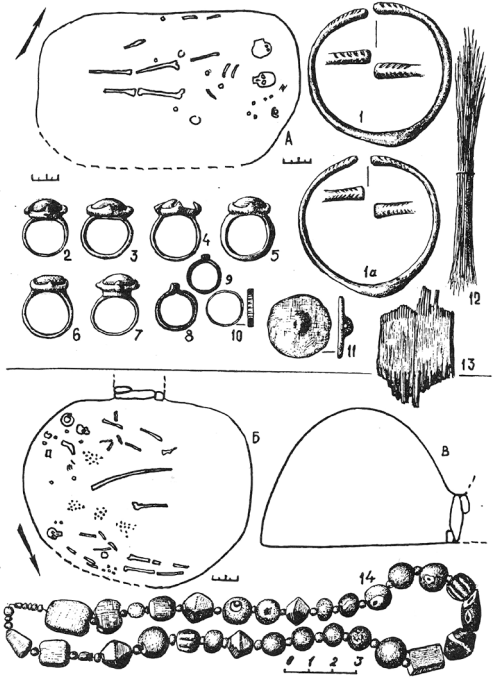
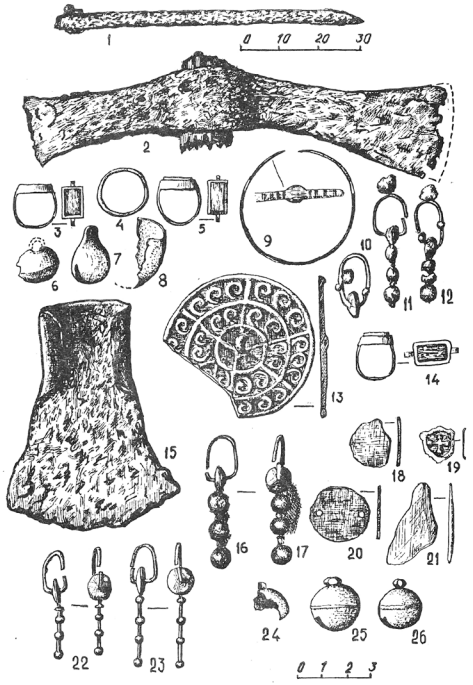
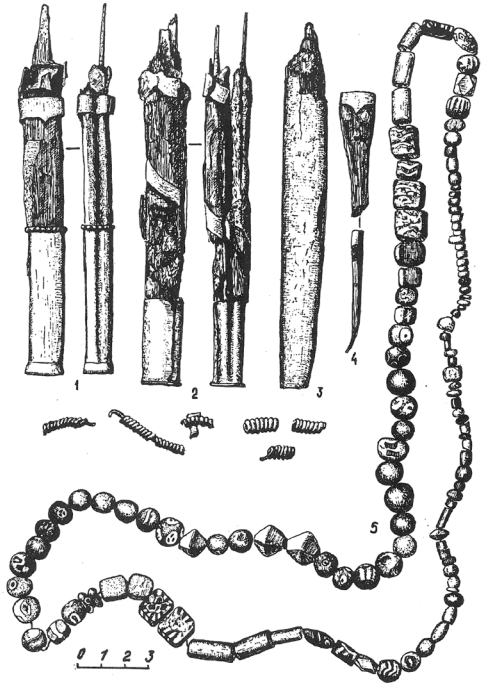


Табл. XXX


0 10 20 30
0 1 2 3


0 1 2 3

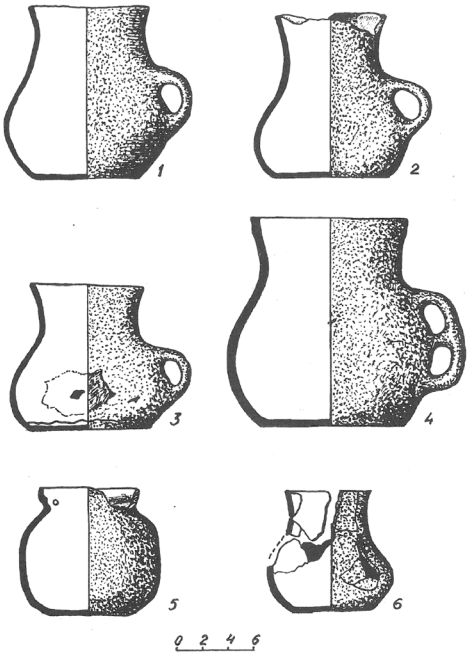


Табл. XXXI

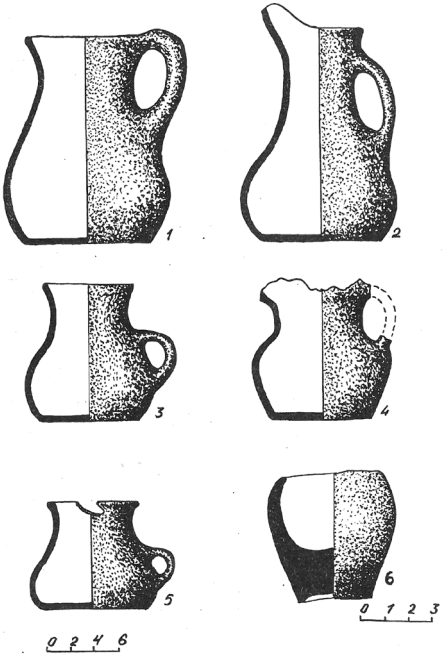


Табл. XXXII

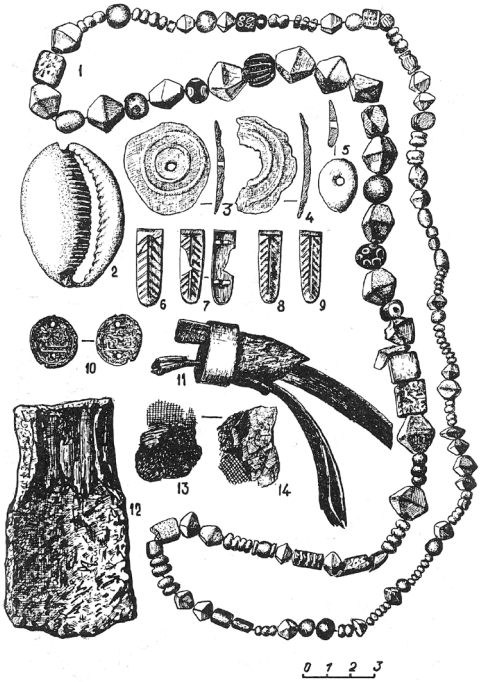


Табл. XXXIV

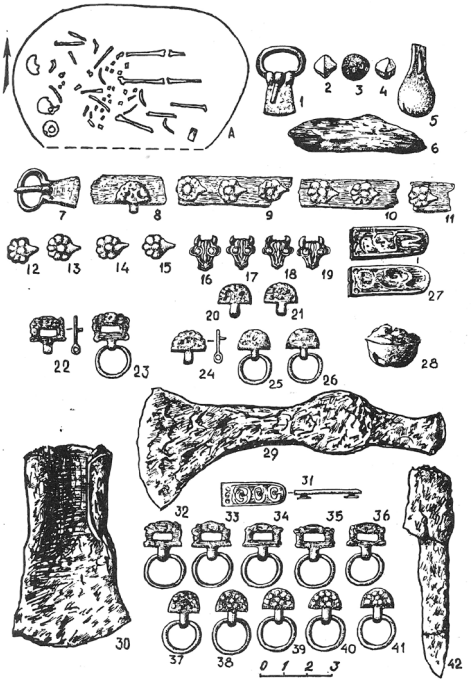


Табл. XXXV

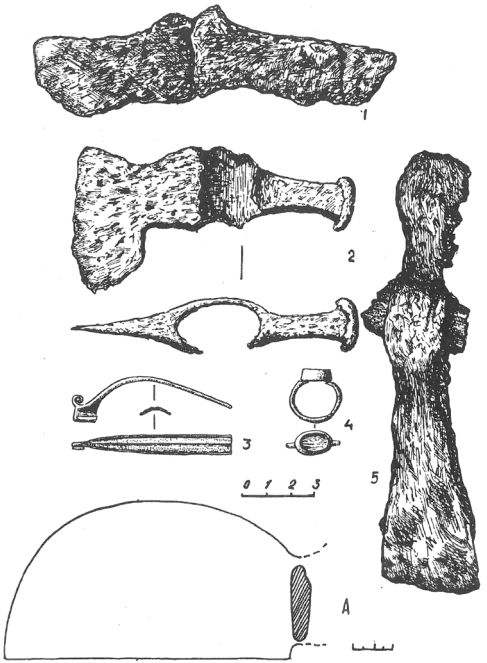


Табл. XXXVI

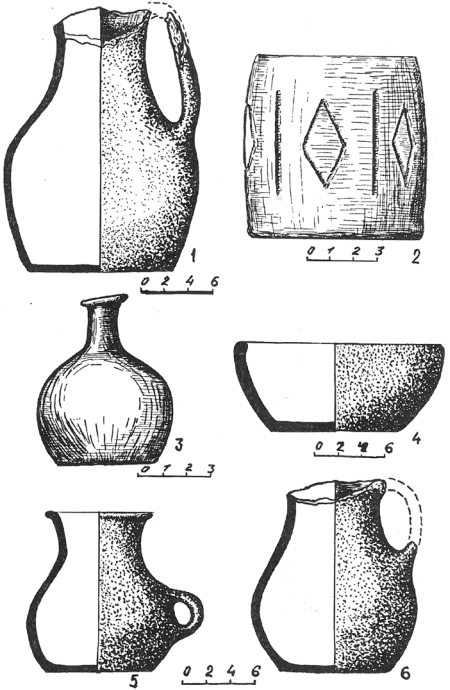


Табл. XXXIX

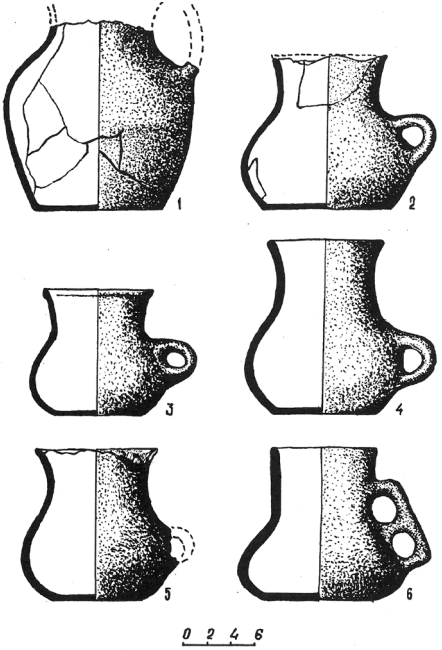


Табл. XL

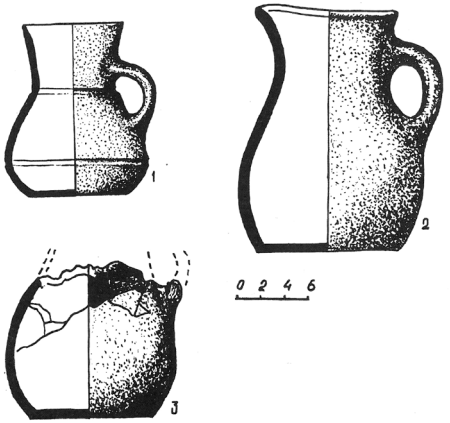


Табл. LXI

ОСЕТИНСКАЯ ТОПОНИМИКА В ГРУЗИНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Грузинская агрессия в Южной Осетии не была неожиданной и случайной: ее долгое время готовила грузинская историография. В самом деле, чтобы объявить войну другому народу, надо обосновать ее идеей. Содержанием этой идеи стал изобретенный грузинскими историками постулат, гласящий, что осетины в Закавказье не только пришлый элемент, но и недавний. Якобы осетинские поселения в Закавказье, или в Южной Осетии, появились, в «лучшем» случае, в XVI, а то и в начале XVII века.

Это утверждение «обосновывалось» не в каких-то третьеразрядных диссертациях или проходных статьях, а в работах маститых историков, вооруживших малоинтеллектуальную массу агрессивной энергией.

В недавно вышедшей небольшой книжке Юрия Сергеевича Гаглойти (Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996) подробно проанализированы сведения из письменных источников, которыми пользовались грузинские историки для обоснования своих выводов. Оказалось, что источники откровенно перевраны.

Анализ, проведенный Ю.С. Гаглойти, фундаментален, так что пересказ аргументов осетинского ученого может занять большое место. И, тем не менее, нельзя не остановиться на некоторых положениях исследователя.

Прежде всего следует отметить, что историками М.К. Думбадзе, Б.Р. Ломинадзе, М.Д. Лордкипанидзе, Н.Ю. Ломоури, Дж. Гвасалия выборочно и крайне субъективно рассмотрены сведения из отчета русского посольства 1604 года в Грузию.

Также интерпретирована и купчая грамота того же XVII века.

Интересно отметить, что Ю. С. Гаглойти построил свою книгу в обратной хронологии: начинает с материалов XVII века, потом углубляется в XVI век, затем – в XV, XIV, XIII, XII века и доходит до рубежа веков – до сармато-алан и скифов, уводя читателя в глубочайшую древность и последовательно обосновывая тезис о пребывании ираноязычных предков осетин в Южной Осетии еще во времена скифов.

Особое место в работе Ю. С. Гаглойти занимает вопрос об исторической топонимике Южной Осетии. Высказанное Д. Гамрекели, К. Харадзе и Н. Ю. Ломаури утверждение о том, что ни письменные источники, ни этнография не свидетельствуют о каком-либо компактном поселении осетин южнее Главного Кавказского хребта вплоть до XVII века, при ближайшем рассмотрении оказывается голословным. То ли авторы не знакомы с новейшими исследованиями, то ли они их игнорируют.

Внимание Ю. С. Гаглойти привлекли топонимы, упомянутые в связи с разными боевыми действиями в хронике ксанских эриставов – известном грузинском письменном источнике XIV-XV вв. Один из активных персонажей этой хроники Эристав Виршел отправляется походом на непокорных двалов: «Тогда согласились с ним все войска, отправились и поднялись на гору Бехушскую. И услышали (об этом) нижние двалы – кошские (и) иосебурцы, тлевцы (и) мугис-вельцы, згуберцы (и) рокайцы». (Памятник Эриставов. Тбилиси, 1979. С. 33).

«Кошские» двалы, «тлевцы», «згуберцы» и «рокайцы» совершенно правильно интерпретированы Ю. С. Гаглойти как жители селений Кусджытæ, Тли, Згубир и Рук. Что касается «иосебурцев» и «мугис-вельцев», то у нас есть иные соображения, нежели те, которые приводит Ю. С. Гаглойти.

Принимая во внимание, что перечисленные поселения, а равно и топонимы, должны были быть близкими, то есть

относящимися к какому-то единству («нижние двалы»), логично предположить, что эти поселения или ущелья находились рядом. Самыми близкими к «Кошки», или вернее, «Кусджытæ» оказываются Ципран и Урсдзуар. Так как перечисление топонимов в источнике идет от Кусджытæ («Кошки») в глубь ущелья, то логичнее приглядеться к Урсдзуар, а не к Ципран, который южнее. «Иосебурцы», это, по всей вероятности, жители Урсдзуарского ущелья, которые, безусловно, должны были быть упомянуты, иначе это ущелье оказывается как бы в лакуне, чего просто не может быть при таком тщательном перечислении топонимов. Вдобавок, это ущелье составляет значительную часть территории «нижних двалов», исключение которой не представляется логичным. Другое дело, что чисто лингвистически близость «иос» и «Урс-дзуар» кажется не совсем логичной, но здесь нужно принять во внимание искаженное отражение в грузинском произношении и написании осетинского «урс» (белый), то есть сделать определенную скидку на возможную ошибочность передачи средствами грузинского языка осетинского топонима «урс» как «иос».

Рядом с Урсдзуарским ущельем (обиталищем «иосебурцев») в ущелье реки Дзомагъдон находятся поселения Магъ, Дзомагъ, Фæзы Дзомагъ, Саччын къуырф, Кæзаты хъæу, Дзугатæ, причем наиболее значительное среди них – это Фæзы Дзомагъ. У нас есть основание утверждать, что упомянутые в Хронике «мугис-вельцы» означают жителей Дзомагского ущелья, дзомагъцев. Ведь «мугъис-вели» в переводе с грузинского означает «мугъа-долина» или «мугъа-равнина». В хронике первая часть топонима фигурирует не «Мугъис», а «мгъис», то есть с пропуском гласной и с титлом. Ш. А. Месхиа «восстанавливает» его в «мугъис», произвольно дополняя слово «у», а не другой гласной буквой. Между тем здесь должна быть гласная «а», ибо в этом случае восстанавливается «магъис», то есть топоним,

который сохранился до наших дней – магъ. Вторая часть топонима «вели», как сказано выше, означает равнину или долину и соответствует осетинскому Фæз. Стало быть, магъис-вели может означать: 1. Магъы фæз или же 2. Фæзы магъ. Магъы фæз («равнина Магъа») – это название местности и, следовательно, не подходит для идентификации топонима по той причине, что текст предполагает жителей какого-то населенного пункта. Что же касается Фæзы Магъ, то это вполне соответствует названию поселения. В Дзомагъском ущелье теперь нет топонима Фæзы Магъ, но есть Фæзы Дзомагъ. А это означает, что информатор или летописец внес небольшую путаницу, которая при достаточно добросовестном прочтении и рассмотрении устраняется. Таким образом, мы считаем, что «мугис-вельцы» источника являются жителями Дзомагъского ущелья, то есть дзомагъцами.

Следует отметить, что на Дзомагъское ущелье указывает и упоминание «мугис-вельцев» после «тлевцев» (тлийцев) и раньше «згуберцев» (згубирцев) и «рокайцев» (рукаев). В реальности Дзомагъское ущелье находится как раз между Тлийским и Згубиро-Рокскими ущельями.

Попутно отметим, что означенный феодал – эристав Виршел – так и не вошел в эти ущелья, ибо представители или предводители нижних двалов, почувствовав и осознав тщетность противостояния (несоизмеримость наличных сил), «прислали заложников, подношения и подать, клятвенно обещались служить верно». И далее в тексте: «Тогда миловал эристав страну их (что, вероятно, означает отказ от карательных намерений. – Р. Дз.) и ничего злого им не сделал», т.е. эристав, убедившись (ибо «прислали заложников, подношения и подать») в лояльности нижних двалов (селений Кусджытæ, Урсдзуар, Тли, Дзомагъ, Згубир и Рук), направился к верхним двалам. В хронике об этом сказано: «обратился (надо полагать, что это означает

«повернул». – Р. Дз.) на гору Сосхойскую. И услышали об этом маграндвали (т.е. верхние двалы. – Р. Дз.) и пришли Брутасшвили и Келеуры (и) кабушуры и все сосхойцы (и) цубенис-хевцы, ходжайцы (и) и цайцы с заложниками, податью и множеством подношений. И укрепил их в верности себе клятвенно, и обещались (они верно) служить».

Кто же были эти клятвеннообязанные? Брутасшвили – это, конечно, жители Британского ущелья, Келеуры – челиатцы, Кабушури – жители Кабузтæ, Ходжайцы – жители Ходза. Менее, на первый взгляд, ясны «цубенис-хевцы», «цайцы», а также «сосхойцы». То, что это жители Верхней Двалетии, или, по-осетински, Урстуалта, в этом нет сомнения.

Самым крупным населенным пунктом в Урстуалта и в средневековье, и в новое время был Едыс. Невероятно, что в хронике этот топоним вообще не упоминается. Скорее всего, Едыс фигурирует под другим именем. Судя по значимости и по частоте упоминаний – «прибыл в Сосхо», «поднялся на гору Сосхойскую», «сосхойцы», «спустился в Сосхо», мы полагаем, что под «Сосх» скрывается Едыс как центр верхней Двалетии или Урстуалта. Надо сказать, что «Урстуалта» не включает в себя селения Бритат и Челиат (жители этих селений упорно не причисляют себя к урстуальцам). Так что «сосхойцы» – это, по всей вероятности, жители едысской округи. Это тем более верно, что после слова «сосхойцы» в тексте союза «и» не было. Его внесли интерпретаторы и, следовательно, после слов «все сосхойцы» шло перечисление этих самых «сосхойцев» – цубенцев, ходжайцев и цайцев. Само же слово «Сохе», «Сухс» как топоним фиксируется в ряде мест горной Осетии и, вероятно, означает луг, пастбище. Например: Сухс – ровный большой луг у подножия скалы к югу от Зинцара в ущелье реки Ардон (А.Дз. Цагаева…, с. 256). Сохе – пастбище на склоне горы у селения Верхний Рук, расположенного к северо-востоку от южного портала тоннеля Транскама.

Есть, кроме того, в Туалгоме, в одном из боковых ответвлений ущелья Гуркумта населенный пункт Сахсат (вероятно, от Сахсуата), примыкающий к перечисленным топонимам (А. Дз. Цагаева…, с. 200). Выходит, «сохе» // «сухс» – это название высокогорного пастбища, луга. Возвращаясь к «Сосх», следует иметь в виду, что в реальности район «сосхо», или Едысская округа представляет собой самый большой и значительный регион Южной Осетии в смысле обширности пастбищ и лугов, так что определение «пастбищный» или «луговой» вполне соответствует этому уголку Осетии. Именно здесь ботаники отмечают самое высокое качество заготавливаемого сена: «Сено злаковое; злаков не менее 90%; перестойности нет; зелень хорошая… Качество очень хорошее» (М. Приходько. Краткий очерк сельского хозяйства Юго-Осетии // Труды ЗНА, Юго-Осетия. Вып. I. Тифлис, 1924. С. 86). Итак, регион Едыс и есть «Соск» хроники эриставов.

Что касается «Цъубенис-хевцы», то вторая часть топонима «хевцы» означает на грузинском буквально «ущельцы», в то время как «цъубенис» не значит ничего ни на грузинском, ни на осетинском. То есть это – жители ущелья Цъубен.

Мы полагаем, что «цъубен»-и – это грузинизированная форма от осетинского «цъуйбын». Как указывает В. И. Абаев, «бын» в сочетании с названием деревьев означает «лес»: «тулдзбын» – «дубняк», «æхсæрбын» – «орешник» и т.п. (Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. С. 279). Таким образом, «цъуйбын» означает «рябинник». На вопрос о том, есть ли где-нибудь в Урстуалта место, изобилующее рябиной, следует ответить утвердительно. Лес между селениями Хæныкъаты-кау и Едыс, так называемый Ахубатский, изобилует деревьями и кустами этой ягоды. Ее так много, что осенью опавший лес бывает весьма ярко расцвечен «горящими» кистями спе-

лой рябины. Ботаник Ю.Н. Воронов среди двух десятков пород деревьев и кустарников в означенном лесу на девятое место ставит рябину (Очерк растительности и флоры Юго-Осетии // Труды ЗНА, Юго-Осетия. Вып.1. С. 51). Кстати, топонимы с включением названий деревьев нередки в Осетии, правда, с другим суффиксом -джын: Тæгæрджын, Кæрдоджын, Дидинæгджын, Фæрвджын, Тыртыджын, Тамаджын, Дисиджын и т.д. Так что существование топонима «цъуйбын» вполне закономерно. Что касается названия села Цъубен в ущелье р. Лехура (Южная Осетия), то это название могли принести с собой переселенцы из Урстуалта, если только и там тоже наблюдается обилие рябины.

Несколько иной характер носит топоним «цайцы» или, как он фигурирует в грузинском оригинале, «цъаелни», с сохранением корня «цъа». Так как в хронике написано «ходжаел-цъаллни», то есть «ходжайцы – цайцы», то Ходжа (осет. Ходз) должна быть рядом с Цъа. В реальности рядом с селением Ходз расположено урочище Ерман с тремя населенными пунктами. Этот субрегион известен топями, болотами и вообще сильной увлажненностью почвы из-за некогда бывших здесь маленьких озер. Так как «цъай» в осетинском означает колодец, а в горах колодцев нет, то, видимо, этим названием именовали глубокие и узкие водоемы. Хотя озеро по-осетински «цад», по В.И. Абаеву и «цъай» – колодец, и «цад» – озеро восходят к персидской первооснове и «представляет исторически одно и то же слово, хотя это сейчас не осознается» (В.И. Абаев. ИАСОЯ. Т.I. С. 329). Исходя из сказанного, мы считаем возможным считать «цайцы» – «цъаелни» топонимом со значением «озерное место» или, точнее, «жители озерных или заболоченных мест», т.е. «цайцы» – «цъаелни» – это жители Ерманского ущелья.

Еще один момент привлек наше внимание в хронике эриставов. В это время нижние двалы угнали коров из

Ацерисхеви. Услышал об этом эристав Иоанн и отправился в поход. Юноша же Виршел, хотя и был еще в младенческом возрасте, стал предводителем своего войска. И перешли Виршел и его войско в октябре гору, покрытую снегом, и спустились в Тлисис-хеви, и опустошили Тле, владение Бибилуров, и Цергве». Так как Ацерисхеви находится в правобережном ущелье реки Малой Лиахвы, то и войско Виршела двинулось, скорее всего, по следам похитителей коров и, перейдя перевал Мангавцаг, оказалось в восточной части Тлийского ущелья. Конечно, «Тле» – это знаменитое село Тли, известное своим могильником кобанского времени. Надо полагать, что в грабительский набег на Ацерисхеви тлийцы привлекли своих соседей. На них и обрушился Виршел со своим карательным войском. Но что такое «Цергве»? Вряд ли это «Цыргъы дзуар», ибо «Цыргъы дзуар» находится далеко от Тли, и, кроме того, это название святилища, но никак не населенного пункта. Самым ближайшим населенным пунктом к Тли является селение Цъæрит (отсюда фамилия Царитовых), расположенное на правом берегу р. Большой Лиахвы как раз напротив выхода из Тлийского ущелья. Думается, что «цергъуе» грузинских источников и есть нынешнее село Цъæрит.

В указанном отрывке из хроники эриставов упоминаются Бибилуры, которым принадлежало Тли. Однако это не жители ущелья, а владетели. Бибилури – ветвь (скорее всего, Ванатская) ксанских эриставов, которым принадлежали земли по ущелью вдоль Малой Лиахвы и некоторых сопредельных ущелий. Другими словами, Тле или Тли – это часть вотчины Ванатских эриставов, Бибилури.

Вероятно, какое-то отношение к феодалам Абазас-дзе имеет рассматриваемое Тлийское ущелье, ибо о них есть упоминание в хронике эриставов (с. 25, 26). Оказывается, их владения за какие-то тяжкие прегрешения были пере-

даны («пожалованы») эриставу Шалва царем Грузии после изгнания персов.

Любопытно, что одно поселение в Тлийском ущелье носит название Абаза. Возможно, это сохранившееся как реликт напоминание о том, что некогда это селение или ущелье было под властью феодалов Абазас-дзе и только потом оказалось в уделе эриставов – сперва ксанских, а потом их ветви – Ванатских, то есть Бибилури.

В заключение следует отметить, что вызвавшая наш интерес книга Ю. С. Гаглойти написана хорошим ясным языком, доступна для любого читателя и читается с неподдельным интересом.

Интересно, как воспримет грузинская сторона эту публикацию?

Дарьял. Владикавказ, 1996. Октябрь-декабрь. №4. С. 230-236.

РАСКОПКИ У СЕЛ. ДАРГАВС

I. Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований совместно с объединенным Музеем истории и архитектуры РСО-Алания в Пригородном районе у высокогорного сел. Даргавс с 1993 г. было проведено четыре полевых сезона 1993-1995 и 1999 гг. Исследовано 24 катакомбы и две каменные гробницы, в которых был выявлен богатый и разнообразный материал.

Катакомбы характеризуются перпендикулярным расположением дромоса к камере, ступеньками, закладными камнями и сферическим сводом. Следует отметить, что точную конфигурацию свода удалось отметить только в двух случаях, во всех остальных катакомбах он только намечается на графических разрезах, ибо катакомбы провалились, что, кстати, и послужило причиной производства раскопок.

3. Камеры катакомб находились на глубине от 2 до 4 м. Ориентация длинной оси катакомб не широтная, а поперек склона, так что коридор-дромос обычно направлен в глубь склона до уровня залегания глинистого слоя. Надо полагать, что камеры на поверхности не были обозначены ничем, ибо есть моменты, когда ранние катакомбы прорезываются более поздними. Есть случаи, когда одна камера обрушивается в другую.

4. Камеры катакомб неграбленые, однако погребальный инвентарь бывает перемешан из-за сдвигания костяков к задней стенке, влево или вправо: так освобождали место для очередного захоронения. Костяки последних погребенных лежат в более или менее анатомическом порядке, но весьма плохой сохранности из-за увлажненной почвы. Обряд – трупоположение на спине, головой в основном влево от входа в камеру.

5. Вещевой материал, добытый во время раскопок, богат и разнообразен – это предметы вооружения и конского снаряжения, орудия труда и бытовые предметы, воинские поясные наборы и предметы, связанные с одеждой, туалетные принадлежности и амулеты, украшения и сосуды различной формы и материала – керамики, стекла, дерева. Особенно интересны женские украшения – серьги, браслеты, бусы.

6. Могильник, несомненно, аланский, а катакомбы датируются частично VI-VII вв., а большей частью VIII-IX вв. Обширная площадь могильника (около 40 га) предполагает наличие большого массива аланского населения в высокогорье Кавказа и опровергает бытовавшее мнение о позднем, после татаро-монгольского нашествия, продвижении значительного массива алан в ранее относительно малолюдные горные ущелья.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 675-676.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ АЛАН

1. В горной зоне Северной Осетии открыты и исследуются памятники раннего средневековья, представленные в основном могильниками с каменными ящиками, каменными гробницами, подземными склепами и катакомбами.

2. Вещевой материал относится в основном к периоду между VI-IX вв. Этим же временем датируются и могильники.

3. Анализ вещевого материала свидетельствует об одной археологической культуре аланской или салтово-маяцкой, хотя временной диапазон горских аланских могильников по времени шире салтово-маяцкой культуры.

4. Каменные ящики горных могильников рассматриваемого региона с отличными от аланской культуры вещевыми комплексами относятся к более раннему (III-V вв.) или более позднему времени (XIV-XIX вв.).

5. Предполагается наличие в горах Центрального Кавказа единого аланского массива, отразившегося в погребальном обряде, погребальных сооружениях, вещевых комплексах, хотя материал и имеет особые нюансы в разных ущельях. Наличие иноэтничных групп населения не отмечено ни в археологии, ни в письменных источниках, за исключением двалов, которые, по всей вероятности, были одной из ветвей аланского этноса.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 913.

О ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ АЛАН ПО МАТЕРИАЛАМ ДАРГАВССКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

1. Большое значение для реконструкций идейных представлений древних народов имеет изучение их прикладного искусства – важной составляющей культурного наследия в целом. Особую ценность приобретает анализ художественного творчества народов, не имевших собственной письменной традиции, к числу которых принадлежат аланы.

2. Орнаментальные мотивы и символика изображений на рассматриваемых археологических объектах – антропоморфные, зооморфные, растительные, астральные и иные – позволяют увидеть мысли и чувства как их творцов, так и их «потребителей».

3. Любые проявления художественного мышления и их воплощение в том или ином материале (кожа, ткань, дерево, кость, камень, металл и т.д.) несут отпечаток как собственной художественной традиции, так и заимствований, инноваций, вызванных различными культурными контактами.

4. Ряд объектов исследования из материалов Даргавсского могильника позволяет говорить о преемственности и глубокой древности художественно-прикладных традиций в народном искусстве алан-осетин.

5. Уровень исполнительского мастерства и качество изделий средневековых аланских мастеров свидетельствует об их высоком профессионализме и художественном вкусе.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971-2006 (тезисы). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 742.

1. УАСТЫРДЖИ

Имя популярного божества староосетинской мифологии Уастырджи В. И. Абаев возводил к Уац Герги, т.е. Святой Георгий (ИЭСОЯ, IV, с.55-56). Это вроде верно и лингвистически аргументировано. Однако культ Уастырджи представляется намного древнее культа христианского святого Георгия Победоносца и, видимо, восходит по крайней мере к скифскому периоду истории осетин.

По рассказам скифов, как об этом повествует Геродот, «первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родители Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена… Такого рода был Таргитай» (Геродот, кн. IV, 5).

Приведенный отрывок из «Истории» Геродота говорит о том, что цари и царская власть у скифов считались божественного происхождения, а цари – потомками богочеловека Таргитая.

Нам представляется, что на вопрос – из какого рода цари, скифы, скорее всего, отвечали – Таргитай (осет.Тæргитæй), т.е. из рода Тарги. Здесь, видимо, надо восхититься точностью передачи греческим автором скифского слова, обозначающего принадлежность того или иного человека к определенному роду, где главным является первопредок.

Теперь напомним о том, что «когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей… принес-де ложную клятву богам царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага)» (Геродот, кн. IV, 68). Т.е. боги царского очага со временем становятся общескифскими богами. Надо полагать, что

богом царского очага, или рода, должен был стать полубог-получеловек первопредок Тарги (Тæрги) уже с эпитетом небожителя – «божественный, святой» – уац – т.е. Уац Тарги. Перед Т и К Ц переходит в С и будет уже не Уац, а Уас (ИЭСОЯ, т.IV, с.26), а потому получаем УАСТАРГИ – где Г перед И закономерно переходит в ДЖ, так что неминуемо получаем форму Уастарджи или Уастæрджи. Æ в безударном положении может звучать и как *Ы* и вообще исчезать. Так что имя святого может произноситься как Уастæрджи, Уастырджи, Уастрджи.

2. ЦЪИЛ

В замечательной поэме Александра Кубалова «Æфхæрдты Хæсанæ» (1897) встречаются слова, уже непонятные сегодняшним читателям. Одно из этих слов существительное *цъил*. Упоминается в двух местах. Сперва во множественном числе – *цъилтæй* (цил-ами) в начале второй главы:

Сау *къæдзæхты* рæбын *гæрæхтæ куы цæуы,*
Сæ фæздæг куы зыны сау хъæды сæрмæ:
Уый цуанон фæлдахы саусыкъа дзæбидыр,
Сагтæ ‹мæ сæгуыттæ цъилтæй æмæ нæмгуытæй.
(Александр Кубалов. Афхардты Хасана. Владикавказ, 2000, с.20)

Из-под черных скал доносится грохот (выстрелов),
Их дым виден над черным лесом:
То охотник валит чернорогого тура,
Оленей и косуль цил-ами и пулями.
(Подстрочник)

Второй раз это слово употреблено в единственном числе – *цъил,* в той же второй главе.

Куы нæ дыл сæмбæлдис, къамбецтæ давгæйæ,
Дугъæттæ скъæфгæйæ мæхъæлоны стыр цъил!
(Там же. с. 30)

Не попал в тебя, ворующего буйволов,
Скакунов похищавшего большой цъил ингуша.

Слово цъил есть в осетинском лексиконе и означает юлу, кубарь – предмет детской забавы. Ясно, что цъил в поэме вовсе не юла. Связано оно с оружием и именно с огнестрельным. Ведь недаром упомянуты грохот и дым от выстрелов перед перечислением охотничьих трофеев. То есть цъил – это особый вид боеприпаса.

И, как видно, цъил может быть большим, крупным («большой цъил ингуша») и, следовательно, может быть и маленьким. Таким видом боеприпаса могла быть разрезанная на части пуля, которая применялась на охоте для более успешного поражения цели, как это делается обыкновенно охотниками: снаряжают патрон не пулями, а дробью, картечью. В примитивных условиях картечь изготовлялась разрезанием свинцовой пули или иной свинцовой заготовки на меньшие части. Итак, цъил – это часть свинцовой пули, или картечина.

В осетинском лексиконе цъил как часть или доля не используется. Но у наших соседей-грузин часть или доля как раз обозначается словом цъили. Однако у грузин слово цъили никак не связано с огнестрельным оружием, частью пули и проч. Они используют заимствованное слово сапантъи – дробь, картечь.

Само понятие или способ снаряжения боеприпаса путем разделения пули на части хорошо зафиксировано в русском языке. Там самодельно изготовленная дробь называется жеребей (Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. СПб.-Москва, 1880. С. 534). (Тут, кстати, следует упомянуть словосочетание бросать жребий, означающее не что иное, как бросать куски чего-то, заранее собранные от индивидуумов. Чей кусок-жребий и выпадет – тому, значит, судьба сулит или награду, или ис-

пытание. В осетинском это «Хæлттæ ‹ппарын». Но так как жребий – это часть, а по-осетински хай, то возможно, вначале было не «хæлттæ ‹ппарын», а «хæйттæ ‹ппарын». Тем более хал – былинка, нить – вовсе не подходит для æппарын (выпадать). Ласын (вытаскивать) – да! Но æппарын – нет).

3. «САУ АВГ» – ЧЕРНАЯ БУТЫЛКА

В той же поэме Александра Кубалова сказитель предрекает вдове Къæбутдзæф:

…Дæ ниуын ссæудзæн, дзыккутæ тондзынæ,
Цæсгом рæдувдзынæ, даргъхъуырджын сау æвгтæ
Дæ сæрыл хойдзынæ, цалынмæ асæттой…
(Там же, с. 30)

…Вой твой раздастся, будешь рвать волосы,
Раздирать лицо, длинногорлые бутылки из черного стекла
О свою голову будешь бить, пока не разобьются…
(Подстрочник)

Самоистязания при оплакивании покойника вдовой – это ритуал осетинского погребального обряда. «Длинногорлые бутылки из черного стекла» вовсе не выдумка автора, а вполне реальные бутылки русского производства первой четверти XIX века, в массовом порядке встречающиеся в позднесредневековых осетинских склепах. Вряд ли они сохранялись в быту до 80-90 гг. XIX века, чтобы их мог видеть каждый. Но, видимо, инвентарь склепов был хорошо известен местным жителям. А. Кубалов, чутко отмечавший все интересное о предках, мог тоже знать о них. Бывать в горах, интересоваться склепами и прочими древностями было в порядке вещей для осетин-интеллигентов. Тем более для Кубалова, с такой большой любовью относившегося к народному творчеству. Он не только мог знать, но и видеть эти «черные бутылки», ставшие как бы атрибутами старины.

4. ЧЪИРИФЫССÆН

В живом осетинском быту до недавнего времени сохранялся особый предмет кухонной утвари – деревянный диск диаметром около 30-35 см с радиально вырезанными углублениями, на который укладывали подготовленный к выпечке ритуальный пирог с начинкой из сыра – *чъири*. Резьба диска отпечатывалась и на выпеченном пироге, так что отчетливо различались лучи, исходящие из центра. По сути дела этот резной диск являлся древним трансформировавшимся питандером, образцы которого обнаруживались еще в кобанских могильниках. Правда, древние экземпляры были помельче и изготовлялись из глины, но и ими тоже наносили на ритуальные хлебцы оттиски. Называются эти диски – *чъирифыссæн,* т.е. то, чем украшают *чъири*.

Но такое же название имеет и травянистое растение, плоды которого напоминают осетинский ритуальный пирог. Интересно, что в русском языке это растение называется просвирником, т.е. тоже соотносится с христианскими ритуальными хлебцами-просфорами.

Слово ***чъири*** не имеет осетинской этимологии, но с тем же звучанием слово имеется в грузинском и означает моровую болезнь. Нам представляется, что некоторые виды болезней у осетин (и не только у осетин) связывались с гневом божества и считались следствием невыполнения или нарушения правил достойного божества поведения. Поэтому название болезни перешло на ритуальный пирог, который выпекался для умилостивления божества. В другом случае название божества перешло на название болезни (дзуар – оспа).

Слова *чъири, дзуар, Мыкалгабыртæ* и др. термины начинают проникать и в осетинский язык из грузинского вместе с вторичным проникновением христианства в Осетию. Во всяком случае, не ранее принятия Грузией христианства. А скорее всего в период интенсивной грузинской миссионерской деятельности. Что касается рисунка на ку-

хонном диске, то это схематическое изображение солнца, которое уходит в глубочайшую древность.

5. ВОИНСКИЙ ПОЯС

Тема этой заметки была подсказана Кочиевым К.К. Аланские воинские пояса, как известно, были маркирующими деталями экипировки всадника. Воинские пояса – это пряжки со щитками, разнообразными бляшками вдоль кожаного пояса, наконечники отдельных отростков – язычков и, наконец, завершающий пояс общий наконечник. Обычно все детали богато орнаментированы. Однако наибольшую смысловую нагрузку несла пряжка со щитком. Щиток и пряжка демонстрировали место воина в иерархии войска, т.е. были чем-то вроде современных погон. Но если продеть ремень пояса в пряжку, закрепить его язычком и дальше укрепить на поясе, то щиток скроется. Отсюда ясно, что закрепление ремня на пряжке должно было происходить иначе, т.е. и пояс должен быть затянут так, чтобы щиток был виден. Нечто подобное мы наблюдаем на гербе Великобритании (и на британском ордене Подвязки тоже). На гербе несколько схематично изображен, надо полагать, рыцарский пояс, где ремень, продетый в пряжку, отводится вниз, затем загибается вверх и потом уже опускается в образовавшуюся петлю, так что конец пояса свисает вниз. Видимо, так же подпоясывались аланские всадники, т.е. те же рыцари Западной Европы. Для подтверждения нашей догадки приводим осетинское слово *ронбаст* – пояс, поясница, талия из РОН и БÆТТЫН – т.е. пояс и *вязать* (ИЭСОЯ, и.II, с. 420).

«Застегнуть пояс», «опоясаться» – *рон бабæттын.* Казалось бы, пояс давно уже не перевязывают, но словосочетание *рон бæттын – перевязывать* сохранилось в живом осетинском языке. Поистине удивительна жизнестойкость осетинского фразеологизма.

Дарьял. Владикавказ, 2002. №1. С. 234-239.

ДАРГАВССКИЙ КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК VI-IX ВВ.
(предварительные итоги исследования)

Из высокогорного осетинского селения Даргавс, известного обширным крупнейшим на Северном Кавказе позднесредневековым склеповым могильником, именуемым «Городом мертвых», к нам поступали сведения о том, что напротив села, в местности «Уæлмæрдты къуыбыр» (левый берег р. Гизельдон), обнажились погребальные сооружения из шиферного сланца, а на бывших пахотных участках замечены провалы-ямы.

Организованная Северо-Осетинским институтом гуманитарных исследований и Республиканским музеем краеведения археологическая экспедиция провела с 1993 года десять полевых сезонов на указанном объекте. Оказалось, что провалы-ямы – это осевшие катакомбные погребения, разбросанные на площади более 40 гектаров. Всего раскопано 49 катакомб и 4 погребения в каменных ящиках-гробницах.

Катакомбы находились на значительной глубине от 3 до 5 м в глинистом слое почвы; входная яма-коридор, или дромос углублялась до того уровня глины, в которой и вырывали овальное в плане помещение-грот со сводчатым потолком. Зауженное входное отверстие обычно закрывали большой каменной плитой. В результате расчисток дна погребальных камер четко фиксировались погребенные, сопутствующий им инвентарь, размеры и профили погребального сооружения, дромосы, стратиграфия всего сооружения. Дромос обычно имел направление снизу вверх (в гору) и завершался в широкой части овальной камеры.

Погребения в камере располагались вдоль длинной оси камеры, обычно головой влево, иногда вправо от входа. Поскольку катакомбы предназначались для не-

однократного использования – в них обнаруживается по нескольку погребенных (иногда до 8 индивидуумов). Более ранние погребенные смещались к задней стенке камеры, когда необходимо было освободить место для очередного покойника. Соответственно, останки первых погребенных перемешаны, как и сопровождавший их погребальный инвентарь, а последние погребенные лежали в более или менее анатомическом порядке. Сохранность костяков очень плохая, хотя в целом удается определить ориентацию погребенного. На ряде участков могильника грунтовые воды разрушили органические вещества: часть деревянных и кожаных предметов совершенно истлела и утеряна. В некоторых катакомбах сохранность вещей лучше, их можно реконструировать.

Многочисленные предметы украшения, быта, вооружения, разнообразные сосуды и т.д. собраны по комплексам. Однако для удобства желательно показать их по категориям.

Сабли. Найдено 9 сабель (одна сильно фрагментирована). Целые сабли имеют длину до одного метра, клинки слегка изогнуты. Рукоятки их несколько наклонены вперед и находятся под углом к клинку. Клинки односторонние, но оконечность их обоюдоострая, так как сабли предназначались для рубящего и колющего действия. Перекрестия сабель железные, на одной – шаровидные окончания. От ножен иногда сохраняются железные оконечности и навершия рукоятей.

Боевые ***топоры-клевцы*** с выступающим обухом найдены в количестве 16 экземпляров. Все они плохой сохранности из-за сильной коррозированности. Древки-топорища не сохранились.

В катакомбах найдено кроме того еще более двух десятков небольших железных топориков различной конфигурации, причисленных нами к вотивным предметам.

Наконечников копий обнаружено всего два экземпляра. Втулки и лезвия кованные, размером до 25-26 см.

Наконечников стрел найдено около 40 экземпляров. Все они железные – черешковые: трехлопастные, трехгранные бронебойные, двухлопастные пламьевидной формы.

Ножи. Кроме обычных однолезвийных прямых ножей (88 экз.) в катакомбах были зафиксированы 5 пар так называемых «метательных ножей» (в одних ножнах – два ножа лезвиями в разные стороны).

Колчанные крюки, безусловно, относятся к экипировке воина. Их найдено 11 экземпляров, они железные, иногда с остатками колчана.

Пряжки и поясные наборы являются атрибутами воина, маркирующими элементами костюма. Найдена 41 пряжка (прямоугольнорамчатые, овальнорамчатые с прорезным щитком круглорамчатые) из бронзы и железа. Штампованные поясные накладки изготовлены из листовой бронзы и имеют различную форму в виде розетки, листика и пр.

Предметы конского снаряжения, несомненно, относятся к экипировке всадника-воина. Из обнаруженных двух седел одно совершенно истлело, второе сохранилось в разрозненном виде. Луки седла орнаментированы накладными фигурными пластинками, укрепленными на деревянную основу гвоздиками. Края лук обиты обоймицами из двойной серебряной проволоки, а на ленчиках укреплены небольшие круглые бляшки с тисненым крестообразным орнаментом. Вместе с сохранившимся седлом найдены серебряные подвесные бляхи-фалары из листового металла дисковидной формы, крепившиеся к ремню небольшими ремешками с миниатюрными пряжечками; на ремешках – накладные фигурные пластинки в виде сидящих на скрещенных ногах человечков, орнаментированных блях, розеток. На двух фаларах – тисненые и

позолоченные изображения коня и барана. Часть фаларов цельная, но есть и с центральной каплевидной прорезью, в которой укреплен бубенчик. Вместе с фаларами был найден и конский начельник из листового серебра, края которого украшены бронзовыми бляшками в виде розеток.

Найдены и фрагменты конской узды из выделанной кожи, украшенные сплошным рядом бронзовых кружочков. Здесь же найдены фрагменты изящных стремян с пластинчатой костяной обкладкой.

В одной из катакомб найдены фрагменты деревянных стремян, железное стремя с волнистым подножием, железные кольчатые удила с бронзовыми оконечностями псалий.

Орудия труда представлены в основном железными теслами, при помощи которых рыли катакомбы. Их найдено 8 экземпляров. Все они с раскованной втулкой.

Найденные 9 кабаньих клыков, один из которых в бронзовой оковке, относятся к предметам женского рукоделия, с помощью которых разглаживали швы на кожаных изделиях.

Сюда же можно отнести два железных кресала, причем к одному из них «прикипел» из-за коррозии кусочек кремня.

Туалетные принадлежности включают в себя гребни, зеркала, кисточки, пинцеты, наборы из ногтечисток и копоушек. Деревянных гребней (из самшита) найдено четыре. Они обычной двусторонней формы – с частыми и редкими зубьями. Металлических (из высокооловянистой бронзы) зеркал – 31 экземпляр. Все они с центральной петлей и орнаментированы многолучевыми звездами, концентрическими кругами с разбивкой на секторы. Некоторые зеркала имели деревянные или кожаные футляры, причем на последних нанесен ажурный тисненый, а также в виде нашивной аппликации, орнамент. Пять зеркал сломано, то есть они подверглись намеренной порче перед поме-

щением в катакомбу. Туалетные кисточки (для нанесения румян?) представляют собой бронзовые цилиндрики с остатками волос или щетины. Их найдено 5 экземпляров. Два пинцета относятся тоже к туалетным принадлежностям. Оба изготовлены из бронзы – один из листового металла, а другой литой, украшенный рельефами. Найдены и предметы туалетного набора – 1 ногтечистка, 2 копоушки, ложка-цедилка, ажурная миниатюрная ложечка с изображением птицы (павлина?).

Предметы одежды представлены в основном фибулами, застежками и пуговками-привесками в виде полых шариков, шестью фибулами арбалетного типа, биметаллических, разных размеров и типов. Застежки одежды в виде стерженьков с утолщениями весьма характерны для катакомбных погребений. Что касается полых пуговок-привесок, то они встречаются гораздо чаще. К деталям одежды следует отнести и миниатюрные пряжки от ремешков для ноговиц.

Украшения составляют наиболее многочисленную категорию предметов, найденных в катакомбах Даргавса. Это серьги, кольца, перстни, браслеты и бусы. Серьги в основном состоят из колечка и пирамидальных колонок, колечка и колонок из полых шариков и зерни, серьги в виде колечка и нанизанных на вертикальный стерженек полых шариков. Есть и простые сережки-колечки из проволоки круглого сечения. Всего 37 разных типов серег. Перстней найдено около 60 экземпляров (некоторые сильно фрагментированы). Встречаются перстни со щитками, со вставками в жуковину, гладкие, с утолщениями и пр. По материалу они бронзовые, серебряные, стеклянные. Также разнообразны по материалу и браслеты (14 экз.), изготовленные в основном из бронзы и стекла. Больше всего найдено бус, их более трех тысяч штук, причем разного размера, конфигурации и цвета; много глазчатых,

полихромных. Бусы в основном стеклянные, но есть и небольшая часть каменных – сердоликовых и халцедоновых. Найдено несколько раковин каури. Кроме бус обнаруживается и много бисера, которым, вероятно, украшали парадную одежду.

Амулеты составили семь экземпляров. Все они бронзовые в виде небольших колец, усложненных перекрещивающимися под прямым углом линиями, и имеют петли для подвешивания. Возможно, к амулетам или предметам заупокойного культа следует отнести находки грецких и лесных орехов.

Сосуды составляют достаточно представительную коллекцию – 64 единицы. Из них 30 – глиняные, 16 – из стекла и 18 – деревянных. Два больших кувшина были обнаружены в дромосе, все остальные сосуды – в камерах катакомб. Глиняные сосуды – это небольшие кувшинчики и горшочки, иногда с двумя или тремя ручками, а также большие высокогорлые кувшины. Керамика, за исключением одного лепного горшочка, изготовлена на круге. Некоторые сосуды украшены линейным или волнистым процарапанным орнаментом, но есть и кувшины, орнамент которых нанесен особой темной краской по светлому фону. Характер орнамента весьма разнообразен: кольцевые (по тулову и шейке) линии, вертикальные полосы, завитки, волнистые линии, петельки, стилизованные растения.

Стеклянные сосуды – это чаши-бокалы из тонкого стекла, украшенные косыми вдавлинами или орнаментом в виде сплошной сетки из многогранников. Одна чаша темно-вишневого стекла имеет поддон и горизонтальные у венчика выпуклые кольцевые полосы; на другом сосуде – схематическое изображение льва.

Деревянные сосуды представлены в виде черпаков с фигурными горизонтальными ручками с отверстиями для подвешивания, а края сосудов укреплены фигурными

обоймицами из листового серебра, а также столовыми чашами.

Уникальной находкой в Даргавских катакомбах является «фынг» – деревянный круглый столик на трех ножках. Ножки оказались съемными и лежали рядом. В нижней утолщенной части столешницы отмечены пазы для ножек, а сбоку – отверстия для штифтов, которыми крепились ножки. Дерево от времени значительно пострадало, но общая конфигурация предмета восстанавливается легко. Уникальны и два миниатюрных номинальных столика на 4 ножках.

Кроме перечисленного материала, в катакомбах обнаружено множество фрагментов различных предметов – металлических, костяных, кожаных, деревянных и пр.

Как явствует из вышеизложенного, найденный на могильнике вещественный материал – золотые, серебряные, бронзовые, железные, костяные, деревянные, кожаные, керамические и стеклянные изделия, часто импортные, а большей частью местного изготовления – говорит о высоком уровне ремесленного производства, эстетических и религиозных представлениях, о торгово-экономических связях раннесредневекового населения Даргавской котловины.

Датировка катакомб представляет определенные трудности, хотя некоторые предметы хорошо датируются, не говоря уже о комплексе вещей, с которыми обнаружена серебряная сасанидская монета, ориентировочно датируемая нами концом VI – началом VII вв. (датировка нуждается в уточнении).

Инвентарь конского снаряжения, предметы одежды, а также некоторые типы украшений – серьги, перстни, браслеты, бусы и амулеты – характерны для аланских памятников VIII-IX веков. К тому же времени относятся и разнообразные керамические и стеклянные сосуды.

Хронологические рамки Даргавсского катакомбного могильника охватывают период с VI по IX век. Эта суммарная датировка катакомб со временем, безусловно, будет подвержена более дробной хронологии.

Эволюция аланских катакомб, возможно, отразилась в появлении в X-XII вв. каменных гробниц – предвозвестников подземных, а затем и полуподземных и надземных склепов.

Даргавсский могильник, несмотря на частичную изученность, дает возможность более четко определить ареал оседания аланского населения в горах Кавказа.

Материалы могильника говорят о преобладании алан в высокогорных районах Кавказа, о высоком уровне ремесленного производства, об уровне жизни и, наконец, о военном характере организации жизни. Кроме того, явно импортные предметы стеклянные сосуды, украшения, некоторые виды амулетов, ткани и др. свидетельствуют об интенсивных культурно-экономических связях не только с окружающими регионами, но и с отдаленными культурными центрами.

Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып. 2.1. С. 100-107.

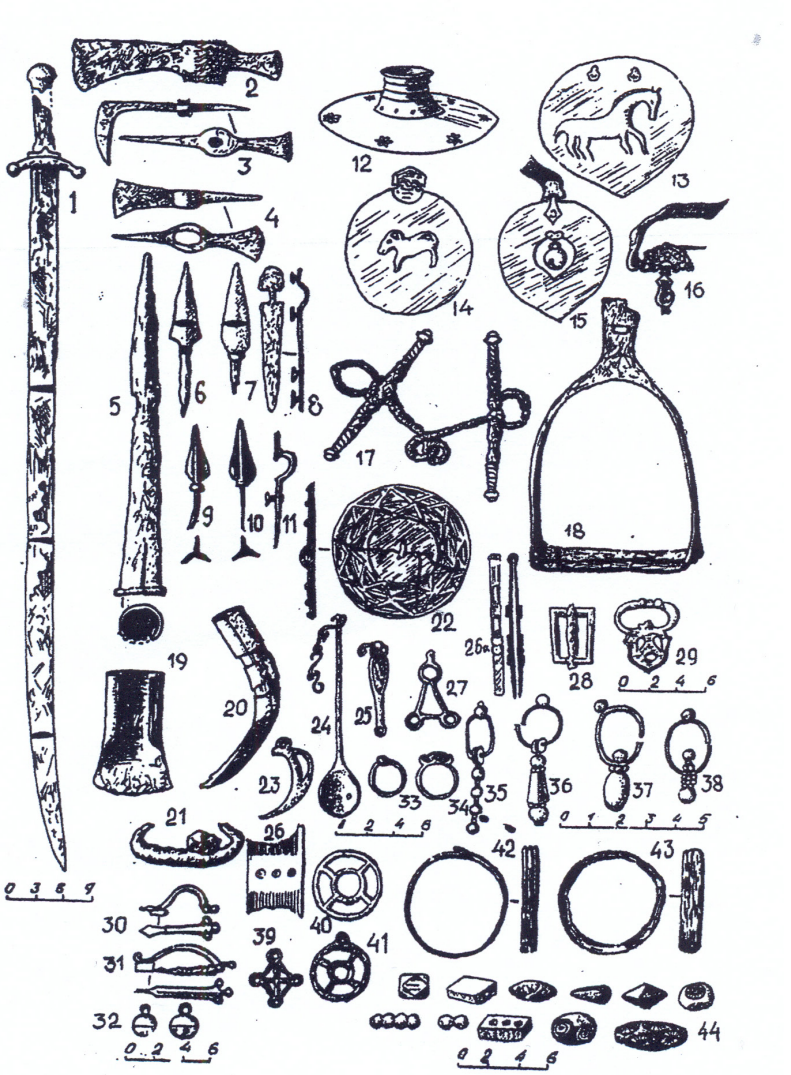


Рис.1. Инвентарь из Даргавских катакомб

1 – железная сабля (кат. 23); 2, 3, 4 – топоры (кат. 2, 8); 5 – наконечник копья (кат. 9); 6, 7, 9, 10 – наконечники стрел (кат. 8, 6, 16); 8, 11 – колчанные крюки (кат. 8, 16); 12 – начельник конский (кат.

1); 13, 14, 15 – подвесные бляхи-фалары конского снаряжения (кат. 1); 16 – фрагмент ремня подвесных блях (кат. 1); 17 – удила (кат. 1); 18 – стремя (кат. 1); 19 – тесло (кат. 6); 20 – кабаний клык (кат. 13); 21 – кресало с кремнем (кат. 8); 22 – металлическое зеркало (кат. 16); 23, 24, 25 – туалетный набор (кат. 13); 26 – деревянный гребень (кат. 12); 26а – пинцет (кат. 16); 27, 28, 29 – пряжки (кат. 4, 12, 9); 30, 31 – фибулы (кат. 18, 2); 32 – пуговки-подвески (кат. 2); 33, 34 – перстни (кат. 16, 2); 35, 36, 37, 38 – серьги (кат. 15, 6, 20, 24); 39, 40, 41 – амулеты (кат. 12. 14, 19); 42, 43 – браслеты (кат. 12, 4); 44 – бусы (кат. 2, 6, 14); 45 – глиняный сосуд (кат. 36); 46 – стеклянная чаша (кат. 37).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЛАГ: БЛАГОСТЬ, МУЖЕСТВО, ФАРН

О флагах в Осетии есть отрывочные сведения. В основном – устные. Достоверных, документированных нет. Покойный Энвер Махарбекович Туганов рассказывал, что был еще флаг зеленого цвета с изображением Коста Хетагурова. Слышал я и о том, что у Хазби Аликова было боевое знамя – красного цвета. Даже если бы никаких сведений не сохранилось о древней истории предков осетинского народа, надо было предполагать и не только предполагать, но и утверждать: у такого народа как аланы, отличавшегося высокой военной организацией с сопутствующими элементами – вооружением, тактикой и пр., безусловно, были соответствующие знаки подразделений для успешной военной деятельности в походах и битвах.

Флаг – один из древнейших символов, дошедших до наших дней. У многих народов он сохранился как символ единства, непоколебимости, боевой доблести и т.д.

В этом смысле показателен и осетинский трехцветный флаг (рис.1).

Как отмечает Ю.С. Гаглойти, символика трех цветов – белого, красного, желтого – восходит к глубокой архаике – к трехфункциональности скифского, легендарного нартовского и средневекового осетинского обществ. Отголоски этой трехфункциональности дошли до нас в пережиточных формах, зафиксированных в этнографии осетин.[1]

О значении флага в семейной обрядности Осетии, о истоках символики этого атрибута военного дела у осетин написал великолепную статью Вилен Уарзиаты.[2]

---

[1] Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т.1. Цхинвал, 2010. С.336-341.

[2] Уарзиати В.С. Аланский триколор // В.А. Уарзиати. Избранные труды. Кн.1. Владикавказ, 2007. С. 279-301.

Вот красочный отрывок из сочинения Моисея Хоренского (Мовсес Хоренаци) «История Армении»: «Как ураган несется по лесу, срывая листья, точно с такой же быстротой несутся юноши наши, с коней поднимая своих противников на копья. Золотое и серебряное оружие. Такое же убранство было на конях… Многие были в броне из ремней и кожи и представляли собою вид крепких скал, на голове у них развивались гривы, как листья тенистых деревьев. Вьющиеся на знаменах драконы с ужасно разинутой пастью, вздымаемые дыханием ветра».[1] Многие народы восприняли эти боевые знамена. Распространились они далеко за пределы Алании, как в пространстве, так и во времени, т.е. в армиях древности и средневековья. Драконы изображались также и на флагах (рис. 2, 3, 4, 5).

«Драконообразные» флаги этого типа у осетин не сохранились. Наличие такого флага – «дракона» отметила у сванов П.С. Уварова. Называется этот флаг «леми». В.В. Бардавелидзе – грузинский этнограф – описала его. Полотнище «сшито из желтой шелковой материи и имеет зооморфную форму» (рис.6). «При спокойном положении изображение висит на древке бесформенной массой, а при движении знамени оно наполняется воздухом, вздувается и принимает форму животного».[2] Она же, со ссылкой на К.В. Тревер, отметила, что знамя «леми» относится к драконовидным штандартам, засвидетельствованным во II веке у парфян, скифов, сарматов, даков, с III века – у римлян, а с IV века – у сасанидских царей, перенявших его от парфян.

«Кроме того, подобные штандарты существовали в Византии и Западной Европе».[3] Сказанное говорит о том, что

[1] Хоренский Моисей. История Армении. М., 1893. С. 174.

[2] Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 37-38.

[3] Там же. С. 38.

в древности зооморфные штандарты, или боевые знамена были широко распространены.

Итак, драконовидный флаг «леми» обнаружился не так далеко от Осетии у соседних сванов. О том, что и сваны заимствовали этот тип знамени, говорит следующее. В. В. Бардавелидзе продолжает: «В Сванетии мною засвидетельствовано несколько версий предания о происхождении знамени ЛЕМ. По одной версии – вызвавшей протест и сильное возмущение всех моих сказителей-стариков против свана, якобы исказившего предания, – знамя ЛЕМ было отнято у «татар» во время поражения, их бегства из Сванетии; по другой – оно было сшито самой царицей Тамарой и посвящено Сети Джграгу; наконец, по третьей версии, знамя вручила сванам богиня Ламариа, покровительница материнства, плодородия земли, и в особенности хлебных злаков».[1]

Версия, по которой знамя было сшито самой царицей Тамарой, вряд ли достоверна и напоминает легенды о строительстве этой прославленной царицей церквей и святилищ в горах Осетии. Легенды эти, надо полагать, сочинялись и рассказывались с целью придания особой значимости святым местам. Однако в сванской версии можно усмотреть рациональное зерно, т.е. появление знамени у сванов отнести ко времени правления царицы Тамары.

Еще большей архаичностью и легендарностью веет от версии, по которой знамя «леми» было вручено сванам мифическим персонажем – богиней Ламариа. Здесь, кроме того, явное несоответствие флага как атрибута военного дела и функций богини – покровительства материнству, плодородию земли и урожайности злаков.

Несмотря на фантастичность сюжета, и здесь, видимо, следует выделить рациональный момент – это то, что зна-

[1] Там же. С. 44.

мя «леми» попадает к сванам уже готовым, так сказать, в завершенном виде.

И, наконец, высказанная вначале версия заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания, т.е. версия, по которой знамя «леми» было отнято у «татар» во время поражения их и бегства из Сванетии. Обращает на себя внимание отношение автора В. В. Бардавелидзе к этой версии. Она поставлена первой, во вторых, слово «татары» взято в кавычках, т.е. это не татары татаро-монгольского нашествия или иранцы, а какой-то другой народ, отложившийся в народной памяти под этим этнонимом. Знаменательно и резко отрицательное отношение информаторов-сванов к этой версии, хотя сваны в ней выглядят весьма положительно – это победители, с честью отразившие враждебное нашествие.

Организаторами нашествия или, скорее всего, набега, были, по-видимому, северные соседи сванов – аланы, позднее подвергшиеся тюркизации, а еще позже исламизации – точнее, балкарцы и карачаевцы. Еще недавно (XIX в.) их называли горскими татарами.

Видимо, связь христианско-языческой святыни «леми» с чем-то мусульманским, пусть даже трофеем, считалась кощунственной и недопустимой для свана-христианина.

Однако в XII-XIII вв., т.е. во времена царицы Тамары, или в XIII-XIV вв. в эпоху татаро-монгольского нашествия к северу от сванов, за Кавказским хребтом, жили аланы, у которых еще ранее, чем XII-XIII вв., зафиксированы были воинские знамена в виде зооморфных значков-флагов. Знаменательно, что сванское знамя «леми» было разных цветов. По словам 87-летнего Алексея Свинчилдича Джапаридзе, записанным В. В. Бардавелидзе, за свою жизнь ему пришлось держать знамя «леми» сначала красного цвета, затем белого, а в последний раз он видел – желтого. Цвета знамени вряд ли зависели от прихоти или вкусов сшивавших его мастериц. Надо полагать, что цвета – крас-

ный, белый, желтый были каноническими.

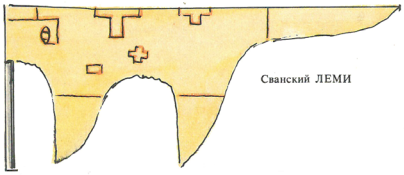
В связи с использованием этих трех цветов для ритуального флага или знамени мы и предполагаем заимствования знамени «леми» сванами у средневековых осетин.

В свете сказанного обратимся к цветовой символике осетинских культовых памятников – святилищ-дзуаров.

Среди разного рода дзуаров у осетин обнаруживаются дзуары с «цветовым» обозначением например – «Урс-дзуар» – т.е. «Белое святилище», «Сырх-дзуар» – «Красное святилище». Оба они в верховьях реки Лиахвы в Южной Осетии. Первое – в ущелье около Багъиатæ, а второе у с. Уаллаг Ерман. Что касается дзуара желтого цвета, то такого святилища нет, но зато есть святилище – Сыгъзæрин дзуар, т.е. «Золотое святилище» около с. Сыба, в том же, что и первые два, Дзауском районе Южной Осетии. Для «золотого» святилища цветовым маркером должен был стать желтый.

О сочетании этих трех цветов – желтого, красного и белого, как и на флаге, безусловно, говорит и раскраска крышки деревянной шкатулки, найденной нами в катакомбе VIII-IX вв. Даргавсского могильника. Это невысокий цилиндрический полый предмет с круглой крышкой, на которую нанесены концентрические полосы: с краю красная, затем желтая и в центре – светлосерого цвета (рис.7, 8). Надо полагать, что это – выцветший белый. Т.е. эти цвета на предметах бытового (шкатулки) и ритуального (флаги) назначения у осетин в средневековье широко использовались. Цветовая символика дошла до нас только в названиях святилищ, а на материале не сохранилась. Возродилась она в наши дни в образе национального флага и воплощает разные ипостаси Фарна – благость – белый, доблесть – красный, и изобилие – золотой или желтый цвета. Они совершенно правомерно олицетворяют осетинский национальный флаг.

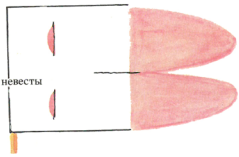
Кавказ. Владикавказ, 1992. №1. С. 22-23.



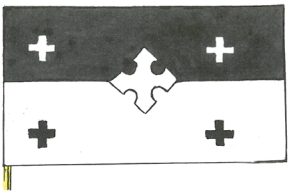
Сванский ЛЕМИ

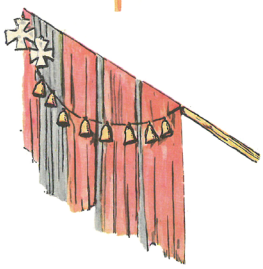
Осетинский флаг

Флаг «ангела-покровителя»

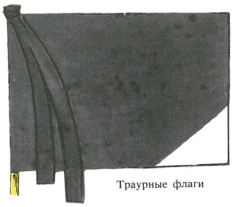


Флаг невесты





Флаг из святилища Сыгзарин-дзуар в с. Сба



Траурные флаги

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В позднем средневековье на Центральном Кавказе фиксируется в основном два вида погребальных сооружений. Это каменные ящики и склепы. И если склеповые сооружения распространены не повсеместно, то каменные ящики имеют сплошное распространение, и потому это основной вид погребального сооружения.

Позднесредневековые каменные ящики отличаются от более ранних меньшей тщательностью подгонки плит. Они – для индивидуального утилизирования. Стенки и перекрытия ящиков приготовлялись из более или менее ровно обломанных скальных плит, доставлявшихся на погребальное поле – кладбище на санях. Так как выходы сланцевых пород в горах – не редкость, то и доставка вряд ли представляла серьезные трудности. Отсутствие цельной плиты восполнялось обыкновенными добавками, т.е. если для боковых плит нужны были монолитные куски до 2 м, а их не оказывалось из-за поломок при транспортировке или обработке, то недостающую часть дополняли другим обломком. Интересно, что в ранних каменных ящиках таких «дополнений» не бывает. Видимо, в правилах подготовки погребальной камеры для захоронения к позднему средневековью произошли определенные послабления: не так строго придерживались ранее соблюдаемых канонов. Погребения в каменных ящиках позднесредневекового времени имеют ориентацию в основном западную, с незначительными отклонениями к юго-западу или северо-западу, что квалифицируется как сезонные отклонения, связанные с изменениями точки захода солнца.

Погребальный инвентарь – предметы быта и украшения – аналогичен инвентарю погребений в склеповых сооружениях. Именно в позднем средневековье на Центральном Кавказе появляется новый тип погребального сооружения – каменные склепы, получившие довольно широкое распространение. Склепы отмечены в горной зоне Ингушетии, Северной Осетии, Балкарии, Карачае, Хевсуретии и Южной Осетии, т.е. на Центральном Кавказе. Наибольшее их количество фиксируется в Осетии и Ингушетии.

По склеповым сооружениям Центрального Кавказа имеется значительная литература, как описательного характера, так и с анализом и интерпретацией. Наибольшему изучению подверглись ингушские и осетинские склепы.

В результате картографирования этих памятников по регионам выявлено их разнообразие, применение строительной техники, приемы декорирования и пр. Особое внимание уделено датированию этих сооружений.

В данной работе мы предпринимаем попытку свести воедино результаты исследований и собственную интерпретацию некоторых аспектов этих интересных историко-архитектурных сооружений, а также отметить черты погребальной обрядности связанных с этим типом погребальных сооружений.

Позднесредневековые каменные ящики раскопаны в Осетии в достаточном количестве и позволяют определить их основные черты. Для сооружения каменного ящика в грунте выкапывалась продолговатая яма на небольшой глубине, редко когда до 1 м. Стенки ямы укреплялись вертикально стоящими плитами скального плитняка – *къæй*. Продольные плиты были цельными или составными из двух равновеликих обломков.

Видимо, вначале укладывали плиту в «головах», затем боковые части. Если боковая плита не доставала конца в

«ногах», ее дополняли другим куском плиты. В «ногах» плита бывала цельной. Следует отметить и такую деталь погребальной камеры: ящик в «головах» был шире, а в «ногах» – уже. Очень редко дно каменного ящика устилалось плитой. Перекрытие каменного ящика, как обычно, состояло из двух-трех плит, опиравшихся на ребра боковых плит, а также на поперечные плиты в «ногах» и «головах». Края плит перекрытия выходили за пределы вертикально стоящих плит. Для плотности прилегания плит перекрытия иногда сверху на них укладывались крупные речные камни или же еще один слой скального плитняка. На поверхности погребения чаще отмечались обкладкой из камней. Но со временем обкладка «ушла» в грунт и обнаруживается только при раскопках.

Погребения одного периода никогда не перекрывают друг друга. Если же погребальное поле древнее, то оно нарушалось более поздними погребениями. Это происходило по той причине, что старых захоронений уже не было видно, вернее, исчезали знаки маркирующие, надгробные ориентиры. Поэтому в горах весьма часты «многоярусные» могильники.

Так как горная зона весьма богата скальными выходами, то строительный материал для каменных ящиков был, можно сказать, под рукой. Горцы давно освоили добычу и доставку этого материала. Благодаря способности этой горной породы раскалываться на пластины и плиты разной толщины, можно было отколоть заготовки нужного размера. У скального плитняка часто одна сторона бывает настолько ровной, что кажется обработанной. Плиты стенок каменного ящика укладывались так, что ровный край оказывался сверху, причем все плиты должны были составить один горизонтальный уровень, что в итоге способствовало ровному и плотному прилеганию плит перекрытия к стенкам каменного ящика. Т.е. была тенденция к

воспрепятствованию попадания грунтовой или дождевой влаги в погребальную камеру. Но, как показали раскопки, грунтовые воды все же попадали в погребальную камеру, а вместе с влагой и частички почвы. В результате в погребальной камере оказывалось достаточно много нанесенного влагой грунта – мелкого, как бы просеянного сквозь тонкое сито. В то же время при вскрытии каменных ящиков костяки нередко бывают покрыты грунтом, в котором попадаются мелкие камни, которые никак не могли попасть в камеру с талыми водами. Следовательно, захоронение в каменном ящике происходило двух видов: с заполнением камеры с покойником грунтом, или же без фунта. В случае, если в камеру засыпался грунт, то в грунте встречались древесные угольки.

По всей вероятности, в подготовленной для захоронения камере разводился огонь – небольшой костер. Считается, что это обряд очищения огнем. Однако перед укладыванием покойника в каменный ящик остатки костра вычищались и только потом уже с засыпаемым грунтом угольки попадали в погребальную камеру. Так как ни разу не были обнаружены недогоревшие куски дерева, а только угольки, то следует предположить, что в погребальную камеру с грунтом засыпались угли, а не разводили костер.

Отголоском этого обряда следует считать разведение костра на свежей могиле. Обычно это делается на второй день после похорон. Прекрасный знаток народного быта осетин К.Л. Хетагуров в стихотворении «Мæ Иры фæсивæд», оплакивая свою горькую судьбу на чужбине (в изгнании), сетует на то, что некому будет принести дрова на его могилу. «Чи хæсдзæн уæлмæрдтæм мын суг». Для обозначения могилы на поверхности земли нередко устанавливали определенный знак *цырт* – надмогильный камень, памятник. Обычно это вертикально укрепленная в фунте каменная плита. Нам удалось зафиксировать надмогиль-

ные плиты антропоморфного характера в виде «мишени» – схематического очертания погрудного изображения человека. Надмогильные камни бывают и в виде длинных узких каменных плит (у с. Четойта в Трусовском ущелье). Кроме того, на горских осетинских кладбищах часто фиксируются цырты в виде усеченных пирамид, сложенных из полуобработанных скальных обломков. На них нет никаких знаков, тамг, надписей и пр. Нами была отмечена в ущелье р. Сбадон у с. Кугом (Хъугом) вертикальная надмогильная плита со схематическим изображением человека в черкеске, с оружием, заупокойными приношениями и надписями на русском и грузинском языках (Дзаттиаты, 2002, рис. 100).

В Мамисонском ущелье, напротив села Лисри, на кладбище установлены цырты в виде грубо обитых крестов, изготовленных из полевого шпата – *дзæнхъа*. В более позднее время надгробия с надписями имеются во многих местах горной Осетии.

Как правило, кладбища не имеют оград. Однако необходимо отметить, что довольно часто погребения совершались не на общественном кладбище, а на своем родовом участке. Покойника, одетого в новое, парадное *(мæрддзæгтæ),* приносили на кладбище на особых носилках – *сынт*. *Судя* по тому, что в могилах не обнаруживаются носилки, их не хоронили вместе с покойником. Покойника хоронили с определенным набором предметов. Различаются мужские и женские комплексы вещей погребального обряда. В мужских погребениях обычны ножи, бритвы, оселки, пряжки, газыри, железные кольца (от портупеи), сосуды – кувшины и стеклянные бутылки.

В женских погребениях – серьги, перстни, кольца, пуговки-привески, бусы, бубенчики.

В детских погребениях (видимо, мужского пола) обнаруживаются альчики-астрагалы. Многие погребения оказываются безинвентарными.

Каменные ящики в горной зоне распространены повсеместно и, видимо, это основной вид погребального сооружения в позднем средневековье. Однако исследованы, раскопаны они все же в недостаточном количестве. Во многих населенных пунктах они вообще оказались нетронутыми. Их исследование представляется весьма перспективным, хотя чаще они оказываются безынвентарными.

С обустраиванием надмогильной площадки связан один из поминальных дней «*зæрдæвæрæн*» – «день укладки дерна» *(зæлдæ-зæрдæ)* на могилах (ИЭСОЯ. Т. 4. С. 302).

Более привлекательными для исследователей оказались погребальные склепы. Они, во первых, оказывались на виду и привлекали своей необычностью или даже уникальностью. Материал в них, за редким исключением, оказывался обильным и разнообразным. Путешественники нередко отмечали их при описании горных поселений, правда, не вдаваясь в их детализацию. Благодаря первым исследователям склепов – В. Ф. Миллера, В. И. Долбежева и П. С. Уваровой во второй половине XIX века был накоплен первоначальный опыт исследования этих своеобразных погребальных сооружений. Были выделены типы склепов – подземные и надземные. Привлекался для исследования и найденный в склепах вещевой материал. Уже в XX веке склепы стали изучаться более внимательно. Здесь следует упомянуть таких ученых, как Г. А. Кокиев и Л. П. Семенов. Их работы стали настольными для последующих исследователей. Склепы на Центральном Кавказе стали основательно изучаться в 60-70-х гг. XX века. Так, склепы Балкарии и Карачая исследовал И. М. Мизиев, Ингушетии – М. В. Мужухоев, Чечни – С. Ц. Умаров, Южной Осетии – Р. Г. Дзаттиаты, Северной Осетии – В. Х. Тменов. Наиболее значителен многолетний труд В. Х. Тменова. Он обобщил большой фактический и теоретический материал, привел все данные в стройную систему научных представлений. И,

тем не менее, вопросы, связанные со склепами – зарождением и развитием этого вида погребальных сооружений, погребальные обряды, сопровождавшие захоронение в склепах, датировка как склепов, так и захоронений в них – далеки еще от окончательного решения. Все упирается в недостаточно полное археологическое исследование этих важных объектов. И поле деятельности пока огромное. Из нескольких сотен склепов Осетии археологическому исследованию, т.е. раскопкам, подверглись только два-три десятка. Результаты будущих основательных исследований склепов могут оказаться ошеломляющими.

Склепы на Центральном Кавказе отмечаются не повсеместно. В Осетии это Чми, Верхняя Саниба, Нижняя Саниба, Ганал, Верхний Кани, Верхний Тменикау, Нижний Тменикау, Даргавс, Цагат Ламардон, Джимара, Какадур, Хуссар Ламардон, Хуссар Хинцаг, Цагат Хинцаг, Верхний Кобан. Это населенные пункты *Тагаурии.* В *Куртатинском ущелье* – Гутиаты кау, Нижний Кора, Харисджын, Хидыкус, Лац, Кадат, Цимити, Барзикау, Даллагкау, Дзуарикау, Гули, Дзвгис. В *Алагирском ущелье* склепы отмечены в сс. Суарх, Байком, Цми, Цей, Ход, Бад, Верхний Мизур, Ногкау, Архон, Дейкау, Верхний Унал, Холыст, Джими, Цамад, Донисар, Дагом, Урсдон, Инджынта, Верхний Ксурт, Нижний Ксурт. Склепы в *Дигории* зафиксированы в сс. Галиат, Камунта, Дунта, Хонсар, Фаснал, Уакац, Махческ, Казахта, Мацута, Ханаз, Задалеск, Кумбулта, Лезгор, Дзинага, Гулар, Стур-Дигора, Ахсау, Хазнидон, Кора-Урсдон.

В *Южной Осетии* склепы отмечены в сс. Тли, Дзомаг, Рук, Згубир, Сба, Челиат, Бритат, Едыс, Кабузта, Ходз, Ерман, Дзимыр. Кроме того, склепы были зафиксированы в глубине Трусовского ущелья в местности Сивыраута.

Картографирование склеповых сооружений выявляет некоторую закономерность. Считая склеповый обряд захоронения отличным от христианского, можно сказать,

что он является отражением различных религиозных канонов погребения. Поэтому, видимо, не будет большой натяжкой предположение о том, что христианские проповедники-миссионеры должны были препятствовать захоронению в склепах. Учитывая южное (грузинское) проникновение христианства в Осетию, вероятнее всего предположить, что в местах особенного насаждения или распространения христианства склеповых сооружений нет или они единичны. Зато там, где нет склепов, имеются средневековые христианские храмы. О равнинных и предгорных территориях речи нет, ибо Осетия в позднем средневековье была основательно сокращена и население проживало в горной зоне. Так что на равнине нет ни каменных ящиков, ни склепов.

Склепы располагаются обычно на отрогах, скальных выходах, на краях полей и вообще на территориях, не пригодных для пахоты. Если иногда они расположены на ровных площадках, то это обычно межи и буфы, т.е. опять на участках, не предназначенных для пахоты. Несмотря на уважительное отношение к покойникам или, точнее, на культ мертвых, все же пахотной землей дорожили и берегли ее. Поэтому, когда исследователи говорили о том, что возникновению склепового обряда захоронения послужило отчасти малоземелье, то они, видимо, в какой-то мере были правы.

Так, Е. И. Крупнов писал, что, «очевидно, при изучении культур Кавказа необходимо учитывать специфику местных условий и раньше всего каменистость почвы, острый недостаток земли, что заставляло древнее население каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню, а не под могильник» (Крупнов, 1938. С. 114).

И далее со ссылкой на В. Ф. Миллера и Г. А. Кокиева, Е. И. Крупнов утверждал, что «склеповый способ захоронения

мертвых значительно экономил земельную площадь живых. Все эти склепы и были вызваны к жизни земельной теснотой, которая особенно чувствовалась с возрастающей плотностью населения» (Крупнов, 1938. С. 114). Но малоземелье свойственно не только горной Осетии и прилегающим территориям. Почему же тогда склепы не обнаруживаются, например, в Дагестане? Вопрос непрост и однозначного ответа на него нет.

Подземные склепы

Несмотря на обилие или разнообразие склеповых сооружений они бывают трех основных видов: подземные – когда все сооружение скрыто в грунте, полуподземные – когда только тыльная часть склепа скрыта или впущена в склон, а то и присыпана грунтом, и надземные – когда все сооружение находится на поверхности земли. Следует отметить, что распространенность видов склеповых сооружений неодинакова. Подземные склепы выявлены не везде, где есть полуподземные и надземные.

Наиболее ранними склепами являются подземные, поздними – надземные, а срединное положение занимают полуподземные. Эта картина несколько схематична, т.е. отражает общую схему развития склеповых сооружений. В быту же полуподземные склепы продолжались строиться наряду с надземными, т.е. с возникновением нового вида погребального сооружения – надземного склепа, старые формы продолжали бытовать. Никакого противоречия здесь нет. Кроме всего, полуподземный склеп возводить было сподручнее и доступнее, тогда как строительство надземного склепа требовало не только более значительных затрат, но и большего зодческого мастерства.

Для устройства подземного склепа подготавливался материал в виде скальных обломков и плит. Обычно на некрутом склоне рыли обширную яму прямоугольной фор-

мы. Судя по чертежу Галиатского слепа (Крупнов, 1938. С. 115), длинная ось ямы была поперек склона. Затем в яме возводили стены из плитняка без извести. Обычно стены были отвесные, но исследователи отмечают и суживающиеся кверху стены. Стены перекрывались сверху горизонтально уложенными плитами поперек камеры.

В Галиатском склепе вход-лаз был устроен в продольной стене. Можно полагать, что и в других подземных склепах, если камера располагалась поперек склона, лаз-вход устраивался в продольной стене. После завершения строительства склепа сооружение засыпалось грунтом, но при этом оставляли незасыпанным вход в склеп. Так, у подземного склепа в Верхнем Былыме был выявлен спуск в виде колодца, заваленного камнем и землей» (Кузнецов, 1962. С. 76). Видимо, во всех случаях устройства подземных склепов оставляли легкодоступный проход к лазу, чтобы при надобности можно было подготовить склеп для совершения очередного захоронения. Для предотвращения попадания почвы в камеру склепа проем-лаз плотно прикрывали одной или несколькими плитами соответствующего размера. Исследователями в подземных склепах отмечены и ниши.

В ряде случаев над перекрывающими склеп плитами был зафиксирован еще один слой плит. На поверхности склепы иногда отмечались насыпным холмом-курганчиком, четырехугольными выкладками из камней или каменной обкладкой кругом. О ритуалах, сопровождавших погребение, нет сведений, но по положению костяков там, где они не перемешаны грабителями, можно говорить о том, что покойники укладывались на спине в вытянутом положении. Руки обычно – вдоль тела или на тазе. В ряде склепов женские скелеты отличаются от мужских тем, что лежат на боку в слабо скорченном положении (Гиляч, Усть-Теберда и др.)

Судя по описаниям, погребенные в подземных склепах располагались в интерьере по-разному. Если проход-лаз устраивался в длинной стене, то костяки лежат головой влево от входа, правда, есть отдельные случаи, когда они ориентированы головой вправо от входа. А если вход устраивался в узкой стенке склепа, то, как правило, покойники укладывались головой к внутренней стенке, т.е. ногами к выходу. Фиксация погребенных относительно сторон света при склеповом обряде захоронения не играет никакой роли. Здесь главное: в какую сторону – влево, вправо или еще как – уложен покойник. Что касается фиксации ориентировки склепов, то в этом случае ориентация может играть определенную роль. Поэтому, когда археологи отмечают ориентацию погребенных в склепе, то делают это автоматически или традиционно, как это следует делать при исследовании каменных ящиков, гробниц, грунтовых и иных погребений. Укладывание покойников в определенном по отношению к стенкам и камере склепе положении весьма устойчиво.

Что касается самих склепов, то в основном они ориентированы фасадом не по сторонам света, а обращены в солнечную сторону, т.е. на юг, восток, запад и в промежуточные направления – юго-восток (впрочем, и поселения устраивались на солнечной стороне).

Бесспорным элементом погребального обряда является комплекс предметов, сопровождавших покойника, т.е. без всех этих предметов, укладывавшихся в склеп вместе с покойником, погребальный обряд был бы совершенно ущербным. Погребальный обряд, безусловно, связан с верой в загробную жизнь, в продолжение жизни в потустороннем мире, а потому покойник должен был быть экипирован соответственно. Здесь и специальная одежда – *мæрддзæгтæ,* и заупокойные пища и питье, а также предметы обихода и украшения. Снабжали покойника и

личным оружием. Вследствие этого в склепах обнаруживаются остатки ткани, кожи, керамические, стеклянные и деревянные сосуды, ножи, кинжалы, ножницы, наперстки и иголки, зеркала, браслеты, перстни, серьги, бусы и множество иных предметов. Среди вещей погребального инвентаря нужно отметить обереги-амулеты.

Инвентарь подземных склепов представлен немногочисленным инвентарем. Собранные В.А. Кузнецовым сведения о подземных склепах Северного Кавказа, заранее разделенных на три локальных варианта – западный, центральный и восточный, дают определенное представление о том, какие предметы сопровождали покойника или как отразился погребальный обряд на номенклатуре вещей (Кузнецов, 1962. С. 48, 76, 103).

Так, в подземных склепах западного локального варианта нередки глиняные сосуды с характерными налепами-сосками и относящиеся к IV-V вв. стеклянные браслеты позволяют датировать отдельные погребения временем VIII-IX вв. На VI-VII вв. указывают поясные наборы. Височные подвески с 14-тигранником были распространены в IV-VI вв. Особую ценность для датирования памятников представляют монетные находки – монета Грациана, сасанидская монета – царя Хосроя I Ануширвана, монеты Юстиниана, Тиберия, Льва и др. Они же и указывают на время бытования могильников – с IV по IX вв. н. э.

Еще один примечательный факт отмечается в полуподземных склепах – нахождение в них костяков с деформированными черепами. Следует отметить и то, что большинство склепов ограблено еще в древности, особенно центрального и восточного локальных вариантов. И грабеж происходил, надо полагать, не руками любителей древностей, а охотниками за драгоценными металлами. Косвенно это может говорить об относительном богатстве ограбленных склепов. К примеру, в Галиатском

склепе, раскопанном Е. И. Крупновым в 1935 году, среди предметов погребального инвентаря – седел, кувшинов, деревянных блюд, чаш, колчана со стрелами, железных удил с псалиями, сабель, копий и пр. – найдено 92 серебряных и серебряных с позолотой разнообразных бляшек – украшений поясного набора и парадного конского убора. Кроме того – золотая византийская и серебряная арабская монеты. Подобные предметы и привлекали внимание грабителей (Крупнов, 1938. С. 117-118). Погребальный обряд, фиксируемый в подземных склепах, характеризуется, как уже было сказано выше, верой в загробную жизнь, снабжением покойника предметами личного обихода, заупокойной пищей, причем инвентарь, обнаруживаемый в склепах, сигнализирует о различной степени имущественного достатка захороненных индивидов.

Говоря об этнической принадлежности подземных склепов, не представляется их отнесение к иному, как не иранскому или, точнее, аланскому происхождению. Многочисленные аналогии предметов, а также обнаружение в этих склепах черепов с искусственной деформацией, не дают нам возможности сомневаться в выдвигаемом положении. В противном случае следует говорить о полном заимствовании местным населением аланской культуры (предметы обихода, оружие, украшение и пр.), вплоть до искусственной деформации черепов, что вряд ли могло иметь место. Впрочем, о соотношении различных видов погребальных сооружений на Центральном Кавказе будет сказано ниже.

Полуподземные склепы

Полуподземные склепы – самый распространенный вид склепов. Подземные склепы продолжали возводиться и после того, как появились надземные склепы, однако теоретически они появляются после подземных склепов.

Полуподземные склепы отличаются от подземных тем, что тыльная часть этих сооружений скрыта в грунте склона. Для строительства полуподземного склепа в склоне рыли площадку для задней и боковых стен. Боковые стены склепа не отвесные, как это в основном наблюдается в подземных склепах, они сближаются по мере возвышения. Это достигалось путем напуска рядов кладки. Перекрытие осуществлялось укладыванием плит на сближенные края стен, т.е. перекрытие полуподземных склепов осуществлялось в технике так называемого «ложного свода». В одном из склепов (с. Сба, Южная Осетия) нами зафиксирована опорная балка, укрепленная концами в передней и задней стенках склепа. На эту балку опирались уложенные по обеим сторонам скальные плиты. Несмотря на «ложный свод», хорошо заметный в интерьере, наружная сторона перекрытия бывает и плоской, и двускатной. Кроме того, полуподземные склепы бывают и с гладкой фасадной стеной, и с нишей. Проход-лаз устраивался в фасадной стене выше уровня земли и был прямоугольной формы. Некоторые полуподземные склепы имеют плиточный карниз, выдвигающийся из стены до 15 см. На нескольких склепах отмечены выемки или пропуски камней кладки, служившие, по всей вероятности, декоративным украшением фасада. Для постройки склепов обычно использовался скальный плитняк, но в верховьях р. Большая Лиахва многие склепы возведены из широко распространенного здесь туфа. Причем туф подвергался обработке. Кроме того, в кладке стен иногда встречаются и твердые травертины – *цына,* т.е. для строительства любых каменных сооружений в горах использовался подручный материал. Некоторые склепы возведены при помощи связующего раствора-извести. Но обычно это так называемый «ирон амад» («осетинская кладка»), когда для плотного прилегания камней кладки между ними засыпается сухая земля.

На фасадах полуподземных склепов встречаются горизонтально укрепленные в кладке шиферные плиты со сверлиной. Иногда просверлин бывает две в одной плите, есть и по две плиты (по сторонам от входа-лаза), но по одной просверлине в каждой плите. Число просверлин и число просверленных плит – 2, а число 2 в погребально-траурной обрядности осетин играет определенную роль. Так, например, на поминальный стол кладут два пирога, зажигают две свечи и пр. Однако назначение этих просверлин на плитах утеряно и точно уже никто не может определить их. Еще Г. А. Кокиев интересовался их назначением. Он привел несколько версий. По В. Ф. Миллеру это – коновязи, а по В. И. Долбежеву – приспособления для укрепления погребальных факелов. Приводилась еще одна версия: якобы отверстия служили для продевания в них древков погребальных флагов. Г. А. Кокиев все три версии назначения просверленных плит отвергает как несостоятельные. И в самом деле, какая это коновязь, если эти просверленные плиты иногда находятся на такой высоте, что мысль о коновязи отпадает сама по себе. Что касается укрепления факелов в отверстиях плит, то от них остались бы следы – законченность камней фасада. Хотя о «факелах» имеется упоминание возможного очевидца – протопопа Иоанна Болгарского в донесении епископу астраханскому и ставропольскому Антонию. Вот небольшой отрывок из этого любопытного документа XVIII в. со специфическим стилем и орфографией.

«Когда ж случится кому умереть, то прежде собравшись родственники и соседи надевают на умершего как можно самое хорошее платье, мужчины, пришед к воротам двора, немилостиво бьют себя по зашейку плетью и ревут, необычно идучи ко умершему (хотя бы и не хотелось, ибо по их обычаям за великий почитается стыд кто сего не сделает). Женщины, собравшись великим множеством и ставши

пред воротами стройно, прежде завоют в один голос, а потом входят на двор и идучи к умершему, открыв голову, немилостиво рвут себе волосы, терзают лицо, бьют груди, кусают руки, крича изо всей мочи и протчия чинят безобразия. Потом обседши в круг умершего, воют и что-то приговаривают несколько потише.

Если умершей случится мужеска полу, то приводят к нему лошадь оседланную и ставят около его весь военный снаряд. Потом лошадь, обведши вокруг умершего три раза, отдают узду в руку умершего, тогда принесши в бутылке пива, подносят в деревянном бакале старику, которой, пошептавши что-то, и немного на землю выливши, выпьет, а потом и протчим всем разнесши и выпивши сам последний бакал, отрезывает у лошади ухо в знак тот, что она и на том свете будет ему служить (при смерти же женщины сей церемонии не бывает). **Потом развернувши на шестах флаки и зажегши два или три превеликих пучка лучины и подхватя умершего, бегут с ним весьма торопно до самого кладбища и спускают ево в окно, зделанныя из камня гробницы, к которой жена умершего отрезавши свои косы привешивает.** (Выделено мной – *Р. Дз.)*. По возвращении оттуда мужчины, сколько из них сыщется охотников, делают конское рыстание до назначенного места, от которого возвратившейся прежде получает большую часть из числа поставленного за то со стороны умершего, потом ставят превысокий шест, к вершине которого привязывают холщовой лоскут, и в него стреляют из ружей, трафящей по нем получает в награждение то, что для того положено» (Русско-осетинские отношения. Т. 2. 1984. С. 386-387).

Судя по живому и эмоциональному описанию, протопоп скорее всего наблюдал обряд похорон. Так что наличие «флаков», т.е. флагов при церемонии похорон тоже подтверждается. Но вдевать древки траурных флагов в

отверстия на плитах склепов удавалось бы не всегда, ибо просверленные плиты имеются и на склепах с нишами, и небольшое расстояние от плит до свода ниши не позволяло бы умещать там флаги. По Г. А. Кокиеву, отверстия в плитах «служили для привешивания кос, которые, по древнему обычаю осетин, отрезывались у оставшейся после покойника вдовы» (Кокиев, 1928. С. 21). И об этом вроде и говорит наблюдение Иоанна Болгарского. Нам, как и В. Х. Тменову, представляется, что плиты с отверстиями связаны еще и с какими-то неизвестными нам обрядовыми действиями (Тменов, 1979), впрочем, и с включением в эти обряды привешивания кос вдовами.

Г. А. Кокиев выдвигает еще одну версию использования плит с отверстиями: туда могли вставляться ветки *заз-а,* т.е. самшита или тиса в праздник *зазхæссæн,* (приношение заз-а). Но он же считает это невозможным, ибо *зазхæссæн* отмечают, мол, и в Дигории, а таких плит на тамошних склепах нет. Однако, как известно, заз-хæссæн – праздник христианского круга, а склепы – явно не христианские. Недаром упомянутый выше Иоанн Болгарский считал погребения в склепах «безобразием». С другой стороны, видимо, *зазхæссæн* является отголоском или остатком раннего знакомства алан-осетин с христианским культом, ибо «*зазхæссæн* – праздник поминовения умерших, приуроченный к православному Вербному воскресенью, дню въезда Иисуса Христа в Иерусалим» (ИЭСОЯ. Т. 4. С. 290). На ранний этап христианизации алан-осетин, возможно, указывает *заз* – самшит, позднее замененный на практике вербой (в церковной обрядности).

При всей кажущейся невзрачности фасадов полуподземных склепов их возводили весьма тщательно и, кроме того, иногда украшали, т.е. на склепах наблюдаются элементы декора: четырехугольные углубления в горизонтальную линию или композиции из этих углублений в виде

ромба, креста и пр. На склепах фиксируются и изображения руки – в виде оттисков на штукатурке и в одном случае – выбитого в камне (Сба, Южная Осетия).

А на склепе в с. Ерман выбит рисунок в виде полуовала с вписанным крестом, выходящим за пределы овала.

Надземные склепы

Последним этапом развития склеповой архитектуры являются сооружения, целиком находящиеся на поверхности. Как отмечает В.Х. Тменов, они отличаются от подземных и полуподземных большим разнообразием форм не только стен и фасадов, но и перекрытий. Перекрытия бывают с пирамидально-ступенчатым перекрытием, пирамидально неступенчатым перекрытием, т.е. гладкой кровлей, с призматическим-неступенчатым перекрытием, полусферическим перекрытием, с двухскатным ступенчатым перекрытием, с двухскатным неступенчатым перекрытием, склепы с наклонными стенами и плоским перекрытием. Кроме того, встречаются склепы круглоплановые, шести- и восьмигранные, многогранные.

Надземные склепы бывают и двухкамерными, т.е. с камерами в одной плоскости, а также двухъярусными.

Несмотря на разнообразие надземных склепов и внешнее отличие от полуподземных, «общность целого ряда архитектурно-конструктивных признаков, присущих надземным и полуподземным усыпальницам, проявляется в интерьере (карнизы, ложносводчатость камер, система погребальных настилов и т.п.)» (Тменов, 1996. С. 132). Отметим также и общность плана погребальной камеры. Если же проанализировать сам обряд захоронения в склепах как полуподземных, так и надземных, а также вещевой материал из склепов обоих видов, то аналогия, причем почти абсолютная, налицо. Т.е. об изменении или трансформации погребального обряда говорить не приходится.

Захоронение или укладывание покойников в склепах происходило на полках. Полки устраивались из досок у боковых и задней стен камеры. Можно полагать, что полка у противоположной от фасада стены использовалась в самом начале утилизации камеры, затем у левой стены, а потом – у правой. При заполнении полок при очередном захоронении останки первоначально уложенных покойников переносились на дно камеры и освободившееся место занимал новый покойник. Так что наиболее ранние погребенные (их останки, мумифицированные трупы) находятся на дне камеры, а последние – на полках. По нашим наблюдениям (довольно редким, ибо содержимое склепов переворошено грабителями и любопытствующими), покойник у задней стенки лежал головой влево от входа, а на боковых полках – головой к задней стенке, т.е. ногами к входному отверстию. Такое расположение покойников в камере аналогично расположению лежанок-кроватей в жилом осетинском доме-хадзаре, что вполне естественно, ибо склеп осмыслялся средневековым осетином как жилье для покойника. Интересно отметить, что уже в новое время гроб, который называется по-осетински *«марды чырын»,* эвфемически именовался *«хæдзар»,* т.е. дом. Так же, как и у русских гроб называли *«домовиной».*

Примечателен пример расположения покойников в камерах катакомб аланского могильника у с. Даргавс, где нами были зафиксированы случаи устройства четырех катакомб с общей входной ямой. Камеры катакомб располагались крестообразно (Таблица X, 5). В первой камере покойники лежат головой влево от входного отверстия, а в боковых камерах – головой к первой камере. В четвертой, последней, опять головой влево. Соединенные одной входной ямой катакомбы, надо полагать, принадлежали одной семейной группе, и их родство подчеркнуто тем, что они как бы находятся в общем «доме», хотя и в разных

камерах. Расположение покойников в камерах склепов аналогично расположению покойников на полках склепов.

Впрочем, в склепах фиксируется и укладывание всех покойников головами к задней стенке, т.е. ногами к входному отверстию. В этом случае в склепе имеется один настил – общая полка. Точно так же, т.е. головами в одну сторону, укладывались покойники в каменных гробницах многократного использования.

Конечно, в погребальных сооружениях многократного использования положение погребенных не всегда бывает идентичным, не говоря уже о том, что они не всегда сохраняют первоначальное расположение из-за перемешанности останков. Перемешанность, или смещение костных останков, а также и инвентаря, бывает следствием не только разграбления, но и смещения могильщиками останков предыдущих погребенных для высвобождения площадки под новое погребение.

Однако в подземных склепах в двух известных нам случаях (Былым и Гижгид) в ареале центрального варианта аланской культуры, по В. А. Кузнецову (Кузнецов, 1962. С. 77-78), погребенные в склепе были ориентированы головами к входному отверстию. Что послужило причиной такого расположения погребенных – неясно. Но это касается только этих могильников, или только этих склепов. Во всяком случае, в данном случае общий порядок расположения покойников нарушен то ли специально, то ли из-за пренебрежения к общим канонам. Так что общее впечатление от схемы расположения покойников в подземных склепах (ориентация погребенных) остается определенным: покойников укладывали головами влево от входа-лаза или ногами к входному отверстию.

Здесь следует сказать и об одном интересном моменте, касающемся подземных склепов, вернее, термина «под-

земные склепы». Т. М. Минаева, исследовавшая памятники Верхней Кубани, отрицательно относилась к тому, чтобы погребальные памятники, не имеющие входных проемов, назывались склепами, объясняя это следующим: «В археологической литературе данный вид могил (прямоугольные ямы с выложенными стенками и перекрытые плитами. – *Р. Дз.)* называется «подземными склепами». Такое наименование, на наш взгляд, неправильно характеризует их устройство. Могилы эти не имеют входов в стенках, что характерно для склепа, и выкапывались они как обычные грунтовые ямы. Поэтому мы думаем, что название «грунтовые каменные гробницы» точнее определяет конструкцию данного вида погребальных сооружений» (Минаева, 1971. С. 59).

И в самом деле, погребальные памятники верховьев Кубани В. А. Кузнецовым в монографии «Аланские племена Северного Кавказа» рассматриваются в специальном параграфе как «подземные склепы» (Кузнецов, 1962. 48) и совершенно правильно. В. А. Кузнецов не посчитался с формальным признаком – наличием лаза, и за основу при отнесении погребального сооружения к типу склепов принял то, что стенки сооружения состоят из кладки и в камерах совершено более одного погребения. Строго говоря, конечно, это не склепы, но в общем В. А. Кузнецов поступил правильно, отнеся их к склеповым сооружениям, тем более к начальному этапу этих сооружений. (Ну, не относить же их к каменным ящикам!) При повторных захоронениях кости предыдущего покойника сдвигались в сторону. Этот прием высвобождения площади камеры для совершения нового захоронения является типично склеповым, и это явление позволяет относить подземные погребальные памятники верховьев Кубани к склепам, или, точнее, к «истокам» склепов, т.е. к началу генезиса склеповой архитектуры и склеповому обряду погребения.

Как отмечают исследователи, «с момента возникновения в эпоху мустье погребальные обряды подготавливали умершего члена общины для жизни в потустороннем мире» (Алекшин, 1981. С. 3).

Разные общины имели разные погребальные обряды, что хорошо иллюстрируется археологией. Кроме того, погребальный обряд состоит из двух главных компонентов – совершаемых для погребения ритуалов и материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы захороненного.

И хотя оба компонента погребального обряда взаимосвязаны и неразрывны, археологи в основном исследуют материальную составляющую обряда. В. А. Алекшин предлагал расчленить погребальный обряд на шесть блоков.

Первый блок включает способ погребения, вид перехода в потусторонний мир – эксгумацию, трупосожжение, расчленение, мумификацию и пр.

Второй блок связан с культурогенезом, т.е. с трансформацией погребального обряда, связанного с полной сменой населения или частичной заменой населения в результате проникновения в среду носителей конкретной археологической культуры носителей иной, пришлой культуры. Погребальный обряд отражает эти перемены в обществе: он или сменяется полностью, или появляется совершенно новая культура. Сохранение старых элементов говорит о победе того или иного компонента.

Третий информационный блок должен характеризовать половозрастные группы и их общественное положение.

Четвертый блок характеризует социальную стратиграфию общества.

Пятый информационный блок прослеживает эволюцию форм семьи и брака, но только в первобытных обще-

ствах. Для последующих эпох, особенно для средневековья, он не подходит.

Шестой блок касается демографических аспектов: продолжительности жизни, причин смерти и пр.

Первые два блока весьма интересны для нашего исследования.

На Центральном Кавказе нами зафиксирован единственный вид или способ перехода в потусторонний мир. Т.е. в каменных ящиках, каменных гробницах, катакомбах и склепах отмечается исключительно ингумация, т.е. трупоположение. Таким образом, способ перехода в потусторонний мир не изменен в течение многих веков. Это то, что касается первого блока информации.

Второй информационный блок более сложен. На первый взгляд, перед нами вроде совершенно разнообразные погребальные сооружения – каменные ящики, каменные гробницы, катакомбы и три типа погребальных склепов – подземные, полуподземные и надземные. И с поверхностного взгляда можно утверждать, что каждый раз происходит смена археологической культуры и миграция населения. Но внимательное рассмотрение элементов погребального обряда и погребальных сооружений заставляет отказаться от подобного вывода. Здесь следует отметить тот факт, что некоторые виды погребальных сооружений сосуществуют долгое время.

Как мы неоднократно отмечали, каменные ящики, получив распространение еще в эпоху бронзы, доживают до XIX века. Однако ранние и поздние каменные ящики существенно разнятся: ранние состоят из массивных плит, а поздние – из относительно тонких плит шиферного сланца.

Каменные гробницы раннего средневековья существовали в одно и то же время с подземными склепами и катакомбами, а поздние склепы, как обычно, соседствуют с каменными ящиками. Связывать их с разными этноса-

ми недопустимо из-за отсутствия сведений о таковых в письменных источниках. Нам представляется, что это может быть связано отчасти с религиозными воззрениями населения, т.е. конфессиональная составляющая играла определенную роль в погребальных обрядах. Так, на некоторую степень христианизации населения может указывать западная ориентация погребенных в каменных ящиках и гробницах. Мы говорим «некоторую степень», подразумевая слабую христианизацию, ибо кроме западной ориентации погребенных нет никаких следов христианизации вроде нательных крестов и проч. А что касается погребального инвентаря, то он традиционен: это украшения, заупокойная пища и питье, уголь в камере и пр. Сравнивая погребальный обряд и погребальные сооружения средневековой Осетии, мы видим в них черты схожести, т.е. наличие моментов, которые их роднят.

И здесь надо обратить внимание на способ захоронения, выбор места захоронения, устройство погребальной камеры, наличие или отсутствие входа-лаза, погребальный инвентарь (назначение), антропологические данные (череп), положение рук и др.

Сравнивая раннесредневековые каменные ящики и каменные гробницы, следует отметить их общие черты. Оба вида погребальных сооружений обнаруживаются в грунте, т.е. для их сооружения вырывалась яма, а потом в этой прямоугольной яме возводились стенки погребальной камеры. Длинная ось погребальной камеры – по линии восток-запад (Саниба, Даргавс, Балта) с отклонениями на СЗ и ЮВ. Погребения совершались сверху, т.е. покойник укладывался в камеру, а потом камера перекрывалась шиферными плитами.

Параллели и аналогии особенно заметны на вещевом материале. Материал, добытый П. С. Уваровой, приведен в ее публикации суммарно и редко распределен по отдель-

ным могилам. Однако наличие зеркал, серег, железных ножей и топоров, сабель, наконечников стрел, всевозможных привесок, разнообразных бус, фибул, стеклянных чаш, глиняных сосудов и пр. говорит о том, что эти предметы относятся к одной археологической культуре и, несмотря на многовариантность, составляют одну общую массу, т.е. настолько близки, что не позволяют относить их к различным этносам. Население, оставившее эти могильники, было одной материальной культуры, культуры, которую в археологической литературе называют аланской. (Притом, конечно, исключая из номенклатуры предметов вещи явно импортного происхождения – стеклянные изделия, монетные находки и пр.).

Иногда археологи не различают каменные ящики и каменные гробницы, и те и другие подаются как грунтовые каменные гробницы. Т.М. Минаева так описывает эти погребальные сооружения раннего средневековья в Верхнем Прикубанье: «Наиболее характерным видом погребального сооружения эпохи средневековья являются грунтовые каменные гробницы. Представляют они собой прямоугольную грунтовую яму, по всем четырем стенкам выложенную битым или слегка подтесанным камнем. Иногда торцовые стенки в них обставлены сплошной плиткой. По соотношению длины к ширине могилы эти весьма разнообразны. Обычно длина их до 2 м, ширина до 1 м приблизительно. Но встречаются длинные (до 4 м) в виде коридора, и укороченные расширенные. Дно могилы чаще выстилается тонкими плитами, но встречается и земляное. В стенах иногда устраиваются небольшие ниши и лежанки вдоль одной из длинных стен. Но эти детали имеются далеко не во всех могилах. Покрываются могилы толстыми массивными каменными плитами, одной или несколькими. По глубине могила устраивается так, что покрывающие ее плиты залегают немного ниже древнего горизонта.

Сверху над могилой насыпалась земля, но надмогильного холма эта насыпь не образовывала» (Минаева, 1971. С. 58).

По нашему представлению, погребальные сооружения, стенки которых составлены из вертикально установленных плит длиной до 2 м, – это, конечно же, каменные ящики, а со сложенными стенками в виде кладки – гробницы.

Приведенный Т.М. Минаевой для иллюстрации материал, т.е. вещи погребального обряда, найденные при раскопках этих «каменных гробниц», находит аналогии в типичных аланских погребениях-катакомбах. Мы с известной осторожностью говорим о «типичных аланских погребениях», хотя, как мы постараемся показать ниже, типичными для алан окажутся и другие виды погребальных сооружений, от гробниц до склепов. Это предметы так называемого туалетного набора – копоушки, ногтечистки, фибулы с соколиными головками, калачиковидные серьги, орнаментированные металлические зеркала с центральной петлей, полихромные стеклянные бусы, керамические сосуды, поясные пряжки, антропоморфные амулеты и пр. Для окончательного причисления этих погребальных памятников к кругу аланских немаловажную роль играют деформированные черепа, обнаруженные в могилах Гиляча (Минаева, 1951. Рис. 5-9. С. 273-301). Ранее эти каменные гробницы, как уже было сказано выше, В. А. Кузнецов рассмотрел во второй главе своей монографии «Аланские племена Северного Кавказа» в разделе «Подземные склепы», и это правильно. Но несмотря на то, что найденный в этих погребальных памятниках материал – сосуды, украшения, предметы быта и обихода – является почти эталонным для аланской археологической культуры, а также наличие деформированных черепов, т.е. черепов с явными следами искусственной деформации в могилах №№ 3, 6, 7, 13, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 30 (и

это только сохранившиеся черепа), он, тем не менее, относит эти памятники не к аланам, а к памятникам «культуры автохтонных кавказских племен» (Кузнецов, 1962. С. 64). Суммарное перечисление этих памятников – «наземные гробницы, подземные и дольменообразные склепы» – как бы снимает спорность утверждения В. А. Кузнецова. По нашему представлению, подземные склепы не должны были попасть в это перечисление. Да и подземные гробницы из-за почти совершенной неизученности слишком легко отнесены к доаланскому населению края. Так что к более или менее установленному аборигенному наследию верховьев Кубани пока еще можно отнести дольменообразные склепы.

Сетования о том, что «для коренного местного населения, обитавшего в Верхнем Прикубанье испокон веков, не остается места» (Кузнецов, 1962. С. 63), не более чем вынужденный для тех времен (конец 50-х гг.) политический реверанс. Мало того, этот вывод опирается на достаточно поколебленный тезис о том, что «сармато-аланам принадлежал обряд погребения в катакомбах» (там же, с.63). И если это не катакомбы, то и оставили их не аланы. Это давно уже считается анахронизмом, ибо установлено, что аланскими являются и скальные катакомбы, и грунтовые в горах погребения. Спору нет, на равнине катакомбы являются аланскими эталонными погребениями. Но речь здесь идет о иных ландшафтных зонах, в частности, о горной зоне, где нет удобных грунтов для рытья катакомбы.

Итак, следует сказать, что подземные склепы или каменные гробницы хорошо соотносятся с каменными ящиками и, несмотря на некоторые конструктивные особенности, имеют много общего. А в сходстве или идентичности погребальных комплексов, вещей погребального обряда сомневаться не приходится. Не во всех случаях сохранились кости погребенных, но во множестве случаев черепа

в этих погребениях оказываются деформированными, что позволяет нам считать их принадлежащими аланскому этносу. Надо учитывать и то, что у алан деформация черепов, т.е. обычай искусственной деформации, не был стопроцентным и, скорее, был характерен только для элиты, а с утерей этого обычая в общей массе он все же до некоторого времени практиковался в женской части общества, т.е. в более консервативной среде. (Сравните с наиболее поздними рецидивами средневекового обычая взимания калыма, т.е. платы за невесту представителями знатных фамилий. В то время, как привилегии знатных – налог, оброк, барщина и пр. – были отброшены, забыты, а более значительный, чем у рядовых поселян, калым у знатных бытовал дольше).

Подземные склепы центрального варианта аланской культуры (могильники Верхний и Нижний Былым, Гижгид, Тырны-Ауз, Куркужин и др.) (Кузнецов, 1962. С. 76-80) отличаются от подземных склепов западного варианта появлением скоса стен, т.е. тенденцией ложного свода и «колодцев» – дромосов. Но наборы вещей, хотя многие склепы разграблены, характерны для аланской культуры – сосуды, типы украшений и опять же наличие деформированных черепов, – позволили одному из исследователей этих памятников назвать их аланскими. Имею в виду статью П. Г. Акритаса – «Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье» (Ученые записки. Каб.НИИ. Нальчик, 1957. С. 407-414). Рассматривая этнический состав населения центрального варианта аланской культуры, В. А. Кузнецов связывает подземные склепы с местным кавказским населением, как и «прочие средневековые могильные сооружения Кавказа» (Кузнецов, 1962. С. 85). При этом местное население (т.е. центрального варианта аланской культуры) этнически близко или родственно населению западного варианта аланской культуры.

То, что В. А. Кузнецов отметил близость населения, оставивших и там, и тут подземные склепы, безусловно, верно, но не видеть их близость к населению, оставившему катакомбы, т.е. к аланам, причем с поразительным сходством вещевого материала и даже наличием такого показателя этнической принадлежности, как черепа с искусственной деформацией, не совсем понятно, если только не делать скидку на определенные политические тенденции, бытовавшие в то время в кавказоведении.

Сопоставление подземных склепов и катакомб демонстрирует черты схожести по ряду моментов. Так, по В. А. Кузнецову (Кузнецов, 1962. С. 103-106), подземные склепы были обнаружены в Задалиске, Морга, Кумбулта, Галиате, Донифарсе, Лаце, Даргавсе, Санибе, Хархе (Осетия), а также в Биште, Дошхакле, Салги, Шуане, Тхаба-Ерды, Верхнем Датыхе, Верхнем Алкуне, Мужичи (Ингушетия): «Данные погребального обряда весьма скудны и обрывочны. С уверенностью можно говорить лишь о коллективном характере погребений, очевидно, семейных» (Кузнецов, 1962. С. 106). Однако и имеющиеся данные говорят не только о «коллективности» захоронений. Так, в подземном склепе Морга (близ Задалиска), раскопанном П. С. Уваровой, было найдено четыре костяка. «Кости оказались очень плохой сохранности; сохранить, или скорей вынуть, можно было только один череп, несмотря на то, что все четыре черепа представляли особый интерес по своей «деформации» (Материалы по археологии Кавказа. 1900. С. 195). Т.е. налицо искусственная деформация черепов. Каковы были черепа в других подземных склепах – приходится только гадать. Во всяком случае подземные склепы вряд ли синхронны полуподземным склепам и сооружали их раньше полуподземных, а потому рассматривать их вместе мне представляется недопустимым, а тем более

считать их продуктом конца I тысячелетия, как об этом писал Л. П. Семенов (Семенов, 1928. С. 445).

Видимо, и Е. И. Крупнов не совсем прав, когда говорит, что подземные склепы возникают в VI-X вв. (Крупнов, 1947. С. 40). Ведь возникновение определенного погребального сооружения не может растягиваться на века. Скорее всего, VI-X вв. – время их распространения. Поэтому возникновение подземных склепов следует отнести к VI в. Тем более что в этих склепах обнаруживаются деформированные черепа, которые к VIII-IX вв. уже исчезают.

Что касается бытования подземных склепов, то, как показывает подъемный материал, в разных регионах период их бытования может быть различен. Но в основном это VI-X вв.

С катакомбами их роднит наличие проема – лаза, наклон стен как исток «ложного свода». Не зафиксирован у многих подземных склепов момент: в какой стене устроен лаз, но судя по раскопанному Е. И. Крупновым в Галиате подземному склепу, лаз-проход находился в длинной стенке склепа. При этом погребенные лежали головами влево от входа, как и в катакомбах. Что касается вещей погребального обряда, то они все находят аналогии в аланских катакомбах. Говоря об этнической принадлежности подземных склепов, еще Е. И. Крупнов говорил о неуместном отрицании их связи с аланским этносом (Крупнов, 1938. С 120).

Подземные склепы и катакомбы оставлены, по нашему мнению, аланами, о чем говорят не только вещи погребального обряда, но и приведенные параллели, касающиеся устройства прохода-лаза, сводчатости стен и наличия довольно явного этнического показателя – искусственно деформированных черепов.

Сомневаться в аланской принадлежности скальных катакомб также не приходится. Т. М. Минаева, посвятив этим

погребальным сооружениям специальный раздел своей монографии, отмечает их «поразительное сходство» (Минаева, 1971. С. 114). Рассмотрев различные категории предметов из скальных катакомб и приведя аналогии из грунтовых катакомб, отмечая специфические аланские предметы (зеркала, ложки-цедилки и пр.), она приходит к выводу о том, что «наскальные пещерные могильники мы рассматриваем как разновидность могильников с катакомбным устройством погребального сооружения, свойственным аланам Северного Кавказа» (Минаева, 1971. С. 141). Она же и объясняет появление этого вида погребальных сооружений тем, что ввиду острой нехватки пригодной для луга или пашни земли, аланы в горах не только устраивали поселения на непригодных для хозяйствования участках, но и вырубали в податливой породе – песчанике – погребальные камеры, причем поперек лаза-входа. Камеры эти чаще овальные, реже прямоугольные, с закругленными углами. Ориентировка камер неустойчивая, обусловленная направлением скалы. Т.е. как и в других погребальных сооружениях, ориентировка зависела от склона или ската. И эти наскальные катакомбы – не просто случайно выбитые в скальной (или песчаниковой) породе, ибо их число доходит до 900 зафиксированных. А сколько их исчезло, осыпалось, а то и просто еще не открыто, неизвестно. Это значительная группа погребальных сооружений. К великому сожалению, они почти все основательно ограблены и материал в них археологами добыт весьма скудный. И тем не менее, не вызывает никакого сомнения их аланская принадлежность.

В этой связи следует высказать сожаление и о неопубликованных материалах Дзвгисского скального могильника, добытых В. Х. Тменовым. Они бы значительно пополнили и осветили некоторые моменты генезиса склеповой архитектуры, в связи с нашей темой. Остается надеяться

на то, что этот достаточно обильный и разнообразный по материалу комплекс предметов будет исследован, классифицирован, датирован и издан в ближайшем будущем, и мы получим возможность оперировать драгоценными данными.

Сопоставляя каменные ящики и склепы, мы имеем в виду и каменные ящики и склепы позднего средневековья – полуподземные и надземные. Разумеется, в конструктивном отношении они несопоставимы. Одни предполагают устройство погребальной камеры в грунте с установкой в вертикальном положении сланцевых плит вдоль могильной ямы и по торцам и последующим, после погребения покойника, перекрытием камеры такими же сланцевыми плитами и засыпкой землей, а другие, т.е. склепы, предназначены для ряда последующих захоронений в специальном помещении с лазом-проходом и пр.

На первый взгляд, ничего вроде общего между ними нет. Тут и разница в размерах сооружения, и принципы построения ограниченного пространства, и ориентация погребенных, и то, что в одном сооружении покойника укладывают на полку, а в другом – на грунт, в каменных ящиках обнаруживаются древесные угольки, в склепах ничего подобного, и т.д. и т.п.

Рассмотрим теперь общие черты этих двух погребальных сооружений и совершаемых в них обрядах.

Во-первых, это ингумация, т.е. трупоположение.

Во-вторых – вытянутое на спине положение покойника.

В-третьих – свободное, без засыпки грунта в каменный ящик положение покойника. Почва, обнаруживаемая в каменном ящике при раскопках – это проникшая туда с талыми водами в щели между плитами каменного ящика, т.е. соблюдение того же принципа, что и в склепе – покойник непосредственно не покрыт грунтом.

В-четвертых – наличие погребального инвентаря в

обоих обрядах, хотя в каменных ящиках номенклатура беднее.

В-пятых – идентичность обнаруживаемых предметов, т.е. аналогичны украшения, предметы одежды, личного обихода, сосуды и др.

Ранее мы указывали, что в местах (ущельях), особенно вблизи с Грузией, где христианизация шла более или менее успешно, нет погребальных склепов, зато изобилуют каменные ящики. Поэтому различия связаны с разными конфессиональными приемами погребения. В каменных ящиках наблюдаются явные следы христианизации. Это – западная (с сезонными отклонениями) ориентация погребенных, расположение рук на груди или животе, почти полное отсутствие заупокойной пищи, индивидуальность захоронения.

Отсутствие углей в склепах объясняется обыкновенной предосторожностью, т.е. противопожарным мероприятием: сухие останки и одежда легко возгораемы. Тем не менее, «очищение» все же происходило, но снаружи, о чем говорят плиты с отверстиями у проходов-лазов: в отверстия вставлялись упоминавшиеся выше (в донесении Иоанна Болгарского) горящие факелы.

Различия в погребальном обряде, а также в погребальных сооружениях, не говорят о разных этносах, как пытаются объяснить это явление некоторые исследователи, тем более касаясь XVIII и XIX вв. Мы считаем, что различия, безусловно, связаны со степенью христианизации населения горных регионов. А горные регионы – это единственное место обитания осетин в позднем средневековье, где они оказались после тамерлановского погрома и последующим занятием их территории на плоскости кабардинскими племенами.

На номенклатуре вещей погребального обряда следует остановиться подробнее.

Для сравнения приведем раннесредневековый материал из синхронных памятников – каменных ящиков, грунтовых погребений, подземных склепов и катакомб.

Керамика из всех этих погребальных сооружений выстраивается в один неразрывный ряд, при этом, конечно, имеются варианты и подвиды кувшинов, кружечек, горшков и пр. Анализируя керамику из аланских памятников Северного Кавказа, В. А. Кузнецов распределил их по трем хронологическим периодам – IV-VI, VII-IX и X-XH вв. (Кузнецов, 1962, рис. 3, 15, 24 и 27). Сопоставление этих таблиц наглядно иллюстрирует не только поразительность аналогий по периодам, но и смену типов сосудов почти синхронно на всей территории проживания аланских племен, т.е. во всех локальных вариантах (по В. А. Кузнецову) происходят почти одни и те же изменения в керамике, как в номенклатуре, так и в формовке, орнаментировке. Например, для периода IV-VI вв., в катакомбах для V-VI вв. характерны низкие кружки с петлевидной ручкой и с налепами-сосками на тулове. Характерными сосудами этого периода являются также столовые кувшины с носиком-сливом (часто с вертикальной ручкой на тулове) и орнаментированные косыми перемежающимися полосами на корпусе.

Здесь же кружечки со стилизованными зооморфными ручками (табл. 4). Следующий этап развития керамики (VII-IX вв., по В. А. Кузнецову) выделяется наличием кружек-кувшинчиков, как обычно, с относительно высоким горлышком и двухпетельчатой ручкой, иногда двухпетельчатость выражена зооморфностью (табл. 4; табл. 9, 6). Распространены в этот период и столовые кувшины с желобчатым сливом (табл. 4; табл. 9, 4, 6). В памятниках X-XII вв. отмечаются высокогорлые кувшины с приподнятым желобчатым сливом и приземистые кувшины с широким венчиком, на тулове – сетчатый или косой орнамент в виде штриховки.

Представляется возможным высказать мнение о том, что это предметы одной культуры, т.е. аланской, как об этом еще в конце 30-х гг. XX в. говорил Е. И. Крупнов, когда возник вопрос о связи археологического материала с этносом. Даже он, осторожный в выводах, указывал, что «применительно к Северному Кавказу… категоричность отрицания обязательной связи археологического материала с этносом, мне кажется, неуместна» (Крупнов, 1940. С. 166).

И если материал из катакомб аналогичен материалу из синхронных памятников горной зоны – каменных ящиков, гробниц и подземных склепов – и принадлежит аланской культуре, оставлен аланским населением, а других памятников, т.е. иных форм погребального обряда и предметов другой материальной культуры, кроме аланской, здесь до сих пор не обнаружено, то о каком местном этническом слое или субстрате может идти речь? В. А. Кузнецов в своей книге «Аланские племена Северного Кавказа» писал, что аланские ираноязычные племена встретились и смешались с местным населением – потомками носителей позднекобанской культуры. И «археологически этот кавказский этнический компонент…представлен многочисленными могильниками… (каменные ящики, подземные и полуподземные склепы)». Здесь следует отметить, что полуподземные склепы несколько выпадают из круга раннесредневековых памятников, ибо они имеют более позднюю датировку, зато пропущены каменные гробницы. И получается: материал в этих памятниках аланский, в них обнаруживаются (в определенное время) деформированные черепа, которые по всем данным, безусловно, аланские, а памятники почему-то приписываются доаланскому местному населению. И даже кавказскому. Хотя В. А. Кузнецов отмечал здесь сарматский слой, кстати, еще плохо исследованный, а потому считающийся незначительным.

Говоря о предаланском этносе на Северном Кавказе, он пишет: «На более западных территориях этот слой был нами определен как сармато-аланский. Применительно к восточному варианту эта картина несколько меняется. Сарматское культурное и этническое влияние наблюдалось также на территории восточного варианта. Об этом свидетельствуют как вещи сарматского происхождения из некоторых горных могильников (например, Карца), так и сарматские подкурганные, катакомбные и грунтовые могильники предгорий. Но, в противоположность западному варианту, сарматская иранизация здесь не была значительной» (Кузнецов, 1962. С.115). Видимо, такой вывод был более или менее обусловлен для 50-х гг. XX в., но сейчас это положение следует пересмотреть в свете многочисленных сарматских погребений, открытых в последние годы. Имею в виду сарматский могильник в Гуысыра, курганы в Моздоке, Бруте, Заманкуле и др. Всего более трехсот погребений. К сожалению, материал еще не опубликован и не обобщен, но уже заранее можно сказать, что сарматский пласт был довольно значительным и пренебрегать им для определения этнического состава населения до прихода алан в горы Центрального Кавказа вряд ли будет верно. Еще Страбон писал о том, что «горную часть Иберии занимает воинственная масса, в образе жизни и по обычаям сходная со скифами и сарматами, с которыми она находится в соседстве и родстве». А из сарматских племен Страбон называет аорсов и сираков, спускающихся к югу Кавказских гор (Страбон, XI, III, 3; XI, II, 16). По мнению Ю. С. Гаглойти, «под теми горцами, которых греческий географ считал родственными скифам и сарматам, следует в основном видеть аланов-сарматов, овсов (осов) грузинских источников. (Очерки истории Юго-Осетии. 1969. С. 50). Таким образом, доаланское население гор и предгорий Центрального Кавказа было уже сарматизовано или

иранизовано. Т.е. сарматизовались как раз потомки поздних кобанцев, от которых, видимо, и восприняли сарматы погребальные сооружения – каменные ящики, а также топонимы, не объясняемые из алано-осетинского.

Следует сказать, что между двумя памятниками, относящимися, по всем данным, к одной археологической культуре, нет абсолютного соответствия. И это должно быть понятно, ибо нет и не может быть абсолютных аналогий. Поэтому отсутствие вещей, вещей определенной номенклатуры, в каменных ящиках, гробницах и наличие их в катакомбах еще не может быть указанием на их разноэтничную принадлежность. Так, В. А. Кузнецов отмечал, что «ряд категорий вещей, которые встречаются почти исключительно в катакомбных могильниках и не встречаются в каменных ящиках, гробницах и склепах…, к таким предметам принадлежат кавалерийские сабли…, конские уборы, состоящие из круглых и сердцевидных блях…, конские украшения-начельники, бронзовые двупластинчатые складни и т.д.» (Кузнецов, 1962. С. 31). Материалы Даргавсского катакомбного могильника вроде подтверждают это наблюдение. Там встречаются сабли и принадлежности конского снаряжения – подвесные бляхи, начельники. Правда, нет двупластинчатых складней. Но в каменном ящике X-XII вв., обнаруженном в этом же катакомбном могильнике, была зафиксирована кавалерийская сабля. Однако следует отметить, что «кавалерийские сабли» обнаруживаются отнюдь не во всех и даже не во многих катакомбных могильниках, не говоря уже о деталях конского снаряжения – подвесных бляхах и начельниках. Эти вещи погребального обряда принадлежат к категории исключительных, ибо сопровождали погребенных особого, повышенного статуса, т.е. эти покойники при жизни занимали высокое положение в военной иерархии. И равнять их с другими не совсем корректно. И то,

что сабли и иные престижные предметы обнаруживаются только в катакомбах и их нет в каменных ящиках, гробницах и подземных склепах, не обязательно указывает на их разноэтничную принадлежность, тем более что и в тех, и в других погребальных сооружениях фиксируются деформированные черепа. А наличие золотых предметов украшений в каменных ящиках и гробницах, не говоря уже о расхищенных грабителями ценных предметах, говорит о второстепенности, или зависимости людей, погребенных в них. Кроме того, наличие предметов поясного набора – пряжек, наконечников, бляшек и пр. – позволяет и тех, и других, т.е. погребенных в катакомбах и захороненных в каменных ящиках, гробницах и подземных склепах, считать воинами-всадниками. С ними связаны и отдельные захоронения коней, и тоже только в катакомбных могильниках.

Отсутствие или наличие престижных предметов – сабель, особых предметов снаряжения, парадного коня – квалифицируется нами как подчеркивание особого статуса, а не этнической идентификации. Может быть, это даже особенная прослойка или группа местного населения, возможно, ранее осевшая в местности и воспринявшая более ранние формы культуры, в частности, бытовавшие до них погребальные обряды, а конкретно – укладывание покойников в могильные ямы с плиточным ограничением пространства. Новый приток в горы степного, или кочевого контингента фиксируется с VI века и отмечается в могильниках катакомбами. Вероятно, эти две группы аланского этноса вполне мирно сосуществовали, но погребальные обряды совершали несколько по-разному. Более ранние поселенцы, воспринявшие культуру погребения в каменных ящиках, разнились от вновь прибывших сооружением катакомб, т.е. обряд погребения, присущий им на равнине, они продолжили и

здесь. Вероятно, с этого времени у алан-осетин сохранилось выражение, или идиома «тъæпæн хъæу», что в переводе с осетинского означает «плоское село» и подразумевает кладбище, т.е. иносказательно почти русское «могилевская губерния». А в итоге – память о более ранних местах поселения, погребениях и пр.

На таблицах 4-10 приведена часть предметов, добытых нами при раскопках Едысского могильника с погребениями в грунте (верховья р. Большая Лиахва, Южная Осетия). Почти все категории предметов имеют аналогии в материалах аланских катакомбных погребений. Керамические сосуды-кружки с петлевидной ручкой на тулове черного обжига находят прямые аналогии в северо-кавказских древностях соответствующего периода, т.е. VI-VII вв. Это же можно сказать о пряжках и поясных наборах, арбалетных фибулах, калачиковидных серьгах, серьгах с четырнадцатигранником и т.д. Особо следует отметить зооморфный сосуд красного обжига со стилизованной головой барана. Немаловажны и черепа с искусственной деформацией, свойственные аланам. Закономерно в этом могильнике и присутствие импортных вещей – стеклянных изделий, гемм, некоторых типов бус и др. Поэтому нет никаких препятствий для отнесения Едысского могильника к кругу аланских памятников, хотя в погребениях нет сабель, зеркал, амулетов и престижных предметов конского снаряжения.

Важно отметить, что могильник находится на предельно каменистом месте, что и обусловило устройство погребальных камер путем вырывания могил среди камней. По краям могил в почве остались невыбранные большие камни, придающие могильным ямам вид обкладки. Не использованы на могильнике и шиферные плиты, хотя в позднесредневековое время могилы в этой местности – исключительно каменные ящики со стенками и перекрытием из сланцевых плит. Аланы в Едысе почему-то не вос-

пользовались исконно кавказскими типами погребальных сооружений.

Погребальные сооружения, зафиксированные на Центральном Кавказе, начиная с раннего средневековья, отличаются разнообразием. Так, нами были рассмотрены грунтовые погребения, каменные ящики, каменные гробницы, подземные, полуподземные и надземные склепы. При этом отметим, что каменные ящики раннесредневекового времени заметно отличаются от средневековых и позднесредневековых каменных ящиков. И между ними существуют значительные временные промежутки. Непосредственной, беспрерывной линии развития каменных ящиков, несмотря на их распространенность, нет. И коль скоро между типами каменных ящиков есть лакуны, т.е. отсутствуют связывающие формы, создается впечатление о резкой смене типа погребального сооружения, а вместе с ним и погребального обряда. Отсюда и надуманный тезис о смене этноса. Как будто у этноса нет и не может быть развития, в результате которого могут происходить перемены в формах быта и сознания, а в данном случае в обычаях и обрядах.

Однако складывается парадоксальное явление: все перемены в обычаях и обрядах происходят в те промежутки истории народа, когда об этом периоде нет ни исторических сведений, ни подтверждений из области материальной культуры, т.е. необходимо вроде какое-то смутное время, чтобы поменялись или резко изменились обряды и обычаи. А ведь изменения происходят не вдруг, а постепенно, хотя, безусловно, бывает и резкое изменение в результате военно-политических потрясений.

Рассмотрев разные типы погребальных сооружений, мы обнаружили в них сходные элементы, которые позволяют в них видеть определенную преемственность. Древние каменные ящики кобанского периода, времени рас-

цвета этой культуры, сменяются грунтовыми – с каменной обкладкой и каменными выкладками над погребениями (Техов, 2002. С. 71).

Потомков кобанцев могли застать еще скифо-сарматы и, возможно, их взаимосмешение позволило сохранить элементы некоторых древних погребальных сооружений.

Северокавказские племена подверглись значительной сарматизации. Так, меоты, по заключению Е.П. Алексеевой, подверглись «сильной сарматизации (как в отношении этнического состава, так и отношении культуры)» (Алексеева, 1954. С. 225).

По всей вероятности, этот процесс проходил и на Центральном Кавказе, и вполне вероятно, что отголоском бытовавшей до скифо-сарматов культуры, культуры так называемых потомков кобанцев, является использование камня или каменных плит для сооружения погребальной камеры, что вполне естественно и разумно в горной местности с каменистым грунтом.

Многократное использование погребальной камеры каменной гробницы для ряда последующих захоронений вплотную примыкает как к катакомбному обряду захоронения по типу обряда, так и по типу устройства подземных склепов. Надо сказать, что катакомбные могильники в горной зоне не соседствуют с подземными склепами, что, по всей вероятности, связано с вынужденным переходом к сооружению подземных склепов. Последние не что иное, как искусственно устроенные каменные катакомбы. Это новшество избавляло от поисков глинистого грунта, что совершенно необходимо для устройства катакомбы, и позволяло устраивать погребальные сооружения почти в любом месте. Подземный склеп отвечал определенным требованиям совершения погребения – находился под землей, имел лаз-проход, прикрытый плитой и засыпанный землей и камнями, т.е. возможность для многократно-

го использования, кроме того, покойники помещались в камере вдоль длинной оси, а в ряде случаев (напр., в Галиатском склепе) покойники были ориентированы головами влево от входа. Но и в каменных гробницах погребения совершались иногда не сверху, а с торцевой стенки, т.е. не укладывались, а вносились. Кроме того, и в гробницах, и в подземных склепах покойники не засыпались землей (почвой), а над ними оставалось пространство, точно как в катакомбе, т.е. соблюдался еще один элемент катакомбного обряда погребения. О предметах погребального обряда – категориях и комплексах вещей, сопровождавших покойника, следует сказать, что они совершенно из круга одной культуры. Присовокупив к ним еще и искусственно деформированные черепа, обнаруживаемые во всех видах погребальных сооружений, конечно же, синхронных объектов, мы можем с большой долей уверенности утверждать, что они принадлежат аланам.

Наши выводы, возможно, вызовут определенные возражения, но тогда надо будет опровергнуть приведенные факты или привести более аргументированные доводы о смене или сохранении носителей доиранских этносов на Центральном Кавказе в эпоху средневековья.

Что касается позднего средневековья, то сосуществование склепов – полуподземных и подземных, и каменных (или плиточных) ящиков – это, конечно, не отражение разноэтничности населения, а имеет социально-экономическую окраску.

Таким образом, аланы-осетины на Центральном Кавказе, начиная с раннего средневековья, являются доминирующим этносом, а предшествующий период был временем, когда иранизация, скифо-сарматская, заложила основы этого доминирования.

Список литературы

Абаев В.И. Историко-этимологическкий словарь осетинского языка. Т. 4. Л., 1989.

Алекшин В.А. Погребальный обряд как исторический источник // КС. 167. М., 1981.

Семенов Л.П. Эволюция ингушских святилищ. // ЯСАРАНИОН. Т. 4. М., 1928.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963.

Алексеева Е.П. Материалы к древней и средневековой истории адыгов (черкесов) // ТЧ НИИ. Вып. 2. Черкесск, 1954.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. №2 (3). М., 1938.

Крупнов Е.И. Из итогов археологических работ (По материалам Сев.-Кавк. экспедиции Гос. ист. музея 1935 г.) // Изв. СОНИИ. Том 9. Орджоникидзе, 1940.

Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунджа // ТГИМ. Вып. XVIII. М., 1947.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 106. М., 1962.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Издание «Археология СССР» в 20 томах. М., 1981.

Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Тменов В.Х. Зодчество Средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.

Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические ра-

зыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг. Владикавказ, 1930.

Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI-X вв. до н.э.). Тбилиси, 1980.

Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.). Нальчик, 1970.

Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии: Историко-этнологический очерк. Владикавказ, 1928.

Очерки истории Юго-Осетии. Т. 1. Цхинвал, 1969.

Минаева Т. М. Археологические памятники р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. 23. М.; Л., 1951.

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, 1979.

Пятый археологический съезд в Тифлисе // Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879.

Материалы и исследования по археологии Кавказа // МИА. 23. М.; Л., 1951.

Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе, 1980.

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Вып. 1. Орджоникидзе, 1975.

Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Ч. 3. М., 1904.

Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888.

Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900.

Отчет императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.

Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.

Отчет императорской археологической комиссии за 1898 год. СПб., 1901.

Ученые записки Каб. НИИ. Т. XI. Нальчик, 1957.

Русско-осетинские отношения: Сборник документов в 2-х томах. Том II (1764-1784). Орджоникидзе, 1984.

Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа // Сборник научных трудов СОГУ. Орджоникидзе, 1988.

Ставиский Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев. М., 2002.

Семенов Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1948.

Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории МАК – Материалы по археологии Кавказа

ТСАРАНИОН – Труды секции археологии российской ассоциации научных институтов общественных наук

МИА – Материалы Института археологии

КС – Краткие сообщения

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет

ТГИМ – Труды Государственного исторического музея

Известия ЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С. 44-77.

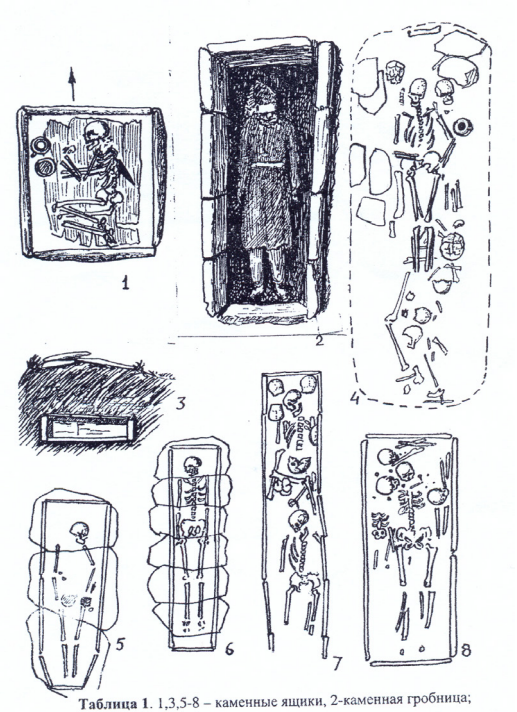


Таблица 1. 1,3,5-8 – каменные ящики, 2-каменная гробница; 4-грунтовое погребение

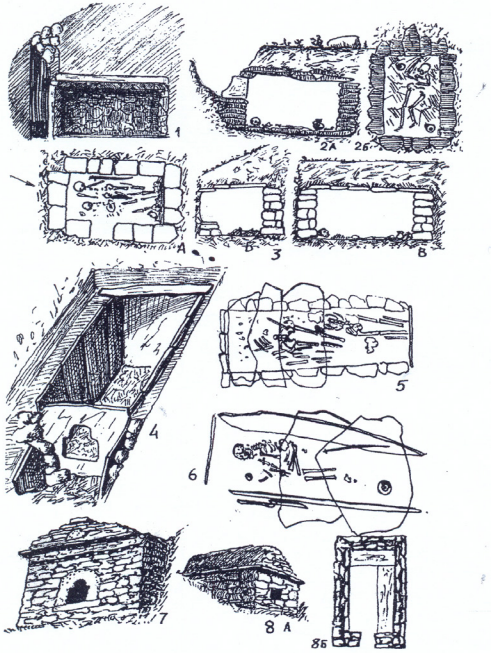


Таблица 2. 1-3 – подземные склепы; 4-каменная (из плит) гробница; 5-6 – каменные ящики, 7,8 – полуподземные склепы.

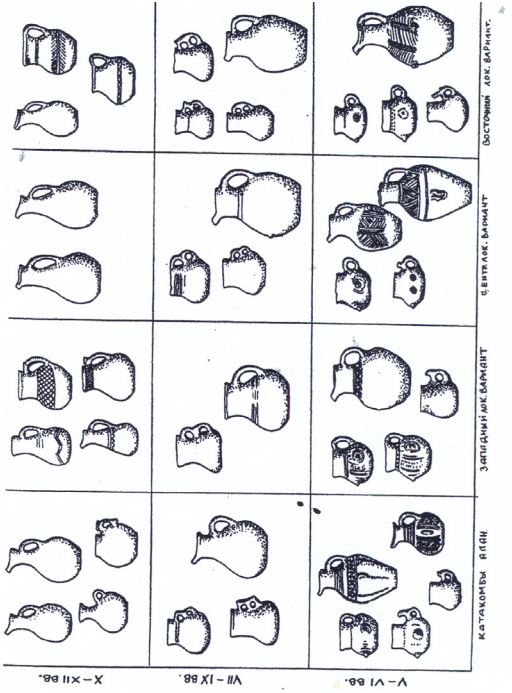


Таблица 3. Керамика из аланских памятников

Талбица 4. Инвентарь из позднесредневековых каменных яшиков (Южная Осетия)

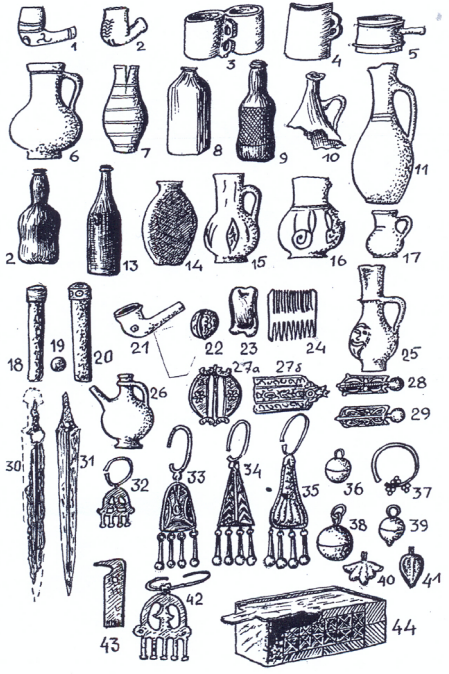


Таблица 5. Инвентарь из полуподземных и надземных склепов (ЮжнаяОсетия)

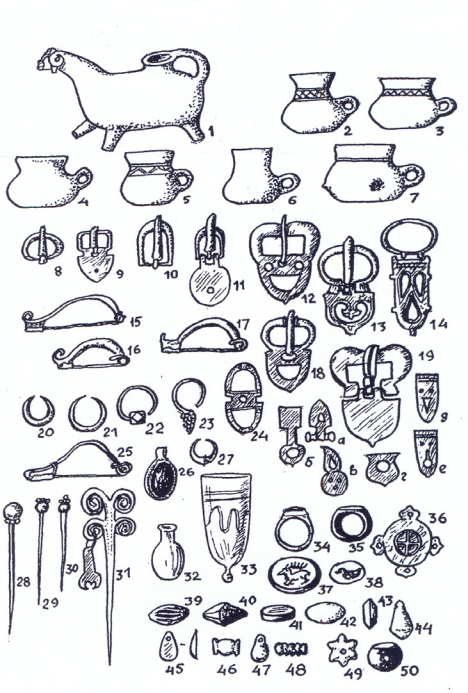
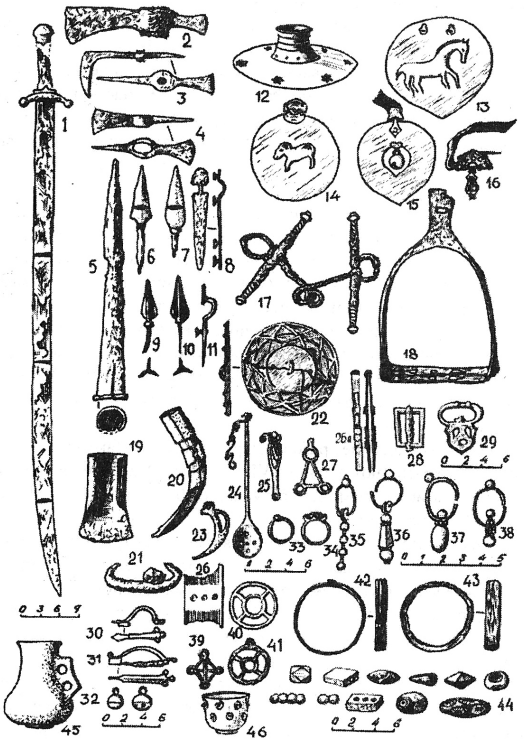


Таблица 6. Инвентарь из грунтового могильника (Едыс, Южная Осетия)



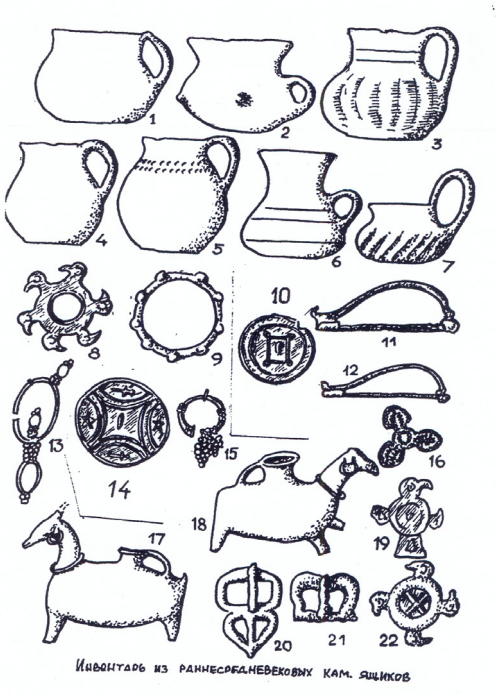


Таблица 8. Инвентарь из раннесредневековых каменных ящиков могильника (Северная Осетия)

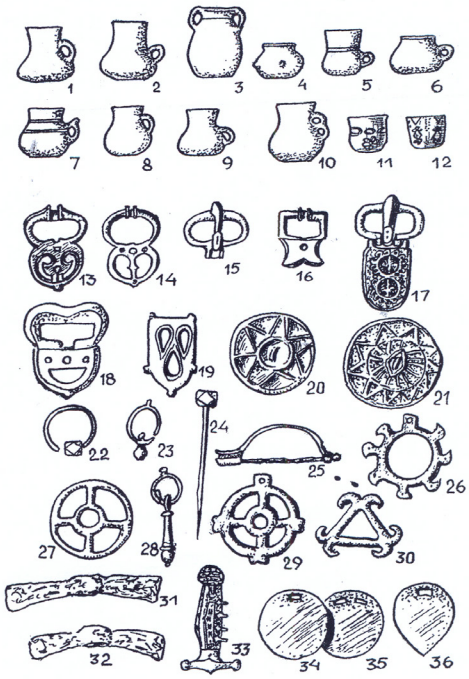


Таблица 9. Характерные предметы из памятников аланской культуры

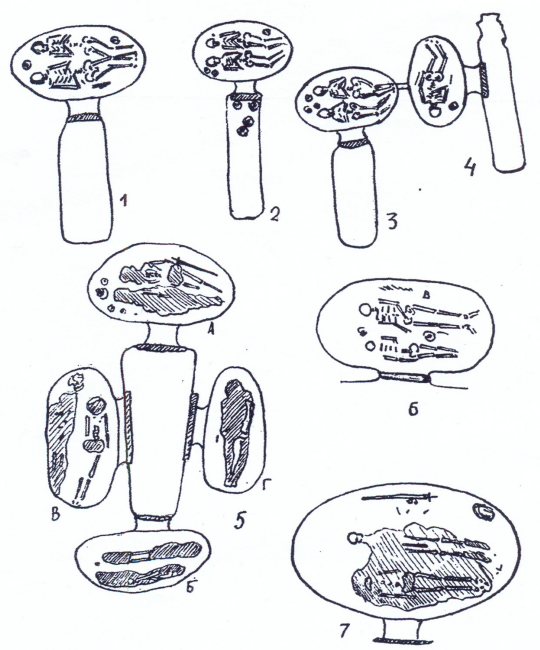


Таблица 10. Аланские катакомбы

Иллюстрации к статье Дзаттиаты Р. Г.
«Украшения из позднесредневековых памятников Южной Осетии»

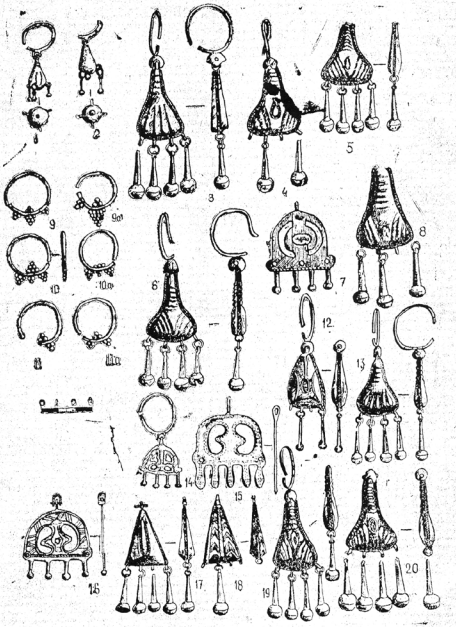


Табл. I. Серьги из позднесредневековых могильников Южной Осетии.

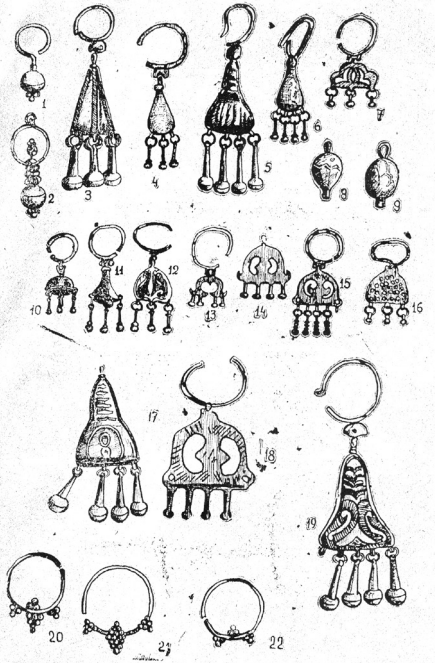
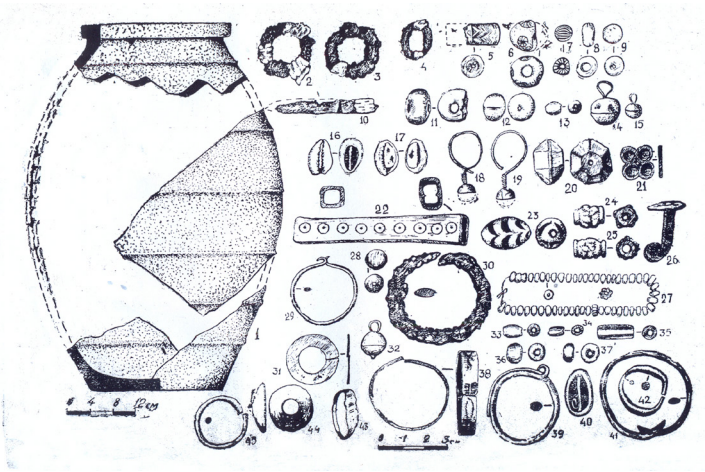


Табл. II. Серьги из позднесредневековых памятников Северного Кавказа (по П. С. Уваровой, Е. И. Крупнову, В. Х. Тменову).



Ритуальные сосуды из погребений. VI—VII вв.

Серебряные поясная пряжка и детали поясного набора из аланского могильника.

Монета эпохи Сасанидов (реверс). VI в.

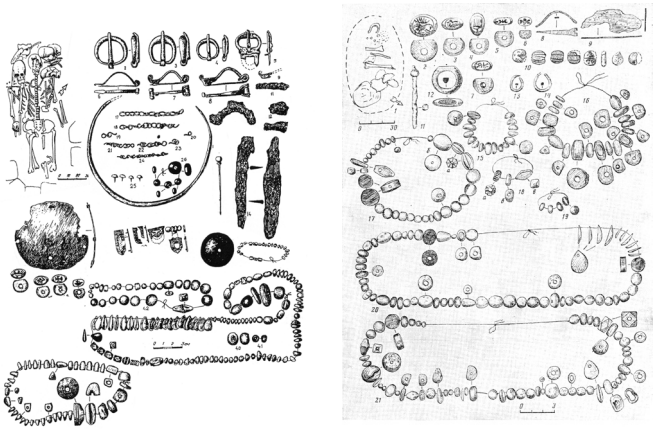
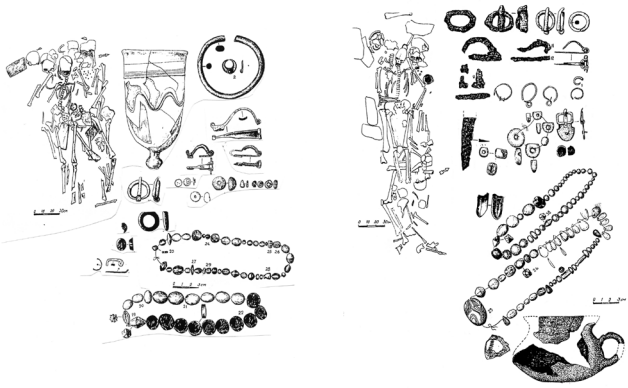
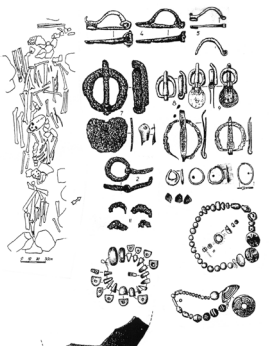
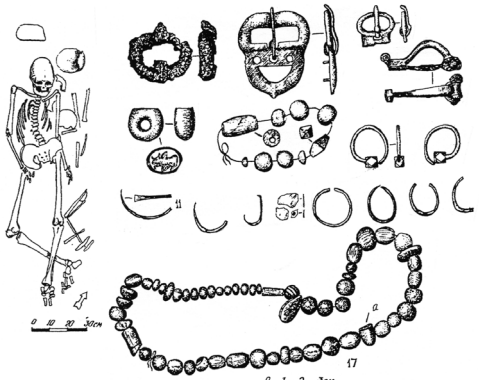


Рис. 1. План и инвентарь погр. 1

Эти таблицы уже были вставлены в другую статью







Эти таблицы уже были вставлены в другую статью

ОБ ОДНОЙ СКИФО-АЛАНО-ОСЕТИНСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

При исследовании орнаментальных мотивов на раннесредневековых аланских предметах, в том числе и на зеркалах, наше внимание привлекло зеркало с изображением животных. На зеркале, найденном в сел. Саниба П. С. Уваровой (рис.1), на поверхности, по четырем сторонам от центральной петли, имеются изображения двух равнобедренных крестов и двух зайцев [Материалы…, 1900. Табл. XLIX, 11]. Изображения зайцев живо напоминают известное словосочетание «солнечные зайчики», связанное с отражением зеркалом солнечных лучей. Но это выражение из совершенно другого культурного мира. Представляется, что в данном случае зайцы символизируют нечто другое. Здесь следует отметить, что зеркало считалось не только утилитарным предметом, но и выполняло какие-то магические функции (напомним, что и по сей день зеркала в доме покойника занавешиваются).

Вспомним эпизод из противостояния скифов и персов во время похода Дария на Скифию, красочно описанный Геродотом в его «Истории». В нем перед вроде бы неминуемым сражением выстроившиеся отряды скифских воинов вдруг бросились ловить зайца, пробежавшего между ними, чем привели в изумление и замешательство готовых к бою персов и заставили их ретироваться при виде явного пренебрежения к ним.

Вот свидетельство Геродота: «… оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок, и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля.

Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой». По совету Гобрия, часть слабосильных воинов и ослов была оставлена в лагере, а ночью «Дарий поспешно направился к Истру» [Геродот, 1972. С.220-221].

Геродот эпизод с зайцем никак не комментирует. Но, безусловно, здесь не пренебрежение к противнику со стороны скифов, тем более что противник был еще довольно силен и грозен. Здесь дело, видимо, совсем в другом. Но в любом случае ловля зайца всем войском была чем-то неординарным и, вероятно, вынужденным. Какую же роль играл этот несчастный заяц?

У генетических потомков скифо-сармато-аланских племен – осетин встреча с зайцем сулила неудачу, беду. Напротив, повстречать лису – удача, везение. Удачливый человек мог сказать: «Мои дела так хорошо устроились, будто лиса меня повстречала».

Д.С. Раевский, анализируя эпизод с пробежавшим между противостоящими войсками зайцем, справедливо указал на фольклорную природу источников Геродота [Раевский Д.С., 1985. С.62]. Он же приходит к выводу о том, что заяц должен был быть принесен в жертву. Ясно, что принесение жертвы должно было сулить удачу, победу. Не случайно Д.С. Раевский приводит и эпизод из Нартовского эпоса осетин, когда Хамыц преследует зайца, ибо «упустить зайца – значит потерять свою великую славу» [Раевский Д.С., 1985. С.63]. Одним словом, зайца нужно поймать или убить, принеся его таким образом в жертву, а иначе – быть беде. Д.С. Раевский считает неслучайным «обилие схождений между скифским фольклорно-мифо-

логическим наследием и осетинским фольклором, «обусловленное этнографическими связями этих народов» [Раевский Д. С., 1985. С.97].

Суеверия и пережитки, успешно дожившие до нового времени, зародились в древности и, следуя обратной ретроспекции, суматоху в скифском войске можно объяснить попыткой избежать неудачи, а точнее, разгрома в предстоящей битве, путем вылавливания и ликвидации «виновника» грозящего поражения.

В скифских древностях есть еще один пример с зайцем. Это золотая нашивная бляха из Куль-Оба (рис.2) с изображением конного скифа с занесенным в правой руке копьем, преследующего зайца [Сокровища…, 1966. Табл. 253]. Обычно в изданиях эта бляха фигурирует под названием «Сцена охоты». Вряд ли это сцена охоты. Скорее всего – это символ пожелания удачи или избежать неудачи. Для пояснения приведем один момент из осетинской мифологии. У осетин было ныне почти забытое божество Карчиклой – покровитель диких птиц и домашних пернатых. Согласно легенде, Карчиклой и Афсати – покровитель диких животных – обменялись подарками. Афсати одарил Карчиклоя зайцем, а Карчиклой преподнес Афсати горную индейку (улар). Соответственно, охотясь на индейку, охотники просят удачи у Афсати, а на зайца – у Карчиклоя [Осетинская…, 2009]. В осетинском народном сознании, таким образом, заяц исключен из ряда престижных трофеев, таких как тур, олень, серна и др. Надо полагать, что это противопоставление сохранилось в осетинском охотничьем быту с древнейших времен.

И еще один штрих: в аланских погребениях среди амулетов встречаются просверленные косточки зайцев, что тоже, видимо, служило пожеланием удачи.

Живучи, как видим, древние представления. Возвращаясь к аланскому зеркалу с зайцами, отметим и нали-

чие на нем двух крестов между зайцами. Кресты эти равнобедренные, с шишечками на концах, и к христианской символике отношения не имеют. Скорее всего, они чисто декоративные, но, возможно, это солярные знаки, нивелирующие или нейтрализующие отрицательную символику зайцев.

Литература

Материалы…, 1900. – Материалы по археологии Кавказа. 1900. Т. VIII. М., 1900.

Геродот. История. – Л., 1972.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Сокровища…, 1966. – Сокровища скифских курганов в собраниях Государственного Эрмитажа. Л., 1966.

Осетинская…, 2009. – Осетинская этнографическая энциклопедия. Т.1. Владикавказ (в печати).

Археологический журнал. №III-IV. Армавир, 2010. С. 64-66.

Рис. 1

Рис. 2

О ТРЕУГОЛЬНЫХ НАКОНЕЧНИКАХ И ПРЯЖКАХ ИЗ АЛАНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Во время раскопок Даргавсского катакомбного могильника среди вещей погребальных комплексов попадались бронзовые предметы неясного назначения – в виде треугольника с колечками и «рожками» на вершине углов. Первое время мы склонны были считать их разновидностью подвесок, украшений. Подобные предметы ранее были отмечены нами в ходе подготовки к печати материалов Тарского катакомбного могильника [1, 259-314]. Отмечаются они и в капитальном труде П. С. Уваровой «Материалы по археологии Кавказа» [2]. Упоминает их и А. Хайнрих в своей статье, вошедшей в третий том «Аланики» [3, 184-258]. И уже в сводной работе В. Б. Ковалевской, в иллюстративной части, есть рисунки этих предметов, происходящих из Чир-Юрта.

Приведем описание доступных на данный момент заинтересовавших нас предметов.

1. Бронзовый предмет (рис. 1) был найден в Саниба в одном из каменных ящиков (табл. XLIX, 12). По описанию П. С. Уваровой, это застежка «от бешмета или вообще верхней одежды: в форме треугольника, имеющего по углам колечки и шишечку на вершине для пристежки» [2, 101]. Размер по рисунку в книге трудно установить, но, судя по аналогиям, высота предмета 45-50 мм.

2. Аналогичный предыдущему предмет (рис.2) происходит из каменного ящика, раскопанного П. С. Уваровой в Дзивгисе (2, табл. LXXII, 23), но назван уже подвеской – «Подвеска бронзовая литая в виде треугольника или Соломоновой печати, изрытого рисунком» [2, 174]. Середина треугольника не прорезная, как на экземпляре из Саниба, а сплошная, с миниатюрными дырочками, принятыми

П. С. Уваровой за рисунок. Кроме того, на корпус предмета нанесены фаски: параллельные на сторонах треугольника и радиальные – на колечках. Шишечка суживается у основания.

3. Треугольник с колечками и шишечкой из катакомбы №1 Даргавсского могильника. Поверхность предмета гладкая. Шишечка с грибовидной головкой. Высота – 51 мм, ширина – 34 мм, диаметр колечек – 13 мм (табл. I, рис.3).

4. Треугольник с колечками и шишечкой из катакомбы №28 Даргавсского могильника. Поверхность предмета гладкая. Высокая шишечка с грибовидной головкой. На одном нижнем колечке сохранился обрывок узелка из узкой полоски сыромятной кожи. Высота предмета – 46 мм, ширина – 28 мм, диаметр колечек – 10 мм (табл. I, рис.4).

5. Треугольник с колечками и шишечкой из катакомбы №65 Даргавсского могильника. Вся поверхность предмета украшена: треугольник и шишечка (кроме грибовидной головки) косыми фасками, а колечки – радиальными. Высота – 53 мм, ширина – 32 мм, диаметр колечек – 14 мм (табл. I, рис.5).

6. Треугольник с шишечкой из катакомбы №67 Даргавсского могильника. Колечки и треугольник украшены фасками: косыми – треугольник, радиальными – колечки. Вершина шишечки – грибовидная. Высота – 48 мм, ширина – 30 мм, диаметр колечек – 12 мм (табл. I, рис.6).

7. Треугольник с колечками из катакомбы близ Балты. На внутреннем секторе колечек – валики. Перемычка между нижними колечками протерта. Поверхность предмета гладкая. Высота – 42 мм, ширина – 32 мм, диаметр колечек – 13 мм (табл. I, рис.7). П. С. Уварова считает этот предмет привеской [2, 135].

8. Треугольник с колечками из катакомбы №10 Тарского могильника (часть одного колечка утеряна). Поверхность предмета украшена фасками: треугольник – параллельны-

ми, колечки – радиальными. Высота – 46 мм, ширина – 36 мм, диаметр колечек – 14 мм (табл. I, рис.8).

9. Треугольник с колечками из катакомбы №10 Тарского могильника, части двух нижних колечек утеряны. Поверхность предмета гладкая. Высота – 42 мм, диаметр колечек – 12 мм (табл. I, рис.9).

10. Фрагмент треугольника с колечками из катакомбы №14 Тарского могильника, украшенный фасками – радиальными на колечке и параллельными – на обломке треугольника. Диаметр колечек – 12 мм (табл. I, рис.10).

11. Треугольник с колечками из катакомбы №24 Тарского могильника. На стыке верхнего колечка и вершины треугольника – фрагмент язычка. Поверхность предмета украшена фасками: косыми – на треугольнике и радиальными – на колечках. Высота – 45 мм, ширина – 32 мм, диаметр колечек – 12 мм (табл. I, рис.11).

12. Треугольник с колечками из катакомбы №51 Даргавсского могильника. Часть одного колечка утеряна. Поверхность гладкая. Высота – 49 мм, ширина – 45 мм, диаметр колечек – 16 мм (табл. I, рис.12).

13. Треугольник с колечками из катакомбы №27 Тарского могильника. От перемычки между нижними колечками до верхнего колечка – проржавленный железный язычок. Поверхность предмета гладкая. Высота – 45 мм, ширина – 38 мм, диаметр колечек – 14 мм (табл. I, рис. 13).

14. Треугольник с колечками из катакомбы №27 Тарского могильника. От перемычки между нижними колечками до верхнего колечка – проржавленный железный язычок. Поверхность предмета украшена фасками: косыми на треугольнике, радиальными на колечках. Высота – 41 мм, ширина – 37 мм, диаметр колечек – 14 мм (табл. I, рис.14).

15. Треугольная бронзовая пряжка из катакомбы №72 Даргавсского могильника с отогнутыми от вершин треугольника рожками. В нижней части – фрагменты кожаного

ремешка. Треугольник пряжки – с волнистыми краями. В верхней перемычке – зауженное место для петельки язычка, в верхней перемычке – место для кончика язычка. Высота – 36 мм, ширина – 43 мм (табл. I, рис. 15).

16. Круглая пряжка из катакомбы №18 Тарского могильника с фрагментами пластинчатого язычка. На кольце пряжки – рожки с выступом посередине, равнорасположенные в трех местах. Высота – 30 мм, ширина – 30 мм, диаметр кольца пряжки – 17 мм (табл. I, рис.16).

17. Треугольная пряжка из катакомбы №19 Тарского могильника с хорошо сохранившимся пластинчатым язычком. В верхней части – рожки. На вершинах нижних углов пряжки – сдвоенные колечки. Поверхность гладкая. Высота – 30 мм, ширина – 34 мм (табл.1, рис. 17).

18. Треугольная пряжка с рожками из катакомбы №8 могильника Чми. По А. Хайнрих: «Бронзовая роговидная пряжка, литая, лицевая сторона с косыми фестончатыми краями» [3, 188].

Два рожка утеряны. Высота – около 40 мм, ширина – около 45 мм (табл. I, рис.18).

19. Треугольная пряжка из погребения №40 могильника Чир-Юрт I [4, рис.49, 6] с рожками по углам треугольной основы и ромбическими выступами в них. На перемычке между рожками – место для крепления петельки язычка. Высота – 58 мм, ширина – 63 мм (табл. I, рис.19).

20. Треугольная пряжка с язычком из Чир-Юрта [4, рис.123, 115]. (По схематическому рисунку размеры определить не удалось).

Описанные предметы хотя и близки по внешнему виду, но различаются не только видом, но и назначением. Треугольники с колечками и с шишечкой (табл. I, рис. 1-6) скорее всего использовались как приспособления для плотного стягивания веревки или кожаной полоски, закрепляя продетую через верхнее колечко петельку (табл. I, рис. 21).

На продевание веревочной или кожаной петельки через колечко, а не через проем треугольника, может указывать экземпляр с почти цельным треугольником (табл. I, рис.2). А нижние колечки прикреплялись к другому концу веревки или ремешка узкими полосками кожи, на что может указывать сохранившийся на одном из треугольников фрагмент узелка из полоски кожи (табл. I, рис.5).

Следует отметить, что в осетинском хозяйственном быту до сих пор сохранились специальные наконечники веревок, изготавливавшихся из дерева, при помощи которых осуществлялась перевозка сена, хвороста и др. материалов путем стягивания их в плотную массу. Называются «гæркъа» (табл. I, рис. 22). Надо полагать, что исходной моделью для «гæркъа» послужили треугольники с колечками и шишечкой. Впрочем, они могли в древности и сосуществовать. Итак, эти предметы не пряжки, а особые приспособления для плотного стягивания предметов и тел.

Очень похожи на них треугольники с колечками, но без шишечек (табл. I, рис.7-14). Мы считаем их пряжками по причине того, что на двух экземплярах сохранились (хотя и сильно эррозированные) железные язычки, а на одном (табл. I, рис.11) – фрагмент язычка. На утерянный язычок указывает и протертость перемычки на пряжке (табл. I, рис.7). На четырех экземплярах язычки не сохранились (табл. I, рис.7-9, 12). Но это довольно обычное дело. Шесть остальных предметов (табл. I, рис. 15-20), безусловно, пряжки.

В. Б. Ковалевская отмечает, что так называемые рогатые пряжки «в Верхне-Чир-Юртском могильнике являются предметом исключительно женского костюма» [4, 146]. Кроме пряжки из катакомб близ Балты (табл. I, рис.7), которую трудно идентифицировать из-за отсутствия данных, треугольные пряжки с колечками (табл. I, рис.8-14) обнаруживались с бусами, пинцетом, серьгами, перстня-

ми, зеркалами и пр., т.е. в погребениях женщин, не говоря уже о пряжках с рожками, которые также были найдены с предметами женских погребений. Следовательно, не только Чир-Юртские аланки использовали треугольные пряжки, но и аланское женское население Тарского, Даргавса и Чми в VIII-IX вв.

Интересно отметить, что мотив рожек с центральным выступом дожил до XX века в виде аппликаций на шапочке осетинского костюма невесты (табл. I, рис.20 а), зафиксированный этнографами [5, табл. XXXI, 7].), чем этот мотив связывается с кругом украшений женского костюма.

1. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. // Аланы: история и культура, III. Владикавказ, 1995.

2. Уварова П.С. Материалы по археологии Кавказа. Вып.VIII. М., 1900.

3. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: История и культура, III. Владикавказ, 1995.

4. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.

5. Дзаттиаты Р.Г. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ: Алания, 1992.

Известия СОИГСИ. Вып. 4 (43). Владикавказ, 2010. С. 19-23.

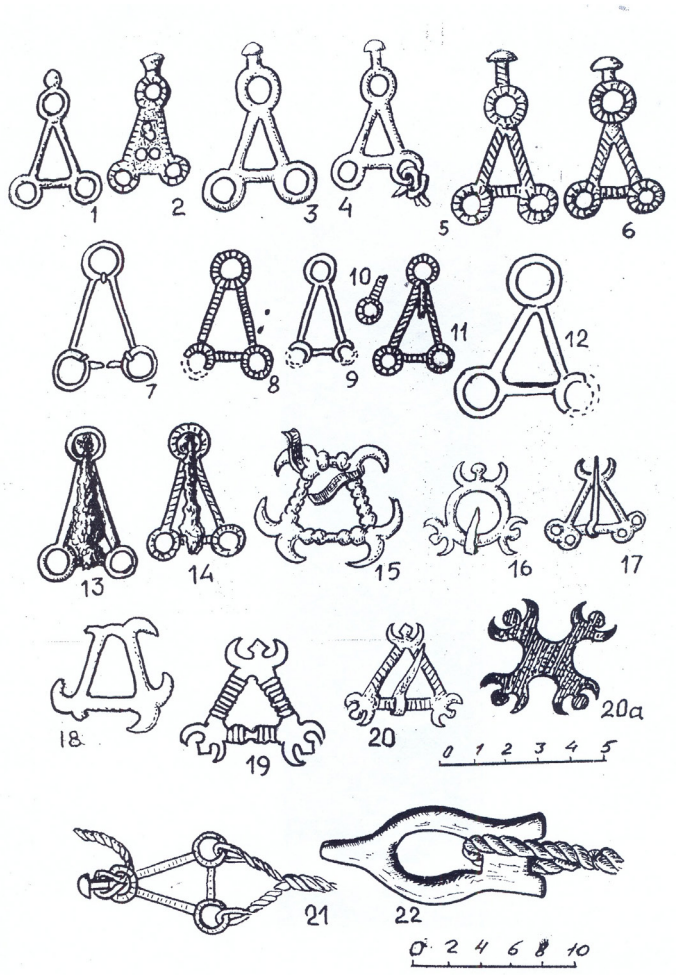

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
20a
0 1 2 3 4 5
21
22
0 2 4 6 8 10

Таблица 1

«ZÆНГБÆТТÆН» – ПРЕДВЕСТНИК ОРДЕНА ПОДВЯЗКИ

В 1350 г., возвращаясь на родину после побед над французами, король Англии Эдуард III, желая восславить рыцарей своего воинства, принял решение учредить рыцарский орден.

Хронисты утверждают, что английский король при утверждении ордена имел в виду образец рыцарей Круглого стола. Так, Жан де Бель сообщал: «В благородстве сердца своего король решил, что заново отстроит замок Виндзор, который некогда построил Артур и где впервые был установлен Круглый стол в честь своих доблестных рыцарей…

Король чрезвычайно высоко оценил их службу и счел их настолько благородными, что, по его словам, подобных им не сыскать было ни в одном другом королевстве. И ему показалось, что какие бы почести он ни оказал им, они не могут быть чрезмерными – так сильно он их (этих рыцарей) полюбил. И король объявил по всему королевству, что будет устроен великий праздник и большой прием по случаю учреждения этого Круглого стола и пригласил отовсюду благородных дам и девиц, рыцарей и оруженосцев прибыть на этот великий праздник…»

Все уже было подготовлено, но не было еще названия ордена. И тут в сюжетах появляется прекрасная дама, которую исторические хроники называют по-разному: королева Филиппа, графиня Кентская или графиня Солсбери. Последняя – это отважная красавица, жившая на севере Англии в замке Уорх. Муж ее томился во французском плену. Воспользовавшись этим обстоятельством, шотландский король Давид осадил замок, предстояла длительная осада. На помощь графине Солсбери пришел молодой король Эдуард III и выручил осажденных. Вероятно, графиня

была весьма благодарна. И вот на балу в Виндзоре графиня Солсбери якобы потеряла вышитую синюю подвязку. Скорее всего, это была деталь королевского костюма, т.е. подколенная подвязка. При этом король остановился, перестал танцевать и, видимо, сперва опешил. Многие придворные со смыслом истолковали замешательство короля, раздались приглушенные смешки, ибо его увлечение красавицей-графиней не было секретом. Король вышел из рискованного положения тем, что поднял с пола подвязку, прикрепил ее себе на рукав (по другой версии – повязал ее себе под левым коленом) и произнес слова, ставшие затем девизом ордена: «Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает» – «Honi soit gui mal y pense». До сих пор это высшая награда Англии. Это золотой, украшенный бриллиантами медальон с изображением св. Георгия на темно-синей ленте с золотой каймой и золотой надписью «Honi soit gui mal y pense», носят ее ниже левого колена и прикрепляют золотой пряжкой (женщины носят на левой руке).

Отметим одну интересную деталь на ордене: на основном изображении «подвязки» мы видим мужской способ продевания ремешка в пряжку – справа налево, но есть и изображения в обратную сторону – слева направо, т.е. женский способ ношения ремня. Возможно, различались женские и мужские награды этим орденом.

Наше внимание привлекла в знаке ордена пряжка с продетым ремешком, причем конец ремешка с наконечником-язычком образует петлю на ремешке и свободно свисает. Это живо напоминает подколенные ремешки «зæнгбæттæн» осетинского национального костюма. Они также снабжены пряжечками, ремешками с наконечниками. И, что особенно интересно, также подвязываются, т.е. образуют петлю, в которую пропускают конец ремешка, свободно свисающий с петли. Впрочем, так же подвязы-

вается и наборный пояс на осетинской черкеске: конец ремня с язычком-наконечником, образуя петлю, свисает свободно. Таким образом, ремень фиксируется петлей, предотвращая самопроизвольное развязывание. Точно так же фиксируются подпруги при снаряжении коня седлом.

Надо полагать, что подвязывание ремня пояса около пряжки имеет древнюю традицию. Имеем в виду аланские воинские пояса. При этом на память приходит одно интересное обстоятельство, вернее, некая несуразность, наблюдаемая или, скорее, реконструируемая на аланских поясах с пряжками. Известно, что эти пряжки были элементами, маркирующими статус аланского всадника в воинской иерархии, при этом значение имел не только материал, из которого изготовлена пряжка (золото, серебро, бронза), но и щиток, зачастую украшенный орнаментом, каменными вставками. Если бы щиток оказывался прикрытым продетым через рамку пряжки ремнем, то значение его как указателя ранга в воинской иерархии должно было остаться незаметным. А в таком случае, надобность щитка оказалась бы излишней. Но надо полагать, что щиток был виден. И это могло происходить только в случае, если ремень не закрывал щиток, а образовывал петлю на пряжке до щитка.

К сожалению, кожаные пояса в погребениях не сохраняются. Но есть случай, когда на пряжке сохранился фрагмент кожаного пояса. В Даргавской катакомбе №12 найдена пряжка с остатками кожаного ремня, перевитого вокруг пряжки.

Что касается подколенных ремешков, то их наличие в аланских катакомбах подтверждается частыми находками парных маленьких пряжечек.

Отличившихся в битвах воинов, а это были, безусловно, всадники, верховная власть, будь то царь или вождь,

одаривала не только материальными благами, но и награждала оружием, поясом, серьгой и прочими атрибутами принадлежности к избранному кругу, т.е. символически приравнивала к себе. Из этого ряда предметов более значимой наградой был пояс. Пояс вождя или царя мог быть преподнесен только равному, обычно это был наследник, а потому обретший пояс царевич или сын вождя автоматически становился царем или вождем. Так грузинский правитель Георгий, возводя свою дочь Тамару на престол, опоясал ее монархическим поясом с мечом. Значит, пояс – это высшая власть. А менее знатного – рыцаря, пусть даже титулованного, или приближенного, отличившегося в сражениях, удостаивали уменьшенной копией пояса, подколенным ремешком, что англичане называли подвязкой. Нам представляется, что награждение воина подколенным ремешком принесли с собой в Европу сарматы или аланы. Именно у потомков алан-осетин эта деталь костюма так и называется «зæнгбæттæн» т.е. «завязка голени», а не «ремешок» или еще как-нибудь. (У осетин процесс опоясывания или застегивания ремня на пояснице называют словосочетанием «рон бæттын» – т.е. «поясозавязывание», а поясница – «ронбаст» – «место повязывания пояса»). До недавнего времени осетины пользовались подколенными подвязками для предупреждения сползания голенищ кожаных сапогов или ноговиц. Сейчас этот способ подвязывания подколенных ремешков можно наблюдать только на костюмах танцоров осетинских ансамблей.

Быт алан, их способы ношения одежды и прочие детали, безусловно, были известны предкам англичан, ибо аланы достаточно ярко проявили себя в политических событиях раннесредневековой Европы, в том числе и на Альбионе. Об этом ярко сказано в исследовании Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства», в книге Говарда Рида «Артур – король драконов», в труде К. Скотт

Литлтона и Линды А. Малкор «От скифии до Камелота» и в недавно опубликованном пространном исследовании А. А. Туаллагова «Меч и фандыр (Артуриана и нартовский эпос осетин)».

Не случайно Орден Подвязки связывают с рыцарями Круглого стола короля Артура. Видимо и в середине XIV века, когда учредили этот Орден, была еще жива память об этих рыцарях, которых современные исследователи, перечисленные выше, связывают с аланским присутствием в ранне- и средневековой Англии. Не случайна также и связь Ордена с образом Св. Георгия, ибо с именем этого божества – Уастырджи, аланы и осетины шли в бой.

Из сказанного следует, что английский Орден Подвязки своими корнями уходит в сармато-аланский мир.

Литература

1. История Ордена Подвязки // http://factsabout.ru/istorya-ordena-podvyazki/

2. Орден Подвязки (Order of Garter) //http://mirmystic/com/forum/viewtopic/php?p=12378

3. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

4. Рид Г. Артур – король драконов. М., 2006.

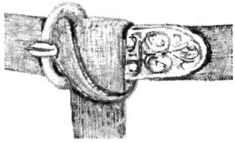
5. Литлтон К. Скотт, Малкор Линда А. От Скифии до Камелота. М., 2007.

6. Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ, 2011.

Сборник к 60-летию со дня рождения В. С. Уарзиати. Владикавказ, 2014. С. 127-132.

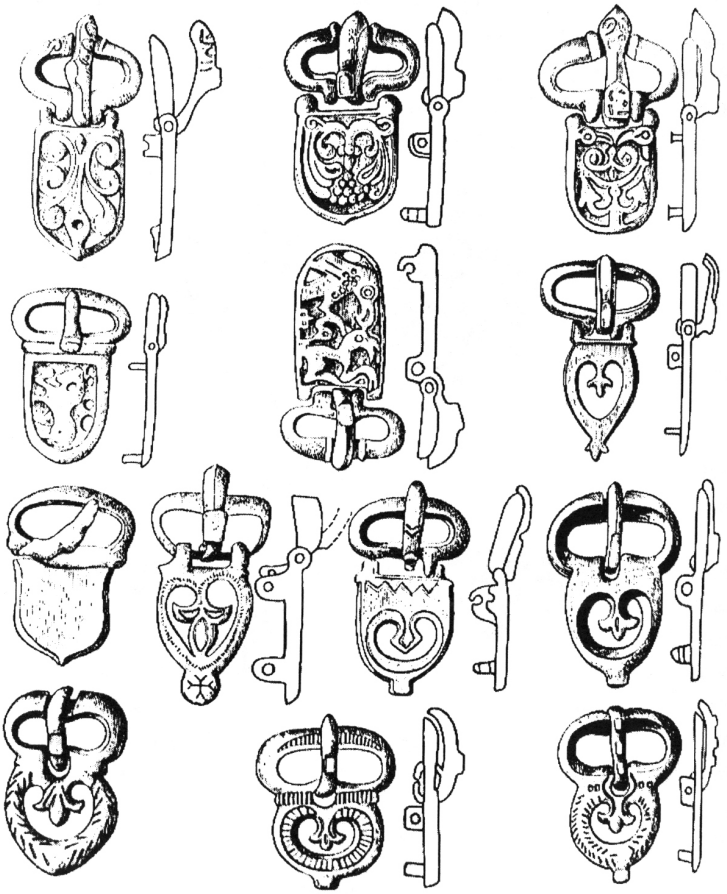
1. Орден подвязки

2. Лента ордена



3. Аланский пояс

4. Подколенный ремешок



5. Пряжки аланских поясов

СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ И ВСАДНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАРГАВССКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА)

Плиты Гришы фыртты –
Лёва æмæ Аланы
рухс нæмттæ дзы ары автор

Введение

Даргавсский катакомбный могильник, раскапываемый с 1993 года (из-за отсутствия средств раскопки не производились в течение трех лет – с 1996 по 1998 гг.), дал значительный подъемный материал, с различных сторон характеризующий быт, культуру и обряды местного аланского населения VI-IX вв.

Среди различных категорий артефактов – сосудов, орудий труда, оружия, украшений, амулетов и пр. – особое место занимают предметы, относящиеся к снаряжению коня и всадника.

Экипировка всадника и его боевого коня занимали важное место в повседневном быту воинского аланского населения. Боевой конь был надежным сподвижником воина-всадника и, по всей вероятности, был окружен особой заботой и попечением. Его украшали согласно статуту хозяина. Ему же приходилось напоследок сопровождать своего седока в загробном путешествии, т.е. конь всегда должен был быть рядом с хозяином-всадником – и при жизни, и после смерти. Судя по количеству обнаруженных конских захоронений (9 конских захоронений на 53 катакомбы, а в катакомбах иногда по несколько мужчин-воинов), не все всадники удостаивались высокой чести – погребения с ним (рядом) его коня.

Надо отметить, что конские погребения во время раскопок обнаруживались случайно – при вскрытии грунта и расширении площади раскопа от основного погребального сооружения, т.е. катакомбы.

Из результатов раскопок следует, что погребение коня происходило в специально вырытой для этого погребальной камере-могиле. Обычно эта погребальная яма вытянутой формы была параллельна дромосам катакомб, т.е. головами кони были ориентированы снизу вверх, т.е. к вершине холма или склона, тогда как погребенные в катакомбах всадники располагались или укладывались перпендикулярно к дромосу (за исключением боковых катакомб, при гнездообразном или крестообразно сооруженным катакомбам с общей могильной ямой – дромосом).

Судя по расположению костяка коня, захоронение его производилось в прямоугольной яме – могиле. Животное, вероятно, предварительно умерщвлялось и его с подогнутыми ногами укладывали в эту могилу. Иногда яма-могила была двухуровневой, т.е. голова животного покоилась на более возвышенном уступе, а туша – в углубленной части.

Предметы конского снаряжения – удила, стремена и пр. редко оказывались с костяком животного. Чаще они располагались в специальной нише, рядом – слева или справа от головы коня (табл. IV, V). В одном случае предметы конского снаряжения – седло, стремена, удила, бляхи-подвески и др. – были обнаружены в боковой нише стенки дромоса катакомбы №1 без конского костяка. К сожалению, нам пока не удалось зафиксировать точную связь костяка лошади с тем или иным погребенным, т.е. мы не можем указать однозначно, что тот или иной конь был предназначен какому-либо определенному покойнику. Это связано с тем, что, во первых, в катакомбах бывает по нескольку костяков, а, во-вторых, потому, что конские захоронения располагаются между катакомбами как бы в

нейтральном положении. Так что соотносить погребения коней и определенных всадников можно только с большой натяжкой. Кроме того, костяки в катакомбах часто бывают перемешаны, что также препятствует установлению искомых связей.

Говоря о снаряжении коня, следует отметить, что его предметы или составляющие конское убранство прошли довольно внушительную историю развития и становления. Как замечает В. Б. Ковалевская, «…многие поворотные моменты (цивилизации) прямо или косвенно связаны с появлениям коня» (1, с. 3.).

Снаряжение коня

Не углубляясь в историю происхождения коня, времени его приручения и использования, можно лишь отметить, что у предков осетин – скифов и сарматов – конь играл важную роль, т.е. на протяжении тысячелетий Кавказ и прилегающие к нему территории были своеобразным полигоном как для разведения лошадей, так и для интенсивного его применения в различных областях деятельности, и в первую очередь в военном отношении. Так что конь в жизни алан занимал весьма важное положение. С течением времени модернизировались все детали конского снаряжения VI-IX веков, а это время функционирования Даргавсского могильника, когда уже широко применялись и седла и стремена, хорошо прослеживаются на материалах из раскопанных нами погребений. Приведем описание предметов конского снаряжения.

Оголовье

«Оголовье состоит из соединенных между собой ремней, цель которых – так укрепить удила, чтобы лошадь не могла их сбросить во время движения» (1, с. 15).

К сожалению, целых оголовий в Даргавсском катакомбном могильнике не сохранилось: они истлели, но не полностью. Сохранились только обрывки кожаных ремней с крупными и мелкими бляшками на них. Здесь следует иметь в виду, что сохранившиеся фрагменты оголовий и прочих предметов конского снаряжения, как правило, остатки парадного убранства, и потому на них имеются бляшки и прочие украшения. Так что, говоря в дальнейшем об оголовье, седлах, привесках, начельниках и пр., мы располагаем только парадными экземплярами. Что касается пряжек, удил и стремян, то они, надо полагать, были идентичны как для парадного убранства, так и для повседневно-боевого.

Ремни оголовья украшены прикрепленными по всей поверхности небольшими (диаметр 0,6 см) металлическими (серебряными или бронзовыми) кружочками. Крепление производилось при помощи небольшого штифтика. Бляшки-кружочки располагались на плоскости ремня равномерно. Места соединения ремней скреплены более крупными бляшками (2–3,5 см), так же крепившиеся при помощи штифтов. Кроме круглых гладких бляшек встречаются и фигурные бляшки – тисненные на матрице в виде розеток, выпуклин, крестообразные.

Удила

Оголовье связано с удилами. Их в нашем собрании пять экземпляров. Они обычно двусоставные, соединенные подвижно. Изготавливались из железных стержней с колечками на концах. В колечки продевались псалии, которые, в свою очередь, имели в середине петли, соединявшие их как с удилами, так и с поводьями. Псалии служили для фиксации удил во рту лошади.

1. Железные удила с псалиями (табл. XII, 1) найдены в

катакомбе 1. Грызло состоит из двух звеньев, соединенных колечками. Длина звена – 75 мм, диаметр колечек – 21 мм. Удила проржавлены и потому места соединения с псалиями плохо прослеживаются. У прямых псалий с наружной стороны – кольца из стрежня круглого сечения. Диаметр колец – 42 мм. Высота псалий – 142 мм.

Железные псалии имеют бронзовые наконечники с округлым в виде почек завершением. Корпус наконечника имеет нарезные желобки в виде косой ленты.

2. Железные удила из двух звеньев с псалиями (кат. 28). Псалии прямые с округло-заостренными концами. Ширина удил – 170 мм, высота псалии – 127 мм (табл. XIII). Звено грызла соединяется с другим звеном при помощи колец. С наружной стороны звено грызла снабжено двумя попеременными кольцами: одно на другом. В последнее продето колечко в 23 мм диаметром, к которому и крепились поводья. Псалии в срединной части имеют прямоугольный выступ высотой в 19 мм и шириной в 25 мм. В выступе два продолговатых отверстия: одно для крепления колечка звена грызла, второе свободное.

3. Железные удила с псалиями (табл. XIV, 1) найдены в конском захоронении 2000 г.

Удила двухзвенные с двумя кольцами на концах: одно кольцо для продевания псалия, а другое – для соединения с поводом. Прямые псалии, изготовленные из круглого стержня, в середине утолщаются. Непонятно их фиксирование в колечках концов удил. Длина звена – 93 мм; высота псалий – 141 мм.

С удилами найдены два кольца с обхватывающими их концами ремней оголовья. На связь их с оголовьем указывают следы от крепления бляшек, украшавших ремни оголовья. Вместе с ними найдено еще одно бронзовое кольцо, (табл. XIV, 4-6).

4. Железные удила с псалиями, плохой сохранности

(табл. XV, 3). Размеры звеньев грызла – по 78 мм. Концы звеньев – с двумя расположенными перпендикулярно друг над другом кольцами. Ближнее к звену кольцо – для продевания псалия, а дальнее – для кольца, размер которого 22 мм в диаметре. Одна псалия проржавела до конца, вторая сохранилась, но тоже не полностью.

Псалии посередине имеют уступчатый выступ. На выступе два подпрямоугольных выреза, один над другим.

5. Железные удила с прямыми псалиями (табл. XVI) (из конского захоронения 2004 года) сильно проржавевшие, но общую конфигурацию и соединения частей можно проследить. Два звена грызла соединены кольцами (кольца – загнутые концы), наружные оконечности звеньев – два перпендикулярно расположенных одно над другим кольца. В первом кольце укреплено отверстие псалия, а во втором, наружном кольце, крупное колечко для крепления поводьев. Таким образом удила состоят из шести деталей: два звена, два псалия, два колечка, т.е. шестиэлементные. При этом псалии прямые, с закругленными концами, с прямоугольными выступами в срединной части. Надо полагать, что кроме отверстия для крепления с крайним кольцом звена грызла на выступе псалия было еще и одно прямоугольное отверстие – вырез, но из-за проржавленности оно не наблюдается.

Кроме удил в уздечном наборе иногда присутствуют так называемые начельники. Чаще они входят в парадный комплект, хотя, возможно, они и несут определенный защитный характер, ибо предохраняют наиболее слабую часть конского черепа. Обычно крепятся с четырех сторон к ремням оголовья. Бывают круглыми, с вырезами по бокам (у ушей?).

На Даргавсском катакомбном могильнике найдено три начельника – серебряный, бронзовый и бронзовый с позолотой.

1. Серебряный пластинчатый начельник двусоставный т.е. состоит из круглой сферической пластины и вертикально прикрепленного цилиндрика. Цилиндрик крепится к основанию восьмью заклепками. Поверхность цилиндрика имеет три выпуклых опоясывающих корпус валика. Между валиками и под ободком нанесены чеканом мелкие кружочки. По краям начельника укреплены заклепками семь восьмилепестковых бронзовых розеток (одна розетка утеряна). Такие же розетки, но с большим числом лепестков (до четырнадцати), отмечены на фрагментах ремней оголовья. Диаметр основания начельника – 147 мм, высота – 76 мм (табл. VIII, 1).

2. Начельник бронзовый из конского захоронения 2000 года. Двусоставный – состоит из конического основания и трубочки – цилиндра с валиком в верхней части. Трубочка – цилиндрик крепится к корпусу основания припоем. Основание начельника по обе стороны имеет полукруглые вырезы, что выше мы отметили как для ушей коня. Края основания украшены выпуклинами, выбитым чеканом с оборотной стороны. Диаметр основания – 120 мм, глубина выреза – 16 мм, высота начельника – 103 мм (табл. XX, 1).

3. Бронзовый начельник из ниши конского захоронения 2004 года. На корпусе сохранились следы позолоты. Вертикально стоящая трубочка крепится к основанию четырьмя заклепками. Корпус трубочки стянут в средней части и потому верхняя часть несколько воронкообразна. Основание начельника усеченно-конической формы. Края – фигурные: в верху – полукруглый выступ с отверстием, внизу – трехчастный выступ. На корпусе основания, сверху и снизу, по три круглых выреза. Нижние вырезы осложнены дополнительными мелкими вырезами в верхней части кружочка. По краям основания, по краям круглых вырезов, по нижнему и верхнему краю трубочки пуансо-

ном нанесены мелкие кружочки. Основание в плане имеет – высоту 114 мм, ширину – 79 мм, высота начельника – 50 мм (табл. XXII, 1).

Среди предметов парадного снаряжения коня привлекает внимание ажурная нагрудная бляха из комплекса конского захоронения 2004 года. Бляха изготовлена из листовой бронзы, позолочена. На бляхе пять вырезов: сверху и снизу круглые, слева и справа бабочковидные, а в центре – крестообразное или летящей вниз птицы с раздвоенным «хвостом». В углах крестообразного выреза – четыре «шишечки» – выступа, такие же выступы – «шишечки» по обеим сторонам, слева и справа, от круглых вырезов, слева от левого бабочкообразного выреза и справа – от правого бабочкообразного выреза. В верхней части бляхи в двух выступах – «шишечках» – заклепки, коими бляха крепилась к кожаному ремню. Вырезы по краям украшены пуансоном (табл. XXII, 2). В целом бляха представляет довольно изысканное изделие, вместе с другими деталями безусловно украшавшие коня.

Особое место занимают подвесные бляхи, в большом количестве прикрепленные к специальному ремню, который горизонтально укреплялся вдоль туловища – от груди через боковые части седла, до подхвостного ремня, так, что бляхи висели по обеим сторонам впереди седла и по обеим сторонам крупа. Изготовлены из листового металла – серебра, бронзы.

1. Бляха из тайника дромоса катакомбы №1 изготовлена из серебряной пластинки, в виде круга, но низ несколько заострен. Бляха крепилась к ремню двумя ремешками (не сохранились) при помощи заклепок. Головки заклепок бронзовые, фигурные, в виде сидящего со скрещенными ногами человечка и со скрещенными на груди руками. На плоскости бляхи изображение неоседланной лошади. Фигура животного выбита чеканом с обратной стороны

и подправлена острым предметом (грива нанесена зубилом). Изображение коня позолочено. Высота бляхи – 112 мм; ширина – 106 мм (табл. VIII, 2).

2. Бляха из того же тайника и тоже из серебряной пластинки. Крепится к кожаному ремню (сохранился фрагмент) при помощи двух соединенных общей осью бронзовых пряжек. Пряжки орнаментированы неясным орнаментом. Соединяются пряжки с ремнем и бляхой при помощи штифтов-заклепок. По форме бляха круглая. На бляхе изображение животного – козла или барана. Как и изображение лошади выбито с обратной стороны чеканом. Так же как и изображение лошади – позолочено. Диаметр круга – 86 мм (табл. VIII, 3).

3. Бляха из того же тайника, так же из серебра, но по форме – в виде перевернутой капли, т.е. заострена внизу. В середине вырез такой же каплеобразный, как сама бляха. В верхней части выреза двумя миниатюрными заклепочками прикреплено колечко, в которое продето ушко бронзового бубенчика, спаянного из двух полусфер. Бляха крепилась к ремню при помощи петелек с общей осью. Нижняя часть однопетельчатая, а верхняя – двухпетельчатая. Нижняя пряжка имеет фигурно-ромбовидную форму и крепится к бляхе при помощи заклепки с полукруглой головкой, а верхняя пряжка имеет двустворчатую полуовальную форму и крепится к кожаному ремешку при помощи сквозных заклепок.

Высота бляхи – 81 мм; ширина – 70 мм; размеры выреза: ширина – 22 мм; высота – 28 мм. Диаметр подвесного бубенчика – 14 мм.

На ремешке, выше пряжки, укреплена бронзовая фигурка человечка со скрещенными ногами и руками, аналогичная фигуркам первой бляхи (табл. VIII, 4).

4. Круглая бляха из того же тайника, с двумя подвесными ремешками, с каплевидным вырезом и с укрепленным

в нем на петельке бубенчиком. Ремешки прикреплены к бляхе при помощи заклепок, наружные части которых оформлены в виде бронзовых фигурок человечков со скрещенными ногами и руками. Такие же фигурки имеются на ремешках бляхи. Диаметр бляхи – 101 мм, ширина выреза – 22 мм, высота – 25 мм, диаметр бубенчика – 15 мм (табл. VIII, 6).

5. Круглая серебряная бляха из того же тайника крепилась к ремню посредством ремешка с миниатюрной двурамчатой пряжкой. На конце ремешка – миниатюрный язычок с растительным орнаментом. Ремешок крепился сверху к особой пряжке, в прорезь которого проходил ремешок. Пряжка полуовальной формы, орнаментированная рельефными кружочками и полосами. Пряжка эта в свою очередь крепилась к ремню при помощи заклепок-штрифтов. Диаметр бляхи – 126 мм (табл. VIII, 7).

6. Круглая серебряная бляха с десятью мелкими отверстиями. Неизвестно, как крепилась к ремню. Возможно посредством заклепок через упомянутые отверстия. Диаметр бляхи – 53 мм (табл. VIII, 8).

7. Круглая бронзовая бляха из конского захоронения 2000 года по краям украшена мелким пуансоном. К ремню крепилась при помощи узеньких кожаных полосок, продетых в отверстия, выбитых в двух местах в верхней части бляхи. Диаметр – 61 мм (табл. XXI, 1-3).

8. Каплевидная по форме бронзовая бляха из того же конского захоронения. По краям украшена рельефными шишечками. Нижняя часть по краям украшена пуансоном, а в уголке – крупной «шишечкой». Высота – 72 м., ширина – 64 мм (табл. XXI, 4-6).

9. Каплевидная по форме бронзовая бляха, из того же конского захоронения, значительно меньшего размера, нежели предыдущая. Края бляхи украшены пуансоном. Пуансоном выбито изображение кружочка и «стрелки»,

направленной вниз. Посреди пуансонного кружочка – выбитая с оборотной стороны шишечка. Высота – 43 мм, ширина – 36 мм (табл. XXI, 7-10).

10. Бронзовая с позолотой бляха из конского захоронения 2004 г. с двумя отверстиями для продевания узких полосок кожи, служащих креплению бляхи к ремню. В срединной части бляхи сделан круглый вырез, усложненный в нижней части выемкой.

Низ бляхи имеет три заостренных выступа, а сверху два круглых выреза. Между круглыми вырезами и по обе стороны от них – выбитые с оборотной стороны «шишечки». Вокруг вырезов и заостренных выступов – пуансон. Высота – 61 мм, ширина – 72 мм (табл. XXII, 3).

11. Круглая бронзовая с позолотой бляха из того же конского захоронения с двумя отверстиями в верхней части. Отверстия пробиты в «шишечках». Диаметр – 73 мм (табл. XXII, 7).

12. Листовидная бронзовая бляха с круглым вырезом в середине и пробитой дырочкой в верхней части. Обнаружена рядом с конским захоронением 2004 г. Высота – 57 мм, ширина – 36 мм (табл. XXII, 4).

13. Круглая серебряная бляшка. Крепится к ремню тремя заклепками. Диаметр – 27 мм (табл. XXII, 5).

Бубенчики

Среди остатков конской сбруи часто встречаются бронзовые бубенчики округлой формы, изготовленные из тонкого металлического листа. Бубенчики чаще всего состоят из двух спаянных полусфер. В нижней делался вырез для распространения звука. Внутри помещался металлический шарик. Подвешивался бубенчик при помощи прямоугольной или круглой петли, которая изготавливалась из расплющенной проволоки. Концы петли вставлялись в

отверстие верхней половинки бубенчика, там они раздвигались в разные стороны и прикреплялись к корпусу бубенчика. Наряду с бубенчиками, изготовленными из двух полусфер, встречаются и цельнолитые бубенчики.

1. Бронзовый бубенчик с утерянной петлей для подвешивания. Спаян из двух полусфер диаметром – 28 мм (табл. XII, 3).

2. Бронзовый бубенчик с прямоугольной плоской петлей для подвешивания. Спаян из двух полусфер. Высота бубенчика с петлей – 28 мм, диаметр корпуса – 26 мм (табл. XXIII, 1).

3. Бронзовый бубенчик с прямоугольной петлей. Бубенчик спаян из двух полусфер. На стыке – рельефный ободок. Высота бубенчика с петлей – 26 мм, диаметр – 24 мм (табл. XXIII, 2).

4. Бронзовый бубенчик с прямоугольной петлей из полоски металла. Бубенчик спаян из двух полусфер. Высота бубенчика – 31 мм, диаметр – 27 мм (табл. XXXV, 1).

5. Бронзовый бубенчик с круглой петлей (поврежден). Спаян из двух полусфер. Высота с петлей – 30 мм, диаметр – 23 мм (табл. XXXV, 12).

6. Бронзовый литой бубенчик со слабо выраженной цельнолитой петлей. Высота бубенчика с петлей – 31 мм, диаметр – 28 мм (табл. XXV, 13).

7. Бронзовый бубенчик, цельнолитой с прямоугольной петлей. Высота с петлей – 29 мм, диаметр – 28 мм (табл. XXXV, 14).

8. Бронзовый бубенчик цельнолитой с круглой петлей. Выше середины – три желобчатых пояска. На нижней части – вертикальные каннелюры. Высота бубенчика с петлей – 43 мм, диаметр – 32 мм (табл. XXXVI, 7).

Стремена

Особым компонентом конской сбруи являются стремена. Нами собрано шесть видов стремян. Почти все они парные, но есть и одиночные экземпляры. Изготовлялись из железа, т.е. кованые. Один экземпляр – деревянный.

1. Железное стремя с высоким ушком для продевания ремня. Прорезь в ушке прямоугольной формы. Подножка гладкая сверху и желобчатая снаружи. Для облегчения в подножке имеются треугольные и круглые вырезы. Сечение подножки сложное – с продольными полосами – ребрами прочности. Высота – 215 мм, длина подножки – 128 мм, ширина – 39 мм (табл. XIX).

2. Железное стремя, сильно фрагментированное. Подножка желобчатая с ребрами прочности. Высота около 180 мм, длина ступеньки около 100 мм, ширина – 26 мм (табл. XVII).

3. Железное стремя, частично поврежденное ржавчиной. Петля для подвешивания высокая, прорезь для продевания ремня – горизонтальный прямоугольник.

Подножка – с ребрами прочности. Между валиками – треугольные вырезы. Такие же вырезы на боковых, закругленных частях подножки. Высота стремени – 194 мм, длина подножки – 104 мм, ширина – 41 мм (табл. XVIII).

4. Железное стремя округлой формы и высокой, с «шейкой», петлей. Подножка покатая, видимо предназначавшаяся для обуви с мягкой подошвой. Высота – 180 мм, ширина стремени – 119 мм, ширина подножки – 42 мм (табл. XV, 1).

5. Железные стремена округлой формы с низкой петлей для подвешивания. Горизонтальная прорезь для ремня – подпрямоугольной формы. Боковые части стремян граненые, в сечении ромбовидной формы. Подножка сверху гладкая, а снизу – с ребрами прочности. Высота

стремени – 119 мм, ширина – 118 мм, ширина подножки – 31 мм (табл. XIII, 1,2).

6. Деревянное стремя, выточенное из цельного куска дерева. Подножка не сохранилась. Высота сохранившейся части стремени – 154 мм, ширина – 89 мм (табл. XXXVI, 8).

Пряжки

Найденные на могильнике крупные железные пряжки, по всей вероятности, относятся к конскому снаряжению, а точнее, к подпружным ремням. По форме бывают овальнорамчатые и прямоугольнорамчатые. Из-за коррозии они часто фрагментированы.

1. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 46 мм, ширина – 56 мм (табл. X, 1).

2. Овальнорамчатая пряжка. Часть рамки утеряна. Ширина – около 60 мм, длина язычка – 68 мм (табл. X, 2).

3. Овальнорамчатая пряжка. Рамка и язычок фрагментированы. Высота – около 45 мм, ширина – 32 мм (табл. X, 3).

4. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 50 мм, ширина – 52 мм (табл. XIII, 4).

5. Овальнорамчатая пряжка. Части рамки и язычка утеряны. Высота – около 45 мм, ширина – около 47 мм (табл. X, 5).

6. Овальнорамчатая пряжка. Корпус и язычок уплощены. Высота – 47 мм, ширина – 54 мм (табл. X, 6).

7. Овальнорамчатая пряжка. Высота – 37 мм, ширина – 30 мм (табл. X, 7).

8. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 50 мм, ширина – 47 мм (табл. X, 8).

9. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 43 мм, ширина – 34 мм (табл. X, 9).

10. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 46 мм, ширина – 39 мм (табл. X, 10).

11. Прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 37 мм, ширина также – 37 мм (табл. X, 11).

Кольца упряжи

Среди предметов конского снаряжения обнаруживаются кольца, выкованные из железа или литые бронзовые, разного диаметра. Крупные, возможно, служили для коновязи или для содержания на длинной веревке во время выпаса, а мелкие, скорее всего, были частями оголовья, тем более что на них сохранились части ремней, на которых сохранились следы от прикрепленных круглых бляшек.

1. Железное кольцо со следами истлевшей кожи. Диаметр кольца – 32 мм, диаметр прута, из которого изготовили кольцо, – 6 мм (табл. X, 12).

2. Железное кольцо с остатками кожаных ремней. Диаметр кольца – 34 мм, диаметр прута – 9 мм (табл. X, 13).

3. Железное кольцо, изготовленное из крупного прута с заостренными концами, которые сходятся один за другим. Диаметр кольца – 68 мм, диаметр прута – 9 мм (табл. X, 14).

4. Железное кольцо, выкованное из круглого прута. Диаметр – 62 мм, диаметр прута – 7 мм (табл. X, 15).

5. Бронзовое кольцо с фрагментами кожаных ремней. Диаметр кольца – 34 мм, диаметр прута – 6 мм (табл. X, 16).

Седла

Центральным элементом конского снаряжения, безусловно, является седло. Седла в катакомбах обнаруживаются чрезвычайно редко, да и то плохой сохранности. В Даргавсском катакомбном могильнике найдено два седла. Одно в нише дромоса катакомбы №1 и другое в нише конского захоронения полевого сезона 2000 года.

1. Седло деревянное. Сохранились (фрагментарно) только луки и ленчики (табл. VI, VII). Овальные края лук украшены обоймицами из двойной серебряной проволоки. Края обоймиц уплощены в кружочки, сквозь которые пробиты миниатюрные гвоздики с полусферической головкой. Этими гвоздиками обоймицы крепились к краям лук с обеих сторон (табл. VI, 3).

Луки были обтянуты тонкой кожей, края ее крепились к луке так же гвоздиками, которые не сохранились: от них остались только дырочки на обеих сторонах оснований лук.

На передней луке было не менее 45 обоймиц, расположенных на расстоянии друг от друга примерно на 1,5-2 см. На таком же примерно расстоянии находятся и отверстия от гвоздиков кожаной обтяжки лук (табл. VI).

Так как луки были укреплены на седле под углом, то верхняя сторона была украшена фигурными аппликациями из листового серебра. На нижней стороне украшений нет.

В срединной части передней луки располагалась замысловатая фигура с двумя рожками наверху и стремевидным основанием внизу. Соединяющая верх и низ фигуры центральная вертикальная полоса усложнена тремя отходящими в обе стороны полосами – ветвями, загнутыми вниз. Концы первых двух верхних полос оформлены в виде ажурных треугольников, а концы двух нижних пар полос – в виде крестиков с заостренными наконечниками. Как было отмечено выше, фигура вырезана из листового серебра, а поле фигуры украшено мелкими кружочками, выбитыми чеканом. Фигура крепилась к луке мелкими бронзовыми гвоздиками.

По обе стороны от центральной фигуры симметрично расположены две одинаковые фигуры более упрощенного вида в виде вертикальной полосы с двумя парами, горизонтально отходящими от нее и загибающимися вниз

узкими полосками, заканчивающиеся ажурными ромбиками. Сверху и снизу – стремевидные окончания центральной вертикальной полосы. И эти фигурки также крепятся к луке бронзовыми гвоздиками (табл. VI, 1).

Точно такая же фигура, как и эти две парные передней луки, имеется на верхней стороне задней луки. Только концы боковых загнутых полос оформлены не в виде ромбиков, а в виде крестиков с заостренными наконечниками, подобно тем, которые имеются на центральной фигуре передней луки. Кроме того задняя лука также украшена обоймицами из двойной проволоки в количестве 33 штук (табл. VI, 4).

Ленчики седла также плохой сохранности. Однако и на них сохранились обоймицы из двойной серебряной проволоки и так же, как и на луках, укреплены бронзовыми гвоздиками. Но, в отличие от лук, обоймицы имеются на передних и задних закругленных концах ленчиков. По всей вероятности, концы ленчиков не были скрыты ни седельной подушкой, ничем иным, а скрытую часть предпочли не украшать. На передних и задних концах ленчиков укреплены прямоугольные, с прямоугольным вырезом, серебряные пластинки. На правом ленчике, в задней части, была укреплена круглая серебряная бляшка с рельефным крестом (табл. XXXVII, 8). Возможно, такие же бляхи были и на других частях ленчика, тем более что две таковые были обнаружены при расчистке ниши, где находилось седло.

Судя даже по сохранившимся фрагментам, седло было довольно эффектным и вряд ли принадлежало рядовому всаднику.

Фрагменты еще одного седла – луки – были украшены стилизованными конскими головками в качестве обоймиц, изготовленные из серебра (табл. XXIII, 18-22). Заканчивая описание предметов конского снаряжения, следует отметить, что ими вряд-ли ограничивалась экипировка

боевого коня. До нас не дошли вещи, изготовленные из кожи, дерева и других материалов. Кроме того, среди предметов, обнаруживаемых при конских захоронениях, есть фрагменты металлических изделий, подвергшихся сильной коррозии и первоначальный облик которых никак не реконструируется. Остается надеяться, что при дальнейшей работе на могильнике удастся найти слабо тронутые коррозией металлические (железные) предметы и по аналогии с ними можно будет реально квалифицировать ранее найденные непонятные фрагменты.

Экипировка всадника

Номенклатура предметов экипировки аланского всадника включает сабли, ножи, луки, стрелы, копья, булавы, арканы, плети, кольчуги, щиты. Из этого списка в Даргавсском могильнике найдены – сабли, ножи, колчанные крюки и петли, наконечники стрел, древки стрел, копья, топоры, фрагмент кольчуги. Что касается предметов, изготовляемых из органических материалов (арканы, плети, веревки), то они не сохранились. Нет в материалах из Даргавса и булав. Во всяком случае пока не обнаружены. Из специальных «дорожных» предметов следует упомянуть чаши-черпаки и разборные столики – фынги. Брали с собой всадники в поход, вероятно, и оселки, туалетные наборы, приспособления для добывания огня – кресала и пр. Непременными были и пояса: на них привешивались сабли, ножи. Наборные пояса с пряжками и язычками были не только утилитарными предметами, но и маркирующими т.е. указывавшие на место владельца в иерархии аланского общества, т.е. своеобразными знаками различия.

Описание предметов снаряжения всадника начинаем с сабель – этого типично всаднического вида оружия.

Сабли

Железная сабля (из катакомбы №1) с прямым перекрестием (края округлые) и заостренным черенком. Рукоять была, видимо, деревянной. Дол односторонней заточки. Загнутая часть клинка обоюдоострая. Длина сабли – 93 см, черенка – 7,5 см, ширина клинка – 2,6 см (табл. XXIV, 1).

2. Железная сабля (пять фрагментов) из катакомбы №16. Перекрестие непонятной формы. Можно отметить только одностороннюю заточку. Рядом находился фрагмент наконечника ножен, железный. Общая длина фрагментов сабли – 74 см, ширина – 28 см (табл. XXIV, 2).

3. Железная сабля с шариками на концах перекрестия. Деревянные ножны и рукоять не сохранились, но найдены железный колпачок рукояти и железный наконечник ножен. Дол клинка сабли прямой, конец загнут. Сабля – односторонней заточки, но загнутый конец – обоюдоострый. От ножен сохранились и две железные скобы – петли для подвешивания к поясу или портупее. Общая длина сабли – 89 см, ширина клинка – 33 см (табл. XXIV, 3).

4. Железная сабля с прямым перекрестием (один конец перекрестия утерян) из катакомбы №38. Клинок прямой, черенок несколько наклонен в сторону лезвия. Деревянная рукоять (не сохранилась) крепилась к черенку гвоздеобразной заклепкой. Клинок сабли односторонней заточки, конец – обоюдоострый. Длина клинка – 69 см, черенка – 6 см, ширина клинка – 2,6 см (табл. XXIV, 6).

5. Железная сабля с бронзовым прямым перекрестием. На круглых концах перекрестия – крестообразные желобки. В середине перекрестия выгравирована фигура в виде креста с заостренными концами. Деревянные ножны сохранились фрагментарно. Ножны были снабжены двумя скобообразными петлями. Конец сабли двусторонней заточки. Сохранился железный наконечник ножен. Длина

клинка сабли – 74 см, рукояти – 7 см, ширина клинка около 2,8 см (табл. XXIV, 5).

6. Железная изогнутая сабля с прямым перекрестием из катакомбы №17. Клинок односторонней заточки. Конец сабли (примерно пятая часть клинка) – обоюдоострый. Длина сабли – 96 см, ширина клинка – около 3 см, от ножен сохранился железный наконечник в виде сплюснутого цилиндрика (табл. XXIV, 8).

7. Железная сабля с прямым клинком и дуговидным перекрестием с шаровидными концами. Часть рукояти утеряна. Сохранилось полукругло-уплощенное навершие. Длина клинка (кончик утерян) – 73 см, длина рукояти с навершием – 13-14 см; ширина клинка – 3,6 см (табл. XXIV, 9).

8. Железная сабля с прямым перекрестием и прямым клинком из катакомбы №39. Клинок фрагментирован. Все изделие сильно коррозировано. Клинок односторонней заточки, конец – обоюдоострый. Черенок не сохранился. Длина клинка – 85 см, ширина клинка – 2,6 см (табл. XXIV, 7).

9. Железная сабля с прямым перекрестием с шариками на концах из катакомбы №32. Кончик сабли утерян. Черенок рукояти имеет небольшой наклон в сторону лезвия. Деревянная рукоять сабли не сохранилась. Клинок сабли прямой. Конец сабли (примерно четвертая часть клинка) обоюдоострой заточки, а остальная часть – односторонней заточки. Длина клинка – 74 см, рукояти – 7 см, ширина клинка – 28 см (табл. XXIV, 4).

Все найденные сабли однолезвийные, в основном с прямым клинком, но есть и изогнутые. Концы сабель – двусторонней заточки, что предполагает их использование не только как рубящее оружие, но и колющее. Сабли подвешивались посредством продевания ремней в скобы-петли, крепившихся на ножнах. Сабли висели лезвиями клинков вниз, а не вверх, как у шашек. Руку всадника надежно прикрывало перекрестие. Деревянные ножны

сабель снабжались железными наконечниками. Все они однотипные – сплюснутый полый цилиндрик. Различаются наконечники только размерами. Для улучшения боевых качеств оружия рукояти сабель были под углом к корпусу клинка. VIII-IX века – это время широкого распространения сабель. Это период, когда не все сабли выковывались кривыми. Это новшество, (т.е. кривизна) не получило еще достаточно широкого распространения. Позже будут встречаться только кривые сабли. Поэтому в Даргавсских катакомбах обнаруживаются и кривые, и прямые сабли.

Ножи

Непременным атрибутом не только всадника, но и мужчины был нож. Ножи, найденные нами в Даргавсских катакомбах, отличаются друг от друга только размерами. Все они черешковые, т.е. деревянная ручка насаживалась на заостренный черешок. Все они однолезвийные, в деревянных и металлических ножнах, носились на поясе. Среди ножей четыре экземпляра парные: в одних ножнах – два ножа, вложенных лезвиями в разные стороны. Такие парные ножи считаются метательными (2, с. 22-26).

1. Железный нож с остатками деревянных ножен. Длина – 11,7 см, ширина лезвия – 0,8 см (табл. XXV, 1).

2. Железный нож. Длина – 10,2 см, ширина лезвия – 1,3 см (табл. XXV, 2).

3. Железный нож с остатками истлевших деревянных ножен. Длина – 9 см, ширина лезвия – 1,2 см (табл. XXV, 3).

4. Железный нож с остатками деревянной ручки. Спинка ножа незначительно выгнута. Длина – 9,1 см, ширина лезвия – 1,1 см (табл. XXV, 4).

5. Железный нож с длинным черешком. Общая длина – 7,9 см. Длина черешка – 3 см, ширина лезвия – 0,8 см (табл. XXV, 5).

6. Железный нож. Конец лезвия утерян. Длина около 10 см, ширина лезвия – 1,3 см (табл. XXV, 6).

7. Железный нож с остатками деревянных ножен. Причем нож входил в ножны с частью ручки. Длина – 16 см, ширина лезвия – 1,8 см (табл. XXV, 7).

8. Фрагмент ножен для парных ножей из листового серебра. Узкие грани ножен имеют продольный желобок. Наконечник ножен – две спаянные полусферы с вертикальными каннелюрами. Длина фрагмента – 13 см, диаметр шаровидного наконечника – 1,9 см (табл. XXV, 8).

9. Фрагмент деревянных ножен парных ножей с витой пластинчатой обмоткой и уплощенным наконечником. Обмотка и наконечник – из листового серебра. На нижнем конце наконечника – отверстия для заклепки, скреплявшей наконечник с деревянной основой ножен. Деревянные ножны выше наконечника, на гранях имеются вертикальные желобки, указывающие на два самостоятельных паза для вкладывания ножей. Длина фрагмента – 14,3 см, ширина обвивающей полоски металла – 0,4 см, высота наконечника – 5 см, ширина – 0,8 см (табл. XXV, 9).

10. Деревянные ножны двойных ножей с бронзовым наконечником. Трубчатый наконечник на гранях имеет вертикальные желобки. Нижний конец наконечника – из поперечно припаянной бронзовой пластинки, края которого образуют валик. Длина ножен – 21,2 мм, ширина –1,7 см. Длина наконечника – 6,6 см, ширина – 1,5 см (табл. XXV, 10).

11. Парные ножи в деревянных ножнах с металлическими из листового серебра наконечником и обоймой устья ножен. Край наконечника утерян из-за деформации шаровидной формы. Обойма устья – геральдического вида, с поперечными желобками в верхней части и двумя горизонтальными тиснеными фигурами. Четко прослеживаются уложенные в разные стороны лезвия ножей. Длина

– 25 см, ширина – 1,8 см, длина наконечника – 12,3 см (табл. XXV, 11).

12. Нож железный. Длина – 29,2 см, ширина – 1,5 см, длина черенка – 4,8 см (табл.).

Топоры

Боевые топоры нередки в Даргавсских катакомбах. Исследователи отмечают у алан в основном четыре типа – двулезвийные, топоры-чеканы, клевцы и секиры. Кажется, кроме секир остальные типы топоров фиксируются в раскопанных катакомбах Даргавса.

1. Железный двулезвийный топор (катакомба №36) с разновеликими лопастями. В проушине овальной формы – фрагмент деревянного топорища (прогнивший). Длина топора – 21,2 см. Длина одной лопасти (от края проушины до заострения) – 10,2 см, высота – 5,8 см. Длина другой лопасти – 7,9 см, высота – 4,7 см. Высота проушины – 5,3 см, проем – 0,34 х 0,19 см (табл. XXVI, 2).

2. Железный двулезвийный топор (катакомба №47) с разновеликими лопастями. Лопасти незначительно расширены в ударной части. В расколотой (из-за коррозии) проушине фрагмент деревянного топорища. Длина топора – 22,7 см. Высота лопастей – 5,9 см и 3,5 см. Проем проушины овальный – 3,6 см х 1,8 см. Высота проушины – 2,8 см (табл. XXVI, 3)

3. Железный двулезвийный топор (катакомба №27) в виде «банта»: трапециевидные лопасти и проушина с округлым верхом и низом. Длина топора – 15,2 см, высота лопастей – 4,8 см и около 4 см (край лопасти утерян). Зауженная часть лопастей (у проушины) – 1,7 см. Высота проушины – 2,8 см (табл. XXVI, 4)

4. Железный двулезвийный топор (катакомба №2), лопасти разновелики. В проушине – фрагмент деревянного

топорища. Длина топора – 14,1 см. Длина одной лопасти – 7,3 см, другой – 4,2 см. Высота ударной части первой лопасти – 4,1 см, высота – 2,2 см. Высота проушины – 2,4 см (табл. XXXVII, 1).

5. Железный двулезвийный топор (катакомба №8), из-за коррозии утративший первоначальный облик. В проушине – фрагмент деревянного топорища. Длина топора – 18 см. Высота сохранившейся лопасти – 6,7 см, высота проушины – 5,6 см (табл. XXVII, 2).

6. Железный двулезвийный топор (катакомба №13) с симметрично расположенными лопастями, «бантообразный». Лопасти трапециевидные, расширяющиеся от проушины, которая имеет закругленные края сверху и снизу. Ширина ударной части одной лопасти – 5,8 см, у другой верхний уголок утерян, но был, вероятно, несколько меньше первого. Зауженная у проушины, часть имеет высоту – 2,8 см. Высота проушины – 3,7 см. Общая длина топора – 16,2 см (табл. XXVII, 3).

7. Железный двулезвийный топор (катакомба №16) с вытянутыми лопастями. Общая линия лопастей и проушины – дугообразная. В проушине (расколотой из-за коррозии) – фрагмент деревянного топорища. Первая лопасть значительно расширена к ударной части: высота зауженной части (у проушины) – 1,4 см, высота ударной части – 4,7 см. Вторая лопасть почти не расширена: у проушины – 1,5 см, в ударной части – 1,8 см. Проушина деформирована из-за коррозии, но была высотой не менее 2,6 см. Общая длина топора – 18,9 см (табл. XXVII, 4).

8. Железный двулезвийный топор (катакомбы №19) с расколотой проушиной, в которой сохранился фрагмент деревянного топорища. Одна лопасть более лучшей сохранности, вторая была, видимо, меньше. Длина первой лопасти – 7,1 см, высота – 3,5 см. Длина второй – 5,3 см, высота – не менее – 2,5 см. Лопасти и проушина расположе-

ны дугообразно. Длина топора – 15,8 см, высота проушины – 1,6 см (табл. XXVIII, 1).

9. Железный двулезвийный топор (катакомба №19) с поврежденными коррозией частями лопасти и проушины. Первая лопасть длиннее и шире в ударной части: длина 8,6 см, высота ударной части – не менее 3,5 см. Длина второй лопасти 5,5 см, высота ударной части – 2,2 см. Длина топора – 17,8 см, высота проушины – 2,9 см (табл. XXVIII, 2).

10. Железный двулезвийный топор (катакомба №21), напоминающий «бантообразные» топоры, но лопасти разной конфигурации. Первая лопасть после зауженной части у проушины резко, под тупым углом, расходится в стороны, а потом равномерно расширяется в сторону ударной части. Длина зауженной части лопасти (или «шейки» лезвия) – 2,3 см, ширина – 3,1 см. Высота резко расширенной части – 4,7 см. Высота ударной части – 5,7 см. Длина лопасти – 7,1 см.

Вторая лопасть в длину составляет 6,6 см. Ширина его у проушины – 2,7 см, в ударной части – 4,8 см. Длина второй лопасти – 6,6 см. Высота закругленной сверху и снизу проушины – 3,8 см. Общая длина топора – 17,3 см (табл. XXVIII, 3).

11. Железный двулезвийный топор (катакомба №39) малых размеров с почти идентичными лопастями. Первая лопасть длиной в 4,3 см, высотой – 3,2 см. Вторая – длиной 3,9 см, высотой – 2,9 см. Длина топора – 11,1 см, высота проушины – 2,3 см (табл. XXVIII, 4).

12. Железный двулезвийный топор (катакомба №34) с разной длины лопастями. Проушина сверху и снизу закруглена. Первая лопасть – длина 7,9 см, высота ударной части – 4,0 см. Длина второй лопасти 5,9 см, высота – 4,0 см. Длина топора – 17,3 см, высота проушины – 3,0 см (табл. XXVIII, 5).

13. Железный двулезвийный топор (катакомба №37) с совершенно разными лопастями. Первая лопасть имеет узкую (0,17 см) шейку и широкий (6,0 см) корпус, т.е. резко расширяется. Вторая лопасть имеет «шейку» высотой в 1,7 см, и ширину ударной части – 3,4 см. Длина первой лопасти – 5,8 см, второй – 5,4 см. Длина топора – 14,5 см, высота проушины – 3,1 см (табл. XXVIII, 4).

14. Железный топор-чекан с лопастью, оканчивающейся лезвием и обушной частью в виде молоточка (катакомба №15), лопасть с лезвием имеет «шейку» высотой в 2,1 см, лезвие шириной в 5,0 см, длину – 7,5 см. Обушок в сечении квадратный. В области «шейки» высота – 1,2 см, ударной части – 1,8 см. Длина обушной части – 3,2 см. Проушина, в которой сохранился фрагмент деревянного топорища, сверху прямая, снизу закруглена. Высота ее – 3,8 см. Длина топора – 13,8 см (табл. XXVII, 5).

15. Железный топор-клевец (катакомба №27) с двумя лопастями. Первая лопасть, расширяясь к ударной части, имеет вид вытянутой трапеции. У проушины имеет высоту – 1,4 см, а в ударной части, т.е. у лезвия – 5,2 см. Длина лопасти – 6,5 см. Проушина сверху и снизу закруглена и в высоту составляет – 3,2 см. Клювообразная лопасть топора представляет собой вытянутую «пирамиду» с ромбовидным сечением. У основания «пирамида» имеет «шейку» – зауженную часть высотой 1,8 см. Длина корпуса «клюва», вдоль которого выделяется валик или грань ребра прочности, – 12,3 см, ширина основания – 2,8 см (табл. XXVI, 1).

Копья

Всадник нередко был вооружен копьем. Копья ковались из железа и бывали втульчатыми. Втулка бывала цельной и, чаще всего, раскованной. Все три найденных нами копья близки по форме и различаются размерами. Боевые

части узкие, вытянутые, со слабо выступающими перьями. Втулки у всех трех копий конического вида, расширяющиеся к устью. На копьях имеются характерные ребра прочности. Все три копья крупные. Древки не сохранились.

1. Железное копье с цилиндрической втулкой и узкими перьями. На боевой части срединное ребро прочности. На конце втулки – рельефный ободок. Длина копья – 15,5 см, диаметр втулки – 4 см. Ширина боевой части – 2,8 см (табл. XXIX, 1).

2. Железное копье с раскованной втулкой. Часть втулки утеряна. Не сохранился и конец боевой части. Втулка доходила почти до середины копья. Длина сохранившейся части – 20,3 см. Диаметр втулки – 6,2 см (табл. XXIX, 2).

3. Железное копье с хорошо выраженным ребром прочности. Втулка вытянутоконическая, ребра боевой части повреждены от ржавчины, часть втулки, около устья, утеряна. Длина – 26,3 см, ширина клинка – 1,5 см, диаметр втулки – 3,4 см (табл. XXIX, 3).

Колчанные петли и крючки

Как было отмечено выше, луков в катакомбах не найдено. Зато сохранились фрагменты колчанов – петли и крючки. Петли крепились к верхней части колчанов и навешивались на крючки. Все предметы кованы из железа.

1. Колчанная петля из соединенных дугообразной перемычкой двух разновеликих пластинок с заостренными концами. Петля крепилась к колчану заклепками. Длина петли – 10,7 см, ширина пластинок – 1,9 см (табл. XXX, 1).

2. Колчанная петля из стержня, вытянутая в средней части. Длина – 6,8 см (табл. XXX, 2).

3. Колчанная петля, выкованная из стержня, выгнутая в средней части, крепилась к колчану заклепкой. Длина – 7,6 см (табл. XXX, 3).

4. Колчанная петля пластинчатая. На концах – заклепки. Длина – 6,9 см, ширина пластинки – 1,3 см (табл. XXX, 4).

5. Колчанная петля, выкованная из стержня, выгнутая в средней части. Длина – 11,7 см (табл. XXX, 5).

6. Колчанная петля, выкованная из стержня, крепилась к колчану заклепками. Длина – 12,1 см (табл. XXX, 6).

7. Колчанная петля, выкованная из стержня, крепилась к колчану заклепками. Длина – 6,5 см (табл. XXX, 7).

8. Колчанный крюк, выкованный из стержня, с овальным навершием и отверстием для крепления. Длина – 4,2 см (табл. XXX, 8).

9. Колчанный крюк с пластинчатым основанием (часть пластинки утрачена). Длина – 3,9 см (табл. XXX, 9).

10. Колчанный крюк, выкованный из стержня, с овальным навершием для крепления. Длина – 5,4 см (табл. XXX, 10).

11. Колчанный крюк, выкованный из стержня, с овальным навершием для крепления. Кончик крючка утерян. Длина – 5,8 см (табл. XXX, 11).

12. Колчанный крюк, выкованный из стержня, с прямоугольным навершием. Кончик крючка утерян. Длина – 5,4 см (табл. XXX, 12).

13. Колчанный крюк, выкованный из стержня, с овальным навершием для крепления. На навершии – остатки кожаного ремня. Кончик крючка утерян. Длина – 5,2 см (табл. XXX, 13).

Наконечники стрел

Чаще всего из предметов вооружения в катакомбах обнаруживаются стрелы, иногда с древками, но чаще всего наконечники стрел. Как отмечает В. Б. Ковалевская, «во многих могилах стрелы и железный нож являются единственным оружием, положенным в могилу» (3, с. 86). В

Даргавсских катакомбах наконечники стрел встречаются часто. Все наконечники кованы из железа, черешковые. На некоторых сохранились остатки деревянных древков и берестяных обмоток. В сечении разнообразные: ромбовидные, линзовидные. По форме – тоже разнообразные – трехгранные, четырехгранные, трехгранные с лопастями, пламевидные, двурогие или вильчатые.

1. Копьевидный наконечник стрелы. Черешок утоплен в остатках древка. Сечение ромбовидное. Длина – 10 см, ширина боевой части – 2,2 см (табл. XXXI, 1).

2. Пламевидный наконечник стрелы с продольной гранью. Черешок утоплен в древке. Сечение ромбовидное. Длина – 10,9 см, ширина боевой части – 1,7 см (табл. XXXI, 2).

3. Копьевидный наконечник стрелы ромбовидного сечения. Между боевой частью и поврежденным черешком – кольцевой валик – ограничитель. Длина – 9 см, ширина боевой части – 2,2 см (табл. XXXI, 3).

4. Трехлопастный наконечник стрелы с погнутым черешком. Длина – 7,2 см, размах лопастей – 1,4 см (табл. XXXI, 4).

5. Трехлопастный наконечник стрелы с утраченной частью черешка. Валик – ограничитель из-за коррозии не прослеживается. Длина – 4,9 см, размах лопастей – 1,7 см (табл. XXXI, 5).

6. Трехлопастный наконечник стрелы с утраченными острием и частью черешка. Длина – 5,7 см, размах лопастей – 1,6 см (табл. XXXI, 6).

7. Наконечник стрелы с утраченной боевой частью, линзовидного сечения. Длина – 5,1 см, ширина – 1,8 см (табл. XXXI, 7).

8. Наконечник стрелы, деформированный из-за коррозии. Сечение – линзовидное. Кончик черешка утерян. Длина – 7,8 см, ширина – 1,7 см (табл. XXXI, 8).

9. Трехгранный наконечник стрелы. Длина – 10 см, ширина – 1,5 см (табл. XXXI, 9).

10. Трехгранный наконечник стрелы, проржавленный. Спекся из-за коррозии с другим (№9) наконечником. Длина – 12 см, ширина – около 1,5 см (табл. XXXI, 10).

11. Четырехгранный наконечник стрелы ромбовидного сечения. Длина – 9 см, ширина – 1,1 см (табл. XXXI, 11).

12. Четырехгранный наконечник стрелы ромбовидного сечения. Конец боевой части утерян. Длина – 6,5 см, ширина – 0,9 см (табл. XXXI, 12).

13. Четырехгранный наконечник стрелы ромбовидного сечения с валиком-ограничителем в начале черешка. Длина – 7,8 см, ширина – 1,4 см (табл. XXXI, 13).

14. Деформированный из-за коррозии наконечник стрелы линзовидного сечения. Длина – 7,7 см, ширина – 1,8 см (табл. XXXI, 14).

15. Трехлопастный наконечник стрелы, черешок утоплен в древке, на древко навиты полосы бересты. Длина – 8,2 см, ширина – 1,4 см (табл. XXXI, 15).

16. Трехлопастный наконечник стрелы. Черешок утоплен в древке, на древко навиты полосы бересты. Длина – 9,8 см, ширина – 1,4 см (табл. XXXI, 16).

17. Трехлопастный наконечник стрелы. Большая часть черешка утеряна. Длина – 4,9 см, ширина – 4 см (табл. XXXI, 17).

18. Наконечник стрелы пламевидной формы. Сечение линзовидное. Валик-ограничитель скрыт под ржавчиной. Длина – около 4 см, ширина – 21 мм (табл. XXXI, 18).

19. Наконечник стрелы трехгранный (грани вогнуты), поверхность деформирована, конец черешка утерян. Длина – 6,4 см, ширина – 1,2 см (табл. XXXI, 19).

20. Трехгранный наконечник стрелы, грани вогнуты. Длина – 6 см, ширина – 1,5 см (табл. XXXI, 20).

21. Трехлопастный наконечник стрелы. Между нижними концами нависающих лопастей и черешком – валик-о-

граничитель. Длина – 6,5 см, размах лопастей – 1,8 см (табл. XXXI, 21).

22. Вильчатый наконечник стрелы. Сечение ветвей – линзовидное. Кончики «веток» утеряны. Длина – 11,3 см, размах «ветвей» – 4 см (табл. XXXI, 22).

23. Вильчатый наконечник стрелы. Сечение ветвей – линзовидное. «Ветви» и часть черешка утеряны. Длина – 8,7 см, ширина – 4,4 см (табл. XXXI, 23).

24. Трехлопастный наконечник стрелы. Длина – 6,5 см, ширина – 1,6 см (табл. XXXI, 24).

Пояса

«Пояс в понимании средневекового человека – своеобразная часть воинской экипировки, достаточно своеобразная, яркая и значащая. Ему придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию» (4, с. 108). Пояс служил не только как предмет, к которому подвешивались сабля, нож, колчан и пр., но и маркирующим элементом костюма, т.е. по поясу можно было определить место его хозяина в иерархии общества. В Даргавсском катакомбном могильнике в основном сохранились только поясные пряжки, но иногда с наконечниками, поясными накладками, бляшками и пр. По форме и поясные пряжки, и накладки, и бляшки, и наконечники разнообразны. Что касается материала, из которого изготовлены пряжки и детали поясного набора, то они в основном бронзовые и лишь изредка серебряные.

1. Цельнолитая бронзовая пряжка с подтреугольной рамкой и прорезным щитком. Язычок утерян, высота – 37 мм, ширина рамки – 20 мм (табл. XXXII, 1).

2. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой и железным язычком. Высота – 31 мм, ширина в верхней части – 24 мм, у основания – 17 мм (табл. XXXII, 2).

3. Бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой и бронзовым гвоздевидным язычком. В основании сохранился фрагмент кожаного ремня. Высота – 18 мм, ширина – 17 мм (табл. XXXII, 3).

4. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой и железным язычком. Высота – 31 мм, ширина в верхней части – 20 мм, у основания – 18 мм (табл. XXXII, 4).

5. Бронзовая цельнолитая пряжка с овальной рамкой с выступом в середине и косым сегментообразным вырезом на геральдическом щитке. Щиток крепился к ремню штифтом. Высота – 90 мм, ширина рамки – 24 мм (табл. XXXII, 5).

6. Литая бронзовая пряжка в виде треугольника, на концах которого имеются колечки, а на одном из них шишечка. Высота – 52 мм, ширина – 33 мм (табл. XXXII, 6).

7. Бронзовая округлая поясная накладка из листового металла с тиснением личины. Высота – 27 мм (табл. XXXII, 7).

8. Бронзовая трапециевидная поясная накладка из листового металла с тиснением фигуры животного и с прямоугольной прорезью в нижней части. Высота – 23 мм, ширина в середине накладки – 27 мм (табл. XXXII, 8).

9. Цельнолитая бронзовая овальнорамчатая пряжка с язычком и удлиненным геральдическим щитком, на котором – рельефная фигура животного. Длина изделия – 57 мм, длина щитка – 42 мм, ширина рамки – 29 мм (табл. XXXII, 9).

10. Цельнолитая со щитком бронзовая овальнорамчатая пряжка (конец щитка утерян). Язычок железный. Длина – 23 мм, ширина рамки – 22 мм (табл. XXXII, 10).

11. Фигурная подвеска пояса в виде прямоугольной рамки и кружком с отростками влево, вправо и вниз. На рамке – фрагмент кожаного ремешка. Высота – 29 мм (табл. XXXII, 11).

12. Круглая поясная накладка в виде миниатюрной пе-

ревернутой тарелочки. Диаметр – 15 мм (табл. XXXII, 12).

13. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой. Язычок железный. В основании сохранился фрагмент кожаного ремня. Высота – 31 мм, ширина верхней части – 29 мм, основания – 26 мм (табл. XXXII, 13).

14. Железная прямоугольнорамчатая пряжка. Высота – 28 мм, ширина – 31 мм (табл. XXXII, 14).

15. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой. Высота – 24 мм, ширина верхней части – 23 мм, у основания – 21 мм (табл. XXXII, 15).

16. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой и железным язычком. Высота – 27 мм, ширина верхней части – 19 мм, у основания – 16 мм (табл. XXXII, 16).

17. Фигурные накладки в виде розетки, из листового металла. Высота – 13 мм (табл. XXXII, 17).

18. Бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой и железным язычком. Высота – 29 мм, ширина верхней части – 24 мм, у основания – 19 мм (табл. XXXII, 18).

19. Цельнолитая бронзовая круглорамчатая пряжка с небольшим овальным щитком и тремя ямками. Язычок железный. Высота – 31 мм, ширина рамки – 23 мм (табл. XXXII, 19).

20. Бронзовая пряжка с овальной рамкой и выступами для фиксации язычка. Щиток подвижный в виде бабочки с разрезом в задней части и орнаментированный по краям штрихами. Крепился к ремню двумя штифтами. Высота – 47 мм, ширина рамки – 30 мм, длина щитка – 22 мм (табл. XXXII, 20).

21. Поясная накладка с двумя круглыми отверстиями и поперечным вырезом под ними. На оборотной стороне – штифт. Накладка – из листового металла (табл. XXXII, 21).

22. Подвеска поясная в виде фигурного стержня и облегающей полоской с расширением наверху. Расширен-

ная часть крепилась к поясу. Высота – 18 мм длина стрежня – 19 мм (табл. XXXII, 22).

23. Деталь поясного набора в виде прямоугольной рамочки с двумя отростками снизу. Длина – 26 мм, высота – 9 мм (табл. XXXII, 23).

24. Наконечник подвесного язычка в виде вертикального прямоугольника с закругленным концом. На наконечнике два круглых отверстия, под ними – вертикальный вырез с округлым концом. На обороте две шпеньки. Высота – 23 мм, ширина – 11 мм. Изготовлен из листового металла (табл. XXXII, 24).

25. Поясная накладка в виде прямоугольника с зауженным книзу концом. На обороте – шпенька. Высота – 21 мм, ширина – 8 мм (табл. XXXII, 25).

26. Поясные накладки в виде кружочка и калачиковидная. По краям украшены штрихами. На обороне – шпеньки. Диаметр – 10 мм (табл. XXXII, 26).

27. Подвеска поясная в виде фигурного стержня и охватывающей его полоской. Полоска крепилась к ремню шпенькой. Высота – 19 мм, длина стержня – 18 мм (табл. XXXII, 27).

28. Цельнолитая со щитком бронзовая пряжка с овальной рамкой. На рамке выемка для фиксации железного язычка. На фигурном геральдического типа щитке – три каплеобразных выреза. Щиток крест-накрест охвачен остатками ремня. Высота – 45 мм, ширина рамки – 35 мм (табл. XXXII, 28).

29. Цельнолитая со щитком бронзовая пряжка с овальной рамкой и железным язычком. Щиток трапециевидной формы. Высота – 39 мм, ширина рамки – 29 мм, ширина конца щитка – 17 мм (табл. XXXII, 29).

30. Цельнолитая со щитком бронзовая круглорамчатая пряжка. Между рамкой и щитком выступы. Щиток сердцевидной формы. На передней части рамки заостренный

выступ. Высота – 34 мм, ширина рамки – 20 мм (табл. XXXII, 30).

31. Бронзовая пряжка трапециевидной формы с железным язычком. Высота – 29 мм, ширина верхней части – 25 мм, у основания – 22 мм (табл. XXXII, 31).

32. Цельнолитая со щитком бронзовая пряжка с овальной рамкой. На передней части рамки выступы для фиксации язычка. Между рамкой и щитком полукруглые выступы с отверстиями. Щиток подтрапециевидной формы с закругленным концом. Высота – 39 мм, ширина рамки – 22 мм, ширина конца щитка – 10 мм (табл. XXXII, 32).

33. Цельнолитая со щитком овальнорамчатая пряжка. Часть щитка утеряна. Сохранился фрагмент ремня у основания пряжки. Ширина рамки – 26 мм (табл. XXXII, 33).

34. Овальнорамчатая бронзовая пряжка с ограничителями язычка на передней части. Язычок с загнутым хоботком. В основании сохранился фрагмент ремня. Высота – 27 мм, ширина рамки – 31 мм (табл. XXXII, 34).

35. Цельнолитая со щитком серебряная пряжка. На рамке – ограничители для фиксации язычка. Щиток геральдического типа. На язычке – продольный желобок. Высота – 48 мм, ширина рамки – 38 мм, ширина щитка – 25 мм (табл. XXXII, 35).

36. Щиток бронзовой пряжки с тремя каплевидными прорезями в виде «личины», шишечкой-бородкой на конце и двумя острыми выступами по обе стороны. Вырезы окаймлены бороздками. Высота – 54 мм, ширина – 21 мм (табл. XXXII, 36).

37. Прямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с железным язычком. Высота – 30 мм, ширина – 20 мм (табл. XXXIII, 37).

38. Бронзовая пряжка в виде треугольника с колечками на концах. На крайнем переднем кольце – шишечка. На одном из задних колец – фрагмент ремешка. Высота – 46

мм, ширина – 30 мм (табл. XXXIII, 38).

39. Бронзовая овальнорамчатая пряжка. Высота – 18 мм, ширина – 24 мм (табл. XXXIII, 39).

40. Накладная поясная бляшка из листового металла с тисненым изображением «личины» с усами и бородкой. В нижней части – горизонтальная прорезь. Высота – 21 мм, ширина – 21 мм (табл. XXXIII, 40).

41. Накладная поясная бляшка из листового металла с тисненым изображением личины с усами и бородой. Края пластинки фигурные. Высота – 21 мм, ширина – 21 мм (табл. XXXIII, 41).

42. Цельнолитая со щитком овальнорамчатая пряжка с заостренным выступом в передней части и двумя шпеньками. Язычок и ось язычка утеряны. Щиток прямоугольной формы с заостренным концом. Высота – 40 мм, ширина рамки – 24 мм, ширина щитка – 14 мм (табл. XXXIII, 42).

43. Цельнолитая со щитком овальнорамчатая пряжка. Щиток по краям украшен полосой из штрихов. На обороте щитка – две шпеньки. Высота – 29 мм, ширина рамки – 17 мм, ширина щитка – 10 мм (табл. XXXIII, 43).

44. Накладная фигурная поясная бляшка с тиснением в виде штрихов и кружочков. В нижней части горизонтальный вырез. Высота – 15 мм, ширина – 16 мм (табл. XXXIII, 44).

45. Накладная поясная бляшка с тремя вырезами. Высота – 15 мм, ширина – 14 мм (табл. XXXIII, 45).

46. Накладная фигурная поясная бляшка с тиснеными кружочками и заостренным книзу концом. Высота – 17 мм, ширина – 12 мм (табл. XXXIII, 46).

47. Наконечник язычка подвесного ремешка с тиснением стилизованной веточки. Длина – 31 мм, ширина – 12 мм (табл. XXXIII, 47).

48. Прямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с язычком. Высота – 23 мм, ширина – 17 мм (табл. XXXIII, 48).

49. Подвесная деталь поясного набора в виде прямоугольной рамочки с отходящим от него вниз колечком. На колечке 4 выступа в виде трилистника, (один выступ утерян). Высота – 32 мм, ширина рамочки – 16 мм (табл. XXXIII, 49).

50. Цельнолитая с небольшим щитком овальнорамчатая бронзовая пряжка с язычком. Конец щитка фигурный. Высота – 21 мм, ширина рамки – 22 мм (табл. XXXIII, 50).

51. Трапециевидная бронзовая пряжка с железным язычком. Высота – 32 мм, ширина верхней части – 23 мм, у основания – 19 мм (табл. XXXIII, 51).

52. Овальнорамчатая бронзовая пряжка. Язычок утерян, на основании – фрагмент ремешка. Высота рамки – 11 мм, ширина – 22 мм (табл. XXXIII, 52).

53. Фигурная литая бронзовая привеска пояса с двумя отверстиями на корпусе – прямоугольным и овальным. На конце – колечко. Длина – 47 мм, ширина средней части – 13 мм (табл. XXXIII, 53).

54. Подпрямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с утерянным железным язычком. Высота – 29 мм, ширина – 21 мм (табл. XXXIII, 54).

55. Прямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с железным язычком. Высота – 20 мм, ширина – 15 мм (табл. XXXIII, 55).

56. Серебряная поясная бляха с фигурным верхом в виде трех полуовалов и овальным вырезом в нижней части. На обороте – две шпеньки. Высота – 18 мм, ширина – 42 мм (табл. XXXIII, 56).

57. Трапециевидная бронзовая пряжка с железным язычком. Высота – 36 мм, ширина верхней части – 21 мм, у основания – 20 мм (табл. XXXIII, 57).

58. Трапециевидная бронзовая пряжка. Железный язычок утерян. Высота – 27 мм, ширина верхней части – 24 мм, у основания – 19 мм (табл. XXXIII, 58).

59. Цельнолитая со щитком бронзовая овальнорамчатая пряжка с железным язычком. Щиток с заостренным концом и с тремя кружочками. Высота – 37 мм, ширина рамки – 29 мм, ширина щитка – 17 мм (табл. XXXIII, 59).

60. Цельнолитая с пряжкой бронзовая овальнорамчатая пряжка с заостренным выступом на передней части. На обороне щитка две шпеньки. Щиток гладкий с закругленным концом. Высота – 43 мм, ширина рамки – 34 мм, ширина щитка – 19 мм (табл. XXXIII, 60).

61. Прямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с железным язычком. Высота – 27 мм, ширина – 28 мм (табл. XXXIII, 61).

62. Цельнолитая со щитком бронзовая овальнорамчатая пряжка с удвоенным щитком. Четыре заклепки на щитке проходят через обе створки щитка. На передней части рамки заостренный выступ. Высота – 33 мм, ширина рамки – 27 мм, ширина щитка – 15 мм (табл. XXXIII, 62).

63. Цельнолитая со щитком бронзовая овальнорамчатая пряжка с язычком. Щиток удлинен, геральдического типа. На обороте – две шпеньки. Высота – 32 мм, ширина рамки – 21 мм, ширина щитка – 11 мм (табл. XXXIII, 63).

Оселки

Найденные в катакомбах оселки принадлежали мужчинам-воинам и служили для заточки оружия. Их носили на поясе. Об этом говорят просверленные в изделиях отверстия. Но среди четырех найденных оселков есть экземпляр и без сверления. По-видимому его носили в футляре. Оселки продолговатой фермы, с закругленными краями, разной длины, ширины и толщины.

1. Каменный оселок с отверстием для подвешивания на верхнем конце. Длина – 122 мм, ширина – 21 мм, толщина – 5 мм (табл. XXXIII, 64).

2. Каменный оселок с отверстием для подвешивания на верхнем конце. Длина – 61 мм, ширина – 19 мм, толщина – 4 мм (табл. XXXIII, 65).

3. Каменный оселок с отверстием для подвешивания на верхнем конце. Длина – 101 мм, ширина – 19 мм, толщина – 3 мм (табл. XXXIV, 13).

4. Каменный оселок гладкий. Длина – 95 мм, ширина – 18 мм, толщина – 6 мм (табл. XXXIV, 14).

Огнива

Непременной принадлежностью путника или всадника должны были быть приспособления для добывания огня. Тем не менее в Даргавсских катакомбах найдено всего три экземпляра огнив – кресал. Все они железные. Носились, по всей вероятности, в матерчатых или иных чехольчиках. Все они с загнутыми утонченными концами, а на одном экземпляре концы сходятся.

1. Железное кресало с загнутыми концами. Высота – 58 мм, ширина рабочей части – 11 мм (табл. XXXIV, 1).

2. Железное кресало с защитными концами. К рабочей части прикипел из-за коррозии кусочек кремня. Высота – 73 мм, ширина рабочей части – 11 мм. Кремень –8х8х12 мм (табл. XXXIV, 2).

3. Железное кресало с загнутыми сходящимися концами. На кресале сохранились фрагменты ткани. Высота – 67 мм, ширина – 32 мм, ширина рабочей части – не менее 15 мм (табл. XXXIV, 3).

Туалетные принадлежности

Среди найденных в катакомбах предметов есть предметы личной гигиены – копоушки и ногтечистки, которые могли входить в экипировку всадника.

1. Бронзовая копоушка с орнаментированной поверх-

ностью (плетеная насечка), отверстием на верхнем конце, куда продето колечко, соединенное с цепочкой. Нижний, рабочий конец в виде кружочка с ямочкой. Цепочка состоит из семи восьмеркообразных звеньев, изготовленных из проволоки круглого сечения. Высота копоушки – 67 мм, расширенная средняя часть корпуса имеет ширину 13 мм, толщину – около 2 мм, длина цепочки – 93 мм (табл. XXXIV, 4).

2. Фрагмент бронзовой копоушки. Длина – 30 мм, ширина – 3 мм (табл. XXXIV, 5).

3. Фрагмент предмета из туалетного набора с заостренным концом и колечком для подвешивания (часть колечка утеряна) из бронзовой проволоки круглого сечения. Длина – 58 мм (табл. XXXIV, 6).

4. Фрагмент предмета из туалетного набора из утончающейся к концу бронзовой полоски. Рабочий конец и часть колечка вверху предмета утеряны. Высота – 58 мм, ширина полоски у колечка – 8 мм (табл. XXXIV, 7).

5. Фрагмент бронзового предмета из туалетного набора с загнутым в колечко одним концом и уплощенным в лопаточку другим, изготовленный из проволоки круглого сечения. Длина – 72 мм, диаметр стерженька – 2 мм (табл. XXXIV, 8).

6. Бронзовая ногтечистка в виде когтя с прорезью и ушком для подвешивания. Высота – 54 мм (табл. XXXIV, 9).

7. Бронзовая ногтечистка с прорезью и ушком в виде когтя. Около ушка выступ с округлой шишечкой. Высота – 39 мм (табл. XXXIV, 10).

8. Фрагмент костяной ногтечистки с просверлиной. Острый конец утерян. Длина – 22 мм (табл. XXXIV, 11).

9. Костяная ногтечистка с просверлиной. Высота – 26 мм (табл. XXXIV, 12).

Амулеты

Обереги-амулеты можно отнести к принадлежностям женского погребения, как это делает В. Б. Ковалевская (3, с.87), но так как предметы из Даргавсских катакомб перемешаны, то, возможно, они принадлежали и мужчинам. Все наши амулеты бронзовые.

1. Колесовидный амулет с ушком. Деформированный из-за коррозии. Прослеживаются четыре тяжа с кольцом посередине, т.е. амулет крестообразный, причем крест косой. Диаметр – 29 мм (табл. XXXIV, 15).

2. Ромбовидный амулет с колечками на концах и вписанный равно лучевой крест. Высота и ширина – 37 мм (табл. XXXIV, 16).

3. Колесовидный амулет с четырьмя тяжами. Наружный диаметр – 52 мм, диаметр внутреннего кольца – 23 мм (табл. XXXIV, 17).

4. Колесовидный амулет с ушком и вписанные косым крестом. Диаметр – 35 мм, высота с ушком – 42 мм (табл. XXXIV, 18).

5. Колесовидный амулет с четырьмя тяжами. Наружный диаметр – 56 мм, диаметр внутреннего кольца – 26 мм (табл. XXXIV, 19).

6. Кольцевой амулет с четырьмя соколиными головками. Высота с «головками» – 35 мм, диаметр плоского кольца – 23 мм (табл. XXXIV, 20).

7. Кольцевой амулет с тремя соколиными головками. Высота с «головками» – 39 мм, диаметр плоского кольца – 31 мм (табл. XXXIV, 21).

Черпаки

Среди вещей погребального инвентаря Даргавсских катакомб были обнаружены деревянные черпаки – одни деформированные, другие частично или полностью

фрагментированные. Как правило, у них плоские горизонтальные ручки. Это не просто ритуальные сосуды, а именно дорожные, ибо у них на ручках имеются отверстия, служившие для продевания в них петли для подвешивания к поясу или седлу. Поэтому мы их относим к набору предметов, принадлежавших всаднику.

1. Деформированный деревянный черпак с утерянными частями дна и стенок. Ручка плоская, горизонтальная с отверстием. Сосуд был вырезан из цельного куска дерева. Края сосуда имеют оковки из листового серебра. Оковки укреплены сквозными заклепками. Оковками снабжены ручка сосуда и место соединения ручки с корпусом. Оковки в развернутом виде представляют собой ромбики с кружками по краям. Высота сосуда 36 мм, ручка шириной 634 мм, выступает на 29 мм (табл. XXXV, 2).

2. Частично фрагментированный деревянный черпак из цельного куска дерева. Горизонтальная ручка фигурная с отверстием для подвешивания. Ручка и корпус сосуда укреплены узкой полоской из листовой бронзы. Часть корпуса и дно сосуда не сохранились. Высота около 55 мм, диаметр венчика не менее 115 мм, ширина ручки – 47 мм, выступает на 37 мм (табл. XXXV, 1).

3. Фрагменты (9 штук) деревянного черпака с прорезными и гладкими серебряными оковками венчика. Оковки укреплены двумя заклепками. Ширина оковок – 16 мм (табл. XXXV, 3-11).

4. Фрагменты деревянного черпака – донышка и краев сосуда. Края сосуда были укреплены серебряными оковками в виде перегнутой полоски с круглыми окончаниями. На некоторых по три заклепки и кружок посередине. Треснувшее дно прошито проволочными скобочками. Высота оковки – 28 мм, диаметр круглой части оковки – 19 мм (табл. XXXVI, 2-5).

5. Фрагменты деревянного черпака с серебряными

оковками краев сосуда (5 фрагментов). Одна оковка крупная с четырьмя заклепками, а четыре с одной заклепкой. Высота оковок – 31 мм и 14 мм (табл. XXXVII, 13).

Столик-фынг

В катакомбе №2 был найден сильно попорченный столик – фынг с тремя съемными ножками. Из-за того, что столик-фынг был разборным, он мог входить в комплект дорожных предметов, т.е. сопровождать всадника в походе. Круглая столешница снизу имеет утолщение, на поверхности которой имеются пазы для вкладывания основания ножек. В толщине основания столешницы сбоку сделаны отверстия для продевания штырьков, фиксировавших ножки в столешнице. В основании ножек имеются соответственно отверстия для продевания указанных штырьков (не сохранились). Диаметр столешницы – около 40 см, диаметр утолщенного основания – около 17 см, толщина столешницы – около 3,5 см. Сохранившаяся часть ножки длиной 19 см, в сечении – 4х2,5 см (табл. XI).

Кольчуга

В катакомбе №24 среди прочих предметов были найдены фрагменты железной кольчуги. Кольца спеклись из-за коррозии. Отдельные кольца соединены по три. Диаметр колец – 12 мм, диаметр проволоки – 3 мм (табл. XXX, 14, 15). О форме кольчужной рубашки говорить не приходится, зато можно утверждать, что кольчуга была панцирного плетения.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛА

Описанные выше предметы, найденные нами в Даргавсских катакомбах, весьма отчетливо иллюстрируют снаряжение всадника и боевого коня. Многие предметы имеют специфическую конфигурацию и оформление, т.е. имеют своеобразный облик, но, тем не менее, имеют аналогии в аланских памятниках Центрального и Северного Кавказа, давно и успешно исследуемых археологами. Некоторые, а то и все категории предметов, привлекли к себе внимание специалистов. По ним написаны статьи, сводные работы, диссертации и пр. Особое внимание привлекли конские захоронения.

Так, например, Р.С. Сосранов рассмотрел конские погребения на Змейском могильнике и проанализировал обряд захоронения коня, форму погребального сооружения или погребальной ямы, детали конского снаряжения и на основании приведенных данных попытался проследить этносоциальные процессы, происходившие в аланском обществе, оставившем Змейский могильник (5). Привлеченные им для анализа материалы датируются X-XII вв. и относятся ко времени более позднему, чем инвентарь Даргавсских катакомб, но мы пользуемся этими данными, так как они близки территориально к Даргавсу, не столь отдалены во времени, а, кроме того, характерны для той же этнической общности, т.е. для алан.

Р.С. Сосранов в своей работе приводит описание конской сбруи, сопровождавшей конский костяк. Следует отметить, что сбруя в Змейском могильнике всегда обнаруживалась на погребенном коне, а не в тайниках и нишах, как в Даргавсе. Из десяти раскопанных на Змейском могильнике конских погребений только в одном было найдено седло. Железные удила были в девяти захоронениях,

начельники – в четырех, железные стремена – в шести, также в шести погребениях – бронзовые листовидные бляхи. Найдены также железные подпружные пряжки, наконечники ремней оголовья, ременные накладки и проч. Номенклатура предметов сбруи аналогична Даргавсским. Об аналогиях говорить не приходится, ибо в публикации Р.С. Сосранова иллюстративный материал вещам отсутствует, а есть только перечисление предметов сбруи без габаритов и проч. Кроме того, найденные в Змейских погребениях предметы и детали украшений седла, а также накладки на ремни, наконечники, кольца, пряжки и пр., изготовлены из железа и бронзы, в отличие от Даргавсских находок, где многие предметы и детали седел и уздечек серебряные, хотя в основном и здесь они бронзовые и железные.

Другая работа, посвященная конским захоронениям из Кисловодска, принадлежит С.Н. Савенко (6). Рассматриваются два конских костяка, при которых были обнаружены удила, стремена, начельники, бляшки, украшавшие оголовья, бляхи бубенчиками и пр. Предметы конской сбруи были найдены и в погребениях могильника, т.е. эти предметы поместили в катакомбы вместе с всадником, а не с конем. Подобное встречается и в катакомбах Даргавсского могильника – некоторые предметы конского снаряжения укладывали с покойником, что, возможно, символизировало захоронение коня. С.Н. Савенко постарался реконструировать по находкам оголовье (6, рис. 2,1). Подобные реконструкции будут сделаны и нами (табл. XXXVIII).

Находки предметов конского снаряжения отмечаются во многих погребениях раннесредневекового времени, что может быть квалифицировано как символическое снабжение покойника верховым конем.

Погребения коней с набором снаряжения и отдельные предметы конского снаряжения – удила и стремена, обна-

руживаемые в могилах, свойственны не только аланам, но и многим народам Евразии. Это наглядно демонстрируется во многих специальных и обобщенных работах. Так, например, в многотомной серии «Археология СССР» в выпуске «Степи Евразии в эпоху средневековья» (7, рис. 3, 4а, 13, 15, 17-20, 24, 26, 30, 33, 35, 52, 55, 62) приводятся яркие свидетельства этого элемента погребального обряда.

Все это позволяет нам приводить соответствующие аналогии, дающие ответ на степень распространенности того или иного предмета, определять дату его бытования и пр.

Рассматривая седла Даргавсского могильника, мы неминуемо обратим внимание на седло из Галиатского склепа, раскопанного Е. И. Крупновым в 1935 г. (8). От этого седла, правда во фрагментированном виде, сохранились ленчики и одна из лук. На самом седле украшения не сохранились, но часть блях, найденных в склепе, по всей вероятности, была укреплена на луках, тем более что на луках сохранились отверстия от заклепок.

В змейских катакомбах В. А. Кузнецов нашел несколько седел, правда не совсем хорошей сохранности (кат. №3, 9, 14, 15). Лучше сохранились луки седла из катакомбы №14, на них золоченые бронзовые пластинки с изображениями животных и птиц, стеклянные вставки (9, с. 115-116, табл. VI, VII). В змейских катакомбах найдены и великолепные образцы начельников и подвесных блях.

Следует отметить, что седла и другие принадлежности конского убора В. А. Кузнецовым были обнаружены в катакомбах, а не в конских погребениях.

Седла из Змейской, по определению автора раскопок, «представляют собой тип довольно развитого кавалерийского седла, состоящего из двух ленчиков, передней и задней лук» (9, с. 115). Ленчики там обтянуты кожей, а луки нет. На даргавсских седлах кожей обтянуты были и луки. Види-

мо в X-XII вв., а это время утилизации змейских катакомб, луки перестали обтягивать кожей. Эта традиция доживает до XX века: на поздних, этнографически зафиксированных седлах, луки гладкие, деревянные, без кожаной обтяжки. Автор наблюдал их неоднократно. Несмотря на некоторое различие между даргавсским седлом и седлами из змейской, они, можно сказать, идентичны, так что о больших изменениях с VIII-IX вв. (время бытования даргавсских катакомб) в конском уборе не наблюдается. Здесь следует предположить, что становление конского снаряжения произошло до X-XII вв. Наличие разного типа бляшек, накладок, начельников и пр. отражает их индивидуальность, заказной характер, а не эволюцию. Так что предметы конского убора VIII-XII вв. можно рассматривать в одном ряду. Конечно, разные седельщики по своему оформляли или украшали свои изделия, подбирали излюбленный мотив украшения, тот или иной материал (бронза, серебро и пр.), но в общем плане придерживались определенной традиции. Определенно на оформлении седел сказывались и экономические возможности заказчика, а то и его общественный, социальный статус. Разная степень достатка, отмеченная автором раскопок В. А. Кузнецовым, квалифицируется им как индикатор разнослойности позднеаланского общества. Погребенные в катакомбах 3, 914 и 15 «… принадлежали племенной верхушке, уже выделившейся из общества и постепенно феодализирующейся. Особенно богата катакомба №14, давшая почти все уникальные находки. По-видимому, это могила, в которой погребена семья местного князя-феодала. Остальные богатые катакомбы могут рассматриваться как погребения, принадлежащие ближайшему окружению феодала, стоящему вместе с ним над обществом» (9, с. 135).

В Даргавсских катакомбах также отмечена различная степень достатка погребенных: видно и здесь происходи-

ло расслоение аланского общества с выделением знати. А так как основное время бытования даргавсских катакомб «VIII-IX вв., то и выделение знати у алан возможно отнести к этому времени, а то и к более раннему периоду, а именно к VI-VII вв.

Австрийская исследовательница Ангелика Хайнрих опубликовала материалы из катакомбных могильников Чми и Кобани, которые хранятся в фондах Венского Естественно-исторического музея, представив «своим коллегам из Осетии возможность изучения этих интересных находок» (10, с. 184). Среди многих материалов из этих дореволюционных раскопок и сборов есть ряд предметов, привлекших наше внимание – поясные пряжки и детали поясного набора, амулеты, ножи, сабли, оселки, боевые топоры, начельник и подвесные бляхи конского убора.

В 1977 году Э. С. Кантемировым спасательными работами было доследовано 29 катакомб у с. Тарское Пригородного района. В катакомбах было обнаружено много предметов погребального обряда – среди них детали экипировки всадника: поясные пряжки с поясными накладками, амулеты, ножи, в том числе и двойные так называемые «метательные» сабли, боевые топоры, фрагменты кольчуг, удила и стремена. Особый интерес вызывают пряжки в виде треугольников с колечками на углах. Иногда вместо колечек – калачики, остриями наружу. На них сохранились язычки – бронзовые и железные. П. С. Уварова в свое время назвала их привесками (11, с. 135), но в ее распоряжении оказались изделия без язычков и поэтому они не попали в разряд пряжек. Видимо по этой ошибочной традиции этот вид пряжек не попал в сводную работу В. Б. Ковалевской о поясных наборах Евразии (12).

Раскопанные в Северной Осетии катакомбы исчисляются сотнями, но материалы многих раскопок оказались вне нашего поля зрения по объективным и субъективным

причинам. Поэтому аналогий нашим предметам мы не сможем указать достаточно полно. Однако и имеющиеся под рукой материалы дают возможность как для приведения аналогий, так и для датировки предметов и комплексов.

СЕДЛА. Найденные нами седла в Даргавсском могильнике почти ничем не отличаются от седел из других памятников Северного Кавказа: такие же деревянные ленчики и луки, обтянутые кожей и украшенные металлическими обоймицами по краям (луки) и набитыми фигурными пластинками. Надо отметить, что эти украшения деревянных частей седла не находят идентичных аналогий, ибо каждое седло украшено по-своему. Седельщик каждый раз украшал луки седла по неповторяемому образцу, и эти украшения абсолютно индивидуализированы. Хотя какие-то общие принципы украшения сохраняются. Это касается в первую очередь фигурных обивок краев лук и ленчиков бронзовыми или серебряными оковочками. Оковочки – обоймицы одного седла совершенно идентичны. В одном случае это сдвоенная проволока с расположенными концами в виде кружочков, которые пробивались гвоздиком, скреплявшим обоймицы на луке.

В тайнике конского погребения (раскопки 2002 г.) обнаруженное седло, вернее его совершенно истлевшие деревянные детали, имело луки, украшенные по краям литыми или штампованными обоймицами. Верхняя или лицевая часть обоймицы оформлена под стилизованную конскую головку. Таких обоймиц-оковок было найдено 32 экземпляра. Они совершенно идентичны (некоторые обоймицы сломаны). Рельефно выделены уши, глаза, морда животного. Размеры обоймиц небольшие – около 3 см. Вместе с ажурными пластинками, набитыми на верхние поля лук, они придавали седлу довольно праздничный вид, тем более что были из серебра. Здесь следует отметить, что луки

седел из салтово-маяцких могильников, как замечает В. Б. Ковалевская, «совсем не украшались металлическими или костяными пластинками» (7, с. 74).

Надо полагать, что ушедшие с Северного Кавказа на север аланы, оставившие салтово-маяцкие древности, или растеряли какие-то традиции декоративного искусства оформления предметов конского снаряжения, или были более однородны в социальном плане, ибо богато украшенные седла скорее всего принадлежали родовой знати. С. Н. Савенко рассматривал конские захоронения, раскопанные на окраине Кисловодска, отмечает небольшое количество найденных комплектов конской сбруи вообще в могильниках раннего средневековья. Так, «из более 100 опубликованных (к 1983 году. – Р. Дз.) погребений Змейского могильника предметы конской сбруи содержали только 8 катакомб. Незначителен их процент и в других памятниках Центрального Предкавказья. По-видимому, сбруя относилась к числу особенно ценных предметов и в погребение отправлялась только с наиболее знатными и состоятельными владельцами» (6, с. 106).

С. Н. Савенко приводит и другие данные. Так, Т. А. Федоров-Давыдов, исследовавший более тысячи кочевнических комплексов, располагал всего лишь 20 сбруйными наборами. Всего 11 уздечных комплектов использовал А. Н. Кирпичников с обширной территории Древней Руси, Нижнего Поднепровья, Поволжья и Крыма» (6, с. 106). И это относительно уздечных наборов. А уж о седлах и говорить нечего: находки их весьма редки.

По Р. С. Сосранову, даже сами конские захоронения с богатым снаряжением могут «служить показателем того, что их владельцы занимали… высокое положение в дружинной иерархии» (5, с. 100).

В. А. Кузнецов также отмечает наличие феодальной верхушки у алан, оставивших Змейский могильник, при-

чем по богатым наборам оружия и конского снаряжения (9, с. 135).

Можно поэтому утверждать о наличии у алан военной аристократии.

УДИЛА. Удила несут особую нагрузку и играют важную роль в управлении конем. Выковывались они исключительно из железа. В вашем собрании их четыре экземпляра. Все они двухзвенные. Звенья соединены подвижно кольцами. Наружные концы звеньев имеют по два кольца с перпендикулярными осями. Во внутреннем кольце укреплялись псалии, в крайнем кольце – еще одно кольцо, как правило, большего диаметра. К этому свободному кольцу прикреплялись поводья. Наши удила аналогичны удилам из Змейского могильника, удилам из могильника Кольцо – гора у Кисловодска, и вообще они простые, двузвенные удила, получившие широкое распространение. Различаются удила этого периода, т.е. раннего средневековья, только псалиями. Как указывает В. Б. Ковалевская, функция псалии – соединение удил с оголовьем (1, с. 15), поэтому на них имеются отверстия и петли для соединения с нащечными ремнями оголовья. В литературе имеется большое разнообразие псалий. Это разнообразие – только чисто декоративное. Псалии из Даргавсского могильника прямые с утолщенными почковидными концами. Псалии удил 2 (раскопки 1993 г.), в отличие от других псалий, имеют бронзовые наконечники (табл. XII, 1), стержни наконечников украшены витыми бороздками, а верхушки – в виде резко расширенной шайбочки и округлым выступом-шишечкой. Подобные псалии в литературе нам не встречались.

Еще на двух удилах имеются псалии особой формы. Они, как обычно, прямые, кованые из стержня круглого сечения, но место соединения с ремнями оголовья и с удилами оформлено в виде прямоугольного выступа с

продольными пазами – для ремней и для наружных колечек удил. Подобные удила можно будет со временем назвать «даргавсскими», если не будут подысканы аналогии.

Следует отметить, что удила обнаруживаются не только в тайниках, но и в катакомбах, символизируя, надо полагать, погребение коня.

СТРЕМЕНА. Если удила являются древнейшим изобретением, то стремена появились сравнительно позже. Как известно, скифы были великолепными наездниками, но конного боя не вели, они спешивались перед боем и вступали в битву врукопашную. Что же мешало им вести конный бой? Оказывается не было возможности быстро, резко маневрировать конем. Возможность маневрировать конем, да еще и виртуозно, появилась с изобретением стремян. (Это изобретение не потеряло своего значения по сей день). Стремена были широко распространены в Евразии в раннем средневековье. В нашем собрании их шесть экземпляров. Пять из них – железные, одно – деревянное. В профиль они полукруглые или круглые. Более ранними считаются полукруглые.

Железные стремена кованые. Вверху имеется выступ с горизонтальной прорезью для продевания ремня. Опорная для ноги часть, т.е. подножка, плоская, с продольными утолщениями для прочности. Такие стремена характерны для племен, обитавших в Евразии в раннем средневековье, особенно для салтово-маяцкой культуры (7, с. 148, рис. 36, 17). Эти стремена сменяются более легкими – круглого типа. В верхней части имеется у них выступ с горизонтальной прорезью для продевания ремня, а подножка – расширенная с утолщениями. Судя по конфигурации подножки, можно говорить о мягкой подошве обуви всадника. В целом изделия эти прочные, достаточно надежные в употреблении, несмотря на изящество.

В нашей коллекции стремян имеется и деревянный эк-

земпляр. Подножка не сохранилась. Было ли это стремя рабочим или изготовлено для погребальных целей – судить трудно. Во всяком случае, стремя изготовлено аккуратно и вполне возможна его рабочая утилизация.

О изготовлении стремян из дерева говорят материалы Пятигорья, где имеются деревянные подножки стремян (13, с. 165).

НАЧЕЛЬНИ**К**И. Особым украшением оголовья конского снаряжения является начельник. В. Б. Ковалевская, характеризуя сбруйный набор салтово-маяцкой культуры, отмечает, что «для аланских конских уборов весьма характерны были так называемые начельники – большие бронзовые (позолоченные) налобные бляхи с трубочкой для султанчика в центре и всегда находимые вместе с ними круглые или овальные бляхи, покрывавшие сбруйные ремни (в основном узду)… В степях таких уборов найдено не было – видимо, болгары ими не пользовались» (1, с. 74-75). Сказанное еще раз свидетельствует о аланской принадлежности Даргавсского могильника, т.е. начельника и бляхи, обнаруживаемые на Северном Кавказе, – это типично аланские изделия.

В нашем распоряжении три начельника. Основания их слабосферические. Один начельник с круглой основой, два – с боковыми овальными вырезами. Начельник, найденный нами в 2004 г., имеет не только боковые фигурные вырезы, но и шесть круглых отверстий-вырезов по всему полю основания (табл. XXII, 1).

Трубочки для султанчиков, вертикально укрепленные в середине начельника, так же разнообразны. Один из них в виде цилиндрика с тремя горизонтальными валиками, другой в виде усеченного конуса, третий – суженный в средней части (табл. VIII, 1; XX, 1; XXII, 1).

Налицо индивидуальный заказ или индивидуальное, т.е. нетиражированное изделие. Поэтому прямых анало-

гий у нас нет. Так как начельники из других памятников Северного Кавказа датируются более поздним временем, то следует вывод, что начельники использовались или изготовлялись долгое время. Так, змейские начельники датируются X-XII вв. (5, с. 100; 9, с. 134), начельники из Кисловодска (Кольцо-гора) также датируются X-XII вв. Следовательно, аланы украшали своих коней начельниками в VIII-XII вв.

БЛЯХИ И ФАЛАРЫ КОНСКОЙ СБРУИ. Особую нарядность коню придавали разнообразные бляхи – фалары, крепившиеся к узде, к нагрудным ремням и хвостовику, так что бляхи висели от груди коня до седла и на крупе. В основном бляхи круглые, из листового металла – бронзовые и серебряные, но есть и листовидные, с зубцами, с прорезями. В прорезях иногда укреплены мелкие бубенчики. На двух серебряных бляхах выбиты золоченные изображения – коня и то ли барана, то ли козла (табл. VIII, 4, 6). Кроме того четыре листовидные бляхи украшены пуансонным рисунком в виде кружочка со «стрелкой» острием вниз (табл. XXI, 7-10).

Замечательна ажурная прорезная бляха, видимо предназначавшаяся на грудь коня (табл. XX, 2). Крепились бляхи к ремням по-разному. Мелкие бляхи-кружочки видимо приклеивались, так как на них нет ни дырочек, ни заклепок. Более крупные – при помощи штифтиков. Но есть и подвесные бляхи на ремешках с миниатюрными пряжечками (табл. VIII, 7, 8), найдены бляхи и со специальными фигурными двусоставными пластинками, верхняя часть крепления соединена с нижней при помощи оси. При этом верхняя заклепками прикреплена к ремню, а нижняя, тоже заклепками, – к бляхе (табл. VIII, 3).

Есть бляхи, которые крепились к ремню тонкими кожаными полосками, продетыми в пробитые в верхней части блях дырочки (табл. XXI).

Бляхи, надо полагать, не только блестели (серебро, бронза с позолотой), но и звенели при движении коня. Эти украшения, скорее всего, были принадлежностью парадного убранства коня знатного всадника.

Аналогии круглым бляхам имеются в салтово-маяцких древностях (7, рис. 36, 15), в материалах из Чми и Кобани (10, табл. XXXVIII-X). Листовидные бляхи также находят аналогии, причем в тех же могильниках, где имеются круглые. Ажурной нагрудной бляхе и бляхам с прорезями и бубенчиками мы не подыскали аналогий.

Прочие аксессуары конского снаряжения – бубенчики, подпружные пряжки и др., настолько распространены, что встречаются на большой территории от Кавказа во все стороны. Как правило, это крупные бронзовые литые или спаянные из двух полусфер бубенцы, по нескольку штук, подвешиваемые к ремешкам упряжи.

Подпружные пряжки обычно отковывались из железа. Они бывают прямоугольно- и овальнорамчатые. Как обычно они сильно коррозированы (табл. X), отличаются друг от друга размерами.

СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИ**К**А. Во что был одет всадник, невозможно восстановить, но то, что он опоясывался, – бесспорно. Сохранились поясные пряжки разной формы, а также детали поясного набора: наконечники пояса, наконечники язычков, разнообразные бляшки, крепившиеся к поясу. Часть этих бляшек, возможно, первоначально имела какие-то утилитарные функции, но со временем они стали чисто декоративными. В то же время «…количество свешивающихся ремешков и поясных украшений (бляшек-накладок и небольших наконечников) и материал, из которого они изготовлены (золото, серебро, инкрустации драгоценными камнями или стеклом), имели определенную смысловую нагрузку» (7, с. 88). По поясу можно было судить о его владельце – о его социальном статусе, воинских успехах и пр.

Более простыми и шире распространенными, видимо, были прямоугольнорамчатые бронзовые пряжки с железным язычком (табл. XXXII, 2-4, 13, 16, 18, 31), с ними не бывает наконечников и бляшек. Они бытовали широко во времени и пространстве. Встречаются во многих могильниках средневековья. Более ранней в нашей коллекции оказывается бронзовая овальнорамчатая пряжка с поясным набором с язычками, накладными и подвесными бляшками, обоймицами и пр. (табл. XXXII, 20-27). Такие пряжки и поясной набор характерен для VI-VII вв. Все остальные пряжки датируются VIII-IX вв. На ряде поясных бляшек имеются схематические изображения личин с бородами и усами, а также схематически намеченных глаз, носа, рта (табл. XXXII, 7, 21; XXXIII, 40-41, 44-45). По нашему предположению, это изображение человеческого лица (или головы) восходит к скифскому обычаю подвешивания к узде или к поясу скальпа убитого в бою врага (4, с. 113).

Щиток бронзовой пряжки (пряжка утеряна) из катакомбы №24 с тремя каплеобразными вырезами, в целом имитирующее человеческое лицо (табл. XXXII, 36), имеет абсолютные аналогии в Едысском могильнике VI-VII вв., а такой же щиток из Чмийских катакомб, который А. Хайнрих датирует VI-VIII вв. (10, табл. XVI, 4, с. 193). В. Б. Ковалевская подобные пряжки датирует VIII в. (12, табл. XIII, 8, 9).

В Даргавсском могильнике встречаются пряжки разнообразной формы как с цельнолитыми щитками, так и с подвижным соединением, а щитки есть и раздвоенные (табл. XXXII, 20), и прямоугольные (табл. XXXII, 29), и с кружочками между щитком и рамкой (табл. XXXII, 32). Есть пряжки и с геральдическими щитками (табл. XXXII, 35).

На щитке одной пряжки имеется изображение животного, детали которого не просматриваются. Подобное изображение имеется на прямоугольной с прорезью бляхе от того же поясного набора (табл. XXXII, 8, 9). Пряжки

с изображениями животных на щитке известны из Лезгора и Камунта и датируются III-IX вв. Надо полагать, что и наша пряжка также VIII-IX вв.

Из-за перемешанности останков погребенных в катакомбах трудно судить о соответствии тех или иных поясных блях к определенным пряжкам, т.е. невозможно реконструировать поясной набор.

Однако в нескольких случаях это удается, тем более что детали поясного набора обнаруживаются рядом или в погребении нет других пряжек и т.д.

Эти поясные наборы из катакомб №8, 13, 28, 30. Эти наборы имеют разнообразные накладные бляхи, украшенные орнаментом наконечники. Небольшие их пряжки предполагают узкие кожаные ремни, однако достаточные для закрепления на нем блях с помощью шпеньков.

САБЛИ. Наиболее значимой деталью воинского снаряжения всадника, безусловно, была сабля. Нами найдено девять сабель. Исследователи видов оружия считают, что сабля появляется в Евразии в VIII-IX вв. Сабля – типичное вооружение аланского всадника. Но не всегда она попадала в могилу. Это могли себе позволить только знатные и богатые, а остальные покойники довольствовались другими видами оружия: копьем, топором, стрелами, а то и просто ножом.

Сабли, появившись, были сперва прямыми, но, в отличие от мечей, однолезвийными. Но концы сабель затачивались с двух сторон, т.е. это было оружие рубяще-колющего действия. Со временем появляется и тип сабель с изгибом. На наших саблях изгиб отмечается на пяти, другие четыре – прямые (табл. XXIV). Рукояти сабель как прямые, так и с некоторым наклоном в сторону лезвия, у трех сабель сохранились навершия рукоятей. Перекрестия прямые с шарообразными концами. Одно перекрестье изогнуто. Сабли находились в деревянных ножнах, возможно об-

тянутых кожей. Наконечники ножен в виде сплюснутых цилиндриков отмечены у четырех сабель. На ножнах имелись по две скобы для подвешивания (сохранились только у двух сабель). Зафиксированные В. А. Кузнецовым темляки на саблях Змейского могильника на Даргавсском могильнике не отмечены (9, с. 110).

ТОПОРЫ. На Даргавсском могильнике топоры встречаются чаще, нежели сабли. Топоров зафиксировано пятнадцать. Выделяется топор с обушком в виде молоточка (табл. XXVII, 1). Один топор имеет обушную часть в виде клина (табл. XXVI, 1). В проушинах топоров иногда сохраняются остатки деревянного топорища. Проушины овальные в плане, что способствовало прочному укреплению топора на топорище. Лезвийная часть топора обычно расширяющегося типа. В одном случае лезвие топора резко расширяется в виде лопаточки (табл. XXVIII, 6).

В катакомбах найдено множество мелких топориков, вряд ли имевших применение в бою, и поэтому они здесь не рассматриваются. Мы их относим к символическим изделиям, изготовленным для погребальных целей. Тем более что проушины у них круглые и диаметр весьма незначителен. Рукоятка такого топорика была чуть толще карандаша.

КОПЬЯ. Наконечников копий найдено всего три. Одно листовидное и два – с граненой боевой частью (табл. XXIX, 1). Граненость достигается с помощью ребра прочности. Втулка – слабо коническая с ободком-бортиком на конце и раскована. Малое количество наконечников копий (их почти полное отсутствие) в Змейском могильнике отмечал В. А. Кузнецов (9, 115). В салтовских катакомбах В. Б. Ковалевская, перечисляя номенклатуру оружия, отмечает – «изредка копья» (7, с. 74).

Причины этого непонятны: то ли непрестижны копья в катакомбах, то ли попросту не помещались из-за длины

(хотя единицы все же умещались!). Но то, что копья были на вооружении аланских всадников, – это бесспорно.

Копья в катакомбах почти все однотипные – с листовидными перьями и граненые (7, рис. 36; 14, рис. 8).

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ. Более многочисленны находки наконечников стрел. Найдено 24 экземпляра (табл. XXXI). Все они железные, черешковые. На некоторых наконечниках имеются кольцевые валики, на основании черешка встречаются следующие типы стрел: листовидные, трехгранные, четырехгранные, трехлопастные, вильчатые («срезни»). В сечении – линзовидные, ромбовидные, подтреугольные с вогнутыми сторонами. В нескольких катакомбах отмечены и фрагменты древков стрел.

Судя по конфигурации наконечников, они, кроме вильчатых, боевые, в том числе и бронебойные, для пробивания кольчужного панциря. Аналогии нашим наконечникам известны во многих средневековых памятниках, и для Даргавса специфических форм нет. Единственное, что мы зафиксировали, это берестяная обертка древка стрелы прямо под наконечником. Эта «обертка» или лента из бересты, по-видимому, фиксировала прочное крепление черешка наконечника в древке (табл. XXXI, 15, 16).

Найденные наконечники стрел датируются VIII-X вв.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДЕТАЛИ КОЛЧАНОВ. Колчаны в Даргавсских катакомбах не сохранились. Найдены лишь колчанные петли и крюки (табл. XXX). Петли крепились к наружным стенкам колчанов и в эти петли продевались крючки, которые ремешками подвешивались к поясу, а то, возможно, и к специальной портупее-перевязи. Колчанные петли выкованы из полос железа. Выгнутая в середине или с краю часть полосы образовывает петлю. Петля к стенке колчана крепилась с помощью заклепок. Крюки выкованы из железного прута. Рамка для ремня подвески – овальная или прямоугольная. Заостренный конец резко загибает-

ся кверху, образуя надежный крюк. Из семи колчанных петель одна выкована довольно изящно из двух разновеликих пластин с заостренными концами. Пластины, соединенные скобочкой, которая и есть сама петля.

Петля крепилась к колчану четырьмя заклепками (табл. XXX, 1). Петли и крючки колчанов, так же как и наконечники стрел, датируются VIII-X вв.

НОЖИ. Непременной принадлежностью мужского костюма, в том числе и всадника, был нож.

В Даргавсских катакомбах их множество. В основном это небольшие изделия 10-15 см. Но есть и большой нож – до 30 см (табл. XXIX, 4). Ножи прямые, с односторонней заточкой. Рукоятки были скорее всего деревянные, насаженные на стержень или черешок. У ножей деревянные ножны. Остатки ножен из-за ржавчины «прикипели» к лезвиям. Наряду с обыкновенными ножами в Даргавсских катакомбах были найдены двойные ножи, вернее, по два ножа в одних ножнах. Ножи вкладывались в ножны лезвиями в разные стороны (табл. XXV, 11). Рукояти ножей не сохранились, но деревянные ножны были обиты листовым металлом (серебро или бронза). Ножны, кроме того, были снабжены наконечниками – гладкими и округлыми (табл. XXV, 8-11). Гладкие наконечники представляли собой уплощенные цилиндрики с плоским дном в виде овала. Круглые наконечники с вертикальными вырезами и гладкие. Устье одного такого ножа представляло собой геральдическую обойму с прорезями. Подобные ножи известны из памятников Чечено-Ингушетии и Тарского катакомбного могильника (15, табл. VII, XIII, XXIV, XXXIII). Датируются VIII-IX вв.

ОСЕЛ**К**И. Затачивание оружия – непременное условие его успешного применения. Поэтому у всадников должны были быть с собой оселки. Нами найдено четыре экземпляра. Все они изящны, удобны, выточены в виде уплощенных брусочков с округлыми краями. Три из них имеют

сверлины для продевания ремешка, а один, гладкий, видимо предназначавшийся для ношения в футляре (табл. XXXIV, 14). Носились оселки подвешенными к поясу.

ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ. Предметы защитного доспеха в аланских катакомбах не обнаруживаются, кроме иногда находимых фрагментов кольчуги. В Даргавсе найдено всего два фрагмента, да и те в сильно коррозированном состоянии (табл. XXX, 14, 15). Такие же спекшиеся из-за коррозии фрагменты кольчуги найдены на Тарском Катакомбном могильнике (15, табл. XIII, XXV).

Вот и салтовцы не баловались защитным доспехом. О них В. Б. Ковалевская пишет: «никаких следов доспехов, кроме остатков кольчужных поясов в погребениях и поселениях, обнаружено не было» (7, с. 74).

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ. Почему-то редкими находками в катакомбах являются и кресала. Нами найдено всего три экземпляра. Они традиционной формы, т.е. в виде удлиненного калачика. Одно кресало с прикипевшим из-за коррозии кусочком кремня, на другом – фрагмент ткани. Кресала подобного типа весьма распространены у многих народов Евразии на большом протяжении времени вплоть до нового времени.

ЧЕРПА**К**И. Найденные в катакомбах Даргавса деревянные ковшики-черпаки, по всей вероятности, были походными и входили в номенклатуру экипировки всадника. Это небольшие сосуды с плоской горизонтальной ручкой, в которой просверлено отверстие для ремешка или веревки. Скорее всего, черпак бывал приторочен к седлу. Потрескавшиеся края черпаков искусно укреплены серебряными обоймицами, такие же крепежные приспособления из листового металла наблюдаются между корпусом и ручкой (табл. XXV, 1).

Один экземпляр без металлических деталей (табл. XXXVI, 1). Всего найдено шесть черпаков. Три из них сохра-

нили конфигурацию, хотя частично истлели, а три других сохранились только во фрагментах, причем сохранились только фрагменты с оковками и скрепленные скобочками части донышек (табл. XXXVI, 2-6). Подобные черпаки нам в литературе не встречались, но вряд ли они бытовали только в Даргавсе. Скорее всего они не сохранились в катакомбах, тем более что деревянные изделия редко сохраняются в могильниках.

АМУЛЕТЫ И ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА. Найденные нами амулеты и предметы туалета – копоушки и ногтечистки – археологи считают принадлежащими женщинам, но исключать их из мужского обихода вряд ли нужно. Именно поэтому мы включаем их в наш обзор. Да и женщины могли быть всадницами.

Бронзовые и костяные ногтечистки в виде когтя хищника имели отверстия для подвешивания. Костяным ногтечисткам мы аналогий не нашли, а бронзовые имеют аналогии в Змейском могильнике (16, табл. IV, 11-15), хотя те и датируются XI-XII вв. Поэтому можно прийти к заключению, что ногтечистки бытовали довольно продолжительное время – с VIII по XII вв.

Амулеты, найденные нами в Даргавсских катакомбах, в основном колесовидные, с петлями для подвешивания и без, в виде ромба с колечками на вершинах, а также и с соколиными головками (табл.).

Колесовидные амулеты известны из Чми (10, табл. XV, XXIII), в других Северо-Кавказских древностях (7, рис.64) датируются VIII-IX вв.

СТОЛИ**К-ФЫНГ.** Столики в катакомбах встречаются, но крайне редко. Нами было найдено 3 столика. Но два из них чисто ритуальные, изготовленные, возможно, специально для того или иного покойника. Кроме того у них по четыре ножки. Третий столик с круглой столешницей и съемными ножками. Ножки эти могли вставляться в специальные

пазы и закрепляться боковыми затычками. Эти столики свободно могли перевозиться всадниками в разобранном виде. А в пути, при привалах и ночлегах, на этих столиках совершались священные трапезы – куывды.

Такие столики в литературе нам не попадались. Зато в осетинском быту дожили до наших дней. Недаром треногий столик с круглой столешницей-фынг стал символом гостеприимства у осетин. Как показывают археологические материалы, такие «фынг»-и бытовали уже в VIII-IX вв., но могли бытовать и раньше.

Рассмотренные в работепредметы конского снаряжения и экипировки всадника дают определенную картину внешнего облика аланского воина-всадника.

Вооружение – сабля, копье, лук со стрелами, боевой топор, метательные ножи и отсутствие доспеха – делают его легковооруженным всадником, не отягощенным тяжелым доспехом, готовым в любой момент к стремительному движению. Быстрота и легкость аланской конницы вместе с виртуозным владением оружием делали аланское войско непобедимым и неуловимым. Владение лучным и конным боем обеспечивало успех при внезапных атаках, в маневрировании.

Даргавсские аланы могли неожиданно появляться на равнине через горные тропы и, совершив свои действия, также исчезать в горных ущельях, где они находились в безопасности. Разный уровень насыщенности катакомб предметами быта, обихода, оружия и украшениями говорит о имущественном и социальном неравенстве у алан в VIII-IX вв. Одни погребенные снабжены разнообразными, в том числе и привозными, предметами. У других – только самое необходимое, без излишеств.

Конское снаряжение с богатым убранством – это не просто бытовые предметы, а парадный наряд. Вряд ли аланы ходили в поход, вступали в сражение расфуфырен-

ными, со звоном бубенчиков и пр. Для этого нужна была другая экипировка – суровая и жестко необходимая, без привесок, фаларов и проч.

Все предметы экипировки всадника и конское снаряжение не имеют следов заимствования или импората и вероятно изготовлялось на месте. Т.е. у алан Даргавса были свои кузнецы-оружейники, седельщики, скорняки, мастера по обработке дерева, кости и пр., т.е. вполне развитое ремесленное производство, причем со специфическими уклонами. Войско или дружина имела прочную ремесленно-хозяйственную базу. И если хлебопашеством и земледелием занимались все, за исключением верхушки, то ремеслом, да еще на высоком уровне, были заняты искусные мастера, с высоким уровнем технических навыков, что вряд ли было доступно любому дружиннику.

Можно утверждать, что Даргавсское общество в VIII-IX вв. было довольно развито и обеспечено как продуктами производства, так и продуктами жизнеобеспечения. Надо отметить и довольно высокую плотность населения, если иметь в виду обширный могильник, оставленный ими. Ибо площадь раскапываемого нами могильника достигает площади более сорока гектаров. При этом могилы этого времени, т.е. VIII-IX вв. были раскопаны не только в данной местности, но и на территории самого селения Даргавс (11, с. 105).

Даргавсские аланы, безусловно, имели теснейшие связи со своими соплеменниками на равнине, о чем говорят многочисленные аналогии найденным нами предметам. О том, что это был один народ, говорят не только сами катакомбы, т.е. у них были одни и те же погребальные обряды и погребальные сооружения, одни и те же типы оружия, конского снаряжения и всего прочего. Вероятно, они вместе участвовали в дальних походах, поддерживали всяческие связи, ощущали это единство, не были замкнутыми по

ущельям разрозненными племенными группами. Иначе нельзя объяснить многие аналогии и схождения в материальной и духовной культуре. Культура алан в материальной и духовной сфере по своей сути и в основном едина.

Литература

1. Ковалевская В. Б. Конь и всадник, М., 1977.

2. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Мартан-Чуйский I могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

3. Ковалевская В. Б. Северо-кавказские древности // Степи Евразиии в эпоху средневековья. М., 1981.

4. Дзаттиаты Р. Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI-VII вв. н.э.) // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

5. Сосранов Р. С. Захоронения коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества X-XI вв. // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа: Сборник научных трудов. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 1986.

6. Савенко С. Н. Конские захоронения на могильнике X-XII вв. н.э. Кольцо-гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 1983.

7. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

8. Крупнов Е. И. Галиатский могильник как источник по истории алановсов // ВДИ. 1938. №2 (3).

9. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

10. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венско-

го Естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

11. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900.

12. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. Вып. 1-2. М., 1979.

13. Рунич А. П. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. 1973. №1.

14. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 106. М., 1962.

15. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

16. Кузнецов В. А. Исследования змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии // МИА 111. М., 1963.

Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавсского катакомбного могильника). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 123 с.; илл.

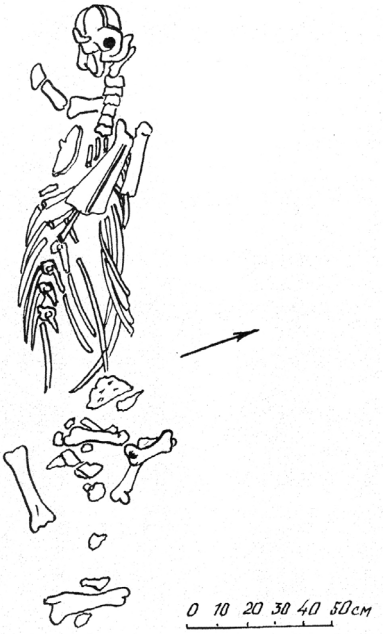


Таблица I. Конское погребение без предметов снаряжения

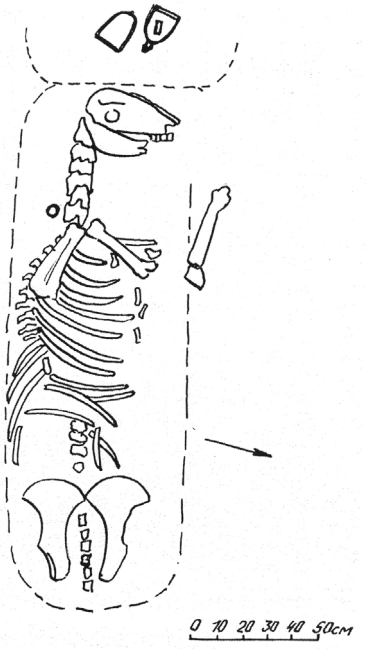


Таблица II. Конское погребение близ катакомбы №3

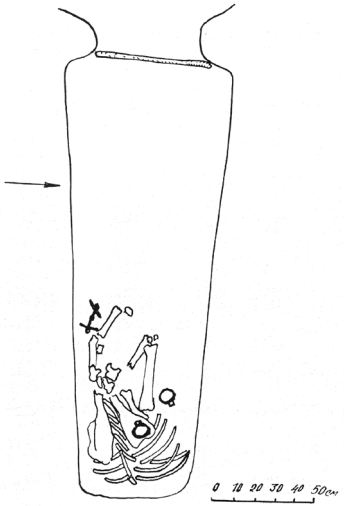


Таблица III. Часть костяка коня с удилами и стременами в дромосе катакомбы №28

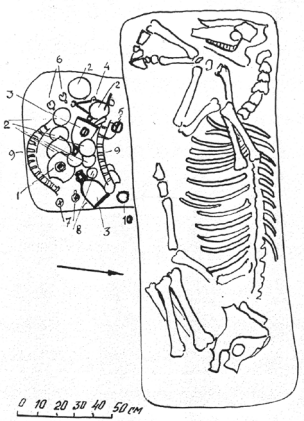


Таблица IV. Конское погребение с нишей-тайником для сбруи:
1 – начельник; 2 – подвесные бляхи; 3 – стремена; 4 – удила; 5 – пряжка железная; 6 – бубенцы; 7 – литые бубенчики; 8 – бубенчики; 9 – луки седла; 10 – железные кольца

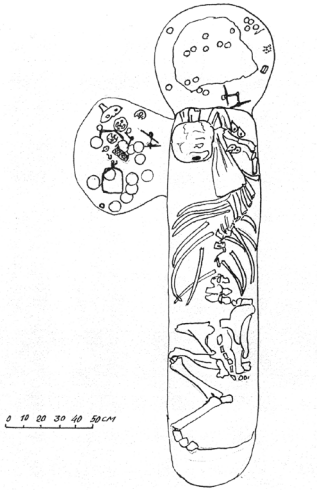


Таблица V. Конское погребение с двумя нишами-тайниками для предметов оголовий

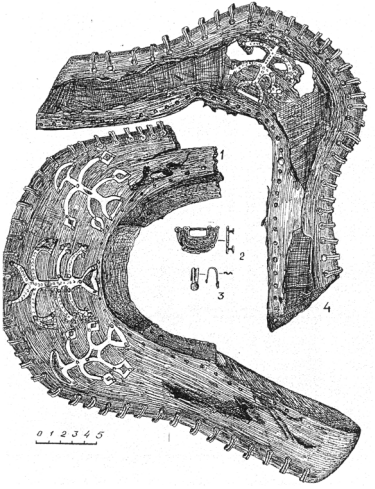


Таблица VI. Луки седла из тайника близ катакомбы №1

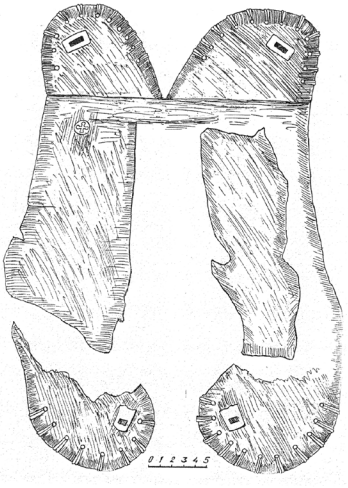


Таблица VII. Ленчики седла из тайника близ катакомбы №1

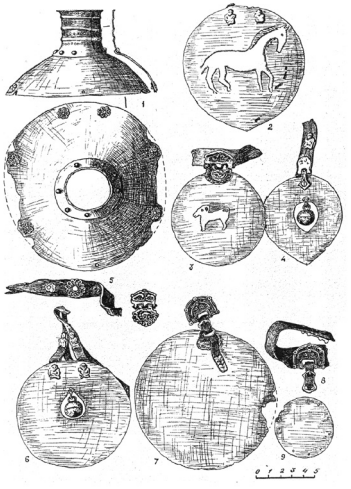


Таблица VIII. Начельник (1) и подвесные бляхи (2-9)

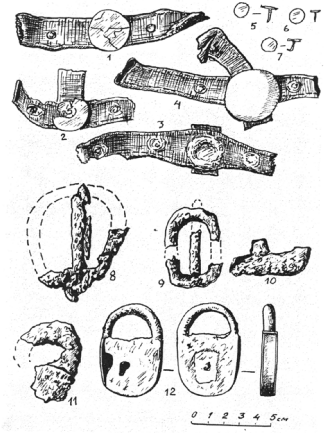


Таблица IX. Фрагменты кожаной упряжи и бронзовых накладок (1-7), железные пряжки (8-11), висячий замок (12)

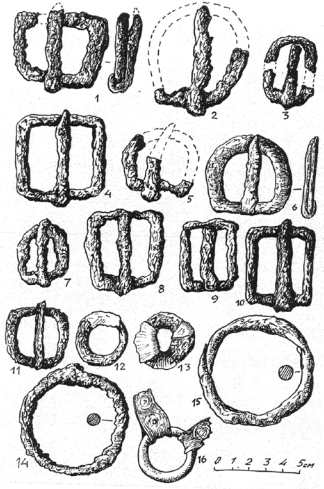


Таблица X. Железные пряжки и кольца упряжи

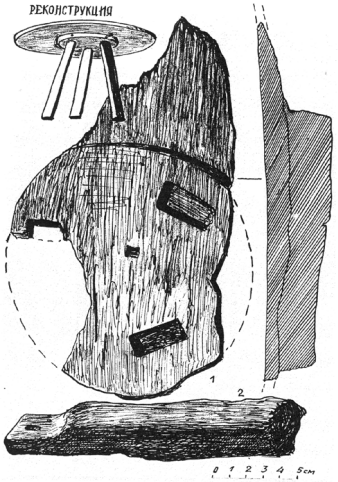


Таблица XI. Фрагменты треножного столика: столешница (1), съемная ножка (2)

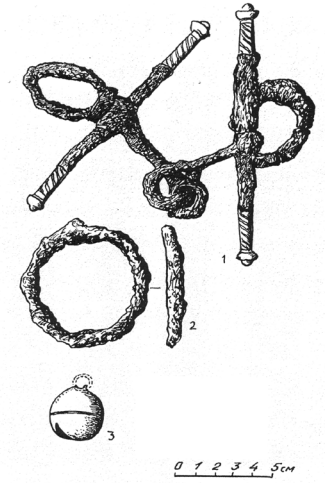


Таблица XII. Удила с бронзовыми наконечниками псалий (1), железное кольцо (2), бронзовый бубенчик (3)

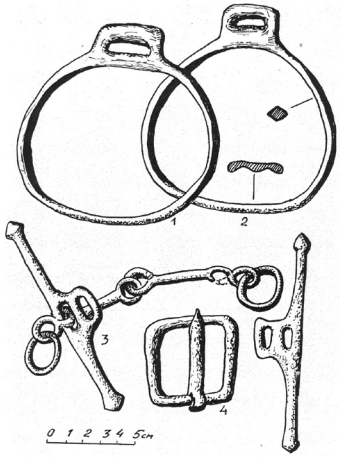


Таблица XIII. Железные стремена (1, 2), железные удила (3), пряжка (4)

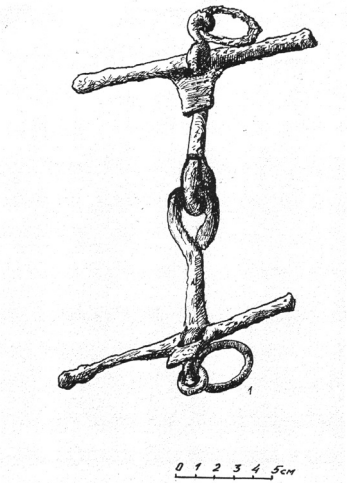


Таблица XVI. Железные удила

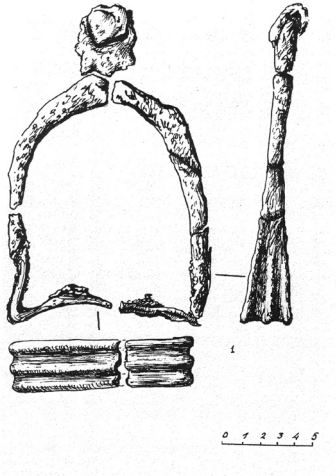


Таблица XVII. Железное стремя

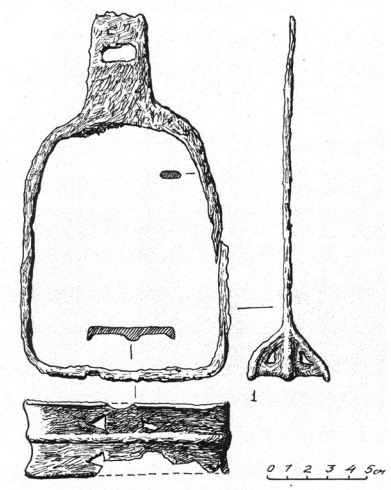


Таблица XVIII. Железное стремя

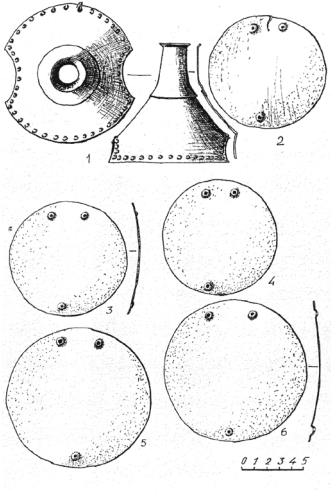


Таблица XX. Начельник (1) и подвесные бляхи упряжи (2-6)

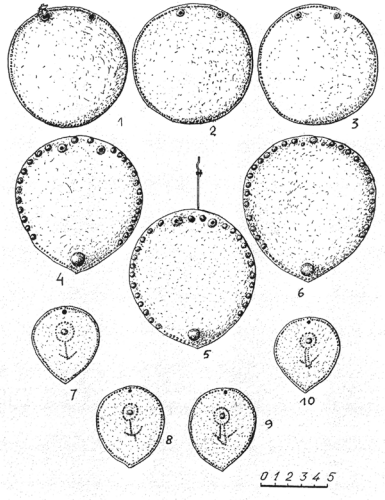


Таблица XXI. Подвесные бляхи упряжи (1-6) и бляхи оголовья (7-10)

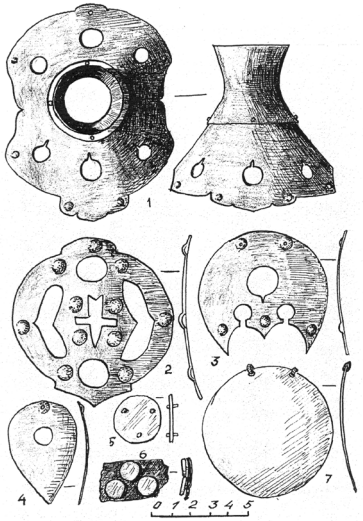


Таблица XXII. Начельник (1), подвесные бляхи (2-4, 7), накладки кожаных ремней упряжи (5,6)

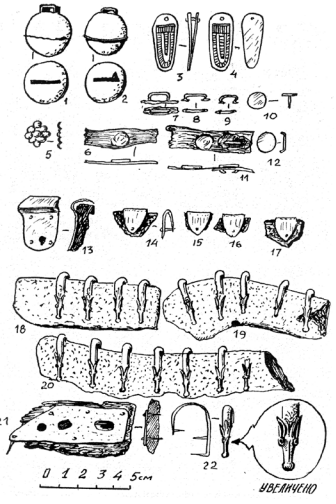


Таблица XXIII. Бронзовые бубенчики (1, 2), наконечники ремешков (3, 4), накладки и фрагменты ремешков упряжи (5-12), оковки черпака (13-17), фигурные оковки луки седла (18-22)

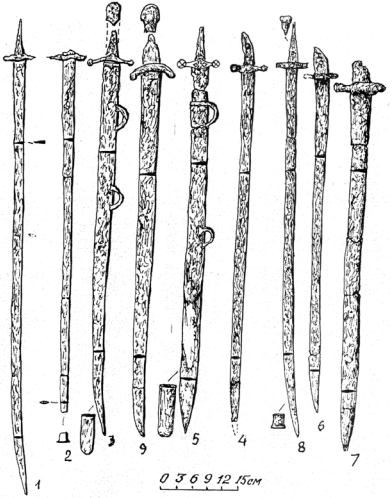


Таблица XXIV. Палаши и сабли

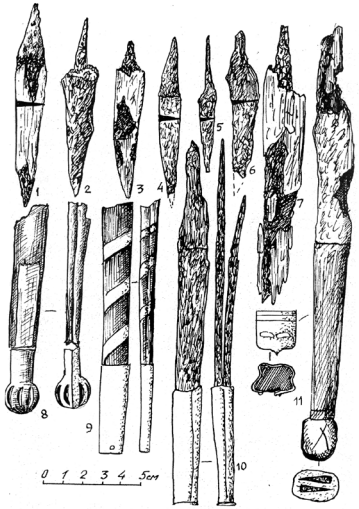


Таблица XXV. Ножи бытовые (1-7) и метательные ножи в ножнах с оковками (8-11)

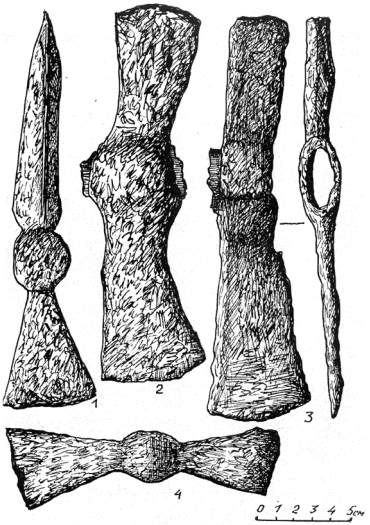


Таблица XXVI. Боевые топоры

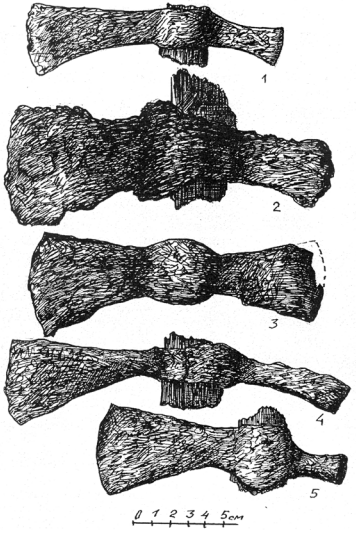


Таблица XXVII. Боевые топоры

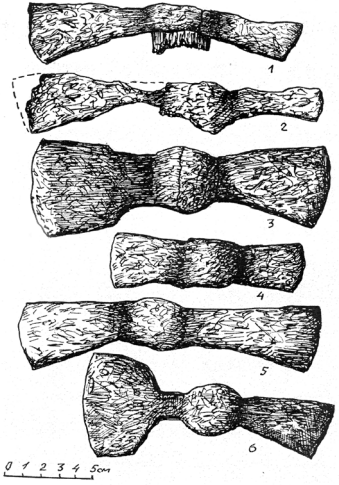
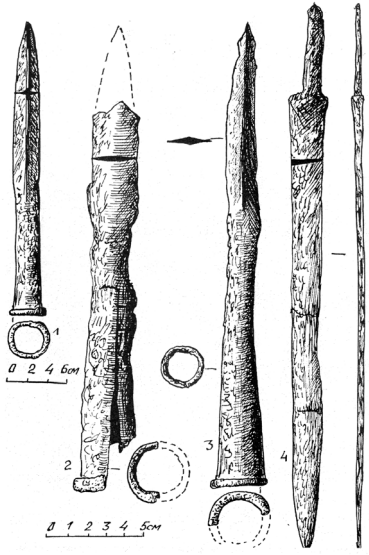


Таблица XXVIII. Боевые топоры



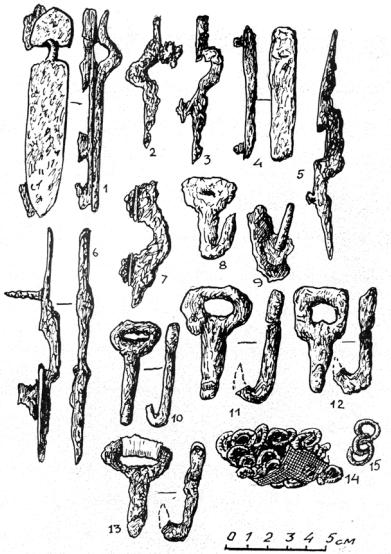


Таблица XXX. Колчанные петли (1-7), колчанные крюки (8-13) и фрагменты кольчуг (14, 15)

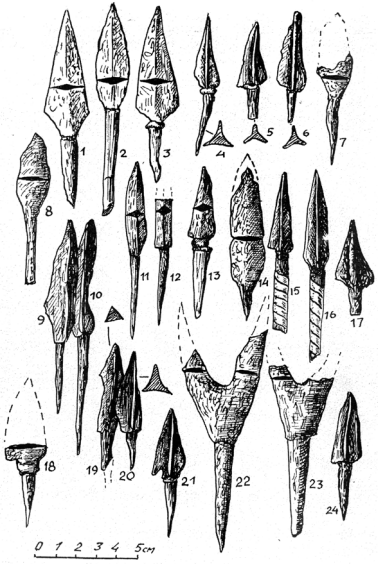


Таблица XXXI. Наконечники стрел

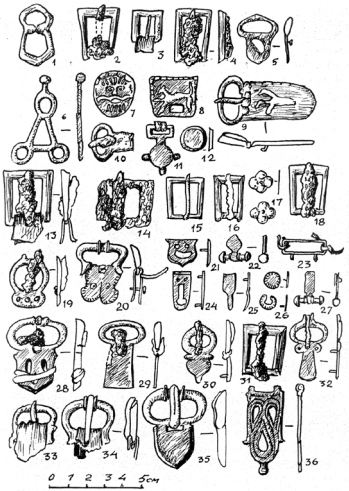


Таблица XXXII. Пряжки (1-5, 9-10, 13-16, 18-20, 28-36), поясные накладки (7-8, 12, 17, 21, 24-26), привески (11, 22-23, 27), наконечник ремешка (6)

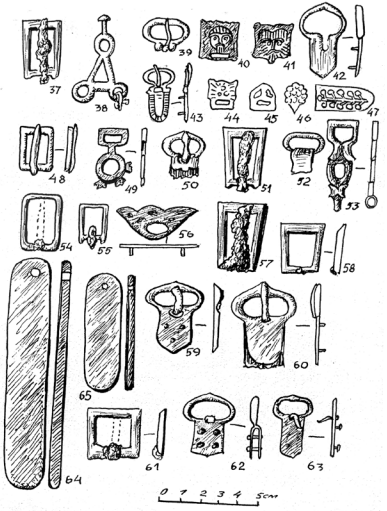


Таблица XXXIII. Пряжки (37, 39, 42-43, 48, 50-52, 54-60), поясные накладки (40-41, 44-47), поясные подвески (49,53,56), наконечник ремешка (38), оселки (64-65)

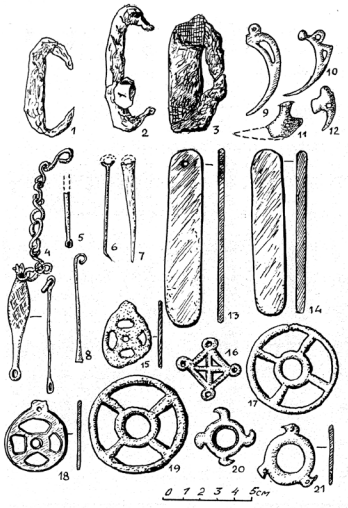


Таблица XXXIV. Кресала (1-3), ногтечистки (9-12), копоушки (4-8), оселки (13,14), амулеты (15-21)

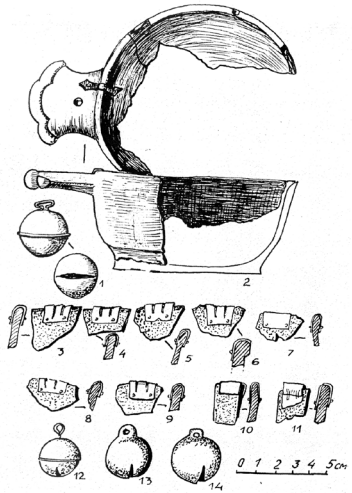


Таблица XXXV. Деревянный черпак (2), бронзовые бубенчики (1, 12-14), оковки деревянного черпака (3-11)

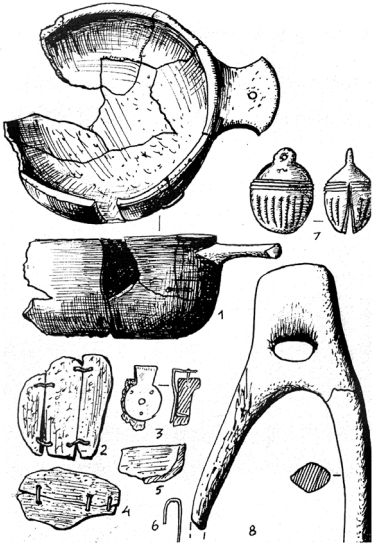


Таблица XXXVI. Деревянный черпак (1), фрагменты деревянного черпака (2-6), бронзовый бубенчик (7), деревянное стремя (8)

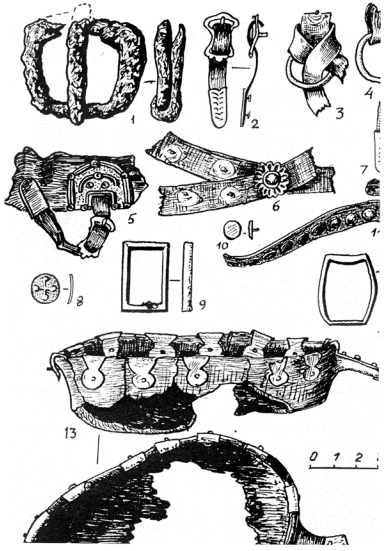


Таблица XXXVII. Пряжки (1, 9, 12), фрагменты ремешков упряжи с накладками (2-8, 10), деревянный черпак с оковками (13)

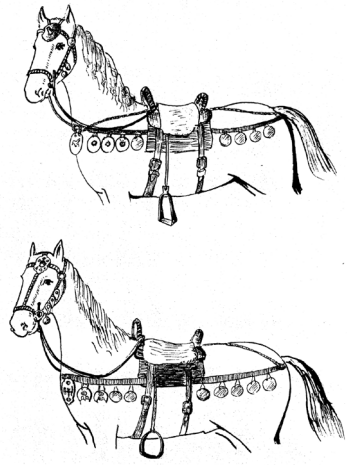


Таблица XXXVIII. Варианты реконструкции парадного снаряжения коня

Рис.1. Флаг республик Северная Осетия – Алания и Южная Осетия

Рис.2. Сарматское надгробие

Рис.3. Изображение на стене Кяфарской гробницы

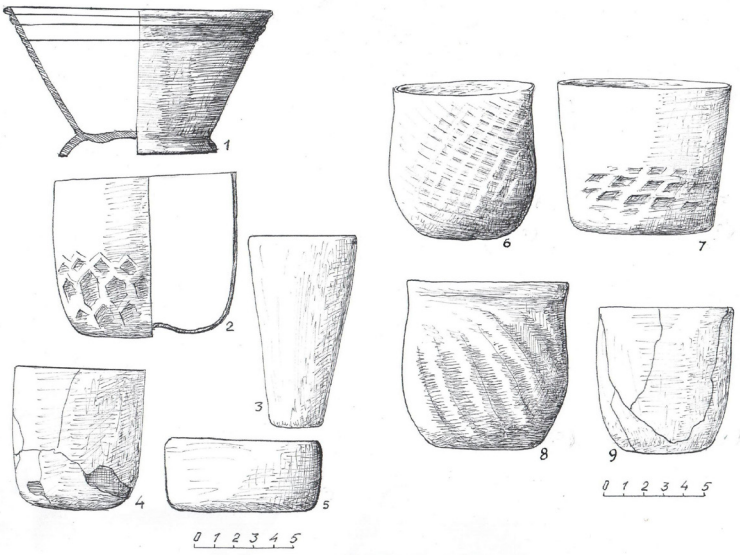
Рис.4. Знаменосец короля Англии Гарольда. Рисунок на гобелене. Франция XII в.

Рис. 4. Изображение драконнообразного штандарта «Золотый псалтирь» из Сент-Полла. Франция IX в.

Рис. 6. Сванское знамя «леми»

Рис.7. Шкатулка из катакомбы Даргавского могильника

Рис.8. Крышка шкатулки из катакомбы Даргавского могильника


1
2
3
4
5
0 1 2 3 4 5
6
7
8
9
0 1 2 3 4 5

ЗОДЧЕСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ОСЕТИИ

Оборонительные сооружения. Самым древним памятником каменного зодчества в Осетии, возможно, раннего Средневековья, следует считать крепость «Зылды мæсыг» (Южная Осетия, верховья р. Лиахвы) – «Башня круга» – овальная в плане стена из больших глыб лавового происхождения с так называемой циклопической кладкой, т.е. кладкой без промазывания ее раствором, а прочность стены достигается большим весом элементов. Толщина и высота стен – до 2,5-3 м. В северной части «овала», по направлению к перевалу, отмечается проход высотой в 1,5 м и шириной – до 1 м. Длина стены доходила до 200 м, часть обрушилась в ущелье р. Лиахвы.

Позже, но также без точной датировки, были возведены заградительные стены и таможенные заставы. Находящаяся в Куртатинском ущелье (у с. Гуытъиатыхъæу) Хилакская заградительная стена длиной в 335 м была выстроена из разновеликих камней на прочном известковом растворе, она перекрывала проезд в ущелье (Тменов, 1979. С. 62-64). Сохранились фрагменты шести башен этой стены.

Мало сохранившиеся фрагменты еще одной заградительной стены имеются в Касарском ущелье (Тменов. С. 164, 165). В том же Касарском ущелье существуют и таможенные заставы «Чъырамад» и «Зылын дуар».

Едва ли найдется горное осетинское село (хъæу), где бы не были примечательные архитектурные памятники-башни. Исследователи полагают, что самыми ранними типами башен были жилые – гæнах, одно- или двухэтажные каменные постройки, приспособленные как для жилья, так и для обороны. Позже стали возводить специальные боевые башни, уже не приспособленные для постоянного проживания: в отличие от жилой башни, вход в которую был на

первом этаже, доступ в боевую башню – на уровне второго этажа, и попасть в нее возможно только при помощи приставной лестницы или бревна с зарубками (Тменов. С. 33).

Следует отметить, что любой населенный пункт в горах – это не произвольно выбранное место, а строго отвечающее определенным требованиям, выработанным многовековой практикой: защищенность от снежных обвалов, наводнений, оползней и селей. Место выбирается на солнечной стороне, желательно, чтобы была близость водного источника – родника или реки. Для выбора места строительства башни к этим требованиям добавлялись еще условия для стратегического обзора местности. Из башни необходимо наблюдать за любым движением агрессивного характера, и передавать также сигнал об опасности соседям. Наличие огнестрельного оружия повышало эту опасность. И только каменные сооружения с особыми фортификационными возможностями могли защитить жизнь их обитателям. Башни строили далеко не все члены горских обществ, а только имущие слои.

Как правило, башня стояла выше жилых строений. Наиболее подходящим местом для ее возведения являлся пологий отрог горы, на котором расчищалась площадка до скального выхода, и на нем, как на прочном фундаменте, начиналось строительство (Чибиров, 1970). Так как по неписаным законам башня должна была возводиться за сезон, то предварительно заготавливался стройматериал: подвозились скальные обломки, куски твердого травертина, твердые сланцы, деревянные балки, жерди, хворост, глина. За несколько лет производился обжиг известняка, который затем помещали в яму, где известь гасилась водой не сразу, а постепенно – почвенной влагой (Дзаттиаты, 2002. С. 12). Это способствовало тому, что достигалась особая вязкость и прочность известкового раствора. Кроме скальных обломков при строительстве применялись

и туфы, т.е. в ход шел тот камень, который был в данной местности, за исключением речного булыжника, который никогда не применялся.

Башни в плане, в подавляющем большинстве, были четырехугольными, однако есть и с одной округлой тыльной стеной. В основании, по углам, устанавливались большие скальные монолиты, которые подвергались частичной обработке, иногда образуя подобие цоколя. На них клали обломки поменьше, причем ровной стороной наружу, чем достигалась видимость гладкой стены. Камни скреплялись известковым раствором. Первый этаж обычно был сплошным, забутованным – иногда здесь устраивалась яма для пленников хъоргъ. Стены второго и последующих этажей были панцирными: между наружной стеной и внутренней, которая также была гладкой, пространство заполнялось битым камнем забутовкой. Перекрытие этажей производилось за счет встраивания в стены трех поперечных балок, на которые укладывались впритык жерди из нетолстых стволов, на жерди – слой хвороста, а поверх него – глина, утрамбованная специальной колотушкой – къулæг. В одном из углов перекрытия оставлялось отверстие для сообщения со следующим этажом, вплоть до самого верхнего перекрытия башни. Дверной проем устраивался на втором этаже. Обычная форма проема – арочная. Арка – из обработанного известняка или туфа, двери башни – из толстых (преимущественно дубовых) досок. Двери открывались вовнутрь на вертикальных деревянных же осях – штырях. Слева или справа у нижней части дверного проема в стене укрепляли продолговатый каменный брус, выступавший из стены на 20-30 см, служивший опорой для приставной лестницы или бревна с зарубками, во время боевых действий убиравшихся внутрь. Межэтажное сообщение также осуществлялось при помощи лестниц или бревен с зарубками-ступеньками. Между камнями кладки

строились боевые, амбразуры-бойницы, расширяющиеся внутрь и совершенно незаметные снаружи. Бойницы устраивались во всех стенах, причем обзор местности был всеохватывающим: незаметно подойти к башне было невозможно – все вокруг находилось в поле зрения наблюдателей из башни. «Мертвой» зоной оказывалось только место у стен башни. Туда можно было проникнуть под покровом ночи. Для противодействия приблизившимся к башне неприятельским силам, на верхних этажах башни устраивались навесные бойницы-машикули – небольшие выступающие балкончики из камня на каменных консолях с отверстием в полу. Чаще всего эти навесные бойницы находились над дверным проемом, однако некоторые башни имеют подобные бойницы на всех четырех стенах. Верхнее перекрытие башни тоже служило для обороны и ведения боя: оттуда могли сбрасывать камни на штурмующих, а также вести ружейный огонь из-за невысокого парапета-бруствера. Долгой осады башни, конечно, не выдерживали, ибо были рассчитаны на относительно короткие, межродовые столкновения.

Башням присуща своя особая архитектурная эстетика: это и ровность и завершенность стен, тщательная обработка арочных проемов, рисунки-петроглифы на камнях у дверного проема, а иногда и ровные полосы из белых камней (полевого шпата) на верхней части стены. Так, на башне фамилии Малдзиговых в Кевсельтском ущелье (Южная Осетия) на камне выбит целый рисуночный рассказ о семи братьях-силачах – строителях башни – и их сестре-богатырше.

О дате строительства многих башен свидетельствуют бойницы, присущие времени широкого использования огнестрельного оружия. Для центрального Кавказа, в том числе и для Осетии, это XVI – XVII вв. (Тменов, 1984. С. 105) – период массового строительства башен. Но в некоторых

башнях есть и бойницы, приспособленные для лучного боя (Дзаттиаты, 2002. С. 293). Из этого следует, что башенное строительство было начато задолго до появления огнестрельного оружия.

Усиление феодальных отношений в осетинских обществах отразилось и на строительстве башен: там, где эти отношения были достаточно сильны (в Дигории, например), башен намного меньше (их десятки), чем в тех обществах, где еще сохранялись родовые отношения. Так, в «вольных» обществах Наро-Мамисонского округа, Южной Осетии и других местах высокогорья, башен намного больше, и их число насчитывает сотни.

Склеповые сооружения. Вера в загробную жизнь и культ предков у осетин, традиции, восходящие к скифо-сарматской эпохе, отражены в характере похоронно-поминальной обрядности и специфике погребальных сооружений. Среди них есть такие, когда вся конструкция покрыта грунтом. Встречаются и каменные склепы, прошедшие свой путь развития от подземных к полуподземным, когда только часть строения углублена в склон, а надземный фасад целиком находится на поверхности. Генезис склеповых сооружений восходит, с одной стороны, к аланским катакомбам, и с другой – к традиционным каменным ящикам и гробницам.

Стены склепа возводились из скальных обломков, обработанных туфов с применением известкового раствора, с ложным сводом и лазом-проходом, который, в отличие от проходов в башню, был прямоугольным. Лаз обычно располагался на южной стороне фасада. Толщина стен склепов составляла от 50 до 75 см, причем фасадная стена с лазом была толще боковых стен. Внутреннее помещение склепа – вытянутый прямоугольник со сторонами до 3 м. У боковых и задней стенок устраивались полки из тесаных досок на консолях для размещения покойников: на задней

полке головами влево от входа, а на боковых – ногами к выходу-лазу. Нередки были и склепы со сплошным настилом из таких же тесаных досок и также на консолях, встроенных в стенки из скальных обломков.

Для совершения очередного захоронения полки освобождались от ранее уложенных покойников, останки которых перемещали в пространство между полками. Таким образом, склепы заполнялись до отказа. Покойников снабжали пищей, питьем и всеми необходимыми предметами для «потусторонней жизни». Археологический материал из склепов довольно богат и разнообразен. Чаще других обнаруживают в склепах сосуды из стекла, керамики и дерева.

Деревянная посуда представлена чашками, кружками, черпаками, ковшами местного производства. Из предметов вооружения – кинжалы и газыри – деревянные трубочки для хранения заряда пороха, пули и пыжа, много ножей. Среди инвентаря склепов часто обнаруживаются кресала. В склепах много остатков одежды и обуви. Встречаются фрагменты мужских наборных поясов и женских поясов с красивыми пряжками. Неоднократно обнаруживались металлические парные многоярусные застежки женского нагрудника из серебра или бронзы.

В склепах найдены разнообразные женские украшения – серебряные и бронзовые перстни, кольца, серьги, подвески и бусы, в основном стеклянные, но изредка и сердоликовые. Находят самшитовые двусторонние гребни, стеклянные зеркала и прочие принадлежности женского туалета. Неоднократно обнаруживали в склепах бритвы, ножницы, иголки, каменные оселки, глиняные курительные трубки.

Еще одна характерная особенность склепов Осетии – это большое богатство форм склеповых сооружений, особенно надземных. Разнообразие достигается за счет раз-

меров, устройства и оформления стен, лазов-проходов, перекрытий и интерьеров. Имеются склепы квадратные и прямоугольные в плане, круглоплановые, шести- и восьмигранные, с двускатным, четырехскатным и пирамидально-ступенчатым и гладким перекрытием, и с перекрытием в виде ядра, т.е. с полусферическим купольным перекрытием. У лаза-проема, обычно у нижней части слева или справа, наблюдаются частично замурованные в стену сланцевые плиты с отверстиями, предназначавшиеся для определенных погребальных ритуалов (подвешивание отрезанной косы вдовы, для закрепления лучины, для поводьев посвящаемого покойнику коня) (Кокиев, 1928. С. 19-21).

В разных местах Осетии отмечены группы от двух-трех до десятка погребальных склепов. «Город мертвых» у сел. Даргавс насчитывает до сотни великолепно сохранившихся погребальных сооружений, среди которых есть двухъярусные и трехъярусные как с лазом в середине стены, так и с двумя лазами по разным сторонам склепов (Тменов, 1979). Археологами обнаружены и пещерные склепы – погребальные сооружения – с использованием естественных гротов, перегораживаемых снаружи стеной, и устройства в нем лаза (с. Дзвгис в Куртатинском ущелье и с. Хуссар-Хинцаг в Тагаурии) (Тменов, 1996. С. 142).

В количественном отношении склепы (их более 850) значительно преобладают над оборонительными сооружениями, хотя и наблюдаются не во всех ущельях Осетии – нет их в Наро-Мамисонской котловине, в западной части и предгорьях Южной Осетии, т.е. не во всей горной Осетии. Их нет в тех ущельях в верхнем течении или у истоков рек Терека (кроме двух полуподземных склепов в глубине ущелья у с. Сивыраут), Ардона, Джоджора, Квирила, Паца и других, количестве, где встречаются погребения в каменных ящиках.

В Южной Осетии склепы найдены в верховьях рек Ксана, Малой Лиахвы; в большом количестве они обнаружены в верхнем течении р. Большая Лиахва – в Тлийском, Урсдзуарском, Дзомагском, Рукском, Згубирском, Сбийском, Челиатском, Бритатском, Едысском, Ерманском ущельях и в с. Ходз у Кадласанского перевала.

Датировка склеповых сооружений и находящегося в них археологического материала показывает, что наиболее ранние, подземные склепы бытуют с V-IX вв. Часть из них, достраивалась и видоизменялась, т.е. становилась полуподземными. Их строительство продолжалось до XVII в., а использование по прямому назначению – вплоть до XIX в.

Культовые памятники. Мастерство строителей средневековой Осетии проявилось и в возведении дзуаров – святилищ. Это в основном сооружения двух видов – столпообразные и в виде строений с помещением.

Столпообразные святилища – глухие каменные четырехгранные башенки, прямоугольные в плане, с нишами, предназначенными для приношений или без них, с двускатными, четырехскатными и плоскими перекрытиями. Первые два вида встречаются редко, зато третий – с плоским перекрытием – особенно распространен и многочислен (Тменов, 1996. С. 168). Сложены они из рваного или грубо обработанного камня (известняк, туф, скальный плитняк, сланец). Часто вокруг них невысокая ограда из камней сухой кладки. Иногда столпообразные святилища имеют невысокие цоколи. Ориентация этих святилищ разнообразная. Святилище в селении Четырс (Трусовское ущелье) представляет собой усеченную пирамидку, на вершине которой установлен грубо обработанный камень с высеченным на нем непонятным знаком в виде трех пересекающихся линий и с двумя соединенными кружками – «глазами». Не менее интересно святилище Мигъдау-дзу-

ар в с. Лисри (у истоков р. Ардон), представляющее собой трехъярусную постройку «зиккуратного» типа. У святилищ нередки остатки приношений: в расщелины воткнуты деревянные вертела, а в нишах – монеты.

Наибольшим почитанием пользуются святилища в виде небольшой горской сакли, но без окон и дымового отверстия – эрдо. Стены сложены обычно из местного камня, часто на извести, перекрытия подобны башенным, т.е. выложены жердями, хворостом, утрамбованной глиной, сланцевыми плитами. В плане эти святилища прямоугольные. Дверной проем, с деревянной из тесаных досок дверью, обращен к солнечной стороне. Но отмечаются и дверные проемы в западной стенке сооружения. Последние по форме напоминают склепы с двускатным перекрытием. Это так называемые склепообразные святилища.

В помещениях святилищ встречаются иконы XIX-XX вв., – литографированные или писаные, обычны стеклянные и керамические сосуды с напитками, деревянные вертела, бычьи и бараньи рога для питья, шкатулки с денежными приношениями (монеты), завернутые в вату или белые лоскутки ткани. В святилищах часто находят железные наконечники стрел, а в святилищах Сыгъзæрин дзуар и Ходзы Уастырджи – сабли. Кроме того, у святилищ снаружи нередки скопления черепов крупного рогатого скота, а также оленей, лосей (последние давно истлели).

Священная трапеза происходила прямо у святилища на специально устроенном «столе» из уложенных в ряд обломков скальных плит. При особо почитаемых святилищах фиксируются пивоварни – небольшие помещения также прямоугольные в плане и выстроенные таким же образом, как и сами святилища. Площадь вокруг святилища вместе с трапезным столом и пивоварней окружалась каменной оградой, сложенной из скальных обломков.

Святилища выстраивались не только каменные, но и деревянные. Наиболее значительным деревянным сооружением является Рекомы Уастырджи – святилище в честь святого Георгия в урочище Реком. В плане это вытянутый по линии восток-запад прямоугольник с бревенчатыми стенами и досчатым двускатным перекрытием. К зданию с юга пристроен придел с навесом с двух сторон, опирающийся на фигурные резные столбы-колонны. Над краями навесов длинные, вытянутые вверх, слегка выгнутые декоративные навершия на них – деревянные фигурки птиц. Длина здания – 4,92 м, ширина, вместе с приделом, 4,48 м. В восточной, северной и западной стенах небольшие окна. Дверь в придел – с запада, а из придела в центральное помещение – с юга. Двери богато оформлены коваными кольцами, крестами, ажурными пластинами. На карнизе западной стены снаружи – сложены черепа крупного рогатого скота (путешественники в XIX – начале XX в. отмечали множество оленьих и турьих рогов) (Кузнецов, 1974).

Истоки культового зодчества теряются в веках, а потому датировать их весьма сложно. А по вещам, обнаруживаемым в них, можно только говорить о времени интенсивного поклонения этим святилищам – XVII-XIX вв. и усматривать в отдельных деталях строений (дверной проем в западной стене) определенное влияние христианского зодчества.

Осетины / Отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М.: Наука, 2012. С. 212-219.

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕДЫССКОГО МОГИЛЬНИКА

В ноябре 2013 года в Махачкале проводился международный научный семинар, посвященный раннегосударственным образованиям на Северном Кавказе и так называемой княжеской культуре периода конца античности и начала средневековья т.е. III-VI вв.

Этот период характеризуется процессом расслоения «варварских социумов, появляется прослойка профессиональных воинов. Кристаллизуется новая военизированная аристократия, связанная на первых порах либо с могущественной федерацией гуннов и их подчиненных союзников, либо с военной системой поздней Римской империи» [1, 5]. [Возможно с последним и связано возникновение или появление престижных родовых номенклатурных обозначений царазонта-цезаронта или агъуызатæ -абустонтæ по Абаеву (Алгъузиани-Августиани)].

Бесспорно, что аланские воинские дружины имели своих предводителей – выборных или наследственных. Вероятно, погребения должны были чем-то выделяться, и они конечно же выделялись. Т. А. Габуев «княжеские» аланские курганы обнаруживает в Бруте и Беслане [2, 13-14]. Д. С. Коробов считает, что в Кисловодской котловине в V-VII вв. формируется несколько центров власти [3, 25-27]. В. Б. Малашев, отмечая высокий экономический потенциал на территории, занятой аланами, говорит и о процессе урбанизации, что «позволяет ставить вопрос о наличии структуры и организации высокого порядка» [4, 27-28]. Об одном элитном погребении из кисловодской котловины сделал доклад С. Н. Савенко [5, 39-41]. На семинаре были заданы задачи определения элитности или выделения «княжеских» погребений, их ареал, определение статуса и пр.

В нашем докладе мы опираемся на археологические памятники, раскопанные в Южной Осетии – в Едысе и Алеу.

Едысский раннесредневековый могильник раскапывался нами в 1981-84 гг. Было исследовано 14 могил с многократными захоронениями. Они различной степени насыщенности погребальным инвентарем. По ряду предметов все погребения датируются VI-VII вв. Это сасанидские монеты, керамические изделия, предметы украшения и одежды. Среди всех погребений выделяется погребение №12 (раскопки 1984 г.). Кости погребенных были перемешаны, черепа разрушены. Погребенных, судя по найденным предметам, было не менее трех. Есть вещи типично женские – серьги, бусы, привески, булавки – и предметы, сопровождавшие мужчин: поясной набор, малая пряжка от подколенной подвязки «зæнгбæттæн», удила.

На особый статус погребенного указывает серебряная пряжка с поясным набором.

Поясная пряжка с В-образной рамкой и геральдическим щитком, на язычке пряжки – прямоугольный выступ. Такие пряжки (найдены и в Камунта) датируются VI-VII вв. (6, табл. XIX, 8). Не менее значимы и поясные накладки. Это не просто украшения (они таковыми стали в позднее время на кавказских наборных поясах), а своеобразные знаки доблести в военных предприятиях. Не случайно на них схематические изображения человеческого лица: глаза и нос – сравнить с осетинским цæсгом из цæст+ком (Абаев. С.303). Вероятно, это наследие скифо-сраматской эпохи, когда знаком победы над врагом был его скальп или череп [8, 202]. Находка удил в этом погребении (единственная находка подобного типа на могильнике) сигнализирует о символическом посвящении коня, также престижном обряде при погребении знатного покойника.

Не менее значимыми оказались и украшения погребенной в этой же могиле женщины. Это замечательный

набор стеклянных, хрустальных, халцедоновых, сердоликовых, янтарных и гранатовых бус. Всего 143 экземпляра. Найдены, кроме того, серебряные изделия – фибула, серьги, колечки, бронзовые булавки с гранатовыми головками, серебряная пряжка женского пояса. И, наконец, – золотые предметы: привеска-медальон, головка булавки в виде полого шарика с «рожками», в которых вправлены гранаты, обоймица с сердоликом, серьга с имитацией виноградной грозди, незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения.

Перечисленные предметы говорят об особом имущественном и, вероятно, социальном положении в обществе погребенных индивидуумов.

Примерно в то же время, когда были раскопаны погребения в Едысе, в другом юго-осетинском ущелье – в Ленингорском районе в местности Алеу археологической экспедицией государственного музея Грузии (руководитель Н. И. Апхазава) были раскопаны погребения в каменных ящиках и тоже VI-VII вв. Среди 57 погребений выделяется погребение №23. Это взрослый мужчина, руки сложены на животе, колени подогнуты. Череп удлиненный, возможно деформированный (сужу по фотографии. Кстати, на фотографиях других погребений видны деформированные черепа (кам. ящики №12, 21, 22), но автор не отмечает их в тексте (9, табл. 16, 18, 22, 27, 33, 37)). Но самое интересное – поясной набор, который сопровождал покойника. Это серебряные пряжка, накладки и наконечник пояса. Они совершенно аналогичны поясному набору из погребения №12 Едысского могильника. Сопадение это случайным быть не может. И вот почему. В известном «Памятнике Эриставов» второй абзац текста гласит: «В эти времена была великая смута в стране Осетской и обильно проливалась кровь царей осов. Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели через гору Захскую детей младшего – Ростома, Бибилу, Цитлосана

и сыновей их с семьюдесятью добрыми рабами и привели в страну Двалетскую» [10, 21]. Вероятнее всего «кровь обильно проливалась» за право владения страной. И борьба шла не между простыми претендентами, а между наследниками царя. Изгнанным оказалось потомство младшего «брата». Если это потомство, как явствует из хроники, было из рода Сидамоновых, то, по всей видимости, победителем оказался представитель рода Царазоновых. (Спрашивается, почему не Кусагоновых? Но у них, по преданиям, была особая жреческо-правовая функция). Кроме того, главенство Царазоновых было, видимо, обеспечено и воинским преимуществом. Фраза «перевели через Захскую гору» несколько миролюбива, ибо Сидамоновских потомков скорее всего изгнали, да и то под угрозой уничтожения. (По-осетински это бы звучало так «ахизын сæ кодтой»). И следующий отрывок тоже звучит миролюбиво, нейтрально. «И привели в страну Двалетскую». Кто их «привел»? Разве проводниками у них были Царазонта? Нет, конечно. Это сами беглецы под давлением вражеских сил оказались «в стране Двалетской». Опять же по-осетински звучало бы так «æмæ сæ амидæг кодтой Туалгомы». Присмотревшись к тексту, обнаруживается несуразность: оказывается, они уже до этого прошли Туалгом, перевалили Захъайы вцæг, прошли Сыбагом (другого подходящего перевала нет), и затем оказались в Урстуалтæ. Составители текста почему-то только Урстуалта называют «страной Двалетской». Позднее будут называть этот регион «Магран Двалети (Верхняя Двалетия). Маршрут бегства претендентов проясняется: они шли по Алагирскому ущелью, повернули у Зарамага на юго-восток к истокам реки Закка-дон, оттуда через Сыбайы æфцæг на юг и у с. Ханыкаты кау повернули влево в Едысское урочище.

Изгнанников было более 70 человек: члены фамилии Сидамоновых и их «добрые рабы». Конечно, это были никакие не рабы, а воины-дружинники, личная гвардия

клана Сидамоновых. Сколько же было братьев? Исследователи и переводчики насчитывали трех: Ростом, Бибил и Цитлосан. Но оказалось, что «Цитлосан» – это не имя, а титул, означающий «порфироносный». О том, что братьев было два, а не три, говорит и фраза, сказанная двалами после того, как пришельцы укрепились на новом месте и аборигены усмотрели угрозу в их возвышении: «изгоним двуглавого змия из утробы нашей».

А как долго пробыли изгнанники на новом месте? Получается, что довольно много. Ибо стали «строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской». Дома и крепости были построены, надо полагать, не скоро. Кстати, на Едысском городище нами отмечено около 70 остатков больших строений (3 из них были раскопаны: одно Б. В. Теховым и два нами – башню на вершине и жилой дом в нижней части. Причем основание домов внушительное – 10х10 м). За время пребывания в Едысе Сидамоновы хоронили и покойников – это как раз зафиксированные нами 14 погребений и целый ряд из них с многократными захоронениями. Так что двалы были обеспокоены не скоро.

Изгнанные теперь и двалами, сидамоновские отпрыски оказались в нынешнем Ленингорском районе и, приняв участие в междуущельной войне на стороне цхрадзмисхевцев, помогли им стать победителями. Надо полагать, что на Алеуском кладбище, раскопанном Н. И. Апхазава, покоятся именно их останки. Возможно, что в Едысе умер или погиб один из братьев – Бибил и в погребении №12 именно его останки. Тем более что в хронике событий после изгнания их из «страны Двалетской» он уже не упоминается, а речь идет только о Ростоме. Предполагаем, что погребенный в каменном ящике №23 Алеуского некрополя – это и есть Ростом. О высоком воинском ранге этого покойника высказался и автор раскопок

Н. И. Апхазава в резюме: «Интересные результаты получены вследствие сопоставления данных каменного ящика №23, где похоронен молодой мужчина с боевым поясом, с подобными же материалами из других могильников Грузии и Восточной Европы. По нашим соображениям «воин» из погребения №23 принадлежит к тому сословию, из которого более высокие слои грузинского феодального общества периодически получали новое «пополнение»» [9, 122]. Т.е. Н. И. Апхазава констатирует высокий социальный статус погребенного.

Итак, в VI-VII вв. в Осетии было царство или какое-то предгосударственное образование с тремя кланами.

Неудачных претендентов на трон изгнали из центра на плохо управляемые или еще не охваченные феодализацией территории. (Не могли же Сидамоновы оказаться за границей, на территории другого государства: их бы тут не только разгромили, но и подчинили).

Беженцы, а затем и их потомки, стремились сохранить свой статус потомков «царей», сохранив еще древнее фамильное название «сидамон» вместе с вновь приобретенной номенклатурай – «эристава», т.е. Сидамон-Эристави. И властвовать упорно хотели над двалами, причем чаще силой. Двалы же всегда и всячески сопротивлялись, сохраняя свое «демократическое» родовое-общинное устройство.

И самый главный вывод из наших материалов и рассуждений – древность осетинских аристократических родов, в частности Сидамонта, подтверждается на основе археологических материалов, и это никак не позже VI-VII вв.

Литература

1. Мастыкова А. В. Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья // Раннегосударствен-

ные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов Международного семинара. Махачкала, 13-17 ноября 2013 г. М., 2013.

2. Габуев Т. А. «Княжеские» аланские курганы на верхнем Тереке (Брут, Беслан) // Указ. сб.

3. Коробов Д. С. Аланские «вождеческие» погребения и центры власти в кисловодской котловине // Указ. сб.

4. Малышев В. Ю. Аланская культура Северного Кавказа во II-IV вв. н.э.: проблема ранней государственности // Указ. сб.

5. Савенко С. Н. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего средневековья из кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича) // Указ. сб.

6. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. В. 1-2. М., 1979.

7. Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т.1. М.-Л., 1958.

8. Геродот. История. Ленинград, 1972.

9. Апхазава Н. И. Могильник Квемо Алеви. Тбилиси, 1988 (на груз.яз).

10. Памятник Эриставов / Пер. иссл. и примечания С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.

11. Апхазава Н. И. Воинское погребение из Квемо Алеви // Вестник Госмузея Грузии. XXXVIII в. Тбилиси, 1989.

Конференция по алановедению
в Гос. Университете Республики Южная
Осетия. Цхинвал, 2015 г.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ НА ТЕРРИТОРИИ ОСЕТИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Великий шелковый путь», функционировавший в течение почти двух тысячелетий, как об этом свидетельствует Большая Российская Энциклопедия, возник на более древних торговых трассах: сперва на «лазуритовом», а потом – на «нефритовом пути»[1]. По общему мнению, Великий шелковый путь «сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов Передней Азии, Средней Азии и Китая»[2].

Представляется, что значение Великого шелкового пути намного шире и многограннее, чем приведенное толкование (весьма знаменательно, что объемы статей в БСЭ и БРЭ разнятся: в Большой Российской Энциклопедии статья вдвое больше и насыщеннее сведениями). «Великий шелковый путь» – не просто торговая артерия, даже пусть и транзитная, и обширная, а налаженное и многовековое общение стран, народов и цивилизаций с неминуемыми заимствованиями в различных областях культуры и техники.

Резонно предположить, что Великий шелковый путь мог функционировать в относительно мирное время между государствами, а потому, возможно, в какой-то мере способствовал соблюдению мира. Впрочем, для успешного продвижения караванов путь нередко расчищался и обеспечивался военно-охранными акциями. Процессы на Великом шелковом пути могли содействовать вовлечению в этот мировой поток различных народов, причем не только тех, по чьим землям двигались караваны с шелком, но

[1] Большая Российская Энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 9.

[2] Большая Советская Энциклопедия. Т. 4. М., 1971. С. 412.

и отдаленных. Вероятно, отголоски этих процессов можно будет усмотреть не только на прилегающих к караванным тропам равнинных участках, но и в ущельях Северного Кавказа. Кроме того, трудно исключить Закавказье с его элитами, которые также могли быть потребителями шелка, ибо и они тоже, вероятнее всего, нуждались в шелке. Со временем, в связи с распространением шелкоткацкого производства к западу от Китая, шелк в Закавказье, и возможно на Северный Кавказ, поступал из Византии и Средней Азии[1]. Торговые караваны с Северного Кавказа в Закавказье и обратно проходили через перевалы, причем в основном через Осетию.

Вот, например, данные, собранные Е. Г. Пчелиной.

1. Дарьяльский проход – Военно-Грузинская дорога.

2. Из Стыр Дигории в верховья р. Риони – перевал Гезæвцæг.

3. Через Гезæвцæг – также в верховья р. Риони.

4. Через Мамисонский перевал – Военно-Осетинская дорога.

5. От с. Лисри в ущелье р. Козы-дон – перевал Ævцæджы бæрзонд.

6. От с. Лисри по ущелью Зымæгон-дон через перевал Ævцæджы бæрзонд – в Тамаджын.

7. Через Нар и Зруггом и перевал Дзедо – в Кеуселт.

8. Через Джинатское ущелье и перевал Зикара – в Чеселтское ущелье.

9. Через Джинатское ущелье и перевал Бæхвæндаг – в Дзомагъ.

10. Из Мамисонского ущелья от с. Тли через Зругский перевал в с. Таугазтыкау – перевал Бæхвæндаг – в Дзомагъ.

11. Из Нара в Заккагом через перевал Кутх – в Дзомагъ.

[1] Иерусалимская А. А. Мощевая балка. СПб., 2012. С. 96.

12. Из Нара в Пуриат, затем перевал Кутх – в Дзомагъ.

13. От Закка Кесаты хъæу через Рукский перевал.

14. Из Куртатинского ущелья – Хилак Зригатта – Кесаты хъæу – Рукский перевал.

15. Из Куртатинского ущелья – Калоты хъæу – гора Зыкойыхох в Закка – Сыбайы вцæг – Сыба.

16. Из Трусовского ущелья – Ævцæгфарс, Зилгæ-хох – в с. Челиат.

17. Из Трусовского ущелья – с. Цоцолтæ через перевал Хъæдласæн в Едыс[1].

Из этих перевалов основными являются (с востока – на запад) Дарьяльский проход – Крестовый перевал, Бæхвæндаг, Сыбайы вцæг, Ручъы вцæг, Зикара, Дзедо, Хъæуселтæвцæг, Мамысон, Гезы вцæг. Остальные – второстепенные перевальные тропы.

Через эти перевалы осуществлялись военно-торговые предприятия, а также осуществлялся контроль со стороны властных институтов: осуществлялась охрана границ и, вероятно, торговых центров, через которые проходили караваны. Например, в VI-VII вв. сасанидские завоеватели Грузии поставили в ряде населенных пунктов на торговой трассе гарнизоны, причем из местных жителей, надо полагать за плату. Например, в Едысе[2].

Раскопки высокогорного катакомбного могильника у селения Даргавс в Тагаурии дали обильный материал. Но в них наличествует существенный пробел. Дело в том, что во влажном грунте, в котором устроены Даргавсские катакомбы, органика и, самое главное, ткани не сохраняются, тогда как в сухих погребальных камерах «Мощевой балки» их сохранность удивительна. Но среди найденных в Дар-

[1] Пчелина Е.Г. Крепость «Жилде машиг» // Советская этнография. 1934. №3.

[2] Дзаттиаты Р.Г. Цартиатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006. С. 48-50.

гавсе предметов есть категория артефактов, которая поступила, по всей вероятности, из Передней Азии. В 16 из раскопанных в Даргавсе 92 катакомб найдено 27 стеклянных сосудов. Это чаши – кубки, некоторые из них украшены рельефными фигурами животных и розеток, миниатюрные кувшинчики, снабженные ручками, бальзамарии. Казалось бы, что стекольное производство было развито в Закавказье и сосуды могли быть завезены в Даргавс оттуда. Но такие сосуды в грузинских памятниках VIII-IX вв. (а это время утилизации Даргавсского могильника) не обнаружены, а потому правомочно предположить, что они попали сюда с северокавказской долины, тем более что такие сосуды известны из равнинных аланских могильников, т.е. с территорий, по которым проходил северокавказский отрезок Великого шелкового пути, т.е. торговая магистраль пути была неоднонаправленной – с Востока на Запад и в Переднюю Азию, но и в обратную сторону – с Запада на Восток и таким образом изделия из Передней Азии («сирийские сосуды из стекла») попадали в Аланию, в том числе и в горные ущелья. Даргавсские катакомбы при дальнейших раскопках, вполне возможно, предоставят исследователям дополнительные факты попадания в горные ущелья предметов импортного происхождения именно с трассы Великого шелкового пути. Есть надежда, что будут найдены изделия из шелка, ибо вряд ли аланская знать даже в отдаленных ущельях не преминула бы обзавестись этим престижным материалом.

Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: Материалы Международной научной конференции. Ставрополь, 2016.

КАТАКОМБА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДАРГАВССКОГО МОГИЛЬНИКА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Статья посвящена публикации погребального сооружения многокамерной катакомбы из средневекового аланского некрополя Даргавс, расположенного в Республике Северная Осетия-Алания. В работе содержится подробная информация о публикуемом погребальном комплексе, а также анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря.

Ключевые слова: средневековье, хазарское время, аланы, катакомба, могильник.

Даргавсский катакомбный могильник располагается у с. Даргавс Пригородного р-на Республики Северная Осетия-Алания, на восточном склоне горного массива Тбау-хох, на левом берегу р. Гизельдон (рис. 1, *1*).

В 2001 г., во время работы археологической экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, была обнаружена грабительская яма, разрушившая часть входной шахты катакомбы. В западной и восточной оконечностях, в северной и южной стенках входной ямы были найдены вертикально стоявшие каменные плиты, оказавшиеся закладными плитами входов четырех погребальных камер (35-38).

Входная шахта была ориентирована по линии восток-запад с незначительным отклонением к юго-западу. Длина входной шахты по нижней части – 2.3 м, ширина и глубина постепенно увеличивались к западу. Ширина у входа в камеру 35 составляла 0.62 м, в камеру 36-0.84 м. Глубина входной ямы в камеру 35 от современной дневной поверхности – 2.32 м, примерно в середине – 2.39 м, у входа в камеру 36-2.48 м (рис. 1, *2*; 2).

Камера 35 (рис. 1, *2*; 2) располагалась у восточного конца входной шахты. В плане – неправильной овальной формы, длинной осью ориентирована по линии север-юг с небольшим отклонением к западу. Пол – неровный, плавно переходящий в стены. Размеры камеры – 2.03 х 1.14 м. Поверхность пола зафиксирована на глубине 2.37 м от современной дневной поверхности, высота порога – 0.17 м. Свод – купольный, незначительно осыпавшийся. Наибольшая высота камеры – около 0.8 м. Вход в камеру – арочной формы – устроен в западной стене камеры на высоте 0.17 м от пола. Ширина – 0.52 м, высота – 0.47 м. Вход со стороны входной ямы был закрыт сланцевой плитой высотой 0.95 м и шириной 0.54 м. Плита стояла вертикально с незначительным уклоном в сторону камеры.

В камере находились останки не менее трех погребенных. У задней, северо-восточной стенки было зафиксировано бесформенное пятно от тлена человеческих останков и органических предметов, среди которых выделялись несколько крупных трубчатых костей, лежавших единым скоплением. К югу от пятна были обнаружены металлическое зеркало (рис. 2, *22*), серьги (рис. 2, *1,2),* проволочные кольца (рис. 2, *3),* пуговицы-привески (рис. 2, *13-21),* отдельные бусины, раковины каури. При расчистке костных останков также были найдены ножи (рис. 2, *35, 36),* бусы (рис. 2, *37),* фрагмент кабаньего клыка (рис. 2, *32),* перламутровая пластинка и ее фрагмент (рис. 2, *6, 7),* перстни (рис. 2, *4, 5*), пуговицы (рис. 2, *8-12)*.

В центральной части камеры было обнаружено второе пятно тлена человеческих останков, где зафиксированы фрагменты двух крупных трубчатых костей. На месте груди погребенного были выявлены бусы (рис. 2, *23-31),* в ногах – два ножа (рис. 2, *33, 34)*. Вероятно, костяки лежали вытянуто, черепа развернуты в противоположную от входа в камеру сторону.

Под костным тленом был зафиксирован тонкий слой тлена серебристо-серого цвета.

Погребальный инвентарь камеры 35 (рис. 2; 3): серебряные серьги в виде вытянутых четырехгранных пирамидок с припаянными сверху и снизу полыми двусоставными шариками и двумя дисковидными вертикально укрепленными кружочками, сквозь которые проходит овальное незамкнутое колечко, украшенное сверху напаянным полым шариком. Грани пирамидки сверху и снизу украшены зернью. Высота серег – 0.74 см (рис. 3, *1, 2);* бронзовое незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения. Диаметр колечка 0.13 см, проволоки – 0.18 см (рис. 3, *3);* серебряный перстень со стеклянной вставкой с четырьмя лапками жуковины и овальной обоймой. Длина обоймы – 0.24 см, ширина – 0.18 см. Диаметр кольца – 20.5 мм. Высота перстня – 0.29 см (рис. 3, *4);* серебряный перстень, аналогичный предыдущему, но меньших размеров. Высота – 0.26 см, диаметр кольца – 0.19 см, длина обоймы – 0.16 см, ширина – 0.14 см (рис. 3, *5);* перламутровая круглая пластинка с поврежденными краями и отверстием посередине. Диаметр – 0.44-0.45 см (рис. 3, *6);* фрагмент перламутровой пластинки (рис. 3, 7); бронзовые полые шаровидные пуговицы-привески с проволочной петлей для подвешивания. Диаметр – 0.18 см (рис. 3, *8, 9);* три бронзовых бубенчика с проволочной петлей для подвешивания диаметром 0.15, 0.12, 0.13 см (рис. 3, *10-12);* бронзовые бубенчики с цельнолитыми петлями для подвешивания диаметром от 0.11 до 0.14 см (рис. 3, *13-20);* бронзовая литая пуговица с высокой петлей. Высота – 0.17 см (рис. 3, *21);* бронзовое зеркало с центральной петлей для подвешивания, орнаментированное рельефными дугами в три концентрических яруса. Диаметр – 8.9 см, толщина – 0.3 см (рис. 3, 22); полихромная бусина глухого стекла, слегка деформированная. Диаметр – 0.14 см (рис. 3, *23);* раковины каури разновели-

кие (рис. 3, *24-26);* полихромная бусина цилиндрической формы глухого стекла. Длина – 0.21 см, диаметр – 0.8 (рис. 3, 27); стеклянная бусина с поврежденной поверхностью округлой формы (рис. 3, *28);* стеклянная бусина цилиндрической формы с продольным рифлением. Длина – 0.11 см, диаметр – 0.8 см (рис. 3, *29*); стеклянная бусина бочковидной формы с рельефными валиками на концах. Длина – 0.13 см, диаметр – 0.8 см (рис. 3, *30);* мелкий бисер (рис. 3, *31);* фрагмент кабаньего клыка (рис. 3, *32);* фрагментированный железный нож. Длина – 15.2 см, ширина – 1.8 см (рис. 3, *33);* фрагмент железного черешкового ножа. Длина – 9.1 см, ширина – 1.9 см (рис. 3, *34);* фрагменты железного черешкового ножа. Длина – 16.4 см, ширина – 1.7 см (рис. 3, *35);* фрагменты железного черешкового ножа. На лезвии – истлевшие остатки деревянных ножен. Длина – 16.7 мм, ширина лезвия – 2 см (рис. 3, *36);* набор стеклянных бус – 22 экз. разной формы и цвета – круглые, цилиндрические, граненые, бисер и пр. (рис. 3, *37).*

Камера 36 (рис. 1, *2*; 2). Располагалась с противоположной стороны от камеры 35. В плане – неправильной овальной формы. Длинная поперечная ось ориентирована по линии север-юг, с незначительным отклонением к западу. Размеры – 2.12 х 1.48 м. Глубина пола от современной дневной поверхности – 3.15 м, высота порога – 0.74 м. Свод незначительно осыпался, но сохранил изначальную купольную форму. Наибольшая высота сводчатого потолка достигает 1.42 м. Стены камеры плавно переходят в пол. Вход устроен в восточной стене на высоте 0.1 м от дна входной ямы и имеет прямоугольную форму: ширина – 0.54 м, высота – 0.44 м. Вход в камеру был закрыт вертикально стоявшей сланцевой плитой шириной 0.8 и высотой 0.65 м.

На полу камеры были зафиксированы аморфные пятна костного тлена. Судя по ним, а также по частично уцелев-

шим трубчатым костям и небольшому фрагменту позвоночного столба, в камере находились не менее четырех погребенных. Сохранившиеся костные останки позволяют предположить, что они лежали вытянуто на спине головой на юг, т.е. влево от входа, руки, вероятно, были вытянуты вдоль туловища. Кости ног одного из погребенных – скрещены ниже колен, левая нога – поверх правой. Наиболее четко прослеживается положение только одного костяка, видимо, наиболее раннего захоронения (погр. 1).

У останков первого погребения, слева, параллельно длинной оси скелета, лежали сабля (рис. 2, *45-47),* наконечники стрел (рис. 2, *49-54),* топор (рис. 2, *76),* колчанный крюк (рис. 2, *60)*. В головах погребенных стояли глиняный сосуд с двухпетельной ручкой, оказавшейся далеко от сосуда (рис. 2, *72*), стеклянная чаша с сетчатым орнаментом (рис. 2, *73)*. В районе грудной клетки лежал фрагмент пояса с пряжкой (рис. 2, *55-57)*. На бесформенном пятне тлена были найдены серьги (рис. 2, *62, 63),* фибула (рис. 2, *48),* бусы (рис. 2, *65, 66, 68, 70),* ножи (рис. 2, *67, 69, 71),* принадлежности туалетного набора (рис. 2, *58, 59),* раковины каури, полые пуговки-привески, пластинка бронзовая, бубенчики (рис. 2, *77, 88-104, 108),* фрагменты железных предметов, пряжка (рис. 2, *64)*. Кроме того, вне пятна были найдены глиняная миска (рис. 2, *75*), стеклянный стакан-кубок темно-зеленого цвета (рис. 2, *74)*. В северо-западной части камеры, ближе к стенке, были выявлены два зеркала, фрагменты деревянного футляра зеркала и наконечник стрелы (рис. 2, *38, 39, 52, 109-111),* фрагмент кабаньего клыка (рис. 2, *61)*.

Погребальный инвентарь камеры 36 (рис. 2; 4): металлическое зеркало с центральной петлей для подвешивания с поврежденным краем. Тыльная сторона украшена радиальными и рельефными (в виде концентрического круга) линиями. Диаметр – 7.1 см, толщина – 0.4 см (рис.

4, *38);* фрагмент деревянного кружочка (футляр зеркала?). Диаметр – 7.7 см (рис. 4, *39);* раковина каури. Высота – 1.3 см (рис. 4, *40);* бронзовые цельнолитые бубенчики. Высота – 1.8 см, диаметр – 1.2 см (рис. 4, *41-44);* фрагмент железного навершия рукоятки сабли. Высота – 4.5 см (рис. 4, *45);* фрагмент железного наконечника ножен сабли. Высота – 3.9 см, ширина – 4.2 см (рис. 4, *46);* железная однолезвийная сабля со слабоизогнутым клинком и железным перекрестием. Клинок – с обоюдоострым окончанием, в сечении – клиновидный. Перекрестие – прямое с дисковидными окончаниями. Черенок рукояти плавно сужается к окончанию. Деревянная рукоятка крепилась к черенку при помощи железного штифта. Длина клинка – 72 см, ширина у перекрестия – 3.7 см. Длина обоюдоострого конца клинка – 15 см. Длина перекрестия – 9.5 см, высота – 1.3 (рис.4, *47);* биметаллическая арбалетная фибула. Дужка и плоский приемник с завитком на конце – бронзовые, игла – железная. На уплощенной дужке – три продольных желобка. Длина – 8.3 см, высота – 2.9 см (рис. 4, *48);* железные (спекшиеся от коррозии) трехлопастные черешковые наконечники стрел. Из-за черешков – разной длины – 10.2 и 12.5 см (рис. 4, *49);* железные (спекшиеся от коррозии) трехлопастные черешковые наконечники стрел, меньшего, чем предыдущие, размера. Часть черешков утеряна из-за коррозии. Длина – 6.8 см (рис. 4, *50);* фрагмент железного черешкового наконечника стрелы пламевидной формы. Сечение – линзовидное. Длина фрагмента – 5.2 см, ширина лопасти – 2.2 см (рис. 4, 5/); железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы с рельефным колечком-ограничителем у основания. Черешок короткий. Общая длина – 6.7 см (рис. 4, 52); фрагменты двух спекшихся трехлопастных наконечников стрел. Черешки не сохранились. Длина – 3.4 см (рис. 4, 53); фрагмент железного трехлопастного наконечника стрелы. Длина – 5.5 см (рис.

4, *54);* фрагмент пояса с бронзовой цельнолитой щитковой овальнорамчатой пряжкой и утраченным железным язычком; остатки кожаной основы и вертикальные бронзовые скобочки. Высота пряжки – 2.7 см, высота скобочек – 1.2 см, ширина фрагмента кожаного пояса – 1.9 см (рис. 4, *55-57*); детали туалетного набора. Ушки-петельки обломаны. Высота – 5.7 и 5.2 см (рис. 4, *58,* 59); колчанный крюк с овальной поперечной петлей и загнутым крючком. Высота – 5.5 см, ширина петли – 2.4 см. Толщина железного прута – 6 мм (рис. 4, *60);* обломок кабаньего клыка длиной 8.5 см (рис. 4, *60*); серебряные составные серьги с привеской в виде вытянутой четырехгранной пирамидки с припаянным сверху полым двусоставным (из полусфер) шариком, ободком и четырьмя шариками в нижней части. К полому шарику припаяны два вертикальных кружочка с отверстием в центре, через которое продето овальное незамкнутое проволочное кольцо округлого сечения; в его верхней части снаружи припаян полый шарик. Высота – 5.7 см (рис. 4, *62, 63);* миниатюрная бронзовая овальнорамчатая пряжка с язычком и цельнолитым щитком. На тыльной стороне щитка – заклепки для крепления к кожаной основе пояса. Длина – 3.3 см, ширина пряжки – 2.1 см, ширина щитка – 1.2 см (рис. 4, *64);* стеклянные бусы разного цвета и формы: круглые, бочковидные, рожковидные, каплевидные, двух-, трехчастные, в форме оливок и пр. – всего 56 шт. (рис. 4, *65*); полихромные мозаичные, глазчатые и однотонные стеклянные бусы разной формы: круглые, дисковидные, в виде оливок, бипирамидальные и другие – всего 59 шт. (рис. 4, *66);* железный нож с утерянным острием и черенком. Длина – 15.1 см, ширина лезвия – 2.5 см (рис. 4, *67*); стеклянные бусы разного цвета и формы: круглые, бипирамидальные, дисковидные, в виде трубочки, 16-гранники, монетообразные и пр. – всего 63 шт. (рис. 4, *68);* фрагмент железного ножа. Длина – 12.2 см, ширина лезвия – 1.8

см (рис. 4, *69);* стеклянные бусы разного цвета и формы – всего 18 шт. (рис. 4, *70);* железный черешковый нож. Длина – 13.7 см, ширина клинка – 1.9 см (рис. 4, *71);* глиняный кувшин с расширяющимся венчиком, приземистым туловом и двухпетельной ручкой. Высота сосуда – 16.4 см, диаметр венчика – 10.2 см, диаметр тулова – 14.3 см, диаметр дна – 9.5 см. Высота ручки – 9.6 см, диаметр отверстий на ручке – 1.8 см (рис. 4, *72);* стеклянный стакан-чаша зеленого стекла с сетчатым орнаментом на наружной стороне корпуса и с вогнутым дном. Высота – 8.4 см, диаметр – 8.7 см, толщина стенок – 3 мм (рис. 4, *73);* стеклянный стакан-кубок темно-зеленого стекла с гладким корпусом и слабовогнутым дном. Высота – 9.5 см, диаметр – 10.4 см, толщина стенок – 6 мм (рис. 4, *74);* глиняная миска с высокими стенками. Высота – 5.7 см, диаметр венчика – 12.6 см, диаметр основания донышка – 7.9 см, толщина стенок – 8-9 мм (рис. 4, *75*); железный двулезвийный топор с расширяющимися лезвиями. Обушный проем – расширенный. Длина – 21.2 см, высота – 5.8 и 4.6 см, высота обушного проема – 5.7 см (рис. 4, *76*); железная прямоугольнорамчатая пряжка с язычком, длина рамки – 4.6 см, ширина – 3.9 см (рис. 4, *77*); фрагменты железного предмета неясного назначения в виде стержней, соединенных пластинками и фрагментами железных стержней разного диаметра и размера (рис. 4, *78-87);* раковины каури разных размеров (рис. 4, *88, 89);* бронзовое незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения. Диаметр колечка – 1.3 см, диаметр проволоки – 2 мм (рис. 4, *90);* бронзовая пронизка из тонкой проволоки. Длина – 1.6 мм, диаметр – 6 мм (рис. 4, *91);* полые пуговицы-привески с петлями для подвешивания из уплощенной проволоки (сплющенные), высота – 2.8 см (рис. 4, *92, 93);* бронзовый литой бубенчик с вертикальным рифлением на корпусе и петелькой для подвешивания. Высота – 3.3 см, ширина – 2.4 см (рис. 4, *94);* бронзовая полая пугови-

ца-привеска с поломанной петлей. Диаметр корпуса – 1.7 см (рис. 4, *95*); бронзовые бубенчики с круглыми петлями для подвешивания. Диаметр 1.2-1.4 см (рис.4, *96-102);* бронзовая пуговица с петлей для подвешивания. Диаметр – 0.7 см (рис. 4, *103);* стеклянная глазчатая бусина (рис. 4, *104);* стеклянные бусины разного размера, однотонные (рис. 4, *105-107);* фрагмент бронзовой пластинки (рис. 4, *108);* миниатюрное бронзовое зеркало с центральной петлей. Тыльная сторона орнаментирована ломаной линией, заключенной между ободком и рельефным кругом. Диаметр зеркала – 5.2 см, толщина – 2 мм (рис. 4, *109);* круглые бронзовые пластинки (футляр зеркала?). Диаметр – 4.8 см, толщина – около 1 мм (рис. 4, *110, 111).*

Камера 37 (рис. 1, *2*; 2) была обнаружена к югу от входной ямы, вход в нее был сделан в южной боковой стенке шахты. В плане – почти овальная. Длинной осью ориентирована по линии восток-запад с незначительным отклонением к югу. Размеры в нижней части – 1.81 х 1.19 м. Пол плавно переходит в стенки. Свод – куполообразный, сохранился и имел купольную форму. Наибольшая высота сводчатого потолка – 0.8 м. Вход был устроен в северной стене на высоте 14 см от пола. Его ширина – 0.55 м, высота – 0.48 м. Вход в камеру был закрыт вертикально стоявшей сланцевой плитой шириной 0.87 м и высотой – 0.69 м.

Количество погребенных в камере неопределимо. Судя по плохо сохранившимся костным останкам и локализации костного тлена, можно предположить, что костяки лежали головой вправо от входа и были ориентированы к западу. Предположительно более ранние погребения располагались у дальней стенки камеры. Здесь же были обнаружены лежавшие в беспорядке наконечники и фрагменты древков стрел (рис. 2, *131-135, 138-147),* колчанный крюк (рис. 2, *128),* железные топор и ножи (рис. 2, *124, 134, 148),* колечки, бронзовые бубенчики (рис. 2, *123, 126, 127,*

129), бронзовый круглый предмет (рис. 2, *125*), перстни (рис. 2, *121, 122)* и два фрагмента железных предметов (рис. 2, *130, 137)*.

Ближе к входу в камеру лежал плохо сохранившийся костяк. Судя по дошедшим до нас частям посткраниального скелета, погребенный был уложен на спину, черепом к западу. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вытянуто. Слева и справа от фрагментов черепа были обнаружены серьги (рис. 2, *119, 120)*. В области груди – бусы (рис.2, *117, 118)*.

В головах погребенных, ближе к западной стенке, был найден стеклянный сосуд с зооморфным изображением (рис. 2, *115*). Еще один стеклянный сосуд был обнаружен у восточной стенки камеры (рис. 2, *116)*.

У восточной и южной стенок на дне камеры зафиксированы следы истлевшей органической подстилки.

Погребальный инвентарь камеры 37 (рис. 2; 5): бусы разной формы, размера и цвета – всего 27 шт. и одна раковина каури (рис. 5, *112);* стеклянные бусы разной формы и цвета, в том числе глазчатые и полихромные – всего 37 шт. (рис. 5, *113);* три раковины каури и стеклянные бусы разной формы – круглые, цилиндрические, шестигранник, прямоугольно-уплощенные, бипирамидальные, усеченно-конические и пр. По цвету – монохромные и глазчатые. Всего 28 шт. (рис. 5, *114);* чаша-кубок из прозрачного стекла с плавно зауживающимся книзу корпусом и небольшим рельефным поддоном. На корпусе справа налево – сильно стилизованные рельефные изображения трех львов. Намечены большая голова с открытой пастью и глазом, закрученный хвост и лапы. Высота сосуда – 9.2 см, диаметр венчика – 10.2 см, диаметр корпуса в середине – 8.6 см, диаметр поддона-основания – 3.6 см, толщина стенок – 2 мм (рис. 5, *115);* стеклянная чаша-кубок из прозрачного стекла. На корпусе

в два ряда – рельефные кружочки с выпуклинами-шишечками посредине. Верхний ряд – девять кружочков, нижний – восемь, корпус суживается книзу и переходит в закругленное основание. Между основанием и корпусом – углубление-желобок. Высота сосуда – 7.5 мм, диаметр венчика – 8.4 см, диаметр корпуса в середине – 7.8 см, диаметр основания – 6.9 см, толщина стенок – 3 мм (рис. 5, *116);* глазчатая бусина из глухого стекла (рис. 5, *117);* мелкая бусина (рис. 5, *118);* серебряные серьги, состоявшие из овального незамкнутого колечка с надетыми на них уплощенными петельками, к которым припаяны полые шарики с зернью внизу. Высота – 3.2 см (рис. 5, *119, 120);* серебряный перстень с поврежденной овальной обоймой для вставки (вставка утеряна). Диаметр – 1.2 см (рис. 5, *121);* фрагмент серебряного перстня. Диаметр – 2.3 см (рис. 5, *122*); бронзовое колечко из проволоки круглого сечения. Диаметр – 1.8 см (рис. 5, *123*); железный двулезвийный топорик. Одно лезвие значительно шире другого. Проушина топорика округлая сверху и снизу. Длина – 14.5 см, ширина одного лезвия – 6.2 см, другого – 3.6, высота проушины – 3.2 см (рис. 5, *124);* бронзовый округлый предмет с двумя отверстиями. Диаметр – 2 см (рис. 5, *125*); бронзовое незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения. Диаметр колечка – 1.8 см, диаметр проволоки – 1.5 мм (рис. 5, *126);* бронзовое незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения. Диаметр колечка – 1.3 см, диаметр проволоки – 1.5 мм (рис. 5, 727); колчанный крюк из железа с овальной петлей (сильно корозирован), конец крюка утерян. Высота изделия – 6.1 см, ширина петли – 3.5 см (рис. 5, *128);* бронзовый бубенчик, литой. В петле для подвешивания сохранился фрагмент кожаной полосы. Высота бубенчика – 2.1 см (рис. 5, *129);* фрагмент железного предмета (лезвие топора?). Длина – 5.5 см, высота – 4.2 см (рис. 5, *130);* трехлопастный че-

решковый наконечник стрелы из железа. Основания лопастей срезаны под прямым углом. Длина – 6.9 см (рис. 5, *137*); двуперый черешковый наконечник стрелы из железа. «Перья» обломаны. Сохранилась часть древка стрелы на черешке. Длина сохранившейся части наконечника – 8.8 см (рис. 5, *132);* двуперый черешковый наконечник стрелы из железа. Окончания перьев обломаны. Размах перьев – до 4.5 см. Длина сохранившейся части наконечника – 12 см (рис. 5, *133*); железный черешковый нож с прикипевшими фрагментами деревянных ножен. Длина – 19.3 см, ширина клинка – 1.9 см (рис. 5, *134*); фрагмент железного наконечника стрелы. Длина – 5.5 см (рис. 5, *135);* фрагмент железного предмета в виде колечка со стержнем, сильно коррозирован. Диаметр – 1.8 см (рис. 5, *136);* фрагмент железного предмета со следами клепки. Длина – 10.7 см (рис. 5, *137);* фрагменты древков стрел. Длина – 8-22.5 см, диаметр – до 1 см (рис. 5, *138-147);* железный черешковый нож с остатками деревянных ножен. Длина – 13.5 см, ширина – 31 мм (рис. 5, *148).*

Камера 38 (рис. 1, *2; 2)* была обнаружена к северу от входной ямы. В плане – неправильной овальной формы, сужающаяся к западному краю. Длинной осью ориентирована по линии восток-запад. Размеры в плане – 1.7 х 0.85 м. Пол плавно переходит в стены. Дно зафиксировано на глубине 2.49 м от современной дневной поверхности. Свод – куполообразный, его максимальная высота – 0.78 м.

Вход в камеру прямоугольной формы, был устроен в южной стене входной шахты. Размеры: ширина – 0.57 м, высота – 0.48 м. Вход был заложен вертикально стоявшей сланцевой плитой шириной 0.98 и высотой 0.65 м.

В камере было совершено одно погребение. Кроме фрагмента кости левой руки, скелет полностью истлел и представлял собой пятно тлена. Однако удалось зафиксировать, что погребенный лежал вытянуто на спине, ориен-

тирован черепом на юго-запад, руки покоились вытянуто вдоль тела. В районе поясницы был обнаружен немногочисленный инвентарь.

Погребальный инвентарь камеры 38 (рис. 2; 6): железный черешковый нож с фрагментами деревянных ножен. Длина – 13.7 см, ширина лезвия – 1.3 (рис. 6, *149);* железное кольцо с фрагментами кожи. Сильно коррозировано. Диаметр – 2.8 см (рис. 6, *150*); прямоугольнорамчатая железная пряжка с язычком. Высота – 3.2 см, ширина – 2.5 (рис. 6, *151*).

Погребальный обряд исследованного комплекса. Исследованное погребальное сооружение – дромос, вход-лаз, погребальная камера – по своей конструкции находит многочисленные аналогии в других средневековых катакомбных могильниках Северного Кавказа. Необходимо отметить сложность и многоплановость публикуемого комплекса, использовавшегося в течение довольно длительного времени, о чем свидетельствует расположение камер относительно дромоса катакомбы. Показательным в исследованной катакомбе является расположение погребальных камер относительно длинной оси дромоса: камеры 36 и 35 были поперечными (длинная ось камеры была перпендикулярна длинной оси дромоса); 37 и 38 располагались продольно относительно длинной оси дромоса. В исследованном сооружении, независимо от расположения камер относительно длинной оси дромоса, все погребенные лежали параллельно длинной оси камеры, т.е. головой вправо или влево от входа: в камерах 35,36, 38 – головой влево, в камере 37 – вправо. Для рассматриваемого погребального комплекса характерна единая тенденция при размещении погребенных в камере. В катакомбах с одной камерой подобное расположение характерно для конструкций с поперечными погребальными камерами относительно длинной оси дромоса.

Сходные катакомбы известны в Тарском могильнике, в могильнике Мокрая Балка, в некрополе Клин-Яр, преобладание погребальных сооружений с поперечной камерой характерно для большинства катакомбных могильников донских алан (Дмитриевский, Верхний Салтов, Нижне Лубянский, Маяцкий и др.) (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XVI; Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 124, 127, 135, 140; Плетнева, 1989. Рис. 89; 90; Флёров, 2007. С. 100. Рис. 58; Хоружая, 2009. С. 278).

Необходимо отметить многокамерность публикуемого погребального сооружения; в целом такая черта характерна для погребений Даргавсского могильника, что указывает на экономию площади для сооружения новых погребальных конструкций. Видимо, не случайно именно в Даргавсе находится широко известный склеповый могильник с уникально большим (около 100) количеством склепов на одном участке, правда, намного более позднего периода – XVI-XVIII вв. Подобные по конструкции многокамерные катакомбы были выявлены в могильниках Чми, Клин-Яр (Ковалевская, 1984. С. 157; Флёров, 2007. Рис. 6).

Форма погребальных камер во всех случаях – овальная, камеры различаются только размерами. В исследованных камерах были произведены одиночные и коллективные захоронения. Одиночное погребение было обнаружено только в камере 38. Камеры 35 и 36 содержали коллективные погребения, камера 37 – не менее двух человек. К сожалению, сохранность скелетов не позволяет проследить особенности их позы, однако, по имеющимся данным, все погребенные лежали вытянуто на спине, головами вправо или влево от входа.

Хронология исследуемого погребального комплекса. Конструктивные особенности этого сложного погребального сооружения говорят о том, что камеры были сооружены не одновременно. Согласно классической схеме

сооружения катакомб (с одной камерой), входная яма, как правило, расширяется и углубляется к камере. Именно так расположена входная яма по отношению к камере 36, из чего можно сделать вывод, что она – наиболее ранняя. По всей видимости, следующей была камера 35 в противоположной стенке дромоса. Наиболее поздние – камеры 37 и 38, сооруженные в боковых стенках дромоса.

Следуя схеме сооружения погребальных камер, рассмотрим их хронологию. Наиболее ранней является камера 36. Часть предметов ее погребального инвентаря датируется в пределах VIII-IX вв. Среди ее вещей следует выделить саблю, наконечники стрел, фибулу, перстни с крестообразными лапками, серьги с привеской, цельнолитые щитковые пряжки.

Обнаруженные трехлопастные наконечники стрел были широко распространены на территории Восточной Европы в хазарское время. Они близки типу 13 по классификации А.Ф. Медведева (1966. С. 59. Табл. 30, *13)*. Время их наибольшего распространения приходится на VIII-IX вв.

Аналогии сабле из камеры 36 известны среди материалов Дмитровского могильника. По конструкции гарды наиболее близкой сабле из Даргавса является сабля из Дмитриевской катакомбы 126 (Плетнева, 1989. Рис. 34). Сходные экземпляры были найдены в катакомбах могильника Кобан, в погребениях по обряду трупосожжения типа Борисово-Дюрсо второй половины VIII-IX вв. на Северо-Западном Кавказе, в биритуальных могильниках Сухая Гомольша-Новопокровка на Северском донце (Хайнрих, 1995. Табл. L, 2; LI, 2; Дмитриев, 2003. С. 203, 204. Табл. 90, *29-34;* Аксенов, Михеев, 2006. С. 106. Рис. 11, *1;* 40,*10)*.

Фибулы со сходной профилировкой начинают распространяться с VII в., характерны для этапа становления салтово-маяцкой культуры. Они специфичны для Северного Кавказа, многие находки фибул подобной формы проис-

ходят из центральных областей Северного Кавказа (Гавритухин, 2010. С. 413, 414). И. О. Гавритухин относит их к северокавказской подгруппе раннесредневековых шарнирных фибул. В частности, фибулы поздних вариантов известны среди материалов периода 2 и 3 в катакомбах Чми, причем в катакомбе 15 присутствует монета VIII в., а катакомба 6 датируется в рамках второй половины VIII – начала IX в. (Гавритухин, 2010. С. 414).

Аналогии рассматриваемой фибуле известны в погребальном инвентаре катакомб 11 и 110 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 59). Эти комплексы были отнесены С. А. Плетневой к группе погребений промежуточного и позднего этапа существования Дмитриевского могильника соответственно. Показательно, что погребения поздней группы, выделенной С. А. Плетневой, содержат предметы более раннего, досалтовского времени (1989. С. 169). За последние годы исследователи пересмотрели датировку ряда показательных предметов и комплексов, относящихся к этой группе, и обоснованно доказали, что они могут относиться к раннему периоду салтово-маяцкой культуры. Их нижняя дата ограничивается 730-ми годами, верхняя – первой половиной IX в. (Аксенов, 1999. С. 141; Комар, 1999. С. 132; Гавритухин, 2005. С. 392, 393; 2010. С. 414).

Близкая по морфологии фибула была найдена в катакомбе 13 Верхне-Салтовского могильника, в комплексе с монетой Харун ар-Рашид, мединат Зерендж, 797/798 гг. (Хоружая, 2009. С. 269. Рис. 7, *9)*. Однако данное погребение, как и упомянутые выше погребения Верхне-Салтовского могильника, являются коллективными и не дают узкой даты.

Серьги из камеры 36 с привеской в виде вытянутой четырехгранной пирамидки с припаянным сверху полым шариком близки типу 5 по классификации В. Б. Ковалев-

ской. Одна из наиболее ранних находок серег такого типа – экземпляр из Константиновки, датирующийся VII-VIII вв. Еще один экземпляр происходит из склепа в Гижгиде (VIII-IX вв.), все остальные находки относятся к IX в. Такие серьги найдены в катакомбах Чми, первой катакомбе Балты, в Лаце, в катакомбах Архона. Много украшений такого типа обнаружены в Тарском могильнике VIII-IX вв. По классификации С. А. Плетневой, сделанной для Дмитриевского могильника, подобные серьги относятся к типу 1 отделу 2 и зафиксированы в погребениях обоих хронологических групп (Ковалевская, 1995. С. 165. Рис. 7, *30-36;* Плетнева, 1989. С. 113. Рис. 57; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. II, *8;* XVII, *14-18;* XXIV, *7, 8;* XXVII, *1, 2;* XXXII, *14, 15)*.

Зеркало с петлей для подвешивания из камеры 36 находит очень широкие аналогии в аланских катакомбных захоронениях. В частности, сходные по морфологии зеркала известны в катакомбных погребениях второй половины VI – первой четверти VII в., комплексах второй четверти VII – рубежа VII/VIII вв. из некрополя Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 36, 46). В катакомбах Верхнесалтовского могильника сходные зеркала обнаружены с дирхемом Харун-ар-Рашид, мединат Зерендж 797/798 гг. (Хоружая, 2009. С. 269. Рис. 7, 2).

Бронзовая овальнорамчатая пряжка с язычком и цельнолитым щитком датируется в пределах VIII-IX вв., близкие рассматриваемому экземпляру образцы найдены в катакомбе 5 могильника Кобан и в Балтском могильнике (Хайнрих, 1995. С. 199. Табл. XLVIII, *7*; Ковалевская, 1981. Рис. 60, *75*).

Стаканы-кубки, подобные обнаруженным в камере 36, известны по материалам раскопок Двина, где найдено большое количество образцов стеклянных изделий как местного производства, так и привозных. Такие стаканы, как гладкие, так и покрытые сетчатым орнаментом, да-

тируются IX в. И, по мнению Р.М. Джанполадян, являются продуктами двинского стеклоделия (1969. С. 28, 29. Рис. 6; Kalantarian, 1996. Pl. 105, *1, 7*).

Остальные предметы материальной культуры из камеры 36 – бусы, фрагменты ножей, пуговицы и бубенчики, кружка – имеют обширные аналогии и датируются широко.

Погребальная камера 35 была сооружена позднее камеры 36. В ее инвентаре обнаружены перстни с жуковиной в виде четырех крестовидно расположенных лапок (тип 1 по: Плетнева, 1989. С. 115). Аналогии подобным изделиям известны на обширной территории юга Восточной Европы. Они происходят из ранних слоев Саркела-Белой Вежи, дата постройки которого – 30-е годы IX в. (Плетнева, 1989. С. 170-172). Не редки такие перстни и в аланских погребениях Северного Кавказа, обнаружены в катакомбах могильника Чми и Кобан, среди погребального инвентаря Тарского могильника (Хайнрих, 1995. Табл. XIX, 6; XXV, *8, 9;* Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXX, *2-7*). В Верхнесалтовском могильнике подобные перстни найдены в комплексах с серебряными арабскими монетами. В катакомбе 21 найдены монеты 768 г. (ал-Мансур, мединат ал-Мухаммадия), 773/774 г. (ал-Мансур мадинат ас-Салам) и 784/785 г. (ал-Махди, мединат Керман); в катакомбе 23 – монета 802 г. (Харум ар-Рашид, мединат ал-Мухаммадия) (Хоружая, 2009. С. 275, 276). На основании этого описанные захоронения датируются в пределах IX в. (соответственно первой и второй его половинами). Интересно, что перстни с четырьмя лапками часто сочетаются с зеркалами, тыльная сторона которых украшена различными комбинациями дуг. Такая закономерность прослеживается на примере Дмитриевского могильника и Верхнего Салтова. Не является исключением и Даргавсский могильник.

Серьги, сопровождавшие погребение в камере 35, аналогичны типу серег из камеры 36, их единственное отли-

чие – наличие поясков зерни на привеске между бусиной и трубочкой. По мнению В. Б. Ковалевской, данная особенность является хронологическим признаком более ранних экземпляров серег рассматриваемого типа.

Зеркало из камеры 35 идентично изделию из камеры 36.

В определенной степени хронологическими маркерами могут служить полые пуговицы со шляпкой. Наблюдения, касающиеся их времени бытования, были сделаны Х. М. Мамаевым. Согласно им, такие пуговицы встречены в комплексах Северного Кавказа, датируемых в основном IX-X вв. (2009. С. 118).

Таким образом, в рассматриваемом погребальном комплексе камеры 35 и 36 – наиболее наполнены разнообразными предметами материальной культуры. Погребения, сопровождаемые сходным погребальным набором, известны и в других некрополях VIII-IX вв. с катакомбным погребальным обрядом. Так, катакомба 126 Дмитриевского могильника содержит примерно такой же комплекс вещей, как и камера 36 Даргавсского (серьги, сабля, бубенчики, кружка с зооморфной ручкой). Это погребение и тяготеющие к нему С. А. Плетнева датировала промежуточным этапом бытования могильника.

Аналогичное сочетание предметов – топор, кружка с зооморфной ручкой, цилиндрический стакан – обнаружено в катакомбе I Кобанского могильника в Северной Осетии (Хайнрих, 1995).

По обнаруженному инвентарю камера 37 несколько отличается от рассмотренных выше камер 35 и 36. Среди найденных здесь предметов в первую очередь следует отметить предметы вооружения. Два наконечника стрел относятся к типу «двурогий срезень». В. Н. Каминский и И. В. Каминская-Цокур предполагали, что двурогие наконечники стрел появляются после X в., при этом исследователи считали, что такие наконечники бытовали и прежде, однако

встречались крайне редко (1997. С. 66). Следует отметить, что такой тип наконечников стрел абсолютно не характерен для погребений VIII-IX вв. на Северном Кавказе. В классификации А.Ф. Медведева двурогие срезни относятся к типу 60, подобные наконечники с пропорциями пера 1:1 характерны для конца IX-X в., а наконечники с прямыми боковыми сторонами и пропорциями пера 1:4, 1:5 относятся ко времени после монгольского нашествия (1966. С. 72).

Топор из камеры 37 по своим морфологическим признакам отличается от топора из камеры 35. Изделия подобной формы не характерны для большинства катакомбных погребений Северного Кавказа и бассейна Среднего Дона, датирующихся в пределах VIII-IX вв. Топоры сходной формы из древнерусских памятников, по классификации А. Н. Кирпичникова, относятся к типу II. Все древнерусские экземпляры найдены преимущественно в дружинных курганах и датируются X-XI вв. и позднее не встречаются (Кирпичников, 1966. С. 35. Рис. 6, *II*).

Серьга из камеры 37 близка типу 2 по классификации В. Б. Ковалевской. Аналогичные этому типу экземпляры известны в комплексах VIII в. в Подунавье и Поволжье, встречены в погребениях VIII-IX вв. на Северном Кавказе. В частности, подобная серьга происходит из катакомбы 17 Тарского могильника, где вместе с ней находились серьги, аналогичные изделиям из камер 35 и 36 Даргавсской катакомбы (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XVII, *19)*.

Стакану с простым геометрическим орнаментом из камеры 37 близок стакан из слоя Двина VIII-IX вв., изделия подобной формы, но с другой орнаментацией, известны среди материалов стеклоделия Ирана VIII-IX вв. (Kalantarian, 1996. P. 140. Fig. 26, *3)*.

Камера №38 малоинвентарна. Обнаруженные в ней прямоугольнорамчатая пряжка, нож, бусы имеют широкое время бытования.

Таким образом, комплекс Даргавсской катакомбы датируется периодом VIII – началом X в. Наиболее ранней из раскопанных погребальных сооружений является камера 36. Судя по представленному набору предметов материальной культуры, время совершения погребений в ней приходится на конец VIII – первую половину IX в. Второй по счету была сооружена камера 35, погребальный инвентарь которой во многом синхронен вещам из камеры 36, однако ее планиграфия указывает на более позднее время создания. Тем не менее временной промежуток между прекращением использования камеры 36 и сооружением камеры 35 – небольшой, поэтому наиболее вероятное время функционирования камеры 35 – первая половина – вторая треть IX в.

После того, как камера 35 перестала использоваться, были сооружены камеры в боковых стенках дромоса. Такие предметы из камеры 37, как двурогие срезни, топор с выделенным трапециевидным лезвием, не характерны для большинства погребений, датирующихся в рамках VIII-IX вв. Учитывая этот факт, можно датировать камеру 37 последней четвертью IX – началом X в.

Невыразительность погребального инвентаря камеры 38 не позволяет говорить об узкой датировке этого комплекса, однако следует учитывать такие особенности, как небольшой размер камеры и наличие в ней только одного погребения (в то время как во всех остальных камерах представлены коллективные комплексы). По всей видимости, она была сооружена последней, т.е. после прекращения использования камеры 37, поэтому погребение в ней было совершено в первой половине X в.

Список литературы

Аксенов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita Antiqua. Киев, 1999. С. 138-149.

*Аксенов В. С., Михеев В.*К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.» // Хазарский альманах. Т. 5. Киев; Харьков, 2006. 312 с.

Албегова З. Х., Верещагин-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Таус, 2010 (Матер. охранных археологических исследов. Т. II). 450 с.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая балка. Вып. 1: Дневник Раскопок. М: Научный мир, 2001. 250 с.

Гавритухин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 378-426.

Гавритухин И. О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З. Х., Верещагин-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Таус, 2010 (Материалы охранных археолог. исследов.; Т. 11). С. 410-428.

Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003 (Археология СССР). С. 200-206.

Джанполадян Р. М. Новые данные о стеклоделии Двина // КСИА. Вып. 120. М.: Наука, 1969. С. 28-31.

К*аминский В. Н.,* К*аминская-Цокур И. В.* Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье //

Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 61-69.

К*антемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г.* Тарский катакомбный могильник // Аланы: история и культура. Вып. 3. Владикавказ, 1995. С. 259-314.

К*ирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 147 с.

К*овалевская В. Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР). С. 83-97.

К*овалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984. 192 с.

К*овалевская В. Б.* Хронология древностей Северо-Кавказских алан // Аланы: история и культура. Вып. 3. Владикавказ, 1995. С. 123-183.

К*омар А. В.* Предсалтовский и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Киев, 1999. С. 111-136.

Мамаев Х. М. Чишкинский и Майртупский раннесредневековые могильники в Чечне // Вестн. АН Чеченской Республики. № 1 (10). Грозный, 2009. С. 118.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. (Археология СССР). М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 184 с.

Плетнева С. А. На хазаро-славянском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 285с.

Сарычева Т. Л. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII века) // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Флеров В. С. Постпогребальные обряды центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 372 с.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могиль-

ники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Вып. 3. Владикавказ, 1995. С. 184-258.

Хоружая М. В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2009 (Тр. по археологии). С. 259-294.

Kalantarian A. Dvin histoire et archeologie de la ville medievale. Neuchatel: Recherches et publications, 1996. 308 p.

Российская археология. №2. М., 2016. С. 150-167 (совместно с П. С. Успенским).

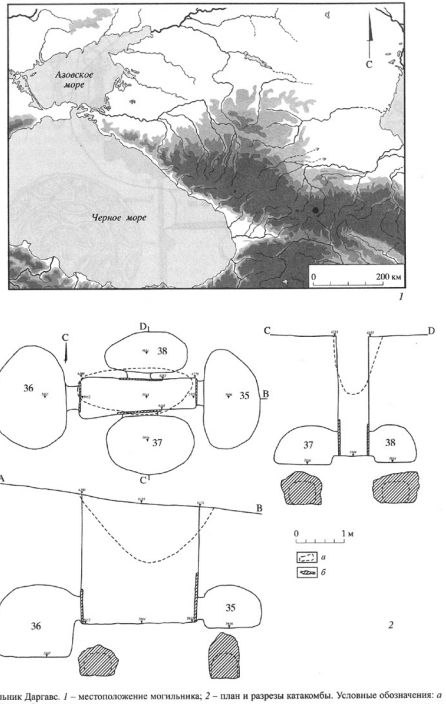


Рис. 1. Могильник Даргавс. *1* – местоположение могильника; *2* – план и разрезы катакомбы. Условные обозначения: *а* грабительской ямы; *б* – закладная плита.

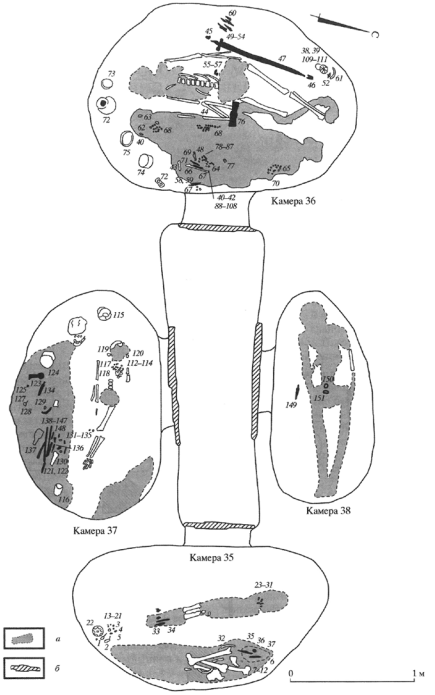


Рис. 2. План расположения погребальных камер катакомбы. Условные обозначения: *а* – костный тлен; *б* – закладная плита.

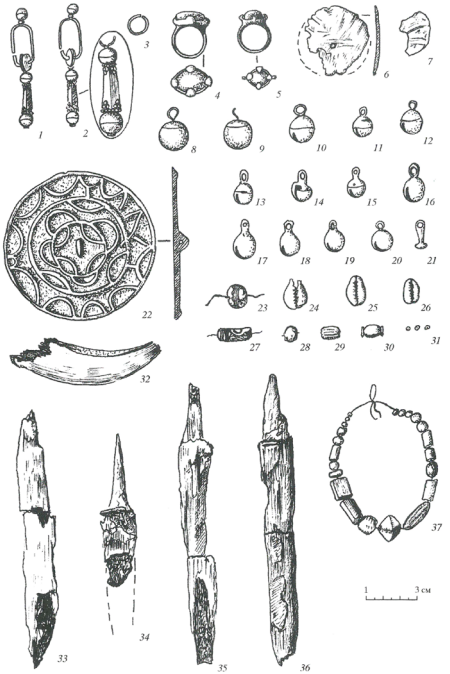


Рис. 3. Погребальный инвентарь камеры 35.

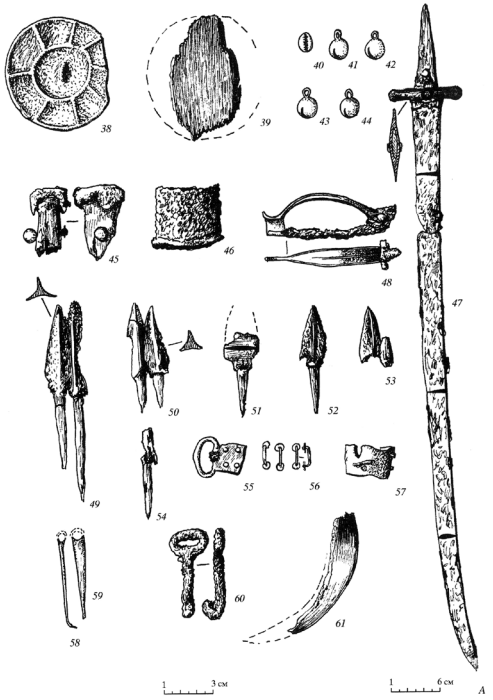


Рис. 4. Погребальный инвентарь камеры 36.

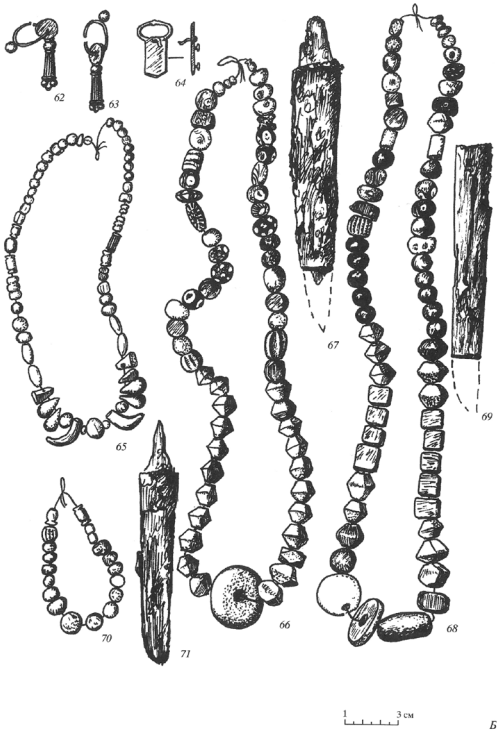


Рис. 4. (Продолжение.)

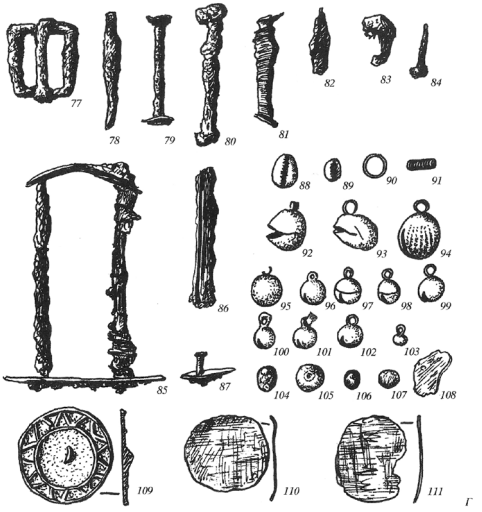


Рис. 4. (Окончание.)

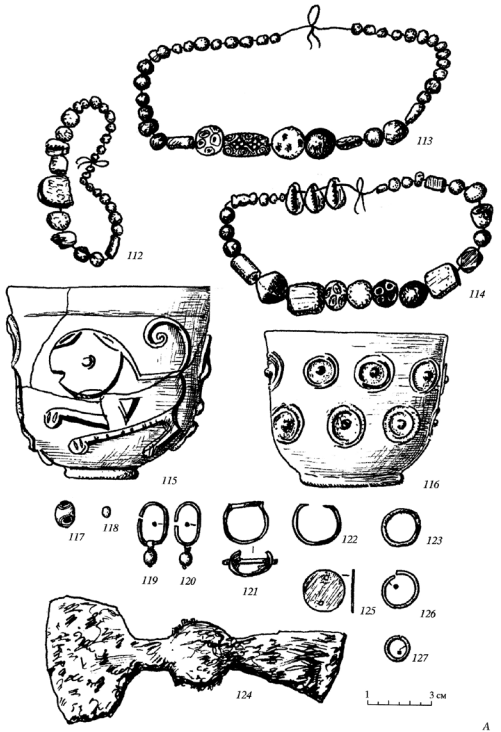


Рис. 5. Погребальный инвентарь камеры 37.

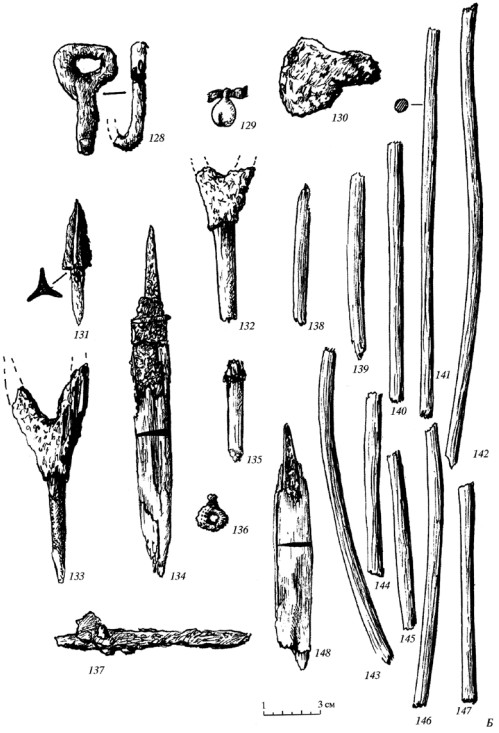


Рис. 5. (Окончание.)

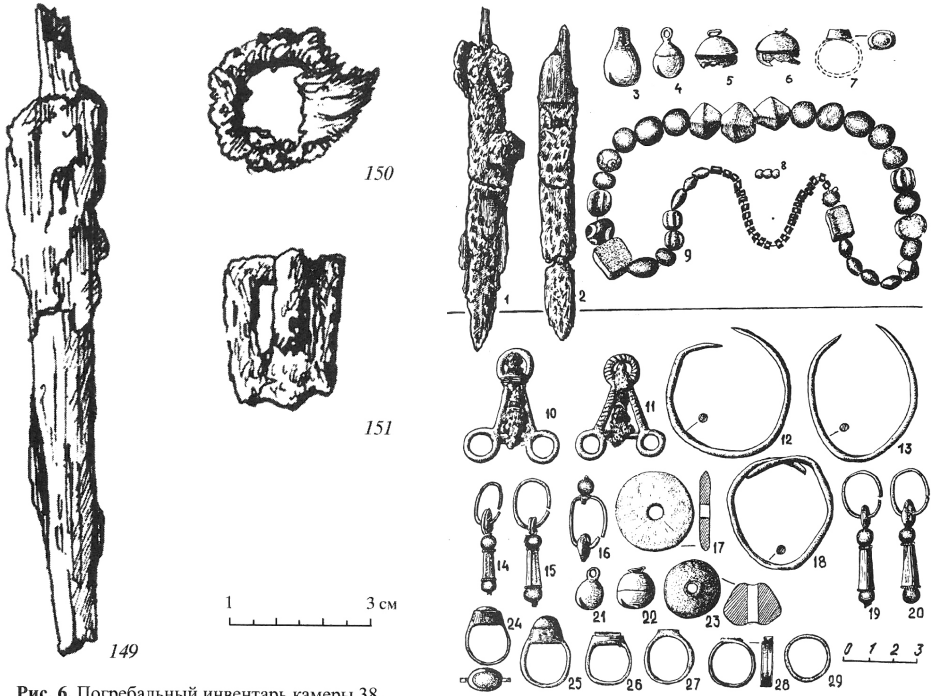
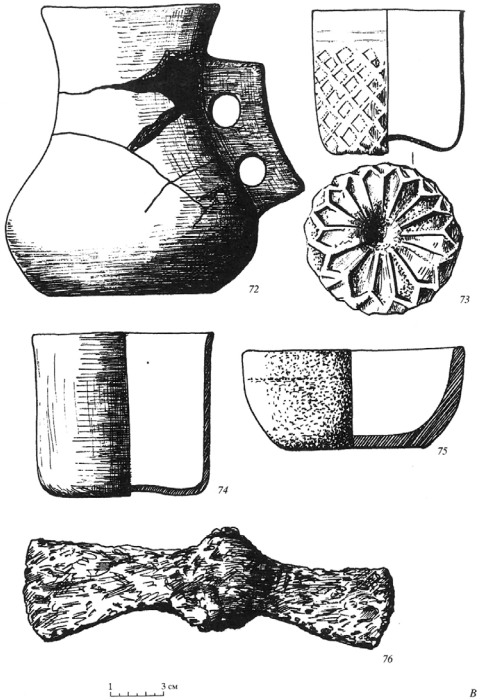
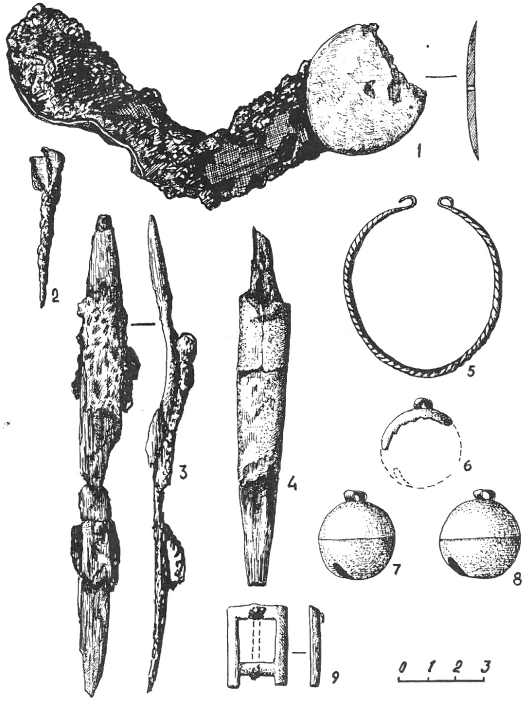


Рис. 6. Погребальный инвентарь камеры 38.

КАТАКОМБА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДАРГАВССКОГО МОГИЛЬНИКА





В

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА ИЗ КАТАКОМБ ДАРГАВСА

В статье рассмотрены предметы импортного происхождения, обнаруженные в катакомбах Даргавса раннесредневекового времени: стеклянные чаши-кубки разнообразной формы и цвета, частично снабженные разнообразным орнаментом в виде розеток, кружочков и изображениями животных. Среди стеклянных *сосудов отмечены флакончик и миниатюрные кувшинчики изящных форм. Кроме сосудов в погребальных комплексах найдены стеклянные браслеты и перстни, самшитовые гребни, раковины, привески из раковин, медное зеркало восточного типа, наконечник пояса с арабской надписью. Предполагается попадание этих предметов в высокогорье Алании как через торговые пути, проходившие через Северный Кавказ (чаши, кубки и кувшинчики), так и через перевалы Главного Кавказского хребта из Восточной Грузии (стеклянные кольца). Самшитовые гребни вероятнее всего привозились с восточных берегов Черного моря. Раковины каури и привески из раковин могли попадать в горы разными путями. Все импортные предметы вероятнее всего были приобретаемы у торговых людей, благодаря которым торгово-меновые связи местного населения были устойчивыми и продолжительными в раннесредневековый период, в частности в VIII-IX вв.*

Ключевые слова: Аланы, катакомбы, импорт, стекло, самшитовые гребни, перстни, браслеты, торговые трассы, аналогии, датировка.

Ввоз любой материальной продукции из-за рубежа, т.е. импорт, имеет свою историю возникновения и развития. Импорт всегда был способом восполнения необходимой продукции, которую не производили на месте или произ-

водили в недостаточном объеме, а то и недостаточного качества. С импортом связана и деятельность купечества, а с ней межкультурные и межэтнические связи. Для бесписьменных периодов истории народа в качестве свидетельства торгово-меновых отношений и в конечном итоге импорта большое значение приобретает археологический материал.

Интересны и пути проникновения импорта, т.е. торговые трассы, по которым он ввозился. Уже с древних времен торговые каналы были на особом учете и привлекали не только торговцев, но и государственные структуры: их берегли, охраняли, захватывали, обустраивали. На этих путях складывались центры торговли и производства. От обладания такими путями зависела экономическая мощь заинтересованного в торговле региона.

Торговля как средство мирной экспансии зависела от политической обстановки на границах регионов и государств. Война, хоть и была в определенной степени двигателем прогресса, для торговли являлась абсолютным препятствием, тем более для транзитной, ибо торговля могла успешно развиваться только в относительно мирное время.

Для Центрального Кавказа, в зоне которого находится Даргавсская котловина, важную роль играли дороги, особенно перевальные, через которые осуществлялись провоз и доставка продуктов производства как из Закавказья, так и из равнинной части Алании.

Даргавсский катакомбный могильник, раскопки которого ведутся археологической экспедицией Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева с 1993 г., представляет собой обширный некрополь площадью до 40 га. На сегодняшний день раскопано всего 92 катакомбы, но, по всей вероятности, могильник содержит несколько сотен катакомб.

Уже раскопанные катакомбы представили исследователям обширный и разнообразный материал, включающий орудия труда, оружие, украшения, посуду, предметы конского снаряжения, туалетные принадлежности, элементы одежды и другие категории предметов из металла, дерева, кости, рога, стекла, кожи, камня и других материалов. Подавляющее большинство предметов является продуктом местного ремесленного производства.

Вместе с ними найдены предметы, изготовленные не на месте, а привозные. Это изделия из стекла – чаши, кубки, флаконы, кувшинчики, бусы, браслеты и перстни. Есть и деревянные (самшитовые) гребни, а также грецкие орехи, плоды миндаля и каштана. Безусловно, привозными оказываются раковины каури и перламутровые диски, не говоря уже о редких находках монет.

Найденные в катакомбах Даргавса стеклянные чаши-кубки по форме и орнаментации разнообразны. Так, на кубке из катакомбы №37 (табл. I, 5) изображены стилизованные львы, движущиеся справа налево. На чаше из катакомбы №35 – вереница ланей, также шествующих справа налево, «львы» изображены полностью, а у «ланей» – только протомы (т.е. голова и шея). Чаша из катакомбы №62 украшена розетками в два ряда (табл. III, 4). Один сосуд в виде бокала – вишневого цвета с утерянной ножкой-основанием (табл. I, 2; II, 1; III, 2; IV, 2). Некоторые чаши орнаментированы косыми полосками, четырех- и шестиугольными вдавлинами по внешней стенке корпуса (табл. I, 2, 6, 7; II, 4), волнистыми и петельчатыми нитями-налепами (табл. III, 5), на двух сосудах – двухъярусные концентрические кружочки (табл. II, 2, 6). Чаша из катакомбы №81 – черного цвета и с прямоугольными многоярусными вдавлинами на корпусе (табл. IV, 1). Кроме 3-4 чаш – все сосуды из прозрачного зеленоватого или фисташкового цвета стекла.

В катакомбах №№43 и 83 найдены миниатюрные кувшинчики с тонкими ручками, прилепленными верхней частью к венчику, а нижней – к тулову сосуда. Сосуды почти идентичны. Первый – высотой в 12,7 см, второй – 13,3 см (табл. V, 10, 11). Оба из стекла зеленоватого цвета. В катакомбах найдено восемь браслетов. Один из них полихромный (табл. V, 8), остальные из стекла темного цвета. Стеклянных перстней найдено более сорока (табл V, 3-7). Иногда с погребенными обнаруживаются 8-9 перстней. Среди найденных предметов – раковины каури и дисковидные привески, сделанные из крупных раковин (табл. IV).

Самшитовых гребней найдено 12 штук (табл. VI, 1-12), в их числе – двусторонние, с частыми и редкими зубьями.

Из бусинного материала, безусловно, импортными являются янтарные и редкие гранатовые бусы. Глазчатые и другие полихромные бусы также являются импортными, но их рассмотрение отложим на будущее для детального и основательного изучения.

Уникальным предметом является бронзовое зеркало (табл. VI, 15), не находящее аналогий среди множества металлических зеркал аланской культуры, и потому считаем его предметом импортного происхождения, попавшим сюда, возможно, с Востока.

Интерес вызывают железные висячие замки почти современного вида (табл. VI, 13, 14), вероятно, попавшие в Даргавс как сувениры из Византии. Замечателен наконечник пояса, сделанный из бронзы с позолотой. На нем арабское благопожелание (табл. VI, 16).

Говоря о технологии орнаментирования стеклянных чаш-кубков, нужно отметить, что рельефные фигуры на внешней стенке сосуда, вероятнее всего, наносились горячей массой, подправляемой мастером для придания соответствующей формы. Та же техника использовалась при оформлении чаш стеклянными нитями наподобие

нанесения узоров кремом при выпечке тортов: на поверхность еще горячего сосуда-чаши, стакана выливалась тонкая струя расплавленного стекла, сразу же прилипавшая и остывавшая, при этом мастер поворачивал вокруг оси чашу-кубок, и проливавшаяся струя облегала его поверхность, замыкаясь на начале. Так же наносилась рельефная, облегающая корпус сосуда, полоса. Что касается выемок и полос на сосудах, то их наносили твердым предметом соответствующей формы по еще не остывшей, а потому еще достаточно податливой, стеклянной массе.

Цвет подавляющего большинства сосудов – зеленоватый – говорит о невысоком уровне стекловарения или же о массовом производстве, пренебрегающим качеством изделий, т.е. о том, что теперь называют ширпотребом. По мнению А. А. Иерусалимской, нашедшей обломки чаш-кубков в Мощевой балке, на одной из которых был рельефно изображен равносторонний крест так называемого «мальтийского» типа, это были сосуды для лампадок, а не застольные чаши для питья [1, 352]. Замечание, на наш взгляд, весьма интересное и заслуживающее дальнейшего рассмотрения. Кстати, чаша-кубок с «мальтийским» крестом была найдена и в катакомбе №21 Тарского могильника [2, табл. XXIII, 1].

Стеклянные кувшинчики, хоть и изготовлены из стекла зеленоватого цвета, весьма изящны и производят впечатление высококлассного производства. Особенно впечатляют ручки сосудов в виде тонких, нежно изогнутых стерженьков, игриво крепящихся к венчику сосуда петелькой. Надо полагать, что кувшинчик сперва выдувался, а потом к нему крепилась ручка.

Несмотря на изящество и хрупкость изделия, оба сосуда сохранились в погребениях в отличном состоянии (сосуд из катакомбы №43 был фрагментирован при транспортировке).

Стеклянные браслеты и перстни темного стекла широко распространились из Восточной Грузии, где было налажено их производство. Изготовлялись путем навития жидкой струи стекла на круглый стержень-форму. Концы налеплены один на другой, образуя форму заготовки для печаток. Поверхность у них гладкая, в сечении – круглая или сегментовидная. Массовое количество перстней говорит об их невысокой цене и доступности. Судя по всему, местное население охотно приобретало их, поэтому доставка перстней из Восточной Грузии предполагает регулярные торговые связи. Кажется, это один из главных продуктов, доставляемых на Северный Кавказ из Закавказья. Следует учесть и тот факт, что Даргавс находится близко к перевальному пути, шедшему через Дарьяльское ущелье: между Чми-Суардон и Даргавсом – невысокие перевалы.

Бронзовое зеркало с изображением земноводных не находит аналогий в аланских древностях. В 2013 г. Северо-Осетинский государственный университет посетили гости из Китая, и они признали это зеркало похожим на китайские металлические зеркала, но те датируются более поздним временем. Тем не менее, возможно, наше зеркало попало на Северный Кавказ с Востока и, вероятно, через торговую трассу «Великий шелковый путь», ибо по этой дороге везли не только шелк и шелковые изделия. Вероятно, именно этим путем на Северный Кавказ попадали и стеклянные изделия из Передней Азии, ибо караваны, доставлявшие туда шелк, надо полагать, обратно возвращались отнюдь не порожними: везли изделия из стекла на восток и даже в Китай, где в раннем средневековье VII-IX вв.) еще не знали стекловарения. Кроме всего, описываемое зеркало бронзовое, тогда как аланские зеркала изготавливались из высокооловянистой бронзы.

Что касается самшитовых гребней, то **их** импортное происхождение не подвергается сомнению хотя бы пото-

му, что самшит в Осетии не произрастает: он растет в Западном Прикаспии и в Восточном Причерноморье. Скорее всего, самшитовые гребни изготавливались где-то в Абхазии или чуть севернее, а оттуда уже распространялись на Северный Кавказ и далее. Причем самшитовые гребни завозились на Центральный Кавказ не только в раннем средневековье, но и намного ранее. Так что в VII-IX вв. самшитовые гребни давно уже были обыденными предметами туалета у горцев Центрального Кавказа, в том числе и жителей Даргавса.

Найденные в Даргавсском некрополе бусы уже составляют тысячи экземпляров. Их форма, цвет, материал поразителен по разнообразию. В. Б. Ковалевская считает, что некоторые типы бус по качеству и относительной примитивности технологии могли изготавливаться на месте, т.е. в пределах Алании. Что касается многоцветных, глазчатых, пупырчатых и вообще полихромных бус, предполагающих высокий уровень мастерства, то центрами их производства могли быть города дальнего зарубежья, расположенные в пределах Передней Азии, Египта, а также центры восточного Средиземноморья [3, 173.]

Исследование бусинного материала весьма специфично и требует особой подготовки, но о некоторых типах бус можно сказать, что женское население Алании весьма охотно приобретало эту категорию украшений, завозимых торговцами из-за рубежей Алании. Причем завоз был, надо полагать, регулярным, а потому бусы составляют самую массовую часть находок. Ни одна особа, за исключением, может быть, малых детей женского пола, не была похоронена без бус. Бусы из оберегов превращаются в обязательный элемент женского украшения и входят в погребальный комплект. Впрочем, возможно, и для путешествия в загробном мире считалось необходимым иметь при себе обереги-бусы. И первейшую роль играли бусы из

сердолика, попадавшие на Северный Кавказ из Ирана [4, 270-274].

Совершенно необычной находкой представляется железный навесной замок. Он совершенно современного типа. Механизм его абсолютно проржавлен и не поддается восстановлению, но в нем есть специальное отверстие для ключа, дужка с выемкой на одном конце и с осевым креплением на другом. Замок из катакомбы №27 (табл. VI, 13) даже биметаллический: торец корпуса замка выполнен из медной пластинки. Отверстие для ключа (замочная скважина) расположено не в центре, как сейчас, а сдвинуто в сторону: видимо, из-за расположения механизма замка, заставившего мастера-изготовителя пренебречь центровкой установления замочной скважины. Надо полагать, что конструкция замков VII-IX вв. еще не была устоявшейся, и перед нами этап становления канонической формы висячего замка.

Висячие замки, но иной конструкции, были позднее зафиксированы среди новгородских древностей. Металлические замки не прижились в Осетии, зато на башнях сохранились деревянные замки с замыкающими деталями своеобразной конструкции [5, 104]. А. А. Туаллагов предположил, что железные замки, найденные в Даргавсе, могли быть завезены из Византии, где встречаются подобные изделия того же периода, что и катакомбы Даргавса, а именно VIII-IX вв. (устное сообщение).

Безусловно импортным предметом является наконечник пояса с арабской надписью благопожелания – «лиль изз Ад-даим» – «на вечное уважение». Вряд ли этот предмет был куплен. Возможно, это подарок какого-либо араба-побратима или же трофей. Еще ранее VIII-IX вв. арабы пробивались на Северный Кавказ, и встречи мирного или военного характера с местным населением не были редки. Во всяком случае, эта уникальная находка может о многом

рассказать. Обстоятельный доклад об этом наконечнике сделал А. А. Туаллагов [6, 115-116].

Таким образом, импортные предметы, найденные в даргавсских катакомбах, попадали сюда разными путями: из Закавказья и через равнинную часть Алании, которую пересекали важные торговые пути, в том числе Великий шелковый путь.

Чаши-кубки из Даргавсских катакомб далеко не единичны в аланских древностях. В Государственном историческом музее в Москве, в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, в Естественно-Истори-ческом музее Вены среди предметов, найденных и переданных в эти музеи раскопщиками и даже грабителями древностей, имеются стеклянные кубки-чаши из аланских катакомб. Некоторые из этих коллекций уже издавались. Последняя публикация материалов из Чми и Кобани принадлежит доктору археологии Ангелике Хайнрих. Она считает, что кобанские катакомбы Чми – это «эпоха расцвета Хазарского Каганата», а территории, на которых фиксируются могильники Кобани и Чми, видимо, тоже находились под властью хазар. По мнению А. Хайнрих, аланы, оставившие катакомбы, не были оккупированы. Скорее всего, они были поставлены хазарами для охраны южных границ своего государства.

По ряду предметов из этой коллекции (поясные наборы, фибулы и др.) катакомбы Кобани и Чми датируются VIII-IX вв. [7, 202]. В статье Хайнрих приводятся рисунки этих чаш-кубков [7, 246, 256]. На трех из них орнамент в виде розетки, ромбиков – т.е. такие же элементы декора, как на даргавсских чашах-кубках. С даргавсскими материалами соотносится и ряд других категорий находок из Кобани и Чми. Это бусы, оселки, перламутровые диски, поясная пряжка с личиной на щитке, треугольные с рожками пряжки, колесовидные амулеты, фибулы, зеркала, пояс-

ные накладки, ножи с металлическим покрытием ножен, топоры, парадные украшения коня с бляхами и начельниками, серьги, кабаньи клыки, украшенная серебряными накладками рукоять палаша-сабли и др. Совпадают и датировки памятников из Кобани, Чми и Даргавса – VIII-IX вв.

О чашах-кубках П. С. Уварова говорит, что стеклянные сосуды в катакомбах Кобани и Чми состоят преимущественно из невысоких (7-8 см) ковшей-стаканов, из грубого зеленого стекла, покрытых по поверхности направленной волной или рисунком, составленным из звезд и трилистников «с сильным влиянием востока» [8, 136]. Орнамент из «звездочек» и «трилистников» – это розетки, один из элементов декора чаш-кубков. Орнамент этот отмечен как на даргавсских кубках, так и на кобанских. Могильник в с. Балта также датируется VIII-IX вв.

В 1977 г. около с. Тарское Э. С. Кантемиров в ходе спасательных археологических раскопок катакомбного могильника собрал значительный материал аланского времени. Среди вещевых находок в погребальных комплексах имеются два кубка, причем оба орнаментированы: первый – «мальтийскими» крестами и овалами, расположенными на внешней поверхности сосуда по кольцу, и второй – вертикальными ромбиками и вертикальными столбиками-полосками между ними. Материал из этих катакомб почти идентичен материалу даргавсских катакомб. Поэтому в публикации материалов Тарского могильника авторы, опираясь на аналогии и на арабскую монету, датировали его также VIII-IX вв. [2, 272].

В раскопанном В. А. Кузнецовым Змейском катакомбном могильнике также были найдены стеклянные сосуды – чаши-кубки. В катакомбе №66 было найдено две чаши: одна из них находилась против входа и была частично повреждена, а другая была обнаружена в ногах четвертого погребенного в той же катакомбе. Судя по рисунку [9, 333,

рис. 9, 7], сосуд был орнаментирован или, скорее, декорирован частыми косыми полосами слева вниз направо. В. А. Кузнецов датирует Змейский могильник XI-XII вв. [9,359]. Наличие стеклянных чаш-кубков в погребениях алан XI-XII вв. говорит об устойчивости традиции снабжения покойников стеклянными сосудами.

Еще один аланский могильник содержал в погребениях стеклянные чаши-кубки. Это хорошо исследованный А. А. Иерусалимской памятник «Мощевая балка». Среди находок – фрагменты чаш-кубков, по мнению автора исследования – стеклянных сосудов «светского» (предназначавшихся для питья) и «ритуального» назначения (лампадки). Вероятность такого толкования вполне правомочна. Однако в погребениях Тарского могильника оказывается точно такой же сосуд, вернее, с такой же орнаментикой – «мальтийский» крест с кружочками-«слезками» на концах [2, табл. XXIII, 1]. Вряд ли в Тарской катакомбе этот сосуд был ритуального назначения.

Вообще вопрос о чашах-кубках достоин специального изучения, поскольку их они использовались не только как простые сосуды для питья. Перед нами уходящий в глубокую древность образ чаши-кубка, преподносимой герою, часто уважаемому человеку. Надо полагать, снабжение покойника чашей-кубком было атрибутом посмертного проявления уважения к погребаемой особе. Начиная от легендарных нартов до осетин недавнего времени, преподнесение почетного бокала было обязательным актом, подчеркивавшим уважение к присутствующей на пиру знатной личности, проявившей особую отвагу, геройство или совершившей какое-либо важное для общества деяние. Конечно, нельзя обойти и знаменитую чашу героя, отличившегося в сражениях скифа, которому подавали особый бокал, а то и два, что запечатлено в скифском рассказе Геродота. Мотив почетного бокала *нуазæн* красной

нитью проходит через всю историю осетинского народа и доходит до наших дней – это почетный кубок, подносимый гостю [10, 215].

Подводя итог, следует сказать, что найденные среди аланских древностей предметы импортного происхождения говорят о достаточно устойчивых торговых связях алан с окружающим миром. Приобретение импортных товаров населением Даргавса не обязательно происходило именно в Даргавсской котловине. Купля-продажа-обмен могли вестись на ближайших торговых магистралях, с которыми жители Даргавса легко связывались: рядом, через Дарьяльское ущелье, проходила дорога в Закавказье, к северу через Кобанское ущелье имелся выход на равнину, где довольно близко пролегали торговые пути через Северный Кавказ, в том числе и Великий шелковый путь. Так что даргавсцы вовсе не были ограничены в торговых связях. Количество стеклянных изделий, бус и иных предметов импорта в горных ущельях ничуть не меньше, чем на равнине, в могильниках равнинной Алании.

Следовательно, жители гор и равнины Алании жили единой жизнью, у них одна материальная культура, единая духовность. Возможно, горные аланы были менее расслоены в экономическом отношении, и это положение сохранялось довольно долго, почти до нового времени.

1. Иерусалимская А. А. Мощевая балка. СПб., 2012.

2. Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский могильник // Аланы: история и культура. A1anika III. Владикавказ, 1995. С. 259-314.

3. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005.

4. Маркович В. Н. Сердолик – «камень счастья» // Материалы и исследования по археологии. М., 1965. Т. 130. С. 270-274.

5. Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.

6. Дзаттиаты Р. Г., Туаллагов А. А. К вопросу об алано-арабских связях // XXXVI Крупновские чтения. Магас, 2010. С. 115-116.

7. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. A1anika III. Владикавказ, 1995. С. 184-258.

8. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Т. VIII.

9. Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. A1anika III. Владикавказ, 1995. С. 315-362.

10. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.

Известия СОИГСИ. Вып. 19 (58). Владикавказ, 2016. С. 5-16.

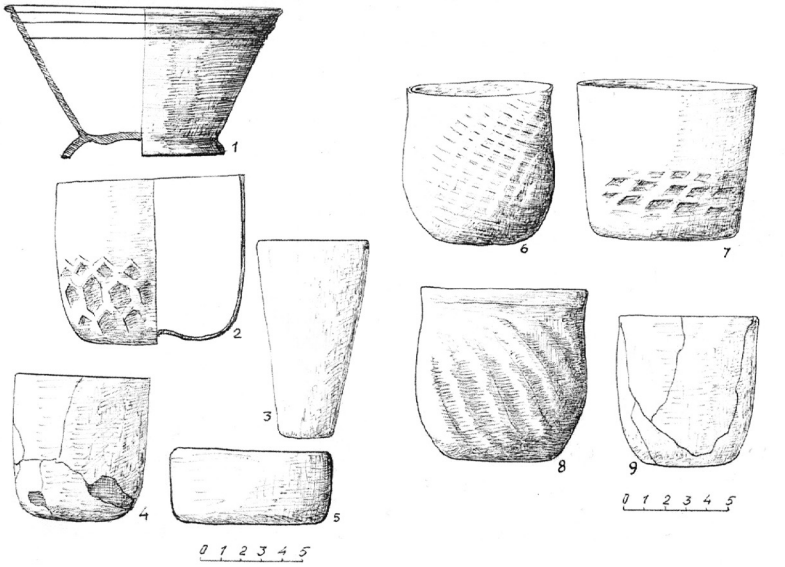


Табл. I

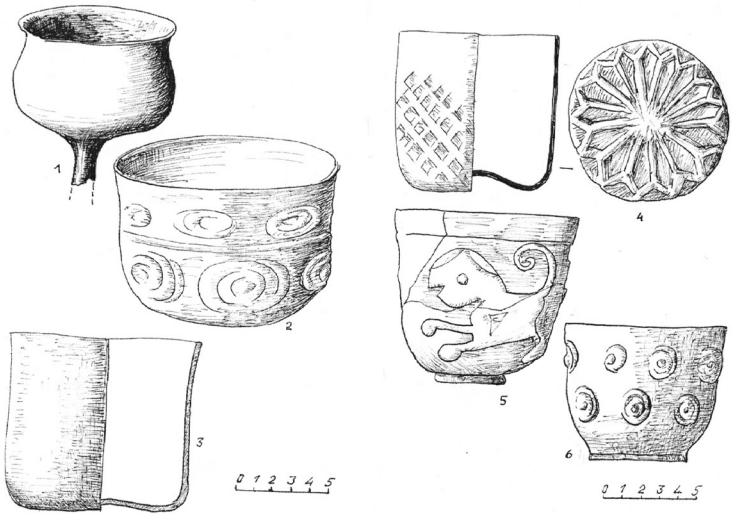


Табл. II

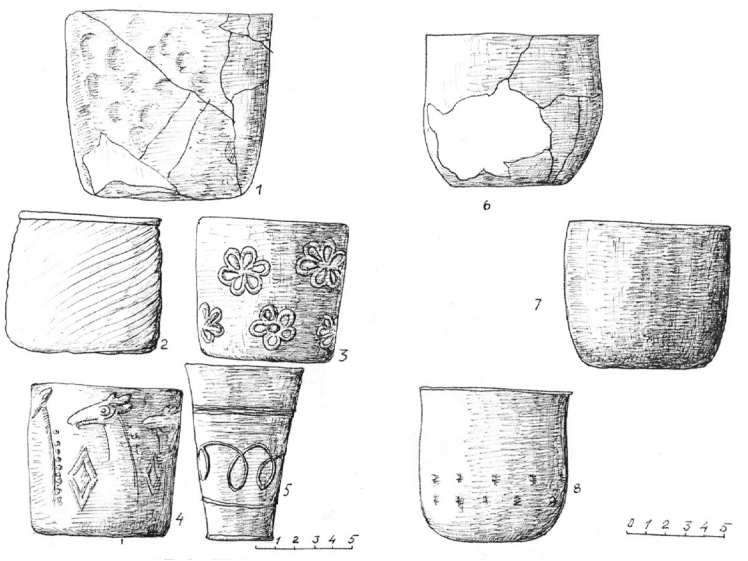


Табл. III

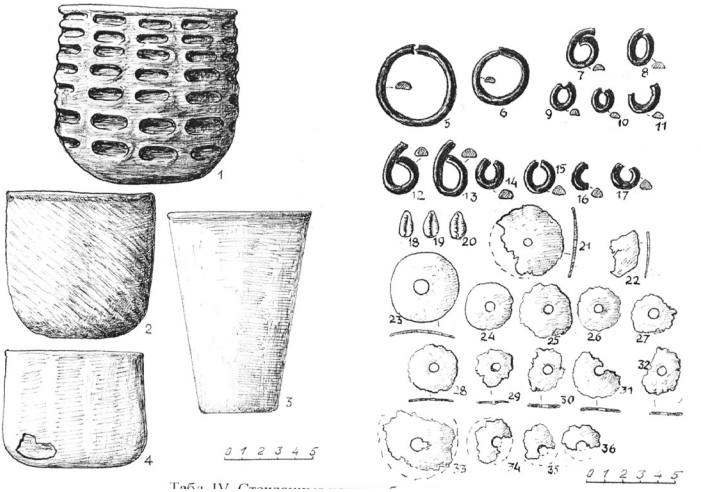


Табл. IV

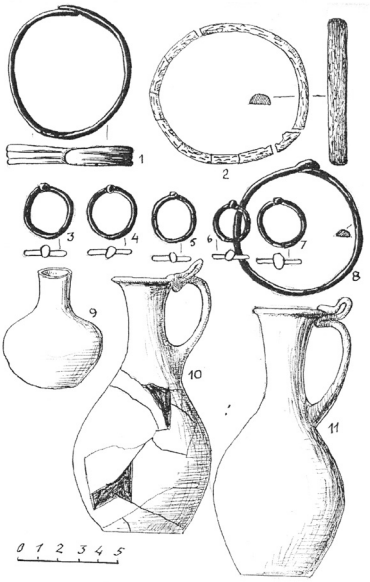


Табл. V

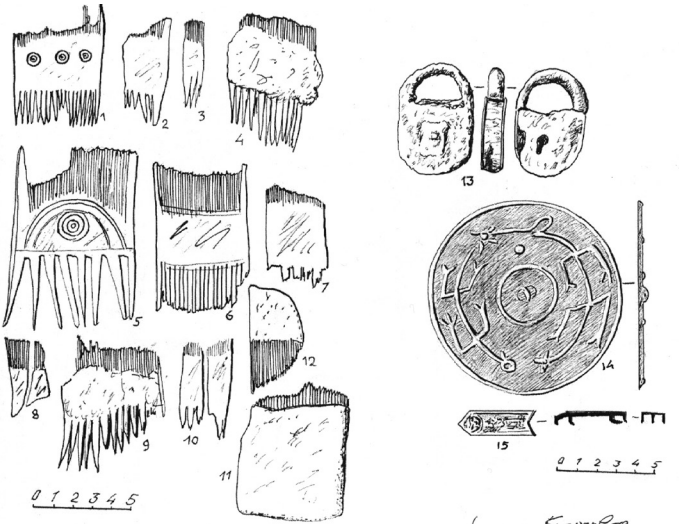


Табл. VI

ЕЩЕ РАЗ О СКИФСКИХ БЛЯШКАХ

*В статье дается подробное описание золотых бляшек с изображениями скифов; проводятся параллели между древними обрядами, в частности, освященными клятвой – **ard**-ом, на основе которых устанавливаются скифо-осетинские связи.*

Ключевые слова: *скифы, клятва, осетины, одежда.*

Предметы скифского искусства, скифская торевтика, давно уже привлекли внимание историков, археологов, этнографов, искусствоведов. Они успешно и интересно интерпретируются, раскрывая перед нами смыслы и содержание сцен, объектов поклонения, предметов украшений, быта, вооружения и прочих артефактов, живо сохранивших картины быта, жизни, верований или иных представлений оставившего их народа.

Надо полагать, что ни один предмет из скифских древностей не остался без внимания, и вместе взятые они зримо воспроизводят наши представления об этом легендарном народе древности.

Наше внимание привлекают миниатюрные украшения одежды знатных скифов, хранящиеся в государственном Эрмитаже [1, табл. 142, 196].

Одним из любопытных и неординарных обычаев скифов является обряд побратимства, замечательно воспроизведенный на золотых бляшках мастерами-граверами. Кем были эти мастера – установить невозможно, но они прекрасно были осведомлены о нравах и обычаях скифов, тонко подмечавшие нюансы совершения обряда побратимства, а это без личного знакомства со скифами вряд ли возможно, они могли быть скифами, мастерски овладевшими ювелирным искусством.

Проведем описание этих предметов.

1. В 1830 году П. Дюбрюксом в кургане Куль-Оба (около Керчи) была найдена золотая бляшка из листового металла размером 5х^3,7 см, которая изображает двух скифов, пьющих из одного ритона или рога, при этом оба персонажа держат сосуд. Изображенный слева сидит, а субъект справа – коленопреклоненный. Оба персонажа в короткой плечевой одежде с опушкой, подпоясанной в талии. Оба в штанах свободного покроя с длинными штанинами, на ногах мягкая обувь, но правая нога сидящего скифа без обуви, т.е. он частично разут.

Представляется, что этот персонаж старше: он сидит, да и рука его держит рог сверху. Видимо, он первый отопьет напиток из рога: края рога у него ближе к губам. Возможно, старшинство подчеркивается его разутой ногой. У осетин, генетических потомков скифов, особое уважение к старшим проявлялось в мытье ног младшими (позднее эта функция выполнялась невесткой).

2. В 1913 году Н. Веселовским при раскопках Кургана Солоха (близ Запорожья) были найдены золотые бляшки, крепившиеся к штанам погребенного, и тоже с изображением двух персонажей, держащих рог или ритон, готовившихся выпить из него.

Оба изображенных субъекта стоят на коленях, оба в плечевой одежде с расстегнутым воротом. Оба длинноволосые. Фигуры слабо детализированы и выполнены менее искусно, чем бляшка из Куль-Оба.

За разъяснением сюжета в первую очередь обращаемся к «Истории» Геродота, автора V века до н.э., довольно красочно описавшего в четвертой главе «Мельпомена» многие обычаи и обряды скифов.

«Все договоры о дружбе, освященных клятвой, у скифов совершают так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез но-

жом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» [2, 204].

Изображенные на бляшках скифы совершают именно этот обряд побратимства, причем побратимства военного порядка. Недаром в чашу погружают предметы вооружения. Обряд этот совершался не уединенно, а в присутствии уважаемых людей, что было, безусловно, как престижно, так и торжественно.

Обычай этот был настолько живуч и традиционен, что и автор уже I века Лукиан Самосатский в одном из своих диалогов устами своего персонажа скифа Токсарида говорит об этом обычае скифов. «И вот когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и величайшая клятва: жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга.

При этом мы поступаем так: надрезав себе пальцы, мы собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пьем из нее, после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить».

Эти бляшки и описание обычая обряда побратимства у скифов напоминает обычай «Ардхæрын» у осетин. Л. А. Чибиров в осетинской этнографической энциклопедии прямо указывает, что это наследие скифов и иллюстрирует известной бляшкой [4, 80]. При этом ссылается на В. И. Абаева, который «Ардхæрын» возводит к ард. Осетинское ard переводится в словарях «клятва», но этим ни в какой мере не исчерпывается его семантика. В таких выражениях как Xucawuard – Божий ard, zaxxyard – ard земли, adamyard – ard народа и др. ard выступает как магическая сила.

В прошлом этот термин имел, несомненно, культовое значение и анонимный автор V века был… совершенно

прав, когда он аланское название Феодосия – Ardabda перевел «город семи богов» [5,60-62].

М. М. Ковалевский, описывая систему искусственного родства-побратимства у осетин, упоминает и о **ard.** «Оно принадлежит, по-видимому, к числу исконных явлений в быте осетин, так как упоминание о нем можно встретить в сказании о любимом народном богатыре или нарте Урузмаге. Желающие вступить между собою в ту тесную связь, которая обнимается понятием побратимства, обыкновенно пьют из той чаши, бросивши в нее предварительно какую-нибудь мелкую монету, при этом произносится молитва, чтобы братство навсегда осталось прочным и нерушимым. Нередко также следует между побратавшимися обмен оружия» [6, 314].

О присяге «ard» в обычном праве осетин довольно основательную и скрупулезно рассмотренную в разных проявлениях статью написал Джантемир Шанаев, отметивший, что «в юридической жизни осетин присяга – ard – занимает одно из самых видных мест в ряду тех действий, совокупность которых составляет собственно обычное право осетин» [7, 1].

С течением времени меняется все, меняются и обряды. Вернее, они видоизменяются, но суть, содержание, смысл сохраняются.

Вот что писал об обряде побратимства декабрист Владимир Сергеевич Толстой после посещения святилища Рекомы Уастырджи в Цейском ущелье. «В углу лежала огромная куча пополам изломанных стрел. Сопровождавшие меня старики осетины пояснили, что в давние времена был здесь воинский обычай брататься следующим образом: два воина отправлялись к Рекому, из каждого колчана вынимали по стреле, перемешивали их, одну переламывали, и оба куска оставляли в стенах Рекома. Это обязывало с самоотвержением оборонять друг друга в бою, а в случае

гибели одного побратима другой должен вынести тело из сражения и похоронить его» [8, 122].

Уже в 20-е годы XX века Бекыза Каргиев подробно описал совершение обряда побратимства, надо полагать, наблюдавшийся им в Куртатинском ущелье, откуда он был родом.

По Б. Каргиеву, взаимоотношения между побратимами были примером для добрых тесных отношений не только между семьями побратавшихся, но они влияли на отношения и между фамилиями (выходит, что побратимы представляли разные фамилии). Но в клятве, так или иначе, подчеркивалось военное составляющее обряда – быть верным соратником в сражении до последнего [9, 156-158].

Наконец, Б. А. Калоев в обстоятельной монографии об осетинах также описывает обряд побратимства, считая его древнейшим и близким к скифскому: «У осетин ритуал побратимства таков: братающиеся наполняли бокал аракой или пивом и бросали туда монетку, и каждый трижды пил из бокала, клянясь в верности. Слова клятвы примерно следующие: «Пусть этот напиток станет для меня отравой, пусть эта монетка напоится злобой, если я не буду любить тебя как своего брата!», или же: «Я клянусь в верности на этом серебре и этом золоте!». После клятвы монетка передавалась младшему из братающихся» [10, 200].

Как видно из описаний обряда, он видоизменялся, но это было необычное установление, хоть и фиктивного, но родства, основанного на воинском братстве. Оно, видимо, проявлялось по-разному, но во время сражения побратимы особенно оберегали друг друга. И это единство в бою было запечатлено, как и обряд выпивания из одной чаши, после произнесенной клятвы также на бляшке, найденной в том же кургане Куль-Оба.

3. Золотая бляшка из листового металла размером 4,1х^{2},8 см, выполненная в той же технике, как изображение

братающихся скифов [1, табл. 197].

На бляшке два скифа, стоящие в боевой позе с натянутыми луками спиной друг к другу. Одеты в короткую плечевую одежду с опушкой по краям, опоясаны. Оба в мягкой обуви, в которую заправлены штанины. У щиколоток обувь перевязана. У обоих персонажей волосы собраны в пучок на затылке. Левый персонаж усат и бородат, правый – безусый, безбородый.

Надо полагать, что эти детали – заправленные в обувь штанины и собранные в пучок волосы на затылке – отражают подготовленность к бою: ничто не должно сковывать действия воина (так во время сражения осетины, да и другие горцы, закатывали рукава черкесок, а полы затыкали за пояс за спиной).

Что касается позы стрелков, то это обычная поза страхующих друг друга воинов, кстати, применяющихся доныне во время активных действий спецназовцами, но уже с автоматами.

Говоря в целом о скифских бляшках с изображениями скифов, надо отметить живучесть древних обрядов, особенно освященных клятвой – аг**d**-ом. Осетины сохранили эти элементы обрядности, и перед нами еще одна из множества скифо-осетинских параллелей.

Примечания

1. Saythian art. Aurora art publishers. Leningrad,1986.

2. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

3. Лукиан. Собрание сочинений. Т.I. М.-Л.: ACAMEDIA, 1935.

4. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013.

5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.I. М.-Л., 1958.

6. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1986.

7. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.VII. Тифлис, 1873.

8. Толстой В. С. Сказания о Северной Осетии. Владикавказ: Иристон, 1997.

9. Къарджиаты Бекызæ. Ирон æгъдæуттæ. Дзæуджыхъæу, 1991.

10. Калоев Б. А. Осетины. Изд. 2-ое. М.: Наука, 1971.

Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 16. Владикавказ, 2016. С. 188-193.

Научное издание

ИЗБРАННОЕ. АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ ОСЕТИИ

Сборник научных трудов Р.Г. Дзаттиаты

Издано в авторской редакции

Технический редактор *Маслов Е.Н..*
Компьютерная верстка *Черная А.В.*
Дизайн обложки *Макарова Е.Н.*

Подписано в печать 18.12.2018.
Формат бумаги 70×108 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная. Печать цифровая
Гарнитура шрифта «Myriad». Усл. п.л. 37,1
Тираж ??? экз. Заказ №???.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3